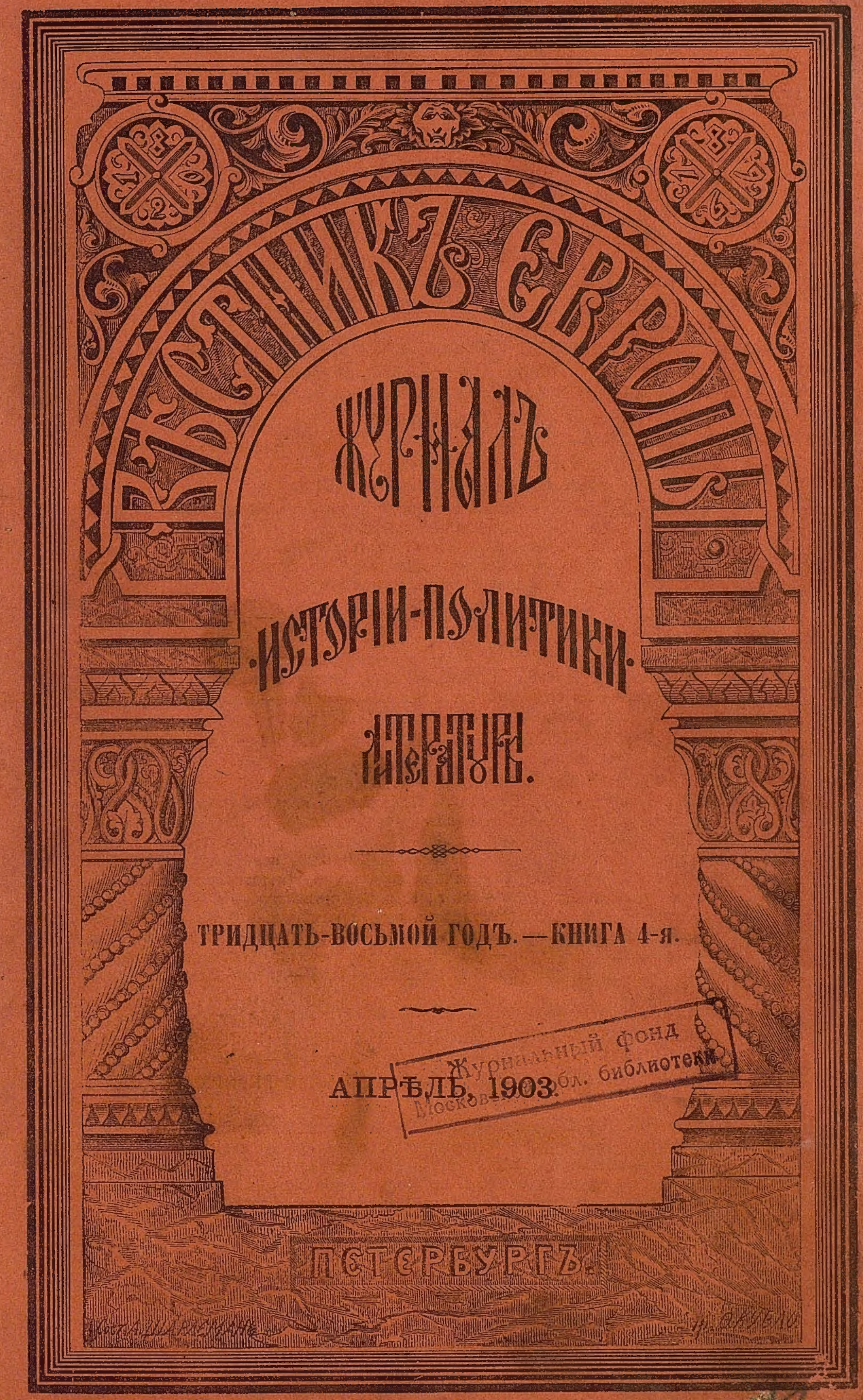

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1903.

Стр.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ
НЕКРАСОВЪ

ОЧЕРКЪ.

Опредѣляя различие между обыкновеннымъ человѣкомъ и поэтомъ, Гёте въ уста Тассо влагаетъ слѣдующій стихъ:

„Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott, zu sagen was ich leide“.

Такое необычное въ своей несложности и сжатости опредѣленіе прежде всего выясняетъ субъективную сторону творчества, и притомъ, именно, лирическаго; изъ него ясно вытекаетъ основательность того требованія, которое обыкновенно предъявляетъ критика къ лирикамъ,—требованіе искренности въ процессѣ творчества, а слѣдовательно и цѣльности человѣка въ этотъ моментъ.

Переходя къ объективной сторонѣ, къ содержанію поэтическаго произведенія, тотъ же Гёте въ „Фаустѣ“ говоритъ:

„Greift nur hinein in's volle Menschenleben!
Ein Jeder lebt's, nicht Vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant“.

Слѣдовательно, расширяя рамки міросозерцанія поэта, вводя въ его внутренній, болѣе или менѣе фантастическій міръ явленія дѣйствительной жизни, какъ матеріалъ, онъ гарантируетъ поэту, что эта жизнь, этотъ кусокъ, такъ сказать, ея, захваченный въ область поэтическаго творчества, станетъ „интереснымъ“ въ возвышенномъ значеніи слова.

Какъ именно совершается этотъ процессъ претворенія дѣйствительности въ художественное произведеніе—давно и напрасно стараются выяснить критики всѣхъ вѣковъ и народовъ. Существуетъ множество опредѣленій, болѣе или менѣе удачныхъ или неудачныхъ, самое внимательное разсмотрѣніе которыхъ никогда не приводило къ ясному пониманію сущности творческаго процесса; тѣмъ болѣе безплодными оказывались всѣ попытки построить теорію искусства такъ, чтобы путемъ простой дедукціи можно было установлять рядъ руководящихъ правилъ, годныхъ для поэтовъ и ихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно въ этомъ смыслѣ вывести для первыхъ или вторыхъ даже изъ приведенной выше общей формулы, шире другихъ охватывающей изслѣдуемый нами процессъ: „дѣятельность поэта сводится къ непосредственному воспріятію жизни и затѣмъ къ отраженію въ произведеніи того общечеловѣческаго содержанія и значенія ея, которому онъ далъ въ произведеніи искусства новую самостоятельную жизнь"? И однако, выучить этому чуду никого нельзя; это настолько же невозможно, насколько немыслимо указывать человѣку въ его безсознательной психической дѣятельности въ тѣхъ глубинахъ, куда не достигаетъ сознаніе, тѣ или другіе рецепты мышленія или чувствованія.

Тѣмъ не менѣе, поэтъ не можетъ не творить, а настоящій критикъ тоже удовлетворяетъ живущей въ немъ глубокой потребности духа, изслѣдуя критически художественное произведеніе. Разумѣется, какъ и въ древнія времена, такъ и нынѣ чудо искусства совершается двумя путями: *наитіемъ* и *подражаніемъ*. Поэтъ, съ одной стороны,—прорицатель, вдохновленный свыше, съ другой стороны—воспроизводитель наблюденнаго. Онъ говоритъ, потому что долженъ высказать то, что въ немъ назрѣло, что запало въ его душу изъ жизни, и высказываетъ это тонами, цвѣтами и формами этой жизни. Но именно то же и такъ же дѣлаетъ критикъ, для котораго въ большинствѣ случаевъ художественное произведеніе или самъ поэтъ—только отправный пунктъ.

Это подобіе, въ геометрическомъ смыслѣ слова, творчества какъ поэта, такъ и художественнаго критика, за невозможностью рецептовъ, съ особой силою указываетъ на необходимость для той и другой дѣятельности одного основного условія. Это условіе—искренность.

Искренность воспріятія, искренность переживанія, искренность воспроизведенія. Вотъ три фазиса всякой художественной дѣятельности. Вотъ почему Тассо, какъ и всякій поэтъ, умѣя выразить свое горе, находитъ одновременно утѣшеніе и насла-

жденіе въ творческомъ процессѣ: эта способность умиротворять и давать одновременно наслажденіе сообщаетъ глубокій интересъ той сѣрой дѣйствительности, которою овладѣлъ поэтъ или критикъ на радость читателю и цѣнителю.

I.

Достаточно этихъ бѣглыхъ замѣчаній, чтобы понять неизбѣжность и справедливость того строгаго запроса, который особенно настойчиво предъявляется къ поэту-лирику, какимъ былъ Некрасовъ,—того требованія отъ него искренности и цѣльности въ данный творческій моментъ, которое съ такой настойчивостью ставилось ему при жизни и постоянно выдвигается вотъ уже 25 лѣтъ послѣ его смерти, какъ только ставится вопросъ о значеніи его поэзіи, какъ поэзіи. Не легко сразу указать на другого поэта, относительно котораго въ такой степени, какъ это было по поводу Некрасова, раздѣлялись бы мнѣнія и современниковъ, и потомковъ. Не прошло восьми лѣтъ послѣ смерти поэта, какъ очень напоминавшій Бѣлинскаго своей горячностью философъ-публицистъ Вл. С. Соловьевъ, перечитывая „Послѣднія пѣсни" Н. А. Некрасова, произнесъ въ частномъ письмѣ стихотворный ему приговоръ, нашедшій себѣ затѣмъ мѣсто въ собраніи сочиненій Соловьева:

„Восторгъ души—разсчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ".

Не такъ смотрѣли на Некрасова его современники, пережившіе его поэты, такіе же дѣятели шестидесятыхъ годовъ, какъ и онъ. Восторженный поклонникъ „доблестнаго подвига", Плещеевъ посылаетъ Н. А. на Новый годъ привѣтъ, адресованный имъ:

„Всѣмъ врагамъ неправды черной,
Возстающимъ противъ зла,
Не склоняющимъ покорно
Передъ пошлостью чела".

Полонскій, вспоминая время болѣзни Некрасова, когда онъ говорилъ съ трудомъ,—

„Когда, гражданству насъ уча,
Онъ словно вспыхивалъ и таялъ, какъ свѣча",

—отмѣчаетъ, что „передъ дверями гроба“ онъ былъ бодръ, невозмутимъ,—

...„Глядѣлъ бойцомъ, а не рабомъ.
И вѣрилъ я ему тогда,
Какъ вѣщему пѣвцу страданій и труда!“

—прибавляетъ Полонскій. Престарѣлый Яковъ Петровичъ слышалъ шумъ молвы, кричавшей о дѣятельности почившаго поэта, „что это были все слова—слова—слова“; что онъ только „тѣшился“ козырной литературною игрою; что двигателями Некрасова были „то зависть жгучая, то ледяной разсчетъ“,—рѣшительно выступаетъ на защиту его.

„Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой;
. . . .
Молва и слава—два врага;
Молва мнѣ не судья, и я ей не слуга“...

—вотъ общая формула независимаго мнѣнія, о непреложности которой „ужъ столько разъ твердили міру“, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ многіе и многіе продолжаютъ при имени Некрасова черпать изъ „запоздалой молвы“ самыя недостовѣрныя, хотя и безразличныя въ сущности свѣдѣнія, чтобы, осуждая человѣка, попасть въ поэта. Мы не займемся опроверженіемъ такихъ „личныхъ“ обвиненій, недостойныхъ памяти поэта. Ставя на первый планъ, по приведеннымъ выше основаніямъ, а не съ точки зрѣнія защиты Некрасова, искренность его какъ поэта и его цѣлостность какъ дѣятеля на этомъ поприщѣ, мы несомнѣнно должны считаться со сложными и многообразными вліяніями, среди которыхъ протекала эта дѣятельность. Некрасовъ пережилъ сознательно, и уже работая въ литературѣ, 40-ые, 50-ые, 60-ые и 70-ые годы. Высоко подняла его на широкомъ хребтѣ волна 40-хъ годовъ еще на чужомъ кораблѣ, подъ управленіемъ опытнаго кормчаго, „неистоваго Виссаріона“; повиснувъ, въ слѣдующій за ними историческій моментъ, надъ разверзшейся черной глубиною, онъ самъ схватился за руль и вновь на шумящемъ и пѣнистомъ гребнѣ 60-хъ годовъ плылъ уже самостоятельно, сквозь буруны и между камней, къ берегу, усмотрѣнному имъ вдали. Здѣсь, на твердой почвѣ, въ 70-хъ годахъ, наблюдаетъ онъ ту русскую сумятицу, которая вѣчно бьется о берегъ,—

„Какъ волны объ утесъ“.

Стоитъ себѣ представить ясно и наглядно эти условія, въ которыхъ развивался и творилъ Некрасовъ, чтобы понять невоз-

можность предъявляемыхъ къ нему требованій не цѣльности только, но какой-то монолитности. Онъ не былъ жрецомъ чистаго искусства, какъ Аполлонъ Майковъ, и не съ Парнасса смотрѣлъ на жизнь; не уходилъ онъ также отъ нея въ поэтически-мечтательную даль, изъ которой доносятся до насъ созерцательныя формулы Полонскаго. Трудно было Некрасову, находясь въ центрѣ горячей борьбы, давать Тургеневскій эпически-спокойный откликъ мятущейся жизни; не мудрено, что въ темный, опасный періодъ реакціи 50-хъ годовъ, когда ему приходилось спасать отъ бури „Современникъ", двадцать лѣтъ, благодаря Некрасову, бывшій маякомъ русской журналистики, мудрено и невозможно было ему сохранять гармоническую неподвижность античной статуи; а между тѣмъ такой цѣлостности, близкой къ мраморности, требуютъ отъ него люди, недостаточно ясно представляющіе себѣ ужасную обстановку тогдашней активной реакціи,—иначе нельзя выразиться, — во время той темной грозовой ночи, которая покрывала Россію въ 50-хъ годахъ. Нѣкоторое только понятіе объ этомъ могутъ дать стихотворенія Аксакова, въ которыхъ онъ восклицалъ: „Пусть гибнетъ все"—и, не обинуясь, пояснялъ со свойственной ему прямотою:

„Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь".

Наступилъ разсвѣтъ, поднялась заря, взошло солнце реформъ, но сряду же недовѣріе къ нимъ со стороны коснаго вліятельнаго большинства надолго помрачило открывшійся-было день: наступило смѣшеніе языковъ; реакціонеры-радикалы величали себя консерваторами, сторонники введенныхъ уже реформъ—настоящіе консерваторы—назывались либералами и оказывались, будто бы, въ союзѣ съ нигилистами-радикалами. Послѣдніе, недовольные въ своемъ радикализмѣ даже титуломъ Базарова, не хотѣли признавать суроваго климата нашей родины и въ лицѣ даже лучшихъ представителей своихъ нападали на тѣхъ, кто еще сохранялъ способность ясно видѣть и опредѣленно называть вещи своими именами.

Среди этого „царюющаго зла", Полонскій, въ своихъ „Письмахъ къ музѣ", замѣчалъ:

„Если пѣснь моя туманна,
Значитъ, жизнь еще туманнѣй,
Значитъ, тамъ и зги не видно,
Гдѣ былъ виденъ парусъ ранній".

А какъ „злились" на него, за правдивыя барометрическія по-

казанія въ его пѣсняхъ, тѣ, которые не находили удобнымъ и нужнымъ, чтобы былъ „такъ вѣренъ этотъ градусникъ Свободы“; много „градусниковъ“ въ это смутное, „туманное“ время намѣренно и ненамѣренно показывало неправду:

„Эти градусники лгали
До того, что мы въ морозы
Нараспашку выбѣгали
Поглядѣть,—растутъ ли розы?..“

Въ лирикѣ Некрасова сквозитъ необыкновенный въ своей проницательности и смѣтливости умъ, который ясно понималъ, что не только морозная погода или климатъ, какъ нѣчто внѣшнее, мѣшаютъ расцвѣсти розамъ,—онъ видѣлъ причины внутреннія, такъ сказать:

„Захватило насъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ“...

—пишетъ онъ въ 1860 году въ „Рыцарѣ на часъ“, и кратко-безотрадно опредѣляетъ судьбу современниковъ:

„Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано“.

Еще ранѣе этого суроваго приговора, въ 50-хъ годахъ, онъ скорбитъ о томъ, что „убилъ подъ тяжестью труда—праздникъ жизни, молодости годы“; этотъ трудъ мелкаго издателя, мелкаго сотрудника всякихъ журналовъ, сблизивъ Некрасова съ литературнымъ міромъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ то же время укрѣпилъ жившаго въ немъ практичнаго ярославца; затѣмъ, ставъ богатымъ человѣкомъ, онъ всю жизнь, однако, чувствовалъ на плечахъ гнетъ этой, вошедшей въ его плоть и кровь, практической философіи; вслѣдствіе этого, въ самыя патетическія творческія минуты, онъ, несомнѣнный поэтъ, скептически относится къ своему призванію:

„Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!“

—и какъ бы мирясь съ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ „творящаго искусства“, онъ твердо заявляетъ (1855 г.), что въ немъ—

„Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая теплится любовь“.

Это скептическое отношеніе къ самому себѣ, ко времени 70-хъ годовъ, выростаетъ уже не въ гражданскую скорбь только, а въ пессимизмъ, благодаря которому Некрасовъ надѣется на успѣхъ

реформъ среди неготовыхъ къ трудной борьбѣ, стоящихъ лицомъ къ лицу съ „безличными“ врагами, „со стонами ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“.

Не напрасно именно въ виду этого даетъ Полонскій Некрасову титулъ *вѣщаго*: мы знаемъ, что борьба противъ упроченія великихъ реформъ идетъ до сихъ поръ, и что правъ былъ Некрасовъ, говоря о любви, „что добрыхъ прославляетъ и клеймитъ злодѣя и глупца“, что эта любовь:—

„...вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца“.

Къ 70-мъ годамъ, и въ сознаніи общественномъ, и въ поэзіи Некрасова, этотъ скептицизмъ,—питаемый безконечнымъ рядомъ поправокъ, постепенно подрывавшихъ судебное, земское, печатное, городское дѣло,—окончательно окрѣпъ и особенно полно выразился въ длинной сатирической поэмѣ, постепенно выходившей въ свѣтъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, подъ заглавіемъ: „Кому на Руси жить хорошо“.

Было бы странно, еслибы на пространствѣ четырехъ десятилѣтій литературной дѣятельности, въ теченіе которыхъ смѣнялись самыя противоположныя вѣянія, Некрасовъ остался неизмѣннымъ, хотя бы и на этой симпатичной ступени, на которую поставило его близкое общеніе съ людьми сороковыхъ годовъ: и время мѣнялось, и человѣкъ долженъ былъ рости.

Въ этомъ случаѣ требованіе цѣлостности отъ художника можетъ сводиться только къ тому, чтобы, отражая въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительную жизнь, онъ не подчинялся при оцѣнкѣ ея вѣяніямъ, не столько ошибочнымъ, можетъ быть, сколько противорѣчащимъ его общему направленію. Въ этомъ смыслѣ даже такія уклоненія, примѣры которыхъ въ жизни Некрасова общеизвѣстны и которые онъ называлъ „паденіями“ и „позорными пятнами“, не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о цѣльности его поэтической личности; эти уклоненія, имѣющія почти исключительно эпизодическій характеръ въ жизни Некрасова, какъ журналиста, ни разу не раздвоили лирика, пѣвца какъ освобожденія и счастія народнаго, съ одной стороны, такъ и его горя и бѣды—съ другой. Въ этой области Некрасовъ былъ всегда однимъ и тѣмъ же, цѣльнымъ дѣятелемъ; однако, именно здѣсь недостаточно внимательное изученіе его произведеній вводило иныхъ критиковъ въ ошибки. До самого Некрасова не разъ доходили, повторяемыя порой и нынѣ, обвиненія его въ томъ, что, по отмѣнѣ рабства, онъ все еще пѣлъ о немъ, и что

вообще онъ громитъ то, что громить уже стало ненужнымъ и безопаснымъ. Не нужно, однако, забывать, что недюжинный умъ Некрасова не могъ не видѣть изнанки своеобразнаго русскаго прогресса, не могъ не ратовать противъ того, что—

„Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ,
Люди придумали много иныхъ“.

Вспоминая въ „Дѣдушкѣ“ мрачный періодъ передъ крымской войной, Некрасовъ пишетъ:

„Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ—имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.
Стоны рабовъ заглушая
Лестью да свистомъ бичей,
Хищниковъ алчная стая
Гибель готовила ей“...

И такъ какъ —

„Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ“,

—то и наступила для до-реформенной Россіи пора,—

„Гдѣ не покорность нѣмая,
Дружная сила нужна“...

И вдругъ оказалось, что—

„Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! Народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой“!..

Когда это пессимистическое настроеніе, оправданное впослѣдствіи исторіей, въ наступившія затѣмъ десятилѣтія, — внушило Некрасову недостаточно понятую во время ея появленія сатирическую поэму: „Кому на Руси жить хорошо“, и критика напала на поэта за то, что онъ, будто бы, тянетъ старую ноту о голодѣ, холодѣ и цѣпяхъ,—Некрасовъ, въ „Элегіи“, написанной въ 74-мъ году, отвѣтилъ очень кратко и убѣдительно:

„Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба,
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьѣ...
„Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьѣ!“
Шепнула Муза мнѣ! Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?“

Пѣвецъ крестьянскаго горя, рельефными чертами изобразившій передъ горожанами сельскую страду, въ правѣ былъ спросить: „сноснѣе ли она стала"? Тотъ, кто предположилъ о русскомъ народѣ, что онъ „создалъ пѣсню подобную стону и духовно навѣки почилъ", въ правѣ былъ дальше спросить себя о томъ, внесла ли, наконецъ, свобода, пришедшая „на смѣну рабству долгому", перемѣну—

„Въ народныя судьбы, въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль такъ же горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?"

Вотъ почему и заспорившіе Некрасовскіе мужики-странники пошли по Руси въ чаяніи встрѣтить и посмотрѣть на того, „Кому на Руси жить хорошо".

Соблазняла ихъ на пути и „сытая попова пчела", и круглое брюшко помѣщика, и удалое притоптываніе солдата; однако, счастливаго такъ и не нашлось; махнули они рукой на счастье женское, „ключи къ которому затеряны у Бога самого", и кончилось все пѣніемъ „Соленой" и пѣснею о той торной дорогѣ, гдѣ „мысль смѣшна"—

„О жизни искренней,
О цѣли выспренней".

Эта пѣснь ангела милосердія, который „души сильныя зоветъ на честный путь", указала мальчику Гришѣ „иные—чистые—пути тернистые", указала быть тамъ,—

„Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится",

—стать пѣвцомъ освобожденія не именно крестьянъ, а вообще „униженныхъ, обиженныхъ"; на первый разъ Гришѣ удалась только пѣсенка съ риторическимъ концомъ о „спутницѣ дней славянина, которая—

....„въ семействѣ, покуда, раба,
Но мать уже вольнаго сына".

Некрасовъ заканчиваетъ поэму пѣснью, подъ заглавіемъ: „Русь", стараясь поднять духъ „вахлачковъ", но надо признать, что поэтъ намѣренно даетъ неудачную въ этомъ смыслѣ попытку, такъ какъ и въ началѣ, и въ концѣ этой пѣсни ясно звучитъ злая иронія въ парадоксальномъ припѣвѣ:

„Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь"!

И вотъ уснулъ Гриша, во снѣ услаждали слухъ его звуки „благодатные“,—

„Звуки лучезарные гимна благороднаго,
Пѣлъ онъ воплощеніе счастія народнаго“...

Этой пѣсни Некрасовъ не далъ, а подписалъ прозаически: „Октябрь 1876 г. Ялта“.

Это было за годъ до его смерти, и въ теченіе этого года онъ не захотѣлъ написать эту пѣсню, или, вѣрнѣе, не дождался воплощенія этого счастья.

II.

Ходячее представленіе о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ двойственномъ, въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ тому, что современники его въ шестидесятыхъ годахъ никакъ не могли отрѣшиться отъ оцѣнки его дѣятельности съ точки зрѣнія чисто сословной. Онъ все представлялся имъ помѣщикомъ, пишущимъ о мужикѣ. Съ другой стороны, люди послѣдующихъ поколѣній почти до нашихъ дней знакомились съ родной литературой исключительно по хрестоматіямъ, благодаря чему въ общественное сознаніе Некрасовъ вошелъ, собственно говоря, только своими народническими произведеніями. Не только вся проза его (до трехсотъ печатныхъ листовъ), но и сложная боевая литературная дѣятельность въ качествѣ редактора оставались и остаются почти въ сторонѣ.

Какъ поэтъ, онъ, разумѣется, наиболѣе ярокъ въ произведеніяхъ, посвященныхъ крестьянскому быту; но было бы большою ошибкою понимать его узко, въ качествѣ какъ бы спеціалиста, „пѣвца народнаго горя“. Только съ такой точки зрѣнія, только приписывая Некрасову ограниченный кругозоръ его эпигоновъ-народниковъ, можно было судить его не только по поводу отдѣльныхъ поступковъ, очевидно выходившихъ за предѣлы такой спеціальности, но даже за стиль и идею литературныхъ работъ въ родѣ, напримѣръ, „Медвѣжьей охоты“, и рядъ удачныхъ и неудачныхъ сатиръ на современниковъ, гдѣ онъ говоритъ, разумѣется, не какъ пѣвецъ вообще и въ частности не какъ пѣвецъ крестьянства. Не слѣдуетъ забывать, что долгое и близкое общеніе съ литературными кружками, начиная съ середины сороковыхъ годовъ, близость къ такимъ лицамъ, какъ Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій и Аполлонъ Майковъ, не могли не отразиться на

Некрасовѣ, пропитавшемся европейскими вліяніями, на которыхъ воспитались петрашевцы. Скорѣе слѣдуетъ удивляться тому, что въ то время, какъ образованная Россія сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ жила въ лицѣ представителей землевладѣльческихъ классовъ чуждыми русской жизни крохами, перепадавшими къ ней съ европейскаго стола, Некрасовъ, можно сказать, первый ребромъ поставилъ въ литературѣ вопросъ о крестьянахъ, какъ людяхъ, о мужикѣ, какъ о человѣкѣ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ справедливости моей оцѣнки этого времени могъ бы служить хотя бы тотъ фактъ, что публицистъ Писаревъ совсѣмъ не интересовался въ своихъ работахъ русскимъ крестьянствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже Бѣлинскій къ концу жизни, спускаясь съ высотъ гегельянства, сдѣлалъ первые шаги на томъ пути, на которомъ затѣмъ такъ твердо стоялъ мало жившій и много сдѣлавшій Добролюбовъ. Это былъ путь раскрытія правды жизни, жизни дѣйствительной, повседневной. Въ этомъ направленіи шла вся литературная работа Некрасова. Съ одинаковой любовью передаетъ онъ въ „Кому на Руси жить хорошо“ и скорбныя рѣчи попа, и неровное, порывистое повѣствованіе толстенькаго барина, рисуетъ времяпровожденіе Послѣдыша, наконецъ поетъ и „Бурлацкую“, и „Соленую“. Съ большой высоты посмотрѣлъ онъ на современную жизнь и, чуждый всякихъ сословныхъ предразсудковъ, видѣлъ, какъ—

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разскочилася,
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику“...

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ первомъ своемъ стихотворномъ сборникѣ „Мечты и Звуки“, семнадцатилѣтній Некрасовъ романтически-высоко опредѣляетъ призваніе поэта—

„Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ...
. . . .
Тотъ не поэтъ!
На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга
. . . .
„Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ толпѣ себя за злато,
Тотъ не поэтъ!“

Много спустя, во вступленіи къ „Пѣснямъ“ 1876—77 годовъ,

почти накунунѣ смерти, онъ такъ вспоминаетъ свою музу, своего „друга“ въ теченіе всей жизни:

„Ты силу чудную дала, въ колючій тернъ вплетая розы,—ты пытку вынесть помогла“...

„Приди на мой послѣдній зовъ!“—восклицаетъ онъ. И въ этомъ прощальномъ уже настроеніи не оставляетъ его глубокая вѣра въ свое поэтическое призваніе, и звучатъ въ немъ тѣ же мотивы мести и печали, которыми онъ началъ свое литературное поприще:

„Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, мщенья,
Зажги огонь въ моей груди!“

Какъ онъ глубоко понималъ типъ Рудина, переданный имъ, одновременно съ Тургеневымъ, въ поэмѣ „Саша“; и несомнѣнно скептическое отношеніе къ этому пустоцвѣту не мѣшало ему, однако, находить въ томъ же лагерѣ людей, которыхъ онъ чтилъ и которыхъ вспоминаетъ въ „Медвѣжьей охотѣ“, говоря о „либералѣ-идеалистѣ“.

„Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ“, съ „безпредѣльной печатью унынья на челѣ“, рисовался ему этотъ разъѣзжавшій по Европѣ верхоглядъ, картинно позировавшій затѣмъ у себя на родинѣ:

„Грозный дѣятель въ теоріи,
Безпощадный радикалъ,
Онъ на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избѣгалъ“.

И однако, поэтъ любилъ ихъ даже такими и требовалъ къ нимъ уваженія во имя прошлаго ихъ:

„Но кто твое держалъ когда-то знамя,
Тѣхъ не пятнай!
Не предали они, они устали
Свой крестъ нести,
Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
На полпути“!

Въ самый блестящій періодъ своего творчества, когда появились уже всѣ пьесы, создавшія ему славу, Некрасовъ спѣшитъ, въ „Медвѣжьей охотѣ“, „добромъ помянуть тогдашнюю литературу“, вспоминаетъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Гоголя, и прибавляетъ, что „еще найдется славныхъ двое, трое,—у нихъ тогда училось все живое“. Именно здѣсь говоритъ онъ въ прочувствованныхъ строкахъ о Бѣлинскомъ, называя его учителемъ, прокладывавшимъ новыя стези:

„Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно“,—

„Едва-ль не первый,—обращается онъ къ памяти своего учителя,—ты заговорилъ о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ“.

Этими строками нашъ поэтъ чрезвычайно рельефно выдѣляетъ общее направленіе того, кто въ „святомъ недовольствѣ“ шелъ въ жизни „волнуясь и спѣша“, и отличіе его отъ не менѣе свѣтлаго образа Грановскаго, котораго называетъ „другомъ Истины, Добра и Красоты“.

Въ этой поэмѣ, имѣющей въ значительной степени такъ называемый гражданскій характеръ, и потому неохотно читаемой, находится, однако, кромѣ приведенныхъ трогательныхъ воспоминаній, чисто публицистическія по содержанію строки. Строки эти полны такого лиризма и глубины настроенія, что могутъ служить прекраснымъ образцомъ спеціально Некрасовскаго стиля, который я назвалъ бы стилемъ лирической публицистики:

„Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болитъ душа иная,
Внимая въ жизни вѣчно ложный звукъ
И въ праздности невольной изнывая.
Не понимаемъ мы—и гдѣ же намъ понять?—
Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать
И плакать честными слезами“!

Этотъ мотивъ міровой скорби не представляетъ собою перепѣва тѣхъ же европейскихъ мотивовъ; глубокая грусть, которая сквозитъ въ этой чисто русской печали, непосредственно связана съ содержаніемъ всего монолога Миши; авторъ, стараясь, устами Миши, пободрѣе закончить эпизодъ, завершить идейно это трогательное въ своей сердечности изліяніе, вызванное въ немъ чистыми образами своихъ учителей, вспоминаетъ о „богатыряхъ до-историческаго вѣка“, спасавшихъ Россію, и съ горькой ироніей убѣждаетъ не сомнѣваться въ ихъ существованіи,—

„Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье—два, три человѣка“.

Глубокая любовь къ родинѣ, характеризующая Некрасова, можетъ быть, именно потому такими же глубокими корнями держалась въ его сердцѣ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, пострадалъ въ дѣтствѣ и юности отъ остраго противорѣчія между идеалистическимъ настроеніемъ, переданнымъ ему матерью, и грубой дѣйствительностью, угнетавшею молодую жизнь въ отцовскомъ домѣ и на улицахъ холоднаго Петербурга. „Muss man

sich nicht erst hassen, wenn man sich lieben muss",—говоритъ великій нѣмецкій индивидуалистъ. Этотъ психическій законъ въ полной мѣрѣ оправдался на Некрасовѣ: трудно указать на другого поэта, въ строфахъ котораго любовь къ родинѣ и ненависть къ проникающему ее злу звучали бы столь глубокими созвучными аккордами, какъ у него, напримѣръ, въ стихотвореніи „Неизвѣстному другу". Горько сѣтуетъ онъ, вспоминая здѣсь о мучительной борьбѣ дѣтства и молодости, о томъ, что долгій гнетъ поселяетъ въ душѣ „привычки робкой тишины":

„Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній
О, родина, печальный твой поэтъ!"

Богатый синтезъ въ этомъ словѣ *тишина*, за которою на громадномъ пространствѣ тогдашней Россіи не слышно было страданій „терпѣніемъ изумляющаго народа". Съ болью останавливается поэтъ на той мысли, что онъ „шелъ къ цѣли колеблющимся шагомъ, прикованный привычкой и средой" къ минутнымъ благамъ жизни, что онъ не жертвовалъ собой для достиженія цѣли, почему, какъ онъ думаетъ, пѣснь его пролетѣла безслѣдно и не дошла до народа.

Мы теперь знаемъ, что тишина не заглушила этой пѣсни, какъ не заглохла въ Некрасовѣ и любовь къ родинѣ, когда онъ, ища примиренья съ горемъ, бродилъ за „дальнимъ Средиземнымъ моремъ", подъ яркимъ южнымъ небомъ:

„Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль".

Стихотвореніе, которое мы цитировали, подъ этимъ многоговорящимъ заглавіемъ „Тишина", было написано въ 1857 году, послѣ крымскаго разгрома, когда поэтъ имѣлъ полное основаніе, при видѣ убогаго храма, среди широкихъ нивъ, сказать, что—

„Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!"

И эта роль сельскаго храма не была преувеличена, если вспомнить тѣ жертвы, которыя принесъ тогда русскій народъ. Широкая картина русской равнины нарисована съ любовью и правдой: тихія деревеньки, оврагъ съ полуживымъ мостомъ, который ямщикъ, бывалый парень русскій, объѣзжаетъ, спускаясь на дно оврага, озёра и ровная скатерть луговъ, и уходящая въ даль дорога между густыми березами,—все это не позволяетъ сомнѣ-

ваться, что „Тишина“ принадлежитъ къ „свободнымъ вдохновеніямъ“ Некрасова; эта духовная свобода поэта чрезвычайно наглядно сказывается въ сопоставленіи двухъ основныхъ идей, которыми онъ кончаетъ стихотвореніе:

„Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ей солнце правды въ очи блещетъ,
И думу думаетъ она“.

Здѣсь дана первая идея разсвѣта, какъ бы мимоходомъ иллюстрируется тѣми правдивыми мыслями, которыя проносятся въ умѣ поэта послѣ того, какъ тройка, проѣхавъ подъ мостомъ, несется дальше по лугамъ; мысли его спѣшатъ туда, въ родную глушь, гдѣ будетъ стыдно унывать въ праздной грусти въ виду пахаря, бредущаго съ пѣснью за сохой несмотря на то, что —

„Его ли горе не скребетъ!“

Въ виду этого стоицизма безпросвѣтнаго существованія, въ виду примѣра простого человѣка, который „живетъ безъ наслажденья“ и „безъ сожалѣнья умираетъ“, поэтъ твердо рѣшаетъ, какъ ему быть, ставя, такъ сказать, лозунгомъ русской жизни:

„За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай,—не споря“.

Итакъ, вотъ вторая, заключительная идея, вотъ дума Руси, которой „блещетъ въ очи солнце правды“. Вотъ какую истину освѣтило ей это солнце. „Надъ всею Русью тишина“ и—никто, какъ Богъ.

Эта глубина охватывающаго всю русскую жизнь пессимизма Некрасова, рѣшившагося, въ самый разгаръ реформъ, признать насъ „неготовыми къ трудной борьбѣ“ въ это „трудное время“, съ особенной силой обнаружила неготовность того слоя русской земли, который впервые былъ выброшенъ наружу. Обыкновенно читатели и критики останавливаются только на тѣхъ Некрасовскихъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ въ виду страданія крѣпостного періода. Между тѣмъ „пѣсня, подобная стону“, разливается въ стихотвореніяхъ Некрасова не только по доламъ, лѣсамъ и равнинамъ, но звучитъ и въ городахъ; она распространяется не только въ пространствѣ, но и во времени, захватываетъ дѣйствительность русскую, какъ до освобожденія, такъ и послѣ освобожденія крестьянъ. Оборванная чернь появилась у параднаго

подъѣзда въ городѣ въ 1858 году, а „Ермолай трудящійся“, который „тужитъ, что землицы ему недостаточно“, работаетъ въ 1864 году, уже по освобожденіи, а дальше дѣло Ермолая пошло такъ:

„Сила межъ тѣмъ въ мужикѣ убавляется,
Старость подходитъ, частенько хворается,—
Стало хозяйство тогда поправлятися,
Стало земли отъ сѣмянъ оставатися“.

А знаменитый „Выборъ“ повѣствуетъ въ 1867 г. о томъ, какъ „русская дѣвица, дѣвица красная“ выбирала между тремя сужеными: царемъ водянымъ, выглянувшимъ изъ проруби, воеводою Морозомъ, обѣщавшимъ ей бѣлый вѣнокъ на голову, и наконецъ выбрала Лѣшаго, который, расхваливая лѣсъ, уговариваетъ ее влѣзть на дерево, прельщая тѣмъ, что—

„Съ каждаго дерева броситься можно
Внизъ головой!“

А въ 1874 году написана волжская быль—„Горе стараго Наума“, который—

„Былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ однѣ деньжонки“,

—и полвѣка прожилъ—работая „житейскимъ умомъ“, причемъ, сравнивая его съ паукомъ и предвидя, что онъ пройдетъ въ купцы, поэтъ такъ описывалъ его времяпровожденіе:

„Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Къ какой-нибудь личинкѣ“.

„То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятія,
А пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятія“.

Наконецъ, мы уже упоминали не разъ о поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“, охватывающей всю русскую жизнь за весь періодъ дѣятельности Некрасова.

Описывая не разъ, какъ при освобожденіи разставались помѣщики съ крестьянами и какъ бывшіе крѣпостные устроивались въ городѣ (напримѣръ, „Ночлеги“), поэтъ даетъ подробную характеристику господъ разнаго типа, захватывая и посредниковъ, не забывая и погорѣльцевъ, которые побираться пошли, да пропали. Особенно удалось Некрасову извѣстное стихотвореніе „Извозчикъ“, написанное еще въ 1848 году. Это, такъ ска-

зать, первое психологическое изслѣдованіе, посвященное тѣмъ полуосвобожденнымъ, которые добывали свой оброкъ въ городахъ.

„Парень былъ Ванюха ражій“

—да прозѣвалъ пять тысячъ, забытыхъ купцомъ въ саняхъ.

„Цѣло все, сказалъ купчина,
Парня подозвалъ;
Вотъ на чай тебѣ полтина,
Благо ты не зналъ!“

Поглумились товарищи надъ разиней, а онъ не съумѣлъ совладать съ лукавымъ бѣсомъ и повѣсился. *Не случись* этой промашки—„жилъ бы Ванька долгій вѣкъ“.

Но, вотъ, подходитъ пора освобожденія, и многія тысячи Ивановъ выходятъ на свободу. Особенно радостно былъ отпущенъ тотъ „вѣрный Иванъ“, который впалъ въ странную пьяную тоску,—

„Плакалъ да кричалъ:
Хоть бы разъ: Иванъ Мосеичъ,
Кто меня назвалъ!“

Бился съ нимъ баринъ, бился, даже пробовалъ безуспѣшно сдать въ военную службу—и угодилъ бы Иванъ въ каторгу,—

„Лишь бы съ рукъ долой.
Къ счастью тутъ пришла свобода—
Съ Богомъ, милый мой!“

Судьба этого „затеряннаго въ народѣ“, вдругъ исчезнувшаго Ивана, живо интересуетъ поэта, который задумывается надъ тѣмъ, какъ живется Ивану на свободѣ:

„Гдѣ ты? Эй, Иванъ!“

Это странствіе русскаго Ивана изъ старой жизни въ новую, какъ извѣстно, описывалось затѣмъ Щедринымъ, писателями-народниками и особенно Глѣбомъ Успенскимъ, который въ разсказѣ: „Не случись“ (1882 г.), чрезвычайно близко подошелъ къ Некрасовской психологіи по поводу нѣкоего Ивана Горюнова. Сильно измѣнились крестьяне-переселенцы за этотъ періодъ. Въ городѣ появились крестьяне-хозяева и крестьяне-слуги:

„Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ,
Люди придумали много иныхъ“.

Сущность отношеній между этими двумя типами сводится къ безграничному повиновенію одного и властно-ироническому приказыванію другого. Суть разсказа—въ томъ, что зависящій въ

деревнѣ отъ всякихъ случайностей природы, во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ не обезпеченный земледѣлъ, какъ вѣтромъ выметается въ городѣ послѣ той или другой бѣды, не дающей ему вновь подняться. *Не случись* падежа, *не случись* пожара, *не случись* недорода, *не случись* болѣзни, и т. д., и т. д., не попалъ бы онъ и въ городъ, не попалъ бы въ новую кабалу къ своему же городскому брату.

Успенскій приводитъ выдержки изъ стенографическаго судебнаго отчета, иллюстрируя подлинными выраженіями Ивана Горюнова постигшую его въ городѣ бѣду. Какъ и „Ванька ражій", онъ, живя въ половыхъ въ гостинницѣ, прозѣвалъ уже не пять тысячъ, а девяносто-три тысячи рублей. За честное поведеніе „господинъ", повидимому купецъ, ставшій пощедрѣе Некрасовскаго, подарилъ Ивану Горюнову золотые часы съ цѣпочкой, „за то, молъ, что деньги всѣ остались въ цѣлости". Такъ разсказывалъ Иванъ хозяину, объясняя, что купецъ далъ ему на вокзалѣ 25 рублей деньгами и еще три рубля. Посмѣялся надъ Иваномъ хозяинъ: „Не умѣешь ты деньги наживать!"—и при первомъ случаѣ не задумался навести Ивана на умъ-разумъ. Въ результатѣ, убійца проѣзжаго, Иванъ Горюновъ, выйдя на свободу, такъ и не избѣгъ каторги.

Подробно останавливается Успенскій на этихъ ужасающе-простыхъ отношеніяхъ слугъ и хозяевъ изъ одной и той же крестьянской среды, перенесенныхъ въ городъ не удалымъ въ нѣкоторомъ смыслѣ „авось", а трагическимъ „не случись", при полномъ отсутствіи сознанія или чувства какой-либо отвѣтственности какъ за дѣланіе, такъ и за недѣланіе.

„А вѣдь такихъ Ивановъ Горюновыхъ,—пишетъ Успенскій,—уже въ настоящее время можно считать на Руси сотнями тысячъ, а въ будущемъ, если только народная жизнь будетъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, оставаться въ условіяхъ царствующей и въ ней, и внѣ ея неурядицы—Ивановъ Горюновыхъ будетъ тьма, тьма темъ, тьмы темъ пролетаріата, выброшеннаго разстройствомъ деревенскаго быта и духа, готоваго подчиниться въ чуждой ему средѣ всевозможнымъ вліяніямъ съ наивностью ребенка, не имѣющаго возможности знать и понимать, что̀ въ этихъ вліяніяхъ зло, что̀ добро,—словомъ, пролетаріата, который съ наивностью ребенка можетъ однимъ и тѣмъ же молоткомъ и одной и той же рукой прибить задвижку по приказанію „гостя" и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанію и наставленію".

„Не знаю, скоро ли интеллигентный человѣкъ,—прибавляетъ

Успенскій,—отвоюетъ для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ. Это его обязанность, и другой обязанности нѣтъ у русскаго интеллигентнаго человѣка. Конечно, сперва ему необходимо отвоевать это право и для себя... Очевидно, что и то, и другое будетъ не скоро".

Такъ думалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ и Некрасовъ,—и Полонскій прозвалъ его за это „вѣщимъ".

III.

Если прослѣдить творчество Некрасова на пространствѣ трехъ десятилѣтій, съ 1846 года по 1877-ой, то естественно опредѣлятся три періода, которые, будучи въ общемъ одной цѣлой поэтической жизнью, все-таки носятъ на себѣ каждый особыя черты.

Обыкновенно критика очень строго относится къ произведеніямъ Некрасова, имѣющимъ характеръ сатиры; какъ вѣрно подмѣтилъ К. К. Арсеньевъ въ своихъ „Критическихъ этюдахъ", въ сатирахъ Некрасова одинъ общій недостатокъ: явное преувеличеніе при слабости содержанія—и наклонность шутливо относиться къ предмету, который по большей части выбранъ очень серьезно. Эта черта, свойственная преимущественно стихотвореніямъ перваго и третьяго періода Некрасова, почти совсѣмъ исчезаетъ во второмъ—гдѣ, какъ, напримѣръ, въ „Дешевой покупкѣ", звучатъ почти трагическія ноты. Нельзя не сказать, что поэтическія, въ собственномъ смыслѣ слова, красоты рѣдки въ сатирахъ Некрасова, страдающихъ обыкновенно прозаичностью стиха и растянутостью изложенія. Въ этомъ отношеніи небольшія сатирическія вещи перваго періода, въ родѣ „Колыбельной пѣсни", „Нравственнаго человѣка", „Прекрасной партіи", „Маши" и другихъ, стоятъ безконечно выше цикла „Пѣсней о свободномъ словѣ", „Балета" и многихъ мѣстъ изъ „Медвѣжьей охоты" и изъ „Русскихъ женщинъ". Объясняется это очень просто тѣмъ, что до шестидесятыхъ годовъ въ Некрасовѣ вырабатывался еще публицистъ-лирикъ. Въ юношескіе годы сатирическій и лирическій элементы его поэзіи еще не дифференцировались достаточно, и въ сатирѣ слышится скорѣе сочувствіе, напримѣръ, къ Машѣ-бѣдняжкѣ, чѣмъ сарказмъ. Во второмъ періодѣ главенствуетъ, собственно, лирика, поднимая на могучихъ крыльяхъ мотивы гражданской скорби; это—обычное явленіе въ тѣхъ лучшихъ пьесахъ Некрасова 60-хъ годовъ, которыя я назвалъ бы образцами лирической публицистики, таковы: „Тишина", „Мо-

розъ красный носъ", „Парадный подъѣздъ", „Пѣсни Еремушки", „Крестьянскія дѣти", „Въ деревнѣ", „Власъ", „Орина мать солдатская" и др.

Во всѣхъ этихъ пьесахъ, при цѣлостности настроенія и глубинѣ публицистической идеи, постоянно въ началѣ или въ серединѣ, а чаще во второй половинѣ, лирическое вдохновеніе вдругъ заполоняетъ душу поэта и читателя, открывая передъ нимъ широкое обобщеніе основной идеи, проникнутое захватывающе-глубокимъ чувствомъ:

„Волга, Волга! Весной многоводной...
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля"...

Съ годами этотъ „кровный союзъ" публициста и лирика, подъ вліяніемъ все болѣе угасающаго поэта пессимистическаго настроенія, начинаетъ слабѣть, и прозаическій элементъ сатиры уже довольно рѣзко выступаетъ наружу, а лирика обращается къ вопросамъ міроваго характера, выходя далеко за предѣлы собственно русской жизни. Въ особенности овладѣваютъ воображеніемъ поэта идеи смерти, славы; онъ пишетъ стихотвореніе „Памяти Шиллера"; здѣсь же выдвигается на особую высоту владѣвшій имъ всю жизнь культъ материнскаго чувства („Внимая ужасамъ войны", 1854, и поэма „Мать", 1877). Стихотвореніе: „Ты не забыта", посвященное дѣвушкѣ-самоубійцѣ, отдавшей всю свою жизнь идеѣ, заканчивается классическимъ двустишіемъ общечеловѣческаго значенія:

„Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ..."

Вершинъ міроваго пессимизма и спеціально пессимизма русскаго,—что критика такъ склонна отвергать въ Некрасовѣ,—онъ достигаетъ именно въ этомъ послѣднемъ періодѣ.

„Дни идутъ... Все такъ же воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ на роковомъ пути,
Человѣкъ—до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти".

Въ послѣдній разъ въ 1876 году, за годъ до смерти, вспыхиваетъ въ Некрасовѣ лирикъ, мечтающій о томъ, что придутъ „умѣлые, съ бодрыми лицами", „сѣятели съ полными жита кошницами":

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ"...

Многозначительное многоточіе подтверждаетъ высказанную нами только-что мысль, что поэтъ уже не вѣритъ въ это „спасибо". Дѣйствительно, вскорѣ потомъ пишетъ онъ свой „Приговоръ", приговоръ пѣвцамъ темной стороны, которыхъ на этой родной сторонѣ — ни народъ, ни „свѣтскій кругъ, бездушный и надменный" — также не уважаютъ, какъ и остальной міръ, которому нѣтъ и дѣла до „земли благословенной", не чтущей своихъ пѣвцовъ:

„Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь Западъ говоритъ;
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!—Но родина молчитъ"...

Это не минутное, временное настроеніе—„неутолимая тоска смерти", рисовавшая ему въ послѣднія творческія мгновенія образъ „блѣдной, въ крови, кнутомъ изсѣченной музы".

Еще въ 1874 году, Некрасовъ посвятилъ три элегіи А. Н. Плещееву; въ это время онъ былъ еще въ полной силѣ; на него—

„Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза".

И однако, онъ говорилъ въ третьей элегіи, что „глядитъ на жизнь невѣрующимъ глазомъ" и далѣе заключаетъ:

„Непрочно все, что̀ нами здѣсь любимо,
Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца.
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?
Усни... умри!"

Разсмотрѣнное въ предъидущемъ отдѣлѣ, слишкомъ узкое, какъ мы старались показать, опредѣленіе Некрасова, какъ пѣвца народнаго горя, и здѣсь, когда мы разсматриваемъ общее поэтическое міросозерцаніе поэта, тоже опровергается несовмѣстимостью приписываемой ему узкой задачи съ такимъ широкимъ горизонтомъ. Между тѣмъ, критики Некрасова шли такъ далеко, что, признавая его исключительно поэтомъ-публицистомъ, все значеніе Некрасова сводили къ порицанію имъ крѣпостного права и къ прославленію эпохи освобожденія.

Выше, однако, было уже показано, при выясненіи титула „вѣщаго", что пессимистъ-поэтъ далеко не розово смотрѣлъ на сумрачный день, весьма быстро смѣнившій радостную зарю шестидесятыхъ годовъ.

Какъ это часто бываетъ, общій тонъ „музы мести и печали", опредѣлившійся еще въ самомъ началѣ поэтической дѣятельности

Некрасова, вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто недостаточно вглядывался въ разнообразную и сложную мотивировку этого тона въ отдѣльныхъ произведеніяхъ; такъ и народилось мнѣніе, что Некрасовъ, будто бы, все время вышиваетъ узоры печальнаго вида все по той же канвѣ крѣпостного права. Охочіе люди, добираясь до души поэта, успѣли даже въ литературѣ довольно прочно установить мнѣніе, несомнѣнно ошибочное, будто бы Некрасову было очень на руку, а потому и желательно бичевать во всю силу то, что̀ уже отжило.

Достаточно вспомнить,—уже не говоря объ указанной мною подробной разработкѣ Некрасовымъ крестьянской психологіи, какъ вообще, такъ и въ частности въ „Тишинѣ", — хотя бы его „Пѣсню о свободномъ словѣ", его „Судъ" и др., посвященныя сердитой критикѣ настоящаго, чтобы остеречься отъ такой ошибки, отъ обвиненія музы мести и печали — смѣшно сказать—въ оппортунизмѣ. Даже въ періодъ занимавшейся зари, въ 1858 году, Некрасовъ не былъ наклоненъ къ славословію мужика, тогда какъ оптимистическое настроеніе въ этомъ направленіи представлялось одинаково желательнымъ и обществу, и правительству. Некрасовъ понималъ и открыто исповѣдывалъ еще до 1861 года, что одного факта освобожденія еще недостаточно. Мужички - пилигримы, отходящіе отъ „параднаго подъѣзда", отнюдь не вызываютъ въ нашемъ представленіи мысли о будущихъ дѣятеляхъ, бодрыхъ, сильныхъ и просвѣщенныхъ. Лозунгъ ихъ—все тотъ же: „суди его Богъ", какъ и въ „Тишинѣ":—„Богу уступай, не споря". Это не то широкое восклицаніе „сильной души", которое слышится во „всепрощающемъ голосѣ любви" въ „Больницѣ" и въ послѣднемъ заключительномъ аккордѣ „Зеленаго шума" — „Богъ тебѣ судья"! Мужички, палимые солнцемъ, уходятъ подъ давленіемъ той силы, которая гнететъ не личной властью, страшной обыкновенно именно своей близостью, а бредутъ во-свояси, раздавленные тѣмъ средостѣніемъ, лозунгъ котораго: „нашъ не любитъ оборванной черни". Здѣсь звучитъ мотивъ не крѣпостныхъ отношеній барина къ крестьянину, а выростаетъ одинъ изъ „проклятыхъ вопросовъ" экономическаго неравенства,—вопросъ о сытыхъ и голодныхъ. Что это такъ,—ясно изъ плутократическихъ фигуръ того швейцара и того невидимаго „кто-то", за которыми ни помѣщикъ, ни крестьянинъ, другъ друга не увидѣли. Плохими корнями, въ смыслѣ Крыловской басни, были уже тогда эти ходоки съ непокрытой головою, хотя въ хорошей почвѣ они могли бы еще питать въ то время и листья, и стволъ. Но въ томъ-то и дѣло, что уже къ этому времени успѣлъ окрѣпнуть

тотъ бурьянъ, сквозь который и солнце безсильно влiять на ниву, который, поглощая всѣ живительные лучи, только тянетъ изъ почвы послѣднiе соки.

Такимъ образомъ, уже на порогѣ реформъ Некрасовъ имѣлъ полное основанiе усомниться въ свѣтломъ будущемъ, которое, какъ онъ хорошо понималъ, не можетъ упасть на общество съ неба. Тому, кто такъ зналъ русскую жизнь, какъ онъ, присмотрѣвшись къ ея провинцiальной изнанкѣ, въ качествѣ сына исправника, и вынеся на своихъ плечахъ всѣ бѣдствiя голоднаго существованiя въ столицѣ, не могло представляться возможнымъ и даже вѣроятнымъ, чтобы вся эта „испорченная жизнь“ могла какъ бы волшебствомъ измѣниться. Это основное чувство, эта пессимистическая закваска еще смолоду, диктуетъ ему въ 1856 году знаменитыя строфы:

„Замолкни, муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу“.

Какъ это выраженiе напоминаетъ „Непробудный сонъ“ Россiи, изображенный Тургеневымъ въ его знаменитомъ стихотворенiи:

„И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись и пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!“

Вотъ тотъ сонъ, который Некрасовъ не хотѣлъ тревожить, отказываясь отъ юношескаго стремленiя къ „волшебному лучу любви и возрожденья“, такъ какъ самъ уже „не хотѣлъ бы видѣть“ той бездны, которую этотъ лучъ можетъ освѣтить:

„То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть“.

Чрезвычайно трудно отдѣлить, даже въ цѣляхъ изслѣдованiя, содержанiе поэзiи Некрасова отъ формы, въ которую она облечена. Это, впрочемъ, еще одно доказательство въ пользу того, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ поэтическимъ творчествомъ. Такое затрудненiе особенно сильно у Некрасова именно въ автобiографическихъ стихотворенiяхъ; здѣсь обыкновенно самъ поэтъ показываетъ намъ, какъ отдѣляется въ немъ художникъ отъ человѣка. Такiя стихотворенiя, въ большинствѣ случаевъ, у поэтовъ средней силы бываютъ слабѣе другихъ, такъ какъ носятъ на себѣ явную печать разсудочности. Что касается Некрасова, то въ немъ живая личность до такой степени сплавлена съ ея поэтическимъ обликомъ въ этихъ личныхъ, по большей части покаянныхъ, если можно такъ выразиться, стихотворенiяхъ, что и критику, и

читателю остается наслаждаться самымъ произведеніемъ, не рискуя въ виду безплодности такой затѣи, вскрывать живое созданіе, чтобы на трупѣ изучать физіологію его поэтической жизни.

Вотъ почему объ этихъ стихотвореніяхъ можно упомянуть здѣсь, говоря о ихъ стилѣ, только какъ о произведеніяхъ, въ которыхъ Некрасовъ-лирикъ поднимался на наибольшую высоту. Удобное исключеніе для насъ въ этомъ смыслѣ, при изслѣдованіи того, какъ именно выработался у Некрасова особый стиль лирической публицистики, та своеобразная стихотворная форма, по которой Некрасовскій стихъ всегда легко узнается, представляетъ собою стихотвореніе тоже 1856 года—„Поэтъ и гражданинъ“. Подражая Пушкину и Лермонтову, Некрасовъ, въ бесѣдѣ между гражданиномъ и поэтомъ, разсказываетъ о томъ раздвоеніи, которое ему пришлось съ болью и борьбой переживать прежде, чѣмъ онъ твердой ногой вступилъ на путь гражданской поэзіи. Какъ всякій молодой поэтъ, отвѣчая уже созрѣвавшему въ немъ гражданину (онъ же критикъ и читатель), Некрасовъ презрительно рекомендуетъ ему прочесть символъ вѣры Пушкина: ниже достоинства поэта читать эти священныя слова въ присутствіи прозаика-гражданина. *Гражданинъ* (читаетъ):

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

Гражданинъ, неожиданно для Некрасова, увѣряетъ его, что живѣе принимаетъ къ сердцу Некрасовскіе стихи, но немедленно же подчеркиваетъ, что дѣло—не въ поэтической прелести послѣднихъ:

„Твои поэмы безтолковы;
Твои элегіи не новы;
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны;
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны“...

И тотчасъ поясняетъ, что Некрасовъ—не Пушкинъ, но что покуда не видно солнца ни откуда—съ его талантомъ стыдно спать. И выставляетъ другой девизъ поэтической дѣятельности:

„Будь гражданинъ. Служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви“.

Поэтъ признается, что это и было смолоду его девизомъ;

что безъ отвращенія онъ шелъ и въ тюрьму, и къ мѣсту казни, въ суды и въ больницы; что онъ честно ненавидѣлъ и искренно любилъ. Ему было двадцать лѣтъ, и его „свободное слово“ сочли черной клеветой:

„Душа пугливо отступила“...

Вотъ почему —

„Склонила муза ликъ печальный
И, тихо зарыдавъ, ушла“.

Не вовсе, однако, чуждался онъ музы и послѣ этого, но она приходила все рѣже, скрываясь при малѣйшемъ звонѣ цѣпей, и теперь она вовсе отвернулась. Поэтъ замкнулся въ себѣ; онъ не знаетъ, что̀ предназначалъ ему „рокъ суровый“, но, вспоминая свою блѣдную музу, говоритъ, что—

„....шелъ одинъ вѣнокъ терновый
Къ ея угрюмой красотѣ“.

Этимъ лирическимъ заключеніемъ діалога, Некрасовъ какъ бы начинаетъ свое новое публицистическое служеніе. Непосредственно за этимъ пишетъ онъ свое знаменитое—

„Тяжелый крестъ достался ей на долю“,

—въ которомъ „всеобнимающая любовь“ равно сочувствуетъ и жертвѣ, и тирану. Невольно думается, что содержаніе этого стихотворенія, передающаго драму любви между молодой, полной силъ женщиною и ревниво удерживающимъ ея любовь умирающимъ больнымъ, которымъ такъ часто воображалъ себя Некрасовъ,—относится именно къ его союзу съ музой, ибо что̀ могла бы муза сказать обнадеживающаго невѣрящему болѣе въ свои силы поэту!..

„Ужасные, убійственные звуки!..
Какъ статуя, прекрасна и блѣдна,
Она молчитъ, свои ломая руки...
И что̀ сказать могла бъ ему она!..“

Далѣе, въ „Гадающей невѣстѣ“, опять сквозитъ сомнѣніе въ томъ, будетъ ли счастье съ женихомъ, который можетъ быть „изъ тѣхъ бездушныхъ“, послушныхъ одному голосу тщеславной суеты, способныхъ отдать, за плоскія рессоры и пару кровныхъ лошадей, „плѣнительные взоры, нѣжность сердца, музыку рѣчей“.

Но Некрасовъ оказался не такимъ и пишетъ въ слѣдующемъ году изъ Рима поэму „Несчастные“, посвященную тихой Волгѣ, осеннимъ работамъ мужиковъ и страданіямъ ссыльныхъ.

Тамъ, далеко, среди нихъ, въ „пустынѣ бѣлой“, жилъ и

умеръ и зарытъ „гордый мученикъ", который жилъ и страдалъ, и „свободы не дождался", только затѣмъ,

—„Чтобъ человѣкъ не баловался"...

Этой поэмой и слѣдующей за нею „Тишиною" открывается гражданское служеніе Некрасова. „Тишина", какъ мы уже знаемъ, вся цѣликомъ можетъ служить образцомъ того Некрасовскаго стиля, который съ этихъ поръ, въ „Убогой и нарядной", въ „Размышленіяхъ у параднаго подъѣзда", въ „Пѣсняхъ Еремушки" и т. д., уже не оставляетъ Некрасова. Зато, до поры до времени, оставилъ его старый мучитель демонъ, „демонъ безсонныхъ ночей", и поэтъ догадывается—почему:

„Иль потому не приходишь,
Что ужъ доволенъ ты мной?"

Хотя уже три года не посѣщалъ Некрасова его демонъ, но онъ напрасно, въ шестидесятомъ году, поторопился заключить, что демонъ имъ доволенъ. Стоило поэту вспомнить дѣтство Валежникова, въ имѣющей всѣ признаки автобіографіи пьесѣ: „На Волгѣ", какъ дрогнуло въ немъ сердце при мѣрномъ, похоронномъ крикѣ, донесшемся къ нему изъ гурьбы бурлаковъ, которые шли по берегу Волги,—

„Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой"...

Вспомнилъ поэтъ свою ярославскую молодость на берегу Волги, вспомнилъ костеръ бурлаковъ, ихъ неторопливый разговоръ,—

„Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты,
И выражающій укоръ
Спокойный, безнадежный взоръ".

И вотъ онъ вновь—жертва искушеній и мучительства своего демона. „Я не болѣе, какъ рыцарь на часъ",—говоритъ онъ себѣ, и пишетъ подъ этимъ заглавіемъ то стихотвореніе, которое, по справедливому признанію многихъ критиковъ, одно давало бы ему право на титулъ первокласснаго поэта. Кто не помнитъ этой пѣсни покаянія, обращенной къ тѣни матери, этого гимна подвижнической тоски, влеченія къ тернистой дорогѣ, къ стану погибающихъ за великое дѣло любви, вопля ужаса передъ нечистой тиной мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей въ средѣ ликующихъ, праздноболтающихъ, обагряющихъ руки въ крови; лирическій подъемъ до такой степени совпадаетъ въ этомъ

стихотвореніи съ подъемомъ духа „за великое дѣло любви“, что сознаніе „позорныхъ пятенъ“ не позволяетъ поэту окончить заключительную строку, и это дѣлаютъ за него теперь. Некрасовъ написалъ:

„Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить....“

Онъ не дописалъ того, что̀ само выростаетъ, какъ терновый вѣнецъ на главѣ его музы; за нею невольно и справедливо кончаютъ всѣ, кто читаетъ это стихотвореніе:

. . . . . „и страдать“!

IV.

Направленіе творчества Некрасова имѣетъ много общаго съ задачами поэтической дѣятельности Шиллера, и хотя конечные результаты собственно стихотворной работы ихъ по отношенію къ формамъ стиха нѣсколько различны между собою, но задачи и путь, по которому идутъ оба поэта, въ сущности одни и тѣ же у обоихъ. Когда маркизъ Поза восклицаетъ, обращаясь къ королю Филиппу: „О, дайте, государь, свободу мысли!“, то все, что̀ за этимъ слѣдуетъ—не что̀ иное, какъ лирическая публицистика Некрасова,—разумѣется, изложенная сообразно XVIII вѣку, въ формѣ наивнаго обращенія къ тому, кто въ отвѣтъ только отвернулся. Кромѣ того, тѣ же особенности поэзіи XVIII вѣка, съ его поклоненіемъ внѣшней отдѣлкѣ стиха, отражались на Шиллерѣ безконечно сильнѣе, чѣмъ такое же естественное стремленіе къ виртуозности могло отразиться на поэтѣ шестидесятыхъ годовъ; въ эту пору „разрушенія эстетики“, когда даже такой сынъ Пушкина, какъ Полонскій, уступая требованіямъ времени, терпѣлъ въ своихъ стихахъ немузыкальныя выраженія,—разумѣется, Некрасовъ центръ тяжести своего творчества переносилъ въ область поэтической идеи. На первомъ планѣ у него, какъ и у Шиллера, было дать свободу мысли—не жертвуя формой, но пользуясь ею какъ орудіемъ:

„Чтобъ словамъ было тѣсно,
Мыслямъ—просторно“.

Наименьшее число словъ при наиболѣе ясномъ выраженіи мыслей и есть эта свобода идеи. Шиллеръ, въ одномъ изъ стихо-

твореній своихъ, ставитъ это положеніе въ видѣ прямой аналогіи съ закономъ механики, требующимъ для наивысшаго приложенія силы сосредоточенія ея на наименьшей поверхности:

„Wer etwas Treffliches leisten will,
Hätt' gern was Grosses geboren,
Der sammle still und unerschlafft
Im kleinsten Punkte die höchste Kraft".

Сообразно съ этимъ, и Некрасовъ въ своемъ подражаніи Шиллеру совѣтуетъ не жалѣть времени ради формы, говоря, что въ поэмѣ важенъ стиль, отвѣчающій темѣ, и рекомендуя „чеканить стихъ, какъ монету"—

„Строго, отчетливо, честно".

Несомнѣнно, что всѣ эти три нарѣчія меньше всего указываютъ на принципъ искусства для искусства; вырази мысль свою какъ можно опредѣленнѣе и вѣрнѣе; вотъ рецептъ, который даетъ Некрасовъ, опираясь, такъ сказать, на Шиллера и притомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ литературнаго движенія шестидесятыхъ годовъ; на первомъ планѣ у Некрасова—служеніе правдѣ въ искусствѣ,—принципъ, къ которому пришелъ въ концѣ своей дѣятельности еще Бѣлинскій, и который составлялъ основу дѣятельности Добролюбова: задавая вопросъ о томъ, „когда же придетъ настоящій день?"—Добролюбовъ отчетливо представлялъ себѣ, какія именно явленія и въ какихъ очертаніяхъ освѣтитъ ихъ чаемый имъ дневной свѣтъ. Такое строгое отношеніе Некрасова къ своей поэзіи, отъ которой онъ требовалъ отчетливости и честности, не только въ идеѣ, но и въ формѣ, и вызвало тотъ энтузіазмъ, который проявился съ такой силой на могилѣ Некрасова, гдѣ, какъ извѣстно, возникъ споръ о томъ, не выше ли онъ Пушкина. Здѣсь коренится, вѣроятно, разгадка того явленія, что рукописи Некрасова, которыя пока мало извѣстны и еще не изучены, рѣзко отличаются отъ черновыхъ набросковъ Пушкина незначительнымъ сравнительно количествомъ поправокъ; надо надѣяться, что юбилейная ярославская выставка дастъ много новаго матеріала по этому вопросу,—пока же этотъ отдѣлъ біографическихъ данныхъ о жизни и дѣятельности Некрасова чрезвычайно бѣденъ. То, что̀ имѣется, позволяетъ пока только a priori заключать, что Некрасовская чеканка стиха сводилась именно къ наиболѣе вѣрному воспроизведенію идеи, а не къ отдѣлкѣ именно формы; въ виду этого можно предположить, что смолоду Некрасовъ много работалъ надъ формой въ этомъ смыслѣ и сталъ хозяиномъ въ этой своей

области, сравнительно болѣе узкой, чѣмъ широкая по богатству настроеній форма Пушкинскаго стиха.

Виртуозы формы, какъ, напримѣръ, Алексѣй Толстой, въ противоположность Некрасову, открыто исповѣдывали, и мыслью, и дѣломъ, старый, еще Платоновскій принципъ отысканія во внѣ и воспроизведенія въ искусствѣ тѣхъ предвѣчныхъ формъ, въ которыхъ живутъ божественныя идеи.

„Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель,
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку"...

Совѣтуя напрягать сильнѣе „душевный слухъ и душевное зрѣніе" для того, чтобы подслушать неземныя рыданья и уловить невидимыя формы и неслышимыя сочетанья словъ, А. Толстой говоритъ поэту, что предъ нимъ, окруженнымъ мракомъ и молчаніемъ, слѣпымъ, подобно Гомеру, и глухимъ, подобно Бетховену, вдругъ:—

„Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта,—осязательнѣй формы.
Стройныя словъ сочетанья въ ясномъ сплетутся значеньи".

Несомнѣнно, что для поэтовъ того и другого направленія одинаково необходимъ тотъ подъемъ душевной дѣятельности, безъ котораго творчество немыслимо; поэтому, говоря не о формѣ, а о сущности, Некрасовъ пишетъ:

„Въ первомъ наитіи сила,
Брось начатой разговоръ"...

Мы знаемъ, какъ трудно давалась Шиллеру возможность творить, какое уединеніе и какія были внѣшнія средства, къ которымъ ему приходилось прибѣгать. Такъ и Некрасовъ свидѣтельствуетъ о себѣ, въ поэмѣ „Судъ", что невозможно разсказать, „во что обходится союзъ съ иною музой", и подчеркиваетъ благодатное существованіе того, чья муза не бойка:

„Горитъ онъ рѣдко и слегка,
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
Съ желѣзной грудью надо быть,
Чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать,
Объятья эти выносить".

Тутъ же поэтъ добавляетъ про себя:

. . . . „Я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и ѣсть".

Доказательствомъ, что это волненіе и страданіе относились къ рожденію идеи, а не къ обработкѣ формы, можетъ служить слѣ-

дующее. Въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ памяти Шиллера, Некрасовъ по поводу возгласа толпы: „пѣвцы не нужны вѣку!“—обращается къ „вдохновенному художнику“ съ мольбой о томъ, чтобы онъ возвратился, подчеркивая, что міръ уклонился съ настоящаго пути—

„На путь вражды! Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты,
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты!..“

Послѣдовательность, въ которой переименованы эти три царящія надъ міромъ идеи, даютъ ясную схему общаго Некрасову и Шиллеру направленія въ ихъ творчествѣ, а указаніе источника гармоніи не во внѣ, а въ груди поэта, и есть то перемѣщеніе центра тяжести поэтической дѣятельности, которое отличаетъ нынѣшняго истиннаго поэта отъ творцовъ прежняго времени, возсѣдавшихъ на пиѳійскомъ треножникѣ. Чтобы еще чѣмъ-нибудь подтвердить, что именно въ такомъ направленіи шла Некрасовская чеканка стиха, что, вырубая свою статую, онъ искалъ не красоты, а точнаго облика идеи, родившейся въ немъ самомъ, достаточно указать на слѣдующій примѣръ: въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“, послѣдняя пѣсня „Русь“ заключаетъ въ себѣ куплетъ на первый взглядъ чрезвычайно несложный по фактурѣ; въ третьей окончательной редакціи этой „Пѣсни Гриши“ онъ сложился такъ:

„Встали—небужены,
Вышли—непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!“

Послѣднія двѣ строки въ первой редакціи безъ всякаго ущерба для формы звучали такъ:

„Горы по зернышку—
Смотришь—наношены“.

Въ отношеніи же ясности мысли, однако, поэтъ замѣтилъ существенный недостатокъ. Невольно спрашиваешь себя—чего именно горы накошены. Впадая на минуту въ Толстовскій (Алексѣя) культъ формы, Некрасовъ поправилъ такъ:

„Сѣребра, золота
Горы наношены“.

Независимо отъ того, что этотъ пѣсенный оборотъ представлялся слишкомъ искусственнымъ даже съ точки зрѣнія формы,

поэтъ не могъ не остановиться на мысли, что „матушка-Русь“, которую онъ называетъ и убогою, и обильною, очевидно, если и обильна, то отнюдь не серебромъ-золотомъ, но что, по ироніи судьбы, у нея можетъ иногда оказаться обильный урожай дешеваго, ненужнаго тогда никому хлѣба, и что въ этомъ сопоставленіи ея убогости и обильности именно по отношенію къ зерну и заключается ея земледѣльческая трагедія. Вотъ почему, для точнаго воспроизведенія его идеи, для того, чтобы ей стало просторно въ тѣснотѣ этихъ немногихъ словъ, и чтобы было ясно также, что рядомъ съ горами жита у каждаго въ отдѣльности только зернышко, онъ пишетъ въ окончательной редакціи:

„Жита по зернышку
Горы наношены“.

Такое направленіе Некрасова, какъ поэта, идейное въ широкомъ смыслѣ этого слова, устраняетъ необходимость особенно вглядываться собственно въ метрику его стиха. Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ то, что онъ владѣлъ въ отношеніи стихосложенія тѣмъ тонкимъ слухомъ, который позволяетъ писать стихи, по крайней мѣрѣ въ первой редакціи, не скандируя ихъ вслухъ, что̀ уже устраняетъ необходимость многихъ поправокъ. Съ другой стороны, свобода въ употребленіи затактныхъ слоговъ въ началѣ строчки, а тѣмъ болѣе въ концѣ ея, причемъ стихъ выигрываетъ въ выразительности,—говоритъ также о присущей Некрасову особой степени ритмичности, того свойства, наличности котораго въ человѣкѣ, по Вундту, вообще обязанъ своимъ происхожденіемъ человѣческій стихъ. Этотъ стихотворный даръ, въ техническомъ смыслѣ этого слова, позволяетъ Некрасову, отдаваясь лирическому порыву въ данный моментъ, свободно мѣнять размѣръ на ходу, среди большой пьесы; при этомъ ему удается новаторство въ употребленіи даже старыхъ формъ.

Возьмемъ, напримѣръ, „Балетъ“:

„Мы вошли среди криковъ и плеска.
Сядемъ здѣсь—я боюсь первыхъ мѣстъ“.

Этотъ эпическій размѣръ, благодаря оригинальной цезурѣ второй строчки, звучитъ чрезвычайно спокойно. Вы слышите, что Некрасовъ еще менѣе торопится къ своему креслу, чѣмъ Онѣгинъ, который—

„Идетъ межъ креселъ по рядамъ“,

—отбивая ногой обыкновенный ямбъ, какъ извѣстно, меньше всего отвѣчающій плясовому мотиву, который считается исключительной принадлежностью хорея.

И вотъ, въ спокойномъ, плавномъ анти-дактилическомъ стихѣ Некрасова, образецъ котораго я привелъ выше, въ нужный моментъ вдругъ зазвучалъ ритмъ танца, благодаря остроумному переносу той же оригинальной цезуры изъ второй строки въ первую и удачному размѣщенію болѣе короткихъ словъ:

„Вотъ куплеты: попробуй, танцуя,
Театралъ ихъ подъ музыку пѣть!“

Читатель уже настроенъ сообразно намѣреніямъ поэта, и слѣдующіе затѣмъ куплеты звучатъ потому чисто плясовымъ мотивомъ:

„Я былъ престранныхъ правилъ:
Поругивалъ балетъ“, и т. д.

А между тѣмъ это не хорей, а самый обыкновенный ямбъ, и весь секретъ—въ томъ, что онъ хотя и трехстопный, какъ непосредственно предшествующій ему анапестъ, но каждая стопа изъ трехсложной превратилась въ двухстопную.

Эта возможность внезапно оживлять стихъ, не измѣняя метрическаго облика его, очевидно, была особенно удобна для Некрасова, весьма склоннаго къ такъ называемому вольному стиху, которымъ писали Богдановичъ, Крыловъ и др.; это давало ему возможность среди стиховъ, которые онъ самъ называлъ „тягучими“, внезапно переходить въ болѣе живой тонъ, или давать при случаѣ неожиданно пѣсню въ народномъ стилѣ. Послѣднее особенно важно для его характеристики,—а именно, умѣнье написать настоящую и въ то же время художественную русскую пѣсню; такова, напр., „Пѣсня убогаго странника“ въ „Коробейникахъ“, гдѣ оригинально чередуется анапестъ съ дактилемъ, такъ что не только въ содержаніи, но въ самой музыкѣ стиха чувствуются какъ бы вопросъ и отвѣтъ, передается впечатлѣніе встрѣчи:

„Я хлѣбами иду—что вы тощи, хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду“.

Таковы: „Голодная“, „Соленая“, „Кому на Руси жить хорошо“ и въ той же поэмѣ—всѣ почти пѣсни о „счастьѣ женскомъ“; особенно выдѣляется неподражаемая въ своей безъискусственности пѣсня Матрены:

„Спится мнѣ, младешенькѣ, дремлется,
Клонитъ голову на подушечку;
Свекоръ-батюшка“ и т. д.

Къ чему хоръ припѣваетъ:

„Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ“.

Некрасовъ писалъ всякими размѣрами; но особенно любилъ анапестъ и дактиль, а также пентаметръ, т.-е. болѣе сложныя формы, что прямо свидѣтельствуетъ о его тонкомъ вкусѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на то, что онъ вполнѣ владѣлъ этими трудными размѣрами. Вотъ почему такъ красиво звучатъ отъ времени до времени прерывающія его поэмы лирическія отступленія, о которыхъ мы уже упоминали, какъ объ особенности его творчества:

„Волга, Волга, весной многоводной“...

—или безукоризненное по формѣ отступленіе въ русскомъ духѣ среди прозаической „Газетной“, имѣющее характеръ цѣлостнаго отдѣльнаго произведенія:

„Не заказано вѣтру свободному
Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ,
Споконъ вѣку дождемъ разливаются
Надъ родной стороной небеса;
Гнутся, стонутъ, подъ бурей ломаются
Споконъ вѣку родные лѣса;
Споконъ вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кипитъ,
Вторитъ ей наша муза свободная,
Вторитъ ей—или честно молчитъ“.

Рядомъ съ этими строками особенно умѣстно указать на одну изъ лучшихъ его пьесъ и по содержанію, и по формѣ, рисующую тотъ типъ просвѣтленнаго крестьянина, который составлялъ одинъ изъ его идеаловъ. При этомъ, со свойственной ему широтою, поэтъ въ „Зеленомъ шумѣ“, о которомъ мы ведемъ рѣчь, всталъ на высоту общечеловѣческой идеи возрожденія сердца человѣческаго отъ соприкосновенія съ весенней природой:

„Люби—покуда любится,
Терпи—покуда терпится,
Прощай—пока прощается,
И—Богъ тебѣ судья“.

Не мудрено, что неустанное стремленіе дать своей мысли самыя отчетливыя выраженія, даже безъ нарочитаго стремленія къ красотѣ формы, постепенно, какъ мы и предположили выше, привело Некрасова къ такому стиху, гдѣ, какъ у Гоголя, каждое словечко вскочило на свое мѣсто. Разумѣется, это относится главнымъ образомъ къ его чисто лирическимъ пьесамъ или къ тѣмъ изъ публицистическихъ, которыя были наиболѣе близки

его сердцу. Въ такихъ случаяхъ его строфы, какъ это всегда случается съ первоклассными поэтами, пріобрѣтали значеніе поговорокъ, напр.:

„Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ“...

—пишетъ онъ въ „Сашѣ“ о „современномъ“ ему „героѣ“. Или безсмертное, вѣчно современное:

„Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй“.

V.

Въ заключеніе, мы остановимся на томъ особомъ значеніи, какое имѣютъ тѣ лучшія изъ числа лирическихъ произведеній Некрасова, которыя можно назвать *покаянными*. Свойственная вообще лирикамъ наклонность раскрывать свою душу предъ другомъ-читателемъ съ особенной силой сказывалась у Некрасова, причемъ искренность порывовъ его такова, что эти стихотворенія являются какъ бы непрерывной исповѣдью вслухъ, съ откровенностью, свойственной только большимъ людямъ и въ значительной степени напоминающей по своей глубинѣ смѣлость самоанализа Льва Николаевича Толстого.

Некрасовъ не задумывается выставлять себя трусомъ, малодушнымъ, говорить о своихъ „позорныхъ пятнахъ“. Контрастъ между жизнью богатаго человѣка, сытаго барина—и участью тѣхъ голодныхъ, холодныхъ натурщиковъ, съ которыхъ онъ писалъ, соотвѣтствовалъ въ нѣкоторой степени крупнымъ карточнымъ выигрышамъ, возвращавшимъ Некрасову, какъ онъ выражался, постепенно состояніе, проигранное дѣдомъ; съ другой стороны, матеріальное обезпеченіе, завоеванное трудомъ, дѣлало воспоминанія о голоданіи и лишеніяхъ молодости еще болѣе жгучими; борьба съ лагеремъ ликующихъ представителей силы, въ виду этихъ контрастныхъ ощущеній, была не всегда геройская, въ античномъ смыслѣ этого слова; иногда заставляла она поэта уступить, согнуться передъ временщикомъ, ради, напримѣръ, спасенія журнала; все это представителями лагеря „безличныхъ“, чернью гостиныхъ и канцелярій, ставилось Некрасову въ вину, причемъ обвинители торжественно указывали на покаянныя его пѣсни, какъ на повинную. Это—не что иное, какъ недоразумѣніе, употребляя деликатное выраженіе,—и это важно,—разумѣется, на

литературной почвѣ только,—категорически опровергнуть. Въ десяткахъ стихотвореній этого рода, т.-е. покаянныхъ, нѣтъ ни одной строки, которая указывала бы на склоненіе головы передъ этими противниками, къ которымъ Некрасовъ естественно могъ только питать презрѣніе. Это презрѣніе въ случаяхъ особенно острыхъ доходило до чувства отвращенія. Послѣ извѣстнаго эпизода, когда Некрасовъ пробовалъ спасти „Современникъ" комплиментарнымъ застольнымъ стихотвореніемъ, и былъ затѣмъ принятъ въ объятія „безличными", вздумавшими сдѣлать карьеру такимъ пріемомъ въ свои нѣдра блуднаго сына, Некрасовъ пишетъ свое знаменитое стихотвореніе: „Ликуетъ врагъ",—и развѣ у Шекспира, можетъ быть, найдется равное по силѣ выраженія изображеніе чувства гадливости, испытаннаго поэтомъ въ эти минуты:

„За что кричатъ безличные:—ликуемъ!
Спѣша въ объятья къ новому рабу
И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу".

Въ этомъ покаянномъ стихотвореніи, какъ и во всѣхъ другихъ безъ исключенія, поэтъ кается „передъ вчерашнимъ другомъ", который „молчитъ, въ недоумѣніи качая головой", и передъ „великими страдальческими тѣнями, на чьихъ гробахъ (онъ) преклонялъ колѣни". Это—тѣни Бѣлинскаго, Добролюбова, матери. Къ послѣдней, прямо высказывая это, обращается онъ въ „Рыцарѣ на часъ" съ „пѣснью покаянія" и здѣсь, рядомъ съ упоминаніемъ о „позорныхъ пятнахъ" своихъ, твердо свидѣтельствуетъ о той „свободной, гордой силѣ въ груди", которую онъ унаслѣдовалъ отъ нея, и проситъ мать укрѣпить его волею твердою. Не разъ, въ обращеніяхъ своихъ „Къ поэту", Некрасовъ говоритъ, что медленно сгораетъ со стыда оттого, что, владѣя счастливымъ даромъ, онъ бездѣйственъ и печаленъ, и оттого, что—

„...Душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано".

Еще въ 1850 году, въ пору сравнительной безвѣстности, онъ уже говоритъ о терновомъ вѣнцѣ, который приняла, не дрогнувъ, его обезславленная муза, и затѣмъ, вспоминая совѣтъ „печатнаго судьи" своихъ стиховъ „быть осторожнымъ въ употребленіи" мѣстоименія „я", Некрасовъ пишетъ:

„Противъ твоей я публики грѣшу;
Но только я не для нея пишу...
...Друзья мои,
...Мою тоску, мою бѣду
Пою для васъ..."

Несомнѣнно, однако, что если, съ одной стороны, Некрасовъ никогда не унижался до оправданія предъ людьми, которыхъ уважать не могъ, и не приносилъ имъ повинной, то, съ другой, мягкая, женственная натура его, которая такъ удивительно соединяла „месть“ съ „печалью“, не могла не страдать отъ окружавшаго его тупого непониманія. Его сбивало также отсутствіе привѣта со стороны представителей чистаго искусства, такъ какъ онъ проповѣдовалъ ту же любовь, что они,—правда, проповѣдовалъ ее иначе—„враждебнымъ словомъ отрицанья“,—но вѣдь эта же любовь къ людямъ вообще вызывала его отрицанія и заставляла его въ то же время страдать при видѣ безчувственности людей:

„Стихи мои! Свидѣтели живые
За міръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ“.

Онъ видѣлъ, что это — утесы, понималъ, что это—камни, но все-таки бился о нихъ съ негодованіемъ, съ честной ненавистью къ этому безплодному, неподвижному берегу.

Некрасовъ, однако, хорошо понималъ, что хотя его клянутъ со всѣхъ сторонъ, но въ свое время—пусть это будетъ послѣ смерти—

„Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,—
И какъ любилъ онъ, ненавидя“.

Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности (1851 г.), когда онъ пѣлъ про свою музу чисто Пушкинскимъ мотивомъ, въ качествѣ ученика великаго учителя, что она его—

„...Гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ... свирѣли не забыла“,

—ему рисовалось его поэтическое назначеніе, въ чисто романтическихъ формахъ шествія за музой:

„Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела,—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила“.

Но уже въ 1867-мъ году, на вершинѣ своей славы, въ стихотвореніи: „Неизвѣстному другу“, онъ совершенно опредѣленно свидѣтельствуетъ о своемъ лирико-публицистическомъ призваніи:

„Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!“

То чувство „мести“, которымъ онъ горѣлъ, та ядовитая „капля крови“, которую онъ воспринялъ въ своемъ дѣтствѣ, переживая, подобно народу, горе личнаго рабства, подъ властью дикаго отца, представлялось ему совершенно справедливымъ залогомъ прощенія его винъ родиной:

„За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о родина, прости!“

Одно изъ лучшихъ послѣднихъ его стихотвореній: „Баюшки баю“, давшее ему очевидно высокое успокоеніе въ этой заботѣ о прощеніи, позволяетъ и намъ, по поводу 25-лѣтія со дня его смерти, успокоившей его 27-го декабря 1877 года, съ облегченіемъ въ сердцѣ признать, что онъ умеръ примиренный. Среди „непобѣдимаго страданія и неутолимой тоски“ въ дни послѣдней весны, уже подъ „черной рукой недуга“, онъ услышалъ отъ своей Музы, которая „на костыляхъ“ прибрела возвѣстить ему смерть, что она несетъ ему „вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья“ —отъ родины.

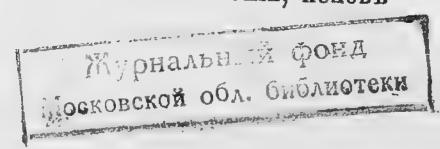
Уже передъ самой смертью, мечтая о другой веснѣ, до которой онъ не дожилъ, онъ слышитъ пророческую пѣснь „ангела свѣта и покоя“:

„Дождись весны, приду я рано,
Скажу—будь снова человѣкъ
. . . .
И музѣ возвращу я голосъ;
И вновь блаженные часы
Ты обрѣтешь, сбирая колосъ
Съ своей несжатой полосы“.

Ненавидя тѣ обломки старой русской жизни, которые испортили его дѣтство и мѣшали тогда, какъ и нынѣ мѣшаютъ, родинѣ подняться, Некрасовъ завѣщалъ намъ настоящій патріотизмъ, ту плодотворную любовь, которая ожесточенно борется противъ несовершенствъ жизни въ своей неутолимой жаждѣ идеала. Именно на этой почвѣ Некрасовъ справедливо не просилъ, а требовалъ отъ общества примиренія съ его музой:

„Примиритесь же съ музой моей!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей“.

Это широкое, общечеловѣческое въ своемъ значеніи, исповѣ-

даніе любви къ тому, что этой любви дѣйствительно стоитъ, и ненависти къ неправдѣ, къ царящему злу, прекрасно выражено Плещеевымъ въ строфахъ, обращенныхъ къ памяти Некрасова. Это —лучшая эпитафія покойному поэту. Онъ,—пишетъ Плещеевъ,—

„Пѣлъ о желанныхъ лучшихъ дняхъ,
Народа прозрѣвая силы...
И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ
Къ неправдѣ ненависть будила“...

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Вѣра Павловна пріѣхала въ губернскій городъ и остановилась въ лучшей гостинницѣ, устроенной на подобіе европейскихъ отелей. На вокзалъ выѣзжала карета съ надписью: „Hôtel de France"; въ самой гостинницѣ было электрическое освѣщеніе, звонки, ванна, даже читальня, снабженная столичными газетами и убогимъ мѣстнымъ листкомъ.

Лядова, пріѣхавъ часовъ въ десять утра, тотчасъ же потребовала къ себѣ коммиссіонера.

— Знаете вы, гдѣ живетъ Алексѣй Петровичъ Бѣлоконскій?

— А кто они будутъ-съ?

— Кандидатъ на судебныя должности при здѣшнемъ судѣ.

— Не слыхалъ-съ, а можно спросить въ судѣ.

— Вы доставите ему сейчасъ это письмо.

— Слушаю-съ.

Черезъ полчаса Бѣлоконскій сидѣлъ у Вѣры Павловны. Онъ уже зналъ все, что случилось съ Рахмаровымъ, и былъ недоволенъ отчимомъ за „новое ребячество", какъ онъ выразился.

— Какъ ребячество?!—съ удивленіемъ воскликнула Лядова.

— Еще бы не ребячество! Писать корреспонденцію о не-

*) См. выше: мартъ, стр. 56.

годяѣ, который на все способенъ! Кому польза отъ этихъ корреспонденцій! Этотъ господинъ останется такимъ же.

— Но, во-первыхъ, эту корреспонденцію писалъ не онъ, а во-вторыхъ, я не ожидала, что вы такъ на это смотрите.

— Я всегда такъ смотрѣлъ. Ужъ если дѣлать, такъ что-нибудь поглубже, посерьезнѣе!..

Наружность Алексѣя Петровича сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Лядова видѣла его въ Петербургѣ. Онъ возмужалъ, сталъ полнѣе, но лицо носило отпечатокъ усталости, поблѣднѣло и какъ-то припухло; въ немъ исчезла прежняя юношеская свѣжесть. Измѣнились и глаза, пользовавшіеся у губернскихъ дамъ названіемъ „бархатныхъ“: ихъ прежній, молодой, задорно-насмѣшливый блескъ исчезъ, и они стали дѣйствительно похожи если не на бархатные, то на суконные: въ нихъ было что-то лѣнивое, сладковатое и циничное.

Лядову инстинктивно смущали его взгляды, когда онъ разсматривалъ ее съ головы до ногъ, развалившись въ низенькомъ креслѣ.

Когда Вѣра Павловна показала ему бумагу, въ которой Марья Семеновна отказывалась отъ своего доноса и объясняла его происхожденіе, Бѣлоконскій одобрилъ Рогова:

— Вотъ не ожидалъ, что Роговъ способенъ сдѣлать что-нибудь путное!.. Во всякомъ случаѣ, отлично сдѣлали, что поторопились пріѣхать,—добавилъ онъ:—надо немедленно дѣйствовать. Я сейчасъ поѣду къ прокурору; вы — къ тетушкѣ и дядюшкѣ. Дайте мнѣ эту бумагу съ показаніями Марьи Семеновны: я ее покажу прокурору и потомъ привезу вамъ, къ дядюшкѣ. Это очень важно. Быть можетъ, сегодня же выяснимъ все недоразумѣніе...

Въ бумагѣ, написанной рукой Рогова и скрѣпленной подписью Марьи Семеновны, разсказывалось приблизительно вотъ что:

„Лопатинъ уговаривалъ меня, несчастную женщину, обезумѣвшую отъ неправильной ревности, подписать самыя лживыя и невѣрныя клеветы на Петра Григорьевича. Когда бумага была уже мною подписана и послана Лопатинымъ въ Петербургъ, я убѣдилась, что впала въ ужасную ошибку и грѣхъ“... и т. д.

Бѣлоконскій сообщилъ Лядовой, что въ одной московской газетѣ уже напечатана клеветническая корреспонденція о Рахмаровѣ и о самой Вѣрѣ Павловнѣ. Вѣроятно, она была туда послана Лопатинымъ или кѣмъ-нибудь изъ его пріятелей. Къ несчастью, нельзя даже потребовать опроверженія оффиціальнымъ путемъ, потому что фамилій не упомянуто; обвиненія высказаны

неуловимыми намеками и касаются интимной жизни и убѣжденій обличаемыхъ лицъ; противъ этого, конечно, никакихъ фактовъ привести нельзя. А между тѣмъ о корреспонденціи уже говоритъ весь губернскій городъ. Газета, гдѣ она помѣщена, считается почему-то въ провинціи пользующейся особымъ покровительствомъ. Дядюшка рветъ и мечетъ, такъ какъ дѣло идетъ о его роднѣ и косвенно компрометируетъ его въ Петербургѣ. Онъ очень сердитъ на Рахмарова и Вѣру Павловну, и трудно будетъ добиться отъ него помощи. Для этого нужно убѣдить его, что клевета можетъ быть опровергнута безусловно, и что, такимъ образомъ, онъ получитъ возможность реабилитировать въ Петербургѣ своихъ родственниковъ. Однако, самъ дядюшка—человѣкъ съ пониманіемъ довольно тугимъ; поэтому лучше начать съ тетушки. Она встаетъ въ двѣнадцать часовъ, и Вѣрѣ Павловнѣ слѣдуетъ отправиться къ ней въ часъ.

— Я буду тамъ уже раньше и успѣю предупредить Наталью Борисовну,—дѣловито говорилъ Бѣлоконскій.—Вы избѣжите непріятныхъ предварительныхъ объясненій и вступленій. Мы—друзья съ нею: я у нея секретаремъ по здѣшнему благотворительному обществу, и она очень ко мнѣ благоволитъ... Итакъ, я ѣду!

— Не можете ли вы для меня достать тотъ нумеръ газеты, гдѣ напечатана корреспонденція?

— Не совѣтую вамъ ее читать. Она васъ очень разстроитъ... Это—невозможная гнусность!

— Ничего! Я къ этому подготовлена! А все-же необходимо ознакомиться съ нею, чтобы умѣть отвѣтить, если дядя и тетка будутъ на нее намекать или спрашивать.

— Вѣроятно, можно найти этотъ нумеръ здѣсь, въ читальнѣ... Это было напечатано дня три тому назадъ. Да лучше я самъ отыщу его тамъ и пришлю вамъ сюда.

Черезъ четверть часа Лядова читала:

„Превратныя и разрушительныя идеи нашихъ обезумѣвшихъ либераловъ начинаютъ уже переходить изъ жидовствующей петербургской печати въ жизнь, не оставляя въ покоѣ даже такіе захолустные уголки, какъ нашъ вполнѣ богоспасаемый уѣздъ. Одинъ здѣшній землевладѣлецъ, человѣкъ съ весьма запятнанной репутаціей, открылъ у себя въ имѣніи на чужое имя, пользуясь родствомъ съ высокопоставленными лицами въ губерніи,—деревенскій университетъ анархизма и самыхъ разрушительныхъ идей. Чего же смотрятъ тѣ, кому поручено охранять насъ? „Quousque tandem“ и т. д.

Въ заключеніе корреспонденціи говорилось, что „означенный распространитель заразы вызвалъ къ себѣ соотвѣтствующую помощницу изъ самыхъ разнузданныхъ кружковъ Петербурга. Открыто живя въ связи съ нею (при женѣ и почти взрослой дочери), онъ явно, среди бѣлаго дня, глумится своимъ поведеніемъ надъ всѣми устоями и основами семьи и нравственности, составляющими силу и крѣпость русскаго народа“...

Бросивъ газету на полъ, Вѣра Павловна, съ пылающими щеками, быстро ходила по комнатѣ, ломая руки, и громко восклицала:

— Боже мой! Господи! Да что̀ же это такое?! Да какъ же это возможно?! Да неужели это оставить такъ! И, вѣдь пожалуй, это перепечатаютъ въ другихъ газетахъ! Что̀ дѣлать?! Что̀ мнѣ дѣлать?

Ея волненіе и негодованіе были такъ сильны, что только мысль о необходимости какъ-нибудь опровергнуть немедленно эту гнусность—поддерживала въ ней силы. Она чувствовала нѣсколько разъ, что у нея сердце перестаетъ биться и сознаніе теряется. Наконецъ, она рѣшила написать немедленно своему пріятелю, редактору петербургскаго журнала, сообщивъ подробности и прося его въ одной или двухъ порядочныхъ газетахъ разъяснить дѣло.

Письмо было написано неровнымъ почеркомъ, съ прыгающими буквами, такъ какъ все вертѣлось въ ея глазахъ и руки дрожали. Это письмо нѣсколько успокоило Лядову. Отправляя его, она спросила у лакея:

— Здѣсь издается какая-нибудь газета?

— Какъ же-съ! „Листокъ“! Три раза въ недѣлю выходитъ! Только тамъ все больше объявленія.

— Узнайте мнѣ адресъ.

Черезъ четверть часа она подъѣзжала къ небольшому двухъэтажному каменному дому, въ одной изъ далекихъ улицъ города. На домѣ была большая вывѣска: „Типографія городской газеты „Листокъ“, а на подъѣздѣ—вывѣска поменьше, на которой, кромѣ названія газеты, значились часы пріема. Она попала весьма удачно, какъ разъ въ назначенное время.

Подъѣздъ не былъ запертъ; тѣмъ не менѣе, она позвонила. Наверху грязной деревянной лѣстницы, ведущей во второй этажъ, отворилась дверь, и грубый голосъ крикнулъ:

— Чего звоните! Не заперто!

— Гдѣ тутъ редакція?

— Здѣсь, наверху!

Дверь захлопнулась.

Вѣра Павловна поднялась вверхъ и вошла въ темную прихожую.

Изъ прихожей видна была комната въ два окна, гдѣ за большимъ столомъ сидѣлъ высокій молодой человѣкъ съ подвязанной щекой, копной вьющихся бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и съ очень красивыми темными глазами. Онъ читалъ газеты, рѣзалъ ихъ ножницами и наклеивалъ вырѣзки на листъ бумаги, намазывая ихъ крахмаломъ.

— Можно мнѣ видѣть редактора?—спросила у него Лядова.

Тотъ взглянулъ на нее строго, но, замѣтивъ интеллигентное лицо и приличный, скромный костюмъ, сдѣлался любезнѣе и даже всталъ.

— Пожалуйста, присядьте. Редакторъ сейчасъ занятъ съ однимъ посѣтителемъ. Но онъ скоро освободится.

Вѣра Павловна присѣла на одинъ изъ четырехъ стульевъ, имѣвшихся въ комнатѣ, а молодой человѣкъ снова принялся рѣзать и наклеивать. Но черезъ минуту онъ обратился къ ней:

— Вы по какому же, собственно, дѣлу?

— Я его должна объяснить самому редактору, — отвѣтила она.

— Я—секретарь редакціи, и всякое дѣло проходитъ черезъ мои руки. Если относительно переводовъ или корректуры,—такъ у насъ работы нѣтъ. Многіе являются, просятъ работы... Даже даромъ готовы...

— Нѣтъ, я не за этимъ...

— Статейку помѣстить хотите?

— Да, пожалуй, статейку... Опроверженіе на одну корреспонденцію.

Она назвала газету.

— Это не изъ нашего ли уѣзда?

— Да! Вы уже читали?—спросила Лядова.

— Еще бы не читать! Это возмутительнѣйшая корреспонденція! Вы, вѣроятно, изъ нашего уѣзда? Не о васъ ли тамъ и разсказывается?

Лядова сильно покраснѣла и, кажется, въ первый разъ въ жизни не была въ силахъ сказать правды.

— Нѣтъ, это мои знакомые... друзья,—отвѣтила она едва слышно.

— Вполнѣ, вполнѣ сочувствую и имъ, и вашему намѣренію, но...

Онъ вскочилъ съ мѣста и быстро сталъ ходить по комнатѣ, ероша волосы.

— Да, да! Это невозможно будетъ напечатать! Я бы напечаталъ! Но редакторъ,—при этомъ молодой человѣкъ понизилъ голосъ и сказалъ почти шопотомъ:—онъ ужасный трусъ! Знаете, акцизный чиновникъ, зависимый человѣкъ!.. И не дурной, знаете! Даже съ нѣкоторыми добрыми намѣреніями... Но противъ этой газеты онъ не напечатаетъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Я его знаю! Еслибы даже пропустилъ нашъ церберъ, то и тогда Иванъ Ивановичъ не рѣшится! Такіе случаи были...

— Да вѣдь ему ничего же не будетъ за это...

— Эхъ, вы не знаете, что такое редакторская лихорадка! И ничего не будетъ, да вдругъ!.. Нѣтъ-съ, вы ужъ пошлите лучше опроверженіе въ одну изъ порядочныхъ столичныхъ газетъ. Вотъ теперь довольно смѣло пишетъ „Курьеръ Запада“... Если хотите, я помогу вамъ составить... Конечно, gratis!.. Меня самого возмущаетъ эта корреспонденція... Я посылаю кое-что отюда въ одну столичную газету... Но тамъ редакторъ—такой же трусъ! Самыя невинныя корреспонденціи зачеркиваетъ...

— Я уже написала къ одному знакомому литератору: онъ редактируетъ толстый журналъ, имѣетъ связи съ редакціями, и я увѣрена, что сдѣлаетъ все, что можетъ. Но вѣдь это не скоро! Пока дойдетъ мое письмо, пока тамъ напечатаютъ, да пока нумеръ придетъ сюда... А клевета будетъ ходить!.. Поэтому-то я и хотѣла бы въ мѣстной газетѣ...

— Онъ не согласится!—махнувъ рукой и кивая на дверь, сказалъ секретарь. — Да и не пропустятъ! Это — не простой фактъ!

Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ все быстрѣе и быстрѣе, причемъ такъ ерошилъ свою шевелюру, что, казалось, изъ его волосъ выйдетъ войлокъ.

Вѣра Павловна смотрѣла на его засаленный пиджакъ, на грязные воротнички, и думала:

„Должно быть, редакторъ держитъ ихъ впроголодь! Не предложить ли ему хорошую плату? Вѣдь, говорятъ, эти господа довольно податливы... Быть можетъ, онъ и болтаетъ-то все это для того, чтобы я его хорошенько поблагодарила“.

Вдругъ секретарь ударилъ себя по лбу и воскликнулъ, остановившись передъ нею:

— Эврика! Мнѣ пришла мысль. Завтра пойдетъ мой фельетонъ, и я попробую какъ-нибудь экивокомъ, эзоповскимъ языкомъ, разсказать эту исторію! Можно, напримѣръ, изобразить

все это въ Китаѣ, пристегнуть даже къ текущимъ военнымъ событіямъ. Напримѣръ, какой-нибудь мандаринъ, сочувствующій европейскому просвѣщенію, открываетъ школу, а другой—противъ... Ну, да, однимъ словомъ, я ужъ это придумаю! Кому нужно будетъ—догадаются! Только вотъ что̀: редактору вы—ни слова! Чтобы онъ и подумать не могъ, что это по поводу корреспонденціи... Вы мнѣ назначьте, когда зайти къ вамъ, и вы мнѣ разскажете все... А теперь лучше уходите...

— Спасибо вамъ... Если позволите, я отъ себя готова поблагодарить васъ.

Онъ отпрянулъ отъ нея къ своему столу, какъ будто его неожиданно ударили по лицу. Блѣдныя щеки залились румянцемъ; темные усталые глаза загорѣлись злобой.

Она испугалась того эффекта, какой произвели ея слова, и, поднявшись съ мѣста, проговорила:

— Простите! Я васъ обидѣла! Я не ожидала... Я слышала...

— Всѣ вы слышали, слышали!.. Что̀ такое всѣ вы слышали?! Во всякихъ сферахъ есть негодяи! Въ семьѣ не безъ урода! Нельзя же такъ за нѣсколькихъ уродовъ хлестать въ лицо каждаго... Вы дворянка? Да? Что же, нѣтъ дворянъ негодяевъ? Да вотъ этотъ, что написалъ о вашихъ знакомыхъ? Что же, я бы васъ хлестнулъ этимъ?!.. Впрочемъ, вы не виноваты!.. Это—общество виновато, проклятое, мерзкое, тупоумное!.. Да, да! Я напрасно такъ горячусь! Вотъ вы испугались и поблѣднѣли!.. Извините меня... Я зайду къ вамъ... Когда? Вашъ адресъ? Я боюсь, что редакторъ выйдетъ, и вы ему проговоритесь. Тогда все пропало! Надо мнѣ съ вами поговорить поскорѣе, чтобы успѣть составить фельетонъ.

Условились, что онъ сейчасъ, вслѣдъ за нею, пойдетъ въ гостинницу.

Уходя, Вѣра Павловна горячо жала руку секретаря и со слезами на глазахъ просила простить ее.

— Ничего-съ, ничего!.. Это я оттого, что нездоровъ, такъ разгорячился: лихорадка, да еще флюсъ цѣлыя ночи спать не даетъ...

Она посовѣтовала ему средство отъ зубной боли, которое ей всегда помогаетъ, и разстались они друзьями.

Въ номеръ къ Лядовой секретарь явился прилично одѣтымъ и просидѣлъ у нея съ полчаса, возмущаясь и негодуя на Лопатина:

— О, какъ бы я его раздѣлалъ, еслибы было можно!.. Вы мнѣ изъ деревни сообщайте, пожалуйста, если есть что-нибудь

важное и стоющее обличенія... Все же кое-что иногда и можно тиснуть, хотя иносказательно... Все хочу бросить газетную работу... Трудно на этой почвѣ принести пользу... Только злишься, а сдѣлать ничего невозможно!.. Вы не повѣрите, до какой степени я испортилъ себѣ нервы съ этой несчастной работой!..

— Я васъ вполнѣ понимаю! Это—ужасно! Очень вамъ благодарна за обѣщаніе сдѣлать хотя что-нибудь... Вы не хотите ли позавтракать?

На лицѣ гостя выразилось ясно, что это было бы очень хорошо, но, подумавъ немножко, онъ отвѣтилъ:

— Я завтракаю позднѣе. Вотъ, если позволите, стаканъ кофе...

Уходя отъ Вѣры Павловны, онъ сказалъ ей:

— Мало порядочныхъ людей въ провинціи, а то можно бы кое-что сдѣлать, что̀ бы обуздало такихъ Лопатиныхъ... Но я васъ задерживаю; вы торопитесь. Я еще возобновлю съ вами этотъ разговоръ.

— Непремѣнно, непремѣнно! Спасибо вамъ!

— Такъ завтра ждите!.. Ужъ я такъ напишу, что ни церберъ, ни редакторъ, не догадаются, и пройдетъ...

„Ну, это вовсе не утѣшительно",—подумала Вѣра Павловна, но вслѣдъ затѣмъ рѣшила, что все-же и такой фельетонъ лучше, чѣмъ ничего...

Когда онъ былъ уже около двери, Вѣра Павловна вдругъ сказала:

— Простите, я васъ давеча обманула немножко: корреспонденція эта обо мнѣ самой... Ужъ очень тяжело было въ этомъ сознаться,—такія тамъ гадости обо мнѣ напечатаны.

II.

Тетушка ждала Лядову въ столовой съ чаемъ и кофе. Тутъ же былъ и Бѣлоконскій. Хотя онъ разсказалъ ей всѣ подробности, она тѣмъ не менѣе встрѣтила Вѣру Павловну очень сурово:

— Ну, и натворила ты дѣлъ, мой другъ! Это Богъ знаетъ что̀ такое!

— Да, милая тетя, я ни въ чемъ не виновата!

— Кругомъ виновата! Вполнѣ виновата! Развѣ можно было поселяться у этого безумца?! Да еще школу тамъ открыть!! Гдѣ это видано? Слыхала ли ты, чтобы порядочная свѣтская дѣвушка

устроила такую штуку? Да вѣдь это даже представить себѣ невозможно! Вы тамъ, въ Петербургѣ, совсѣмъ обезумѣли. Вотъ тебѣ и плоды! Кто же тебѣ повѣритъ, что всѣ эти клеветы не имѣютъ никакого основанія? Тебѣ извѣстно, что въ обществѣ есть пословица: „Нѣтъ дыма безъ огня“! И свѣтъ держится ея всегда...

Тетушка была полная пожилая дама, съ сильнымъ румянцемъ на лицѣ, но какого то кирпичнаго цвѣта. Сѣрые большіе глаза ея были, вѣроятно, когда-то красивы. Она и теперь кокетничала ими, когда взглядывала на Бѣлоконскаго, давая ему какое-нибудь порученіе,—напримѣръ, подвинуть Лядовой печенье, позвонить лакея, и т. д. Алексѣя Петровича она почему-то называла „шялюнъ“, что значило „шалунъ“, т.-е. буквы „а“ и „у“ замѣняли „я“ и „ю“, благодаря особой нѣжности, которую тетушка старалась вложить въ это слово.

— Почему вы его такъ называете?—спросила Лядова, когда гнѣвъ тетушки нѣсколько спалъ, и можно было перевести разговоръ на почву обычной свѣтской болтовни.

— Ахъ, ты развѣ не знаешь? Онъ здѣсь—побѣдитель сердецъ! Всѣхъ, начиная съ моего! Только я его люблю, конечно, пла-то-ни-чески!—растянула она послѣднее слово, причемъ у нея вышло „плятонически“.—Но съ другими!.. О, онъ ужасный шялюнъ!—и она погрозила ему пальцемъ.

— Однако, ты, душа моя, не переводи разговора на невинныя темы, а давай вмѣстѣ вотъ съ нимъ обсудимъ, какъ поступить... „Шялюнъ“ сообщилъ, что прокуроръ обѣщалъ немедленно разсмотрѣть „дѣло“... Онъ не сообщилъ тебѣ объ этомъ по моей просьбѣ, чтобы тебя помучить хорошенько... и проучить... Но ужъ такъ и быть!.. Мнѣ тебя все-же жаль! Такъ вотъ, обдумаемъ! Мужу нельзя просить прокурора. Будь Рахмаровъ совершенно чужой человѣкъ—дѣло другое! Съ другимъ лицомъ, отъ котораго это дѣло зависитъ, мужъ—въ контрахъ... И это можетъ затруднить все... Къ счастью, „шялюнъ“ и тутъ можетъ кое-что устроить, благодаря своимъ бархатнымъ глазамъ! Имъ очарована дочка одного лица, отъ котораго тутъ многое зависитъ, и ея отецъ видитъ въ „шялюнѣ“ возможнаго жениха... Это—очень важно! И ему необходимо немедленно отправиться туда. Ну, а мужа ты ни о чемъ не проси. Онъ тутъ не можетъ вступиться... Постарайся объ одномъ,—въ разговорѣ съ нимъ убѣдить его, что это все ложь... Это и его успокоитъ, да и для дѣла нужно: онъ вѣдь такой, что можетъ самъ потребовать особо-крутыхъ мѣръ для родственника, чтобы показать свое

безпристрастіе. Ты знаешь, онъ заболѣлъ отъ этой исторіи и былъ бы въ постели, еслибы не боялся, что всѣ поймутъ причину болѣзни... Вѣдь онъ этого безумца,—года еще нѣтъ,—рекомендовалъ въ коммиссію!!.. Я даже серьезно опасаюсь за мужа! Вотъ что вы надѣлали! Ну, да ты—дѣвушка, и тебя строго винить нельзя, а этому старому безумцу я никогда не прощу! Пусть и на глаза ко мнѣ не показывается!

Черезъ минуту она рѣшила, что Лядовой теперь лучше не встрѣчаться съ мужемъ.

— Онъ можетъ быть рѣзокъ и, пожалуй, скажетъ что-нибудь грубое. Лучше я его подготовлю. Ты теперь поѣзжай въ гостинницу и отдохни, а вечеромъ пріѣдешь... У себя не могу тебя оставить: ты теперь зачумленная... А вечеромъ пріѣзжай. У меня никого не будетъ, кромѣ одного пріѣзжаго виртуоза да двухъ неважныхъ дамочекъ; это—для „шялюна"... Виртуозъ собирается дать концертъ, и сегодня сыграетъ у меня... Кстати, послушаешь... А теперь прощай! Мужъ можетъ сейчасъ явиться.

III.

Вечеромъ Лядова отправилась къ тетушкѣ довольно поздно, такъ какъ, вслѣдствіе безсонной ночи, дороги и всякихъ волненій, пережитыхъ ею сегодня, была совсѣмъ больна. Но, какъ бываетъ у нервныхъ натуръ, мысль, что ей что-то нужно дѣлать, хлопотать,—создавала подъемъ энергіи. Послѣдствія должны были сказаться потомъ.

Гостиная тетушки Натальи Борисовны Савичевой считалась въ цѣломъ городѣ самымъ оживленнымъ и гостепріимнымъ мѣстомъ. Хотя тетушкѣ было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ, однако природа дала ей крѣпкое тѣлосложеніе, порядочный запасъ жира и „молодую душу", какъ иронически выражались губернскіе франты. Поэтому она любила молодежь, общество, устроивала всякіе soirées—и музыкальные, и танцовальные, съ катаньями на тройкахъ и въ лодкахъ, покровительствовала всякимъ артистамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и пріѣзжимъ. Мѣстные остряки увѣряли, что она за своими пиршествами изображаетъ не хозяйку, а того нищаго, который ждетъ, не достанется ли ему какая-нибудь кроха, упавшая съ общаго стола. Но этихъ крохъ на ея долю доставалось мало. Наталья Борисовна сама была не прочь намекнуть на свои успѣхи у молодыхъ людей, но знающіе утверждали, что она клевещетъ на себя. Въ результатѣ,

служеніе „общественнымъ развлеченіямъ“ выходило почти безкорыстное, а между тѣмъ въ ея залахъ и гостиныхъ завязалось не мало браковъ и еще болѣе адюльтеровъ; но такъ какъ, по статистикѣ мѣстныхъ сплетницъ, браковъ было больше, чѣмъ адюльтеровъ, то тетушку всѣ „носили на рукахъ“. Посѣщать ея вечера, участвовать въ ея пикникахъ, исполнять ея порученія, ея ходатайства за разныхъ protégés, развозить билеты на устроиваемые ею спектакли, апплодировать пѣвцамъ и актерамъ, которымъ она покровительствовала, и вообще быть у нея на посылкахъ,—считалось большой честью.

Наталья Борисовна хотя и была горячей патріоткой, но считала „хорошимъ тономъ“, чтобы въ ея гостиной слышались сатирическія остроты и вообще чувствовалась „аттическая соль“. Этой „солью“ снабжалъ ее Бѣлокопскій, и нигдѣ у него не развязывался такъ языкъ, какъ на ея кушеткахъ за трельяжами и передъ ея каминами. Поэтому онъ охотно посѣщалъ ея вечера, чувствуя себя здѣсь героемъ дня. Алексѣй Петровичъ держалъ себя съ хозяйкой полунасмѣшливо, полупокровительственно; она, несмотря на это, а, быть можетъ, и поэтому, старалась исполнять его желанія, приглашала къ себѣ въ домъ тѣхъ дамъ, на которыхъ онъ дѣлалъ намеки, усаживала его за столомъ или на катаньяхъ рядомъ съ ними. „Молодость должна пользоваться своимъ временемъ,—говорила она:—и притомъ это такъ comme-il-faut—покровительствовать маленькимъ сердечнымъ тайнамъ!“

Въ описываемый вечеръ у Савичевой, какъ мы уже знаемъ, пріѣзжій артистъ долженъ былъ сыграть нѣсколько „вещицъ“; одна изъ мѣстныхъ дамъ обѣщала спѣть, а вечеръ предполагали окончить катаньемъ на тройкахъ на вокзалъ желѣзной дороги, отстоявшій въ полуверстѣ отъ города, какъ бо̀льшая часть нашихъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ. Здѣсь обыкновенно забирались въ такъ называемую „дамскую комнату“, освѣжали себя шампанскимъ и опять мчались въ городъ, гремя бубенчиками и торопясь къ легкому ужину хлѣбосольной генеральши.

Алексѣй Петровичъ былъ въ этотъ вечеръ не въ духѣ. Онъ удалился въ угловую комнату, гдѣ былъ полусвѣтъ отъ высокой лампы, укутанной въ самый причудливый абажуръ. Здѣсь, за густымъ трельяжемъ, онъ сидѣлъ, полуразвалившись въ глубокомъ креслѣ, болтая съ двумя дамами, которыхъ третировалъ полушутя, полупрезрительно, ссорилъ ихъ между собою и мирилъ, то дѣлаясь любезнѣе къ одной, то къ другой, то утѣшая обѣихъ одновременной любезностью. Дамы были изъ „неважныхъ“: одна —жена секретаря какого-то учрежденія, хорошенькая, черно-

глазая, пухленькая брюнетка; другая—жена директора частнаго банка, высокая и полная блондинка, пышущая здоровьемъ и жизнью. По желанію Бѣлоконскаго, хозяйка и пригласила ихъ сегодня, намекнувъ имъ даже, каждой въ отдѣльности, что Алексѣй Петровичъ очень интересуется ими и будетъ у нея. Обѣ дамочки давно мечтали занять мѣстечко въ сердцѣ моднаго „ловеласа“ и, быть можетъ, выдвинуться этимъ въ мѣстномъ бомондѣ, гдѣ онѣ были приняты только за смазливенькія личики.

Въ этотъ вечеръ Бѣлоконскій видимо тяготился обѣими дамами и одинъ разъ даже слегка зѣвнулъ при нихъ, вызвавъ на себя цѣлую бурю восклицаній, которыя его мало тронули. Его смущало ожидаемое появленіе Лядовой: не хотѣлось обнаруживать передъ нею образа жизни, какой онъ велъ здѣсь. Мнѣніемъ ея о себѣ Бѣлоконскій дорожилъ.

Въ залѣ послышались вступительные аккорды, возвѣщавшіе, что пріѣзжій артистъ собирался играть. Въ угловую быстро вошла хозяйка своей тяжелой, волочащейся походкой, загородивъ почти всю дверь мощной, ожирѣвшей фигурой; эта фигура, съ огромной грудью, рыхлымъ, кирпично-румянымъ лицомъ и напудренными волосами, служила постояннымъ источникомъ комплиментовъ: кто желалъ польстить хозяйкѣ, находилъ въ ней сходство съ той или иной высокопоставленной дамой изъ русской исторіи.

— Mesdames,—заговорила она:—сейчасъ Штейнбергъ начнетъ играть. Идите, ради Бога, въ залъ. Неловко! Онъ тамъ почти одинъ... А вы, Алексѣй Петровичъ?

— Я люблю слушать музыку издали. А дамамъ необходимо! Артистъ можетъ обидѣться,—сказалъ онъ.

Дамы поднялись; каждая изъ нихъ разсчитывала, что можетъ потихоньку скрыться изъ зала и остаться съ Алексѣемъ Петровичемъ наединѣ.

Хозяйка дала имъ дорогу, а сама подошла ближе къ Бѣлоконскому и, немножко наклонившись, насколько ей позволялъ туго стянутый, какъ броня, корсетъ, просюсюкала, говоря съ нимъ, какъ говорятъ съ маленькими дѣтьми:

— А вы сегодня чѣмъ-то разстроены, мой очаровательный „шялюнъ“? Что такое случилось? Я знала впередъ, что эти дамы не по васъ. Онѣ хорошенькія, но очень недалеки... Вамъ нужно душу глубокую, возвышенную, артистическую, которая бы васъ понимала! Какъ я понимаю васъ! Я тоже одинока въ этой толпѣ!..

— Ну, я вовсе не чувствую себя одинокимъ,—сухо отвѣ-

тилъ онъ.—Дѣло не въ томъ. У меня, Наталья Борисовна, есть къ вамъ большое дѣло. Немного погодя, вы загляните сюда ко мнѣ, и поговоримъ.

— Знаю, знаю!—еще болѣе растягивая и смягчая слова, воскликнула хозяйка:—опять новое увлеченіе! Шялюнъ, шялюнъ!..

И она почти выпорхнула, стараясь изобразить что-то изящное и легкое.

Въ огромномъ залѣ, въ виду артистическаго меценатства хозяйки, стоялъ прекрасный рояль Беккера, хотя сама она никогда не играла.

Гости размѣстились на стульяхъ. Пріѣзжій артистъ, нѣмецъ гигантскаго роста, закинулъ назадъ свои длинные волосы, окинулъ чувственными, нѣсколько бычачьими глазами, дамъ, причемъ на его жирномъ, бритомъ, красноватомъ лицѣ мелькнула гримаса, которая должна была выразить артистическое вдохновеніе. Вдругъ грянулъ такой аккордъ, что нѣкоторыя дамы вскрикнули... Но мало-по-малу быкообразный артистъ увлекся своей игрой. Игралъ онъ очень хорошо: звуки, въ самомъ дѣлѣ, захватывали васъ, заставляли дрожать нервы и трепетать сердце. Къ тому же и сила у знаменитаго артиста была необыкновенная: дрожали окна, дрожалъ полъ въ минуты его могучихъ фортиссимо, а дамы сгибались и готовы были упасть со стульевъ отъ этой бури могучихъ, потрясающихъ звуковъ, изрѣдка смѣнявшихся нѣжнымъ, любовнымъ воркованіемъ и шопотомъ верхнихъ регистровъ.

Бѣлокурая супруга директора частнаго банка на минуту даже забыла о Бѣлоконскомъ. У нея мелькнула болѣе честолюбивая мечта: заинтересовать европейскую знаменитость своей красотой и пѣніемъ и пригласить его на свой журфиксъ. Весь городъ будетъ кричать объ этомъ. Она поднялась съ своего мѣста и помѣстилась въ концѣ рояля, чтобы артистъ увидѣлъ ее. И онъ увидѣлъ, онъ нѣсколько разъ долго и выразительно посмотрѣлъ на нее въ самыхъ воркующихъ и нѣжныхъ мѣстахъ пьесы. У нея даже голова закружилась.

Когда артистъ кончилъ, она первая начала ему апплодировать и говорить комплименты, сопровождая ихъ такими взглядами, что Штейнбергъ, въ концѣ концовъ, согласился даже аккомпанировать ея пѣнію.

А брюнетка воспользовалась этимъ и была уже около Алексѣя Петровича, ядовито разсказывая ему, какъ ея конкуррентка очаровывала этого „нѣмецкаго тамбурмажора“.

— Онъ недурно играетъ, но ужасно стучитъ!—говорила она:—такъ и въ газетахъ писали.

Бѣлоконскій взялъ ея руку и, удерживая въ своей, сказалъ:

— И неужели эти прелестныя ручки прикасаются къ грязнымъ листамъ газетъ! Фи! Не говорите мнѣ никогда, что вы читаете газеты! Что можетъ быть вульгарнѣе?!

Онъ подвинулся къ ней ближе и сталъ гладить другой рукой ея руку. Она не отнимала. Ему стало скучно. Ужъ очень легко давалась побѣда: „Совсѣмъ какъ на Невскомъ!“ — подумалъ онъ.— „Однако, что же дѣлать весь вечеръ? Съ Лядовой еще скучнѣе“.—И неожиданно онъ спросилъ у брюнетки:

— Вы поѣдете сегодня кататься со всѣмъ этимъ кагаломъ?

— А вы развѣ не поѣдете?—воскликнула она съ видимымъ огорченіемъ. Ей очень хотѣлось показаться въ великосвѣтскомъ обществѣ на вокзалѣ, гдѣ всегда было много публики.

— Конечно, не поѣду,—сказалъ Бѣлоконскій.—Да какая и вамъ охота мерзнуть и для чего? Чтобы выпить тамъ бокалъ сквернаго шампанскаго и снова мерзнуть! Вы еще простудитесь! И эти маленькія ручки озябнутъ!..

И онъ поцѣловалъ ея руку.

— А какъ же отказаться? Вѣдь неловко! — сказала она.— И зачѣмъ?

— Очень просто: посидите еще съ полчаса, а затѣмъ скажите хозяйкѣ, что у васъ мигрень, возьмите одну изъ извозчичьихъ каретъ,—ихъ теперь много у подъѣзда,—сядьте въ нее и ждите меня на углу. Теперь дома вамъ было бы скучно. Такъ подождете меня на углу?.. Я вскорѣ послѣ васъ уйду отсюда, и мы куда-нибудь поѣдемъ... Обѣщаю вамъ, что вы не будете скучать...

— О, нѣтъ, это невозможно! Что вы!—сопротивлялась брюнетка такимъ тономъ, который говорилъ: „попроси еще немножко“!

Но Бѣлоконскій держался иной манеры:

— Какъ хотите!—сухо сказалъ онъ.

— Я подумаю,—сказала брюнетка, нервно вставая съ мѣста и вся вспыхнувъ отъ волненія.

Она медленно прошла въ залъ, а черезъ нѣсколько минутъ вернулась и шепнула:

— Я поѣду. А пока до свиданья! Будемъ держаться вдалекѣ другъ отъ друга, чтобы не замѣтили.

— Пришлите ко мнѣ Наталью Борисовну,—сказалъ ей вслѣдъ Бѣлоконскій.

Та не замедлила явиться.

— Какое же у васъ дѣло, очаровательный „шялюнъ"?— нѣжно проговорила она, стараясь сѣсть къ нему какъ можно ближе.

Онъ безъ церемоніи отодвинулъ свое кресло дальше.

— Очень, очень важное, дорогая Наталья Борисовна!—проговорилъ онъ.—Видите ли, сюда собирается пріѣхать дочь милліонера Петренки. Вы, конечно, о ней слыхали: извѣстная меценатка, жертвуетъ массу денегъ на всякія благотворительныя учрежденія... Она не сразу пріѣдетъ сюда, а сначала въ свою деревню, село Смирново.

— Знаю, знаю! Ну, что же?

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы здѣсь вы ее приняли, обласкали, заѣхали къ ней въ гостинницу и даже устроили для нея небольшой вечеръ, на которомъ непремѣнно должны быть всѣ здѣшнія сливки...

— Зачѣмъ же это нужно вамъ? Неужели и съ нею у васъ?.. О, жестокій!

— У меня есть серьезные планы на нее...

— Но, мой милый, отъ васъ ли я это слышу? Матримоніальныя соображенія! Но вѣдь она parvenue. Это—мезальянсъ! Нѣтъ, нѣтъ, я этого не допущу! Мы все-же находимся въ свойствѣ! И не говорите!

— Но, во-первыхъ, у нея девять милліоновъ, а во-вторыхъ, я влюбленъ! Если вы не поможете мнѣ, я пущу себѣ пулю въ лобъ! Я говорю это серьезно.

Черезъ десять минутъ Савичева сюсюкала:

— Хорошо, для васъ я готова на все! Только очень будетъ трудно, „шялюнъ", убѣдить моего Ивана Петровича.

— Постарайтесь, Наталья Борисовна! Обяжете „по гробъ жизни", какъ говорятъ купцы.

Онъ взялъ ея руку и долго цѣловалъ. Это было такимъ рѣдкимъ сюрпризомъ для почтенной матроны, что она совсѣмъ растаяла, наклонилась надъ нимъ и впилась губами въ его лобъ, тяжело дыша и скрипя корсетомъ.

— Вамъ нужно къ гостямъ!—сказалъ Бѣлоконскій.

Хозяйка опомнилась, поднялась, игриво погрозила ему пальцемъ и вышла изъ угловой.

Бѣлоконскій заглянулъ въ гостиную. Лядовой еще не было, а брюнетка уже исчезла.

„Что я буду ждать эту святую Цецилію!"—подумалъ Бѣлоконскій и незамѣтно перебрался въ переднюю...

Вернулся онъ къ себѣ домой, въ маленькую квартирку, состоящую изъ трехъ невзрачныхъ комнатъ, только подъ утро. Брезгливо взглянувъ на свою рыночную обстановку, Бѣлоконскій усѣлся за письменный столъ и написалъ длинное письмо къ Надеждѣ Николаевнѣ Петренко: съ нею онъ регулярно переписывался. Въ письмѣ разсказывалось, какъ онъ скучаетъ здѣсь, какъ надоѣли ему мѣстныя красавицы, съ какимъ восторгомъ вспоминаетъ онъ встрѣчи и бесѣды съ нею въ Петербургѣ, бесѣды, въ которыхъ было столько ума и чувства. Въ концѣ письма, какъ будто неожиданно для него самого, вырывалось восклицаніе: „Я часто мечтаю о томъ, что вы здѣсь, что я снова говорю съ вами, шучу, смѣшу васъ, какъ бывало! Но это кажется мнѣ сномъ! А почему бы не сбыться этому сну? Что вамъ стоитъ пожелать, и жаркая, пыльная Ницца замѣнится для васъ русской деревней, съ чудной бѣлой скатертью снѣговъ, съ деревьями, опушенными инеемъ, гдѣ, по словамъ поэта:

Брилліанты въ свѣтѣ лунномъ,
Брилліанты въ небесахъ,
Брилліанты на деревьяхъ,
Брилліанты на снѣгахъ...

И лунной ночью, въ саночкахъ-самокаточкахъ, мчаться по этой степи на огненной тройкѣ, любоваться звѣздами и вашими глазами, которые лучше всякихъ звѣздъ! Почему это сонъ! Почему мечта? Захотите, и это станетъ дѣйствительностью!..“

IV.

Какъ это ни странно, а все-же Лядова ждала „фельетона“ въ мѣстной газетѣ, и нетерпѣніе мѣшало ей покойно спать. Еще съ вечера было сдѣлано распоряженіе, чтобы ей купили нумеръ „Листка“. Проснувшись и накинувъ платье, она нервно нажала пуговку электрическаго звонка.

Наконецъ, маленькая газетка—въ ея рукахъ. Лядова заперла дверь и усѣлась въ кресло...

„А, вотъ и фельетонъ!“—Она сначала взглянула на подпись: тамъ стоялъ псевдонимъ: „Не скажусь“.

Въ заглавіи фельетона значилось: „Письмо изъ Китая“.

Авторъ разсказывалъ, что ему пишетъ его пріятель, живущій въ Китаѣ, о мѣстныхъ нравахъ, о томъ, какъ китайцы любятъ игру, какъ они проигрываютъ даже женъ, какъ отправляютъ на

тотъ свѣтъ новорожденныхъ дочерей, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, довольно цѣльный очеркъ дѣйствительныхъ нравовъ Китая. Только въ послѣднемъ столбцѣ фельетонистъ сообщалъ о ненависти китайцевъ къ европейскому просвѣщенію, и разсказывалъ анекдотъ, какъ одинъ мандаринъ Линь-Дзинь-Чанъ устроилъ школу съ преподаваніемъ кое-какихъ знаній изъ европейскихъ наукъ, а другой мандаринъ Ванъ-Дзинь-Свинъ написалъ на него доносъ къ властямъ, увѣряя, что тотъ хочетъ продать Китай англичанамъ. Далѣе шло описаніе разгрома школы „боксерами" и очень подробный разсказъ о мучительной казни Линь-Дзинь-Чана...

Вѣра Павловна бросила газету на полъ. Слезы душили ее, и чтеніе окончилось сильной истерикой...

Поздно вечеромъ, когда она возвратилась съ обѣда, устроеннаго у тетушки, въ дверь ея номера стукнули три раза.

— Кто тамъ? Подождите!—крикнула она:—я позвоню, когда можно будетъ войти.

Минутъ черезъ десять она отперла дверь и позвонила.

— Меня кто-то хотѣлъ видѣть?—спросила она вошедшаго лакея.

— Это-съ вчерашній... т.-е. не господинъ Бѣлоконскій, а другой, лохматый...

— Онъ ушелъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, дожидается... у насъ въ ресторанѣ...

„Вѣроятно, это фельетонистъ, — подумала она. — Желаетъ узнать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня фельетономъ! Бѣдный!"—Она велѣла „просить" его и подняла газету, которая съ утра валялась на полу.

Фельетонистъ вошелъ очень смущенный.

— Пришелъ просить у васъ прощенія,—началъ онъ,—за то, что напрасно пообѣщалъ вамъ! Чувствую самъ, что ничего не вышло! А вы, конечно, ждали! О, я знаю, какъ непріятны несбывшіяся ожиданія!

— Что вы, что вы! Полноте! Вы все-же сдѣлали доброе дѣло: вѣдь пріятно видѣть даже простое сочувствіе... Вы же подвергали себя и нѣкоторому риску... Садитесь пожалуйста! Будемъ пить чай... Я еще не пила.

— Что я подвергался риску, это вѣрно. Какъ бы это ни показалось вамъ страннымъ, а кое-кто понялъ намекъ... Я сейчасъ изъ редакціи, и передъ моимъ уходомъ патронъ получилъ приглашеніе явиться къ церберу.

— Кого вы называете церберомъ?

— Чиновника губернскаго правленія, которому поручено просматривать газету...

— И вы думаете, что редактору будетъ непріятность?! Конечно, и вамъ? Ахъ, какъ это жаль! Но за что же, за что?! Тамъ вѣдь ничего нѣтъ...

— Согласенъ. Но... тѣмъ не менѣе, нахлобучка будетъ... А быть можетъ, это за что-нибудь другое.

— Такъ вы изъ этого только и заключаете, что кое-кто понялъ вашъ намекъ?

— Нѣтъ, я имѣю въ виду кое-кого изъ здѣшней молодой интеллигенціи... Вы не думайте, что провинція совсѣмъ заснула. Все-же и здѣсь есть кучка людей, слѣдящая за всѣмъ, что дѣлается, читающая все, что выходитъ въ печати... Да вотъ, посмотрите...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана письмо и визитную карточку.

— Прочтите, пожалуйста! Это немножко смягчитъ ваше горе,—сказалъ онъ.

На карточкѣ значилось имя, отчество и фамилія какой-то дамы. Мелкимъ почеркомъ было написано на оборотѣ:

„Спасибо вамъ за защиту оскорбленной женщины... Понимаю, какъ самому автору было больно, что нельзя сказать больше! Но все же лучше что-нибудь, чѣмъ ничего!“

— Значитъ, у меня есть невѣдомые друзья!—сказала Вѣра Павловна съ искренней радостью, чувствуя, что и этотъ маленькій фактъ облегчилъ значительно ея горе и мучительное чувство несмытаго оскорбленія.

— Я зналъ, что отъ этого вамъ будетъ легче,—потому и позволилъ себѣ такъ поздно явиться къ вамъ. А прочтите письмо.

„Кружокъ мѣстной молодежи понялъ вашъ намекъ въ фельетонѣ о Китаѣ. Онъ глубоко скорбитъ вмѣстѣ съ вами, что о такомъ возмутительномъ дѣлѣ приходится говорить намеками, едва понятными даже для посвященныхъ!

„Но мужайтесь! Не всегда же такъ будетъ. Шлемъ вамъ свой горячій привѣтъ!“

— Но какъ они догадались?!—съ удивленіемъ спрашивала Лядова.—Откровенно скажу, еслибы я не была предупреждена вами, я сама ничего бы не замѣтила, хотя и говорится о собственномъ моемъ дѣлѣ!..

— Это зависитъ отъ привычки. Вы привыкли къ столичной печати, а здѣсь приспособляются къ своей... Человѣкъ—удивительное существо! Онъ умѣетъ ко всему приспособиться! Вы,

вѣроятно, слыхали, что въ одиночномъ заключеніи люди ухитряются разговаривать и даже играть въ шахматы черезъ толстыя каменныя стѣны и даже корридоры. Они говорятъ и стукомъ, и шагами, и свѣтовыми знаками на полу корридора черезъ окошечки!... Ну, вотъ такъ же и здѣсь! Одного намека достаточно, и впечатлительное сердце пойметъ все, и все дополнитъ отъ себя воображеніемъ, усиліемъ мысли, чутко прислушивающейся къ каждому звуку...

— Значитъ, тутъ есть чуткіе люди! Какъ это отрадно! И скажите, много ихъ здѣсь?

— Увы, страшно мало! Но все-же есть.

— И что̀ же они дѣлаютъ?

— Да что̀ здѣсь можно дѣлать? Устроили воскресную школу, чтенія съ туманными картинами... Ну, вотъ и все! Сами собираются, читаютъ, спорятъ... Даже на партіи дѣлятся... У насъ тоже явились и марксисты...

— Что̀ же они могутъ дѣлать?

— Спорятъ.

— Ну, а вы—народникъ или марксистъ?

— Я не придерживаюсь ни того, ни другого, хотя думаю, что у марксизма есть будущность, а народничество устарѣло. У меня своя программа, болѣе приспособленная къ мертвымъ условіямъ теперешней жизни. Но въ короткихъ словахъ этого не разскажешь.

— Отчего бы вамъ когда-нибудь, ради отдыха, не побывать у насъ въ деревнѣ?

— О, какой у меня отдыхъ! Вѣдь я каждый день долженъ быть въ редакціи... А впрочемъ, мнѣ очень хотѣлось бы ближе познакомиться съ вами и Рахмаровымъ. Я даже давно собирался къ нему... Хотѣлось бы и его, и васъ присоединить къ нашему маленькому кружку...

Она подробно сообщила ему маршрутъ и стала разспрашивать о составѣ кружка.

Въ него входили нѣсколько дамъ и дѣвушекъ, три гимназиста старшихъ классовъ, одинъ учитель гимназіи, одинъ контрольный чиновникъ и два „интеллигентныхъ рабочихъ“...

— Видите: очень, очень немного пока! Но мы надѣемся... Вы тоже должны намъ помочь... Главная бѣда—средствъ мало: вѣдь все больше бѣдняки...

— Ну, а зубы ваши прошли?—заботливо спросила Лядова.

— Куда тамъ! у меня отвратительная, сырая комната... Я ревматизмъ получилъ!...

— У меня есть отличныя капли отъ зубной боли... Я всегда ихъ вожу съ собой... Попробуйте. Мнѣ ихъ далъ одинъ извѣстный петербургскій врачъ...

— Спасибо вамъ! Я не откажусь...

Вѣра Павловна отыскала въ своемъ баулѣ маленькій пузырекъ и, подавая его фельетонисту, сказала шутливо:

— Вотъ мы немножко и квиты: вы облегчили мою сердечную боль, а я вылечу вашу зубную...

— Такъ пріѣзжайте къ намъ,—сказала она на прощанье.

— А знаете, какая мысль пришла мнѣ въ голову,—сказалъ фельетонистъ уже на порогѣ:—сегодня нашъ кружокъ соберется у одной дамы... У нея квартира больше другихъ... Не поѣдемъ ли мы сейчасъ туда? Тамъ будутъ вамъ очень рады!

— Да ловко ли это? — спросила Лядова. — Теперь уже поздно... И я ни съ кѣмъ не знакома...

— О, это ничего не значитъ! Вы знакомы со мной... У насъ это принято: каждый можетъ привести своего знакомаго...

Лядова подумала немножко и рѣшилась поѣхать.

„Что бы сказала тетушка!“ — мысленно восклицала она, усаживаясь на извозчика вмѣстѣ съ фельетонистомъ.

По темнымъ улицамъ они, черезъ четверть часа ѣзды, свернули въ какой-то еще болѣе темный, узенькій переулокъ, причемъ фельетонистъ сказалъ:

— Ну, вотъ мы и у цѣли. Здѣсь и живетъ Марья Васильевна Духовская...

По дорогѣ Вѣра Павловна уже успѣла разспросить его о томъ, какое общественное положеніе занимаетъ дама, къ которой ее везъ фельетонистъ. Оказалось, что она была вдова здѣшняго бывшаго вице-губернатора. Еще до смерти мужа она разошлась съ нимъ; нѣсколько лѣтъ жила въ Цюрихѣ, слушала лекціи въ тамошнемъ университетѣ, а по возвращеніи въ Россію ей удалось, благодаря своимъ прежнимъ связямъ, выхлопотать въ городѣ разрѣшеніе на воскресную школу. Уже три года, какъ всю ея жизнь и небольшой пенсіонъ, оставшійся отъ мужа, она отдаетъ на это дѣло. Живетъ очень скромно и даже бѣдно. Школа помѣщается въ самой просторной комнатѣ ея небольшой квартиры.

Узнала Вѣра Павловна и біографію самого фельетониста.

— Снигиревъ, это—мой псевдонимъ,—сказалъ онъ,—а настоящая моя фамилія—Спиридоновъ, если хотите: Иванъ Семеновичъ Спиридоновъ. Не окончилъ, по независящимъ обстоятельствамъ, университетскаго курса, и вотъ живу здѣсь у старушки

матери, которую кое-какъ кормлю своимъ нищенскимъ гонораромъ отъ мѣстной газеты... Біографія несложная и подобная тысячамъ біографій такихъ же интеллигентныхъ пролетаріевъ, какъ я, выброшенныхъ судьбой изъ колеи на произволъ вѣтровъ...

Наконецъ наши путешественники добрались до небольшого деревяннаго одноэтажнаго домика въ пять оконъ. Окна не были закрыты ставнями, какъ въ другихъ домахъ переулка, и изъ нихъ вырывался въ густой мракъ ночи привѣтливый свѣтъ сквозь кисейныя занавѣски и горшки съ цвѣтами.

Дверь, ведшая въ темныя сѣни, не была заперта, и наши путники, пошаривъ по стѣнамъ, отыскали ручку другой двери, которая открылась въ переднюю. Передняя также не была освѣщена. Въ нее доносились изъ слѣдующихъ комнатъ, вмѣстѣ съ полусвѣтомъ, звуки молодыхъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ. Однако, стукъ шаговъ услышали, и въ дверяхъ появилась женская фигура, которая, приглядываясь къ темнотѣ, спросила:

— Это вы, Спиридоновъ?

— Я, Марья Васильевна! И не одинъ, а съ новой знакомой,—отвѣтилъ фельетонистъ, помогая Лядовой раздѣться.

— Очень рада! Очень рада! — любезно отвѣтила Марья Васильевна.

Когда Вѣра Павловна переступила порогъ, она увидѣла передъ собой пожилую, худощавую даму невысокаго роста, въ очкахъ и съ сильной сѣдиной въ волосахъ. Спиридоновъ представилъ Вѣру Павловну, и хозяйка весело вскрикнула, протягивая обѣ руки:

— А вѣдь мы съ вами старыя знакомыя! Я вамъ два раза писала въ Петербургъ по поводу книгъ для нашей воскресной школы... Да и здѣсь мы уже давно знаемъ о вашей попыткѣ читать крестьянамъ... Ну, пойдемте, я васъ познакомлю съ другими вашими заочными друзьями...

Вѣра Павловна мелькомъ оглянула первую комнату: это было небольшое зальце, уставленное школьными скамьями.

Въ слѣдующей комнатѣ, куда хозяйка повела Лядову, собралось человѣкъ двѣнадцать вокругъ большого круглаго стола, стоявшаго передъ диваномъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Господа, у насъ сегодня неожиданный праздникъ!—сказала Марья Васильевна и назвала по фамиліи новую гостью:—вы ее по слухамъ давно знаете,—прибавила она.

Присутствующіе всѣ поднялись и дружески пожимали руку Вѣрѣ Павловнѣ, по мѣрѣ того, какъ хозяйка называла ихъ всѣхъ по именамъ.

— Вотъ это—главный заправило нашей школы. Александръ Ивановичъ Позднѣевъ, — указала она на человѣка небольшого роста, полнаго, лѣтъ сорока, въ очкахъ и съ порядочной лысиной на головѣ.—Біографія его,—продолжала хозяйка,—резюмируется въ двухъ словахъ: былъ въ гимназіи учителемъ исторіи, но удаленъ за то, что его очень любили ученики и ходили совѣтоваться по всякому своему дѣлу... Это — Иванъ Θедоровичъ Крестовоздвиженскій, — исключенъ изъ духовной академіи за свѣтскій образъ мыслей. Это—Надежда Алексѣевна Неупокоева, самая энергичная изъ учительницъ нашей школы. А вотъ Петровъ—рабочій, тоже учитъ въ нашей школѣ...—Затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько рекомендацій, среди которыхъ Вѣра Павловна запомнила одного банковскаго чиновника, двухъ исключенныхъ гимназистовъ, фельдшерицу-акушерку, очень хорошенькую, но чрезвычайно застѣнчивую дѣвушку, которая, подавая руку Лядовой, смотрѣла на нее молящимися глазами и до такой степени была поглощена созерцаніемъ ея лица, что опрокинула со стола стаканъ, который разбился.

— Ну, это хорошій признакъ! — смѣясь, сказала Марья Васильевна: говорятъ, къ богатству; ну, а такъ какъ мы богаты не будемъ, то, значитъ, просто къ счастью...

— Ну, садитесь, родная, на диванчикъ, — обратилась она къ Лядовой:—я вамъ чаю налью и станемъ бесѣдовать.

— Отъ чаю не откажусь, — сказала Лядова.—А вотъ, кажется, я прервала своимъ приходомъ какой-то горячій споръ; ради Бога, продолжайте, господа!

— Да,—сказала Марья Васильевна,—споръ былъ, дѣйствительно, горячій.—Вотъ Иванъ Θедоровичъ,—она указала рукой на высокаго, худощаваго молодого человѣка, бывшаго студента духовной академіи, — не признаетъ совсѣмъ Антона Чехова...

— Даже больше! Это бы не бѣда, еслибы только не признавалъ!—воскликнула Надежда Алексѣевна Неупокоева, молодая дѣвушка, свѣжая, розовая, съ длинной бѣлокурой косой:—онъ считаетъ Чехова вреднымъ для русской молодежи, потому что Чеховъ, по его мнѣнію, пессимистъ и декадентъ... онъ уничтожаетъ, будто бы, въ молодежи вѣру въ жизнь, поселяетъ апатію, тоску и равнодушіе къ работѣ...

— А что жъ? Отчасти это вѣрно,—вставилъ фельетонистъ Спиридоновъ, здороваясь со всѣми.—Хотя о нѣкоторыхъ вещахъ Чехова сказать этого нельзя,—добавилъ онъ.

— А назовите мнѣ хотя одну, отъ которой бы не вѣяло

пессимизмомъ!—произнесъ раздражительно Иванъ Өедоровичъ, сильно говорившій на „о“.

— Да вотъ хотя бы повѣсть „Въ оврагѣ“,—отвѣтила за Спиридонова та же дѣвушка съ длинной косой.

— А вы какъ думаете о Чеховѣ, Вѣра Павловна?—обратилась къ Лядовой хозяйка, чтобы втянуть и ту въ бесѣду.

— Право, я не могу такъ быстро отвѣтить на этотъ вопросъ... Во мнѣ Чеховъ всегда оставлялъ тоскливое, грустное настроеніе...

— Вотъ, вотъ! Это и есть!—воскликнулъ Иванъ Өедоровичъ, радуясь, что у него нашлась союзница.

— Теперь Россіи больше, чѣмъ когда-нибудь, нуженъ писатель, который пробуждалъ бы вѣру въ жизнь, въ возможность сдѣлать ее лучшей,—сказалъ бывшій учитель гимназіи, удаленный за то, что его любили ученики:—никогда у насъ не была такъ нужна, какъ теперь, увѣренность въ томъ, что упорная, культурная... да, да, подчеркиваю—культурная работа можетъ обновить нашу жизнь...

— Но только—никакъ не культурная!—возразилъ Спиридоновъ.—Помилуйте! Какая же возможна культурная работа при теперешнихъ условіяхъ! Надо сперва завоевать себѣ право—работать культурную работу! А вотъ вы сами, Александръ Ивановичъ, могли ли провести свои культурныя цѣли въ качествѣ учителя? А я, напримѣръ, какъ журналистъ, могу развѣ вести культурную работу? Я, вотъ, не въ силахъ защитить невинно оклеветанныхъ—Рахмарова и Вѣру Павловну, не могу обличить негодяя и клеветника Лопатина! А Вѣра Павловна могла вести культурную работу въ деревнѣ?! Нѣтъ, говорить теперь о культурной работѣ, это значитъ—пытаться перескочить черезъ свою голову, господа! И я удивляюсь россійскому добродушію въ вашемъ лицѣ, Александръ Ивановичъ! Васъ выбросили за то только, что вы желали внести жизнь, душу, сердце въ ваше скромное дѣло, и вы же говорите о культурной работѣ!

— Оно такъ-то такъ,—отвѣтилъ учитель,—и вы какъ будто правы; но я васъ спрашиваю: а какая же возможна иная дѣятельность, кромѣ культурной? И какъ, какими средствами вы станете завоевывать намъ право культурной работы, если нѣтъ еще самой культуры,—если, вотъ, на цѣлый губернскій городъ, какъ нашъ, едва набирается десятка полтора людей, думающихъ о чемъ-либо, кромѣ чиновъ, картъ, угожденія начальству и тому подобное?

— Ну, объ этомъ мы уже не разъ спорили съ вами, Але-

ксандръ Ивановичъ!—сказалъ длинный человѣкъ съ видомъ семинариста, котораго звали Иваномъ Ѳедоровичемъ.—Вопросъ этотъ можно считать рѣшеннымъ для всѣхъ кромѣ васъ.

— Знаю я, во что вы вѣрите! Въ то, что классовый интересъ рабочаго люда самъ приведетъ его къ рѣшеніямъ, которыя и безъ культуры сорвутъ намъ золотые плоды съ райскихъ деревьевъ! Надо не знать жизни, чтобы въ это вѣрить! Надо забыть исторію! Какіе плоды могутъ сорвать хотя бы и массы, но не культурныхъ людей?!

— Да, если ихъ предоставить себѣ!—возвразилъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Но вотъ тутъ-то и должна придти на помощь этому классу интеллигенція. Она тутъ-то и должна уяснить ему его собственныя задачи и цѣли...

— Все это—не то, не то!—горячо воскликнулъ Спиридоновъ, вскакивая съ мѣста и начиная ходить изъ угла въ уголъ, ероша безжалостно свои волосы:—я съ Александромъ Ивановичемъ несогласенъ въ томъ, что необходимо сперва сдѣлать культурнымъ рабочій людъ, чтобы онъ понялъ свои классовые интересы. Онъ ихъ отлично понялъ и знаетъ, и ему недостаетъ только нѣкоторыхъ обобщеній. Но еще менѣе я согласенъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Какъ же можно надѣяться на то, что интеллигенція объяснитъ темному, невѣжественному классу, что дѣло не въ разрушеніи, не въ насиліяхъ надъ машинами, зданіями и какими-нибудь отдѣльными единицами, а въ покойномъ и твердомъ единеніи интересовъ,—какъ это понимаетъ, напримѣръ, каждый трэдъ-юніонистъ въ Англіи, каждый членъ любого „союза“ въ Германіи! Вѣдь они сперва должны были имѣть „права“ и на свободную печать, и на сходки, чтобы тѣ уродливыя формы движенія, какія мы видѣли въ Европѣ вначалѣ, обратились въ мирный, но неуклонный путь преслѣдованія своихъ классовыхъ задачъ... Не ясно ли, господа, что пока у людей нѣтъ правъ,—ни о чемъ говорить нельзя?

— Да какъ же добыть эти „права“, дружище? — смѣясь, сказалъ бывшій учитель:—вѣдь это—сказка про бѣлаго бычка!

— Есть способы, дорогой Александръ Ивановичъ. Да только вы о нихъ и слышать не хотите, потому что въ вашемъ возрастѣ ужъ очень сильна „милая привычка существованія“...

— Это вы насчетъ единоборства?

— Конечно! Въ древности, да и всегда, во всемъ человѣчествѣ, приходилось отдѣльнымъ единицамъ вступать въ единоборство... когда иныя формы борьбы были невозможны...

— Но много ли вы найдете такихъ борцовъ?

— Когда дышать нечѣмъ,—они родятся, какъ грибы!—крикнулъ Спиридоновъ.

— Теперь ужъ и мнѣ позвольте сказать свое слово,—вмѣшалась хозяйка, Марья Васильевна.—Я больше вашего жила и видѣла, Спиридоновъ! Какихъ только направленій, какихъ типовъ не прошло передъ моими глазами! И, знаете, я пришла къ выводу, что путь, предлагаемый вами, есть самый вредный для прогресса... Онъ порождаетъ всегда реакцію, и только.

— И такъ всегда было въ исторіи!—крикнулъ бывшій учитель гимназіи:—вспомните, послѣ чего наступила знаменитая реакція Меттерниха, задержавшая прогрессъ въ Германіи на десятки лѣтъ!..

— И не вполнѣ вѣрно то,—продолжала Марья Васильевна,—что у насъ невозможна никакая культурная работа! Вотъ, можемъ же мы вести свою воскресную школу!.. Конечно, необходима большая выдержка... Всякая пылинка, попавшая подъ колесо добраго дѣла, можетъ ему повредить... Но что жъ? Съ этимъ надо считаться, какъ съ фактомъ... и только! Фактъ печальный, страшно печальный, но онъ—фактъ; значитъ, и обходи его, какъ подводную скалу... Нужно терпѣніе...

— Я съ вами согласна,—вставила и свое замѣчаніе Лядова:—вѣдь и моя попытка вести чтенія для крестьянъ не потерпѣла бы крушенія, еслибы я была терпѣливѣе да умѣла бы вначалѣ соображаться съ „фактами"... А вотъ невольно становишься нетерпѣливой, когда видишь кругомъ страшное невѣжество со всѣми его послѣдствіями—разореньемъ, нищетой, болѣзнями...

— И народъ нашъ говоритъ,—вставилъ бывшій учитель:—„терпѣніе и трудъ все перетрутъ"... Я до корня волосъ русскій человѣкъ, и вѣрю въ эту формулу народной мудрости, господа! И васъ желалъ бы убѣдить, что только въ ней одной—спасеніе! Да, да! Возьмите всю исторію съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ: только тамъ прогрессъ, тамъ благоденствіе, тамъ права, гдѣ было достаточно труда и терпѣнія! А гдѣ его не было, гдѣ люди были нервны, хотѣли перескочить черезъ факты, надѣялись въ одинъ годъ сдѣлать то, что создается десятками лѣтъ, тамъ осталось пустое мѣсто; гибли, порабощенныя другими, своеобразныя и прекрасныя цивилизаціи... Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей,—одинъ и тотъ же законъ: безъ терпѣнія и труда—гибель; съ терпѣніемъ, трудомъ—самъ Богъ... И опять таки нашъ народъ это замѣтилъ и выразилъ: „Богъ труды любитъ". Вотъ-съ мой символъ вѣры. И

съ него меня ничто не сдвинетъ: ни мои личныя неудачи, ни примѣры, которые вы мнѣ приведете въ томъ же родѣ... Вотъ вамъ сейчасъ Вѣра Павловна отвѣтила на всѣ эти примѣры: „поторопилась, молъ; не приняла во вниманіе фактовъ“. Быть можетъ, и я, всмотрѣвшись въ мою личную неудачу, могъ бы тоже сказать: былъ очень горячъ, торопливъ, не обдумалъ, что нужна во всемъ большая выдержка...

— Да, да! Еще бы!—крикнулъ съ гнѣвомъ Спиридоновъ:—вѣдь тотъ же вашъ излюбленный мужикъ выдумалъ пословицу: „тише ѣдешь, дальше будешь“!

— Отъ того мѣста, куда ѣдешь! „Годить надо!“—какъ говоритъ одинъ герой у Щедрина!—добавилъ съ раздражительнымъ смѣхомъ Иванъ Өедоровичъ:—чудесная пословица! Нѣтъ-съ, Александръ Ивановичъ, хотя я и радикально расхожусь съ Спиридоновымъ относительно его „единоборства“, какъ онъ выражается, и считаю это вмѣстѣ съ вами весьма рискованнымъ исторически, но ваши вѣчныя ссылки на мужицкую мудрость меня глубоко раздражаютъ! Прошло время этой нелѣпой метафизической вѣры нашего славянофильства и его выкидыша-народничества, вѣрившихъ въ мужика и его мудрость! Что такое мужикъ? Это—воплощеніе буржуазныхъ инстинктовъ! Это—зоологическая особь,—какъ вѣрно сказалъ еще Глѣбъ Успенскій! А вы цѣлую историческую теорію строите на поговоркахъ этого зоологическаго „буржуя“ по природѣ!..

— Вотъ такъ у насъ всегда,—обратилась Марья Васильевна къ Лядовой:—и всего-то насъ какая-нибудь дюжина въ городѣ, а, видите, каждый молодецъ на свой образецъ...—Она говорила это безъ досады, какъ говорила бы любящая мать о своихъ спорящихъ дѣтяхъ.

— Вѣрно, безъ этого нельзя,—вставилъ бывшій учитель:—разные темпераменты и разная житейская опытность, разное знаніе исторіи. Ужъ очень мы молодой народъ—русскіе! Своего историческаго опыта у насъ еще въ этомъ направленіи не было, а исторіи насъ учатъ плохо, совсѣмъ плохо!..

Послѣ этого спора Вѣрѣ Павловнѣ стало очень грустно. Тѣсный кружокъ людей, показавшійся ей, въ первый моментъ ея прихода сюда, такимъ сплоченнымъ, братски-дружнымъ, повѣявшимъ на нее какой-то особой душевной теплотой, оказывался разсыпающимся въ атомы при первомъ теоретическомъ вопросѣ.

„И вотъ такъ всегда!“—думала она, вспоминая свои петербургскія душевныя злоключенія, заставившія ее уйти въ деревню... „Будетъ ли когда-нибудь иначе? Сольется ли когда-нибудь наша

интеллигенція во что-нибудь единое, не враждующее взаимно?.. Все это придетъ только съ большей культурностью",—отвѣтила она себѣ.

Но прошло минутъ десять послѣ спора; возбужденіе, вылившись въ горячихъ репликахъ по адресамъ противниковъ, мало-по-малу улеглось, и тѣ же люди, между которыми, еще четверть часа тому назадъ, казалось, была бездна, теперь мирно и братски повели тихую бесѣду о своей воскресной школѣ, въ которой всѣ они работали... Теперь рѣчь велась о лучшихъ способахъ преподаванія грамоты, о книгахъ, какія лучше читать въ школѣ. Безпрестанно предлагались вопросы Вѣрѣ Павловнѣ, какъ спеціально изучившей нашу скудную литературу для народа... Завязался-было споръ изъ-за того, нужно ли предпочитать чтенія по естествознанію чтенію хорошихъ беллетристическихъ вещей, но этотъ споръ скоро прекратился общимъ признаніемъ, что необходимо и то, и другое.

Поздно возвращалась Вѣра Павловна въ свою гостинницу, вынося хорошее, теплое, братское чувство изъ своего посѣщенія. Дорогой, пока ее провожали до извозчика, шли тѣ же мирныя, задушевныя рѣчи.

Въ гостинницѣ Вѣру Павловну ожидала телеграмма: Роговъ извѣщалъ ее, что умерла Марья Семеновна.

Это извѣстіе произвело на Вѣру Павловну очень тяжелое и сильное впечатлѣніе. Она разрыдалась. Ей было невыносимо жаль эту несчастную женщину, которая сперва внесла столько горя въ ея жизнь, а потомъ такъ искренно, такъ беззавѣтно раскаялась, что заставила Лядову горячо полюбить себя, да и сама горячо полюбила ее...

Ясно рисовалось въ воображеніи Вѣры Павловны измученное болѣзнью, исхудалое лицо Марьи Семеновны, съ ея полными мольбы и тоски голубыми глазами, казавшимися отъ худобы такими большими и глубокими... Вспомнилось, какъ та цѣловала ея руки, умоляя простить; какъ вдругъ, когда Вѣра Павловна поцѣловала ее, она охватила ея голову своими горячими руками и, обливая слезами, цѣловала ея волосы, глаза, лобъ... И вотъ, этого страстнаго сердца, полнаго и горячей любви, и страстной вражды, ужъ нѣтъ... „Впрочемъ, ей теперь лучше!"—подумала Лядова:—„ничего бы теперь не дала ей жизнь, кромѣ мучительныхъ, непоправимыхъ страданій"!

V.

Со времени событій, только-что нами описанныхъ прошло цѣлыхъ два мѣсяца. Гроза, пронесшаяся надъ головами нашихъ знакомыхъ, задѣла ихъ, къ счастью, не очень сильно, благодаря особеннымъ условіямъ дѣйствующихъ лицъ, т.-е. ихъ связямъ въ губернскомъ городѣ и столицѣ. Рахмаровъ и Вѣра Павловна опять жили мирно въ деревнѣ, хотя занятія въ школѣ пріостановились до рѣшенія какого-то вопроса, возникшаго изъ полоумнаго доноса Марьи Семеновны. Конечно, эта буря, поднятая Лопатинымъ и быстро успокоенная по счастливому стеченію условій, тѣмъ не менѣе оставила слѣды и въ нервахъ, и въ работѣ, и въ подъемѣ духа, и даже въ здоровьѣ нашихъ знакомыхъ. Вѣра Павловна постоянно прихварывала и стала такъ пуглива, что вскакивала и дрожала отъ малѣйшаго стука ставни, особенно ночью. Рахмаровъ сильно посѣдѣлъ и держался не такъ прямо, какъ до этихъ событій, — точно на плечи его наложили тяжесть. Отразились эти событія и на крестьянахъ: они не знали, въ чемъ собственно дѣло, и стали сторониться отъ Рахмарова и Вѣры Павловны, подозрительно посматривая на усадьбу.

Марья Семеновна умерла послѣ нравственнаго и нервнаго потрясенія, пережитого въ ту памятную ночь. Впрочемъ, мертвые, какъ и спящіе, счастливы тѣмъ, что уже ничего не чувствуютъ. Тяжелѣе всего эта исторія отразилась на Софьѣ Лопатиной. Ея отецъ сидѣлъ въ своей усадьбѣ, какъ волкъ, озлобленный, разсвирѣпѣлый, посылая повсюду, куда можно, новыя кляузы и длинныя безграмотныя корреспонденціи. Положеніе Софьи Петровны, которая вернулась къ нему, стало, конечно, адскимъ. Но и уйти ей было нельзя: отецъ объявилъ, что если она попробуетъ опять бросить семью, онъ вернетъ ее черезъ полицію и расправится съ нею такъ, что ей и показаться нельзя будетъ на глаза людямъ. „Ты меня, все равно, осрамила! Такъ пусть всѣ знаютъ, что я тебѣ не потатчикъ!“ — кричалъ онъ, объявляя ей этотъ рѣшительный приговоръ въ первый же день ея возвращенія въ родное гнѣздо.

Вскорѣ послѣ того, какъ Софья Петровна вернулась къ отцу, Роговъ написалъ ей длинное письмо. Оно у него вылилось подъ вліяніемъ невыносимаго одиночества (Рахмаровъ и Лядова тогда еще не возвращались), тоски и невозможности помочь Сонѣ чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ, а между тѣмъ онъ зналъ, какъ

сильно она должна была страдать. Поѣхать же къ Лопатинымъ, чтобы облегчить ея одиночество, Роговъ не могъ, послѣ той рѣзкой сцены, какую ему устроила Софья на крылечкѣ у Марьи Семеновны.

Много разъ онъ измѣнялъ и переписывалъ свое письмо, находя, что оно или недостаточно искренно, или недостаточно просто.

„Не думайте,—писалъ онъ,—что я оскорбленъ вашей рѣзкой выходкой тогда, на крылечкѣ Марьи Семеновны... Нѣтъ, я говорю вамъ за вашъ урокъ большое, сердечное спасибо... Еслибы всѣ такъ откровенно и рѣзко бросали людямъ свое презрѣніе за ихъ пошленькіе поступки, было бы меньше пошлыхъ людей, и совѣсть не засыпала бы, какъ спитъ она у насъ. Я чувствую, какъ вы одиноки, какъ вы страдаете тамъ, у себя... совершенно одна... Меня охватываетъ ужасъ, когда я думаю о вашемъ положеніи, а я почти постоянно думаю о немъ... И вотъ почему я хочу доказать вамъ, что я порядочный человѣкъ, что вамъ не нужно меня чуждаться: вѣдь все-же, если вы позовете меня, вы будете менѣе одиноки. А теперь даже и меня нѣтъ около васъ. Я отнесся къ вашимъ словамъ не такъ, какъ, например, Морозовъ; онъ проклинаетъ васъ, а я благословляю васъ и сказалъ себѣ: „да, она права, и я стану лучше, я выработаю въ себѣ то, чего мнѣ недостаетъ"... Ужъ это одно должно вамъ доказать, что сторониться отъ меня не нужно, и что я лучше, чѣмъ вы думаете. Боюсь я одного, отправляя это письмо, что вы не повѣрите главному мотиву, заставляющему меня писать вамъ, а именно—желанію помочь вамъ, дать вамъ въ себѣ самомъ если не друга, то хотя бы человѣка, могущаго своимъ присутствіемъ уменьшить ваше одиночество. Боюсь, что вы можете предположить во мнѣ другіе мотивы... личные... Не хочу называть ихъ: ужъ очень это обидно и больно мнѣ... Да, если вы подумаете такъ, то должны подумать обо мнѣ еще хуже: „вотъ, молъ, у него нѣтъ даже никакого самолюбія, мужской гордости, не позволяющей навязываться на знакомство и дружбу тамъ, гдѣ получилъ нравственную пощечину..." Если вы это подумаете,—Богъ съ вами! Что же я могу сказать на это"?...

Онъ отправилъ свое письмо со сторожемъ Петромъ, давъ тому подробныя инструкціи, какъ поступить, чтобы оно попало въ ея руки.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ возвращенія посланнаго. „Конечно, онъ вернется съ какимъ-нибудь

отвѣтомъ. Простая вѣжливость заставитъ ее написать хотя нѣсколько строкъ",—думалъ онъ.

Но Петръ вернулся съ пустыми руками.

— Велѣли передать на словахъ,—доложилъ онъ,—что очинно вамъ благодарны и подумаютъ... Два раза это повторили...

— Она сама выходила къ тебѣ?—спросилъ Роговъ.

— Онѣ не выходили-съ, а меня позвали въ свою комнату... Я вѣдь съ задняго крыльца зашелъ... Ну, и письма никому не показывалъ, а говорю: барышню надо видѣть самолично, потому—на словахъ велѣно передать отъ доктора... Она и приказала меня къ себѣ ввести.

— Что же она? Очень больна? Лежитъ въ постели? Скучна?

— Лежатъ, только не въ постели, а на кушеткѣ... И когда читали письмо, платочекъ къ глазамъ поднесли... И такъ долго держали... И на спинку акушетки откинулись... А потомъ опять стали читать... И опять платочекъ къ глазамъ... Значитъ, надо такъ полагать,—огорчились чѣмъ-то...

Роговъ волновался вопросомъ: „Что значатъ эти слезы и ея отвѣтъ: „подумаю"... Почему она не отвѣтила: „напишу"? О чемъ же она будетъ думать? О томъ, можно ли вѣрить мнѣ? Новое оскорбленіе! И послѣ всего того, что я написалъ"!

Онъ теперь уже бранилъ себя за то, что отправилъ письмо. Оно казалось ему пошлымъ, нелѣпымъ.

„Нѣтъ, не даромъ люди установили и самолюбіе, и гордость! Не таковы они, чтобы съ ними можно было забывать свое „личное" достоинство, даже ради ихъ собственныхъ интересовъ"!

Онъ ожидалъ одобренія отъ нея, и вдругъ—даже отвѣта не прислала! Но онъ нѣсколько успокоился, когда вспомнилъ, что она плакала: „Почему же плакала? Значитъ, мое письмо тронуло ее? Надо подождать отвѣта"...

На другой день его вопросы и сомнѣнія были разрѣшены ея письмомъ:

„Я вполнѣ вамъ вѣрю и очень тронута вашимъ участіемъ,—писала она.—Но позвольте мнѣ быть вполнѣ откровенной: для васъ лучше, если вы не будете думать обо мнѣ и не пріѣдете къ намъ. Мнѣ непріятна мысль, что вы оскорбитесь этими словами: вы можете подумать, что я черезчуръ самоувѣренна и воображаю, что вы въ меня влюблены. Нѣтъ, это—не самоувѣренность, а тяжелый опытъ, напугавшій меня: два раза въ жизни мнѣ пришлось быть невольной причиной страданія хорошихъ людей, которыхъ я считала только друзьями. А потомъ оказывалось, что они ненавидѣли меня за то, что я чувствую иначе,

чѣмъ хотятъ они... Я боюсь, что это повторится. Я не хочу имѣть въ васъ врага. Вы очень, очень хорошій человѣкъ, но, перечитывая ваше письмо, я вижу, какъ горячо оно написано, въ немъ слышатся нотки... Нѣтъ, нѣтъ, лучше не пріѣзжайте! Подумайте, каково мнѣ будетъ еще разъ сознавать себя невольной причиной того, что случилось съ Морозовымъ. Поймите и не осуждайте, а пожалѣйте... Я сама очень, очень несчастна оттого, что около меня нѣтъ никого близкаго. Мнѣ такъ тяжело, что я не знаю, чѣмъ это можетъ кончиться. Но вамъ лучше забыть меня совсѣмъ"...

Роговъ много разъ перечитывалъ это письмо. Онъ видѣлъ въ немъ намекъ, что Софья любить его не можетъ. Но почему? Она любитъ кого-то? И кто тотъ „другой", кромѣ Морозова, кого она тоже заставила страдать? Неужели пресловутый князекъ? Значитъ, и онъ былъ такъ же прогнанъ, какъ и Морозовъ, какъ и я"!..

Онъ не могъ примириться съ мыслью, что Соню можно оставить въ ея положеніи... „Развѣ не было бы безобразнымъ эгоизмомъ покинуть ее теперь изъ страха, что я ее полюблю и буду страдать! Да, это совсѣмъ нелѣпость! Это какое-то безуміе! Наконецъ, она предупредила меня, что мнѣ не на что надѣяться! Значитъ, еслибы раньше я и могъ полюбить, то теперь застрахованъ. Это даже обидно! Она, въ самомъ дѣлѣ, самоувѣренна"!

И вотъ что онъ пишетъ ей:

„Не бойтесь: вѣдь уже одно то, что вы предупредили меня, является хорошимъ предохранительнымъ средствомъ противъ болѣзни, которая могла случиться, но которой еще не было, нѣтъ и не можетъ быть послѣ вашего предупрежденія. Если я нуженъ вамъ, позовите меня безъ малѣйшихъ опасеній".

Онъ былъ доволенъ письмомъ: оно, вѣдь, достаточно холодно, но и вполнѣ вѣжливо.

На это письмо она не отвѣтила даже на словахъ... Роговъ рвалъ и металъ отъ досады... А черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, когда онъ вернулся изъ поѣздки по деревнямъ, занявшей у него цѣлый день,—къ нему вошелъ фельдшеръ и сказалъ, улыбаясь весьма ехидно:

— Ну, и новость сообщу я вамъ! Сегодня утромъ за мной прислали отъ самого Лопатина верхового...

— За вами, а не за мной?! Что это значитъ?!.. Кто тамъ заболѣлъ?—изумленно спросилъ Роговъ.

— Именно за мной-съ!—самодовольно отвѣтилъ фельдшеръ: —у меня и записка сохранена. Да вотъ она-съ. Извольте про-

честь. Написано рукой самого Лопатина: „Прибыть немедленно фельдшеру съ противоядіемъ противъ фосфора... Прошу Ивана Захаровича не безпокоиться“...

— Кто же отравился?

— Софья Петровна! — отвѣтилъ фельдшеръ таинственно и многозначительно, хотя опять не удержался отъ улыбки.

— Умерла?!—крикнулъ Иванъ Захаровичъ.

— Не пугайтесь,—жива! Я цѣлый день тамъ провозился... Но, конечно, еще остались послѣдствія... Вы сами знаете: ручаться за исходъ нельзя... фосфоръ—не шутитъ!..

— Я сейчасъ ѣду туда! Велите вернуть лошадей...

— Не совѣтую, Иванъ Захаровичъ,—отвѣтилъ фельдшеръ:— Лопатинъ съ утра послалъ въ городъ за Протасовымъ, и тотъ при мнѣ пріѣхалъ. На обратномъ пути онъ хотѣлъ заѣхать къ вамъ.

— Что̀ это значитъ?! Что̀ это значитъ?! Неужели Лопатинъ такъ золъ на меня?

— Не онъ-съ!.. Она сама потребовала, чтобы васъ не звали... При мнѣ, и отецъ, и мать, уговаривали ее послать за вами, но она твердила, что если вы будете лечить, она никакого лекарства не приметъ. Я ужъ не могу вамъ объяснить, что̀ это значитъ... Чѣмъ-нибудь вы ее обидѣли.

Это упорство показалось Рогову до такой степени нелѣпымъ, что онъ предположилъ у Софьи психозъ: что-то въ родѣ idée fixe. „Но каково же ей жить тамъ, у отца, если она рѣшилась отравиться! Для отца это будетъ хорошимъ урокомъ! Онъ будетъ знать, что съ такими натурами не шутятъ! Этимъ отравленіемъ она завоевала себѣ свободу, конечно, если останется жива“!

Ему хотѣлось написать ей, и онъ едва не плакалъ отъ восторга передъ ея поступкомъ. Но въ то же время Роговъ мучился неизвѣстностью. Знать, — она находится въ страшной опасности, и не быть тамъ, чтобы помочь ей, было невыразимо тяжело.

VI.

Когда Рахмаровъ и Вѣра Павловна возвратились въ усадьбу, Софья уже начала поправляться. Дней черезъ пять послѣ ихъ пріѣзда, Роговъ неожиданно получилъ отъ нея письмо. Разорвавъ конвертъ, онъ нашелъ тамъ другой съ надписью: „Прошу передать Вѣрѣ Павловнѣ“.

И никакой другой записки къ нему!

Онъ повезъ письмо къ Лядовой самъ. И вотъ они опять сидѣли вдвоемъ въ ея уютной комнатѣ при школѣ. Только теперь за окномъ снѣгъ лежалъ покрываломъ на деревьяхъ и землѣ, и бѣлый, чистый свѣтъ лился отъ снѣга въ комнату. Лядова прочла письмо Софьи и передала его Ивану Захаровичу.

„Вы, конечно, уже знаете мою исторію,—писала Лопатина.— Многое изъ того, что вамъ долженъ былъ разсказать Иванъ Захаровичъ, можетъ показаться непонятнымъ, напримѣръ: почему я вернулась къ отцу, а не осталась у васъ, какъ вы хотѣли... Я рѣшила, что это было бы безполезно: отецъ потребовалъ бы меня черезъ полицію и устроилъ бы жестокій скандалъ, чтобы унизить Петра Григорьевича и васъ. Теперь я знаю, что не ошиблась: онъ объявилъ мнѣ, какъ только я вернулась, что если это повторится, онъ прибѣгнетъ противъ меня къ самымъ ужаснымъ мѣрамъ. И онъ исполнилъ бы угрозу: „все равно, ты меня и себя достаточно уже осрамила! Твоя карьера кончена!“—и т. д. Вотъ почему я и пишу вамъ черезъ Рогова... Не отвѣчайте мнѣ, а придумайте что-нибудь сообща, какъ вырвать меня отсюда... Но только куда-нибудь подальше... Въ этихъ мѣстахъ я не могу оставаться... Но что можете вы придумать?! Я придумала-было умереть, но, къ несчастью, неудачно! Приняла мало фосфору, а повторить этотъ опытъ не рѣшусь... Развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ... Это невыносимо мучительно и физически, и еще болѣе—душевно... О, какъ тяжело умирать, когда еще хочется жить и еще совсѣмъ не знала жизни!.. Нѣтъ, такіе опыты едва ли могутъ повторяться... Въ послѣдній моментъ, страданія и мысль о смерти были такъ невыносимы, что я не сопротивлялась и стала принимать лекарства. Недостало характера! Я и не жалѣю. Я люблю жизнь и, несмотря ни на что, все еще вѣрю, что жизнь—впереди. Только помогите вы всѣ! И я буду вамъ полезна... Я не умѣю любить вашихъ идей и работы, но я умѣю ненавидѣть тѣхъ, кто мѣшаетъ жить... И я что-нибудь сдѣлаю для всѣхъ—не любовью, а моею ненавистью“...

Въ постскриптумѣ стояло: „Попросите Ивана Захаровича не сердиться на меня за невольную непріятность, которую я устроила ему, отказавшись отъ его медицинской помощи... Я не могла поступить иначе. А почему? Даже сама не могу хорошенько объяснить“.

— Давайте же думать, Иванъ Захаровичъ, какъ ей помочь.

— Я не нахожу другого средства, какъ попробовать убѣдить отца отпустить ее въ Петербургъ, а денегъ достать... Онъ не дастъ.

— Но у кого?.. Если бы у меня были!.. А я все истратила на поѣздку, и еще заняла у Севрюгина.

— А если написать Надеждѣ Николаевнѣ Петренко?—сказалъ Роговъ.

— Но гдѣ она теперь? Вѣроятно, за границей... Это долго затянется. А Софьѣ нужно помочь сейчасъ... Соберемъ немного, чтобы она могла уѣхать и какъ-нибудь прожить хотя мѣсяцъ... У меня осталось рублей пятнадцать.

— Ну, и отлично! Я могу изъ своего жалованья дать рублей сорокъ... А тѣмъ временемъ получится отвѣтъ отъ Петренко.

— Но вамъ придется заѣхать къ Лопатину, убѣждать его... Отчего она не хочетъ, чтобы вы у нихъ бывали?.. Что у васъ тогда произошло?

Роговъ разсказалъ Лядовой почти дословно весь разговоръ съ Софьей Петровной, когда они раннимъ осеннимъ утромъ сидѣли на крылечкѣ Марьи Семеновны.

Онъ припомнилъ, какъ она спросила его: „Увѣренъ ли онъ, что Рахмаровъ скоро вернется“, и какъ, видимо, опечалилась, когда онъ сказалъ, что вполнѣ увѣренъ въ этомъ. Тотчасъ же послѣ этого она и рѣшила возвратиться къ отцу, а раньше просила его поговорить съ женой Рахмарова, чтобы остаться у нея.

— Вы увѣрены, что она послѣ этихъ вашихъ словъ рѣшила вернуться?

— Да. Я отлично помню.

— Отчего ей было непріятно, что Рахмаровъ вернется?—спрашивала Лядова.

— Послѣ ея письма ко мнѣ, я это, кажется, понимаю,—сказалъ Роговъ:—у нея образовалась больная идея, подъ вліяніемъ исторіи съ Морозовымъ, что мужчины, которымъ она понравится, становятся потомъ ея врагами и даже гибнутъ отъ того, что она не такъ чувствуетъ, какъ они хотятъ. Вѣроятно, она думала, что и Рахмаровъ можетъ полюбить ее, и что это будетъ тяжело, и не только ему, но и еще одному лицу...

— Мнѣ?—спросила Вѣра Павловна.—Теперь я догадываюсь: вѣроятно, она думаетъ, что я люблю Петра Григорьевича?..

Роговъ не отвѣчалъ, подтверждая своимъ молчаніемъ ея догадку.

Лядова задумалась, потомъ медленно, какъ бы размышляя вслухъ, сказала:

— Нѣтъ, это не больная идея, а измученное сердце... Она измучена мыслью, что причинила невольно очень большое страданіе... и что это можетъ еще повториться. Только она ошиб-

лась, бѣдняжка! Если когда-нибудь вы будете говорить съ ней объ этомъ, скажите отъ меня, что она ошиблась: я не люблю Петра Григорьевича такъ, какъ она думаетъ... Я люблю его, какъ сестра, и была бы рада, еслибы онъ... полюбилъ кого-нибудь, кто бы могъ сдѣлать его счастливымъ. Да, я была бы очень рада... Только онъ никого теперь не полюбитъ: около него дочь, и все его сердце, всѣ его мысли сосредоточились на ней... Несчастная эта Соня! Не кажется ли вамъ, что она любитъ Петра Григорьевича?

— Я нѣсколько разъ думалъ объ этомъ, но меня сбило ея желаніе, чтобы онъ не вернулся скоро...

— Оно мнѣ понятно теперь!.. Вѣдь она думала, что я люблю его и, быть можетъ, взаимно... А при этихъ условіяхъ ей нельзя было оставаться здѣсь... это бы ее тревожило. Она не того испугалась, что онъ вернется, а того, что, въ случаѣ его возвращенія, ей необходимо вернуться къ отцу... Все ясно и просто.

Въ это время пришелъ Рахмаровъ.

Ему тоже прочли письмо Софьи, и онъ принялъ участіе въ совѣщаніи, соглашаясь съ планомъ—собрать между собою деньги на ея отъѣздъ, но выразилъ сомнѣніе, чтобы отецъ согласился отпустить ее.

— Онъ не согласится уже оттого, что это исходитъ отъ насъ, и однако, мы должны попытаться сдѣлать все, что можно...

— Ну, а если онъ не согласится?—спросилъ Роговъ.

— Въ былое время я указалъ бы простое средство, а теперь оно немыслимо.

— Что такое?

— Когда, бывало, дѣвушка находилась въ подобномъ положеніи, являлся человѣкъ, дававшій ей свое имя и въ то же время полную свободу.

Роговъ едва замѣтно поблѣднѣлъ.

— Отчего же и теперь это невозможно? — спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ

— Оттого, что въ наше время было больше общественнаго дѣла, а потому было и легче рисковать своимъ личнымъ счастьемъ... Вѣдь, отдавъ свое имя дѣвушкѣ, съ которой вы должны разойтись въ разныя стороны тотчасъ по выходѣ изъ церкви, вы сжигаете свои корабли для личнаго счастья. Вѣдь вы еще можете полюбить и должны будете отказаться отъ счастья—любви, семьи... Прежде это было легче...

Роговъ молчалъ и думалъ.

Вѣра Павловна съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла въ

его лицо. Онъ не замѣчалъ этого, но это видѣлъ Рахмаровъ, наблюдавшій за обоими; невеселая дума скользнула по его лицу, когда онъ увидѣлъ, что поблѣднѣлъ не одинъ Роговъ, но и Вѣра.

— Я завтра поѣду къ Лопатину. Надо будетъ узнать отъ нея, какъ она посмотритъ на нашъ планъ,—сказалъ Роговъ.—Сегодня я пошлю ей записку: пусть скажется больной и потребуетъ, чтобы меня позвали.

— Знаете ли, какая мнѣ пришла мысль?—воскликнула Вѣра Павловна:—я совсѣмъ забыла о городскомъ кружкѣ. Не могутъ ли они что-нибудь устроить тамъ? Не написать ли мнѣ туда?

Общимъ голосомъ было рѣшено—написать Спиридонову въ редакцію „Листка".

Иванъ Захаровичъ послалъ записку Лопатиной.

VII.

Рогова встрѣтилъ въ залѣ самъ Лопатинъ. Но это былъ уже не прежній Петръ Петровичъ, старавшійся играть роль деревенскаго хлѣбосола, семьянина-патріарха и гостепріимнаго хозяина.

Онъ едва подалъ руку Ивану Захаровичу.

Лицо его похудѣло, осунулось. Его длинныя бакенбарды сильно посѣдѣли.

— Дочь просила послать за вами,—сказалъ онъ сухо.—Ей опять хуже. Надоѣла мнѣ вся эта канитель! Осрамила она меня на цѣлую губернію! Очень жалѣю, что не умерла тогда же!..—Надя!—крикнулъ онъ:—пойди сюда!

Вошла Надя, такая же худенькая, пугливая, съ тѣми же холодными ручками и робкими голубыми глазами.

— Проводи доктора къ Сонѣ... А меня извините; я иду въ свой кабинетъ. Я такъ разстроенъ! На свѣтъ бы Божій не глядѣлъ!..

Когда Надя ввела Рогова въ комнату Софьи, и тотъ увидѣлъ ее снова въ полусвѣтѣ краснаго абажура, съ ея темными волосами, разсыпавшимися по бѣлой подушкѣ,—онъ едва не вскрикнулъ: такъ она измѣнилась. Это была тѣнь прежней Софьи. Прозрачное, словно восковое лицо, глаза, глубоко ушедшіе въ орбиты... Въ нихъ уже не было ни прежней шутливой насмѣшки, ни нетерпѣливой, безпокойной жизни... Усталость, измученность, апатія... и только.

Впрочемъ, на одну секунду, когда онъ вошелъ, на ея ще-

кахъ вспыхнулъ румянецъ, глаза выразили радость, но потомъ она впала въ прежнее состояніе.

Роговъ подъ какимъ-то предлогомъ выслалъ Надю и, въ короткихъ словахъ, разсказалъ Софьѣ планъ, къ которому пришли въ усадьбѣ Рахмарова.

— Вы всѣ—очень добрые! Спасибо вамъ. И я приняла бы вашу помощь... И отъ Петренки приняла бы... Но... вы не убѣдите отца... И пробовать нечего... Онъ догадается, откуда все идетъ, и только подниметъ новую исторію... А вы видите, въ какомъ я состояніи... Въ силахъ ли я перенести его новыя угрозы и нападенія?

— Но я скажу ему, что вамъ грозитъ серьезная опасность, если онъ не согласится.

— Ему все равно. Онъ былъ бы доволенъ, если бы я умерла... Я это говорю серьезно. Онъ былъ сдержаннѣе, когда надѣялся, что я еще могу выйти замужъ, найти хорошую партію... А теперь онъ убѣжденъ, что я—залежавшійся товаръ, который напрасно занимаетъ мѣсто... Вѣдь у него, какъ онъ вчера еще выразился,—„еще три дуры на шеѣ". Нужно ихъ всѣхъ пристроить; нужно ихъ „вывозить", шить имъ костюмы и т. д., и т. д. А тутъ я! Да еще компрометирую ихъ. Онъ ненавидитъ меня.

— А если сыграть именно на этой стрункѣ: вѣдь, уѣхавъ въ Петербургъ, вы тамъ заведете знакомства съ молодежью, можете и жениха найти... Если ему на это намекнуть?..

— У него о молодежи особое представленіе: когда я, года два назадъ, просилась въ академію, онъ сказалъ: „Не пущу! Еще подцѣпишь себѣ тамъ молодчика, который вмѣстѣ съ тобой мнѣ на шею сядетъ"! Вѣдь меня отпустили въ Петербургъ послѣ только потому, что надѣялись на мой бракъ съ этимъ княземъ, о которомъ вы, конечно, уже слышали...

— Есть еще одинъ исходъ, Софья Петровна,—сказалъ Роговъ,—но я ужъ и не знаю, говорить ли о немъ.

— Что̀ такое? Я на все пойду!—отвѣтила она, оживляясь.

— Вы знаете, конечно, что̀ такое фиктивный бракъ?

Она быстро приподнялась и посмотрѣла на него почти съ ужасомъ.

— Что̀ вы хотите сказать?!

— Я... могъ бы... взять на себя...

— И вы подумали, что я приняла бы отъ васъ эту жертву?! И вы это думаете?! За кого вы меня принимаете?!.. Господи! И скажите: это вы сами придумали, или тамъ всѣ... сообща?

— Я, право, не помню, кому это пришло въ голову... Знаю одно, что другого выхода у васъ нѣтъ... А для меня тутъ нѣтъ никакой жертвы...

— Какъ нѣтъ жертвы?! Впрочемъ, что же я говорю объ этомъ?! Я васъ слушать не хочу... Довольно, довольно! — Она чуть не плакала.

— Увѣряю васъ, что жертвы тутъ нѣтъ. А счастье было бы большое—думать, что я помогъ вамъ хотя этимъ...

— Каждое ваше слово убѣждаетъ меня, что именно отъ васъ меньше всего я должна принять какую-нибудь жертву... Вы не понимаете себя!.. Я, я отниму у васъ будущее?!

— Я никогда и никого не буду любить...

— Ну, вотъ! Да, да!.. Я такъ и знала! Довольно, довольно объ этомъ... Простите, что я такъ рѣзко говорю! Не думайте, что я не благодарна, что я не цѣню вашего добраго желанія!.. Спасибо вамъ за него! Но только не будемъ говорить объ этомъ больше... Лучше умереть, сойти съ ума!..

На Рогова вдругъ точно какая-то волна нахлынула.

— Мы оба ходимъ вокругъ да около!—сказалъ онъ, горячась.—Будемъ говорить на чистоту... Вы отказываетесь потому, что, по вашему, я люблю васъ... Хорошо! Пусть будетъ такъ! Я не увѣренъ въ этомъ... Я не знаю, какъ любятъ... Но, по книгамъ, это, кажется, бываетъ такъ. Хорошо!.. Ну, что же изъ этого? Вѣдь я ничего не требую отъ васъ. Я хочу одного: дайте мнѣ принести вамъ... не жертву, нѣтъ... дайте мнѣ счастье служить вамъ чѣмъ-нибудь...

— Вы посмотрите въ свою душу, — сказала она: — отчего вамъ это кажется счастьемъ? Оттого, оттого, поймите, что гдѣ-то, въ глубинѣ души, вы надѣетесь, что этой жертвой заставите меня... Нѣтъ! нѣтъ! Довольно объ этомъ!..

— Можетъ быть, и такъ! Но я этого не чувствую, не сознаю... Мнѣ просто мучительно думать, что вы страдаете... Мнѣ просто кажется счастьемъ, что вы будете думать обо мнѣ хорошо...

— Да я и такъ думаю о васъ хорошо! Милый вы, хорошій, чистый, искренній. И я ужасно люблю васъ!.. Быть можетъ, больше всѣхъ, кого я знала и знаю... И все-же... вы надѣетесь, что я буду любить васъ не такъ, какъ я люблю... А этого никогда не будетъ, никогда не можетъ быть...

— Но почему же?—вырвалось у него.

Она грустно улыбнулась; въ этой улыбкѣ было что-то прежнее, но только доброе и ласковое, какъ улыбаются дѣтямъ...

— Вотъ вы сами себя выдали!—кротко сказала она.—Вы надѣетесь!.. Ну, я вамъ скажу, почему я васъ не полюблю. А потому же, почему вы сказали нѣсколько минутъ назадъ, что вы никогда и никого любить не будете!..

— Я сказалъ потому, что я уже люблю... Значитъ, и вы?..

— Значитъ, вѣроятно, и я,—прошептала она.

— И вы тоже надѣетесь?..

— Я ничего не знаю и не думаю объ этомъ... И не хочу думать!.. Не спрашивайте меня и не говорите!..—почти закричала она.

Она уронила голову на подушку и отвернулась.

Онъ сталъ просить прощенія и, чуть не плача самъ, старался успокоить ее, какъ могъ. Теперь, когда у него была уничтожена надежда, онъ видѣлъ въ Лопатиной только страдающую сестру и забылъ о себѣ, хотя гдѣ-то въ груди все мучительно ныло и болѣло.

Онъ простился съ ней и уже уходилъ, какъ ему неожиданно пришелъ въ голову новый планъ:

— Я не могу уйти, думая, что вы останетесь въ томъ же положеніи,—сказалъ онъ:—мнѣ кажется, есть еще средство освободить васъ. Можно сказать отцу, что вы—моя невѣста, и тогда я потребую себѣ нѣкоторыхъ правъ, какъ женихъ... Свадьбы можетъ не быть, но мы можемъ поѣхать куда-нибудь, какъ будто для совершенія обряда... Можно будетъ даже сказать, что мы женились...

— Нѣтъ, милый Иванъ Захаровичъ! Это противно и грязно какъ-то! Вѣдь это—обманъ. Я не могу!.. Спасибо вамъ... Прощайте!.. Я устала... Довольно!.. Прощайте...

Она торопливо пожала ему руку и упала на подушки.

Онъ уже подходилъ къ двери, но вдругъ вспомнилъ, что Вѣра Павловна дала ему записку къ ней.

— Совсѣмъ забылъ! Простите! Я подожду, пока вы прочтете... Быть можетъ, нужно будетъ передать ей что-нибудь въ отвѣтъ?..

Когда Софья читала письмо, ея лицо покрылось густымъ румянцемъ.

— Зачѣмъ вы ей это разсказали?!—вскрикнула она, взглянувъ на Рогова съ укоромъ, но не сердито.

— Что̀ такое я разсказалъ?—спросилъ онъ.

— А развѣ вы не знаете содержанія письма?

— Не знаю...

— Вы разсказали ей то, что̀ я говорила вамъ тогда, на

крылечкѣ этой несчастной... И вотъ она пишетъ, что я ошибалась, и что она Рахмарова любитъ только какъ брата, что она была бы счастлива, еслибы онъ... еслибы его... Но тутъ уже другое!—перебила она себя, но покраснѣла еще сильнѣе.—Не надо было говорить ей этого! Какой вы... плохой другъ!

— Вы забываете, что въ это время мы съ вами были во враждѣ!—отвѣтилъ онъ шутливо, и прибавилъ серьезно:—Я этого не говорилъ ей. Она сама догадалась. А разсказать ей часть нашего разговора было необходимо, чтобы обдумать, какъ помочь вамъ. Что же, отвѣта ей никакого не будетъ?—спросилъ Роговъ.

— Я сейчасъ напишу... Нѣтъ! Что же я буду писать? Вы скажите, что я ее очень, очень люблю... Или вотъ что: если мнѣ будетъ лучше, быть можетъ, я сама пріѣду къ вамъ въ пріемный покой, и нельзя ли, чтобы тогда же къ вамъ пріѣхала и Вѣра Павловна... Мнѣ ужасно хочется видѣть ее... Я напишу вамъ, когда пріѣду... Можно это устроить?

— Я увѣренъ, что она пріѣдетъ,—отвѣтилъ Роговъ.—Вы хотите, чтобы она была одна?

— Одна! Конечно, одна!—торопливо и почти съ испугомъ сказала Софья, закрывъ лицо руками.

VIII.

Бываютъ въ жизни человѣка моменты, когда онъ вдругъ оглядывается на пройденный путь и начинаетъ смотрѣть на него и на себя какъ бы съ высоты, какъ на что-то постороннее. Въ такіе моменты онъ видитъ ясно всѣ ошибки и уклоненія этого пути отъ намѣченной цѣли, и кончаетъ почти испугомъ передъ тѣмъ, что шелъ не самъ, руководился не своимъ умомъ, а какой-то слѣпой силой, захватившей его и увлекавшей далеко въ сторону отъ того, что онъ считалъ правильнымъ, хорошимъ, настоящимъ.

Этотъ моментъ переживалъ Роговъ, когда ѣхалъ отъ Лопатиныхъ въ усадьбу Рахмарова, чтобы сообщить тамъ результаты своихъ переговоровъ съ Софьей.

Установился снѣжный путь; поля, покрытыя бѣлымъ саваномъ, уходили въ даль. Снѣгъ падалъ большими, пушистыми хлопьями; они попадали въ лицо и таяли на немъ. Сани скользили легко по первопутку; уныло гремѣли бубенчики, и однообразное бренчаніе ихъ далеко разносилось среди снѣговой пустыни.

Въ сердцѣ Рогова было такъ же пустынно и холодно, какъ въ этихъ поляхъ. Что-то болѣло и ныло тамъ, какъ болитъ то мѣсто, откуда только-что вырвали зубъ. Софья не только не любитъ его, но и не будетъ никогда любить, а между тѣмъ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ одной своей любовью къ ней. И сколько ушло на это времени, мысли, возни! „Вотъ и теперь,— думалъ онъ,—ѣду во второй разъ къ Рахмарову, точно маятникъ мечусь между двумя усадьбами! А развѣ объ этомъ я думалъ, когда собирался въ земство, въ деревню?! Много ли я думалъ о мужикахъ? Правда, было не мало условій неблагопріятныхъ. Но еслибы вся моя мысль не сосредоточивалась на этихъ усадьбахъ, кто знаетъ, быть можетъ, и удалось бы сдѣлать что-нибудь для крестьянъ. А вѣдь теперь ровно ничего не сдѣлано! Нуль! Всѣ эти мѣсяцы надо вычеркнуть изъ жизни"!

Проѣзжали маленькій хуторъ, лежавшій между усадьбой Лопатина и Рахмарова. Собаки бросились на лошадей съ сиплымъ, озлобленнымъ лаемъ. Въ избахъ, съ бѣлыми крышами, засыпанными снѣгомъ, всѣ уже спали.

Эти покосившіяся, словно вросшія въ землю, избенки шевельнули въ Роговѣ чувство, которое какъ-то забылось и замерло въ послѣднее время: чувство тоскливой любви къ тѣмъ, кто жилъ въ этихъ несчастныхъ, жалкихъ лачугахъ,—мучительное юношеское чувство.

„Нужно совсѣмъ, радикально измѣнить свою жизнь! И начать это сразу, какъ сразу отвыкаютъ отъ куренья! Надо бросить эти поѣздки къ изнѣженнымъ барамъ. Я совсѣмъ завертѣлся у нихъ; голову потерялъ! Въ послѣдній разъ сегодня побываю у Лядовой—и баста! Только по дѣлу буду ѣздить. Съ завтрашняго же дня начну новую жизнь. Вызову Ѳедю, попрошу его свести меня къ его друзьямъ—„трезвенникамъ"... Съ нихъ и начну мое сближеніе съ деревней... Они все-же ближе мнѣ... Отъ нихъ перейду и къ остальнымъ"...

Подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ даже рѣшилъ не заходить къ Вѣрѣ Павловнѣ, а сообщить все вкратцѣ Рахмарову, который пусть передастъ ей... Необходимо предупредить Рахмарова о томъ, что онъ сократитъ свои поѣздки въ усадьбу, и для этого выдумать какой-нибудь предлогъ: иначе неожиданное отчужденіе покажется страннымъ.

Рахмарова онъ засталъ за письменнымъ столомъ.

— Новая жалоба на Лопатина!—сказалъ тотъ, поднимаясь на встрѣчу ему:—сейчасъ только крестьяне ушли. Этотъ чело-

вѣкъ не унимается!... Ну, какъ же вы покончили съ Софьей Петровной?

Роговъ разсказалъ ему подробно свой разговоръ съ Софьей, исключивъ, конечно, все, что намекало, по его мнѣнію, на любовь несчастной дѣвушки къ Рахмарову.

Но и съ этими пропусками разсказъ доктора произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра Григорьевича. Онъ нѣсколько разъ вставалъ съ мѣста и начиналъ ходить по комнатѣ, говоря какъ бы съ самимъ собою:

— Удивительная натура! Я былъ о ней другого мнѣнія... Да, она очень хорошій человѣкъ. И какое сокровище вышло бы изъ нея при другихъ условіяхъ! И неужели она такъ и останется тамъ? Неужели пропадетъ эта сила, эта глубокая правдивость, эта жажда лучшей жизни?... Нѣтъ, Иванъ Захаровичъ, нельзя это оставлять такъ! Необходимо еще подумать. Боже мой! Да неужели же мы всѣ такъ безсильны! На нашихъ глазахъ гибнетъ чудесная личность, а мы сложимъ руки и будемъ покойно смотрѣть, какъ она задыхается, какъ опять отравится или бросится въ воду! Это, вѣдь, невозможно! Поймите вы, что это невозможно!...

Но чѣмъ больше онъ горячился и увлекался своимъ сочувствіемъ къ Софьѣ, тѣмъ больше былъ непріятенъ Рогову, у котораго въ умѣ сверлила мысль, что Софья любитъ этого человѣка, а быть можетъ, и онъ...

— Я не нахожу никакого выхода! — сухо отвѣтилъ Иванъ Захаровичъ:—я сдѣлалъ все, что могъ! И, право, начинаю думать, что мы напрасно такъ волнуемся изъ-за нея. Если она такъ щепетильна даже въ такихъ пустякахъ, чтобы немножко солгать этому негодяю, значитъ, ей и тамъ не особенно тяжело... Когда человѣку очень тяжело, онъ ни на что не смотритъ! Я, знаете, прихожу къ убѣжденію, что напрасно тратилъ время на эту возню. Я запустилъ и свое дѣло, и чтеніе... У меня журналы за нѣсколько мѣсяцевъ валяются неразрѣзанными! Газетъ уже не читалъ недѣли двѣ! И все это для того, чтобы ублажать капризничающую барышню, которая сама не знаетъ, чего хочетъ... Я намѣренъ радикально измѣнить свою жизнь! Запираюсь дома и никуда ни ногой!... Я до сихъ поръ не осуществилъ ни одного изъ плановъ, съ которыми ѣхалъ въ деревню... Пора взять себя въ руки...

Рахмаровъ съ удивленіемъ остановился передъ нимъ и сталъ внимательно всматриваться въ его разстроенное, поблѣднѣвшее

лицо. Роговъ избѣгалъ взгляда Петра Григорьевича, и его глаза бѣгали по сторонамъ.

Рахмаровъ долго ходилъ молча послѣ этой неожиданной реплики. Онъ обдумывалъ слова Рогова, стараясь уразумѣть, что̀ съ нимъ творится.

— Неудобно мнѣ возражать вамъ на это,—заговорилъ онъ: —выходило бы такъ, что я васъ тяну туда, куда вы идти не хотите, и отвлекаю отъ того, что̀ вы считаете своимъ долгомъ... Но все-же мнѣ жаль, что вы такъ рѣзко измѣнили свое мнѣніе о Софьѣ Петровнѣ...

— Да, но и вы его теперь измѣнили! Только мы оба измѣнили въ обратныя стороны... Вы иначе думали о ней...

— Да, да! Но я вижу, что я ошибался... И теперь мнѣ особенно жаль, что вы измѣнили свое мнѣніе, именно потому, что когда я понялъ, какъ необходимо ей помочь, — одинъ союзникъ уходитъ; насъ остается еще меньше, и ужъ помочь ей становится, дѣйствительно, невозможно... Вѣдь безъ васъ даже и сношенія съ нею прекратятся...

— Ну, что̀ жъ дѣлать! Я рѣшилъ безповоротно бросить эту канитель.

— Я и не убѣждаю васъ. Я хотѣлъ только, прежде чѣмъ вы приведете въ исполненіе это рѣшеніе, обратить ваше вниманіе на два пункта: вы, вотъ, думаете, что ея нежеланіе солгать этому негодяю показываетъ, будто бы, что ей не особенно тяжело... А вѣдь передъ вами только-что совершившійся фактъ: ей такъ тяжело, что она отравилась! Вы это какъ будто забыли. Теперь сдѣлайте логическій выводъ: для этой натуры легче умереть, чѣмъ дѣйствовать средствами, которыя кажутся ей не вполнѣ чистоплотными, пачкаютъ... А второй пунктъ, дорогой мой Иванъ Захаровичъ, вотъ въ чемъ: вы хотите у себя запереться. Значитъ, и Вѣру Павловну вы лишите единственнаго человѣка, который... Впрочемъ, мнѣ трудно говорить объ этомъ... Но неужели вы не видите, что она живетъ только тѣмъ, что увидитъ васъ, поговоритъ съ вами?... Неужели вы не видите?...

— Что̀ вы хотите сказать? — спросилъ Роговъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы понимаете, что̀ я хочу сказать. Оговариваюсь: это мои предположенія... Я ничего не знаю! Я сдѣлалъ этотъ выводъ давно... Въ первый же день, какъ она пріѣхала сюда, она мечтала, какъ будетъ хорошо, когда вы пріѣдете...

— Я такъ уважаю Вѣру Павловну,—сказалъ Роговъ,—что мнѣ, конечно, не безразлично, какъ она относится ко мнѣ... Я

очень взволнованъ тѣмъ, что̀ вы сказали... Мнѣ, разумѣется, было бы очень тяжело, еслибы я причинилъ ей горе... Но я почти увѣренъ, что вы преувеличили. Конечно, ей скучно одной... Вотъ и все...

— А еслибы только это? И неужели же не нужно устранить лишній поводъ къ тому, чтобы ей было тяжело? И неужели нельзя совмѣстить и вашу работу, и... посѣщенія... ну, хотя и не каждый день?..

— Вы правы,—сказалъ Роговъ:—я былъ бы ужаснымъ эгоистомъ, еслибы поступилъ такъ... Надо получше обдумать, какъ совмѣстить все это...

— А теперь вы не зайдете къ ней?

— Нѣтъ... Я буду на дняхъ; вѣроятно, завтра... Мнѣ надо подумать о томъ, что̀ вы сказали...

Рогову было пріятно то, что̀ онъ услышалъ отъ Рахмарова... Рана, нанесенная ему Софьей, казалось, не такъ болѣла, когда онъ думалъ, что, быть можетъ, Рахмаровъ и правъ, и Лядова расположена къ нему больше, нежели къ хорошему и близкому другу... Образъ Вѣры Павловны принималъ въ его глазахъ ту новую прелесть, какую мы чувствуемъ, думая о человѣкѣ, любящемъ насъ, преданномъ намъ... Симпатичность ея удесятерилась въ его глазахъ; въ то же время онъ и жалѣлъ ее, и чувствовалъ къ ней что-то покровительственное... Въ общемъ, самочувствіе его было такое, что хотя больное мѣсто и ныло, но рядомъ съ этой тупой болью возникалъ симпатичный образъ, не только убаюкивавшій его самолюбіе, но и зарождавшій новыя смутныя надежды на счастье и тепло...

Рѣшеніе его — запереться у себя отъ „барской интеллигенціи“ — значительно ослабѣло. „И развѣ нельзя, въ самомъ дѣлѣ, совмѣстить дружбу съ Вѣрой Павловной и сближеніе, напримѣръ, съ „трезвенниками“ Ѳеди?“—думалъ онъ. Ему даже пришла мысль—познакомить съ ними и Вѣру Павловну: „вѣдь это и въ ея жизнь внесетъ новую струю“.

Онъ былъ такъ доволенъ этимъ планомъ, что осуществилъ бы его черезъ нѣсколько дней, еслибы не произошло новыхъ событій, отсрочившихъ на время это намѣреніе.

Л. Оболенскій.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

VIII *).

Женева.—Джемсъ Фази и его агитація. — Лекціи въ Академіи.—Публичныя лекціи въ думѣ.—Прогулка по Швейцаріи.—Отъѣздъ въ Гейдельбергъ. — Профессоръ Гофманъ и его семья.—Лекціи въ университетѣ.—Публичныя лекціи въ музеѣ.—Франкфуртъ.—Прогулка по Рейну.—Поѣздка въ Италію. — Литературные вечера въ Гейдельбергѣ.—Выѣздъ изъ Гейдельберга.

Женева! Да развѣ есть въ Европѣ другой городъ—Константинополя и Неаполя я не знаю,—производящій такое чарующее впечатлѣніе, какъ эта царица Швейцаріи, городъ строгаго кальвинизма, съ такимъ чуднымъ пейзажемъ, что, кажется, онъ созданъ не стихійными силами природы, а сознательною мыслью художника. Впечатлѣніе еще болѣе увеличивается вслѣдствіе неожиданности зрѣлища. Когда вы на пароходѣ подъѣзжаете къ Женевѣ, вы издали видите темно-сѣрую кучу домовъ, надъ которыми господствуетъ сумрачный соборъ св. Петра. „Такъ это хваленая Женева?"—слышится на палубѣ парохода. Да, это

*) См. выше: мартъ, 168 стр.

Женева, но Женева старая, Женева Кальвина, которую не могла перенести свободолюбивая душа Руссо. Но подождите: вы увидите Женеву новую, созданную радикаломъ Джемсомъ Фази, которая, конечно, очаруетъ вашъ взоръ. Пароходъ присталъ у пристани англійскаго сада, этого очаровательнаго сада, съ которымъ можетъ посоперничать развѣ садъ у озера въ Цюрихѣ. Станьте лицомъ къ озеру, и какую картину обниметъ вашъ взоръ! Передъ вами это дивное синее озеро, которому и конца нѣтъ. Съ правой руки—рядъ великолѣпныхъ домовъ, заканчивающихся паркомъ. Это—commune des eaux vives, за которою виднѣется живописная гора Салевъ, а далеко-далеко блеститъ снѣжная верхушка Монъ-Блана, своими очертаніями, говорятъ, напоминающая профиль Наполеона I. А слѣва? Слѣва—роскошная набережная Монъ-Блана, въ которую упирается улица того же названія, подходящая къ вокзалу и застроенная превосходными домами; а тамъ—Pâquis, съ грандіозными отелями-дворцами; вдали виднѣются Юрскія Альпы. Духъ захватываетъ отъ прелести пейзажа, а въ теплую лѣтнюю ночь, когда въ озерѣ отражается масса огней, а изъ сосѣднихъ кафе несутся звуки пѣсни подъ аккомпаниментъ гитары или мандолины, Женева представляется чѣмъ-то волшебнымъ. Но я рисую вамъ Женеву современную, какою я видѣлъ ее въ 1899 г., когда, проживая съ женой и дочерью въ Кларанѣ, я часто навѣщалъ ее. Не такова была она сорокъ лѣтъ тому назадъ. Тщетно я искалъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ я жилъ въ 1860-хъ и 1881-мъ гг.; тщетно хотѣлъ увидѣть тѣ укрѣпленія, изъ-за срытія которыхъ такъ сражался Фази. Опустѣла академія, въ которой я слушалъ когда-то лекціи: ее замѣнилъ университетъ, роскошныя зданія котораго господствуютъ надъ Plain-Palais. А откуда взялся паркъ въ общинѣ „Живыхъ-Водъ"? Неужто въ сорокъ лѣтъ могли повыростать такія роскошныя деревья? Не вилла ли Діодати, которую такъ любилъ Байронъ, пошла подъ этотъ паркъ? Да, страшно измѣнилась Женева съ 1860-го года: высохла и та березка на островѣ Руссо, которая напоминала намъ лѣса дорогой родины. Не измѣнилось только синее Женевское озеро, видъ котораго такъ поразилъ мою жену, когда она въ первый разъ его увидѣла. „Посмотри! посмотри! Какая чудная поляна цвѣтущаго синяго барвинка!"—вскричала она, близорукая, пока не разглядѣла, что это не поляна, а озеро.

Незабитовскій посовѣтовалъ мнѣ устроиться въ общинѣ „Живыхъ-Водъ" у старушки Бальсанкъ, которая проживала тамъ съ двумя дочерьми. Форменнаго пансіона она не держала, но принимала иногда жильцовъ за умѣренную плату по четыре франка

въ день съ персоны. Насъ приняла она только ради памяти Незабитовскаго, котораго вся семья очень полюбила. „Вѣдь онъ,— вспоминала старушка,—doux, comme le miel“. Нельзя сказать, чтобы устроились удобно: домъ стоялъ на припёкѣ, комната была тѣсная, пища—такъ себѣ. Но семья была такая симпатичная, что мы рѣшились пожить здѣсь, пока осмотримся. Между прочимъ пріѣхалъ изъ Ди, на югѣ Франціи, пасторъ, женатый на одной изъ дочерей хозяйки. Онъ предложилъ мнѣ совершить прогулку пѣшкомъ въ Шамони, если не ошибаюсь, километровъ шестьдесятъ отъ Женевы. Я охотно согласился, зная, что женѣ будетъ очень покойно въ этой прекрасной семьѣ. Мы скоро собрались въ путь и вечеромъ пріѣхали въ ближайшій савойскій городокъ. Переночевавъ, раннимъ утромъ мы отправились пѣшкомъ. Мы проходили то по голымъ горамъ Савойи, то по чуднымъ зеленымъ долинамъ съ горными водопадами, у которыхъ по временамъ мы дѣлали привалъ, утоляя жажду студеной горной водой; заходили мы въ убогіе савойскіе шалэ, чтобы отдохнуть и съѣсть кусокъ тома̀ или выпить стаканъ козьяго молока. Эти шалэ не всегда бывали опрятны, и большею частью подъ одной кровлей помѣщался и домашній скотъ, и люди. Помнится, что на пути мы переночевали въ одномъ поселкѣ, гдѣ омыли усталыя ноги киршвассеромъ. Нерѣдко мы встрѣчали предпріимчивыхъ англичанокъ, путешествующихъ въ одиночку съ длинной альпійской палкой въ рукахъ и котомкой на плечахъ. Подъ вечеръ мы пришли въ Шамони, и насъ обдало холодомъ ледяного моря. Чудное это мѣсто—долина Шамони, у подножія ледяного Монъ-Блана. Недаромъ Катковъ говорилъ, что онъ сюда переселится, если ему не удастся его публицистическая дѣятельность. Но мы только переночевали здѣсь, и на другой день двинулись дальше на Мартиньи. Мой спутникъ какъ-то былъ несговорчивъ, немножко брюзга, такъ что общество его не доставляло мнѣ особеннаго удовольствія. Мы пробирались черезъ дикій и живописный Валлисъ, проходя иногда чрезъ поселки въ такихъ глубокихъ ущельяхъ, что едва было видно небо: тамъ царствовали зобъ и кретинизмъ. Насмотрѣлись мы на этихъ несчастныхъ кретиновъ, иногда ползающихъ на четвереанькахъ, иногда не говорящихъ, а мычащихъ... Уставъ отъ ходьбы, я нанялъ мула, что̀ не понравилось моему спутнику, увидѣвшему въ этомъ нарушеніе товарищескаго единенія. Въ Мартиньи мы опять переночевали и на другой день утромъ прибыли въ Бельвилль, откуда, проѣхавъ во всю длину Женевское озеро, мы прибыли домой. Видно было, что мой спутникъ недоволенъ мною, какъ будто онъ не получилъ отъ меня

ожидаемаго. Мнѣ самому онъ не понравился. Возможно, что онъ шепнулъ что-нибудь хозяйкѣ, такъ какъ послѣдняя стала показывать явное желаніе избавиться отъ насъ. Мы рѣшили перемѣнить квартиру, и скоро нашли ее на противоположномъ берегу озера—въ Pâquis, у члена государственнаго совѣта по департаменту народнаго просвѣщенія, Aloyse Piguet, по четыре франка въ день.

Видъ этого Pâquis былъ тогда совсѣмъ не то, что̀ ныньче. Въ густыхъ, прелестныхъ палисадникахъ скрывался рядъ небольшихъ домиковъ, обвитыхъ виноградомъ, грозды котораго можно было доставать изъ открытаго окна. Теперь, какъ говорилъ я выше, и слѣдъ ихъ простылъ. Намъ очень понравилось мѣсто, и мы наняли двѣ комнаты съ полнымъ пансіономъ, но имѣли неосторожность сказать, что будемъ жить до половины февраля, за что пришлось поплатиться впослѣдствіи. Ѣли мы вмѣстѣ съ семьей, и пища вообще была довольно скудная. Видно было, что хозяйка очень экономничала, стараясь у мужа брать поменьше денегъ, чтобы у него было больше для его прихотей и удовольствій. Семья состояла: изъ хозяина, его жены Луизы, двухъ небольшихъ сыновей, Жака и Жюля, и, помнится, маленькой дочери. Хозяинъ, какъ мы видѣли, занималъ важный постъ—нѣчто въ родѣ министра народнаго просвѣщенія, съ жалованьемъ четыре тысячи франковъ въ годъ. Онъ былъ сторонникомъ Фази, который, вѣроятно, и вывелъ его въ люди. Для женевца онъ былъ довольно учтивъ и привѣтливъ, но не производилъ впечатлѣнія развитого и образованнаго человѣка. Еще молодой и красивый, онъ, видимо, тяготился семейной жизнью, неинтересной супругой, отъ которой постоянно отлынивалъ. По уши въ него влюбленная, готовая служить ему какъ поденьщица, она думала, что мужа отъ домашняго очага отвлекаетъ департаментъ, но мнѣ казалось, что онъ бо̀льшую часть времени проводилъ въ клубахъ и кафе. Жена его, Луиза Пиге, была загнанная и забитая семейными дрязгами и хозяйственными хлопотами, вѣчно занятая, вѣчно суетливая. Съ нами она старалась быть какъ можно болѣе привѣтливой, но въ глубинѣ души всегда таила желаніе сорвать съ насъ деньгу. Старшему сыну было лѣтъ двѣнадцать, но онъ считалъ себя уже радикаломъ, сторонникомъ Фази. Я помню, однажды за обѣдомъ, онъ вмѣшался въ мою бесѣду съ его отцомъ, спрашивая у послѣдняго: „Что̀ это такое дворянство“? Помню я также, какъ занимали его федеральные выборы, и онъ мнѣ говорилъ: „Вотъ-вотъ подойдутъ изъ Каружа, и мы тогда разобьемъ консерваторовъ“. Вообще, дѣти въ Швей-

царіи очень рано созрѣваютъ: мальчишка лѣтъ двѣнадцати уже политиканствуетъ, считая себя за консерватора или радикала. Но что еще хуже,—по моимъ наблюденіямъ, дѣти въ Швейцаріи обращаются очень грубо съ родителями: Жакъ нерѣдко кричалъ на свою запуганную мать, а однажды я былъ свидѣтелемъ, ѣдучи куда-то по конкѣ, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвица ругательски ругала свою мать. Эта швейцарская педагогическая система выработать самостоятельнаго гражданина, а не мягкаго, сердечнаго человѣка, едва ли достойна подражанія, хотя для маленькой Швейцаріи она можетъ быть и нужна, такъ какъ ея политическую независимость охраняетъ не одна природа, но и могучій патріотизмъ ея гражданъ.

Присоединеніе Савойи къ Франціи произвело сильное впечатлѣніе на всю Швейцарію и въ особенности на Женеву, которая была теперь охвачена со всѣхъ сторонъ владѣніями могучей имперіи. Я былъ свидѣтелемъ этого народнаго возбужденія, которое было по душѣ прирожденному агитатору Джемсу Фази. Сходка и публичная рѣчь ему были нужны, какъ рыбѣ вода. Сколько разъ приходилось мнѣ слушать, какъ онъ громилъ захватъ Наполеономъ III Савойи; какъ онъ убѣждалъ согражданъ готовиться къ отпору ехидной Франціи. Онъ не скупился на рѣзкія слова и выраженія, которыя такъ и сыпались въ его импровизаціяхъ. За нимъ всегда ходила толпа его поклонниковъ и слушателей. Говорили, что Фази—не безукоризненной нравственности, что въ его домѣ, на улицѣ Mont-Blanc, игорный домъ, и что онъ самъ—страстный игрокъ на большія суммы. Это возможно, но несомнѣнно и то, что онъ, какъ дѣятель политическій, былъ очень полезенъ Женевѣ: въ 1848 году онъ вырвалъ власть изъ рукъ узкой консервативной партіи и провелъ болѣе либеральную конституцію; онъ поднялъ вопросъ о срытіи укрѣпленій; ему кантонъ обязанъ многими линіями желѣзныхъ дорогъ, а желѣзнодорожныя компаніи всегда находили въ немъ непримиримаго обличителя. Можно сказать, что Фази перестроилъ Женеву, сообщивъ ей тотъ новый видъ, который онъ имѣетъ нынче. Атмосфера Женевы въ 1860 г. была такъ пропитана политикой, что и я заинтересовался ею, и не разъ бывалъ въ „великомъ совѣтѣ“, слушая тамошнихъ ораторовъ и между прочимъ Карла Фохта, бывшаго депутатомъ и говорившаго по-французски съ самымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я внимательно также слѣдилъ за ходомъ федеральныхъ выборовъ, за раздачей красныхъ и бѣлыхъ бюллетеней, на которыхъ были написаны имена кандидатовъ обѣихъ партій.

Публичная библіотека Женевы вполнѣ доступна: выдаютъ книги даже на домъ. Я давно интересовался сочиненіемъ Шарля Конта, въ которомъ онъ изслѣдуетъ вліяніе внѣшнихъ условій на законодательство. Многое объясняется иначе, чѣмъ у Монтескьё. Книга—назидательная, которую я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Университета въ Женевѣ въ то время не было, а была академія безъ медицинскаго факультета; помѣщалась она въ старомъ-престаромъ зданіи на той улицѣ, которая, поднимаясь подъ гору, ведетъ къ собору св. Петра. Я сталъ посѣщать въ академіи лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ. Чаще всѣхъ я слушалъ Аміеля, Данетта, Камперіо, а иногда знаменитаго матеріалиста Карла Фохта. Аміель читалъ философію. На меня онъ не производилъ впечатлѣнія особенно талантливаго человѣка: я его считалъ даже человѣкомъ отсталымъ, даже склоннымъ къ реакціи. Слушая его въ 1860 году, могъ ли я думать, что я слушаю такого глубокаго мыслителя и психолога, какимъ Аміель оказался въ своемъ знаменитомъ дневникѣ, произведшемъ такое глубокое впечатлѣніе на всю европейскую интеллигенцію? Зачитываясь страницами этого чуднаго дневника, я живо припоминалъ фигуру автора на каѳедрѣ женевской академіи въ 1860 г.: глубоко сосредоточенный, кроткій и тихій, онъ казался мнѣ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ считалъ я его въ 1860 г., когда съ такой нетерпимостью относился ко всякому нарушенію моей либеральной программы. Данеттъ читалъ политическую экономію, и мнѣ лекціи его такъ нравились, что я постоянно посѣщалъ и записывалъ ихъ. Онъ говорилъ лекцію довольно хорошо, и я считалъ его далеко талантливѣе Аміеля. Тѣмъ болѣе, что онъ слѣдовалъ шаблонному либерализму, а курсъ его былъ выкроенъ по Бастіà, цѣнить котораго пріучилъ насъ Бунге еще на школьной скамьѣ. Но теперь, когда я вспоминаю этихъ двухъ профессоровъ женевской академіи и оцѣниваю ихъ, какъ историкъ, фигура Аміеля представляется мнѣ далеко выше фигуры Данетта. Онъ былъ человѣкомъ глубокихъ, искреннихъ убѣжденій, а внутренняя жизнь его, въ которую онъ всецѣло погруженъ былъ, была очень содержательна, какъ это мы увидѣли изъ его посмертнаго дневника. Данеттъ—стереотипный либералъ-буржуа, воззрѣнія котораго не углублялись въ суть человѣческой души и явленій жизни, но скользили по ихъ поверхности. Настоящей характеристикой Аміеля я воздаю ему запоздалую дань уваженія и признанія, которыхъ лишалъ его въ мои молодые годы, когда я былъ такимъ неопытнымъ психологомъ.—Камперіо читалъ элементарный курсъ конституціоннаго права, на ужасномъ французскомъ языкѣ,

преисполненномъ итальянскаго акцента. Курсъ его не представлялъ для меня ничего новаго и поучительнаго; потому я очень рѣдко бывалъ на его лекціяхъ. Заходилъ я иногда и на лекціи Карла Фохта, читавшаго геологію. Въ его обширной аудиторіи собиралось много слушателей. Тамъ я въ первый разъ встрѣтилъ женевскаго священника Петрова, который потомъ крестилъ моего первенца; тамъ я познакомился и съ профессоромъ харьковскаго университета Лебедевымъ, съ которымъ недавно встрѣтился въ Харьковѣ, вспоминая эту встрѣчу въ аудиторіи Фохта. Карлъ Фохтъ—фигура типическая. Его внѣшній видъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той доктринѣ, которой онъ считался представителемъ. Высокій и тучный, со здоровымъ цвѣтомъ лица, онъ казался bon vivant, для котораго въ жизни нѣтъ ни сомнѣній, ни нерѣшенныхъ вопросовъ, для котораго жизнь—веселый пиръ, изобилующій вкусными яствами и сладкими питіями. Да, это матеріалистъ, и матеріалистъ радикальный, ничто же сумняшійся, сказали бы вы при первомъ взглядѣ на его довольную, веселую фигуру. Интересно очень сопоставить его съ Аміелемъ, типическимъ спиритуалистомъ, для котораго въ жизни все—сомнѣніе и неразрѣшенные вопросы, а жизнь—не пиршество, но юдоль борьбы и испытаній. Кромѣ лекцій въ академіи, я посѣщалъ также даровыя публичныя лекціи, устройствомъ которыхъ очень и очень гордился мой хозяинъ, какъ женевскій министръ народнаго просвѣщенія. Данеттъ читалъ исторію торговли, Карлъ Фохтъ читалъ о животныхъ и насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ въ хозяйствѣ; профессоръ физіологіи, имя котораго я позабылъ, но о которомъ мнѣ говорили, что онъ человѣкъ талантливый, читалъ на тему, что голодъ—великій факторъ прогресса и общечеловѣческаго развитія.

Лекціи были главнымъ развлеченіемъ въ Женевѣ, которая очень скучна и монотонна въ глубокую осень, когда биза, особенно черная биза, дуетъ съ утра до вечера, выплескивая на набережную волны озера. Женева въ такіе дни невыносима. Вездѣ холодно: съ утра до вечера трещитъ коксъ въ нашемъ каминѣ, не обогрѣвая квартиры, по которой свободно разгуливаетъ вѣтеръ. Скучно, охъ, какъ скучно! Вечеромъ зайдетъ хозяйка: „Давайте громко читать „Мертвыя Души“, во французскомъ переводѣ, въ дешевомъ иллюстрированномъ изданіи; но переводъ ужасно плохъ, и наши родные Чичиковъ, Маниловъ и Плюшкинъ такъ обезображены, что я бросаю чтеніе. Пора спать! Можетъ быть, вѣтеръ не проникнетъ подъ одѣяло-перинку, значеніе которой теперь такъ оцѣнивалось и которая произвела

на насъ въ Бреславлѣ впечатлѣніе чего-то страннаго и ненужнаго.

Стихала биза, выглядывало осеннее солнышко, и я дѣлалъ недалекія экскурсіи. Къ сожалѣнію, положеніе жены не позволяло ей мнѣ сопутствовать. Помню одну изъ такихъ экскурсій въ Монтрё, который тогда, конечно, не былъ такимъ элегантнымъ городкомъ, какъ нынче, но уже и тогда манилъ прелестью своего пейзажа и затишьемъ отъ бизы. Стоялъ прекрасный день уже глубокой осенью. Изъ Монтрё я пришелъ пѣшкомъ въ Веве позднимъ вечеромъ. Зашелъ переночевать въ какой-то отельчикъ. Я былъ ужасно голоденъ, а па ужинъ не было ничего, кромѣ чеснока, хлѣба и масла. Въ первый разъ въ жизни я ѣлъ чеснокъ, и онъ показался мнѣ очень вкуснымъ. Но когда я легъ спать, я горѣлъ какъ въ огнѣ, и мнѣ казалось, будто у меня горячка. Почти безъ сна я провелъ ночь, благодаря необычному ужину. На другой день, осмотрѣвъ Лозанну, возвратился домой. Припоминаю и другую экскурсію—въ Ивердёнъ, неподалеку отъ Невшательскаго озера, гдѣ было открыто такъ много озерныхъ свайныхъ построекъ. Въ Ивердёнѣ, этомъ маленькомъ городкѣ—замѣчательный музей. Симпатичная черта Швейцаріи—піетэтъ къ роднымъ древностямъ. Отсюда—процвѣтаніе археологіи, занятіямъ которой посвящаютъ свои силы многіе талантливые умы; отсюда – такое множество музеевъ, разсѣянныхъ по всей странѣ.

На публичныя лекціи я обыкновенно ходилъ всегда со своей женой. Эти лекціи читались вечеромъ. Возвратившись съ одной изъ такихъ лекцій, помнится—Фохта, который намъ читалъ о нравахъ жабъ, жена почувствовала себя дурно. Ночь провели въ тревогѣ и безпокойствѣ. Утромъ недомоганіе продолжалось, и я пригласилъ договоренную прежде сидѣлку-повитуху по два франка въ день. Привѣтливая и симпатичная, m-me Буржуа явилась. Къ вечеру боли такъ усилились, что я побѣжалъ за лучшимъ женевскимъ акушеромъ Маіоромъ, который уже былъ договоренъ. Въ мое отсутствіе родился мой первенецъ, и когда я пришелъ домой, m-me Буржуа поднесла мнѣ его, одѣтаго въ чулочки, башмачки и чепчикъ. Ребенка не пеленали и не укачивали, чего тамъ не водится. Вслѣдъ за мной пріѣхалъ Маіоръ и нашелъ, что все благополучно. Все это дѣлалось 5 декабря 1860 г.: незабвенная дата въ моей жизни. Я помню у Байрона одну пьесу, гдѣ онъ описываетъ сладость перваго родительскаго чувства. Въ чудныхъ своихъ стихахъ онъ вѣрно изобразилъ то состояніе души отца, которое переживается, когда услышишь крикъ своего первенца. Я на себѣ испыталъ это: какая-то ра-

дость, какое-то блаженство и безсознательное счастье наполняли мою душу, когда я слышалъ крикъ *моего* Сережи. Прыгалъ бы, танцовалъ бы,—такъ было весело. Это радостное чувство быть отцомъ испытывается только разъ въ жизни. У меня есть и другія дѣти, но рожденіе ихъ не наполняло душу такой радостью и весельемъ. Видно, это—въ природѣ вещей, и разгадка этого психологическаго явленія кроется въ тайникахъ человѣческой души, которую такъ тонко понимаютъ такіе поэты, какъ Байронъ.

Жена не могла сама кормить ребенка,—нужно было нанять кормилицу. Мы наняли Жанету Жиро—здоровенную савойярдку, молодую и красивую. Она скоро полюбила ребенка и очень скоро стала выносить его на свѣжій воздухъ, такъ что новорожденный, черезъ нѣсколько дней послѣ появленія своего на свѣтъ, уже совершалъ прогулки, а время было зимнее—декабрь. Только нравъ у савойярдки былъ бѣдовый,—вспыльчивый и несговорчивый, отъ котораго жена много терпѣла, особенно въ Гейдельбергѣ, когда ей приходилось разставаться со мной. Условія найма кормилицы не были особенно отяготительны: тридцать франковъ въ мѣсяцъ да обычныя тряпки. Я помню, что на другой день послѣ рожденія Сережи выпалъ такой снѣгъ, что я нанялъ сани, видомъ своимъ похожія на журавля, и покаталъ по Женевѣ дѣтей хозяйки. Нужно было подумать о крестинахъ. Въ Женевѣ тогда отдѣльной русской церкви не было, а была церковь домовая, при квартирѣ священника Петрова въ общинѣ „Живыхъ-Водъ“. Не знаю, сохранилась ли на царскихъ вратахъ теперешней русской церкви въ Женевѣ та гордая надпись, которую я прочелъ въ этой домовой церкви: „Съ нами Богъ, разумѣйте, языци, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“. О. Петровъ любезно согласился совершить обрядъ крещенія. Нужно было найти только кумовей. Въ аудиторіяхъ академіи я часто встрѣчался съ отставнымъ петербургскимъ чиновникомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Бѣляновскимъ. Онъ производилъ на меня самое симпатичное впечатлѣніе человѣка, которому опостылѣла тьма петербургской канцеляріи и которому хоть подъ старость захотѣлось узрѣть свѣтъ западно-европейской науки и просвѣщенія. Онъ былъ очень увлеченъ заграничной культурой; ему пріятно было слушать свой доморощенный французскій языкъ, на которомъ онъ любилъ пофилософствовать. Помню, какъ онъ однажды пригласилъ меня, Аміеля и Данетта на ужинъ въ какой-то кафе и сталъ разсуждать съ нами о матеріяхъ важныхъ. Робкая фигура Аміеля, развязныя манеры Данетта и бритое лицо съ сѣдой головой петербургскаго бюрократа такъ и видятся мнѣ и теперь, несмотря

на далекое прошлое. Бѣляновскій согласился быть крестнымъ моего сына, а m-me Piguet мы пригласили быть кумой. Сына окрестили и назвали Сергѣемъ—это имя казалось мнѣ всегда благозвучнымъ.

Празднованіе рождественскихъ святокъ въ Женевѣ сопровождалось нѣкоторыми мѣстными обычаями: разбиты были балаганы на нѣкоторыхъ улицахъ; ребятишки пѣли пѣсни, въ которыхъ вспоминалось о борьбѣ Женевы съ Савойей и т. п. Послѣ рожденія сына, Женева стала еще скучнѣе и ненужнѣе, и мы задумывали переѣхать въ Гейдельбергъ, уплативъ хозяйкѣ по уговору за все недожитое время. Мои товарищи, Сидоренко и Демченко, пребывая въ Гейдельбергѣ, жили въ домѣ профессора Гофмана и совѣтовали мнѣ помѣститься тамъ же. Я списался съ Гофманомъ. Отвѣтъ былъ благопріятный, и въ половинѣ января мы рѣшились двинуться въ Гейдельбергъ. Еще не разсвѣло, когда мы съ кормилицей, закутавъ и уложивъ на подушку мѣсячнаго туриста, отправились въ путь. Пейзажи Швейцаріи хороши и въ зимнее время. Любуясь ими, я не отрывалъ глазъ отъ оконъ вагона. Ночью мы пріѣхали въ Базель. Устроивъ на ночлегъ жену, я пошелъ бродить по незнакомому мнѣ городу, освѣщенному луной. Могу сказать, что я видѣлъ Базель ночью, при лунномъ освѣщеніи, а другой разъ бывать въ немъ мнѣ не приходилось. На другой день мы продолжали нашъ путь. Долгое время дорога идетъ около Рейна, и я любовался видомъ этой прекрасной рѣки. Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Гейдельбергъ и—прямо въ домъ Гофмана. Да это настоящая Россія, думалось намъ: только и слышится русская рѣчь, только и видятся русскія лица; даже чай подали не въ чашкахъ, а въ стаканахъ—совсѣмъ какъ въ Москвѣ. Все это дѣлалось, благодаря такту живой и прозорливой хозяйки, Софьи Петровны—ирландки, рожденной въ Москвѣ и усвоившей московскую рѣчь и проворство.

Наконецъ, я—въ Гейдельбергѣ. О его славномъ университетѣ я мечталъ еще въ свои юные годы. Я не бывалъ въ Іенѣ, Тюбингенѣ и Геттингенѣ; но болѣе укромнаго уголка для научныхъ занятій я не знаю. Гейдельбергъ—по истинѣ нѣмецкій Оксфордъ. Лежитъ онъ въ прелестной мѣстности, на милой рѣкѣ Неккарѣ, черезъ которую переброшенъ старинный каменный мостъ на ту сторону рѣки, гдѣ извивается „Philosophen-Weg"—чудное мѣсто для прогулки: здѣсь иногда можно было встрѣтить стариковъ Шлоссера и Гервинуса, доживавшихъ свой вѣкъ въ Гейдельбергѣ и посѣщавшихъ иногда, какъ говорили мнѣ, лекціи своего ученика Гейзера. Напротивъ высится знаменитый гейдель-

бергскій замокъ—лучшій памятникъ феодализма, красивѣе котораго я ничего не видѣлъ. Надъ нимъ высится швейцарскій шалэ Molken-kur, гдѣ всегда можно было видѣть группу студентовъ въ ихъ разноцвѣтныхъ шапочкахъ и шарфахъ, съ изрубленными на дуэляхъ физіономіями, съ огромными бульдогами. Крѣпкая и здоровая нѣмецкая молодежь—бурши въ молодые годы, дѣльцы и культуртрегеры—въ годы зрѣлые. Славно пьютъ они свое пиво, славно кутятъ и дерутся на дуэляхъ, но и университета не забываютъ, и въ мое время жалобъ на абсентеизмъ нѣмецкихъ студентовъ еще не раздавалось въ Германіи, и я помню, какъ полны были ими аудиторіи Фангерова, Миттермайера, Гельмгольца и др. А студенческія дуэли были тогда въ большомъ ходу и оканчивались иногда трагически: я помню, однажды хоронили студента, убитаго на дуэли... Не забуду я никогда этого нѣмецкаго Оксфорда, въ которомъ я прожилъ почти полтора года и съ которымъ связано столько свѣтлыхъ молодыхъ воспоминаній.

Домъ профессора Гофмана стоялъ почти за городомъ. Къ нему примыкали поля и луга, по которымъ я, страстный поклонникъ деревни, любилъ бродить, глядя, какъ обработываетъ свою нивку нѣмецкій пахарь, какъ коситъ свой клеверъ нѣмецкій косарь, какъ жнетъ свою пшеницу нѣмецкій жнецъ: все хотѣлось видѣть, высмотрѣть. Назидательность заграничнаго пребыванія, по моему крайнему разумѣнію,—не въ книгахъ и аудиторіяхъ, а въ непосредственномъ наблюденіи надъ особенностями быта и культуры. Этого я никогда не упускалъ изъ виду,—и, признаюсь, никогда объ этомъ не жалѣлъ...

Карлъ Ивановичъ Гофманъ считался приватъ-доцентомъ гейдельбергскаго университета, но лекцій при мнѣ онъ не читалъ. Его спеціальность—греческая словесность, для преподаванія которой онъ былъ приглашенъ въ московскій университетъ. Не знаю, долго ли онъ тамъ преподавалъ, но знаю, что онъ былъ высланъ по приказанію императора Николая I изъ Москвы, за участіе въ сборѣ пожертвованій на нѣмецкій флотъ. Несмотря на этотъ выѣздъ изъ Россіи, его связь съ Москвой и русскими не прерывалась. Его домъ, можно сказать, былъ русской колоніей въ Гейдельбергѣ, самъ онъ былъ славный нѣмецъ, довольно образованный, съ которымъ пріятно было и о политикѣ поговорить, и пива выпить, притомъ и по-русски говорилъ сносно. Для жильцовъ же своихъ онъ былъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что никакихъ денежныхъ дѣлъ съ нимъ не бывало, такъ какъ этимъ завѣдывала его бойкая супруга, Софья Петровна. Она была дѣйствительно женщина бойкая и проворная. Мы очень ее любили

за ея привѣтливость и московскія манеры. Но себя она не забывала: себѣ на умѣ, кормила она насъ преплохо, а деньги брала порядочныя. Я нанималъ двѣ комнаты съ полнымъ содержаніемъ трехъ лицъ, и прожилъ съ половины января до половины октября 1861 г. Помню длинный столъ въ столовой Гофмана, за которымъ, мы, русскіе, собирались для обѣда и ужина. Кого только я не встрѣчалъ за этимъ столомъ! Да и кого изъ русскихъ не перебывало тогда въ Гейдельбергѣ, особенно послѣ исторіи въ петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г. Моя память, конечно, сохранила только фигуры болѣе выдающіяся. Въ домѣ Гофмана проживали при мнѣ братья Майновы. Одинъ изъ нихъ юристъ, а другой—естественникъ. Первый былъ страстный поклонникъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Его трудно было оторвать отъ книги, надъ которой онъ пожелтѣлъ и похудѣлъ и которую онъ оставлялъ только для прогулки съ хозяиномъ въ пивную, гдѣ и устроивали перепой. Русскій человѣкъ, онъ, кажется, хотѣлъ выдѣлать изъ себя нѣмецкаго гелертера. Братъ его, естественникъ, былъ человѣкъ болѣе живой и общительный. Оба, впрочемъ, были люди достойные. Куда дѣвались они и что съ ними сталось,—не знаю. Помню я также Власьева—необычайнаго труженика. Онъ, кажется, приготовлялся къ каѳедрѣ полицейскаго права, но потомъ читалъ юридическую энциклопедію въ новороссійскомъ университетѣ. Не знаю, какой изъ него вышелъ профессоръ, но въ Гейдельбергѣ онъ былъ страшно замкнутый и необщительный. Всегда надъ книгой,—рѣдко когда, бывало, скажетъ живое слово.

Живо помню я также профессора Бутлерова. Мы довольно сблизились, часто гуляли вмѣстѣ, а разъ, помню, съѣздили по Неккару въ лодкѣ на водяную мельницу. О Бутлеровѣ у меня сохранились самыя симпатичныя воспоминанія. Это былъ профессоръ-джентльменъ: не знаю, почему—своими манерами и обращеніемъ онъ напоминалъ мнѣ Григорія Павловича Галагана. Пчеловодъ и помѣщикъ казанской губерніи, онъ собою болѣе напоминалъ типъ дворянскаго предводителя, чѣмъ ученаго и профессора. Европейскій химикъ, онъ никого не безпокоилъ разсказами о своей наукѣ и о своихъ научныхъ заслугахъ. Совершенную противоположность представлялъ собою московскій профессоръ Ешевскій—преемникъ Грановскаго. Болѣзненный и самолюбивый, онъ только и говорилъ, что о своемъ Аполлинаріѣ Сидоніѣ, о своихъ дарованіяхъ и заслугахъ, да о своей борьбѣ изъ-за высокихъ принциповъ въ совѣтѣ московскаго университета. Сочленами этого совѣта онъ былъ совсѣмъ не доволенъ:

онъ далеко не льстилъ имъ своими характеристиками. Съ большимъ сочувствіемъ онъ относился къ Капустину, да и то у Михаила Николаевича, по его опредѣленію, слишкомъ „женственная натура“. Онъ немножко свысока относился ко мнѣ, адъюнкту провинціальнаго университета. Забывая, что и самъ когда-то профессорствовалъ въ университетѣ казанскомъ, онъ былъ преисполненъ гордымъ сознаніемъ величія московскаго университета. Съ нимъ трудно было бесѣдовать—его можно было только слушать, и слушала его застольныя рѣчи русская гейдельбергская колонія... Все это, можетъ быть, происходило отъ крайне болѣзненнаго состоянія профессора Ешевскаго уже незадолго до его смерти. Тѣмъ не менѣе, насколько свѣтелъ и симпатиченъ въ моихъ воспоминаніяхъ покойный Бутлеровъ, настолько образъ Ешевскаго помрачается его крайнимъ самолюбіемъ и раздражительностью.

Душа отдыхаетъ, когда вспомнишь объ Александрѣ Порфирьевичѣ Бородинѣ, знаменитомъ русскомъ химикѣ и композиторѣ. Это была прелестная, обольстительная личность, щедро надѣленная природой. За что бы онъ ни брался—все у него выходило хорошо. Иностранные языки онъ усвоивалъ съ изумительною скоростью: поживъ въ Парижѣ, онъ сталъ говорить по-французски, какъ уличный гаменъ; побывавъ въ Италіи, онъ изучилъ всѣ ея жаргоны. А обращеніе его было такое простое и товарищеское, какъ будто онъ былъ самый обыкновенный смертный. Припоминаю, какъ изъ Москвы пріѣхала къ намъ маленькая m-me Китара, супруга извѣстнаго профессора технологіи и, кажется, сестра жены профессора Ешевскаго. Съ нею вмѣстѣ пріѣхала уже не очень молодая московская барышня, Протопопова—дивная піанистка. Заслушивался ея игры Бородинъ, страстный любитель музыки и самъ большой композиторъ. Заслушивался... Москвички уѣхали въ Италію, а вслѣдъ за ними и Бородинъ; оттуда же воротился онъ мужемъ Протопоповой: музыка соединила ихъ въ брачный союзъ. Не приходилось мнѣ потомъ встрѣчаться съ этимъ чудеснымъ русскимъ человѣкомъ, но зато пришлось быть въ Петербургѣ во время его внезапной кончины. На масляницѣ 1887 г., если только я не ошибаюсь въ датѣ, вечеромъ я былъ у ректора петербургскаго университета, покойнаго Андреевскаго: вошелъ профессоръ Иностранцевъ и сообщилъ, что на костюмированномъ вечерѣ Бородинъ, переодѣтый русскимъ парнемъ, побрякивая на балалайкѣ, упалъ и внезапно умеръ. Мнѣ пришлось сопровождать гробъ дорогого покойника на Александро-Невское кладбище. Шелъ густой, мо-

крый снѣгъ, залѣплявшій глаза, но это не мѣшало огромной толпѣ поклонниковъ усопшаго провожать до самой могилы его дорогіе останки,—такъ онъ былъ всѣмъ милъ, такъ всѣ его любили.

Но возвратимся къ русской колоніи въ Гейдельбергѣ, поселившейся въ домѣ Гофмана. Составъ ея къ лѣту 1861 г. увеличился пріѣздомъ молодого человѣка лѣтъ семнадцати, Анучина. Онъ имѣлъ болѣзненный видъ. Я живо помню, какъ мы всѣ вмѣстѣ съ Анучинымъ ѣздили въ Баденъ-Баденъ, чтобы посмотрѣть на рулетку. Можно ли было думать, что изъ этого Анучина выйдетъ такой талантливый антропологъ, которымъ такъ гордится русская наука! Дважды мнѣ приходилось съ нимъ потомъ встрѣчаться: въ Москвѣ, когда ректоръ Боголѣповъ показывалъ мнѣ университетъ и его учрежденія,—тогда я его не узналъ; не знаю, узналъ ли онъ меня, что̀ не трудно было по моей физической примѣтѣ. Но мы, русскіе, боимся другъ друга. Во второй разъ я встрѣтилъ Анучина на виленскомъ археологическомъ съѣздѣ: онъ ко мнѣ подошелъ и напомнилъ о Гейдельбергѣ и общихъ знакомыхъ. Для того, чтобы исчерпать характеристику обитателей дома Гофмана, прибавлю еще нѣсколько женскихъ персонажей. Софья Карловна, помнится, дочь орловскаго помѣщика, фамилію котораго я позабылъ: она была очень симпатична, но едва ли имѣла право считать себя пѣвицей. Она собиралась брать уроки у Віардо Гарсіа, а пока по цѣлымъ днямъ распѣвала сольфеджіи, что̀ не доставляло ея сосѣдямъ особаго удовольствія. Помню, впрочемъ, что она пріятно пѣла „Лихорадушку". По сосѣдству съ нами проживала грудная больная Лопатина, родная тетка бывшаго потомъ моимъ стипендіатомъ Назимова. Она часто забавлялась моимъ Сережей и довольно близко сошлась съ моей женой. Кажется, она тамъ и умерла, оставивъ о себѣ самыя симпатичныя воспоминанія. Болѣе смутно припоминается мнѣ княжна Шаликова, belle soeur Каткова, о которомъ она много разсказывала. Кажется, она была писательницей.

Населеніемъ дома Гофмана не исчерпывался контингентъ русскихъ, пребывавшихъ въ Гейдельбергѣ въ 1861 г. Онъ былъ очень обширенъ, заключая въ себѣ множество разнообразныхъ типовъ, направленій, спеціальностей. Все это была зеленая молодежь. Наивная и простодушная, она потянулась въ Европу за наукой, за просвѣщеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была и недовольна Европой, желая сказать ей свое новое русское слово. Въ чемъ должно было состоять это новое слово, она и сама не знала. Но оно должно быть слово мудрое, какого Европа еще

и не слыхивала. Все это было преисполнено комизма: недоучки, пріѣхали учиться, а сами хотятъ Европу поучать. Это былъ интересный моментъ въ исторіи русской эмиграціи, моментъ, изображенный Тургеневымъ въ его „Дымѣ“. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя лица этой повѣсти срисованы съ гейдельбергскихъ оригиналовъ 1861 г.: по крайней мѣрѣ, читая ее, я узнавалъ въ ней моихъ короткихъ знакомыхъ. Кто не помнитъ милой и доброй генеральши Веселицкой, одной изъ самыхъ передовыхъ русскихъ дамъ. Она проживала въ одномъ домѣ со мной, со своимъ сыномъ, отставнымъ гвардейцемъ—самымъ передовымъ изъ передовыхъ. Человѣкъ хорошо воспитанный, онъ и радикализмъ свой обставлялъ какимъ-то гвардейскимъ этикетомъ. Я его встрѣтилъ въ Женевѣ въ 1881 г., и узналъ, что онъ, Веселицкій-Божидаровичъ, на берлинскомъ конгрессѣ предъявлялъ свое право на герцеговинскій престолъ. Женившись на американкѣ, онъ имѣлъ видъ Наполеонида, странствующаго по Европѣ и ждущаго, когда придетъ его пора. Припоминается мнѣ молодая и даровитая фигура Дмитрія Ивановича Менделѣева. Онъ былъ тогда приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, но уже можно было предвидѣть въ немъ, сибирякѣ, великана русской науки. Онъ жилъ вмѣстѣ съ полякомъ Олевинскимъ, изучавшимъ также химію. Отношенія между ними напоминали мнѣ Моцарта и Сальери. Я помню прощальный ужинъ, предшествовавшій отъѣзду Менделѣева въ Россію. Говорились русскія и нѣмецкія рѣчи; братались русскіе и нѣмецкіе представители науки... Менделѣевъ уѣхалъ за лаврами въ Россію, а бѣднаго Олевинскаго постигла иная участь: помнится, ранней весной 1862 г., онъ пришелъ къ намъ проститься передъ отъѣздомъ въ Парижъ, но его нашли на другой день отравившимся синильной кислотой, и я увидѣлъ его уже на секціонномъ столѣ анатомическаго театра. Что побудило его совершить такой страшный шагъ? „Зависть ли тайная? Злоба ль открытая? Или друзей клевета ядовитая?“... Разгадку унесъ съ собой въ могилу нашъ бѣдный Олевинскій.

Ясно выдѣляется въ моихъ воспоминаніяхъ Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій, впослѣдствіи знаменитый эмбріологъ. Кажется, что и теперь вижу его въ синей блузѣ, подпоясанной шнуркомъ. Это былъ типъ прирожденнаго естествоиспытателя: его кроткая душа сближала его съ природой; онъ не заносился въ тучи метафизики, но зорко смотрѣлъ въ свой микроскопъ, изслѣдуя фазисы развитія изучаемаго моллюска. Чуждый треволненій и сомнѣній гуманныхъ наукъ, онъ игнорировалъ ихъ, а дедукціи ихъ считалъ достойными осмѣянія. Припоминаю я со-

лидную фигуру Леонида Ивановича Лаврентьева, страстнаго романиста. Ему слѣдовало бы сидѣть на каѳедрѣ римскаго права, которое онъ такъ тонко изучилъ въ Гейдельбергѣ. А ему пришлось быть тюторомъ Катковскаго лицея; теперь же онъ правитъ томскимъ учебнымъ округомъ. Среди тогдашнихъ гейдельбергскихъ недоучекъ и наивныхъ радикаловъ выдѣляется его солидная фигура съ крѣпкими, установившимися убѣжденіями и правилами. Помню я, какъ добивался дружбы съ нимъ покойный Якубовичъ, всегда жаждавшій дружбы и отыскивавшій друзей. Проходятъ предо мною и братья Лукьяновы, Иванъ и Сергѣй Ивановичи. Я такъ и вижу предъ собою Сергѣя Ивановича, съ кудрями до плечъ, завернутаго въ пледъ и всегда готоваго на горячій споръ. Онъ очень любилъ свое римское право. Я часто встрѣчалъ его на лекціяхъ даже Блунчли, котораго я регулярно слушалъ. Теперь онъ сенаторомъ. Хорошо бы было, еслибы большинство русскихъ сенаторовъ проходили такую школу, какую прошелъ Сергѣй Ивановичъ Лукьяновъ. Братъ его, Иванъ Ивановичъ, былъ человѣкомъ другого типа. Красивый брюнетъ, онъ имѣлъ скорѣе физіономію итальянца, чѣмъ русскаго, но въ душѣ своей онъ былъ кровнымъ русскимъ, подмосковнымъ. Гордился онъ и своимъ чисто-демократическимъ происхожденіемъ. Изучалъ онъ уголовное право и писалъ монографію о кассаціонномъ судѣ. Онъ былъ человѣкомъ ума тонкаго и глубокаго, и могъ бы украсить собою любой русскій университетъ. Я помню и его милую супругу, и ихъ вечеръ съ жженкой, на которую и я былъ приглашенъ. Я сохранилъ объ Иванѣ Ивановичѣ Лукьяновѣ самыя симпатичныя воспоминанія. Къ сожалѣнію, послѣ Гейдельберга я съ нимъ не встрѣчался, но слышалъ, что онъ промѣнялъ уголовное право на сельское хозяйство и умеръ въ деревнѣ.

Еще нѣсколько фигуръ изъ калейдоскопа русскихъ гейдельбергцевъ. Два профессора-цивилиста: московскаго университета— Никольскій—высокій, непривѣтливый; я его встрѣчалъ въ аудиторіи Фангерова, но бесѣдовать съ нимъ почти не приходилось,— да онъ и не былъ особенно экспансивенъ. Профессоръ казанскаго университета Александръ Васильевичъ Соколовъ—я его встрѣтилъ у Сергѣя Ивановича Лукьянова, и не знаю, почему надъ нимъ какъ-то подшучивали. Говорили мнѣ, впрочемъ, что въ Дерптѣ онъ запасся большой эрудиціей по римскому и гражданскому праву. А вотъ и смуглая, но очень симпатичная фигура Нарышкина, который былъ потомъ подольскимъ губернаторомъ и товарищемъ министра государственныхъ имуществъ. Я съ нимъ въ Гейдельбергѣ близко сошелся: мнѣ пріятно было ви-

дѣть въ немъ уравновѣшеннаго человѣка, ясно и здраво смотрящаго на вещи. Съ его именемъ у меня связывается воспоминаніе о Зайцевѣ, изъ духовнаго званія. Что онъ и какъ онъ— не помню, но помню, что съ нимъ я ѣздилъ въ Карлсруэ, гдѣ я былъ на карнавальномъ маскарадѣ. Еще одно воспоминаніе— лицейскій тріумвиратъ: Сабуровъ, Милорадовичъ и Баумгартенъ. Послѣднимъ двумъ пришлось губернаторствовать въ Каменцѣ. За границей, кажется, они интересовались вопросами экономическими и были подъ сильнымъ вліяніемъ Н. Б., человѣка очень энергичнаго и талантливаго. Ко всѣмъ этимъ именамъ я бы могъ еще прибавить Ильина, окончившаго свою карьеру должностью директора петербургскаго технологическаго института, и Лысенко, преподающаго химію въ горномъ институтѣ. Обоихъ я хорошо зналъ, такъ какъ оба они бывали у меня въ Гейдельбергѣ. Ильина я встрѣтилъ на юбилеѣ нашего университета въ 1884 г., когда онъ былъ депутатомъ отъ своего технологическаго института. Но, какъ подобаетъ русскимъ, въ мірѣ новомъ мы другъ друга не узнали. Лысенко я встрѣтилъ однажды со всей семьей, ѣдущимъ въ Петербургъ: онъ очень привѣтливо встрѣтилъ меня и мы много говорили о Гейдельбергѣ. Но я не могу закончить эти воспоминанія, не упомянувъ еще о двухъ лицахъ, съ которыми встрѣчался въ Гейдельбергѣ: графѣ Капнистѣ, впослѣдствіи попечителѣ московскаго учебнаго округа. Съ нимъ я много разъ встрѣчался въ Гейдельбергѣ, и между прочимъ у генеральши Веселицкой, гдѣ мы играли съ нимъ въ преферансъ. Еще очень молодой, онъ былъ порядочнымъ буршемъ, но въ немъ уже свѣтился крѣпкій и самостоятельный русскій умъ. Съ Василіемъ Ивановичемъ Ляшкевичемъ я познакомился или въ аудиторіи Рау, или въ купальнѣ на Неккарѣ. Онъ былъ посланъ за границу для изученія лѣсоводства и былъ тогда человѣкомъ небогатымъ. Чисто русскій человѣкъ и по внѣшнему виду, и по убѣжденіямъ, онъ мнѣ очень понравился. И мнѣ отрадно было, что судьба свела насъ подъ нашу старость: мы живемъ въ своихъ домахъ близкими сосѣдями на одной и той же улицѣ. Судьба помогла ему пріобрѣсть состояніе, но это нисколько не измѣнило его нравственной физіономіи: богатый помѣщикъ каменецъ-подольскій—тотъ же добрый и сердечный Василій Ивановичъ, какимъ я зналъ его въ Гейдельбергѣ.

Гейдельбергъ меня интересовалъ, какъ школа государственнаго права. Еще сохранялась тамъ традиція Захаріе, написавшаго „Сорокъ книгъ о государствѣ". Я засталъ еще Роберта фонъ-Моля, который въ области наукъ политическихъ имѣлъ такую же

эрудицію, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ въ области естествознанія. Моль могъ бы написать „Космосъ“ политическій. Онъ читалъ послѣдній семестръ. Затѣмъ на его каѳедру сѣлъ Блунчли изъ Мюнхена, а онъ самъ былъ назначенъ представителемъ Бадена на франкфуртскомъ сеймѣ. Я нѣсколько разъ побывалъ на лекціяхъ знаменитаго государствовѣда, съ сочиненіями котораго хорошо познакомился въ Россіи. Не скажу, чтобы чтеніе его мнѣ понравилось. Высокій и худой, низко-остриженный и бритый, съ больными глазами и въ синихъ очкахъ, онъ читалъ, не отрываясь отъ тетрадки. Выходило очень монотонно; можетъ быть, еще и потому, что лекція была сумерками. Съ именемъ Моля связано у меня воспоминаніе о Бялецкомъ. Онъ поклонялся Молю и перевелъ его „Энциклопедію“ на польскій языкъ. Онъ занималъ впослѣдствіи каѳедру международнаго права въ варшавскомъ университетѣ.

Моля замѣнилъ Блунчли, лекцій котораго я наслушался. Онъ представлялъ собою полную противоположность своему предшественнику. Приземистый и широкоплечій, онъ былъ полонъ здоровья и силъ. Читалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда. „Такъ и видно,—сказалъ мнѣ однажды Лукьяновъ,—что профессоръ выпилъ добрую порцію вина за своимъ обѣдомъ“. Его лекція была очень оживленная. Слѣдилъ я за нею обыкновенно по его учебнику государственнаго права, къ которому онъ дѣлалъ, иногда интересныя прибавленія, отмѣчаемыя мною на поляхъ. Въ лѣтній семестръ 1862 г. онъ читалъ исторію политическихъ ученій, которую я не могъ дослушать, за отъѣздомъ въ Россію. Вообще, Блунчли былъ выдающимся нѣмецкимъ профессоромъ, собиравшимъ въ свою аудиторію изрядное число слушателей. Швейцарецъ по происхожденію, онъ отличался какой-то жизненностью отъ стереотипнаго, мертвеннаго типа нѣмецкаго профессора.

Былъ я также на лекціи толстаго Цёпфля. Онъ былъ клерикаломъ, и аудиторія его была совсѣмъ пуста. Не знаю, почему покойный Кистяковскій такъ сочувственно отзывался о немъ. Моимъ любимымъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ былъ старикъ Миттермайеръ. Да развѣ можно было не любить этого чуднаго старика, сохранившаго до гробовой доски молодую душу и жаръ юности! Когда я его слушалъ, ему было за 80 лѣтъ, но съ какою живостью, съ какимъ увлеченіемъ онъ излагалъ исторію англійскаго уголовнаго процесса. Помню однажды, говоря о тѣсныхъ казематахъ, къ которымъ приговаривала подсудимыхъ звѣздная палата, онъ готовъ былъ подлѣзть подъ каѳедру, чтобъ показать, какъ тяжело въ тѣснотѣ.

Самымъ популярнымъ лекторомъ въ Гейдельбергѣ былъ историкъ Гёйзеръ, аудиторія котораго была всегда биткомъ набита слушателями. Онъ читалъ живо и бойко, но его историческія картины мало были колоритны, а историческіе дѣятели не выдѣлялись рельефно, и психологическія ихъ черты не обозначались. Мнѣ всегда казалось, что лекціи нашего Шульгина были талантливѣе. Гёйзеръ читалъ безъ конспекта, но знакомые съ его книгой о французской революціи утверждали, что на лекціи она отъ слова и до слова повторялась. Мнѣ говорили, что на лекціяхъ Гёйзера бывали отцы нѣмецкой исторической науки, Шлоссеръ и Гервинусъ, но видѣть ихъ мнѣ не приходилось.

Гордостью нѣмецкаго Оксфорда, привлекавшею иностранцевъ и нѣмцевъ, былъ знаменитый пандектистъ Фангеровъ. Хотя я и не романистъ, но нельзя же было не послушать эту знаменитость. Онъ получалъ огромный гонораръ, и въ его аудиторіи не было пустого мѣста. Онъ читалъ очень громко. О содержаніи его лекцій судить не могу, но должно думать, что это содержаніе было очень назидательно, такъ какъ учиться къ нему съѣзжались со всѣхъ концовъ Европы. Его фигура на каѳедрѣ была очень эффектна: умное и энергическое лицо, изрубленное на студенческихъ дуэляхъ; громкій голосъ, свободныя, развязныя манеры. Я видѣлъ его иногда въ саду музея, какъ, снявши сюртукъ, онъ игралъ въ кегли. Нѣмецкіе профессора не брезгаютъ тѣлесными упражненіями: на танцовальныхъ вечерахъ музея мы видѣли иногда пожилыхъ профессоровъ, усердно вальсировавшихъ.

Вспоминаю я также еще двухъ знаменитыхъ профессоровъ-натуралистовъ. Гельмгольцъ, тогда еще довольно молодой, производилъ на меня впечатлѣніе браваго спортсмэна, каковымъ, какъ говорили мнѣ, онъ и былъ въ дѣйствительности. Геніальный физикъ и физіологъ, онъ былъ чуждъ всякаго педантизма и высокомѣрія. Припоминаю я и маленькую фигуру съ рыжеватыми бакенбардиками,—знаменитаго Кирхгофа. Я его часто встрѣчалъ на прогулкахъ съ женой и многими дѣтьми. Онъ производилъ впечатлѣніе семейнаго, чадолюбиваго буржуа—по таланту близкаго Гельмгольцу, но по внѣшнему виду очень отъ него отличавшагося.

Кто проживалъ въ Гейдельбергѣ, тотъ съ признательностью вспоминаетъ такъ называемый музей. Это и читальня, и клубъ. Очень часто я заходилъ туда просматривать журналы и газеты, и на память о своихъ посѣщеніяхъ я оставилъ тамъ сочиненія Лермонтова. Если кому-нибудь они попадутся въ руки—пускай вспомнитъ обо мнѣ. По вечерамъ, отъ времени до времени, въ

этомъ же музеѣ устроиваются танцы и ужины. Публика—преимущественно академическая: профессора и студенты.

Все это такъ мило, такъ достойно подражанія. Не знаю, сохраняются ли эти обычаи и теперь, когда Германія слилась въ одно цѣлое. А я вспоминаю то время, когда въ ней еще было тридцать-шесть отечествъ, а въ этихъ отечествахъ жилось такъ уютно, такъ укромно, и нарождались такіе великіе двигатели науки. Я хорошо помню мелкопомѣстную Германію: право, жилось въ ней не хуже, чѣмъ въ Германіи великопомѣстной, прусской. Въ музеѣ устроивались иногда публичныя лекціи въ пользу нѣмецкаго флота. Я помню лекцію Блунчли о Пуффендорфѣ, лекцію Фридрейха о крови. Фридрейхи были потомственными профессорами гейдельбергскаго медицинскаго факультета. Фридрейхъ моего времени былъ сыномъ и внукомъ знаменитыхъ профессоровъ-терапевтовъ своего времени. Онъ былъ очень доступенъ и симпатиченъ. Когда я былъ въ Парижѣ, Сережа упалъ со своей кроватки; испуганная жена обратилась къ Фридрейху, который тотчасъ же явился, удовольствовавшись двумя гульденами за визитъ. Европейская знаменитость, удовольствовавшаяся двумя гульденами за визитъ! Что̀ сказали бы наши кіевскія знаменитости, устроившія стачку чтобы держать свой гонораръ на недоступномъ для бѣднаго человѣка уровнѣ! Фридрейхи—наслѣдственные терапевты, но были въ мое время и наслѣдственные хирурги—Хеліусы. При мнѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей Хеліуса-отца. Зрѣлище было умилительное: студенческій факельцугъ подошелъ къ дому юбиляра, который съ балкона привѣтствовалъ академическую молодежь. Еще разъ: много и много было симпатичнаго въ академическихъ нравахъ доброй, старой Германіи, которые выживаются современнымъ милитаризмомъ и политиканствомъ.

Помню я, какъ за обѣдомъ Гофмана полученъ былъ нумеръ газеты съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. И странное дѣло: это великое міровое событіе нами, гейдельбергскими русскими, было принято почти что равнодушно. Либералы и радикалы, волнующіеся отъ всякаго слова Лассаля, мы спокойно выслушали великое слово свободы русскаго народа, сказанное императоромъ Александромъ II. Такова ужъ природа русскаго человѣка: близкое, свое ему кажется менѣе достойнымъ вниманія, чѣмъ далекое, чужое. Вспоминаю напряженное вниманіе, съ какимъ мы, русскіе, слѣдили за борьбой сѣвера съ югомъ въ Соединенныхъ штатахъ изъ-за рабства черныхъ. Фигура Линкольна представля-

лась намъ болѣе достойной лавровъ и поклоненія, чѣмъ дѣятели нашего освобожденія крестьянъ.

Мои денежные фонды истощались, и я ждалъ присылки денегъ университетомъ. Въ теченіе года мы прожили около трехъ тысячъ. Не скажу, чтобъ это было много, взявъ во вниманіе, какъ много мы ѣздили, какъ дорого стоило рожденіе сына, да было и не безъ покупокъ. Едва ли въ настоящее время мы могли бы обойтись такой суммой: поѣздки за границу въ послѣдніе годы показали намъ, что и тамъ цѣны на все возвысились, хотя, конечно, онѣ устойчивѣе. Наконецъ, я получилъ изъ франкфуртской конторы Ротшильда увѣдомленіе, что на мое имя выслано 1.600 руб., за которыми и просятъ пожаловать. Былъ мартъ мѣсяцъ. Стояла чудная весенняя погода. Я—во Франкфуртъ, въ которомъ прежде не бывалъ. Случилось, что тамъ была весенняя ярмарка, и городъ, всегда оживленный, былъ еще оживленнѣе. Онъ мнѣ очень понравился. Онъ былъ еще тогда вольнымъ городомъ и резиденціей германскаго сейма. Въ немъ можно было видѣть образцы милитаризма всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, не исключая и венгерскихъ гусаръ, на которыхъ я насмотрѣлся за чудеснымъ табль-д'отомъ. Характерная черта города, полу-еврейскаго: на одной сторонѣ улицы родился Ротшильдъ, а на другой—Гёте, монументомъ котораго украшенъ бульваръ. Было бы послѣдовательно поставить монументъ и Ротшильду. Помню я, какъ на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Полонскаго сидѣлъ рядомъ съ нимъ Поляковъ. Побывалъ я и въ святая-святыхъ современнаго міра: видѣлъ мѣшки съ золотомъ всѣхъ странъ и народовъ, видѣлъ груды банковыхъ билетовъ. Первый разъ въ жизни пришлось быть въ такомъ храмѣ Молоха, который производитъ впечатлѣніе чего-то страшнаго, чего-то пожирающаго міръ. Въ этомъ мірѣ денегъ и богатства моя лепта казалась каплей въ морѣ, да и ничтожной показалась она мнѣ. Но скорѣе отъ этого Франкфурта и денегъ, скорѣе—въ Гейдельбергъ, къ женѣ и Сережѣ! Я получилъ запасъ денегъ на цѣлый годъ, и поэтому долженъ былъ бережно его хранить, экономно расходуя. Но молва о моемъ богатствѣ уже разошлась по всей русской колоніи: явились заемщики. Для меня это было жестокимъ испытаніемъ, такъ какъ я боялся неуплаты долга, что нерѣдко бываетъ въ чужихъ краяхъ. Кое-кому далъ, кое-кому отказалъ, а деньги снесъ къ гейдельбергскому банкиру для храненія и розничной выдачи.

Первымъ употребленіемъ капитала была поѣздка въ Парижъ, съ которымъ я познакомился только вскользь, мимоходомъ, при

проѣздѣ изъ Лондона въ Женеву. Я взялъ съ собой тысячу франковъ и, простившись съ женой, въ первыхъ числахъ апрѣля уѣхалъ въ Парижъ. Въ Страсбургѣ я остановился, чтобъ осмотрѣть этотъ прекрасный городъ, знаменитый своимъ соборомъ и страсбургскими пирогами. Городъ былъ вполнѣ французскій: въ немъ слышалась только французская рѣчь, въ немъ были такіе же нравы и обычаи, какъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ Франціи. Думалъ ли я, что чрезъ десять лѣтъ этотъ французскій городъ превратится въ городъ нѣмецкій, что въ немъ будетъ слышаться только нѣмецкая рѣчь, будутъ господствовать только нѣмецкіе нравы и обычаи. Но на свѣтѣ все измѣнчиво и неустойчиво, и мудрый человѣкъ долженъ быть всегда на все готовъ. Въ Парижѣ я остановился на Rue Racine, Hôtel de Génève, гдѣ много было русскихъ и въ томъ числѣ Савичъ, beau frére профессора Шеффера, безвременная смерть котораго была большой потерей для русской науки. Мнѣ говорили, что съ противоположной стороны улицы проживала m-me Жоржъ-Зандъ, сочиненіями которой я такъ увлекался въ молодые годы, но и теперь считаю ее великой французской стилисткой, напоминающей чудный языкъ Руссо. Дюваля тогда не было или я его не зналъ, а бѣгалъ то тамъ то сямъ, и между прочимъ на Rue du Mal, гдѣ собиралось много русскихъ и поляковъ. Здѣсь подавали намъ къ супу отваръ щавеля, такъ что мы ѣли нѣчто въ родѣ борща. Мой бывшій слушатель М., полякъ, ввелъ меня въ эмиграціонную польскую кухмистерскую, гдѣ можно было имѣть нѣчто въ родѣ зразъ и колдуновъ. Благодаря М., я вообще могъ всмотрѣться въ польскую эмиграцію, бывшую тогда въ Парижѣ: замѣчалось какое-то движеніе, какое-то приготовленіе къ чему-то;—дѣло было въ 1861 г., наканунѣ польскаго повстанія. Шпіонство въ Парижѣ было въ это время такъ развито, что, кажется, за каждымъ иностранцемъ былъ шпіонъ-надзиратель.

Въ Парижъ я пріѣхалъ съ цѣлью ознакомиться съ этимъ великимъ городомъ. Я и не дремалъ: въ теченіе мѣсяца изучилъ его порядочно. Поселился я въ Латинскомъ кварталѣ, неподалеку отъ „Одеона" и Люксембургскаго сада. По моему, это—лучшій уголокъ Парижа, представляющій отдѣльный мірокъ, рѣзко отличающійся отъ бульваровъ и отъ Парижа фланирующаго и фешенебельнаго. Это—центръ французской науки. Здѣсь сложился симпатичный типъ парижскаго студента и гризетки.

Усердно посѣщалъ я лекціи Collége de France, особенно лекціи Лабулэ. Это былъ превосходный лекторъ, но, къ сожалѣнію, предметъ его лекцій—законодательство Карла Великаго,

меня мало интересовало. Франкъ, читавшій исторію политическихъ ученій, показался мнѣ лекторомъ посредственнымъ, также какъ и Ходзько, преемникъ Мицкевича на каѳедрѣ славянскихъ литературъ. Припоминаю я толстую фигуру Филарета Шаля: онъ показался мнѣ порядочнымъ фразеромъ, любующимся красивой фразой. Лекціи Воловскаго въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ были довольно содержательны. Присутствовалъ я и въ Сорбоннѣ на какомъ-то экзаменѣ: показалось мнѣ, что нравы и пріемы экзаменующихъ и экзаменуемыхъ вездѣ одинаковы, несмотря на различіе національностей. Не разъ я былъ въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ видѣлъ тузовъ имперіи: Морни, Персиньи, гр. Валевскаго и др. Картина совсѣмъ другая, сравнительно съ нынѣшней палатой депутатовъ. Въ Бурбонскомъ дворцѣ я замѣтилъ тогда множество солдатъ; начало засѣданія и перерывы его сопровождались барабаннымъ боемъ. Оппозиція только-что зарождалась, и законодательный корпусъ, какъ выразился Блунчли на одной изъ своихъ лекцій, существовалъ только для резонанса голоса императора. Въ это время живая Франція какъ бы помертвѣла, и самый Парижъ имѣлъ какую-то оффиціальную, казенную физіономію. Побывалъ я и во французскихъ театрахъ. Въ „Одеонѣ“ видѣлъ Ристори, которая показалась мнѣ риторичной. На флорентійской сценѣ, осенью того же года, она произвела на меня лучшее впечатлѣніе. Однимъ словомъ, я старался исчерпать все то, что можно было слышать и видѣть въ теченіе мѣсяца. Встрѣтился я здѣсь съ товарищемъ своимъ Демченкомъ, съ которымъ мы много гуляли и между прочимъ по парижскимъ укрѣпленіямъ. Жена письмами изъ Гейдельберга торопила мой отъѣздъ, который состоялся въ началѣ мая. Я поѣхалъ на Кельнъ чрезъ Бельгію. Остановился въ Шарльруа, этомъ черномъ каменноугольномъ городкѣ, напоминающемъ городъ „Жерминаля“. Въ Намюрѣ я переночевалъ, а слѣдующій привалъ сдѣлалъ въ Боннѣ, родинѣ Бетховена. Осмотрѣлъ университетъ, состоящій подъ особымъ покровительствомъ Гогенцоллерновъ. Изъ Бонна лѣвымъ берегомъ Рейна—въ Гейдельбергъ. Какъ подросъ и похорошѣлъ за это время Сережа, красотой котораго всѣ любовались! Въ концѣ мая мы съ женой задумали совершить прогулку по Рейну. Пѣшкомъ пришли въ Мангеймъ. Дѣло было въ субботу подъ вечеръ: въ гостинницѣ, гдѣ мы ночевали, праздновался шабашъ, совершенно напомнившій намъ еврейскіе шабаши въ западнорусскихъ мѣстностяхъ. Утромъ сѣли на пароходъ и совершили чудесную прогулку до Кобленца, а назадъ—по желѣзной дорогѣ.

Лѣто 1861 г. прошло въ Гейдельбергѣ очень пріятно. Собра-

лось много народа, и все народа молодого: устроивались частыя прогулки по прекраснымъ окрестностямъ Гейдельберга; ѣздили въ Шпейеръ, въ Баденъ-Баденъ. Лѣто прошло быстро. Въ половинѣ августа мы отлучили отъ груди нашего Сережу, а кормилицу его отправили въ Женеву. Вслѣдъ за нею уѣхалъ и я въ Италію, которая меня давно манила. Я поѣхалъ на Штутгартъ, остановившись на ночлегъ въ этомъ симпатичномъ городѣ. Оттуда—въ Людвигсгафенъ, на берегу Боденскаго озера. Переплыли мы его, направляясь къ Констанцу, очень интересному своими древностями и, между прочимъ, памятью о Гуссѣ, который здѣсь былъ сожженъ. Осмотрѣвши внимательно констанцскія древности, я поѣхалъ по Рейну до Шафгаузена, гдѣ сдѣлалъ привалъ, чтобъ полюбоваться знаменитымъ рейнскимъ водопадомъ. Въ лунную ночь картина эффектна. Въ Люцернъ—чтобъ посмотрѣть на чуднаго льва, высѣченнаго въ гранитной скалѣ. На Риги-Кульмъ я взбирался пѣшкомъ и переночевалъ въ тамошнемъ отелѣ, видѣлъ восходъ солнца при звукахъ альпійскаго рожка. Затѣмъ—на Цюрихъ, и въ одномъ изъ городковъ, съ однимъ англичаниномъ, мы наняли экипажъ до С.-Готарда, оттуда въ дилижансѣ по знаменитой дорогѣ, проложенной зизгагомъ Наполеономъ I. Въ Беланцонѣ я сѣлъ на пароходъ и во всю длину знаменитаго Лаго-Маджіоре—въ Арону. Это уже Италія—Пьемонтъ, столицей котораго былъ Туринъ. Мало подходящій подъ типъ итальянскаго города, Туринъ очень симпатиченъ. Я опять побывалъ въ немъ въ 1899 г., и нашелъ большую перемѣну: городъ разросся, украсился новыми роскошными зданіями и монументами. Что въ немъ очень симпатично—это привѣтливость населенія. Въ другомъ городѣ Италіи я не замѣчалъ такого ласковаго, привѣтливаго обхожденія съ иностранцами. Стояла невыносимая жара, когда я впервые былъ въ этомъ городѣ. Можно было ходить подъ арками, которыми такъ славится Туринъ. Не знаю, какъ удалось мнѣ осмотрѣть зданіе парламента, въ которомъ мой гидъ направлялъ мое вниманіе на мѣсто, гдѣ возсѣдалъ Кавуръ, смерть котораго была такимъ тяжелымъ ударомъ для Италіи. Былъ я и въ университетѣ, видъ котораго не былъ, конечно, такимъ величественнымъ, какъ университетъ теперешній; видѣлъ Кариньянскій дворецъ и картинную галерею, замѣчательности которой не сохранились у меня въ памяти. Когда раннимъ утромъ я проѣзжалъ изъ Ароны въ Туринъ, я обращалъ вниманіе на невидѣнныя мною прежде мокрыя рисовыя поля. При проѣздѣ изъ Турина въ Генуя пейзажъ совершенно другой: нивки и виноградники, разбросанные по откосамъ Апеннинъ.

Въ Генуѣ я пробылъ дня два, осмотрѣвъ нѣкоторыя палаццо. Верхній городъ, примыкающій къ теперешней площади Мадзини, тогда не былъ такъ роскошенъ и элегантенъ, какъ въ настоящее время, когда Генуя сдѣлалась однимъ изъ самыхъ блистательныхъ городовъ Италіи. Кто въ Генуѣ—тотъ долженъ видѣть и виллу Паллавичини. Возвышаясь надъ Средиземнымъ моремъ, эта вилла дѣйствительно замѣчательна и могла бы служить царской резиденціей. Мнѣ особенно памятно озеро въ гротѣ. Отъ Генуи до Ливорно тогда не было желѣзной дороги. Я долженъ былъ сдѣлать этотъ путь на пароходѣ. Пароходъ маленькій, неопрятный. Паразиты выгнали изъ каюты на палубу, на которой я провелъ почти всю ночь. Но зато я видѣлъ восходъ солнца на Средиземномъ морѣ, и этого зрѣлища никогда не забуду. Этотъ восходъ солнца на открытомъ морѣ показался мнѣ еще болѣе эффектнымъ, чѣмъ то зрѣлище альпійскаго разсвѣта, которымъ мы любовались съ Риги-Кульмъ. Ливорно—стереотипный приморскій городъ, замѣчательный только своей торговлей. Не знаю, почему понадобилось мнѣ быть у русскаго консула. Личный опытъ подтвердилъ мнѣ то, что прежде приходилось слышать о русскихъ дипломатическихъ агентахъ,—что лучше и не обращайтесь къ нимъ. Изъ Ливорно, мимо чудесной лавровой и миртовой рощи, я проѣхалъ во Флоренцію: чудный куполъ ея собора красуется уже издалека. Пейзажъ вообще прекрасный: горамъ Тосканы сѣдыя оливковыя рощи придаютъ особый колоритъ, какъ и этому городу цвѣтовъ, изящнѣе котораго я не знаю другого города въ Европѣ. Я предположилъ пробыть во Флоренціи не менѣе мѣсяца, и поэтому, по пріѣздѣ, тотчасъ отыскалъ себѣ постоянную квартиру у портного Андреа, домъ котораго стоялъ на Piazza del Popolo, примыкая къ ложамъ, такъ что изъ оконъ моей комнаты виденъ былъ Персей Бенвенуто Челлини и рядъ чудныхъ статуй, наполняющихъ ложи.

Тутъ же неподалеку—gli Ufizzi съ знаменитымъ Моисеемъ Микель-Анджело у входа. Я не знаю другого города, гдѣ бы было столько дивныхъ памятниковъ искусства подъ открытымъ небомъ, какъ въ этой прелестной Флоренціи.

Флоренція 1861 г. во многомъ еще напоминала великогерцогскіе порядки. Это былъ городъ чистый и опрятный, и скажу—душистый. Когда я въѣхалъ, меня обдало ароматомъ кипариса и туберозъ. Не даромъ самое названіе города Firenze происходитъ отъ слова fiore. Въ обычаѣ была тогда торговля букетами туберозъ и другихъ цвѣтовъ. По улицамъ сновали тосканки, съ развѣвающимися соломенными шляпами на плечахъ, предлагая ку-

пить этотъ милый товаръ. Любитель цвѣтовъ, я наставилъ въ своей комнатѣ этихъ букетовъ такъ много, что почти угорѣлъ отъ сильнаго ихъ аромата. Я не былъ во Флоренціи, когда она была переходной столицей Италіи, но посѣтилъ ее вновь только въ 1899 г. Показалось мнѣ, что Флоренція перемѣнилась, но не къ лучшему: не такъ стала опрятна, не такъ душиста. По Piazza del Popolo—толпы праздношатающагося чернаго люда; па мостовой—соръ и обрывки всякихъ афишъ и объявленій; не видно милыхъ цвѣточницъ-тосканокъ, такъ граціозно предлагавшихъ свои букеты туберозъ. Но какъ бы ни перемѣнилась Флоренція, она всегда будетъ дорога сердцу просвѣщеннаго человѣка: съ нею неразрывно связаны имена Данте, Маккіавели, Микель-Анджело, Савонароллы. Эти имена какъ бы слились съ городомъ и слышатся въ немъ на каждомъ шагу: вотъ домъ, въ которомъ родился Данте; вотъ жилище Микель-Анджело; вотъ гробница Маккіавели, а вотъ и келія Савонароллы... Дивный городъ, призванный напоминать пошлѣющему въ погонѣ за золотомъ человѣчеству о величайшей эпохѣ въ исторіи западно-европейской культуры—объ эпохѣ возрожденія. Италія вправѣ гордиться этимъ городомъ, какъ живымъ свидѣтельствомъ того, что сдѣлала она для науки, для искусства, для просвѣщенія.

Въ 1861 г., во Флоренціи была устроена первая итальянская выставка, которую помѣстили въ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ. На эту выставку пріѣзжалъ король Викторъ-Эммануилъ и Риказоли, замѣнившій покойнаго Кавура. Я хорошо разсмотрѣлъ фигуру храбраго короля, когда онъ въѣзжалъ во Флоренцію: прирожденный воинъ, онъ былъ въ черной статской блузѣ и воротничкѣ à l'enfant. Нѣсколько дней король пробылъ во Флоренціи, которая великолѣпно праздновала его пребываніе. Ночи стояли лунныя, чудесныя, и по всему городу раздавалось пѣніе и слышались голоса, которыми такъ справедливо гордится Италія. Выставка меня интересовала въ особенности тѣми экспонатами, которые составляютъ исключительную принадлежность итальянской промышленности: мраморъ, солома, мозаика были представлены въ совершенствѣ. Помню я также кружевной носовой платокъ, за который Ристори заплатила три тысячи лиръ. Хорошо мнѣ жилось во Флоренціи, да и не дорого тогда это стоило: несмотря на съѣздъ, выставки ради, за прекрасную комнату я платилъ 2½ лиры, а обѣдъ на чудесномъ прованскомъ маслѣ съ классическимъ фіаско стоилъ мнѣ не болѣе двухъ лиръ. Въ 1899 г. мнѣ пріятно было замѣтить, что эти умѣренныя цѣны весьма мало поднялись. Много разъ посѣщалъ я и знаменитыя картин-

ныя галереи Флоренціи. Тогда еще не было рѣчи о прэ-рафаэлитахъ и Ботичелли, и всѣхъ привлекала главнымъ образомъ трибуна съ ея Венерой Медицейской, Корреджіо и Тиціаномъ. А Santa Croce съ ея мавзолеями и покоящимися въ нихъ великими сынами Италіи? А другіе храмы, расписанные кистью Мазаччіо, Андреа дель-Сарто? Не забыть мнѣ никогда этой Флоренціи, пребываніе въ которой въ 1861 г. составляетъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ моей заграничной жизни. Мнѣ и Дрезденъ нравится, между прочимъ, потому, что я нахожу въ немъ нѣкоторое сходство съ Флоренціей. Но все-таки нужно было ѣхать.

Въ первыхъ числахъ октября я проѣхалъ чудесными полями и виноградниками Тосканы въ Пизу. Не даромъ о ней говорятъ: „Pisa la morta"; унылѣе и монотоннѣе трудно себѣ что-нибудь представить. Но я все-таки въ ней остановился и осмотрѣлъ ея знаменитое Campo Santo и кривую кампанеллю; заглянулъ и въ маленькій ея университетъ. Пришлось переночевать, и на другой день подъ вечеръ я пріѣхалъ въ Пистойю—одинъ изъ самыхъ дрянныхъ городишекъ. Оттуда, въ дилижансѣ, до Феррары чрезъ Романью, которая тогда имѣла видъ бѣдной, какъ бы разоренной страны. Въ Феррарѣ—привалъ. Сошелся съ однимъ англичаниномъ, и вмѣстѣ съ нимъ мы осмотрѣли темницу Тассо. Какъ эти англичане любятъ собирать реликвіи всякихъ знаменитостей: съ какой жадностью мой спутникъ царапалъ штукатурку стѣны, къ которой былъ прикованъ пѣвецъ „Освобожденнаго Іерусалима"! Мы условились нанять въ Феррарѣ „веттурино" и выѣхать на другой день, а пока обходили маленькій городъ, желая запечатлѣть его въ памяти. Мы набрели на объявленіе о предстоящей примѣрной смертной казни, которая упразднена современнымъ кодексомъ Италіи. Уладивъ съ веттурино, экс-гарибальдійцемъ, мы выѣхали изъ Феррары. На паромѣ переправились черезъ По. Переправа эта напоминала мнѣ днѣпровскіе паромы добраго стараго времени: система одинаковой примитивности. Проѣхавъ нѣсколько часовъ, мы покормили лошадей, потомъ покормили вторично и подъ вечеръ пріѣхали въ Болонью. Я сѣлъ на козлы къ веттурино, чтобы лучше видѣть мѣстность и пейзажи, которые, впрочемъ, не очень красивы въ этой части Италіи. Но зато наслушался о Гарибальди и его походахъ.

Болонью мы успѣли осмотрѣть довольно обстоятельно: погуляли по ея улицамъ подъ арками, видѣли ея театръ, одинъ изъ лучшихъ въ Италіи, старый университетъ, картинную галерею съ знаменитой св. Цециліей Рафаэля. Кто былъ въ Болоньѣ,

тотъ, конечно, помнитъ и ея пресловутый фонтанъ: сатиръ выдавливаетъ изъ грудей нимфъ высоко-бьющую струю;—таковы были вкусы римскаго первосвященника въ доброе старое время. Въ Падуа мы пріѣхали подъ вечеръ. Тогда это уже была Австрія: на площади игралъ австрійскій военный хоръ; австрійскіе офицеры возсѣдали за столиками, пропуская свой мараскино. Ночью мы пріѣхали въ Венецію. Такъ вотъ она, Venezia la bella! Изъ вагона насъ высадили въ гондолу-омнибусъ и помчали по каналамъ, а меня высадили въ „H. Victoria". Это ночное путешествіе по каналамъ такъ необычайно и внезапно, что производитъ сильное впечатлѣніе. Венеція еще принадлежала Австріи. На площади св. Марка игралъ хоръ австрійской военной музыки; въ городѣ на каждомъ шагу виднѣлся австрійскій мундиръ. Театры были закрыты, а физіономія Венеціи была пасмурна и уныла. Какую разницу представляла Венеція въ 1899 г., когда я посѣтилъ ее съ женою и дочерью! Какое наслажденіе доставилъ намъ театръ Россини! Сколько было оживленія и веселья въ Венеціи, принадлежащей единой Италіи! Не перемѣнилась только дивная площадь св. Марка со дворцомъ дожей, храмомъ св. Марка и пьяцеттой, омываемой Canale-Grande. Едва ли въ какомъ городѣ въ мірѣ найдется уголокъ такой красоты, какъ эта часть Венеціи.

Въ 1861 г., я долженъ былъ пробыть въ Венеціи не менѣе пяти дней: я ожидалъ присылки денегъ изъ Гейдельберга, такъ какъ мой денежный фондъ совсѣмъ истощился. Конечно, я воспользовался этими днями, чтобы изучить царицу Адріатики. Исходилъ по всѣмъ направленіямъ ея узкія улицы-корридоры, изъѣздилъ въ гондолахъ ея каналы и лагуны, останавливаясь у моста Ріальто—этого центра мелкой торговли и промышленности Венеціи. Мнѣ особенно понравилось въ этомъ городѣ отсутствіе всякаго шума и стука: полная тишина нарушается только плескомъ гондолы да заунывной пѣсней гондольера. Какъ могуча была венеціанская аристократія, столько вѣковъ правившая республикой—одной изъ сильныхъ державъ Европы! Но еще сильнѣе была личность Наполеона I, который взялъ да и отдалъ эту аристократію Австріи, подъ гнетомъ которой Венеція изнывала такъ долго. Теперь это одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ городовъ Италіи. Но никогда не забудетъ Венеція своихъ прежнихъ дожей, обвѣнчанныхъ съ Адріатикой, своего прежняго политическаго значенія, о которомъ ей напоминаютъ ея историческіе памятники.—Наконецъ деньги были присланы, и я уѣхалъ въ Миланъ, любуясь по пути высокой культурой Ломбардіи.

Миланъ принадлежалъ уже Италіи. Онъ и тогда носилъ типъ обще-европейскаго прекраснаго города. Въ послѣднее время онъ, конечно, очень перемѣнился, какъ я это замѣтилъ въ 1895 г.: появилось много новыхъ, прекрасныхъ улицъ, много новыхъ зданій, но уже и тогда его главною достопримѣчательностью былъ знаменитый миланскій соборъ—чудо готическаго искусства, но уже нѣсколько измѣнившаго феодальный типъ на муниципальной почвѣ Италіи. Этотъ соборъ представляетъ собой какъ бы группу статуй. Осмотрѣлъ я его внимательно и сверху, и снизу. Былъ я и въ театрѣ La Scala на „Робертѣ Дьяволѣ": по своему внѣшнему виду театръ этотъ уступаетъ, конечно, многимъ. Но едва ли какой-нибудь другой театръ въ мірѣ имѣетъ такой поразительный резонансъ. Въ этомъ резонансѣ, конечно, вся сила миланскаго театра—все-таки перваго въ мірѣ. А грандіозный миланскій пассажъ! Такого не найдете ни въ одной европейской столицѣ. „Тайной Вечерей" Леонардо да-Винчи—свидѣтельствомъ варварства Наполеоновскихъ войскъ—я заключу свои воспоминанія о достопримѣчательностяхъ Милана, въ которомъ тогда еще не было, какъ теперь, отдѣльнаго кладбища для кремаціи усопшихъ. Въ 1895 г., я былъ очевидцемъ этой кремаціи, и могу сказать одно: традиціонное погребеніе въ „мать-сыру-землю" мнѣ представляется болѣе достойнымъ человѣка. Кремація, впрочемъ, не представляетъ собою явленія новаго: сожженіе труповъ водилось у многихъ народовъ искони вѣковъ. Еще одно печальное воспоминаніе о Миланѣ: изъ Болоньи я выслалъ сюда часть своего багажа, въ которомъ было нѣсколько бездѣлушекъ, гостинцевъ для моей жены. Парусина, въ которую былъ зашитъ этотъ багажъ, оказалась разрѣзанной, а гостинцы женѣ исчезли. Мнѣ говорили, что это водится и теперь; поэтому мое воспоминаніе имѣетъ цѣлью—назиданіе современнымъ туристамъ по прекрасной Италіи. Изъ Милана чрезъ Лаго-ди-Комо—на С.-Бернаръ. Въ дилижансѣ я сѣлъ вмѣстѣ съ кучеромъ, чтобы лучше видѣть мѣстность. Мы проѣзжали мимо очаровательныхъ пейзажей. Я видѣлъ источники Рейна и прослѣдилъ его узкій потокъ до самаго впаденія въ Боденское озеро. Дилижансъ довезъ насъ до Кура, а оттуда по Боденскому озеру на противоположный его берегъ, откуда уже шла желѣзная дорога. Я взялъ билетъ до Бруксаля, съ пенитенціарной тюрьмой котораго я еще раньше познакомился. Отъ Бруксаля до Гейдельберга—рукой подать. Подойдя къ кассѣ, я замѣтилъ, что у меня недостаетъ нѣсколькихъ крейцеровъ до цѣны билета III-го класса. Уцѣлѣвшей рарреѓы кассиръ не хотѣлъ принимать. Мое положеніе было отчаян-

ное: вотъ-вотъ Гейдельбергъ, вотъ-вотъ жена и сынъ, а недостаетъ нѣсколькихъ крейцеровъ—и доѣхать туда нельзя. Кто-то изъ публики промѣнялъ мою pappet'у на два-три крейцера, билетъ былъ взятъ, и я пріѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ на вокзалѣ встрѣтила меня жена; она нашла, что я очень обносился, исхудалъ. Но—скорѣе къ Сережѣ! Какъ онъ загорѣлъ, какъ подросъ и похорошѣлъ на рукахъ чудесной Лизбеты, замѣнившей ему кормилицу и не разстававшейся съ нами до нашего отъѣзда въ Россію!

У профессора Гофмана было жить пріятно: хозяева были люди славные, общество русскихъ симпатичное, но пища была невозможная. Мы затѣяли перемѣнить квартиру и нашли ее на Anlage, № 12, у Шпенгеля—зажиточнаго гейдельбергскаго буржуа. Мы наняли три комнаты съ кухней, на которой должна была стряпать наша Лизбетъ. Надъ нами жила генеральша Веселицкая со своимъ сыномъ Божидаровичемъ, а надъ нею помѣщался В. Б.—оракулъ русской гейдельбергской колоніи, съ котораго Тургеневъ срисовалъ портретъ для одного изъ героевъ своего „Дыма“. Устроились мы хоть куда: два подростка, дочери Шпенгеля, постоянно занимали нашего Сережу, который начиналъ уже становиться на ножки, и первое слово, имъ произнесенное, которое показалось мнѣ лучше всякой музыки, было: „Wie schön“! Не хорошо только было, что я захворалъ: у меня сильно заболѣлъ бокъ, и я боялся воспаленія легкихъ. Лечилъ меня главнымъ образомъ печеными яблоками доцентъ медико-хирургической академіи Сорокинъ. Это былъ очень умный и пріятный человѣкъ. Онъ былъ другомъ Чернышевскаго и, сколько мнѣ помнится, товарищемъ по саратовской семинаріи. Въ Гейдельбергѣ онъ изучалъ офтальмологію, для чего его сожительница постоянно покупала ему на рынкѣ то лошадиные, то воловьи глаза. Въ академіи и въ университетѣ, сколько я помню, онъ читалъ судебную медицину. Скоро онъ умеръ, какъ и подобаетъ даровитому русскому человѣку, которому долго жить отечество не велитъ. До сихъ поръ я сохранилъ свѣтлое воспоминаніе объ этомъ миломъ человѣкѣ. Онъ меня вылечилъ, и я вступилъ въ обычную колею гейдельбергской жизни: музей, лекціи, споры съ соотечественниками, возня съ Сережей, запоздалыя чтенія въ длинныя осеннія ночи.

Между прочимъ, въ Гейдельбергъ пріѣхалъ сынъ Герцена, теперешній лозанскій профессоръ. Онъ не былъ похожъ на своего отца и на русскаго былъ мало похожъ. Онъ былъ посланъ отцомъ въ Гейдельбергъ для побратимства съ тамошней

русской молодежью. Пріѣздъ его взбудоражилъ русскую колонію: каждый хотѣлъ отбить его для себя, сдѣлаться близкимъ его другомъ. Пошли споры, сплетни, интриги, какъ и подобаетъ благороднымъ славянамъ, которые все собираются сдѣлать для человѣчества больше, чѣмъ сдѣлано племенами романскими и германскими. Гостю мы устроили торжественный обѣдъ, на который собралась чуть ли не вся русская колонія; присутствовали и нѣкоторыя передовыя русскія барышни; былъ и представитель поляковъ — мой бывшій слушатель М. Обѣдъ былъ шумный и оживленный: пили за гостя и его отца и за успѣхъ его пропаганды; пили за упокой души декабристовъ; за дружескій союзъ Польши съ Россіей. По поводу послѣдняго тоста одинъ изъ моихъ сосѣдей, москвичъ, поднялся и спросилъ: „О какомъ союзѣ идетъ рѣчь—Staatenbund или Bundesstaat“? Разумѣлся какой-то небывалый союзъ, основанный на какой-то сентиментальности и независимости. Все это было такъ молодо, такъ простодушно и наивно, все это дѣлалось тогда, когда уже точились косы и кинжалы для предстоящаго повстанья. Не знаю, былъ ли въ это время Сѣраковскій въ Гейдельбергѣ, но на нашемъ обѣдѣ его не было. Самымъ эффектнымъ моментомъ за этимъ обѣдомъ было полученіе изъ Лондона телеграммы, гласящей, что Бакунинъ, убѣжавшій изъ Сибири, прибылъ въ Лондонъ. Послѣ этого обѣда пошли отдѣльные пріемы и угощенія дорогого гостя. Я также пригласилъ его и нѣсколькихъ русскихъ на 5-е декабря—день рожденія моего Сережи. Нашъ вечеръ вышелъ очень неудачный, о чемъ я скорблю и до сихъ поръ. Мы хотѣли блеснуть русскимъ меню: гречневая каша, заяцъ, пирогъ съ капустой. Все это наша милая Лизбетъ приготовила недурно. Не знаю почему женѣ вообразилось, что на этомъ ужинѣ не должно быть вина. Его дѣйствительно не было ни капли. Но нашимъ гостямъ это не понравилось и испортило нашъ ужинъ „à la russe“.

Припоминаю еще наши гейдельбергскіе литературные вечера, которые Ренненкампфъ, проживавшій тогда въ Гейдельбергѣ, иронически называлъ „Арзамасомъ“. И въ самомъ дѣлѣ они заслуживали ироніи. Кто ихъ придумалъ—не знаю. Возможно, что придумалъ ихъ Якубовичъ: этотъ господинъ ничѣмъ не занимался, но любилъ меценатствовать, любилъ просвѣщенный починъ и состоялъ при всѣхъ занимающихся науками. Обратились ко мнѣ, прося сообщить что-нибудь изъ моего государственнаго права. Я охотно согласился, крѣпко соскучившись по аудиторіи. Своимъ сюжетомъ я избралъ предѣлы вмѣшательства государства. Этотъ интересный вопросъ я разрѣшилъ съ точки зрѣнія индивидуали-

стической доктрины Вильгельма ф. Гумбольдта и Милля. Предѣлы государственной интервенціи, поучалъ я, должны быть возможно болѣе ограничены, чтобы починъ личный и общественный имѣлъ болѣе простора. Это ученіе, конечно, не могло быть симпатично присутствовавшимъ соціалистамъ, между которыми были такіе крайніе, какъ, напр., покойный Ножинъ, готовый считать самого Бакунина консерваторомъ. Задумали на ближайшемъ литературномъ вечерѣ разбить изложенную мною доктрину, не щадя и ея послѣдователя. Собрались въ какомъ-то ресторанѣ, а всегдашній церемоніймейстеръ такихъ собраній, Якубовичъ, усадилъ насъ за длиннымъ столомъ. По лицу его я замѣтилъ, что готовится нѣчто торжественное. Выступилъ вѣчно закутанный въ свой пледъ О., какъ бы прямо противъ меня. Пренія превратились въ такой шумъ и гамъ, что я по добру по здорову ушелъ домой, давъ себѣ слово не посѣщать болѣе „Арзамаса“. Нетерпимость тогдашней гейдельбергской молодежи къ чужимъ мнѣніямъ была изумительна. Кто иначе думалъ, тотъ прямо былъ личнымъ врагомъ. Такими личными врагами сдѣлались Тургеневъ, „Отцы и дѣти“ котораго появились въ концѣ 1861 г. въ Гейдельбергѣ, и Б. Н. Чичеринъ, превосходная вступительная лекція котораго, открывшая его курсъ государственнаго права въ Москвѣ, читалась въ Гейдельбергѣ съ насмѣшками и укорами. Зарождалось то печальное внѣ-историческое направленіе части русской молодежи, которое принесло столько вреда и ей самой, и русскому обществу.

Но, вотъ, окончился двухлѣтній срокъ моей заграничной командировки, и мы въ половинѣ мая двинулись на Лейпцигъ.

IX.

Возвратный путь: Лейпцигъ, Дрезденъ, Краковъ, Лембергъ и Броды.—Радзивилловская таможня.—Кіевъ.—Попечитель Витте.—Ректоръ Иванишевъ.—Первыя лекціи.—Диспутъ Незабитовскаго.

Возвратный путь! Какъ напомнилъ онъ мнѣ наше путешествіе за границу въ февралѣ 1860 г., когда мы, молодые и неопытные, ѣхали въ невѣдомый намъ міръ, свѣтлыя и темныя стороны котораго мы теперь такъ ясно понимаемъ. Теперь передъ нами перспектива болѣе ясная, опредѣленная—родная страна, съ ея особенностями, которыя, благодаря освѣщенію заграничнымъ опытомъ, кажутся болѣе свѣтлыми и симпатичными. Что же при-

веземъ мы съ собой на родину, въ родной университетъ, воспитавшій меня и давшій средства узнать чужіе края? Привеземъ мы знакомство съ учрежденіями, нравами и обычаями народовъ, достигшихъ болѣе высокой степени гражданственности; привеземъ знакомство съ болѣе сложной исторической лабораторіей, въ которой вырабатывались болѣе тонкіе продукты цивилизаціи и прогресса; знакомство съ вѣковѣчными памятниками ума и энергіи западно-европейскихъ народовъ. Мы пріѣдемъ, значитъ, не съ пустыми руками. Въ заграничной подготовкѣ къ русской каѳедрѣ, которая издавна у насъ практикуется, есть глубокій смыслъ... Но мчавшійся поѣздъ обогналъ мои думки, и Гейдельбергъ остался уже далеко. Мимо насъ промелькнулъ Гиссенъ, въ университетѣ котораго читалъ прежде Іерингъ, пока не перешелъ въ Геттингенъ. Въ Лейпцигъ мы пріѣхали раннимъ утромъ. Мы остались ждать поѣзда въ Дрезденъ. Было достаточно времени, чтобы пройтись по незнакомому городу и хоть заглянуть въ его славный университетъ, гдѣ читали Рошеръ и Аренсъ, лекціи которыхъ такъ расхваливалъ Сидоренко. Хотѣлось видѣть и Дрезденъ, но на этотъ разъ дѣло ограничилось посѣщеніемъ картинной галереи, чтобы полюбоваться Сикстинской Мадонной. Съ этимъ милымъ городомъ я лучше познакомился въ 1881 и 1900 гг., и очень полюбилъ его, тѣмъ болѣе, что, раздѣленный Эльбой на двѣ части, онъ всегда напоминаетъ мнѣ Флоренцію. Вспоминаю, что въ Дрезденѣ я услышалъ пѣніе соловья, что̀ такъ рѣдко за границей, гдѣ шумъ и гамъ фабрикъ и чугунокъ отгоняютъ пѣвцовъ любви.

Въ Краковѣ мы имѣли непродолжительный привалъ, чтобъ осмотрѣть усыпальницу польскихъ королей. Въ Лембергѣ пришлось пробыть дольше: туда я выслалъ свои книги, къ которымъ австрійское правительство относилось съ такимъ подозрѣніемъ и недовѣріемъ, что долго водило меня по всякимъ мытарствамъ, пока я могъ ихъ получить. Лембергъ мнѣ не понравился: онъ показался мнѣ похожимъ на наши губернскіе города. Здѣсь оканчивался тогда Западъ съ его чугунками и начинался Востокъ съ его грунтовыми дорогами. Нужно было нанять еврея-фурмана, что̀ я и сдѣлалъ. Мы очутились въ огромной еврейской будѣ. Изъ Лемберга мы выѣхали въ пятницу: отъѣхавъ недалеко, мы остановились въ какой-то корчмѣ на шабашъ. Намъ казалось, что мы дома, въ волынской губерніи,—такъ много общаго съ нею въ Галиціи. Броды показались почти русскимъ городомъ. Мы поѣли даже русскихъ щей и гречневой каши. Съ признательностью вспоминаю я банкирскую контору Віоланда, чрезъ кото-

рую университетъ выслалъ мнѣ деньги. Денегъ у меня совсѣмъ не было, а предстоялъ еще далекій путь: я попросилъ занять мнѣ сто рублей. Разсмотрѣвъ мой пассъ и справившись по книгамъ о пересылкѣ денегъ на мое имя, контора охотно исполнила мою просьбу. Пока я ходилъ по Бродамъ, жена моя вытащила изъ чемодана переданный ей кѣмъ-то въ Гейдельбергѣ, для врученія по адресу, небольшой пакетъ, въ которомъ будто бы были: чулки, мыло, подтяжки. Оказалось, что пакетъ не такъ невиненъ: содержалъ онъ въ себѣ множество Бакунинскихъ прокламацій, повелѣвавшихъ взяться за топоры и рубить ими направо и налѣво. Инстинктъ жены спасъ меня. А иначе было бы плохо: таможенный досмотръ былъ очень зорокъ, и наказанія за провозъ такого товара были усилены. Хорошо было бы мое положеніе!

Приблизились къ границѣ: послышалась русская рѣчь, классическая русская ругань; полупьяный солдатъ ссорился съ полупьяной бабой. Но какъ все это пріятно было намъ: кто долго жилъ за границей, тотъ знаетъ, какое впечатлѣніе производитъ родной языкъ, даже нецензурный, и родныя русскія картины, даже неряшливыя, видятся съ немалымъ удовольствіемъ. Но какое испытаніе выдерживала радость видѣть отечество, когда мы прибыли па русскую таможню: было больно и стыдно за свою родину. Я перебывалъ на таможняхъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, но такого грубаго, циническаго осмотра нигдѣ не бываетъ. Мнѣ приходилось видѣть осмотръ грязнаго бѣлья молодой проѣзжающей иностранки. А что касается книгъ и всего апечатнаго, то съ ними случаются курьёзы. У меня однажды арестовали словарь Рейфа и путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ. А въ другой разъ я провезъ всѣ заграничныя изданія гр. Толстого, сунувъ рубль осматривавшему солдату. Русская таможня была позоромъ передъ западной Европой. И развѣ эта циническая грубость пріемовъ, это оскорбительное обращеніе съ личностью туриста были нужны для вящшаго охраненія фискальныхъ интересовъ? На таможняхъ Франціи и Англіи эти фискальные интересы охраняются не хуже, но пріемы таможенныхъ чиновниковъ благовоспитаннѣе, и личность путешественника болѣе уважается. Мнѣ, право, бывало просто стыдно, когда въ присутствіи пріѣзжихъ иностранцевъ я видѣлъ нашъ русскій таможенный осмотръ. И я всегда удивлялся, что такіе просвѣщенные министры финансовъ, какъ покойный Н. Х. Бунге и нынѣшній, С. Ю. Витте, ничего не сдѣлали, чтобъ хоть нѣсколько облагородить наши таможен-

ные порядки. При моемъ въѣздѣ въ отечество, въ маѣ 1862 г., я подвергся на радзивилловской таможнѣ придирчивому и мелочному осмотру. Вещей накопилось много; благодаря помощи доброй Веселицкой, всѣ онѣ были тщательно упакованы и завернуты въ обрывки газетной бумаги. Все это было развернуто, разбросано. Приступили къ книгамъ, которыхъ былъ огромный ящикъ. Каждая книга была разсмотрѣна, а всѣ заграничныя изданія были отобраны, составленъ былъ протоколъ о провозѣ ихъ въ Россію для препровожденія въ III-е отдѣленіе. Продержали насъ на таможнѣ почти-что до вечера. Не знаю, какимъ чудомъ, но еврейская контрабанда, которой была набита буда, была спасена. Совсѣмъ уже смеркалось, когда мы вырвались изъ Радзивиллова. Проѣхали небольшое разстояніе: опять стой! опять „покажите паспортъ"! Разсмотрѣвши паспортъ, таможенный офицеръ подошелъ къ намъ, прося выйти изъ экипажа и пожаловать къ нему. Я было-испугался,—думалъ, не засадятъ ли въ кутузку, но вышло совсѣмъ иное: таможенный офицеръ оказался братомъ жены моего дядюшки Кирилла Семеновича. Онъ бывалъ въ домѣ моихъ родителей, зналъ меня съ дѣтства и захотѣлъ принять у себя. Ну и слава Богу. Поѣхали мы дальше: повезъ еврей какими-то зигзагами по какимъ-то захолустьямъ—Староконстантиновъ, Бердичевъ, Житоміръ. Думалось мнѣ, что нашъ фурманъ развозитъ контрабанду, къ которой такъ благосклонно отнеслась таможня, увлеченная преслѣдованіемъ заграничныхъ изданій. Проѣхали мы не мало всякихъ еврейскихъ мѣстечекъ. Помню, что въ одномъ изъ нихъ мнѣ пріятно было встрѣтить своего прежняго слушателя, Сольскаго, съ которымъ предъ отъѣздомъ за границу я занимался англійскимъ языкомъ. Теперь онъ былъ кандидатомъ правъ и производилъ какое-то слѣдствіе.

Наконецъ, добрались мы и до Кіева и остановились въ отелѣ, что былъ потомъ „Метрополь". Какимъ же невзрачнымъ и убогимъ показался мнѣ нашъ славный красавецъ Кіевъ, послѣ Берлиновъ, Дрезденовъ, Женевъ и др.! Крещатикъ, которымъ такъ гордятся кіевляне, показался мнѣ ужасно невзрачнымъ. Что особенно поражало мой взоръ, привыкшій видѣть города западно-европейскіе,—присутствіе дерева въ городскихъ постройкахъ. „Такъ вотъ въ какомъ городѣ придется намъ жить!"—думалось мнѣ, забывшему, какимъ великолѣпнымъ показался мнѣ Кіевъ, когда я пріѣхалъ, въ 1850 г., поступать въ университетъ. Успѣлъ побывать у Демченка, гдѣ встрѣтилъ Шеффера и Рененкампфа. Узналъ отъ нихъ новости дня. Узналъ также, что Рененкампфъ уже успѣлъ пустить въ обращеніе нѣсколько анекдотовъ про мое

заграничное житье-бытье, конечно, большею частью выдуманное его досужимъ воображеніемъ. Такъ, онъ разсказывалъ какія-то небылицы про крестины моего сына въ Женевѣ, въ которыхъ онъ находилъ какой-то атеизмъ, въ чемъ я не былъ никогда повиненъ. Вспоминаю это не какъ rancune, но какъ матеріалъ для характеристики. Сообщилъ я Рененкампфу и объ арестѣ на радзивилловской таможнѣ запрещенныхъ заграничныхъ изданій: я былъ увѣренъ, что до завтра объ этомъ узнаетъ весь Кіевъ. Сообщили мнѣ также, что мои товарищи, Демченко и Сидоренко, повышены въ званіе исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора и шумятъ въ совѣтѣ. Не помню, успѣлъ ли я представиться нашему новому ректору, Николаю Дмитріевичу Иванишеву, выборомъ котораго я былъ очень доволенъ. Заграничный паспортъ успѣлъ представить, успѣлъ получить и свою долю изъ суммы, собираемой за слушаніе лекцій, что для меня было полной неожиданностью и что такъ поправило мои разстроенные финансы. Въ канцеляріи совѣта я встрѣтилъ его новаго секретаря, Валеріана Викторовича Виндинга,— одного изъ первыхъ моихъ слушателей и экзаменуемыхъ первенцевъ.

Мы выѣхали изъ Кіева. Послышались знакомыя съ дѣтства названія мѣстечекъ—Бровары, Борисполь, Барышевка... Вотъ и родное Войтово, въ которое отецъ переселился на постоянное житье. Какъ же оно перемѣнилось, утративъ тотъ поэтическій колоритъ, который прежде носило въ глазахъ моихъ! Заѣхали мы въ Оржицу и въ Гольцы, гдѣ уже не было нашего прежняго дома—свидѣтеля моихъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, и гдѣ пановалъ братъ Ипполитъ, скупившій части имѣнія. Онъ сдѣлался потомъ зажиточнымъ землевладѣльцемъ, весьма уважаемымъ въ уѣздѣ. А вотъ и Безсалы... Много народа собралось встрѣтить насъ—чужестранцевъ. Въ числѣ ихъ, я помню помѣщика Петра Ивановича Мартоса, претендовавшаго на литературность. Онъ просилъ меня дать ему хоть обертки „Полярной Звѣзды“ Герцена: до того былъ силенъ интересъ къ изданіямъ этого рода въ деревенскихъ захолустьяхъ. Мы оставили Россію за годъ до отмѣны крѣпостного права и возвратились черезъ годъ послѣ его отмѣны; меня очень интересовала перемѣна настроеній мѣстнаго дворянства. Перемѣна бросалась въ глаза: не было прежней сангвинической безпечности и жажды весело, за преферансомъ и сливянкою, провести день. Какъ будто что-то грянуло, что-то оглушило—и еще не пришли въ себя, не знали, какъ быть, что дѣлать. Ходили какъ растерянные и за-

пуганные. Бродила мысль о возможности крестьянскихъ безпорядковъ, но крестьяне были такъ спокойны, какъ будто ничего и не произошло. Что меня особенно удивило послѣ заграничнаго пребыванія—низкія цѣны на хлѣбъ: на моихъ глазахъ тесть продалъ нѣсколько тысячъ пудовъ ржи по пяти копѣекъ пудъ. Это было въ іюлѣ 1862 года, и я бы не повѣрилъ, еслибы не былъ свидѣтелемъ. Для присмотра за Сережей мы взяли одну изъ комнатныхъ дѣвушекъ и приказали ей соблюдать гейдельбергскій режимъ: каждый день вытирать холодной водой; она не досмотрѣла, что ребенокъ былъ въ испаринѣ, и примѣнила рекомендованный пріемъ. Ребенокъ страшно заболѣлъ. Я потерялъ всякую надежду на его выздоровленіе, несмотря на все усердіе мѣстныхъ эскулаповъ. Пріѣхалъ братъ Евгеній и посовѣтовалъ привезти врача-швейцарца изъ Роменъ. Мы встрѣтили его, уроженца Сенъ-Галя, какъ своего родного: такъ мы привыкли къ пріемамъ и манерамъ иностраннаго человѣка. Онъ нашелъ состояніе ребенка почти безнадежнымъ, но посовѣтовалъ поставить на груди жестокую мушку, слѣды которой сохранились и до сихъ поръ. Этой мушкѣ я приписываю спасеніе ребенка, которое для меня было неожиданнымъ счастьемъ. Ребенокъ сталъ поправляться, а я сталъ собираться въ Кіевъ. Посовѣтовавъ женѣ пріютиться на время моего отсутствія въ Юсковцахъ, у сестры Сашеньки, я поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ у меня было много дѣла. Случилось такъ, что я нанялъ квартиру въ домѣ Богуша, въ которомъ жилъ до отъѣзда за границу. Не помню цѣны, но, вѣроятно, эта квартира о трехъ комнатахъ была очень дешева, такъ какъ я получалъ адъюнктское жалованье въ 700 рублей въ годъ. Первымъ моимъ дѣломъ было приготовить вступительныя лекціи, въ которыхъ я предположилъ разсказать аудиторіи, что я видѣлъ и слышалъ за границей, и какъ тамъ ведется преподаваніе государственнаго права. Вторымъ дѣломъ было представиться попечителю. Разставшись съ незаконными бородой и усами, я отправился въ первую гимназію, гдѣ тогда жилъ попечитель, скоро перемѣнившій это помѣщеніе.

Попечителемъ я оставилъ Пирогова, а предо мною предсталъ Витте, и я невольно вспомнилъ французскую поговорку: „du sublime au ridicule il n'y qu'un pas“. Въ назначеніяхъ этихъ у насъ не бываетъ никакой послѣдовательности: послѣ человѣка одной системы назначается человѣкъ другой, діаметрально противоположной, и выходитъ полное отсутствіе стройности и порядка въ веденіи дѣлъ. Преемника Пирогова, Николаи, я не засталъ, такъ какъ онъ очень скоро былъ назначенъ товарищемъ министра

народнаго просвѣщенія, близкаго ему человѣка, Головнина. Слышалъ я, что этотъ преемникъ Пирогова былъ человѣкъ просвѣщенный, надѣленный несомнѣннымъ государственнымъ талантомъ. Но Пироговъ и Витте! Трудно было подобрать болѣе неподходящую другъ къ другу пару. Человѣкъ глубокаго принципа и строго выдержанной системы и—типическій оппортунистъ, у котораго—ни принципа, ни системы, а только служебная карьера. Докторъ дерптскаго университета за очень легонькій трудъ, Витте былъ потомъ инспекторомъ классовъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Значитъ, онъ былъ придворнымъ человѣкомъ у принца Ольденбургскаго, и въ его салонахъ пріобрѣлъ придворную выдержку и лоскъ. Онъ былъ очень обходителенъ и привѣтливъ, но въ этой обходительности не было ничего задушевнаго: она звучала чѣмъ-то внѣшнимъ, холоднымъ. Глядя на его непрезентабельную фигуру, вамъ такъ и думалось: этотъ человѣкъ рожденъ для высшихъ чиновъ и орденовъ, серьезнаго же дѣла отъ него не ждите; снаружи все будетъ подъ лоскомъ, а внутри пустозвонно. Но я неблагодаренъ къ памяти попечителя Витте;—увлекаясь исторической правдой, я забываю о той услугѣ, которую онъ сдѣлалъ: онъ помогъ мнѣ отписаться отъ весьма щекотливаго дѣла о провозѣ въ отечество запрещенныхъ заграничныхъ изданій. Онъ исправилъ первоначальную редакцію моей объяснительной записки, а когда принцъ Ольденбургскій былъ въ Кіевѣ, то и лично переговорилъ съ нимъ, стараясь обѣлить меня.

Прошло нѣсколько времени, и меня пригласилъ къ себѣ ректоръ. Я, кажется, въ первый разъ видѣлъ нашего милаго декана въ роли magnificus'а; на мой взглядъ, это былъ magnificus вполнѣ эффектный: я даже думаю, что такого представительнаго ректора, какъ Николай Дмитріевичъ Иванишевъ, нашъ университетъ не имѣлъ. Предо мною проходитъ весь рядъ нашихъ ректоровъ, начиная съ Ѳедорова и кончая Фортинскимъ, и болѣе величавой фигуры я не нахожу: даже лысая голова Рененкампфа à la Ришельё уступаетъ ему. Припоминаю, какъ Иванишевъ объѣзжалъ насъ съ поздравленіемъ съ новымъ 1863 годомъ: пара сѣрыхъ, ливрейный слуга, полная ректорская форма... Но—къ дѣлу. Ректоръ показалъ мнѣ конфиденціальную бумагу изъ III-го отдѣленія, гласящую, что во вниманіе къ той цѣли, ради которой я перевозилъ запрещенныя заграничныя изданія (въ объяснительной запискѣ я развилъ ту мысль, что профессоръ, для борьбы съ противозаконной пропагандой, долженъ быть въ курсѣ эмиграціонной литературы), всѣ они, даже въ пополнен-

номъ видѣ, возвращаются мнѣ, съ обязательствомъ не давать никому для прочета. Отлегло отъ сердца.

Помнится, въ самомъ началѣ сентября я прочелъ вступительныя лекціи. Уѣзжая за границу, я оставилъ русскую аудиторію еще въ студенческой формѣ; постороннихъ лицъ въ аудиторіи никогда не бывало, а о присутствіи женщины и рѣчи не было. Какъ измѣнился этотъ видъ аудиторіи въ 1862 г.: когда я входилъ въ первую аудиторію, гдѣ назначена была моя лекція, меня поразила огромная толпа слушателей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, между которыми иногда попадался донашиваемый студенческій сюртукъ. Значительная часть аудиторіи была занята стриженными барышнями въ синихъ очкахъ. Моя лекція встрѣчена была всевозможными знаками одобренія, несмотря на то, что я не погладилъ по головкѣ соціализмъ, на пропаганду котораго въ Германіи Лассалемъ я вдоволь насмотрѣлся. На моей лекціи присутствовалъ календарный Гатцукъ: онъ сказалъ мнѣ, что моя лекція отличалась замѣчательною теплотой и искренностью. Этимъ, можетъ быть, и объясняется то впечатлѣніе, которое она произвела на такую случайную публику. За вступительной лекціей я открылъ курсъ англійскаго государственнаго права. Грѣшный человѣкъ, я какъ будто хотѣлъ еще продлить свое пребываніе въ другой политической средѣ, я медлилъ приступить къ изложенію отечественныхъ государственныхъ порядковъ, изученіемъ которыхъ я такъ увлекался впослѣдствіи. Въ своихъ лекціяхъ я слѣдовалъ книжкѣ Фишеля, появившейся передъ моимъ отъѣздомъ изъ-за границы, но и многое прибавлялъ, какъ результатъ своихъ личныхъ наблюденій и непосредственнаго изученія англійскихъ государственныхъ порядковъ. Аудиторія всегда была полна. Бывали и лишніе слушатели, доносившіе мѣстнымъ властямъ и о томъ, о чемъ я не говорилъ на лекціи. Намекаю на эпизодъ, разсказанный мною въ газетѣ „Россія“; тогда меня обвинили въ анти-правительственныхъ взглядахъ на русскій крестьянскій вопросъ, о которомъ у меня и рѣчи не было.

Скоро возвратилась и моя жена изъ полтавской губерніи, и мы устроились на зимнее житье въ трехъ комнаткахъ Богуша, на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Нужда въ деньгахъ была такъ велика, что я продалъ въ университетскую библіотеку значительное число книгъ, привезенныхъ изъ-за границы. Этимъ библіотека моя была такъ подорвана, что уже никогда не имѣла цѣльнаго характера. Другимъ денежнымъ рессурсомъ явилось чтеніе исторіи русскаго права. За выходомъ адъюнкта Эйсмана,

предметъ этотъ не преподавался. Факультетъ поручилъ мнѣ его преподаваніе. Отдѣльной каѳедры этого предмета не было, и я слушалъ только фрагменты—разборъ нѣкоторыхъ памятниковъ, но я очень любилъ этотъ предметъ, и охотно взялся за него. Особенно успѣшнымъ, впрочемъ, преподаваніе быть не могло: я гдѣ-то досталъ лекціи петербургскаго профессора Калмыкова, свелъ ихъ съ лекціями Эйсмана, и выходила, конечно, порядочная смѣсь. Спасала только книга Лазаревскаго и Б. Утина, знакомившая съ памятниками. Въ сравненіи съ чудесной хрестоматіей Буданова, эта книжка была издѣліемъ довольно слабымъ, но она мнѣ была очень полезна и я всегда съ признательностью вспоминаю о ней. Еще до моего возвращенія изъ-за границы, Незабитовскій выдержалъ экзаменъ на степень доктора международнаго права. Это былъ послѣдній докторскій экзаменъ въ нашемъ юридическомъ факультетѣ, такъ какъ онъ вовсе былъ отмѣненъ новымъ уставомъ. Я очень былъ радъ, что мнѣ не пришлось экзаменовать моего товарища, болѣе меня знающаго и понимающаго. Но пришлось быть рецензентомъ его прекрасной докторской диссертаціи „О международномъ владѣніи". Пришлось быть и оппонентомъ на его докторскомъ диспутѣ—въ первый разъ въ жизни. Оппонировалъ я робко и сбивчиво, но добрѣйшій Василій Андреевичъ щадилъ меня, и его реплики были очень мягки и сдержанны. На второмъ диспутѣ—приватъ-доцента Леонтовича—я былъ уже развязнѣе и грознѣе, а на третьемъ диспутѣ, у покойнаго Андрея Петровича Пригары, я былъ непозволительно суровъ и рѣзокъ. Мнѣ и теперь совѣстно вспомнить растерянную фигуру скромнаго магистранта.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

ИВ. А. ГОНЧАРОВЪ

ВЪ

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Окончаніе.

XVII *).

На сходство автора съ образомъ Ильи Ильича Обломова указывалось съ давнихъ поръ, еще при жизни Гончарова. Не высказываясь опредѣленно, по своему обыкновенію, онъ замѣчалъ, что, какъ это случалось со всѣми писателями, читатели старались его самого „подводить“ подъ того или другого героя, отыскивая его то тамъ, то сямъ, или угадывая тѣ или другія личности. „Чаще всего меня видятъ въ Обломовѣ, любезно упрекая за мою авторскую лѣнь и говоря, что я это лицо писалъ съ себя. Иногда же, напротивъ, затруднялись, куда меня дѣвать въ которомъ-нибудь романѣ, напримѣръ, въ дядю или племянника въ „Обыкновенной исторіи“.

Нѣсколько далѣе, характеризуя процессъ своей творческой работы въ прошломъ, когда онъ писалъ то, что, казалось ему, носилось около него въ воздухѣ и было далеко отъ „выдумки“, онъ приводитъ любопытный примѣръ близости къ нему создававшихся образовъ. „Мнѣ,—говоритъ онъ,—прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова—въ себѣ и въ другихъ—и все

*) См. выше: мартъ, стр. 215.

ярче и ярче выступалъ передо мной. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу элементарныя свойства русскаго человѣка—и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру".

Романъ „Обломовъ" писался, тоже по обыкновенію Гончарова, очень долго—лѣтъ около десяти, съ перерывами для „Фрегата Паллады", съ отвлеченіями въ сторону „Обрыва", образы котораго уже начинали тревожить творческіе нервы писателя. Не говоря уже о томъ, что во второмъ романѣ обнаружилось значительно большее мастерство кисти художника и болѣе глубокая вдумчивость при построеніи романа и обрисовки центральной фигуры, самое отношеніе Гончарова къ своему герою должно было измѣниться съ годами, и оно, дѣйствительно, измѣнилось. Въ этомъ отношеніи намъ придется нѣсколько разойтись съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что Обломовъ ближе другихъ героевъ подходитъ къ самому Гончарову. Еслибы это было дѣйствительно такъ, Гончаровъ не относился бы къ нему съ такимъ неизмѣннымъ чувствомъ ироніи, какого, напримѣръ, у него вовсе нѣтъ, какъ только рѣчь заходитъ о Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ или Штольцѣ. Въ этой ироніи нѣтъ злости, нѣтъ и оттѣнка желчи и раздраженія, порождающаго сарказмъ. Напротивъ, добродушное, даже любовное отношеніе придаетъ ей особую задушевность и прелесть. Такъ пожилой и ласковый по натурѣ человѣкъ снисходительно улыбается слабостямъ своего младшаго пріятеля, слабостямъ, которыя далеко не чужды и ему самому. И эта улыбка такъ искренна, такъ непосредственна на устахъ Гончарова, что читатель невольно поддается ея обаянію, и самъ начинаетъ улыбаться тою же снисходительной и доброй улыбкой.

Мы видѣли уже не разъ—въ разсказѣ объ Обломовѣ не мало автобіографическихъ штриховъ. Ихъ не трудно подмѣтить въ исторіи дѣтства Обломова, въ отдѣльныхъ частностяхъ, несомнѣнно и въ обрисовкѣ характера, съ слабостью волевого элемента на первомъ планѣ и сильно развитымъ сознаніемъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, доводящимъ иногда процессъ самоанализа до глубокаго и истиннаго страданія. Но отъ Обломова до Гончарова—разстояніе гораздо большее, чѣмъ отъ Адуевыхъ, племянника и дяди. Кстати сказать, Илья Ильичъ первой половины романа отличается, на нашъ взглядъ, отъ Ильи Ильича второй половины. Это два типа равно свойственные русской жизни, близко родственные, но не вполнѣ одинаковые. Первый—съ несомнѣннымъ трагическимъ началомъ сознанія своего безсилія—такъ и умираетъ, не сдѣлавъ ничего полезнаго и высокаго въ

жизни, къ чему стремился такъ пламенно, но—увы!—платонически; его тревога не утихаетъ съ годами,—она можетъ перейти въ тихую жалобу, въ покаяніе Рудина, но ни на минуту не станетъ пошлой и плоской. Сильное возбужденіе, страсть, негодованіе могутъ воспламенить ихъ пожаромъ, правда, на одно мгновеніе, но въ это мгновеніе они могутъ явиться героями, способными пожертвовать собой, во имя идеи, или за улыбку красавицы, смотря по моменту. Вторая категорія Обломовыхъ—сортомъ пониже. Если у нихъ и было какое-либо міросозерцаніе, въ смыслѣ извѣстныхъ „умственныхъ" идей и нравственныхъ требованій, то это міросозерцаніе уснуло у нихъ раньше, чѣмъ глаза успѣли заплыть жиромъ отъ вѣчнаго спанья и въ груди появилась одышка отъ неподвижной жизни. Проза будничной домашней жизни, низменность желаній, не выходящихъ изъ круга инстинктовъ пищеваренія и элементарнаго животнаго довольства —вотъ атмосфера, изъ которой никогда не вытащатъ ихъ на свѣтъ Божій никакіе Штольцы и Ольги Ильинскія. Пошляки Маниловы—ихъ ближайшіе родственники, если они одарены благожелательно-настроенной душой, но никакъ не „коптители неба" Тентетниковы, всю жизнь собирающіеся заняться большимъ сочиненіемъ о Россіи, словно Обломовъ, въ первой части романа, со своимъ грандіознымъ планомъ переустройства Обломовки.

Кромѣ наклонности къ неподвижности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, роднящихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ. На присутствіе этихъ чертъ въ характерѣ нашего писателя указываютъ его же собственныя слова—тамъ, гдѣ онъ довольно недвусмысленно рисуетъ свою собственную наружность. Въ дѣтствѣ онъ—здоровый, краснощекій мальчикъ „съ мечтательными глазами", какъ Илюша Обломовъ; студентомъ—цвѣтущій, жизнерадостный юноша; ко времени трезвости и благоразумія онъ, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ остепенившагося Александра Адуева, съ брюшкомъ и плѣшью, съ начинающейся сѣдиной въ вискахъ и бакенбардахъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и Гончаровъ, кончая „Обломова", будетъ опредѣлять себя такъ: „литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами". Этотъ отзывъ напомнитъ собою „пожилого беллетриста Скудельникова" (въ „Литературномъ вечерѣ"), который—„какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза на автора (читавшаго свой романъ) и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ—вообще ко

всему вокругъ себя. Григорій Петровичъ (Урановъ, хозяинъ) вытащилъ его изъ его гнѣзда, обѣщалъ хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ дамъ, и хорошій ужинъ. Онъ и пріѣхалъ".

Послѣднія слова чрезвычайно важны, пожалуй важнѣе самого портрета. Въ нихъ выразились основные привычки и вкусы „пожилого беллетриста". Онъ не прочь бывать въ обществѣ, но предпочитаетъ покой и тишину своего „гнѣзда". Общество онъ посѣщаетъ только избранное, гдѣ онъ встрѣтитъ, какъ художникъ, красоту и грацію аристократическаго женскаго лица, услышитъ остроумную бесѣду и веселый смѣхъ; какъ гастрономъ и бывшій обломовецъ, онъ оцѣнитъ по достоинству тонкій ужинъ и хорошее вино. Но вообще говоря—къ людямъ его не особенно тянетъ. И переживая въ томъ кругу, гдѣ онъ бывалъ, привычныя и милыя сердцу ощущенія, онъ самъ не вносилъ въ общество ни веселья, ни даже оживленія, хотя ни въ умѣ, ни въ остроуміи ему отказать было нельзя. Онъ, какъ художникъ, накапливалъ впечатлѣнія, но расточалъ ихъ въ разговорѣ неохотно и скупо.

Остановимся еще нѣсколько на этой чертѣ—апатіи, неизмѣнно присутствующей, какъ только Гончаровъ начинаетъ говорить о самомъ себѣ. По отношенію къ человѣку, неустанно работавшему въ тиши кабинета надъ созданіемъ ряда произведеній, техника которыхъ, по его собственнымъ словамъ, стоила ему большого труда, это слово должно имѣть особый, условный смыслъ. Это менѣе всего—внутреннее разочарованіе въ томъ, во что вѣрилось въ юности, въ идеалахъ, надеждахъ, наконецъ, любви и дружбѣ. Наоборотъ, мощью здороваго идеализма звучатъ послѣднія произведенія Гончарова; ласковый юморъ ихъ достигаетъ мѣстами удивительной свѣжести, изящества и даже глубины. Это и не безсиліе человѣка, который вышелъ на борьбу, и увидѣлъ, что руки у него были связаны. Борьба не была въ натурѣ Гончарова, и менѣе всего онъ подходилъ бы подъ понятіе борца во имя чего бы то ни было. А правильнѣе всего признать, кажется, что Гончаровская апатія, если не принимать въ разсчетъ нѣкоторой доли скептицизма, свойственнаго всѣмъ пожилымъ людямъ, видѣвшимъ свѣтъ, сводится преимущественно къ внѣшнимъ проявленіямъ, къ внѣшнему виду или, вѣрнѣе, къ тому впечатлѣнію, которое производитъ Гончаровъ на людей своей неподвижной, по виду вялой, по разговору—равнодушной фигурой. Въ головѣ и въ сердцѣ творилась невидимая глазу сложная работа, изъ которой слагалось творчество образовъ и

картинъ; на эту работу и уходила значительная доля энергіи и органической самостоятельности художника.

Будь Гончаровъ Обломовымъ второго типа, въ немъ и не пошевельнулось бы желаніе промѣнять свое насиженное „гнѣздо“ на каюту готоваго ко всякаго рода случайностямъ, безпокойствамъ и опасностямъ „Фрегата Паллады“. Но въ немъ жило какое-то особое начало, которое разжигало и мучило его. Слишкомъ сѣрая дѣйствительность давила его своей однотонностью, какъ онъ ни скрашивалъ ее цвѣтами фантазіи и поэзіи. „Дни мелькали—такъ характеризуетъ онъ свою жизнь въ первой главѣ „Фрегата Паллады“,—жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!“

Зѣвота и апатія—неотъемлемые признаки Гончарова; безъ нихъ онъ и представить самого себя не можетъ. „Между моряками“ *зѣвая апатически*, лѣниво смотритъ „въ безбрежную даль“ океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостинницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи“? Но этого апатическаго литератора манитъ поэзія путешествія, просторъ и „рядъ неисчерпанныхъ наслажденій“—и онъ объѣдетъ весь міръ, хотя бы для того, чтобы сказать потомъ, что въ немъ нѣтъ ничего чудеснаго, что и вдали, какъ и вблизи—„все подходитъ подъ какой-то прозаическій уровень“. Но самое путешествіе является для него праздникомъ, радостнымъ воплощеніемъ съ дѣтства лелѣянной мечты.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Обломовѣ, не только второй, но и первой половины романа. Его тянетъ вдаль только тогда, когда его соблазняетъ своими разсказами Штольцъ, и то лишь пока тотъ не ушелъ изъ комнаты. Но едва Штольцъ оставляетъ Илью Ильича одного, въ немъ начинаются колебанія, сомнѣнія, ему жаль разстаться съ диваномъ и халатомъ, и всѣ планы падаютъ, какъ карточный домикъ, отъ самой ничтожной причины: ячмень вскочитъ или губа раздуется наканунѣ отъѣзда. „Нельзя же съ этакой губой въ море!“—скажетъ Илья Ильичъ и махнетъ рукой.

Гончаровъ любитъ комфортъ; Обломовъ къ нему совершенно равнодушенъ. Гончаровъ задаетъ вопросы о сандвичевскихъ прачкахъ; у Обломова по нѣскольку дней не подметается квартира. Гончаровъ весь на сторонѣ порядка—и дома, и въ обществѣ, и въ государствѣ; Обломовъ заговариваетъ о порядкѣ исключительно съ цѣлью донять Захара „жалкими словами“. Его по-

рядокъ черезчуръ опредѣляется временемъ завтрака, обѣда, ужина, сна. Зато Обломовъ явился превосходнымъ выразителемъ болѣе поздняго отношенія Гончарова къ женщинѣ и чувству любви.

XVIII.

Во второй половинѣ романа, когда прежній Обломовъ окончательно опускается и пошлѣетъ, подъ вліяніемъ кулинарныхъ талантовъ вдовы Пшеницыной, его роль по отношенію къ Ольгѣ Ильинской начинаетъ играть Штольцъ. Исторія любви послѣдняго въ высокой степени напоминаетъ романъ Обломова съ Ольгой. „Онъ не хотѣлъ бы порывистой страсти, какъ не хотѣлъ ея и Обломовъ, только по другимъ причинамъ. Но ему хотѣлось бы, однако, чтобы чувство потекло по ровной колеѣ, вскипѣвъ сначала горячо у источника, чтобы черпнуть и упиться въ немъ, и потомъ всю жизнь знать, откуда бьетъ этотъ ключъ счастья“...

Обломовъ, разсказываетъ Гончаровъ, „среди тупой дремоты и среди вдохновенныхъ порывовъ, всегда мечталъ о женщинѣ, какъ женѣ и иногда — какъ любовницѣ.

„Грезилась ему на губахъ ея улыбка, не страстная, глаза, не влажные отъ желаній, а улыбка, симпатичная къ нему, къ мужу, и снисходительная ко всѣмъ другимъ; взглядъ благосклонный только къ нему и стыдливый, даже строгій, къ другимъ.

„Онъ никогда не хотѣлъ видѣть трепета въ ней, слышать горячей мечты, внезапныхъ слезъ, томленія, изнеможенія и потомъ бѣшенаго перехода къ радости. Не надо ни луны, ни грусти. Она не должна внезапно блѣднѣть, падать въ обморокъ, испытывать потрясающіе взрывы...

„— У такихъ женщинъ любовники есть, говорилъ онъ:— да и хлопотъ много:—доктора, воды и пропасть разныхъ причудъ. Уснуть нельзя покойно!

„А подлѣ гордо-стыдливой, покойной подруги спитъ беззаботно человѣкъ. Онъ засыпаетъ съ увѣренностью, проснувшись, встрѣтить тотъ же кроткій симпатичный взглядъ... И такъ до гробовой доски!“

И Гончаровъ, устами Обломова, спрашиваетъ, не составляетъ ли тайной цѣли любящихъ—„найти въ своемъ другѣ неизмѣнную физіономію покоя, вѣчное и ровное теченіе чувства? Вѣдь это *норма любви*“...

И продолжаетъ, высказываясь уже гораздо больше отъ своего имени, чѣмъ отъ имени Обломова: „Давать страсти законный

исходъ, указать порядокъ теченія, какъ рѣкѣ, для блага цѣлаго края, — это общечеловѣческая задача, это вершина прогресса, на которую лѣзутъ всѣ эти Жоржъ-Зандъ, да сбиваются въ сторону. За рѣшеніемъ ея вѣдь уже нѣтъ ни измѣнъ, ни охлажденій, а вѣчно-ровное біеніе покойно-счастливаго сердца, слѣдовательно вѣчно наполненная жизнь, вѣчный сокъ жизни, вѣчное нравственное здоровье". Нѣсколько странная выходка противъ несимпатичныхъ Гончарову теченій въ современной ему европейской литературѣ всего менѣе идетъ къ Обломову и скорѣе должна быть отнесена къ числу непосредственно-субъективныхъ воззрѣній самого автора, какихъ у него вообще не мало разбросано въ романахъ.

„Страсть! все это хорошо въ стихахъ, да на сценѣ, гдѣ, въ плащахъ, съ ножами, расхаживаютъ актеры, а потомъ идутъ, и убитые, и убійцы, вмѣстѣ ужинать...

„Хорошо, еслибъ и страсти такъ кончались, а то послѣ нихъ остаются: дымъ, смрадъ, а счастья нѣтъ! Воспоминанія— одинъ только стыдъ и рваніе волосъ.

...„—Да, страсть надо ограничить, задушить и утопить въ женитьбѣ"...

Это разсужденіе—въ высшей степени характерное для самого Гончарова. Во всемъ въ жизни должна быть своя мѣрка, своя норма; страсть труднѣе всего подвести подъ эту норму: она— „несчастіе", и когда такое несчастіе постигаетъ человѣка,— „такъ это все равно, какъ случается попасть на избитую, гористую, несносную дорогу, по которой лошади падаютъ и сѣдокъ изнемогаетъ". Страсть—несчастіе, потому что нарушаетъ покой жизни и равновѣсіе духа, выводитъ человѣка изъ того естественнаго, нормальнаго состоянія, въ которомъ внутренняя духовная дѣятельность происходитъ жизнерадостно, свободно, безъ толчковъ, отвлеченій и стѣсненій, получаемыхъ извнѣ.

Выше, говоря о грезахъ Обломова, Гончаровъ, быть можетъ случайно, мимоходомъ, сдѣлалъ одно замѣчаніе, на нашъ взглядъ чрезвычайно цѣнное. Женскій образъ грезился Ильѣ Ильичу „среди тупой дремоты и вдохновенныхъ порывовъ". Тупая дремота — это та сѣрая дѣйствительность, — о ней онъ говорилъ, какъ мы видѣли, передъ поѣздкой въ кругосвѣтное плаваніе,— тѣ сумерки, тѣ вѣчныя будни, отъ которыхъ единственное спасеніе — въ полетѣ мечты, въ мірѣ фантастическихъ грезъ. Область мечты и фантазіи и есть то заколдованное царство, куда направляется „вдохновенный порывъ" художника, и a priori можно сказать, что образы, взятые изъ этого міра въ часы „ту-

пой дремоты“ и въ моменты „вдохновеннаго порыва“, будутъ неизмѣримо различны.

Будутъ глубоко различны и понятія страсти, порожденныя мечтами той и другой категоріи. Въ первомъ случаѣ, мечты окрасятся страстью, которая на практикѣ жизни приведетъ или къ „законному исходу“, въ домикѣ вдовы Пшеницыной, или къ воспоминаніямъ стыда и раскаянія.

Этого рода страсть была знакома всѣмъ героямъ Гончарова, тѣмъ въ большей степени, чѣмъ былъ моложе ихъ авторъ. Иванъ Савичъ Поджабринъ—типическое воплощеніе этой страсти, по качеству однородной съ тѣми „колоссальными“ страстями, о которыхъ мечтаютъ въ свое время и Александръ Адуевъ, и Обломовъ, и Райскій.

Но послѣднему знакома гораздо въ большей степени другая страсть—страсть „вдохновенныхъ порывовъ“, ведущихъ къ творческому „паѳосу“, къ радостямъ и скорбямъ творческой работы.

Роль этой страсти—совершенно иная. „Зачѣмъ гроза въ природѣ?... спрашиваетъ Райскій у Вѣры.—Страсть—гроза жизни... О, еслибъ испытать эту сильную грозу!... Нѣтъ, не къ раскаянію поведетъ васъ страсть: она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предразсудки, и дастъ вамъ дохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишкомъ чисты, свѣтлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказитъ васъ, а только подниметъ высоко“...

Въ этихъ словахъ художникъ и влюбленный, а главное — влюбчивый человѣкъ, нераздѣльны. Такъ и должно было быть, по воззрѣнію Гончарова. „И что за матеріальная любовь?—возражаетъ у него Адуевъ-дядя племяннику: такой—любви нѣтъ, или это не любовь, такъ точно, какъ нѣтъ и одной идеальной... —мы не духи и не звѣри“.

Райскій поочередно влюбляется въ Марѳиньку и Вѣру. Чувство его къ первой, конечно, гораздо элементарнѣе и проще. Но вотъ онъ видитъ Марѳиньку рядомъ съ Викентьевымъ—и въ немъ это чувство еще молодого, здороваго и празднаго человѣка сразу уступаетъ восторгу художника передъ граціей и цѣльностью образа. „Онъ любовался уже ихъ любовію и радовался ихъ радостью, томясь жаждой превратить и то и другое въ образы и звуки. Въ немъ умеръ любовникъ и ожилъ безкорыстный артистъ“.

Это возвышенное начало, придающее красоту и благородство самосознанію охваченнаго страстью человѣка, неизмѣнно присутствуетъ въ его отношеніяхъ къ Вѣрѣ. Здѣсь оно гораздо сложнѣе, глубже и тоньше, и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо мучи-

тельнѣе и тревожнѣе. „Вѣра не подозрѣвала его тайныхъ мукъ, замѣчаетъ по этому поводу Гончаровъ,—не подозрѣвала, какою страстною любовію охваченъ былъ онъ къ ней—какъ къ женщинѣ человѣкъ и какъ къ идеалу художникъ".

Къ страсти художника, проникнутаго порывомъ къ идеалу. намъ придется вернуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь намъ важно отмѣтить основной характеръ опредѣленія страсти и любви, въ высшей степени послѣдовательно проведенный въ романахъ и являющійся, такимъ образомъ, коренной чертой міросозерцанія ихъ автора. Съ одной стороны, страсть —состояніе близкое къ сумасшествію, стихійное явленіе, отъ котораго надо стараться избавляться возможно скорѣе, какъ отъ „несчастія", постигающаго человѣка, съ другой—она необходима въ жизни, будничной и сѣрой, какъ „гроза въ природѣ", которая очищаетъ атмосферу и прогоняетъ міазмы. Она бываетъ прекрасна, когда въ нее входитъ возвышенный элементъ художественнаго воспріятія, поднимающаго духъ человѣка надъ ея низменной и узко-эгоистической стороной. Вообще же, по выраженію Райскаго, „всѣ непремѣнно чувствовали, кто разъ, кто больше — смотря по темпераменту, кто тонко, кто грубо, животно — смотря по воспитанію, но всѣ испытали раздраженіе страсти въ жизни, судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмельную игру силъ"...

Если человѣкъ умѣлъ, тѣмъ не менѣе, бороться съ нею, ограничивать ее и пережить ее такъ, чтобы не было повода раскаяваться впослѣдствіи, онъ испытаетъ высочайшее наслажденіе въ послѣдующіе моменты, когда буря утихнетъ и разсудокъ вступитъ въ свои права; тогда-то душа и отдается истинному счастью—сладостному отдыху и покою. „На остывшій слѣдъ этой огненной полосы,—проповѣдуетъ Райскій Вѣрѣ, *бурно, едва успѣвая говорить*,—этой молніи жизни ложится потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благодарное воспоминаніе къ прошлому, тишина! И эту-то тишину, этотъ слѣдъ любви люди и назвали святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла". Охваченный самъ страстью, Райскій говоритъ „бурно"—о чемъ же?— о покоѣ, — отдыхѣ отъ страсти, тишинѣ, говоритъ не разъ, не замѣчая неестественности подобныхъ рѣчей, на которыя не отваживался даже Обломовъ въ разговорахъ съ Ольгой Ильинской. Ясно субъективное участіе самого Гончарова въ этомъ поэтизированіи тишины и отдыха послѣ страсти. Такъ менѣе всего можетъ говорить человѣкъ въ минуту аффекта, съ ураганомъ въ мысляхъ и огнемъ въ душѣ,—и такъ можетъ и долженъ говорить

художникъ, подобный Гончарову, у котораго между лично пережитой страстью и творческимъ воспоминаніемъ о ней лежитъ промежутокъ десяти-двадцати лѣтъ.

Въ самомъ раннемъ произведеніи Гончарова, „Иванѣ Савичѣ Поджабринѣ", произведеніи отъ котораго впослѣдствіи писатель съ удовольствіемъ отрекся бы, разсказана цѣлая исторія увлеченій Ивана Савича до любви „лаконической" включительно. Тамъ есть, между прочимъ, такая сцена. Дворникъ явился поздравить Ивана Савича, ухаживавшаго въ это время за нѣкоей Прасковьей Михайловной, со „вступленіемъ въ законный бракъ". Иванъ Савичъ пришелъ въ ужасъ.

„— Что-о?

— Въ законный бракъ...

— Какъ? съ кѣмъ? что ты? съ ума, что ли, сошелъ?

— Никакъ нѣтъ, батюшка! слышь, съ верхней нашей жиличкой, Прасковьей Михайловной...

— Какъ!

Иванъ Савичъ остолбенѣлъ..."

Исторія кончилась тѣмъ, что дворникъ былъ вытолкнутъ за дверь, а Иванъ Савичъ рѣшилъ съѣхать съ этой квартиры, къ немалому негодованію слуги Авдѣя, ближайшаго родственника Обломовскаго Захара. Они помѣнялись ролями: тамъ Захаръ пристаетъ къ Обломову съ переѣздомъ на другую квартиру, а баринъ упрямится; здѣсь баринъ, который, по собственному выраженію, любитъ свободу, приказываетъ слугѣ найти новую квартиру и тѣмъ „постараться вывести барина изъ бѣды". Разговоръ о квартирѣ „съ удобствомъ всякимъ, и сараемъ особымъ, и ледникомъ отъ хозяина", могъ бы служить превосходнымъ варіантомъ бесѣдъ Ильи Ильича съ Захаромъ.

„Иванъ Савичъ Поджабринъ", повторяемъ,—самое раннее произведеніе Гончарова. Но въ числѣ самыхъ позднихъ, писанныхъ въ возрастѣ, когда люди получаютъ право называть остатки пережитаго „домашнимъ архивомъ", есть одинъ очеркъ—„Слуги", въ которомъ писатель далъ художественную характеристику нѣсколькихъ типовъ слуги стараго времени. Вопросъ о слугахъ имѣлъ особое значеніе для Гончарова, домосѣда, любителя порядка и комфорта,—оттого и въ романахъ ихъ типы такъ жизненны и реальны. Но дѣло не въ этомъ. Здѣсь мы находимъ сценку, которая наглядно иллюстрируетъ личное отношеніе Гончарова къ браку.

Въ квартиру Гончарова забрались однажды, много лѣтъ назадъ, воры и произвели погромъ. Слуга оказался мертвецки

пьянымъ—мошенники опоили его. Разгромъ былъ полный: вмѣстѣ съ письмами, пакетами и бумагами были разсѣяны на полу большія тетради, числомъ до тридцати, „Обломова“, приготовленнаго совсѣмъ для печати. Досада Гончарова была безпредѣльна. „У меня сердце сжалось тоской,—разсказываетъ онъ.—Я чувствовалъ, что не живу подъ знаменемъ охраны, благоустроенности, порядка. Я предоставленъ самому себѣ, я беззащитенъ. Будь я помоложе, я, можетъ быть, заплакалъ бы. Никого около меня—нѣтъ опоры, нѣтъ защиты“!

Сознаніе довольно любопытное. Тоска одиночества не прерывалась, судя по произведеніямъ и воспоминаніямъ, не давала нигдѣ себя чувствовать, пока въ жизни царилъ покой и порядокъ. Нужно было произвести настоящій разгромъ квартиры, чтобы вызвать жалобу, и то не на одиночество вообще, не на то, что не съ кѣмъ дѣлить радостей и горестей жизни, а на то, что не на кого *опереться*, не у кого попросить *защиты*, когда злые посторонніе люди причиняютъ безпокойство и хлопоты.

„— Вотъ не женились—и наказаны! Вотъ вамъ прелесть холостой жизни! „Свобода и независимость!“—говорила мнѣ потомъ одна пріятельница, Анна Петровна, страстная охотница устраивать свадьбы. — Была бы жена, волки-то и не забрались бы... Женитесь-ка — еще время не ушло! Я бы вамъ славную невѣсту сосватала!

— Еслибъ женился, можетъ быть, забрались бы другіе волки, злѣе этихъ!—меланхолически отвѣтилъ я“...

Гончаровъ, какъ извѣстно, такъ и не женился до конца дней своихъ, но если вглядѣться въ ту роль, какую играетъ женщина въ его произведеніяхъ, можно безъ особеннаго грѣха вывести заключеніе, что въ душѣ его жило неизмѣнное стремленіе къ тому „ewig Weibliche“, которое въ жизни, можно думать, сказалось рядомъ горькихъ разочарованій, а въ поэзіи озарялось лучами дивной красоты и обаянія. Жизнерадостная, веселая и ясная Марѳинька была ближе душѣ Гончарова, чѣмъ загадочная, пытливо-тревожная Вѣра, не желавшая „жить слѣпо, по указкѣ старшихъ“; но художника она привлекала этимъ „мерцаніемъ тайны“, этой гордой и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной замкнутостью, за которой творится неустанная работа мысли и духа, этимъ сознаніемъ своего женственнаго достоинства и нравственной силы. Въ Вѣрѣ съ избыткомъ были всѣ данныя для того, чтобы отнести ее къ категоріи тѣхъ женщинъ, въ рукахъ которыхъ должно оказаться, по выраженію Гончарова, „прямое рѣшеніе, такъ называемаго, женскаго вопроса“.

Это двойственное тяготѣніе—умѣреннаго Обломова и нервнаго художника въ Гончаровѣ—къ женскому образу нашло себѣ трогательное истолкованіе въ послѣдніе годы его жизни. Друзья поднесли ему въ 1882 г., по случаю тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности, кабинетные часы съ бронзовымъ бюстомъ молоденькой дѣвушки. То была Мароинька изъ „Обрыва", по объясненію литераторовъ, и Гончаровъ былъ чрезвычайно доволенъ. По сдѣланному намъ сообщенію одного изъ близкихъ друзей писателя, онъ сознавался, что Мароинька „съ давнихъ поръ была его маленькой слабостью".

Не забыта была, но, конечно безотчетно и безотносительно, и Вѣра. Отъ имени „русскихъ женщинъ" 2 февраля 1883 г. былъ поднесенъ Гончарову адресъ и двѣ прекрасныя кабинетныя вазы. Несомнѣнно, къ этого типа женщинамъ должны были относиться слова его авторской исповѣди о томъ, что послѣднія „открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи". Эти слова были какъ бы искупленіемъ и отрицаніемъ своего же собственнаго неудачнаго и страннаго предположенія, въ минуту раздраженія вырвавшагося у писателя, въ концѣ романа, какъ бы русскія дѣвушки, по примѣру Вѣры, не стали, прочитавъ романъ, бросаться очертя голову на дно „обрыва". Рѣшеніе „такъ-называемаго женскаго вопроса" открывало для себя выводы въ такихъ областяхъ, о какихъ не могъ и думать Гончаровъ въ прежніе годы.

XIX.

Требованія правильности и послѣдовательности являлись для Гончарова обязательными не только въ узкомъ примѣненіи ихъ къ домашней жизни и службѣ. Ихъ онъ ставилъ во главѣ своихъ сужденій вообще о ходѣ человѣческихъ событій. Порядокъ и цѣлесообразность зависѣли, по мнѣнію Гончарова, исключительно отъ человѣка, отъ того, какъ онъ понималъ общія и частныя явленія жизни, и какъ онъ опредѣлялъ свои къ нимъ отношенія. Въ самомъ пониманіи этихъ явленій должны, казалось Гончарову, скрываться апріорныя требованія извѣстной закономѣрности и общей гармоніи, и только сообразно этому пониманію міръ принималъ въ человѣческомъ представленіи ту или другую форму и окраску. Теоретическія разсужденія Гончарова о жизни не отличались особенной отвлеченностью. Сама по себѣ жизнь не бываетъ ни хорошею, ни дурною, или, съ другой сто-

роны, и хорошею, и дурною, смотря по тому, какой ее дѣлаютъ и представляютъ себѣ люди. Стремленіе объяснить ее однимъ какимъ-либо началомъ или понятіемъ казалось Гончарову простой игрой словъ. Жизнь неуловима для сколько-нибудь точныхъ опредѣленій, она—*эластична*, по выраженію Райскаго: „подводили ее подъ фатумъ, потомъ подъ разумъ, подъ случай—подходитъ ко всему"... „Во что хочешь вѣруй: въ божество, въ математику или въ философію,—развиваетъ онъ свою теорію дальше,—жизнь поддается всему"... У бабушки для объясненія жизни были Богъ и судьба, у дворни—чаще всего домовой и нечистая сила, но сущность оставалась безъ измѣненія: жизнь поддавалась всякому пониманію и въ то же время оставалась необъяснимой и загадочной.

Отсюда долженъ былъ неизбѣжно вытекать естественный выводъ: всякаго рода системы, метафизическія умозрѣнія, „умствованія" были совершенно безполезны по отношенію къ жизни, какъ таковой. Жизнь можетъ быть весьма простой и разумной, если просто и разумно смотрѣть на нее, при томъ не задумываться надъ нею, а брать ее такою, какова она есть. Маркъ Волоховъ сходится въ этомъ требованіи непосредственнаго отношенія къ жизни съ Райскимъ, хотя, въ практическихъ примѣненіяхъ этого взгляда, они приходятъ къ одному и тому же итогу діаметрально противоположными путями. Итогъ этотъ — удовлетвореніе и оправданіе эгоистическихъ запросовъ своего „я", самоосвобожденіе отъ борьбы внутренней при посредствѣ борьбы внѣшней, создающей стремленіе къ господству и власти надъ другимъ существомъ.

„Онъ (Маркъ Вѣрѣ) показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ.—*Учитесь у нихъ, они не умничаютъ!*

— Да,—сказала она:—смотрите и вы: вонъ они кружатся около гнѣздъ.

Онъ отвернулся"...

Взгляды Гончарова,—независимо отъ тѣхъ, что высказались въ романахъ его многочисленными alter ego,—находили отраженіе и непосредственное въ его общихъ разсужденіяхъ и сентенціяхъ. Въ нихъ Гончаровъ нерѣдко выходилъ за предѣлы художника, создающаго извѣстнымъ образомъ ограниченный типъ, личность или характеръ, субъективизмъ его развертывался во всю ширину, и рѣчь принимала оттѣнокъ свободнаго изліянія своихъ излюбленныхъ идей и настроеній. Тогда въ особенности становится замѣтнымъ, что авторъ въ гораздо большей степени ста-

рается выразить свое „я“, чѣмъ оттѣнить ту или другую черту въ своемъ героѣ. Нерѣдко авторъ настолько увлекается этимъ свободнымъ, всегда красивымъ и плавнымъ изліяніемъ, что послѣднее становится въ явное противорѣчіе съ предполагаемымъ міросозерцаніемъ героя, который всегда одностороннѣе и уже Гончарова.

Поразительный примѣръ такого противорѣчія,—не по существу, а съ точки зрѣнія логики художественнаго творчества—представляетъ собой начало третьей части „Обрыва“. Здѣсь Гончаровъ хочетъ увѣрить насъ, что Райскій, этотъ легкомысленный, но талантливый художникъ, какимъ онъ рисуется въ романѣ, менѣе всего думавшій о серьезныхъ общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ, отличался столь же опредѣленнымъ и устойчивымъ міросозерцаніемъ, какъ самъ Гончаровъ. Все, что онъ говоритъ въ данномъ случаѣ, менѣе всего подходитъ къ Райскому, въ смыслѣ типа, и болѣе всего—къ самому автору.

„Райскій считалъ себя,—разсказываетъ Гончаровъ,—не новѣйшимъ, т.-е. не молодымъ, но отнюдь не отсталымъ человѣкомъ“... Имѣя давно уже за тридцать, Райскій, конечно, могъ считать себя таковымъ, но и въ эти годы онъ только и живетъ, что предчувствіями творческихъ восторговъ и жаждою страсти, особенно послѣдней. Сердце то-и-дѣло сжимается у него тревогой ожиданія грозы и страсти, „вздрагиваетъ отъ роскоши грядущихъ ощущеній“, но ни на минуту не увлекаетъ его, если не считать младенческихъ грёзъ, въ міръ общественной борьбы и гражданственной дѣятельности. Напротивъ, къ подножію страсти онъ готовъ бросить не только ту область высшихъ стремленій, ради которой иные отказывались отъ самомалѣйшихъ личныхъ запросовъ, но и то, что для него дороже всего въ жизни—искусство и славу. „Что искусство, что самая слава передъ этими страстными бурями! — не безъ комическаго трагизма вздыхаетъ онъ, обуреваемый страстью къ Вѣрѣ.—Что всѣ эти дымно-горькіе, удушливые газы политическихъ и соціальныхъ бурь, гдѣ бродятъ однѣ идеи, за которыми жадно гонится молодая толпа, укладывая туда силы, безъ огня, безъ трепета нервъ? Эти головныя страсти —игра холодныхъ самолюбій, идеи безъ красоты, безъ палящихъ наслажденій, безъ мукъ... часто, не свои, а вычитанныя, скопированныя!“

Эта вдохновенно-безсвязная рѣчь простительна влюбленному человѣку, который носится по саду и „оретъ“, по буквальному выраженію автора, что онъ хочетъ „обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ея классической (непремѣнно клас-

сической!) грозой". Но и тутъ ясно, что, и не будучи влюбленнымъ, — что̀ бывало съ нимъ въ высшей степени рѣдко, — Райскій отдалъ бы всѣ свои идеи о политической и соціальной жизни за одинъ благосклонный взглядъ не только Вѣры или Марѳиньки, но и той смазливенькой мѣщанки, которую онъ запримѣтилъ какъ-то, возвращаясь къ себѣ верхомъ изъ города.

Что̀ же, однако, разсказываетъ намъ Гончаровъ?

„Онъ (Райскій) открыто заявлялъ, что̀, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его „черепашій" шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукою, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей, болѣе или менѣе блестящихъ или остроумныхъ гипотезъ, на которыя бросается жадная юность"...

А между тѣмъ весь романъ построенъ на томъ, что у Райскаго нѣтъ никакихъ убѣжденій, того, что̀ сказалось въ поэтической формулѣ: „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ", и въ этомъ отношеніи онъ остается болѣе юнымъ и непослѣдовательнымъ, чѣмъ дѣйствительный юноша—Маркъ.

Нейдетъ къ Райскому, какъ къ типу, и то, что̀ какъ нельзя болѣе подходитъ къ самому Гончарову, будто—„онъ (Райскій) ссылался на свои лѣта (и не такія ужъ были у Райскаго лѣта, иное дѣло Гончаровъ—въ періодъ созданія „Обрыва"), говоря, что для него наступила пора выжиданій и осторожности: тамъ, гдѣ не увлекала его фантазія, онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ".

Но, во-первыхъ, когда же не увлекала фантазія Райскаго, который, въ противномъ случаѣ, пересталъ бы быть самимъ собой; а во-вторыхъ: видалъ ли кто когда-либо Райскаго терпѣливымъ?

Гончаровъ продолжаетъ импровизировать, и въ этой импровизаціи явственно слышатся размѣренныя рѣчи Петра Ивановича Адуева и благожелательно-корректнаго Штольца, которые и Пушкина любили, и заводы устроивали. „Онъ (Райскій все) привѣтствовалъ смѣлые шаги искусства, рукоплескалъ новымъ откровеніямъ и открытіямъ, видоизмѣняющимъ, *но не ломающимъ жизнь,* праздновалъ естественное, но не насильственное рожденіе новыхъ ея требованій, какъ праздновалъ весну съ новой зеленью, не провожая безплодной и неблагодарной враждой отходящаго порядка и отживающихъ началъ, вѣря въ ихъ историческую неизбѣжность и неопровержимую, преемственную связь съ „новой весенней зеленью", какъ бы она нова и ярко-зелена ни была".

Райскій, если вѣрить этой характеристикѣ Гончарова, являлся своего рода выжидающимъ постепеновцемъ, шедшимъ наравнѣ съ вѣкомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда прогрессъ совершался безъ ломки, безъ рѣзкихъ переходовъ и сильныхъ контрастовъ. Однако, въ четвертой части романа разсказывается, какъ тотъ же Райскій „шелъ къ бабушкѣ, и у нея въ комнатѣ, на кожаномъ канапе, за рѣшетчатымъ окномъ, находилъ еще какое-то колыханье жизни, тамъ еще была ему какая-нибудь работа—*ломать старый вѣкъ*"...

Какая изъ двухъ характеристикъ вѣрнѣе—рѣшить не трудно. Гончаровъ-художникъ вѣрнѣе моралиста опредѣлилъ натуру Райскаго; зато моралистъ превосходно передалъ существеннѣйшія черты міросозерцанія Гончарова, какъ человѣка. Его именемъ должно быть подписано все, чѣмъ выше онъ надѣлилъ неповиннаго Райскаго, и что̀ приписалъ ему нѣсколько раньше, во второй половинѣ второй части романа.

Райскій, говоритъ здѣсь Гончаровъ, былъ равнодушенъ ко всему на свѣтѣ кромѣ красоты. Онъ служилъ ей какъ рабъ, былъ холоденъ ко всему, гдѣ ея не было,—„и грубъ, даже жестокъ, ко всякому безобразію".

XX.

Въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятые годы Райскій вносилъ положительный анахронизмъ, какъ представитель своего поколѣнія, своимъ исключительнымъ культомъ красоты. Но этотъ культъ былъ такъ понятенъ въ Гончаровѣ, какъ завѣтное наслѣдіе того круга идей, въ которомъ жили художники въ тридцатые и сороковые годы. Философія и поэзія вступали тогда въ трогательный союзъ, направленный къ указанію высочайшихъ идеаловъ человѣчеству, служеніе которымъ обезпечивало блаженство сознанія всемірной гармоніи и первенствующую роль человѣка въ исторіи мірозданія. Гармонія, красота—одна опредѣляла законы развитія міра; стремленіе къ ней приводило къ познанію божества, которое, въ обаятельныхъ сумеркахъ вдохновенія, являло свои откровенія наиболѣе ревностнымъ жрецамъ красоты—художникамъ и поэтамъ. Послѣдніе являлись, такимъ образомъ, призванными вождями человѣчества на пути его развитія и нравственнаго совершенствованія.

Эти сладостныя иллюзіи нашихъ романтиковъ разбились не столько о позитивизмъ, неудержимо захватившій нашу обще-

ственную мысль во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сколько о подводныя скалы русской дѣйствительности, неожиданно выглянувшія на поверхность и рѣзко ударившія въ глаза. Старики, именно тѣ, что не пошли съ вѣкомъ, остались вѣрны кумирамъ лучшихъ лѣтъ своей молодости, но молодежь рѣшительно двинулась по другому пути. И образовалось двѣ правды: старая и новая, о которыхъ говоритъ Гончаровъ. Кѣмъ бы ни былъ Райскій въ смыслѣ типа, онъ не могъ быть на сторонѣ старой правды,— для этого онъ долженъ былъ родиться двадцатью-тридцатью годами раньше.

Райскій—слишкомъ прозрачная ширма, за которую скрывается Гончаровъ. „Не только отъ міра внѣшняго, отъ формы, онъ настоятельно требовалъ красоты, но и на міръ нравственный смотрѣлъ онъ, не какъ онъ есть, въ его наружно-дикой, суровой разладицѣ, и не какъ на початую отъ рожденія міра и неоконченную работу, а какъ на гармоническое цѣлое, какъ на готовый уже парадный строй созданныхъ имъ самимъ идеаловъ, съ доконченными въ умѣ чувствами и стремленіями, огнемъ, жизнью и красками.

„У него не доставало терпѣнія купаться въ этой вознѣ, суетѣ, въ черновой работѣ, терпѣливо и мучительно укладывать силы въ приготовленіе къ тому праздничному моменту, когда человѣчество почувствуетъ, что оно готово, что достигло своего апогея, когда насталъ бы и понесся въ вѣчность, какъ рѣка, одинъ безошибочный, на вѣчныя времена установившійся потокъ жизни.

„Онъ только оскорблялся ежеминутнымъ и повсюднымъ разладомъ дѣйствительности съ красотой своихъ идеаловъ, и страдалъ за себя и за весь міръ.

„Онъ вѣрилъ въ идеальный прогрессъ—въ совершенствованіе, какъ формы, такъ и духа, сильнѣе, нежели матеріалисты вѣрятъ въ утилитарный прогрессъ; но страдалъ за его черепашій шагъ и впадалъ въ глубокую хандру, не вынося даже мелкихъ царапинъ близкаго ему безобразія“.

Таковы были *общіе* взгляды Гончарова, осмысливавшіе для него сложный процессъ „эластичной“ жизни. Ихъ нельзя было подвести ни подъ одно изъ ходячихъ общественныхъ направленій. Они самобытны, своеобразны, далеки отъ новизны, но проникнуты гуманнѣйшими вѣяніями лучшихъ сторонъ современной имъ европейской мысли. Они въ такой же мѣрѣ „эластичны“, какъ сама жизнь въ его опредѣленіи, и названіе ихъ либераль-

ными страдало бы такой же неточностью, какъ и отнесеніе ихъ къ разряду такъ-называемыхъ консервативныхъ.

Достоинство это или недостатокъ?—вопросъ для настоящаго случая праздный. То обстоятельство, что это взгляды Гончарова, а не той или иной партіи, служитъ достаточнымъ отвѣтомъ на подобнаго рода вопросы, до сихъ поръ обращаемые къ Гончарову иными изъ его критиковъ.

При всей „эластичности“ житейской философіи Гончарова и расплывчатости ея общихъ чертъ, является тѣмъ не менѣе возможность выдѣлить нѣкоторые *частные* взгляды, болѣе или менѣе отчетливые и положительные. Какъ бы ни обобщалъ онъ свои наблюденія надъ явленіями жизни и въ какое бы положеніе ни становился онъ самъ по отношенію къ изображаемому, его личность была неотдѣлима отъ предмета изображенія, она входила въ это изображеніе той или другой стороной его духа и клала на нее свой особый, чрезвычайно характерный для Гончарова, неизмѣнно субъективный отпечатокъ. Она прокрадывалась, какъ мы видѣли, въ характеристики и рѣчи его героевъ, проявлялась въ отступленіяхъ, большихъ и малыхъ, въ выраженіяхъ добродушнаго резонерства. Послѣднее обличало въ Гончаровѣ постоянно бившуюся дидактическую жилку, мало замѣтную въ „Обыкновенной исторіи“ и въ „Обломовѣ“, но весьма явственную въ „Обрывѣ“, позднѣйшемъ изъ крупныхъ произведеній писателя. Въ первомъ изъ романовъ оно сказывалось, между прочимъ вскользь, въ обращеніи къ авторитету общепризнанныхъ истинъ, въ сентенціяхъ въ родѣ того, напримѣръ, что—„ужъ давно доказано, что женское сердце не живетъ безъ любви“... „Вѣдь извѣстно, что чужія горести и заботы не сушатъ насъ: это такъ заведено у людей“... Въ „Обрывѣ“ личный разсудочный элементъ Гончарова проявляется особенно въ разграниченіи понятій „старой“ и „новой“ правды.

Будучи врагомъ ломки и какихъ бы то ни было насильственныхъ переворотовъ, Гончаровъ любилъ старую жизнь, устоявшуюся, патріархальную, не только потому, что чувствовалъ въ ней поэзію мира и семейныхъ преданій: въ ней онъ чтилъ ту внутреннюю подготовительную работу вчерашняго дня, безъ которой не могло бы въ такомъ видѣ существовать его „сегодня“, столь гордое успѣхами знанія и прогресса. Съ нѣкоторыми ограниченіями къ нему могутъ быть отнесены слова, сказанныя имъ объ ушедшемъ въ классическую жизнь Козловѣ. Послѣдній видѣлъ въ ней родоначальницу нашихъ знаній, а главное—отчет-

ливыя, устоявшіяся, легко опредѣлимыя формы. Козловъ настолько отдался ей, что отъ него „ушла и спряталась современная жизнь“.

Гончаровъ самъ уходилъ отъ современной жизни и съ любовью погружался въ старую жизнь, но онъ былъ безконечно шире Козлова, и потому съ современной жизнью его связывали интересы прогресса, знанія въ широкомъ смыслѣ слова и искусства. Многому въ современной жизни онъ готовъ былъ радоваться, но многое вызывало въ немъ искреннее раздраженіе и досаду. Изображая непосредственно примыкавшій къ нему кругъ явленій, онъ никогда не придавалъ своимъ изображеніямъ значенія соціальныхъ или политическихъ обобщеній. Общественное значеніе его романовъ сложилось само собой, помимо воли автора. „Злоба дня“ вообще была чужда Гончарову, и если ему приходилось иногда отзываться на нее, какъ это было въ „Обрывѣ“, то виною тому были не столько сами крупныя явленія жизни, выражавшіяся въ тѣхъ или другихъ формахъ, сколько то, что эти формы бывали иногда безобразны и безобразіемъ своимъ оскорбляли эстетическую щепетильность Гончарова.

Нельзя не поражаться, какъ мало удѣляетъ Гончаровъ вниманія крѣпостному праву; переживая настоящую эпоху бури и натиска и пытаясь, по его собственному объясненію, наглядно показать борьбу старыхъ понятій съ новыми, онъ не шутя видитъ въ Райскомъ героя пробужденія, которому, будто бы, суждено произвести постепенную и мирную революцію въ умѣ Марѳинекъ и бабушекъ, и противополагаетъ ему Марка Волохова, который, въ сущности, идетъ къ тому же, но только путемъ насилія, безпочвеннаго фанатизма, слѣпого увлеченія скороспѣлой идеей, и потому не достигаетъ цѣли. Обѣимъ фигурамъ Гончаровъ впослѣдствіи придалъ всеобъемлющій, почти символическій смыслъ, а между тѣмъ въ романѣ отсутствуетъ фактическая сторона ихъ отношеній, то, что явилось бы самымъ существеннымъ показателемъ ихъ обоюднаго отношенія къ наиболѣе живымъ и горячимъ вопросамъ своего времени.

Изъ такихъ вопросовъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, крѣпостное право. Но Гончаровъ изображаетъ современныя ему событія изъ такого прекраснаго далека, что этотъ исключительный и коренной факторъ многовѣкового уклада русской жизни, приковывавшій къ себѣ умы и таланты всѣхъ, кому приходилось съ той или иной стороны касаться общественныхъ явленій этой эпохи, терялъ подъ перомъ Гончарова все свое великое значеніе и низводился на степень одного изъ элементарнѣйшихъ началъ русской жизни, которыя у него какъ будто сами собой

подразумѣваются, и потому о нихъ въ общественномъ романѣ и говорить не стоитъ. Фактически, такое отношеніе легко объясняется тѣмъ, что Гончаровъ, въ сущности, всегда далеко стоялъ отъ подлинной народной жизни и создавалъ свои романы по воспоминаніямъ дѣтства, прошедшаго въ смягченной обстановкѣ городскихъ вліяній и купеческаго довольства.

При всемъ этомъ неясное и даже нѣсколько странное отношеніе Гончарова къ такому вопросу, какъ крѣпостное право, доходитъ до того, что читатель можетъ быть поставленъ въ серьезное недоумѣніе: какая эпоха изображается, напримѣръ, въ „Обрывѣ“: до или послѣ реформы? Съ одной стороны, Маркъ Волоховъ, съ своей проповѣдью новой свободы, съ своимъ отрицаніемъ „небесныхъ и земныхъ авторитетовъ“, есть несомнѣнное порожденіе шестидесятыхъ годовъ. Съ другой стороны, Бережкова управляется въ имѣніи Райскаго, какъ полновластная крѣпостная помѣщица, имѣющая власть сослать въ наказаніе блудливую Марину въ дальнюю деревню, и Гончаровъ опредѣляетъ положеніе послѣдней въ помѣщичьей усадьбѣ какъ „обезпеченное состояніе *крѣпостной* дворовой дѣвки“; наконецъ, и Райскій, отзывающійся, между прочимъ, о Вѣрѣ, что она „рабовъ любитъ“, обращается къ бабушкѣ съ просьбой *отпустить мужичковъ на волю.* Все это указываетъ слишкомъ ясно, что крѣпостное право остается въ полной силѣ, а между тѣмъ Маркъ только и дѣлаетъ, что говоритъ Вѣрѣ о томъ, что прежняя жизнь отжила,—„теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу“. О духѣ свободы проповѣдуетъ и Райскій, и видитъ признаки этого духа въ сознаніи своихъ правъ у Вѣры,—такъ какъ вопросъ объ этихъ правахъ поставили шестидесятые годы. „Видишь, ты молода,—говоритъ онъ ей, — отсюда никуда носа не показывала, а тебя уже обвѣялъ духъ свободы, у тебя ужъ явилось сознаніе своихъ правъ, здравыя идеи. Если заря свободы восходитъ для всѣхъ, ужели одна женщина останется рабой“? Тотъ же Райскій, увлекшись въ разговорѣ съ Бѣловодовой изображеніемъ печальнаго положенія крестьянъ, спохватывается и спѣшитъ оговориться, что онъ не проповѣдуетъ *коммунизма,*—оговорка, весьма идущая къ Гончарову.

Какъ бы то ни было,—Маркъ вноситъ съ собою новое ученіе. Гончаровъ дальше „дерзкаго“ отрицанія авторитетовъ и проповѣдей новой свободы, не выходящей изъ предѣловъ призыва къ свободной любви, не идетъ въ своемъ объясненіи. Онъ связываетъ новое ученіе съ именами Фейербаха, Прудона, но этимъ

упоминаніемъ обыкновенно дѣло кончается; въ чемъ состояла новая правда—такъ и остается невыясненнымъ. Читатель догадывается, что дѣло здѣсь не въ доброй волѣ Гончарова, а прежде всего въ томъ, что общественно-политическая сторона ученій этихъ писателей оставалась чужда ему, и даже болѣе того—можно съ увѣренностью сказать, что самъ онъ едва-ли близко вникалъ въ сущность ихъ содержанія. Отсюда понятно, что и общественно-политическая сторона въ ученіи Марка не могла быть достаточно ясной самому Гончарову, и потому, схватывая по необходимости лишь внѣшнія крайнія и уродливыя проявленія, онъ лишалъ этого представителя новой правды, этого „вспрыскивателя мозговъ", наиболѣе положительной, типической черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ—исторической основы.

Направленіе, которое Гончаровъ пытался охарактеризовать Маркомъ Волоховымъ или типомъ Марка Волохова, не поражало Гончарова своей новизной; напротивъ, въ стремленіи къ ней онъ готовъ былъ увидѣть неумѣнье справиться со старой правдой. Новизна сводилась въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Гончарова, къ слѣпому презрѣнію ко всему прошлому, презрѣнію, которое не различало стараго зла отъ стараго добра. Новые люди, подобные Марку, не заслуживали довѣрія уже потому, что они являлись на арену общественной дѣятельности, такъ сказать, самозванно—„безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ".—„Это наша *партія дѣйствія*",—саркастически отзывается Райскій о Маркѣ (конечно, отзывъ этотъ не могъ быть сдѣланъ въ дореформенную эпоху) и тутъ же опредѣляетъ сферу ея дѣятельности: „Да, изъ кармана показываетъ кулакъ полицеймейстеру, проповѣдуетъ городничимъ да дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ". А въ разговорѣ съ Вѣрой Маркъ называетъ себя „новой грядущей силой", и говоритъ, что сила эта вербуется изъ рядовъ той молодежи, которая тянется къ свѣту, потому что ее держатъ въ потемкахъ, и къ свободѣ мысли, потому что умы ихъ питаютъ мертвечиной: они, представители учащейся молодежи,—наши настоящіе миссіонеры,—добавляетъ Маркъ.—Они пока сослѣпа лѣзутъ на огонь, да усердно...

„— На какой огонь?"—спрашиваетъ Вѣра.

„— На свѣтъ къ новой наукѣ, къ новой жизни"...

Это все рѣчи, которыя едва-ли могли быть ранѣе 19 фев-

раля. Наслушавшись ихъ, Вѣра осмѣливается и сама задать вопросъ Райскому о свободѣ личности и чувства.

„— Какая ты *красная*, Вѣра: вездѣ свобода!—восклицаетъ Райскій.—Кто это нажужжалъ тебѣ про эту свободу? Это, видно, какой-то дилеттантъ свободы"?..

Эпитетъ, приданный Вѣрѣ,—такой же анахронизмъ по отношенію къ крѣпостной эпохѣ, какъ и цѣлый рядъ приведенныхъ выше. Не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что Маркъ Волоховъ введенъ въ романъ уже послѣ того, какъ въ головѣ художника сложился планъ романа съ личностью Райскаго въ центрѣ и сюжетомъ, развивающимся все въ той же знакомой Гончарову дореформенной обстановкѣ. Это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что оно находитъ себѣ подтвержденіе въ авторской исповѣди. „Въ „Обрывѣ" больше и *прежде всего* меня занимали три лица,—говоритъ Гончаровъ:—Райскій, бабушка и Вѣра, но особенно Райскій"... Первоначально романъ носилъ даже названіе „Художникъ"; ясно, что осложненіе сюжета и введеніе тенденціознаго образа Марка явилось значительно позже. Въ той же авторской исповѣди Гончаровъ говоритъ мелькомъ, что въ первоначальномъ планѣ, 1848—1850 гг., на мѣстѣ этого „рѣзкаго" типа, тогда еще не существовавшаго, былъ предположенъ просто сосланный подъ надзоръ полиціи „либералъ", нагрубившій начальству или „провравшійся дерзко" про власть. „Но,—замѣчаетъ онъ далѣе,—какъ романъ развивался вмѣстѣ съ временемъ и новыми явленіями, то и лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени событій. Отъ этого и предположенный зародышъ неблагонадежнаго превратился къ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо". Другими словами, образъ Волохова воспринялъ свои наиболѣе характерныя черты изъ непосредственной дѣйствительности въ первые же годы освободительной эпохи.

XXI.

Въ созданіи Марка субъективность Гончарова сама собой пробилась наружу, и его личность выразилась при этомъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ меньше удалось ему придать личнымъ чертамъ Марка типическое значеніе. Иногда авторъ вступаетъ съ нимъ

въ непосредственную полемику, даже не особенно скрываясь за ширмы того или другого героя. Это особенно замѣтно въ разсужденіяхъ автора, въ которыхъ онъ иногда поясняетъ читателямъ, что дѣлается за сценой, гдѣ лицедѣи снимаютъ съ себя костюмы и гримъ и становятся совсѣмъ обыкновенными, совсѣмъ простыми людьми; иногда же подчеркиваетъ значеніе художественно разсказаннаго факта, словно боится, что читатель пойметъ не такъ, какъ слѣдуетъ. „Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ—и внесъ новый взглядъ во все то, что она (Вѣра) читала, слышала, что знала... Онъ, съ преждевременнымъ тріумфомъ, явился къ ней, предвидя побѣду,—и ошибся". Дѣлая подобный выводъ отъ своего имени, художникъ превратился въ обыкновеннаго повѣствователя, который не столько заботится о яркости изображенія, сколько принимаетъ личное участіе въ передаваемомъ событіи, и въ данномъ случаѣ лично радуется ошибкѣ Марка.

„Онъ (Маркъ),—повѣствуетъ Гончаровъ отъ имени Вѣры,—во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ... Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за ея конечную цѣль... Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, давшую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее... Закрывалъ доступъ въ вѣчность и къ безсмертію всѣмъ религіознымъ и философскимъ упованіямъ...

„Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдовалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ"...

Таковъ, въ сокращенномъ видѣ, обвинительный актъ противъ Марка. Онъ, по мнѣнію Гончарова, грубый матеріалистъ, не вѣритъ не только въ Бога, но даже въ такія „очевидности", какъ губернаторъ и полиція, не уважаетъ старшихъ, безпокоитъ мирныхъ людей,—и онъ же осмѣливается распространять среди чуткой и впечатлительной молодежи свои проповѣди о *какой-то* новой правдѣ!

Самый протестъ указываетъ на присутствіе въ міросозерцаніи Гончарова чертъ противоположнаго свойства. Его „старая" правда покоилась на глубокой религіозности, не той, которая зоветъ человѣка на подвигъ самоотреченія и самопожертвованія и является удѣломъ немногихъ натуръ, съ высокимъ строемъ души и сильной волей, но иной, доступной самымъ обыкновеннымъ людямъ, которые почерпаютъ въ вѣрѣ спокойствіе совѣсти и душевный миръ, и живутъ больше чувствомъ, чѣмъ умомъ. Эта религіозность не является результатомъ страстнаго само-

углубленія, борьбы съ сомнѣніями и искусами,—она никогда не проходитъ черезъ сферу самаго крайняго отрицанія, съ тѣмъ, чтобы возродиться затѣмъ еще болѣе возвышенной и просвѣтленной. Религіозность, присущая Гончарову, была, какъ мы видѣли, привита и воспитана въ немъ въ патріархальной обстановкѣ дѣтства нѣжными заботами матери, примѣрами старшихъ, поддерживалась нелюбовью къ какимъ бы то ни было „умствованіямъ", выходившимъ за предѣлы художественныхъ концепцій и только нарушавшимъ душевный покой, и, что особенно должно было быть дорого Гончарову, она сливалась въ немъ съ поэзіей семейныхъ традицій, съ воспоминаніями о самыхъ трогательныхъ моментахъ дѣтской жизни, въ родѣ тѣхъ, которыми согрѣты лучшія страницы „Сна Обломова".

Въ роковыя минуты своей жизни, спасаясь, какъ отъ наважденія, отъ новой правды Марка, Вѣра „во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры"... Однажды, въ сумерки, Райскій застаетъ ее у часовни и поражается спокойнымъ и свѣтлымъ выраженіемъ ея лица.

„— Гдѣ ты почерпнула этотъ миръ?—спрашиваетъ онъ.— Тамъ?

„Онъ указалъ на часовню.

„— Гдѣ же больше?"

Но Вѣра еще доступна колебаніямъ и сомнѣніямъ; Мароинька и бабушка ихъ не знаютъ. Ихъ вѣра—непосредственное, чуждое и тѣни раціонализма, чувство любви къ Богу, какъ промыслителю, помощнику и защитнику рода людского. На этой вѣрѣ прежде всего держится весь строй убѣжденій и понятій, изъ которыхъ слагается ихъ „старая" правда.

Вѣра искупила страданіемъ свои временныя увлеченія рѣчами Марка и осталась вѣрна „старой" правдѣ; ей помогли въ этомъ инстинктъ правдивой женской души и здоровая натура. „Его (Марка) новыя правда и жизнь не тянули къ себѣ ея здоровую и сильную натуру, а послужили только къ тому, что она разобрала ихъ по клочкамъ и осталась вѣрнѣе своей истинѣ". Вѣками установившійся строй вѣрованій, убѣжденій и взглядовъ выдержалъ борьбу съ болѣзненной накипью насильственно вводимыхъ въ жизнь новыхъ теорій и идей, „старая" правда восторжествовала,—такова мораль и основная тенденція второй половины романа.

XXII.

Старая правда обусловливала, казалось Гончарову, ясный и цѣльный взглядъ на жизнь, высшимъ счастьемъ которой являлось свободное проявленіе индивидуальныхъ особенностей личности, ея законныхъ требованій и желаній, но при одномъ условіи — „не стѣсняя воли другого“, не забираясь насильно въ чужую душу, не оскорбляя того, что̀ другому дорого и свято. Уваженіе къ личности являлось основнымъ требованіемъ въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ. Моментъ, когда Бережкова проявила твердость духа и самостоятельность въ знаменитой сценѣ съ чиновнымъ наглецомъ Ниломъ Андреевичемъ, приводитъ Райскаго въ восторгъ; ему кажется, что Татьяна Марковна стояла въ этотъ моментъ „на вершинѣ развитія умственнаго, нравственнаго и соціальнаго“.

Въ отношеніи свободы чувства Гончаровъ не былъ узкимъ моралистомъ. Его герой „пробужденія“, Райскій, проповѣдуетъ Вѣрѣ о томъ, что пора перестать бояться чувства: „люби открыто, всенародно, не прячься, не бойся ни бабушки, никого“,— потому что наступила новая жизнь, „старый міръ разлагается, зазеленѣли новые всходы“. Но свобода чувства нисколько не потеряетъ, а, наоборотъ, выиграетъ въ своей красотѣ, если обезпечитъ за собой не только право на наслажденіе, но сознаніе взаимнаго нравственнаго долга, налагаемаго любовью. Въ этомъ отношеніи „новая“ правда расходилась, думалось Гончарову, со старой.

„— Любовь—счастье, данное человѣку природой...—говоритъ Маркъ. — Это—мое мнѣніе...

„— Счастье это ведетъ за собой долгъ, — сказала она (Вѣра). — Это—мое мнѣніе“...

На смѣну Марку, на помощь Вѣрѣ приходитъ Тушинъ и возстановляетъ въ ея душѣ окончательное торжество „старой“ правды. На Тушинѣ сосредоточиваются всѣ гражданскія упованія и симпатіи Гончарова. Тушинъ, въ противовѣсъ Марку, является нашей истинной „партіей дѣйствія“, въ нихъ—„наше прочное будущее, которое выступитъ въ данный моментъ, особенно, когда *все это*—оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій,—когда *все это будетъ свободно*, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнутъ, уступивъ мѣсто настоящему „дѣлу“, множеству „дѣла“ у всѣхъ,—когда съ „ми-

ражами исчезнутъ и добровольные мученики", тогда явятся, на смѣну имъ, работники, Тушины, на всей лѣстницѣ общества".

Великодушный и сильный Тушинъ—въ то же время богатый помѣщикъ и дѣлецъ-практикъ. Въ этомъ смыслѣ онъ—параллель Петру Адуеву и Штольцу, даже болѣе: онъ—дальнѣйшая ступень въ развитіи этого типа—уже не чиновникъ и не нѣмецъ. Пусть только падетъ крѣпостное право, думаетъ Райскій, за спиной котораго стоитъ Гончаровъ, тогда во всѣхъ слояхъ общества явятся свои Тушины, которые возьмутся за живое, не-рутинное дѣло устроенія русской народной и общественной жизни.

У Гончарова нѣтъ, такимъ образомъ, скептицизма или равнодушія по отношенію къ вопросамъ личной и общественной свободы, понимая послѣднюю въ самомъ широкомъ смыслѣ. Наоборотъ, отношеніе его къ этимъ вопросамъ было таково, что можно смѣло утверждать о его искреннемъ и внутренно дѣятельномъ сочувствіи идеямъ и принципамъ, которые можно назвать передовыми для той эпохи. Но для него, „думавшаго образами", воплощеніе этихъ идей въ жизни, въ формахъ, казавшихся ему уродливыми, было равносильно оскорбленію артиста, который видитъ профанацію искусства въ толпѣ, и въ своемъ гнѣвномъ негодованіи онъ провелъ слишкомъ рѣзкую грань между собой и той „партіей дѣйствія", къ какой причислялъ себя Маркъ.

По многимъ принципіальнымъ вопросамъ между Гончаровымъ и Маркомъ не было существеннаго различія, и „старая" правда его во всякомъ случаѣ была не очень старая, гораздо моложе правды Фамусовскаго кружка или героевъ Гоголя. Оставляя въ сторонѣ коренное различіе въ способахъ „дѣйствія" и принадлежность къ различнымъ поколѣніямъ, какъ причины естественныя и историческія, станетъ совершенно понятнымъ то утвержденіе, что Гончаровъ, съ его вѣрой въ прогрессъ и науку, съ его признаніемъ началъ свободной жизни, съ его отношеніемъ къ факту освобожденія крестьянъ, отчетливо выраженнымъ въ его авторской исповѣди, былъ весьма близокъ, въ своемъ міросозерцаніи, къ умѣренной, но несомнѣнно либеральной части нашего общества.

XXIII.

Маркъ—не изъ этого общества, но съ Маркомъ-то и произошло недоразумѣніе у Гончарова.

Маркъ поразилъ художника внѣшней грубостью и своего рода циническимъ фатовствомъ въ проявленіи своей новой идей-

ности, если можно такъ выразиться. Онъ воровалъ яблоки, зачитывалъ книги, бралъ безъ отдачи деньги, не вѣровалъ въ губернатора и полицію, — за этими признаками, изъ которыхъ только послѣдній развѣ можно было бы отнести на долю „типа“, Гончаровъ не усмотрѣлъ родовыхъ чертъ, изъ которыхъ дѣйствительно складывался чрезвычайно характерный образъ шестидесятника, народника и нигилиста. Значительно позже, въ авторской исповѣди, Гончарову пришлось дать неловкое объясненіе по поводу Марка. По этому объясненію, писатель въ лицѣ Марка менѣе всего хотѣлъ охарактеризовать молодое поколѣніе, „которое бросилось на встрѣчу реформѣ—и туда уложило всѣ силы“. Земскіе дѣятели, работники въ сферѣ крестьянскихъ реформъ, жадно учащаяся молодежь, публицисты—„неужели это все Волоховы!“—восклицаетъ Гончаровъ.

„Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ самъ,—это не Волоховы, а представители новой „правды“, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество“.

Но въ жизни,—замѣчаетъ Гончаровъ,—рядомъ съ правдой уживается ложь: представителемъ этой новой лжи и явился Волоховъ. Таково объясненіе писателя.

Искусственность его сказывается сама собою. Насколько далеко стоялъ Гончаровъ отъ новѣйшихъ вѣяній жизни и насколько недостаточно зналъ истинную сущность новой, если не правды, то программы современнаго ему молодого поколѣнія, видно изъ его неудавшейся попытки представить это поколѣніе образомъ Тушина, если повѣрить его объясненію, что такая цѣль у него была во время писанія романа, съ чѣмъ можно согласиться съ большимъ трудомъ: у Тушина нѣтъ ни одной характерной черты типа, о которомъ мы говоримъ. Борьба Райскаго, положительнаго, по мысли Гончарова, героя „пробужденія“, съ Маркомъ ведется исключительно изъ-за Вѣры; не будь этого мотива, Райскій и Маркъ не нашли бы между собой принципіальныхъ поводовъ для разлада и навѣрное были бы друзьями, что весьма противорѣчило бы признанію за Маркомъ типичности только по отношенію къ нѣкоторой, меньшей и ложно-направленной части молодежи начала шестидесятыхъ годовъ.

Гораздо проще объяснить себѣ дѣло такъ, что въ образѣ Марка Гончаровъ попытался дать отвѣтъ на упреки критики въ отсутствіи чуткости и общественномъ индифферентизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свое мнѣніе о тѣхъ изъ новѣйшихъ теченій въ молодежи, которыя приводили къ такимъ, по его мнѣнію,

печальнымъ и уродливымъ явленіямъ, какъ самозванный проповѣдникъ вредныхъ идей, Маркъ Волоховъ. Какъ ни замыкался Гончаровъ въ тѣсный кругъ кабинетной работы, жизнь его „трогала“, а извѣстность, какъ писателя, была слишкомъ велика, чтобы созданіе „Обрыва“ могло совершиться такъ же незамѣтно, какъ созданіе „Обыкновенной исторіи“, даже „Обломова“. Весьма возможно, что Гончарова раздражалъ и успѣхъ романовъ Тургенева, къ славѣ котораго онъ былъ, какъ извѣстно, весьма чувствителенъ, и онъ зналъ, что успѣхъ этотъ основывался въ значительной степени на чуткости соперника къ нарождающимся явленіямъ русской жизни. И не имѣя въ душѣ задатковъ художническаго влеченія къ постепенному, медленному и любовному созданію этого типа, Гончаровъ присочинилъ его умомъ и воспользовался имъ какъ мишенью для выраженія своего раздраженія и досады. Вмѣсто послѣдовательной, детальной обрисовки типа, онъ принялъ на себя роль моралиста, въ одно и то же время обвинителя и судьи, и тонъ его рѣчи, неторопливой и плавной, сплошь образной, сдѣлался разсудочнѣе и суше. Послѣдняя страница—сплошное pro domo sua самого Гончарова, хотя, по привычкѣ, оно и высказывается отъ имени Райскаго. Къ послѣднему менѣе всего идетъ роль обличителя, навязываемая здѣсь ему Гончаровымъ, но зато становится совершенно понятнымъ негодованіе самого писателя, которому критики, въ родѣ Писарева или Шелгунова, не давали покоя, требуя отъ него опредѣленныхъ общественныхъ тенденцій и ясно выраженныхъ нравственныхъ принциповъ. „У большинства,—отвѣчалъ имъ Райскій за Гончарова, — есть decorum принциповъ, а сами принципы шатки и рѣдки и украшаютъ, какъ ордена, только привилегированныя отдѣльныя личности. У него есть правила. Отзываются такимъ голосомъ о комъ-нибудь, какъ будто говорятъ: у него есть шишка на лбу“.

„И, пожалуй, засмѣялись бы надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы серьезно настаивать на необходимости развитія и разлитія правилъ въ общественной массѣ и обращеніе ихъ въ принципы— такъ же настоятельно и неотложно, какъ, напримѣръ, на необходимости неотложнаго построенія желѣзныхъ дорогъ. *И тутъ же не простили бы ему малѣйшаго упущенія въ умственномъ развитіи:* еслибъ онъ осмѣлился не прочесть послѣдняго французскаго или англійскаго, надѣлавшаго шуму увража, не зналъ бы какой-нибудь новѣйшей политико-экономической аксіомы, послѣдняго фазиса въ политикѣ или важнаго открытія въ физикѣ“. Райскому обращать подобныя рѣчи, хотя бы мысленно, было

не къ кому и не для чего, но логика ихъ отъ лица Гончарова, котораго все обвиняли, что онъ отсталъ отъ вѣка и не слѣдитъ за новыми теченіями общественной и умственной жизни, совершенно понятна. По-своему, онъ сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію и заодно далъ отповѣдь назойливымъ критикамъ изъ журналовъ и публики, выводившимъ его изъ обычнаго кабинетнаго самонаблюденія и зарисовыванія на арену широкой общественной дѣятельности, требующей отзывчивости и подвижного нервнаго темперамента.

Недоразумѣніе съ Маркомъ Волоховымъ имѣло и еще одно объясненіе: недостаточность научной подготовки Гончарова для того, чтобы уяснить сложную и противорѣчивую картину борьбы умственныхъ и соціально-политическихъ теченій, совершавшейся въ его время. Въ упомянутомъ выше письмѣ Еленевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Гончаровѣ, читавшемъ, въ качествѣ цензора, его рукопись: „Г. Гончаровъ, съ похвальнымъ усердіемъ ревнуя къ буквѣ закона, неумолимо крестилъ все, какъ то, что̀, дѣйствительно, можетъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе, такъ еще болѣе то, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, пропуская только то, гдѣ именно были самые опасные пункты: слона-то онъ и не замѣтилъ. *Повидимому, онъ весьма мало владѣетъ нашею исторической литературой, не говоря уже о текущей политикѣ*".

Отзывъ этотъ вполнѣ подтверждается данными его сочиненій.

Для насъ же весьма важенъ тотъ фактъ, что, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, былъ созданъ типъ Марка Волохова и относящаяся къ нему часть сюжета,—на нихъ съ наибольшей яркостью отразилась субъективность писательской натуры Гончарова и существеннѣйшія черты его нѣсколько расплывчатаго, но опредѣленнаго по колориту міросозерцанія. Эта опредѣленность колорита была въ ближайшей зависимости отъ глубины и качества его блестящаго художественнаго дарованія.

XXIV.

Если условно предположить, что въ Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ выразилась дѣловая, служебная сторона личности Гончарова, въ Обломовѣ—домашній обиходъ, отвѣчавшій его склонности къ мечтательному покою и ревнивому обереганію личной жизни отъ толчковъ и вторженій извнѣ,—то въ образѣ Райскаго нашелъ себѣ выраженіе наиболѣе важный и возвышенный элементъ—воплощеніе художнической натуры писателя. Отъ этого воплощенія

нельзя, конечно, требовать всесторонней полноты и фактической точности; многое въ немъ является плодомъ творческаго измышленія художника, но, съ другой стороны, въ немъ нѣтъ ни одной психологической детали, которая была бы введена съ преднамѣреннымъ умысломъ нарушить автобіографическую близость, ни одной основной черты, которой нельзя было бы разыскать, съ тѣми или иными измѣненіями, въ аналогичныхъ типахъ другихъ романовъ или въ собственныхъ воспоминаніяхъ Гончарова. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на сравнительной характеристикѣ Гончарова и Райскаго, какъ и на томъ общественномъ значеніи, какое придавалъ ему Гончаровъ въ качествѣ героя „пробужденія". Непосредственный интересъ заключается для насъ въ тѣхъ общихъ, преимущественно внѣшнихъ пріемахъ, изъ которыхъ сказывается представленіе о Райскомъ, какъ о художникѣ, и въ которыхъ, можно думать, отразилась личность самого Гончарова.

Райскій—несомнѣнный художникъ въ душѣ и поэтъ по натурѣ. У него природный эстетическій вкусъ и чуткая отзывчивость на все прекрасное, гдѣ бы оно ни встрѣчалось—въ жизни, въ природѣ, въ искусствѣ. Онъ надѣленъ чрезвычайно тонкой и нервной организаціей, въ высшей степени чувствительной ко всякому внѣшнему воспріятію и податливой на впечатлѣнія,—оттого въ немъ такъ неожиданны переходы отъ одной противоположности къ другой, совершающіеся, впрочемъ, легко, безъ болѣзненныхъ разочарованій и недовольства собою.

Фантазія играетъ выдающуюся роль въ творческомъ процессѣ; по высотѣ ея полета иногда можно судить о степени таланта художника. Райскій надѣленъ пылкой фантазіей, но эта фантазія особаго рода. Она не поднимается высоко отъ земли, не создаетъ сверхъестественныхъ образовъ, поражающихъ мысль и чувство своею грандіозностью или причудливостью сочетаній; она носится надъ жизнью невысоко, рѣдко залетаетъ дальше тѣхъ странъ, куда доноситъ ее читаемая книга, и, отражая ее, раздвигаетъ это изображеніе вширь, растягиваетъ и обобщаетъ конкретныя явленія. Отъ этого въ творческомъ сознаніи Райскаго жизнь не столько является дѣйствительностью, въ ея реальной сущности, сколько творческой матеріей, „эластичной", ежеминутно принимающей тѣ или другія формы. Нѣтъ точной границы между жизнью и творчествомъ: жизнь незамѣтно переходитъ въ него, по представленію Райскаго,—но и внѣ творчества точно также нѣтъ жизни. Онъ все „чего-то ждалъ впереди—не зналъ чего, но вздрагивалъ страстно, какъ будто предчувствуя какія-то исполинскія, роскошныя наслажденія, видя тотъ міръ,

гдѣ все слышатся звуки, гдѣ все носятся картины, гдѣ плещетъ, играетъ, бьется другая, заманчивая жизнь, какъ въ тѣхъ книгахъ, а не та, которая окружаетъ его". На вопросъ Татьяны Марковны, что онъ пишетъ по ночамъ, Райскій искренно отвѣчаетъ, что онъ и самъ не знаетъ: хочетъ писать жизнь—выходитъ романъ, начнетъ писать романъ—выходитъ жизнь... Невольно при этомъ вспоминается и Обломовъ, грустившій о томъ, что сказка не есть жизнь, а жизнь—не сказка...

Свое отношеніе къ жизни Райскій переноситъ и въ область искусства; онъ такъ же смѣется и плачетъ по поводу имъ же вызванныхъ образовъ, такъ же страдаетъ и радуется, живетъ ихъ радостями и скорбями, какъ и въ томъ случаѣ, если бы эти образы стали живыми людьми, и онъ былъ бы связанъ съ ними узами живого непосредственнаго участія въ ихъ положеніи и дѣлахъ.

Въ „Обрывѣ" есть, между прочимъ, такая сцена: зубоскалъ Егорка заглядываетъ, сквозь дверную щель, въ комнату Райскаго въ то время, какъ Райскій, увлеченный страстнымъ желаніемъ воплотить жизнь въ творческія формы, набрасываетъ страницы для будущаго романа и весь отдается ощущеніямъ своихъ героевъ. Егорка видитъ нѣчто странное и дѣлится шопотомъ своими впечатлѣніями съ дворовыми.

Всѣ смотрѣли по очереди въ щель.

„Глядите, глядите, какъ заливается, плачетъ никакъ!—говорилъ Егорка, толкая то одну, то другую къ щели.

„— Взаправду плачетъ, сердечный!—сказала жалостно Матрена.

„— Да не хохочетъ ли? — И такъ хохочетъ! Смотрите, смотрите!

„Всѣ трое присѣли и всѣ захихикали"...

Искусство и жизнь является у Райскаго рядомъ не случайно. Автобіографическій элементъ—необходимое условіе его творчества. По понятіямъ Райскаго, написать романъ значитъ слить свою жизнь съ тѣмъ, что, по выраженію Гончарова, къ ней приростало: „смѣшать свою жизнь съ чужой, занести эту массу наблюденій, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ"... Свои художническія требованія Райскій переноситъ въ жизнь и на послѣднюю смотритъ почти исключительно съ эстетической точки зрѣнія, радуясь тѣмъ явленіямъ, на которыхъ лежала печать красоты, и оскорбляясь разладомъ дѣйствительности съ идеаломъ. Въ творческомъ процессѣ Райскій блаженствуетъ и мучится въ одно и то же время—„радостями и

муками и человѣка, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой, и когда оба сливаются". Подмѣчая въ отношеніяхъ къ нему Вѣры насмѣшливыя нотки, онъ огорчается до глубины души не только какъ влюбленный, чувствующій въ тонѣ ея рѣчей насмѣшку надъ его любовью, но и какъ художникъ, обманутый въ своихъ стремленіяхъ къ идеаламъ, въ попыткахъ воплотить въ стройномъ созданіи высочайшіе порывы своихъ думъ.

Самый процессъ работы былъ въ высшей степени увлекателенъ для Райскаго, „какъ процессъ *неумышленнаго* творчества, гдѣ передъ его глазами пестрымъ узоромъ неслись его собственные мысли, ощущенія, образы"... Жизнь неизмѣнно вторгалась въ его работу и напоминала о себѣ конкретными образами. „Листки эти, однако, мѣшали ему забыть Вѣру, чего онъ искренно хотѣлъ, и питали *страсть, т.-е. воображеніе*"...

Послѣднее поясненіе особенно важно. Страсть здѣсь является въ томъ высшемъ значеніи, которое уже было отмѣчено нами. Поднимаясь надъ жизнью, порождая мечты и порывы къ идеалу, она переходитъ въ кипѣніе творческихъ силъ и знаменуетъ собою то особое возвышенно-тревожное и просвѣтленное состояніе духа, при которомъ жизнь представляется лучшею, чѣмъ она есть въ дѣйствительности и куда отрадно уйти отъ суеты и заботъ реальнаго переживанія повседневныхъ будней. Такое состояніе духа въ прежнее время любили обозначать классическимъ именемъ „паѳосъ"; относительно Райскаго это слово не теряло своего прежняго значенія.

Въ трезвыя минуты, когда Райскій спускался съ облаковъ и умѣлъ находить для своей рѣчи выраженія ясныя и точныя, онъ объяснялъ тайну творчества значительно проще. „Все зависитъ отъ красокъ и немногихъ соображеній ума, яркости воображенія и своеобразія во взглядѣ. Немного юмора, да чувства, и искренности, да воздержанности, да... поэзіи... да еще одно,—спохватывается Райскій—это—талантъ"... Въ поэзіи, въ талантѣ былъ весь секретъ творческой натуры Райскаго; въ Александрѣ Адуевѣ все было, кромѣ таланта, а оттого всѣ его творческія усилія не приводятъ ни къ чему. „Въ тебя вложили побужденія, а самое творчество, видно, и забыли вложить", говоритъ ему Петръ Ивановичъ. Если „самое творчество", талантъ, поэзія являются могучей самодовлѣющей и таинственной силой, не поддающейся внѣшнему учету, то въ ряду соображеній ума на первомъ планѣ стоитъ непосредственное наблюденіе, способность инстинктивно угадывать наиболѣе характерную черту наблюдаемаго явленія. Въ

стремленіи уловить сложныя и разнообразныя впечатлѣнія жизни, отражающіяся въ душѣ художника, Райскій отъ разговоровъ съ окружающими его людьми бросается къ своимъ тетрадямъ и лихорадочно исписываетъ ихъ эскизами, замѣтками, сценами и рѣчами. Собирая матеріалы для будущаго романа, Райскій не упускалъ изъ виду ни одной детали, ни одного ощущенія, въ которомъ отдавалъ себѣ отчетъ какъ художникъ. „Сцены, характеры, портреты родныхъ, знакомыхъ и друзей, женщинъ передѣлывались у него въ типы, и онъ исписалъ цѣлую тетрадь, носилъ съ собой записную книжку, и часто въ толпѣ, на вечерѣ, за обѣдомъ вынималъ клочокъ бумаги, карандашъ, чертилъ нѣсколько словъ, пряталъ, вынималъ опять и записывалъ, задумываясь, забываясь, останавливаясь на полусловѣ"... Бросаясь отъ ощущенія къ ощущенію, Райскій, по словамъ Гончарова, ловилъ явленія, берёгъ и задерживалъ впечатлѣнія почти силою и все чего-то искалъ, къ чему-то стремился, комбинируя и соображая. Въ папкахъ Райскаго были самые разнообразные матеріалы, лирическія изліянія, налету схваченныя выраженія, юношескіе опыты, даже чужія письма. „Райскій пришелъ къ себѣ и началъ съ того, что списалъ письмо Вѣры слово въ слово въ свою программу, какъ матеріалъ для характеристики"... „Въ краткомъ очеркѣ изобразилъ и Тычкова Райскій въ программѣ своего романа, и *самъ не зналъ—зачѣмъ*"...

Все это было лишь подготовительной работой для творчества, которое должно наступить, казалось Райскому, впослѣдствіи. Отдаленіе отъ пережитыхъ впечатлѣній и ощущеній представлялось ему необходимымъ условіемъ художественности изображенія. „Потомъ, говорилъ онъ,—вдалекѣ, когда отодвинусь отъ этихъ лицъ, отъ своей страсти, отъ всѣхъ этихъ драмъ и комедій,—картина ихъ виднѣе будетъ издалека. Даль одѣнетъ ихъ въ лучи поэзіи; я буду видѣть одно чистое созданіе творчества, одну свою статую, безъ примѣси реальныхъ мелочей"...

Такимъ является Райскій, какъ художникъ-дилеттантъ, и подобныхъ ему, по воспоминаніямъ Гончарова, было не мало въ современномъ ему обществѣ. Онъ даже называлъ ихъ по именамъ: то были — гр. Віельгорскій, Тютчевъ, кн. Одоевскій. По глубинѣ таланта, Гончарова нельзя поставить съ ними на одномъ уровнѣ, но по художническимъ пріемамъ, по отношенію къ процессу творчества и по взглядамъ на искусство Гончаровъ могъ бы къ отмѣченнымъ параллелямъ прибавить и свое имя.

XXV.

Въ своей авторской исповѣди Гончаровъ проводитъ границу между двумя типами художниковъ: у однихъ умъ преобладаетъ надъ фантазіей и чувствомъ, — „тогда идея высказывается нерѣдко помимо образа, и если талантъ не силенъ, она заслоняетъ образъ и является тенденціею“. Созданія такихъ писателей бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны. Они учатъ и увѣряютъ болѣе, чѣмъ шевелятъ воображеніе и чувство. Сочувствіе Гончарова—не на ихъ сторонѣ.

У другихъ — наоборотъ: избытокъ фантазіи и таланта надъ умомъ заставляетъ образъ поглощать въ себѣ значеніе, идею, но зато картина говоритъ за себя и таитъ въ себѣ сокровенный смыслъ, неясный вначалѣ самому художнику и раскрывающійся позже съ помощью тонкихъ критическихъ истолкователей, — „какими были Бѣлинскій и Добролюбовъ“.

И Райскій, и Гончаровъ, принадлежатъ, несомнѣнно, ко второй категоріи. Послѣдній такъ и говоритъ о себѣ, при чемъ сознается, что онъ увлекается больше всего своей „способностью рисовать“. „Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что̀ значитъ мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ, передъ собою—и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствіи съ другими — слѣдовательно, вижу сцену и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я спѣшу, чтобъ не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ—и иду впередъ какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ „Обломовѣ“ и „Обрывѣ“), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ—и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что̀ попадается подъ руку, т.-е., что̀ близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, рука едва успѣваетъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ—и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться“.

Не таковъ ли и Райскій съ своей погоней за впечатлѣніями

и стремленіемъ отдавать себѣ художественный отчетъ въ томъ, что пережито и перечувствовано, съ своей фантазіей, варьирующей болѣе воспоминанія прошлаго, чѣмъ творящей новыя формы? „Онъ (Райскій) закроетъ глаза и хочетъ поймать, о чемъ онъ думаетъ, но не поймаетъ: мысли являются и утекаютъ, какъ волжскія струи; только въ немъ точно поетъ ему какой-то голосъ, и въ головѣ, какъ въ какомъ-то зеркалѣ, стоитъ та же картина, что передъ глазами".

Картина эта по отношенію къ Гончарову заключала въ себѣ прежде всего его самого, а затѣмъ среду, въ которой онъ родился, воспитывался и жилъ. Гончаровъ признается, что „все это, *помимо его сознанія,* само собою отразилось въ его воображеніи, какъ отражается въ зеркалѣ пейзажъ изъ окна". Какъ Райскій инстинктивно схватывалъ въ своихъ портретахъ сходство съ оригиналомъ, такъ и Гончаровъ писалъ по преимуществу инстинктомъ, „глядя то въ себя, то вокругъ". Для Гончарова важно было лишь то, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру. Если въ этомъ направленіи творческая работа совершается правильно и естественно, т.-е. инстинктивно, то образъ непремѣнно восприметъ въ себя черты обобщенія и типа, а если образы типичны, то въ нихъ, по мнѣнію Гончарова, непремѣнно отразится и эпоха, изъ которой они взяты: явленія общественной жизни, нравы и бытъ. Но, стремясь къ обобщенію, которое было для него „второю натурою", Гончаровъ, по его собственному выраженію, не выдумывалъ ничего: не онъ, а происходившія на глазахъ всѣхъ явленія обобщали его образы.

Однако, изъ этихъ явленій, которыя наблюдалъ Гончаровъ, далеко не всѣ поддавались его творческой кисти. И въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ собой Райскаго. Съ одной стороны, идя вслѣдъ за вѣкомъ, онъ отражалъ въ своей фантазіи и мысли новыя вѣянія, а съ другой—подъ перо просились старыя, устоявшіяся формы, и для него казалось необходимымъ отойти на значительное разстояніе отъ предмета изображенія. Трудно и, по его признанію, просто нельзя рисовать съ жизни, „еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы..., можно въ общихъ чертахъ намекать на идею; но писать самый процессъ броженія нельзя". Новые люди могутъ отражаться, по мнѣнію Гончарова, лишь въ мелкихъ произведеніяхъ-сатирахъ, легкихъ очеркахъ, а не въ большихъ „эпическихъ" романахъ.

„Въ Обрывѣ" есть страницы, наглядно передающія таинственный переходъ жизни въ творчество, раскрашиваніе мутныхъ и

сѣрыхъ явленій дѣйствительности радужными красками фантазіи. Одна изъ подобныхъ страницъ поразительна по тонкости рисунка, вышитаго по ярко бьющей въ глаза, хотя смягченной обобщеніемъ, автобіографической канвѣ. Райскій, не устоявъ противъ внезапно обрушившихся на него чаръ Ульяны Андреевны, жены Леонтія, и утѣшая себя тѣмъ, что у человѣка нѣтъ воли, а есть параличъ воли, вернулся домой, съ аппетитомъ пообѣдалъ, къ большому удовольствію бабушки, и почувствовалъ въ себѣ позывъ къ творческой работѣ. „Эту главу (любовный эпизодъ) въ романѣ надо выпустить, подумалъ онъ, принимаясь вечеромъ за тетради, чтобы дополнить очеркъ Ульяны Андреевны... а зачѣмъ? лгать, притворяться, становиться на ходули. Не хочу, оставлю какъ есть, смягчу только это свиданія... прикрою нимфу и сатира гирляндой“... Затѣмъ Райскій углубляется въ свой романъ. „Передъ нимъ какъ будто проходила собственная его жизнь, разорванная на какіе-то клочки“.

Но Райскій недолго остается на почвѣ художественной правды. Изъ-за его спины выступаетъ Гончаровъ и заставляетъ его сдѣлать неестественный шагъ въ сторону и заговорить—для Райскаго совершенно неожиданно—о читателяхъ, публикѣ, критикѣ. Авторъ рѣшительно забылъ, что Райскій, въ качествѣ типа, есть только дилеттантъ-художникъ, не выходившій за предѣлы эскизовъ и этюдовъ, что онъ никогда ничего не печаталъ и, стало быть, не имѣлъ дѣла ни съ публикой, ни съ критикой. Но самому Гончарову къ тому времени, когда онъ писалъ своего Райскаго, не разъ ставили на видъ, что онъ пишетъ съ себя,—съ его стороны было вполнѣ естественно оградить себя отъ слишкомъ пристальнаго вглядыванія въ личныя основы, служившія родовыми чертами при наростаніи расширенныхъ и обобщенныхъ особенностей типа. „Но вѣдь иной недогадливый читатель подумаетъ, что я самъ такой, и только такой! сказалъ онъ (Райскій), перебирая свои тетради:—онъ не сообразитъ, что это не я, не Карпъ, не Сидоръ, а типъ; что въ организмѣ художника совмѣщаются многія эпохи, многія разнородныя лица... Что я стану дѣлать съ ними? Куда дѣну еще десять, двадцать типовъ?“... Не боясь упрековъ въ недогадливости, мы полагаемъ однако, что не сдѣлаемъ большой ошибки, если отнесемъ эти слова непосредственно къ Гончарову и замѣтимъ, что типичность образовъ въ вопросѣ объ ихъ постепенномъ созданіи не только не препятствуетъ, но предполагаетъ необходимымъ внимательное изученіе могущихъ оказаться въ основѣ психологическихъ или индивидуально-бытовыхъ чертъ самого художника.

Райскій не одинъ разъ собирается уѣхать изъ усадьбы, гдѣ онъ пережилъ столько сложныхъ ощущеній, съ тѣмъ, чтобы написать картину застоя, сна и скуки. „Вѣдь жизнь многостороння и многообразна, и если, думалъ онъ, и эта широкая и голая, какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежатъ въ природѣ безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни: что-жъ, пойду, и среди моего романа вставлю широкую и туманную страницу скуки: этотъ холодъ, отвращеніе и злоба, которые вторглись въ меня, будутъ красками и колоритомъ... картина будетъ вѣрна“...

Изображеніе этихъ картинъ, знакомыхъ Гончарову съ дѣтства, было основнымъ предметомъ его творчества; именно на этихъ картинахъ проявило себя въ полномъ блескѣ его художественное мастерство. Общественное значеніе ихъ установилось не сразу, между тѣмъ какъ картины, сами по себѣ живыя, полныя, естественныя, дѣйствовали на читателя непосредственно и подчиняли его своему обаянію. Гончаровъ сознается, что онъ былъ счастливъ, когда созданное имъ воплощеніе сна, застоя, неподвижной и мертвой жизни, „переползаніе изо дня въ день“, было найдено вѣрнымъ, а въ это воплощеніе, по его собственному признанію, было вложено „дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего и себя самого“. Онъ могъ писать только то, что было близкимъ и роднымъ ему, къ чему чувствовалъ „кровную“ любовь. Талантъ былъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ всюду, гдѣ онъ направлялъ его на изображеніе своего „я“ независимо отъ той или другой формы типичности или обобщенія. Но тотъ же талантъ рѣшительно оставлялъ писателя, какъ только Гончаровъ начиналъ изображать несимпатичное ему явленіе и къ изображенію подходилъ не отъ инстинкта, а отъ идеи. Тогда онъ впадалъ въ несвойственный ему публицистическій тонъ, становился резонеромъ и, будучи безсиленъ сдѣлать образъ послушнымъ выраженіемъ предвзятой идеи, приходилъ къ созданію лишенныхъ типичности, а слѣдовательно и общественнаго значенія, фигуръ. Таковъ Маркъ Волоховъ, таковъ же и сухой и безжизненный художникъ Кириловъ, съ его отвлеченной проповѣдью искусства, которое должно быть „строго“, которому художникъ долженъ отдать все, „исповѣдуя одно ученіе, чувствуя одно чувство, испытывая одну страсть къ искусству“... Если подобныя рѣчи не кажутся сплошь проникнутыми схоластикой профессіональнаго фанатизма, то развѣ потому, что въ

нихъ мелькаютъ неясные отзвуки искреннихъ и горячихъ статей Бѣлинскаго о значеніи искусства и роли художника въ жизни.

Не задаваясь никакими теоретическими цѣлями въ этой области, Гончаровъ, тѣмъ не менѣе, служилъ искусству всю жизнь и отдалъ ему лучшее, что было въ его распоряженіи: чуткое сердце и высшіе порывы своей мысли. Въ огромномъ трудѣ, положенномъ на воплощеніе своего органическаго влеченія къ искусству, Гончаровъ испыталъ величайшее наслажденіе — проявить свою личность во всей полнотѣ, какая только можетъ быть доступна художнику. И можно съ увѣренностью сказать — до тѣхъ поръ, пока художественная правда картинъ Гончарова будетъ служить неостывающему интересу къ пережитой имъ великой эпохѣ, его личность будетъ привлекать къ себѣ вниманіе, какъ личность писателя, которому удалось, благодаря оригинальнымъ особенностямъ таланта, сдѣлать присущія ей индивидуальныя черты выраженіемъ типичнѣйшихъ явленій общественной жизни.

Евг. Ляцкій.

УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНІИ

РОМАНЪ.

—The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. London—New-York. 903.

Мы могли бы назвать этотъ нашъ романъ историческимъ, такъ какъ такое названіе примѣнимо ко всякому роману изъ жизни нашихъ колоній. Одна изъ такихъ колоній, Вайомингъ, еще недавно, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, была такою же дикою мѣстностью, какъ Виргинія за сто лѣтъ передъ тѣмъ.

Если вы отправитесь сегодня изъ Нью-Іорка или Санъ-Франциско въ десять часовъ утра, то послѣ-завтра въ полдень прибудете въ Чейенну и очутитесь въ самомъ центрѣ изображаемаго нами міра. Но тщетно вы будете осматриваться, желая сравнить извѣстныя вамъ отношенія съ современной дѣйствительностью. Тотъ міръ исчезъ безслѣдно,—и остаются одни воспоминанія о немъ. Горы, конечно, остались все тѣ же, далекія и сіяющія; тотъ же свѣтъ солнца и безконечныя пространства земли; тотъ же воздухъ, вѣчный источникъ юности,—но гдѣ же буйволы и дикія антилопы, гдѣ же табунщикъ со своими безчисленными стадами? Прэріи остались до такой степени нетронутыми, что вы невольно ждете откуда-нибудь появленія табунщика. Но онъ никогда больше сюда не покажется; онъ принадлежитъ невозвратному прошлому.

Что же сталось съ этимъ табунщикомъ, съ погонщикомъ буйволовъ, съ этой послѣдней интересной фигурой, рожденной

на здѣшней почвѣ? Все, чего онъ добивался,—онъ добивался собственной силой и ловкостью. Хлѣбъ свой онъ заработывалъ своими руками, и также тратилъ свой заработокъ, иногда прокучивая полу-годовую плату въ одну ночь. Но тѣмъ не менѣе онъ останется въ нашей памяти навсегда.

Необузданная жизнь табунщика не лишала его человѣческаго достоинства. Если онъ, бывало, дастъ слово, то и держитъ его. Потомъ этотъ типъ табунщика сталъ перерождаться въ иной типъ, и въ переходномъ состояніи производилъ уже непріятное впечатлѣніе, какъ природа, когда зима какъ будто ушла, а весна еще не появилась.

I.

Какое-то интересное зрѣлище привлекло къ окну всѣхъ пассажировъ, и мужчинъ, и женщинъ, и я также всталъ и перешелъ на другую сторону вагона, желая посмотрѣть, что̀ случилось. Я увидалъ возлѣ полотна желѣзной дороги огороженное мѣсто. Вокругъ него стояли люди и смѣялись, а внутри вздымалась пыль, и въ облакѣ пыли скакали, толкались и изъ стороны въ сторону бросались лошади. Это была ловля кобылицъ въ загонѣ, и одну изъ нихъ невозможно было поймать, кто бы ни забрасывалъ арканъ. Поѣздъ, который долженъ былъ насъ доставить на станцію Медисинъ-Боу, опоздалъ на шесть часовъ, и мы были очень рады неожиданному для насъ развлеченію.

Пони отличалась умомъ и проворствомъ. Какъ искусный и опытный боксеръ, она не спускала ни на мгновеніе тревожныхъ глазъ со всякаго, кто брался за арканъ. Конюхъ могъ притворяться, что любуется мѣстностью, которая была очень хороша, или дѣлать видъ, что занятъ серьезнымъ разговоромъ съ однимъ изъ зрителей—ничто не помогало. Лошадка все видѣла и навѣрное отлично знала свѣтъ и людей. Арканъ взвивался и падалъ, но она была уже далеко, и еслибы лошади умѣли хохотать, то въ загонѣ раздавался бы самый веселый смѣхъ. Сквозь оконныя стекла нашего „пульманскаго“ вагона, до насъ доносился подзадоривающій, злорадный гулъ копытъ и крѣпкія словца конюховъ. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ человѣка, сидѣвшаго на высокой изгороди загона и глядѣвшаго внизъ. Я обратилъ на него вниманіе, потому что онъ вдругъ соскользнулъ на землю мягкимъ движеніемъ, напоминающимъ тигра, такъ плавно и легко, какъ будто всѣ мускулы свободно скользили у

него подъ кожей. Когда его товарищи забрасывали лассо, видно было, какъ они свертывали его въ рукахъ. Движенія его рукъ я не замѣтилъ. Казалось, онъ спустилъ лассо вдоль своей ноги. Но вдругъ неожиданнымъ змѣинымъ движеніемъ петля вытянулась во всю длину, упала какъ разъ туда, куда было нужно—и дѣло было сдѣлано. Въ ту минуту, когда пойманная лошадь остановилась со смиреннымъ видомъ, съ какимъ ханжи входятъ въ церковь, нашъ поѣздъ медленно двинулся, и одинъ изъ пассажировъ замѣтилъ:—Вотъ, этотъ знаетъ свое дѣло!—Дальнѣйшихъ замѣчаній по поводу видѣннаго я не могъ слышать, потому что очень скоро поѣздъ подошелъ къ станціи Медисинъ-Боу. Я простился съ моими спутниками, вышелъ изъ вагона и очутился среди чуждой мнѣ обширной страны, славившейся скотоводствомъ. И тутъ, черезъ какія-нибудь десять минутъ, я узналъ новость, заставившую меня почувствовать всю глубину моего одиночества. Мой багажъ былъ потерянъ. Онъ не попалъ на мой поѣздъ, и по волѣ случая застрялъ въ одномъ изъ пунктовъ, на протяженіи двухъ тысячъ миль, остававшихся позади меня. Кондукторъ, завѣдывавшій багажемъ, объявилъ мнѣ въ видѣ утѣшенія, что пассажиры часто разъѣзжаются со своими вещами, но по большей части вещи находятъ своихъ владѣльцевъ по прошествіи нѣкотораго времени. Ободривъ меня такимъ образомъ, онъ принялся за свое дѣло, а я какъ былъ, такъ и остался въ той же позѣ среди багажнаго отдѣленія станціи. Я стоялъ среди чужихъ корзинъ и ящиковъ, смущенно держа въ рукахъ свою квитанцію; разсерженный и растерянный, я равнодушно глядѣлъ въ дверь на небо и равнину, и не видѣлъ, какъ проносились по прэріи антилопы и какъ величественно садилось солнце въ Вайомингѣ. Раздосадованный, я ничего не замѣчалъ вокругъ себя, и все думалъ о случившейся со мной непріятности. Я помнилъ только одно то, что потерялъ вещи. Вдругъ со стороны платформы раздался тихій голосъ:

— Собираетесь *опять* жениться? Ахъ, зачѣмъ! — Произношеніе было южное, мягкое, и протяжное. Тотчасъ же прозвучалъ отвѣтъ, произнесенный надтреснутымъ голосомъ:

—Совсѣмъ не „опять“. Кто говоритъ „опять“? И кто вообще могъ это вамъ сказать?

Первый голосъ отвѣчалъ ласковымъ тономъ:

— Я вижу это по вашему праздничному костюму, дядя Югей.

— Отстань, не приставай ко мнѣ!—отрѣзалъ съ раздраженіемъ дядя Югей, но первый голосъ продолжалъ ласково:

— Это у васъ тѣ же самыя перчатки, что вы надѣвали, когда вѣнчались въ послѣдній разъ.

— Не приставай ко мнѣ! Надоѣло! Не смѣй ко мнѣ приставать!—закричалъ дядя Югей. Я совершенно забылъ о своемъ чемоданѣ, и желалъ только, чтобы этотъ разговоръ продолжался. Въ жизни своей я не слыхалъ ничего подобнаго. Я подошелъ къ двери и выглянулъ на платформу. Тамъ, небрежно упершись въ стѣну, стоялъ стройный молодой гигантъ, въ полномъ смыслѣ красавецъ. Его мягкая широкополая шляпа была сдвинута на затылокъ. Темнокрасный платокъ свободно облегалъ шею, и концы его свѣшивались на грудь, а большой палецъ одной руки былъ засунутъ за широкій поясъ съ лядункой, застегнутый въ таліи. Было видно, что онъ только-что проѣхалъ много миль: сапоги его были сѣры отъ пыли, куртка тоже, а смуглое лицо просвѣчивало сквозь слой пыли, какъ спѣлый персикъ въ сухое лѣто выглядываетъ изъ запыленной листвы. Но ни слѣды далекаго пути, ни неряшливость костюма не могли помрачить сіянія его юности и могучей красоты. Старикъ, котораго привели въ такое раздраженіе замѣчанія молодого человѣка, былъ тщательно причесанъ и разодѣтъ, какъ настоящій женихъ, но, на мѣстѣ невѣсты, я все-таки предпочелъ бы молодого, съ его пылью и загаромъ лица.

— Чего вы только не навѣсили на себя!—продолжалъ между тѣмъ молодой человѣкъ съ восхищеніемъ.—Могу я узнать имя новой счастливицы?

Старикъ весь задрожалъ отъ гнѣва.

— Я вамъ говорю, что никакой новой счастливицы нѣтъ! За мормона вы меня, что-ли, принимаете? Въ такомъ случаѣ назовите моихъ женъ. Двухъ назовите. Ну, хоть одну. Попробуйте!

— А вдова изъ Ларами, согласившаяся стать...

— Это вздоръ!

— И только докторъ предписалъ ей южный климатъ и...

— Пустяки! Выдумщикъ вы.

— Только ея слабыя легкія и явились препятствіемъ. А потомъ вы бы соединились узами брака съ Кэттль Кэтъ, но только...

— Я говорю вамъ, что вы выдумщикъ!

— Но только она повѣсилась.

— Но гдѣ же мои жены? Укажите мнѣ женъ!

— А эта откормленная толстуха, которой вы подарили канарейку...

— Я не женился же на ней. Никогда бы не женился...

— Но вы были такъ близки къ этому, дядя! Еще она оста-

вила вамъ письмо съ извѣщеніемъ, что выходитъ замужъ за молодого картежника, какъ разъ наканунѣ вашей предполагавшейся свадьбы, и что она никогда, никогда не будетъ забывать кормить канарейку.

— Щенокъ вы и больше ничего! —сердито заявилъ старикъ.

— А какъ здоровье той несчастной...—продолжалъ его мучитель, не измѣняя серьезнаго выраженія лица и тономъ нѣжнаго состраданія.

— Великолѣпно! Оскорбляйте! Оскорбляйте бѣдную больную женщину!

— Оскорблять! О, нѣтъ, дядя Югей, я былъ такъ радъ, когда къ ней стала возвращаться память. Послѣдній разъ мнѣ говорили, что она поправляется, вспомнила своего отца, мать, братьевъ и сестеръ, и свое счастливое дѣтство, и все вообще, кромѣ вашего лица.

— Это доказываетъ, какъ вы много знаете!—закричалъ дядя Югей своимъ рѣзкимъ, трескучимъ голосомъ.—Вотъ! Вотъ извольте посмотрѣть! Вотъ кольцо, которое она мнѣ отослала, такъ какъ слишкомъ слаба, чтобы выходить замужъ. А по вашему она меня не помнитъ? Не правда ли? Ха, ха! Я всегда говорилъ, что вы выдумщикъ.

Въ голосѣ южанина послышалась тревога.

— Такъ, значитъ, вы отдадите это кольцо слѣдующей!—воскликнулъ онъ.—О, не женитесь опять, дядя Югей! И къ чему вамъ жена!

— Къ чему жена?—повторилъ презрительно женихъ.—Гм! Когда вы выростете, то заговорите другое.

— Конечно, съ годами взгляды мѣняются. Я думаю, какъ двадцатичетырехъ-лѣтній, а вы—какъ шестидесяти-лѣтній.

— Пятидесяти-лѣтній! — выкрикнулъ, подпрыгнувъ, дядя Югей.

— Какъ это я могъ забыть, что вамъ пятьдесятъ лѣтъ!— пробормоталъ южанинъ, обращаясь какъ бы съ упрекомъ къ самому себѣ. — Вѣдь вы цѣлыхъ десять лѣтъ твердите это нашимъ ребятамъ!

Въ эту минуту подошелъ восточный поѣздъ, и Югей вскочилъ въ вагонъ. Онъ могъ бы и раньше избавиться отъ своего мучителя, но въ его возрастѣ всякіе разговоры о любовныхъ дѣлахъ льстятъ самолюбію, и онъ готовъ былъ бы продолжать его до безконечности, хотя видимо раздражался и сердился.

Восточный поѣздъ ушелъ по тому направленію, откуда я пріѣхалъ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ сталъ уменьшаться,

сдѣлался совсѣмъ маленькимъ въ безконечной безднѣ пространства, пока совсѣмъ не исчезъ, оставивъ за собою только легкую полоску дыма на вечернемъ небѣ. Мнѣ опять вспомнился потерянный чемоданъ, и Медисинъ-Боу показался одинокимъ и неуютнымъ мѣстомъ. Какимъ образомъ могъ я найти помѣстье судьи Генри? Въ какой части этой неприглядной пустыни находилась „Глубокая Рѣчка"? Насколько я могъ замѣтить—никакой рѣчки и даже вообще никакой воды кругомъ не было. Мой знакомый написалъ мнѣ, что встрѣтитъ меня на станціи и отвезетъ въ свое помѣстье. Но его не было, а его помѣстье почти навѣрное находилось такъ далеко, что невозможно было отправляться туда вечеромъ. Я стоялъ въ печальномъ раздумьи, и вдругъ почувствовалъ, что высокій молодой человѣкъ смотритъ на меня съ той же серьезностью, съ какою онъ смотрѣлъ на дядю Югейя во время ихъ замѣчательнаго разговора. Мнѣ даже стало непріятно отъ этого пристальнаго взгляда, потому что я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія очутиться въ положеніи дяди Югейя.

— Мнѣ думается, я посланъ именно васъ встрѣтить, сэ [1])?— произнесъ наконецъ высокій молодой человѣкъ.

II.

Мы не можемъ видѣть самихъ себя со стороны, и поэтому я не знаю, что за лицо я состроилъ, услыхавъ обращенныя ко мнѣ слова.

— Думается мнѣ, я высланъ именно вамъ на встрѣчу, сэ!—повторилъ высокій молодой человѣкъ вѣжливо.

— Я жду судью Генри,—отвѣтилъ я, наконецъ.

Онъ направился ко мнѣ, и я увидалъ, что въ дѣйствительности онъ не былъ такимъ гигантомъ, какимъ казался. Въ немъ было не болѣе шести футовъ. Это рядомъ съ дядей Югейемъ онъ казался каланчой. Но во всей его внѣшности было нѣчто внушительное, что должно было дѣйствовать одинаково и на мужчинъ, и на женщинъ.

— Судья послалъ меня за вами, сэ,—пояснилъ онъ и подалъ мнѣ письмо. Еслибъ я самъ не былъ свидѣтелемъ его шутовскихъ продѣлокъ съ дядей Югейемъ, то ни за что не повѣрилъ бы, что онъ способенъ на подобныя выходки. Вся его

---

[1]) Вмѣсто „сэръ". Смягченное южное произношеніе.

внѣшность свидѣтельствовала о глубоко-серьезномъ характерѣ. Но такъ какъ я присутствовалъ при его шуткахъ, и, слѣдовательно, узналъ его по существу, а не такимъ, какимъ онъ казался по внѣшности, то я рѣшилъ допустить нѣкоторую свободу въ обращеніи съ нимъ. Было такъ пріятно принять нѣсколько фамильярный тонъ съ огромнымъ незнакомцемъ, который, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать васъ выстрѣлами, любезно передаетъ вамъ письмо.

— Вы изъ старой Виргиніи, я полагаю?—началъ я.

— Ваше предположеніе вполнѣ основательно, сэ,—отвѣтилъ онъ не спѣша.

Я почувствовалъ, что моя развязность какъ будто поубавилась, но продолжалъ, все еще не унывая, свой допросъ:

— Много здѣсь такихъ чудаковъ, какъ дядя Югей?

— Да, сэ, кругомъ повсюду множество чудаковъ. Они являются сюда съ каждымъ поѣздомъ.

Тутъ ужъ я совсѣмъ бросилъ свою методу свободнаго обращенія.

— Было бы желательно, чтобы чемоданы также приходили съ каждымъ поѣздомъ, — сказалъ я, и сообщилъ ему о моемъ приключеніи. Нельзя было ожидать, чтобы моя потеря произвела на него глубокое впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ онъ отвѣтилъ вполнѣ вѣжливо:—„мы подождемъ вашъ чемоданъ въ городѣ“. То понятіе, какое я успѣлъ составить себѣ объ этомъ „городѣ“, для моихъ непривычныхъ глазъ было такъ ужасно, что я, конечно, предпочелъ бы провести ночь въ помѣстьѣ судьи.

— А мы не можемъ выѣхать сегодня же вечеромъ?—спросилъ я.—Я могу обойтись день или два безъ чемодана. Можетъ быть, мы не слишкомъ запоздаемъ, если выѣдемъ немедленно...

Я остановился, замѣтивъ, съ какимъ удивленіемъ онъ на меня смотритъ.

— Намъ нужно сдѣлать двѣсти-шестьдесятъ-три мили, — проговорилъ уроженецъ Виргиніи и, не обращая вниманія на мои восклицанія, продолжалъ:—Ужинъ теперь ужъ вѣрно готовъ. —Онъ взялъ мой ручной чемоданчикъ, и я молча послѣдовалъ за нимъ въ ресторанъ. Я былъ пораженъ. Дорогой я прочелъ письмо судьи. Онъ жалѣлъ, что не могъ встрѣтить меня лично, такъ какъ его задержали по дѣлу, и посылалъ за мною вѣрнаго человѣка, которому и было поручено меня доставить. Всѣ они ждали меня съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ и все.

Да, я былъ пораженъ. Какимъ образомъ измѣрялись разстоянія въ этой странѣ? Съѣздить въ сосѣдній городъ—это значило

путешествовать Богъ вѣсть сколько дней. Сколько же миль считалось у нихъ дальнимъ разстояніемъ? Но я воздержался и не сталъ разспрашивать „вѣрнаго человѣка“. Мнѣ не везло съ разспросами. Что̀, собственно, я сдѣлалъ такого, что̀ вызвало замѣчаніе о чудакахъ, пріѣзжающихъ съ каждымъ поѣздомъ? Такъ какъ его выслали меня встрѣтить, то онъ и исполнилъ порученіе, и даже несъ мой чемоданчикъ, но не допускалъ шутокъ съ моей стороны. Своею холодной вѣжливостью онъ поставилъ преграду между мною и собою, и никакой утонченно-свѣтскій человѣкъ не съумѣлъ бы сдѣлать это лучше, чѣмъ это красивое, не вполнѣ грамотно выражавшееся дитя природы. Въ чемъ же тутъ было дѣло? Я поглядѣлъ на него, и вдругъ мнѣ стало ясно. Если бы онъ попробовалъ быть со мною фамильярнымъ въ первыя минуты нашего знакомства, это разсердило бы меня. По какому же праву я позволилъ себѣ это по отношенію къ нему? Въ этомъ былъ оттѣнокъ покровительства, и въ этомъ случаѣ изъ насъ двухъ онъ поступилъ болѣе по-джентльменски. Въ этомъ заключалась правда, которой я вѣрилъ на слово, но которую до тѣхъ поръ мнѣ не случалось провѣрять на практикѣ. Качества, необходимыя по нашему мнѣнію для джентльмена, глубоко заложены въ сердцахъ тысячи людей, лишенныхъ возможности, благодаря условіямъ своего рожденія, пріобрѣсти внѣшніе признаки этого типа.

То, что̀ у нихъ называлось „городомъ“, нравилось мнѣ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше я смотрѣлъ на него. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть и проводить ночи во многихъ подобныхъ городахъ. Они разбросаны на огромномъ пространствѣ по границѣ отъ Колумбіи до Ріо-Гранде и отъ Миссури до Сіерры. Всѣ они удивительно похожи другъ на друга. Ихъ дома, тѣсныя лавки и всякая рухлядь—все это создано по одному и тому же безобразному образцу. Кажется, что вѣтеръ занесъ ихъ сюда, и они ждутъ, когда онъ сдуетъ ихъ опять. Но надъ всѣмъ ихъ безобразіемъ и грязью разлитъ чистый и спокойный свѣтъ, какого никогда не найдешь на Востокѣ; они купались въ воздухѣ перваго дня творенія, и подъ солнцемъ и звѣздами проходили ихъ дни и ночи, дивные и чистые.

Медисинъ-Боу былъ первый подобный городъ, какой мнѣ пришлось увидать, и я замѣтилъ его величину и то, что весь онъ состоялъ изъ двадцати-девяти построекъ, одного угольнаго склада, одного водоема, станціи, одного магазина, двухъ гостинницъ и одного стойла для кормежки скота. И эта-то жалкая грязная дыра еще заботилась о своей внѣшности. У многихъ

домовъ былъ сдѣланъ фальшивый фронтонъ, чтобы придать имъ видъ двухъ-этажныхъ. Они выставляли на показъ свои стѣны и крыши съ торчащими оловянными трубами, а тутъ же возлѣ ихъ дверей начинались цѣлые потоки хрустальнаго свѣта, тянулись безконечныя пространства земли. Среди необъятныхъ пространствъ вилась дорога, взбѣгала на холмъ, сбѣгала съ него, теряясь изъ вида, и снова появлялась, сдѣлавшись отъ разстоянія тоненькой чертой, исчезала опять и опять показывалась, едва замѣтная для глаза, и, наконецъ, исчезала совсѣмъ.

Кто-то обратился съ привѣтствіемъ къ моему провожатому. Человѣкъ этотъ появился въ дверяхъ одного изъ домовъ и сдѣлалъ движеніе рукой по направленію шапки южанина. Молодой человѣкъ увернулся отъ руки; я опять увидалъ плавное движеніе, напоминающее тигра, и понялъ, что мой провожатый былъ не кто иной, какъ человѣкъ, такъ ловко накинувшій лассо на шею лошади въ загонѣ.

— Какъ поживаешь, Стивъ?—спросилъ онъ появившагося товарища свободнымъ дружескимъ тономъ. Съ нимъ онъ допустилъ бы взаимную фамильярность въ обращеніи.

Стивъ взглянулъ на меня, отвернулся и ничего не сказалъ. Но и этого было достаточно. Никогда еще я не чувствовалъ себя до такой степени чужимъ среди окружающихъ меня людей. Но они мнѣ нравились, и мнѣ хотѣлось, чтобъ и я имъ нравился.

— Только-что пріѣхалъ въ городъ?—спросилъ Стивъ.

— Съ полудня здѣсь. Дожидался поѣзда.

— Уѣзжаешь сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, думаю, завтра.

— Всѣ кровати заняты, — сказалъ Стивъ. Это замѣчаніе относилось ко мнѣ.

— Вотъ тебѣ разъ!—произнесъ я.

— Но я думаю, что одинъ изъ пріѣзжихъ уступитъ вамъ половину своей кровати.—Мнѣ казалось, что Стивъ надсмѣхается надо мной. У него самого было сѣдло и одѣяло, такъ что для него отсутствіе кровати ничего не значило.

— А кто эти пріѣзжіе?—спросилъ виргинецъ.

— Два еврея, продавцы сигаръ, одинъ американецъ, торгующій средствомъ отъ чахотки, и одинъ голландецъ, продающій драгоцѣнные камни. Американецъ-то, кажется, всѣхъ чаще моется.

— Это мнѣ все равно, мнѣ нужно цѣлую кровать.

— Ну, тогда смастери ее себѣ самъ.

— Вотъ еще!—произнесъ увѣренно виргинецъ:—я добуду

себѣ его кровать безъ всякихъ хлопотъ. Хочешь держать пари на выпивку для всей компаніи?

— А пожалуй что я и проиграю!—сказалъ Стивъ, ласково улыбаясь ему.—Ты вѣдь мастеръ штуки откалывать, этакій ты..... Ну, до скораго свиданья! Мнѣ нужно пойти подковать мою лошадь.

Я ждалъ, что виргинецъ свалитъ его ударомъ на землю. Стивъ обозвалъ его самымъ оскорбительнымъ словомъ, но, очевидно, онъ ничего дурного не думалъ и никакого оскорбленія не было,—скорѣе даже былъ сказанъ комплиментъ. Я попалъ въ совершенно неизвѣстный для меня міръ, и всевозможныя неожиданности сыпались на меня со всѣхъ сторонъ.

— Не хотите ли прежде всего умыться, сэръ?

Мы подошли къ дверямъ ресторана, и онъ поставилъ мой чемоданчикъ на полъ. Съ истинно младенческой наивностью я сталъ оглядываться, ища принадлежностей умыванья.

— Умыванье здѣсь, снаружи,—замѣтилъ онъ мнѣ серьезно, но съ сильнымъ южнымъ акцентомъ. Внутренняя веселость, казалось, усиливала и подчеркивала мѣстныя особенности его рѣчи. Въ другихъ же случаяхъ грамматическія неточности въ его произношеніи становились едва замѣтными.

Справа отъ меня стояло корыто, все осклизлое отъ мыльной воды, а надъ нимъ на валикахъ висѣла тряпка самаго непривлекательнаго свойства. Виргинецъ потянулъ ее, но, не находя ни одного сухого и чистаго мѣстечка, снялъ шляпу и просунулъ голову въ дверь.

— Сударыня,—произнесъ онъ:—ваше полотенце пользовалось слишкомъ большимъ успѣхомъ.

Къ намъ вышла хозяйка, прехорошенькая женщина. Она устремила взоръ сначала на него, потомъ на меня—съ неодобреніемъ—и потомъ снова на его черные волосы.

— Полотенца мѣняются разъ въ день,—сказала она,—но когда гости слишкомъ брезгливы...—Она довершила свои слова тѣмъ, что взяла грязное полотенце и замѣнила его чистымъ.

— Благодарю васъ, сударыня,—вѣжливо сказалъ табунщикъ.

Она еще разъ взглянула на его черные волосы и, ни слова не говоря, вернулась къ своимъ ужинающимъ гостямъ.

Онъ налилъ мнѣ изъ колодца воды въ почти пустое ведро, стоявшее въ корытѣ. Въ томъ же корытѣ валялось скользкое мыло, но я досталъ собственное. Смывъ съ себя по возможности слѣды путешествія, я занялъ свое мѣсто за общимъ столомъ.

Ужинъ состоялъ изъ солонины. По поводу нея одинъ изъ моихъ сосѣдей сдѣлалъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе:

— Когда жуешь ее, то кажется, что зубы ударяются о деревянную койку.

Намъ подали какой-то странный кофе и сгущенное молоко, а такого количества мухъ я еще никогда не видывалъ. Я не дѣлалъ попытокъ заводить разговоръ, не замѣчая ни въ комъ особаго сочувствія, и не зналъ, что мое молчаніе и сосредоточенное вниманіе къ солонинѣ было вполнѣ оцѣнено табунщиками, по сравненію съ излишней болтливостью остальныхъ путешественниковъ. Когда появился за столомъ виргинецъ, наступило небольшое молчаніе. Онъ совершилъ чудеса въ корытѣ, почистилъ свой костюмъ щеткой и былъ опрятнѣе насъ всѣхъ. Кивнувъ головой другимъ табунщикамъ, онъ спокойно усѣлся за ужинъ. Но молчаніе несвойственно странствующимъ торговцамъ. Одинъ изъ нихъ, присмотрѣвшись къ южанину, сдѣлалъ опрометчивое заключеніе, что понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло:

— Добрый вечеръ,—произнесъ онъ весело.

— Добрый вечеръ,—отвѣчалъ виргинецъ.

— Только-что прибыли въ городъ?—продолжалъ торговецъ.

— Только-что прибылъ въ городъ,—вкрадчиво подтвердилъ южанинъ.

— Шибко ли идетъ у васъ торговля скотомъ?

— Ничего!—Виргинецъ положилъ себѣ еще солонины.

— Дѣла во всякомъ случаѣ развиваютъ въ васъ аппетитъ,—находчиво сказалъ торговецъ. Южанинъ выпилъ свой кофе, и хозяйка, не дожидаясь, чтобъ онъ попросилъ, налила ему вторично.

— Я соображаю, что я васъ раньше встрѣчалъ,—заявилъ торговецъ.

Южанинъ на одно мгновеніе поднялъ на него глаза.

— Ну что̀, не узнаете? Вы не бывали въ Чикаго? Не припоминаете?

— Нѣтъ, не припоминаю.

— Ну вотъ! Я знаю, что вы были въ Чикаго. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ. А можетъ быть и два года. Я всегда путаю время. Но на лица у меня память удивительная. Да-съ, мы съ нимъ встрѣчались,—прибавилъ онъ, обращаясь уже ко всей компаніи.—Удивительно, какъ свѣтъ малъ! Разъ видѣлъ человѣка, и можешь быть увѣренъ, что гдѣ-нибудь опять его встрѣтишь.

Южанинъ не выказывалъ ни малѣйшаго интереса къ его болтовнѣ, и былъ всецѣло поглощенъ ѣдой. Торговецъ бросилъ черезъ столъ сигару къ тарелкѣ виргинца.

— Продаете?—спросилъ тотъ.

— Да, и недурно идетъ, дружище. Гаванскій табакъ и самыя толстыя сигары, которыя можно имѣть за пять центовъ... Возьмите ее, попробуйте, закурите, посмотрите, какъ горитъ,— и онъ протянулъ ему коробочку спичекъ.

Виргинецъ бросилъ ему черезъ столъ монету въ пять центовъ.

— О, нѣтъ, другъ мой! Отъ васъ—ни за что! Вѣдь я же помню отлично ваше лицо. Вѣдь мы же встрѣчались въ Чикаго.

— Можетъ быть,—произнесъ южанинъ.—Я иногда совсѣмъ не обращаю вниманія на то, что у меня передъ глазами,—и при этомъ онъ сталъ внимательно присматриваться къ другому американскому торговцу, у котораго хотѣлъ отобрать кровать въ свое безраздѣльное пользованіе. Это былъ болѣе умный и не такой болтливый человѣкъ. Я заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ предпріятія, задуманнаго виргинцемъ, но меня очень интересовало узнать, какъ онъ доведетъ дѣло до конца. Любезно глядя на свою будущую жертву, южанинъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно патентованныхъ средствъ. Въ рукахъ умѣлаго человѣка они должны были, по его мнѣнію, приносить большую выгоду. Жертва его была польщена. Никто изъ сидѣвшихъ за столомъ не удостоился столькихъ замѣчаній отъ южанина. У нихъ завязался разговоръ. Я не зналъ, что это входило въ его сатанинскій умыселъ, но Стивъ вѣроятно догадался, въ чемъ дѣло. Онъ просунулъ голову въ столовую, взглянулъ на говорившихъ и, произнеся громко: „я проигралъ!“, снова захлопнулъ дверь.

— Что это онъ проигралъ?—спросилъ торговецъ.

— О, не обращайте на него вниманія! — протянулъ южанинъ.—Онъ большой шутникъ, но вполнѣ безобидный. Однако, я пойду покурить,—прибавилъ онъ:—здѣсь не разрѣшается?— съ послѣдними словами онъ любезно обратился къ хозяйкѣ. Она отрицательно покачала головой и прослѣдила за нимъ глазами, пока онъ не скрылся за дверью.

Предоставленный самому себѣ, я пошелъ обозрѣвать окрестности. Стивъ былъ правъ,—всѣ кровати были заняты, но когда я заглянулъ въ то помѣщеніе, гдѣ находились постели, то перестала сокрушаться о томъ, что ни одна изъ нихъ мнѣ не достанется. И одному-то спать на ней не представлялось особенно соблазнительнымъ, а ужъ вдвоемъ!..

— Передъ самымъ носомъ отняли у насъ кровати,—сказалъ, подходя ко мнѣ, виргинецъ,—и вотъ, поглядите, доказательства ихъ правъ.

На каждой кровати лежала какая-нибудь принадлежность туалета. Вошелъ желѣзно-дорожный чиновникъ и сталъ раздѣваться, хотя еще не стемнѣло. Все его раздѣванье состояло въ томъ, что онъ снялъ сапоги, а куртку положилъ себѣ подъ голову. Его занятія начинались въ три часа утра, и подъ нашъ разговоръ онъ уже захрапѣлъ.

— Содержатель здѣшняго магазина мой пріятель,—сказалъ южанинъ,—вы отлично устроитесь у него на прилавкѣ.

— Что, ищете себѣ кровать?—спросилъ, подходя, американскій торговецъ.

— Да, вотъ онъ ищетъ себѣ кровать,—раздался сзади голосъ Стива.

— Только, кажется, напрасно время теряю,—замѣтилъ южанинъ. Онъ задумчиво и озабоченно переводилъ глаза съ одной кровати на другую.

— Вотъ эта моя,—сказалъ торговецъ и сѣлъ на кровать,—съ меня довольно и половины.

— Вы, конечно, очень добры,—произнесъ табунщикъ,—но я не хочу васъ стѣснять.

— Ничего,—настаивалъ торговецъ,—вы меня избавите отъ неизвѣстнаго сосѣда: вѣдь это настоящая лотерея,—не знаешь, на кого попадешь.

— Ну, развѣ что такъ,—произнесъ виргинецъ съ мастерски разыгранной неувѣренностью и смущеніемъ.

— Именно такъ. Вы такой чистоплотный! Можете лечь, когда захотите, старина!

Послѣднее слово было фамильярно и безтактно. Торговецъ этого не понималъ, но обитатели прэрій—народъ гораздо болѣе чуткій.

Однако южанинъ и виду не показалъ, что ему непріятенъ этотъ фамильярный тонъ его жертвы.

— Ну, я вамъ очень благодаренъ,—произнесъ онъ ласково,—и черезъ нѣсколько времени воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ.

Послѣ этого вся компанія отправилась въ магазинъ, и здѣсь я устроилъ себѣ все на ночь. Магазинъ былъ самымъ чистымъ мѣстомъ въ Медисинъ-Боу, а его обладатель оказался очень любезнымъ человѣкомъ и предоставилъ въ мое распоряженіе оба прилавка. Съ той стороны, гдѣ находились бакалейные товары, лежалъ сыръ, слишкомъ большой и слишкомъ ароматный, чтобы по близости удобно было спать, и поэтому я выбралъ прилавокъ, находившійся возлѣ колоніальныхъ товаровъ. Чтобы было мягко

лежать, мнѣ разостлали толстыя одѣяла и единственнымъ условіемъ поставили, чтобы я, ложась, снялъ сапоги, такъ какъ одѣяла были новыя, чистыя и предназначались для продажи.

— Будутъ сегодня играть въ карты?—спросилъ виргинецъ.

— Да,—отвѣчалъ Стивъ,—пріѣзжіе собираются играть.

— Я тоже пойду, немного поиграю, — сказалъ южанинъ, но, прежде чѣмъ идти, сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія для игры въ покеръ, а именно: вынулъ изъ футляра пистолетъ, сунулъ его между поясомъ и курткой и застегнулъ жилетъ. Между тѣмъ возлѣ дверей собрались всѣ странствующіе торговцы. Они покончили всѣ свои дѣла и пришли поболтать.

— До скораго свиданья, старина,—сказалъ американецъ, обращаясь къ проходившему мимо южанину.

— Да, да,—подтвердилъ его будущій сосѣдъ по постели и прошелъ дальше.

Торговецъ съ торжествующимъ видомъ подмигнулъ своимъ товарищамъ, указывая запрокинутымъ большимъ пальцемъ на удалявшагося.

— Отлично мы съ нимъ поладили,—замѣтилъ онъ:—съ нимъ легко, надо только знать, какъ за него взяться. Вотъ и все.

— А какъ ее зовутъ? — спросилъ кто-то, возобновляя прерванный разговоръ.

— Кого?

— Да эту женщину, содержательницу ресторана?

— Глэнъ, м-съ Глэнъ. Она мѣсяцъ какъ пріѣхала сюда съ мужемъ. Онъ служитъ кондукторомъ на товарныхъ поѣздахъ.

— А она довольно привлекательна.

— Ну, я такую привлекательность люблю въ чужихъ женахъ, а не въ своей.

— Такъ, значитъ, она такая?

— Кажется, нѣтъ. Она пріѣхала съ такой репутаціей, но всѣ были разочарованы.

— Значитъ, во вздыхателяхъ недостатка не было?

— Недостатка! Вы же знаете, что̀ такое табунщики?

— И она ихъ разочаровала? Можетъ быть, она любитъ своего мужа?

— Кстати о кондукторахъ,—сказалъ торговецъ, и передалъ одинъ анекдотъ, имѣвшій большой успѣхъ у слушателей; но когда онъ началъ второй, я ушелъ. Мнѣ было совѣстно, что я смѣялся и надъ первымъ. Я зашелъ въ таверну. Тамъ царили тишина и порядокъ. Я прошелъ мимо батарей пивныхъ бутылокъ и лосиныхъ головъ, украшавшихъ стѣны, въ довольно об-

ширное помѣщеніе, уставленное всевозможными столами. Я увидѣлъ, какъ одинъ человѣкъ вытаскивалъ изъ ящика карты, а другой, сидѣвшій противъ него, раскладывалъ жетоны. Рядомъ игрокъ распечатывалъ колоду картъ, а противъ него степенный старикъ разбиралъ и размѣнивалъ деньги.

Вдругъ изъ угла комнаты раздался голосъ, отвлекшій мое вниманіе отъ этихъ игроковъ.

— Отчего вы не остались въ Аризонѣ?

Повидимому совершенно невинныя слова, но я замѣтилъ, какъ при звукѣ произнесшаго ихъ голоса всѣ глаза обратились въ тотъ уголъ, откуда онъ раздался.

Отвѣта я не разслышалъ и не видѣлъ говорившаго. Потомъ раздались слѣдующія слова:

— Ну да, Аризона — не подходящее мѣсто для новичковъ въ стрѣльбѣ [1]).

Всѣ смотрѣли на говорившихъ, и я послѣдовалъ общему примѣру. Въ углу, за круглымъ столомъ, сидѣло пять или шесть игроковъ. Всѣ они смотрѣли въ свои карты и дѣлали отъ времени до времени ставки, а одинъ сдавалъ карты каждому послѣ каждой ставки. Среди играющихъ находились виргинецъ и Стивъ; остальные были неизвѣстны мнѣ.

— Да, не подходящее мѣсто для новичковъ въ стрѣльбѣ, — повторилъ голосъ, и я увидалъ, что онъ принадлежалъ человѣку, сдававшему карты. Внѣшность его вполнѣ соотвѣтствовала его непріятному, грубому голосу.

— Кто это говоритъ? — спросилъ я тихо у стоявшаго рядомъ со мною человѣка.

— Трампасъ.

— Кто онъ такой?

— Табунщикъ, кутила, мѣдный лобъ и все, что вамъ угодно.

— А кому онъ это говоритъ?

— Кажется, этому черноволосому малому.

— Повидимому, у нихъ добромъ не кончится?

— А вотъ сейчасъ увидимъ.

— Они и раньше не ладили?

— До сихъ поръ имъ не приходилось сталкиваться. Трампасъ не любитъ проигрывать чужимъ.

— Этотъ малый изъ Аризоны, вы говорите?

— Нѣтъ. Изъ Виргиніи. Онъ недавно заѣзжалъ въ Аризону, такъ, для разнообразія. Онъ работаетъ въ „Глубокой Рѣкѣ".

---

[1]) Аризона славится буйнымъ характеромъ и смѣлостью своего населенія. Тамъ всѣ прекрасно стрѣляютъ и при малѣйшемъ поводѣ хватаются за оружіе.

У стола въ углу наступило молчаніе, и потомъ опять раздался голосъ Трампаса.

— И десять,—проговорилъ онъ, отодвигая рукой крошки со стола. Страннымъ казалось его стараніе придать вызывающій оттѣнокъ своему голосу. Виргинецъ смотрѣлъ въ свои карты. Онъ точно оглохъ.

— И двадцать,—сказалъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ игрокъ и сбросилъ карту.

Теперь былъ чередъ южанина дѣлать ставку или бросить игру, но онъ медлилъ, и поэтому заговорилъ Трампасъ:

— Да ставьте, что-ли, карту, этакій вы...

Въ то же мгновеніе рука виргинца съ пистолетомъ легла на столъ, и онъ произнесъ, прицѣливаясь и обращаясь къ Трампасу голосомъ еще болѣе мягкимъ, чѣмъ когда-либо, и только немного болѣе обыкновеннаго растягивая слова, такъ что между каждымъ словомъ была пауза:

— Если вы хотите обозвать меня этимъ словомъ,—улыбнитесь только.

Да, голосъ былъ мягкій, но въ моихъ ушахъ онъ прозвучалъ похороннымъ звономъ, и въ огромной комнатѣ наступила гробовая тишина. Всѣ присутствовавшіе сразу почувствовали, что должно что-то произойти, и иные замерли на своихъ мѣстахъ, а другіе безпокойно заёрзали на стульяхъ.

— Можете сидѣть спокойно,—презрительно замѣтилъ сдававшій карты моему сосѣду.—Развѣ не видите, что онъ вовсе не напрашивается на скандалъ? Онъ даетъ Трампасу возможность свободнаго выбора: или отступиться, или взяться за оружіе.

И въ самомъ дѣлѣ, очень скоро всѣ вышли изъ напряженнаго выжидательнаго состоянія. Голоса играющихъ, звонъ битой посуды, облака табачнаго дыма, наполнявшіеся и опорожнявшіеся стаканы ничѣмъ не выдавали того, что произошло, какъ поверхность моря не выдаетъ скрытой подъ нимъ глубины.

Трампасъ сдѣлалъ выборъ и не собирался взяться за оружіе. Если онъ только хотѣлъ испытать своего противника, то теперь безошибочно зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Никакого намека больше не было сдѣлано на то, что онъ разумѣлъ подъ словами: „новичокъ въ стрѣльбѣ“. Что за человѣкъ былъ этотъ Трампасъ? То, что онъ публично отступилъ передъ угрозой—ничего не могло доказывать: натуры бываютъ разныя. Я взглянулъ на его лицо, и оно мнѣ показалось мрачнымъ и скорѣе хитрымъ, чѣмъ смѣлымъ.

III.

Я стоялъ и размышлялъ о случившемся. Изъ задумчивости меня вывелъ голосъ человѣка, сдававшаго карты:

— Ну что, вѣдь я говорилъ вамъ, что онъ не станетъ стрѣлять? Онъ — изъ тѣхъ людей, которыхъ нечего опасаться.

Человѣкъ, игравшій съ нимъ и все время проигрывавшій, съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на уроженца Виргиніи.

— Ну, ужъ послѣ этого я не знаю, кого вы считаете опаснымъ человѣкомъ.

— Не его, конечно!—воскликнулъ сдававшій карты съ восхищеніемъ.—Онъ смѣлый человѣкъ. Это совсѣмъ другое дѣло. Труса я скорѣе испугаюсь. Вотъ, въ прошлый четвергъ пріѣхалъ сюда одинъ такой. Ну, произошло недоразумѣніе изъ-за выпивки. Не успѣли мы вступиться, какъ онъ уже поранилъ двухъ совершенно неповинныхъ зрителей. Они столько же были замѣшаны въ дѣлѣ, сколько мы съ вами, сэръ,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— И что же, тяжело они были ранены?—освѣдомился я.

— Да, одинъ особенно. Онъ вскорѣ послѣ того умеръ.

— А что же было потомъ съ этимъ человѣкомъ?

— Да что, мы его выпутали изъ дѣла. Онъ въ ту же ночь умеръ. Вотъ отчего я избѣгаю трусовъ. Трусъ всегда стрѣляетъ, когда еще въ этомъ нѣтъ надобности, и неизвѣстно, въ кого попадетъ. А за такого, какъ этотъ черноволосый малый, нечего безпокоиться. И еще потому не стоитъ безпокоиться, что, все равно, *будетъ слишкомъ поздно!*

Произнеся эти слова, онъ весь ушелъ въ свои карты, а я пошелъ бродить отъ одного стола къ другому. Кромѣ Трампаса, почти во всѣхъ лицахъ игроковъ было что-то пріятное. Это были по большей части молодцеватые объѣздчики, съ загорѣлыми и обвѣтренными лицами, молодежь, ничѣмъ не стѣсняемая и въ свободную минуту спускавшая весь свой, тяжелымъ трудомъ добытый заработокъ. Мнѣ представились свѣтскіе городскіе салоны, и я предпочелъ это полу-дикое мѣстечко въ Скалистыхъ-горахъ. Въ немъ было большее количество смертей, но меньше пороковъ, чѣмъ въ игорныхъ домахъ Нью-Іорка. А смерть гораздо чище порока. Порочности не было замѣтно на этихъ дикихъ, мужественныхъ лицахъ, и если иногда и проглядывало какое-нибудь низкое чувство, то оно не являлось преобладающимъ. Смѣлость, веселость, выносливость—вотъ что бросалось мнѣ въ глаза при

взглядѣ на этихъ табунщиковъ. Они со всею ихъ особенностью задѣли за живое мое американское сердце, и я не забуду ихъ всю мою жизнь.

Самымъ типичнымъ изъ нихъ былъ, несомнѣнно, „черноволосый“ малый, какъ назвалъ его человѣкъ, сдававшій карты. Проигравъ довольно долго съ перемѣннымъ счастьемъ,—что дало Трампасу возможность немного отыграться,—южанинъ взглянулъ на Стива и произнесъ:

— А что, какъ насчетъ кровати?—и прибавилъ, отвѣчая на собственный вопросъ:—Не пора ли и мнѣ на боковую!

Стивъ напустилъ на себя притворное равнодушіе, хотя пари насчетъ американскаго торговца занимало его гораздо болѣе игры. Онъ вытащилъ толстые золотые часы съ украшеніями и, внимательно поглядѣвъ на нихъ, произнесъ:

— Всего одиннадцать часовъ.

— Ты забываешь, что я деревенскій житель,—сказалъ черноволосый малый.—Наши куры, небось, давнымъ-давно взгромоздились на насѣсть.

Онъ получилъ свой выигрышъ, всталъ, и снова всѣ присутствовавшіе, какъ будто при помощи безмолвныхъ магическихъ знаковъ, почувствовали, что должно что-то произойти. Многіе бросили игру и подошли поближе.

— Если онъ еще не ложился...—задумчиво произнесъ южанинъ.

— Я сейчасъ посмотрю,—сказалъ я, и поспѣшилъ въ полутемную спальную, радуясь, что могу принять участіе въ происходившемъ.

Тамъ всѣ уже легли; на нѣкоторыхъ кроватяхъ спали подвое. Американецъ только-что пришелъ и еще не спалъ.

— А я думалъ, что вы спите въ магазинѣ,—сказалъ онъ.

Я рѣшился солгать и объявилъ, что ищу моего табунщика.

— Ужъ лучше ищите чертей, скорѣе найдете,—отвѣчалъ американецъ:—эти табунщики не часто попадаютъ въ городъ.

Въ эту минуту я споткнулся на что-то, лежавшее на полу.

— Это мой ящикъ съ „истребителемъ чахотки“,—пояснилъ американецъ.—Они теперь цѣлую ночь не придутъ.

— А что, кровать узкая?—освѣдомился я.

— Для двоихъ—да. И подушки жидковаты. Надо обѣ положить, чтобы почувствовать что-нибудь подъ головою.

Онъ зѣвнулъ, и я пожелалъ ему пріятныхъ сновидѣній.

Когда я сообщилъ табунщику о томъ, что видѣлъ, онъ немедленно направился въ спальную, а я и Стивъ тихонько по-

слѣдовали за нимъ. За нашими спинами вытянулись въ рядъ всѣ остальные въ выжидательныхъ позахъ и шопотомъ передавая другъ другу о томъ, что̀ должно было произойти.

Изъ полумрака раздался голосъ американца, предостерегавшаго своего товарища по спанью:

— Не наткнитесь на „истребителя чахотки". Принцъ Уэльскій только что ссадилъ себѣ объ него кожу.—Вѣроятно мой англійскій костюмъ снискалъ мнѣ этотъ высокій титулъ.

Слышно было паденіе сапогъ табунщика, потомъ звукъ быстро разстегиваемыхъ пуговицъ.

— Ахъ, благодарю васъ! — отвѣчалъ онъ на какой-то вопросъ американца.—Съ края или къ стѣнѣ—мнѣ все равно.—Раздался шорохъ простыни и скрипъ кровати. Настроеніе ожиданія среди насъ усилилось. Какъ будто насталъ моментъ, когда съ фотографической камеры должны снять крышку.

— Мнѣ кажется,—раздался голосъ американца—что вамъ должны мѣшать вашъ ножъ и пистолетъ подъ подушкой. Вы бы ихъ положили на стулъ. Такъ будетъ гораздо удобнѣе.

— Нѣтъ, именно тогда мнѣ будетъ неудобно.

— Вы, значитъ, такъ привыкли чувствовать ихъ близость?

— Вотъ именно. Безъ нихъ я не могъ бы заснуть.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи. Если я начну разговаривать и ворочаться по постели, вы понимаете,—такъ вы...

— Понимаю,—надо васъ разбудить.

— Нѣтъ, Боже сохрани! не прикасайтесь тогда ко мнѣ.

— А что̀ же я долженъ буду дѣлать?

— Откатитесь въ сторону. Вѣдь это продлится всего какую-нибудь минуту.—Южанинъ говорилъ успокоительнымъ тономъ. Наступило молчаніе, потомъ американецъ откашлялся разъ или два.

— Я полагаю, это просто кошмары? — произнесъ онъ наконецъ.

— Ну, разумѣется. И случается это со мною раза два въ годъ, не больше. А ужъ вы подумали, что это припадки?

— Ахъ, нѣтъ! я только хотѣлъ знать.

— Ну да, я и предупредилъ васъ, чтобы вы были въ полной безопасности. Избѣгайте коснуться меня рукой или ногой, если я вдругъ начну прыгать по кровати. Это значитъ—мнѣ снятся индѣйцы. И если меня въ это время тронуть, то я могу во снѣ схватиться за ножъ.

— Да, понимаю,—произнесъ американецъ не вполнѣ твердымъ голосомъ и откашлялся.

Стивъ, въ полномъ восхищеніи, шепталъ про себя ругательства и посылалъ своему товарищу одно непечатное названіе за другимъ.

Мы снова прислушались, но голосовъ больше не было слышно. Въ тишинѣ раздавалось учащенное дыханіе и безпокойное переворачиванье несчастнаго американца. Онъ ждалъ. Но это продолжалось недолго. Послышался легкій скрипъ и легкіе шаги. Онъ не рѣшился даже надѣть сапоги, находясь въ такомъ опасномъ сосѣдствѣ. Намъ пришла въ голову счастливая мысль, и мы всѣ вытянулись въ двѣ шеренги, начиная отъ дверей. Торговецъ отъ страха забылъ о своемъ „истребителѣ чахотки" и грузно шлепнулся на него. Южанинъ страшно завылъ съ постели, и тогда произошло нѣчто неописуемое. Дверь распахнулась, и изъ нея вылетѣлъ американецъ въ однихъноcкахъ. Одной рукой онъ держалъ въ охапкѣ сюртукъ и панталоны съ болтавшимися подтяжками, другая рука судорожно сжимала сапоги. Увидавъ насъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и выронилъ все изъ рукъ, а дожидавшіеся люди окружили его и завертѣлись въ дикомъ и шумномъ хороводѣ. Тѣ, кто спалъ, повскакали съ кроватей, быстро одѣваясь и хватаясь за пистолеты, въ ожиданіи войны. Раздавались возгласы и вопросы:

— Что такое? Что случилось?

— Да вотъ, кажется, Стивъ собрался заплатить пари,—произнесъ южанинъ съ постели, и въ первый разъ я увидалъ, какъ онъ широко улыбнулся.

— Я имъ не дамъ ложиться всю ночь!—вопилъ Стивъ, и хороводъ продолжалъ свою дикую пляску. Американецъ жалобно пищалъ, умоляя, чтобы ему дали по крайней мѣрѣ надѣть сапоги, но его перебрасывали изъ рукъ въ руки, какъ воланъ, приговаривая: „теперь сюда, разъ!"—„теперь туда, бацъ!" Зачинщики игры ворвались въ спальную. „Заводи машину!.. заводи хорошенько!"—закричали они и, схвативъ нѣмца, продававшаго драгоцѣнности, стали и его перебрасывать отъ одного къ другому. Я видѣлъ, какъ онъ взлеталъ и подпрыгивалъ, точно зерно на мельничномъ жерновѣ. За нимъ полетѣлъ одинъ еврей, потомъ желѣзнодорожный чиновникъ и второй еврей. И пока я стоялъ, загипнотизированный всѣмъ происходившимъ, ноги мои вдругъ отдѣлились отъ пола, я вылетѣлъ изъ комнаты, какъ пробка изъ бутылки, и завертѣлся вмѣстѣ съ другими, при дружныхъ крикахъ:—„А вотъ и принцъ Уэльскій!"—Вскорѣ отъ моего англійскаго костюма осталось очень мало. Достали гдѣ-то скрипача и продолжали бѣсноваться подъ звуки музыки. Стивъ испол-

нялъ роль хозяина, просилъ насъ не стѣсняться и требовать все, что только вздумается. Захватили съ собой еще двухъ скрипачей, боченки, бутылки и кружки, и отправились по всему городу, обходя всѣ дома и закоулки, гдѣ еще какимъ-то чудомъ люди продолжали спать. Одинъ обыватель отказался-было встать, но, предвидя это, содержатель магазина, производившій впечатлѣніе такого почтеннаго господина, захватилъ съ собою приспособленіе въ видѣ боченка и доски. Табунщики громко привѣтствовали его, понявъ, въ чемъ дѣло. Человѣкъ, отказавшійся вставать, увидалъ все изъ окна и тоже понялъ. Испустивъ раздирающій душу стонъ, онъ немедленно вышелъ и присоединился къ намъ. Вскорѣ я познакомился съ адской машиной. Ее пустили въ ходъ, такъ какъ нѣкоторые обыватели не обращали вниманія ни на крики, ни на скрипачей. Тогда южанинъ сѣлъ на землю, держа въ объятіяхъ пустой боченокъ, а двое другихъ стали колотить въ него доской. И боченокъ, и доски были смазаны смолой, и звукъ получался невѣроятный. Вы знаете, что раздается, когда по узкой улицѣ ѣдетъ повозка, нагруженная желѣзными полосами? Ну, такъ знайте же, что это—колыбельная пѣсня въ сравненіи съ тѣмъ грохотомъ, который раздался изъ боченка. Еслибы вы попробовали устроить такую штуку въ своемъ родномъ городѣ, то васъ не только арестовали бы,—васъ бы повѣсили, и каждый былъ бы радъ, и священникъ отказался бы васъ хоронить. Моя голова, мои зубы, вся моя нервная система и весь мозгъ костей моихъ задрожалъ и заныла отъ этого грохота, а изъ дома, точно косточки изъ выжимаемаго лимона, выскочили мужъ съ женою. Лишившись такимъ образомъ сна, они стали дѣлать все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы не давать спать и другимъ обитателямъ Медисинъ-Боу, и процессія двинулась дальше съ музыкой, гиканьемъ и грохотомъ. Вдругъ все сразу стихло. Узнали, что очень больна жена инженера. Посылали въ Ларами за докторомъ. Инженера всѣ любили, и табунщики сразу прекратили свое неистовое бѣснованье. Всѣ стали расходиться по домамъ. Иные табунщики вернулись къ карточнымъ столамъ, другіе собирались ложиться спать. Я слышалъ, какъ Стивъ уговаривалъ южанина выпить еще стаканъ вина.

— Въ кои-то вѣки судьба насъ свела,—сказалъ онъ, но черноволосый малый отказался наотрѣзъ.

— На мнѣ лежитъ отвѣтственность,—произнесъ онъ, и Стивъ взглянулъ на меня. Изъ этого я могъ заключить, что „вѣрный человѣкъ“ судьи Генри смотрѣлъ на меня, какъ на помѣху для своего веселья, но онъ ничѣмъ мнѣ этого не показалъ и ни за

что не сталъ бы подвергать меня какому-нибудь неудобству изъ-за своего удовольствія.

— Если вамъ что-нибудь понадобится, пожалуйста обратитесь ко мнѣ, — сказалъ онъ, прощаясь со мною. Я поблагодарилъ его и прибавилъ:

— Какой веселый вечеръ мы провели!

— Я очень радъ, что вамъ это понравилось,—отвѣчалъ онъ, и снова—тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшей интимности.

Тихо было въ Медисинъ-Боу, когда я шелъ ложиться на свой прилавокъ, такъ тихо, что слышны были свистки поѣздовъ, доносившіеся черезъ огромныя пространства. Табунщики, завернувшись въ одѣяла, спали подъ сіяющимъ ночнымъ небомъ.

— Въ какой я міръ попалъ?—произнесъ я невольно громко, говоря самъ съ собою.—Неужели на этой же планетѣ находится и моя Пятая-улица? — и я сталъ укладываться спать, размышляя о своей родинѣ.

IV.

Когда я проснулся, солнце уже давно взошло, и въ магазинѣ началось движеніе, преимущественно въ отдѣленіи колоніальныхъ товаровъ. Тѣ табунщики, у которыхъ уцѣлѣло нѣсколько долларовъ отъ ночного кутежа, тратили ихъ теперь на табакъ, патроны и консервы, годные для далекаго пути. Всевозможные консервы и маринады были первымъ, что даровала цивилизація этой дѣвственной странѣ. Табунщики исчезли теперь, вѣтеръ давно развѣялъ пепелъ ихъ забытыхъ костровъ, но пустыя жестянки изъ-подъ сардинокъ лежатъ и ржавѣютъ на покинутой ими землѣ.

Я сквозь сонъ прислушивался къ долетавшимъ до меня разговорамъ и собиралъ нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія. Такъ я узналъ настоящую цѣну томатовъ въ этой странѣ. Какой-то молодой табунщикъ купилъ двѣ жестянки томатовъ.

— А что, „Луговая-Рѣчка“ уже высохла?—спросилъ содержатель магазина.

— Ужъ десять дней, какъ пересохла,—сообщилъ табунщикъ. Повидимому, на пути ему не предстояло встрѣтить воду до самаго вечера, благодаря тому, что эта „Луговая Рѣчка“ пересохла, и томаты должны были служить ему для утоленія жажды. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось употреблять ихъ для этой цѣли.

— А пива вамъ не надо?—спросилъ содержатель магазина.

Юноша сдѣлалъ испуганное лицо.

— Не произносите при мнѣ даже этого слова!—воскликнулъ онъ.—На три мѣсяца далъ зарокъ не пить; буду чистъ, какъ горный снѣгъ!—И онъ быстро вышелъ. Ему предстояло проѣхать семьдесятъ-пять миль. Три мѣсяца тяжелой работы, безъ отдыха и крова, а потомъ опять онъ явится въ городъ, и его юная, здоровая натура громко начнетъ предъявлять свои требованія.

— Очень вамъ благодаренъ, — услышалъ я сквозь дремоту другой голосъ.—Ей стало лучше сегодня утромъ послѣ лекарства.—Это говорилъ инженеръ. — Я передамъ ей цвѣты, какъ только она проснется.

— Цвѣты?—переспросилъ содержатель магазина.

— А развѣ это не вы положили букетъ передъ нашей дверью?

— Очень жалѣю, что не подумалъ объ этомъ.

— А она очень любитъ цвѣты, — произнесъ инженеръ, и медленно направился къ двери, не договоривъ своей благодарности. Скоро онъ вернулся, въ сопровожденіи черноволосаго малаго, у котораго изъ-за ленты на шляпѣ выглядывало нѣсколько цвѣтковъ.

— Право, не стоитъ даже говорить,—произнесъ южанинъ, смущенный выраженіями благодарности инженера.—Еслибы мы только знали ночью...

— Нѣтъ, вы ее нисколько не обезпокоили, — перебилъ его инженеръ.—Сегодня ей лучше. Я скажу ей про цвѣты.

— Да зачѣмъ же, право не стоитъ!—снова запротестовалъ табунщикъ почти съ досадой.—Цвѣты показались мнѣ такими свѣжими, и я только-что нарвалъ ихъ.—Его взглядъ упалъ на меня.—Кажется, скоро подадутъ завтракъ,—замѣтилъ онъ. Я пошелъ умываться. Несмотря на ранній часъ, многіе уже побывали у корыта. Я убѣдился въ этомъ, взглянувъ на полотенце, но не рѣшился спросить у хозяйки чистое, и употребилъ вмѣсто полотенца чистый носовой платокъ. За завтракомъ табунщики пробовали заигрывать съ хозяйкой, но безъ всякаго успѣха. Однако, американскій торговецъ не терялъ надежды, и за ѣдой похвалилъ въ сильныхъ выраженіяхъ ея золотистые волосы. Ей это видимо не понравилось, но она промолчала. Тогда, подойдя къ ней, чтобы расплатиться, онъ продолжалъ:

— Какъ жаль, что это нашъ послѣдній завтракъ. Тамъ, куда я ѣду, хватило бы мѣста для двоихъ.

— Ну, и отыщите себѣ дуру подъ пару, — отвѣчала спокойно хозяйка, и я порадовался, что не попросилъ у нея чистаго полотенца.

Мало-по-малу всѣ разъѣхались. Наступила тишина. На небѣ не было ни облачка, ни птицы. Въ дверяхъ я увидалъ фигуру уроженца Виргиніи. Онъ разговаривалъ съ золотоволосой хозяйкой, стоявшей рядомъ съ нимъ. Въ отдаленіи проносились стада антилопъ, а неподалеку выглядывали добродушныя собаки прэріи и испытующе слѣдили за мной глазами. Черезъ четыре часа пришелъ поѣздъ. Я встрѣтилъ его, стоя на платформѣ; видѣлъ, какъ изъ него выгрузили мой сундукъ,—и какъ онъ, дымясь, двинулся и исчезъ въ невѣдомой дали. Рядомъ съ моимъ сундукомъ находился другой, очень странно завязанный бѣлой лентой. Вдругъ я увидалъ виргинца. Онъ весь трясся отъ смѣха, такъ что на него весело было смотрѣть. Зёрна риса ударились о мою шляпу и цѣлыя его пригоршни градомъ посыпались на нашу платформу. Всѣ, кто только оставался въ Медисинъ-Боу, явились на платформу, какъ бы по волшебству, и рисъ такъ и замелькалъ въ воздухѣ. Среди всеобщаго шума и говора выдѣлился надтреснутый голосъ и произнесъ:

— Смотрите, ребята, не попадите ей въ глаза! — и мимо меня гордо прослѣдовалъ дядя Югей, ведя подъ руку свою на этотъ разъ настоящую жену. Она легко могла бы сойти за его внучку. Новобрачные усѣлись въ повозку, сзади помѣстили сундукъ и выѣхали изъ города, сопровождаемые пригоршнями риса, смѣхомъ и всевозможными пожеланіями. Раздались вопросы:

— Кто она такая?

— Чтò онъ за нею взялъ?—Золотой пріискъ...

И, высказавъ всевозможныя предположенія и предсказанія, всѣ вернулись въ городъ обѣдать. Это былъ мой послѣдній обѣдъ въ Медисинъ-Боу. „Вѣрный человѣкъ“ снаряжалъ меня въ дорогу, оказывая разныя мелкія услуги, но съ прежнею сдержанностью, не допускавшею никакого сближенія. Сѣвъ рядомъ съ нимъ въ повозку, я никакъ не могъ рѣшить, о чемъ будемъ мы съ нимъ говорить на протяженіи двухъ-сотъ-шестидесяти-трехъ миль. Когда мы проѣзжали мимо ресторана, боковое окно отворилось, и хозяйка въ послѣдній разъ взглянула на табунщика. Губы ея были слегка раскрыты, и никогда еще глаза женщины не говорили болѣе ясно: „я—ваша собственность“. Она забыла, что ее могли видѣть. Замѣтивъ мой взглядъ, она быстро отодвинулась въ полумракъ комнаты. Какими глазами взглянулъ онъ на нее—я не знаю. Онъ, повидимому, глядѣлъ только на лошадей и правилъ ими съ такой же ловкостью и свободой, съ какой третьяго дня поймалъ дикую лошадь въ загонѣ. Мы выѣхали на открытую равнину, оживляемую стадами антилопъ и собаками прэрій. Мы

окунулись въ море прозрачнаго воздуха, чистаго какъ вода и крѣпкаго какъ вино. Все было пронизано солнечными лучами, и на груди южанина, на его фланелевой рубашкѣ сверкала прядь золотыхъ волосъ. Молчаливый южанинъ, очевидно, пользовался бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ надоѣдливый американскій торговецъ.

Мы проѣхали молча пять миль, то теряя, то снова находя линію горизонта среди волнистой поверхности земли. Я оглянулся и увидалъ Медисинъ-Боу, похожій на камень, брошенный сзади насъ. Черезъ полчаса опять оглянулся, и опять увидалъ тотъ же Медисинъ-Боу, немного уменьшившійся, правда, но видимый въ мельчайшихъ подробностяхъ, точно сквозь уменьшительное стекло бинокля. Къ станціи подходилъ поѣздъ, и я разглядѣлъ бѣлый дымъ, выходившій изъ трубы; но когда до насъ долетѣлъ свистокъ, поѣздъ уже остановился. Я обратилъ вниманіе моего спутника на это явленіе, и онъ соблаговолилъ замѣтить, что въ Аризонѣ это еще больше поражаетъ.

— Въ Аризону одинъ разъ пріѣзжалъ янки съ телескопами, чтобы изучать небесныя тѣла. И вотъ какъ-то ночью мы наблюдали за падучими звѣздами, и я увидалъ движущійся свѣтъ и завопилъ отъ восторга. Но онъ сказалъ мнѣ, что это я вижу не звѣзду, а поѣздъ. Я ему отвѣтилъ, что теперь поѣзда никакого быть не можетъ, а онъ и говоритъ: „да это вы видите вчерашній поѣздъ". — Южанинъ замолчалъ и обратился съ какимъ-то строгимъ замѣчаніемъ къ одной изъ лошадей.—Конечно,— продолжалъ онъ, обращаясь снова ко мнѣ:—этотъ янки не думалъ о томъ, что̀ говорилъ... Ну ты, Букъ!—прикрикнулъ онъ на лошадь.—Но несомнѣнно, сэ, что въ Аризонѣ—самая обманчивая атмосфера. Одинъ старикъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ одну даму передъ самымъ своимъ носомъ, и отскочилъ отъ нея на довольно большое разстояніе.—И онъ хлестнулъ Бука.

— А какое дѣйствіе, — освѣдомился я, не уступая ему въ серьезности тона,—на такое сокращеніе разстояній оказываетъ кварта виски?

— Для нея, сэ, никакія разстоянія ничего не значатъ.

Онъ покосился на меня однимъ глазомъ съ бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ прежде. Я сдѣлалъ одинъ шагъ къ достиженію его симпатіи, но мнѣ предстояло еще много такихъ шаговъ. Мой спутникъ снова погрузился въ молчаніе, очевидно предпочитая собственныя мысли моему разговору, тогда какъ я предпочелъ бы его разговоръ собственнымъ мыслямъ. Я спросилъ его, много ли онъ путешествовалъ, и получилъ короткій отвѣтъ:

— Да, побывалъ тутъ кое-гдѣ.

Позднѣе я узналъ, что онъ въ свои двадцать-четыре года успѣлъ побывать въ Арканзасѣ, Техасѣ, Новой-Мексикѣ, Аризонѣ, Калифорніи, Орегонѣ, Идаго, Монтанѣ и Вайомингѣ. Вездѣ онъ жилъ вполнѣ самостоятельно, заботясь самъ о себѣ, и ни разу еще въ его сердцѣ не зарождалось желаніе имѣть свой домашній очагъ.

Между тѣмъ Медисинъ-Боу совершенно скрылся изъ глазъ, и насъ поглотила безпредѣльная пустыня. Первую ночь мы провели въ пастушьей хижинѣ. Въ ней жило два пастуха, большіе любители животныхъ. Молодой ручной лось то входилъ, то выходилъ изъ дверей хижины, а во время ужина всячески старался спихнуть меня со стула. Полуручной горный баранъ упражнялся въ прыганьѣ, стараясь вскочить съ земли на крышу. Внутри стѣны хижины были оклеены афишами какого-то цирка, а полъ былъ устланъ шкурами медвѣдей и серебристыхъ лисицъ. До девяти часовъ вечера одинъ изъ пастуховъ разговаривалъ съ моимъ спутникомъ, а другой игралъ на концертинѣ. Потомъ всѣ улеглись спать. Холодно было, какъ въ декабрѣ, но мнѣ было тепло подъ моимъ одѣяломъ и буйволовой шкурой, и я заснулъ, наслаждаясь горной тишиною. Когда на разсвѣтѣ я пошелъ умываться, то нашелъ въ ведрѣ съ водою ледяныя иглы, но все-таки трудно было себѣ представить, что мы находились на шесть-сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, а послѣ завтрака не осталось и слѣда декабрьскаго холода, и когда мы отъѣхали десять миль, то уже не было сомнѣнія, что теперь іюнь мѣсяцъ. Въ этотъ день мы не встрѣтили ни единаго человѣческаго существа; намъ попадались только дикіе звѣри. Во время обѣда намъ удалось убить гремучую змѣю и застрѣлить нѣсколько дикихъ курочекъ. Мы ихъ зажарили на кострѣ къ ужину, и онѣ оказались очень вкусными. Въ половинѣ девятаго мы улеглись спать подъ открытымъ небомъ, а въ половинѣ пятаго я уже пилъ кофе и дрожалъ отъ холода. Когда пришло время запрягать, то оказалось очень трудно поймать одну изъ нашихъ лошадей, Бука. Можетъ быть, на него подѣйствовалъ горный воздухъ—не знаю, но только я былъ весь въ поту, когда намъ удалось наконецъ привести запряжку къ благополучному или, вѣрнѣе, къ неблагополучному концу, потому что Букъ на своемъ таинственномъ лошадиномъ языкѣ толковалъ что-то очень злое своему сосѣду, и къ одиннадцати часамъ они, точно сговорившись, порѣшили сломать намъ шею. Они могли устроить это и раньше, но очевидно Букъ хотѣлъ выбрать наибольшій театральный эффектъ. Дождавшись, когда дорога пошла надъ обрывомъ, а внизу было видно огром-

ное стадо и табунщики, выжигавшіе тавро на телятахъ въ загонѣ, лошади подхватили и понесли.

— Не выскакивайте!—скомандовалъ черноволосый малый.

— Не выскочу,—отвѣчалъ я въ то мгновеніе, когда съ меня срывало шапку. Помощи ждать было неоткуда. Мы невредимо промчались среди стада. Я увидѣлъ рога и спины животныхъ, бросавшихся въ сторону. Глыба земли оторвалась и разсыпалась въ мелкіе куски; мы шлепнулись съ размаха въ воду, крутившуюся и колыхавшуюся среди камней, и выскочили на другой берегъ, среди обрывающихся и осыпающихся земляныхъ глыбъ. Я услышалъ трескъ и увидѣлъ, какъ мой сундукъ произвольно выгрузился въ потокъ.

— Ему тамъ безопаснѣе,—замѣтилъ мой спутникъ.

— Это вѣрно,—согласился я.

— Мы потомъ вернемся за нимъ,—продолжалъ табунщикъ, не спуская глазъ съ лошадей и упираясь ногою въ поврежденный тормазъ. Передъ нами находился сухой оврагъ. Съ противоположной стороны онъ заканчивался скалами, поднимавшимися вверхъ террасами. Поворачивать было некуда,—оставалось выбрать, куда падать: впередъ или назадъ. Табунщикъ направилъ лошадей прямо и какъ разъ на днѣ оврага съ необыкновенной ловкостью круто повернулъ ихъ направо, въ мѣсто, заросшее небольшими деревьями и кустарникомъ. Лошади запутались ногами въ вѣтвяхъ и принуждены были остановиться. Я поглядѣлъ на „вѣрнаго человѣка“ и слабо улыбнулся. Онъ тоже посмотрѣлъ на меня съ минуту.

— Что, небось все время Бога призывали?—проговорилъ онъ и сошелъ на землю.

— Да, именно,—согласился я.

— Ничто не сломано,—заявилъ онъ послѣ тщательнаго осмотра. Я высказалъ ему, что считаю—онъ спасъ жизнь и мнѣ, и себѣ, но онъ терпѣть не могъ прямыхъ словъ благодарности и, проворчавъ какое-то возраженіе, сталъ выводить лошадей изъ запутавшаго ихъ густого кустарника. Онъ объяснилъ мнѣ, что и Букъ, и его товарищъ были очень хорошія лошади, оттого судья и выслалъ ихъ за мною, но что у каждой лошади бываютъ свои неудачные дни,—онѣ этимъ похожи очень на людей,—заключилъ онъ.

Подобравъ мой сундукъ и шляпу, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Отъ нашихъ двухсотъ-шестидесяти-трехъ миль оставалось уже немного, и лошади чуяли близость дома. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога развѣтвлялась, они собрались-было повернуть

въ сторону, но табунщикъ быстро направилъ ихъ по другой дорогѣ.

— Хотите вернуться къ Балааму? — спросилъ онъ, обращаясь къ нимъ.—Ну, я думалъ, вы умнѣе.

Я спросилъ, кто этотъ Балаамъ.

— Истязатель лошадей,—отвѣчалъ табунщикъ.—Судья купилъ у него и Бука, и другого весною.

— Вы говорите, онъ истязаетъ лошадей?

— Да, всѣ кругомъ это говорятъ, — и онъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности. Я невольно вскрикнулъ отъ ужаса.

— Еслибъ я увидалъ, какъ человѣкъ это дѣлаетъ...—началъ табунщикъ, но его слова были прерваны подъѣхавшимъ къ намъ скромнаго вида человѣкомъ на такой же, какъ и онъ, скромной лошадкѣ.

— Какъ поживаете, м-ръ Тэлоръ?—воскликнулъ мой спутникъ, и они обмѣнялись взаимными привѣтствіями.—Ну, что новенькаго?

— Говорятъ, поймали человѣка за картами, да и ограбили его. Какъ видите, новости васъ опередили.

— Это Трампасъ здѣсь былъ и разсказывалъ?—съ улыбкой спросилъ табунщикъ.

— А это имя вашей жертвы? Нѣтъ, это не онъ говорилъ.

— Вообще, не стоитъ объ этомъ и говорить,—замѣтилъ табунщикъ.—Ну, а у васъ какія новости?

М-ръ Тэлоръ принялъ важный видъ.

— Въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ собираются строить школу,—объявилъ онъ.

— Господи, Ты Боже мой!—воскликнулъ табунщикъ.—Это зачѣмъ же?

— Для того, чтобы давать образованіе отпрыскамъ обитателей „Медвѣжьей Рѣки“, — съ гордостью отвѣчалъ м-ръ Тэлоръ, женившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Отпрыски обитателей „Медвѣжьей-Рѣки“? — задумчиво повторилъ табунщикъ: — да тамъ дѣти родятся во множествѣ только у глупыхъ кроликовъ.

— У дяди Кармоди шестеро ребятъ, да у Бенъ-Доу, —возразилъ м-ръ Тэлоръ. — И Вестфаль сдѣлался семейнымъ человѣкомъ, и...

— Джимъ Вестфаль!—воскликнулъ табунщикъ: — семейный человѣкъ! Ну, ужъ если здѣсь повсюду заведутся семейные люди, тогда...

— И вы женитесь,—подсказалъ м-ръ Тэлоръ.

— Я! Мои года еще не вышли. Нѣтъ, сэ! А вотъ дядя Югей, наконецъ, женился.

— Дядя Югей!—воскликнулъ м-ръ Тэлоръ:—да что вы говорите!—и онъ даже подпрыгнулъ на сѣдлѣ.

— Да, и поэтому стройте вашу школу. Дядя Югей получилъ право принимать участіе во всѣхъ подобныхъ начинаніяхъ. Вы ужъ пригладѣли себѣ учительницу?

V.

— Мы уже ищемъ ее, но не особенно торопимся, имѣя передъ глазами печальный примѣръ калефской школы. Что за охота получить такую же невѣжду! Ну и кокетки какой-нибудь намъ тоже не надо,—серьезно заявилъ м-ръ Тэлоръ.

— Конечно, она не должна спускать глазъ съ классной доски,—тѣмъ же тономъ подтвердилъ табунщикъ.

— Намъ нужно такую особу, за которую могли бы ручаться,—продолжалъ м-ръ Тэлоръ. Онъ вытащилъ изъ кармана письмо и взглянулъ на меня.—Вы не знакомы съ миссъ Мэри Старкъ Вудъ, изъ Беннингтона въ Вермонтѣ?

Тогда я еще не былъ съ нею знакомъ.

— Мы объ ней подумываемъ. Она въ перепискѣ съ м-съ Балаамъ.—Тэлоръ протянулъ мнѣ письмо.—Вотъ, прочитайте и скажите, какое можно составить о ней мнѣніе по этому письму.

Письмо было дѣловое, но написано не въ оффиціальномъ тонѣ, а какъ пишутъ хорошимъ знакомымъ. Очевидно, писавшая не предполагала, что оно будетъ играть роль документа. Она писала, что очень бы хотѣла воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ м-съ Балаамъ и побывать на Западѣ, но не могла сдѣлать этого только для удовольствія.

„Съ тѣхъ поръ, какъ заводъ прогорѣлъ,—писала она,—намъ всѣмъ приходится много работать, чтобы дать матери возможность оставаться жить въ старомъ домѣ. Я очень хотѣла бы учить въ школѣ, но не знаю, гожусь ли для этого. Жалованье соблазнительно, но полезенъ ли воздухъ Вайоминга для цвѣта лица? Мнѣ очень трудно будетъ пристроиться, если я утрачу мой цвѣтъ лица, которымъ все еще продолжаютъ восхищаться. Въ доказательство могу привести *по крайней мѣрѣ* одного свидѣтеля“.

Затѣмъ писавшая опять переходила въ дѣловой тонъ и вы-

ражала боязнь взяться за преподаваніе, не бывъ увѣренной, что съумѣетъ добросовѣстно выполнить обязательство.

„Я люблю дѣтей, особенно мальчиковъ, —писала она. — Съ моимъ маленькимъ племянникомъ мы великолѣпно ладимъ, но вообразите, что цѣлая толпа мальчишекъ начнетъ задавать мнѣ вопросы, на которые я не въ состояніи буду отвѣчать! Вѣдь съ ними не легко бываетъ сообразиться! Кромѣ того, мать говоритъ, что я не должна никого учить писать, потому что сама пишу по новому правописанію, котораго она не признаетъ". Письмо было подписано: „Съ искреннимъ привѣтомъ старая дѣва Молли Старкъ Вудъ".

— Это не важно, что она пишетъ по новому правописанію, —замѣтилъ м-ръ Тэлоръ. Отъ его не слишкомъ развитого ума ускользнули болѣе интересныя подробности письма.

Я объяснилъ ему, что многіе старые люди придерживаются и до сихъ поръ прежняго правописанія.

Южанинъ взялъ у меня изъ рукъ письмо и задумчиво и внимательно его разглядывалъ.

— „Съ искреннимъ привѣтомъ старая дѣва",—прочелъ онъ громко и медленно.

— Я думаю, это значитъ, что ей лѣтъ сорокъ, — сказалъ м-ръ Тэлоръ.

— А мнѣ кажется, что ей около двадцати,—возразилъ табунщикъ, и снова сталъ задумчиво разглядывать письмо.

— Я никогда не видалъ такого почерка,—продолжалъ м-ръ Тэлоръ,—но „Медвѣжья-Рѣка" ничего противъ него не будетъ имѣть, если только она при этомъ знаетъ ариѳметику, и про Георга Вашингтона, и все остальное, что требуется.

— Я надѣюсь, что она не слишкомъ твердо рѣшила остаться старой дѣвой, — продолжалъ свои догадки табунщикъ, все еще глядя на письмо, какъ на какой-то невѣдомо откуда посланный ему знакъ. Можетъ ли рѣшить какой-нибудь ботаникъ, откуда берется первое зерно любви, какими путями попадаетъ оно въ благопріятную для него почву, въ какихъ разнообразныхъ оболочкахъ носится этотъ зародышъ по необъятнымъ пространствамъ и гдѣ, притаившись, дожидается времени цвѣтенія?

Табунщикъ возвратилъ м-ру Тэлору листокъ почтовой бумаги, исписанный рукою дѣвушки, выражавшейся на такомъ непривычномъ для него языкѣ. Если ему и встрѣчались въ жизни подобныя дѣвушки, то онѣ никогда не отвѣчали на его взглядъ и говорили съ нимъ такъ, что онъ ясно чувствовалъ раздѣлявшее ихъ отъ него разстояніе. И несмотря на это, весь тонъ письма

не былъ ему такъ чуждъ, какъ м-ру Тэлору. Мы поѣхали дальше и проѣхали цѣлыхъ десять миль совершенно молча, пока, наконецъ, мой спутникъ не выразилъ словами занимавшихъ его мыслей.

— „Мнѣ очень трудно будетъ пристроиться, если я утрачу цвѣтъ лица",—повторилъ онъ фразу изъ письма и, улыбаясь, покачалъ головой.—И что она станетъ дѣлать въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ"?—прибавилъ онъ черезъ нѣсколько времени, и наконецъ закончилъ:—Я думаю, что „свидѣтель", о которомъ она пишетъ, удержитъ ее въ Вермонтѣ, и ея мать останется жить въ старомъ домѣ.

Такъ говорилъ южанинъ, не подозрѣвая, что зародышъ любви уже притаился въ его сердцѣ. На другой день мы прибыли въ „Глубокую-Рѣку", и радушный пріемъ судьи Генри и его жены заставилъ бы меня забыть гораздо большія невзгоды и неудобства, чѣмъ тѣ, которыя я испыталъ. Моего спутника я видалъ мало. Онъ опять впалъ со мною въ оффиціальный тонъ и обращался ко мнѣ не иначе, какъ съ прибавленіемъ слова „сэ", что особенно не подходило къ нравамъ свободной и равноправной страны. Мнѣ это было очень непріятно. Я разсчитывалъ на его дружбу послѣ всего, что намъ пришлось вмѣстѣ пережить, но эта надежда исполнилась только благодаря появленію въ нашей жизни одной особы (я беру на себя смѣлость назвать ее „особой"). Эта особа способствовала нашему сближенію, и поэтому я рѣшаюсь разсказать ея исторію.

VI.

Особа эта была курица и жила она въ помѣстьѣ „Глубокая-Рѣка". Судья Генри жилъ въ своемъ помѣстьѣ роскошно. У него, напримѣръ, было молоко. Гдѣ бы я ни обѣдалъ у сосѣдей, мнѣ всегда подавали неизмѣнныя ягоды, бобы и кофе, тогда какъ на столѣ въ „Глубокой-Рѣкѣ" зачастую появлялись яичницы и пудингъ. Ферма судьи Генри была очень обширна, и онъ заботился о ней, еще когда былъ холостымъ. Стада его мирно отдыхали въ прохладной тѣни хлопчатыхъ плантацій, неподалеку отъ воды, или же медленно бродили по прэріи, гдѣ, въ тѣ навѣки исчезнувшіе годы, трава была еще густа и высока. Когда судья Генри женился, то вліяніе его жены ясно сказалось на всемъ хозяйствѣ. Были посажены тѣнистыя деревья, пробовали разводить цвѣты, а къ курамъ и пѣтухамъ прибавили еще гораздо болѣе надоѣдливыхъ и несносныхъ индюшекъ. Пріѣхавъ

погостить къ судьѣ, я увлекся хозяйствомъ, сталъ завѣдывать птичьимъ дворомъ и рѣшилъ выстроить домъ для куръ. Часто при этомъ по близости отъ меня бродилъ какой-нибудь табунщикъ и молча слѣдилъ за моей работой. У всѣхъ этихъ объѣздчиковъ были свои прозвища: одного звали Медовый-Виггинъ, другого—Небраски, третьяго—Долларъ-Билль. Всѣ они явились изъ разныхъ мѣстъ: одни—съ фермъ, другіе—изъ городовъ и Калифорніи, но всѣхъ ихъ одинаково влекла жажда молодецкихъ подвиговъ, всѣ они были одинаково смѣлы, великодушны и одинаково смѣялись и забавлялись надо мною. Каждый изъ нихъ, посмотрѣвъ, какъ я справляюсь съ молоткомъ и пилою, шелъ въ помѣщеніе для служащихъ, и до меня долеталъ оттуда заразительный молодой смѣхъ. Это бывало по утрамъ, а послѣ полудня я обыкновенно или отправлялся на охоту, или шелъ къ устью канала, чтобы наблюдать за работами по орошенію фермы. Повсюду была проведена цѣлая система маленькихъ каналовъ и слышалось журчанье воды. Колыхалась сочная трава, какъ бы произвольно, при полномъ отсутствіи вѣтра, а вечеромъ, когда солнце садилось, край канала становился лиловымъ и горы преображались отъ быстро мѣнявшихся и совершенно невѣроятныхъ тѣней и тоновъ.

Такъ какъ я съ увлеченіемъ заботился объ улучшеніи быта куръ и цыплятъ, то меня прозвали „куриной няней". Вначалѣ м-съ Генри пробовала защищать меня отъ такого униженія, но вскорѣ убѣдилась, что мнѣ, все равно, не уйти отъ всеобщихъ насмѣшекъ. Я слишкомъ закоренѣлъ въ своей неопытности и невѣжествѣ относительно мѣстной жизни и ея условій, и ни отъ кого не скрывалъ своего невѣжества, разспрашивая всѣхъ и каждаго о гремучихъ змѣяхъ, собакахъ прэрій, филинахъ, лазоревкахъ, дикихъ курочкахъ, о томъ, какъ надо ловить лошадей посредствомъ лассо или подтянуть подпругу у сѣдла, и приходя въ восторгъ отъ такого обыкновеннаго животнаго, какъ бѣлохвостый олень.

Случайные посѣтители, заѣзжавшіе пообѣдать къ судьѣ, только въ первыя минуты, подчиняясь требованіямъ этикета, называли меня по имени. Едва успѣвъ поговорить со мною, они уже величали меня „куриной няней", и подъ этимъ названіемъ я былъ представленъ всѣмъ сосѣдямъ.

Благодаря моей безпомощности, мнѣ опять пришлось проводить большую часть моего времени съ „вѣрнымъ человѣкомъ". Убѣдившись, что я каждую минуту могъ заблудиться и, выходя съ ружьемъ на охоту, черезъ полчаса терялъ способность отличать сѣверъ отъ юга, судья Генри рѣшилъ приставить ко мнѣ

своего „вѣрнаго человѣка", и такимъ образомъ южанинъ былъ оторванъ отъ дѣла и отъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы няньчиться со мною. Онъ былъ мраченъ и разговаривалъ только въ случаяхъ крайней необходимости, но добросовѣстно исполнялъ возложенныя на него обязанности и почти каждый день спасалъ меня или отъ неминуемой смерти, или отъ возможности попасть въ смѣшное и глупое положеніе, что̀ еще хуже.

Разъ мы отправились съ нимъ охотиться на утокъ. Мы нашли нѣсколько штукъ возлѣ плотины, и я застрѣлилъ сразу двухъ, сидѣвшихъ рядомъ. Онѣ упали въ воду, и ихъ стало уносить теченіемъ. Мнѣ такъ было жалко ихъ потерять, что я влѣзъ въ воду одѣтый, и когда вылѣзъ обратно, то представлялъ собою скользкую, грязную и мокрую кучу. Табунщикъ поглядѣлъ на меня молча и сталъ привязывать птицъ къ сѣдлу.

— Онѣ не очень-то годятся для ѣды,—вѣдь это нырки.

— Нырки!—воскликнулъ я.—Почему же они не ныряли?

— Вѣроятно были еще молоды и неопытны.

— Да,—произнесъ я, пріунывъ, но все еще стараясь быть остроумнымъ:—настоящимъ-то ныркомъ оказался я.

Онъ ничего не возразилъ, но въ тотъ же день, проходя мимо помѣщенія для служащихъ, я слышалъ его мягкій голосъ. Онъ что-то разсказывалъ, и его внимательно слушали. До меня донеслись заключительныя слова:

— И только шляпа на его головѣ убѣдила меня въ томъ, что передо мною былъ человѣкъ, а не черепаха.

Разсказъ имѣлъ большой успѣхъ, а я поспѣшилъ удалиться.

На другое утро я былъ занятъ съ курами. Двѣ курицы оспаривали другъ у друга яйца, которыя ежедневно клала третья и которыя мнѣ не хотѣлось давать имъ высиживать. Кромѣ того, мнѣ пришлось согнать курицу, названную мною Эмиліей, съ семи картофелинъ, изъ которыхъ она собиралась высидѣть какое-то невѣдомое поколѣніе. Эмилія неистово кричала, и въ эту минуту ко мнѣ подошелъ мой табунщикъ, чтобы, какъ я заподозрилъ, собрать матеріалъ для новыхъ разсказовъ въ пекарнѣ.

— Пропалъ у насъ нашъ лучшій пѣтухъ, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Я ничего не отвѣчалъ. Я былъ еще сердитъ за черепаху.—Его сюда привезли, и онъ долго здѣсь жилъ, когда судья былъ еще холостой,—продолжалъ табунщикъ,—и пѣтуху никогда не случалось видѣть женщинъ и вообще женскій костюмъ. Не схватили ли вы ревматизма, сэ?

— Я? Нѣтъ.

— А я думалъ, что можетъ быть, когда вы ныряли за утками... Сегодня утромъ у васъ былъ такой невеселый видъ.

— Нѣтъ, я совершенно здоровъ, благодарю васъ... Такъ что̀ же вы стали разсказывать о пѣтухѣ?

— Да, такъ вотъ, когда м-съ Генри пріѣхала сюда послѣ свадьбы, то утромъ пошла осматривать ферму. Какъ увидалъ нашъ пѣтухъ ея юбку, такъ и далъ тягу, да съ тѣхъ поръ и не возвращался.

— Вотъ тутъ и курица у васъ есть одна очень странная, — сказалъ я, указывая на Эмилію, и сообщилъ ему о картофелинахъ.

— Я не зналъ до сихъ поръ ея имени, — сказалъ табунщикъ:—убѣжавшій этотъ пѣтухъ ее терпѣть не могъ, и она его ненавидѣла. Впрочемъ, она всѣхъ пѣтуховъ терпѣть не можетъ.

— Это я ей далъ имя. У насъ дома есть одна добродѣтельная старая дѣва, которую такъ зовутъ. Она—членъ общества покровительства животныхъ. Я въ честь ея и назвалъ Эмилію. А что, она клала когда-нибудь яйца? Мнѣ кажется, она не умѣетъ. Она сама скорѣе на пѣтуха похожа.

— Да, это правда,—согласился табунщикъ, съ интересомъ разглядывая Эмилію.

Это была удивительная курица, огромная, худая, съ большимъ желтымъ клювомъ, и держалась она прямо, а движенія у нея были быстрыя, какъ у человѣка, сознающаго, что на немъ лежитъ большая отвѣтственность. Хвостъ у нея торчалъ въ бокъ и одно перо было вдвое длиннѣе остальныхъ. На груди у нея совсѣмъ не было перьевъ, благодаря ея вѣчному сидѣнью на картофелинахъ и другихъ, не менѣе грубыхъ и не менѣе противоестественныхъ для ея цѣли предметахъ. Отсутствіе перьевъ на груди придавало ей декольтированный видъ, очень не подходившій ко всему ея цѣломудренному существу. У нея были замѣчательно блестящіе глаза, принимавшіе иногда выраженіе оскорбленности и обиды, точно, расхаживая по бѣлу-свѣту, она бывала каждую минуту глубоко оскорбляема тѣмъ, что̀ творилось вокругъ нея. Ноги у нея были длинныя, синеватыя и необыкновенно крѣпкія.

— Вы говорите, что она садится на картофелины? — спросилъ табунщикъ.

— Да, она надѣется что-нибудь высидѣть изъ нихъ. Разъ я видѣлъ, какъ она сидѣла на луковицахъ, а въ прошлый четвергъ вытащилъ изъ-подъ нея два круглыхъ куска мыла.

Табунщикъ задумался.

— А можетъ быть, на нее дурно вліяетъ эта пустынная

страна. Съ иными людьми это бываетъ. Часто случается, что сѣверо-американскіе охотники повреждаются отъ одиночества и громко разговариваютъ, когда на сто миль кругомъ нѣтъ ни единой человѣческой души.

— Да вѣдь Эмилія не одинока,—возразилъ я:—у васъ здѣсь сорокъ куръ.

— Да, это правда... Ее надо бы показать Тэлору. Самая подходящая она учительница для школы въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“. —Онъ опять задумался.—Можетъ быть, она была высижена послѣ сильной грозы.

— Послѣ сильной грозы!—воскликнулъ я.

— Да, развѣ вы не знаете, какъ это вліяетъ на яйца? Они дѣлаются болтунами, безъ зародыша. Можетъ быть, и у Эмиліи всѣ яйца оказывались болтунами. Она не могла ихъ высидѣть и наконецъ бросила этимъ заниматься. Но, конечно, у нея кромѣ этого мозги не въ порядкѣ.

— Боюсь, что такъ,—подтвердилъ я.

— Но все-таки у нея благородныя стремленія. Она не способна класть яйца, но хочетъ ихъ высиживать и быть во что бы то ни стало матерью.

— Желалъ бы я знать, какъ законъ опредѣляетъ родство курицы къ цыплятамъ, которыхъ она не снесла, но высидѣла? —сказалъ я.

Табунщикъ ничего не отвѣтилъ на мое легкомысленное замѣчаніе. Кажется, онъ и не слышалъ его.

— Да, здѣсь причиной гроза, а не одиночество,—задумчиво произнесъ онъ.—А вы любите одиночество?

Я отвѣчалъ, что люблю.

— Я не могу больше безъ него обходиться. Оно вошло въ мою природу. Разъ я отправился къ себѣ домой, повидать моихъ родныхъ. Мать моя медленно умирала и звала меня. Прожилъ я тамъ годъ, и почувствовалъ, что не нравятся мнѣ больше горы моей родной Виргиніи. Когда мать умерла, я распрощался съ братьями и сестрами. Мы всѣ довольно любимъ другъ друга, но я не думаю возвращаться къ нимъ.

Въ тотъ же день, вернувшись съ охоты на антилопъ, мы увидали, что Эмилія усѣлась на кучку калифорнскихъ персиковъ, привезенныхъ судьею съ желѣзной дороги. Но вскорѣ ея непрошенная энергія была направлена въ другую сторону. Появилась одна изъ индюшекъ съ двѣнадцатью только-что выведенными индюшатами, и почти одновременно появилось цѣлое семейство бантамскихъ куръ. Увидавъ ихъ, Эмилія перебѣжала за-

гонъ и преградила путь двумъ цыплятамъ, подпрыгивавшимъ въ догонку за своей настоящей маменькой. Произошла стычка съ насѣдкой, но такъ какъ она была слабѣе Эмиліи, то должна была отступить съ остальнымъ семействомъ, оставивъ двухъ цыплятъ. Тутъ я вмѣшался и возвратилъ цыплятъ матери, но это ни къ чему не повело, и черезъ часъ я увидалъ Эмилію, очень озабоченную добываніемъ корма и всевозможныхъ удобствъ своимъ воспитанникамъ. Не удовольствовавшись этимъ, она сдѣлала попытку отнять и у индюшки нѣсколько индюшатъ, но эта попытка окончилась полной неудачей. Мы съ табунщикомъ были свидѣтелями этой сцены, и на насъ она произвела сильное впечатлѣніе. Несомнѣнно, все это должно было производить впечатлѣніе и на птицъ. Это можетъ показаться неосновательнымъ только тѣмъ, которые изъ животныхъ наблюдали одного человѣка. Но я увѣренъ, что и въ жизни птицъ и звѣрей существуютъ привычки и условности, нарушеніе которыхъ волнуетъ и пугаетъ ихъ. Нѣсколько дней подъ рядъ Эмилія нападала то на индюшекъ, то на куръ, и за время этой борьбы нѣкоторыя изъ нихъ умерли, хотя я надѣюсь, что не Эмилія была причиной ихъ смерти. Вскорѣ ея вниманіе было отвлечено отъ куринаго дома. Въ одно прекрасное утро явилась собака судьи, рыжій сеттеръ, выразительно помахивая хвостомъ. Она только-что ощенилась и желала показать намъ, что ея дѣти находятся въ дырѣ между поломъ и землею. Прикрывая крыльями щенятъ, возсѣдала Эмилія. Ей удалось наконецъ найти недостойную мать. Сеттеру надоѣдали ея собственные щенки. Она находила, что дыра подъ домомъ—гораздо болѣе темное и скучное мѣстопребываніе, чѣмъ столовая. Общеніе съ высшей породой живыхъ существъ приподняло ея умъ надъ обычнымъ уровнемъ развитія и превратило ее въ безсердечную мать, пренебрегавшую своими священными обязанностями ради свѣтскихъ развлеченій. Нѣсколько разъ въ день она прибѣгала къ щенкамъ, чтобы накормить ихъ, но, исполнивъ кое-какъ эту церемонію, тотчасъ же убѣгала, и была очень довольна, что у нея нашлась добросовѣстная гувернантка. Съ Эмиліей она никогда не ссорилась, и онѣ прекрасно понимали другъ друга. Эмилія была вполнѣ счастлива, прикрывая заботливо крыльями еще слѣпыхъ щенятъ; а когда они подросли и стали вылѣзать изъ-подъ дома, неувѣренно переступая распадавшимися ногами, она продолжала дѣятельно заботиться о нихъ, и я жалѣлъ, что не было какого-нибудь знаменитаго натуралиста, чтобы посмотрѣть на эту картину. Эмилія скребла землю и кудахтала, и щенки бѣжали къ ней, неловко

хватали ее своими толстыми, неуклюжими лапками и играли въ прятки подъ ея крыльями.

— Я думаю, они принимаютъ ее за кормилицу,—замѣтилъ разъ, глядя на нихъ, табунщикъ.

Скоро, однако, щенята стали слишкомъ тяжелы для Эмиліи, слишкомъ шаловливы. Разъ или два они свалили ее; она вскочила и начала весьма основательно ихъ клевать. Тогда собачонки отскочили, чтобы быть въ безопасности, и, усѣвшись въ кружокъ, стали тявкать на нее.

Повидимому, они начинали догадываться, что все-таки это была не болѣе, какъ курица. Послѣ этого случая Эмилія ихъ оставила, обнаруживъ полное равнодушіе. Это удивило меня, хотя потомъ я и сообразилъ, что еслибъ у нея были цыплята, то она тоже оставила бы ихъ въ этотъ періодъ времени.

Теперь Эмилія опять „осталась безъ мѣста", какъ выразился про нее табунщикъ.

— Она опять начнетъ искать полезной дѣятельности,—прибавилъ онъ. Чтобы успокоить Эмилію, я принесъ и подложилъ ей нѣсколько гладкихъ яйцевидныхъ камней, и она просидѣла на нихъ въ ящикѣ цѣлый день.

— Къ чему это вы ее такъ дурачите!—съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ табунщикъ.—Она доказала, что умѣетъ исполнять материнскія обязанности, и я вовсе не желалъ бы надъ нею издѣваться.

Онъ выбросилъ курицу на землю, и она побѣжала вдоль изгороди въ крайне нервномъ состояніи.

— Камни-то до чего горячіе! — жалобно протянулъ табунщикъ, и сталъ бросать ихъ одинъ за другимъ за изгородь.— Надъ нею нельзя смѣяться, у нея совершенно человѣческія чувства и желанія. До сихъ поръ я думалъ, что только лошади да мои шотландскія овчарки похожи на людей. Я достану настоящее яйцо для Эмиліи.—Онъ пошелъ къ насѣдкамъ, вынулъ изъ-подъ одной изъ нихъ яйцо и усадилъ на него Эмилію, хотя это удалось не сразу. Она была растревожена и въ очень нервномъ состояніи.

На другое утро я проснулся отъ какого-то страннаго, непрекращавшагося звука. Онъ то приближался, то удалялся. Я вскочилъ съ постели и выбѣжалъ изъ дома.

Я увидалъ Эмилію; она бѣгала передъ домомъ взадъ и впередъ, вся растрепанная, и, не переставая, жалобно кричала. Цыпленокъ вылупился черезъ десять часовъ послѣ того, какъ она сѣла на яйцо. Маленькій одинокій комочекъ желтаго пуха се-

менилъ вслѣдъ за матерью, изо всѣхъ силъ стараясь не отставать отъ нея. Въ первую минуту я готовъ былъ принять это быстрое вылупленіе за чудо, за дурное предзнаменованіе, но потомъ сообразилъ, что табунщикъ могъ взять яйцо, на которомъ курица уже сидѣла недѣли три. И дѣйствительно, въ куриномъ домѣ какъ разъ объявился новый выводокъ. Несмотря на это естественное объясненіе событія, Эмилія продолжала бѣгать и жалобно кричать, такъ что всѣ сошлись смотрѣть на нее. Крылья и кривой хвостъ ея развѣвались, крѣпкія ноги поднимались выше обыкновеннаго отъ волненія, а въ блестящихъ желтыхъ глазахъ, увидавшихъ такое нарушеніе естественныхъ законовъ природы, выражались болѣе чѣмъ обида и оскорбленіе. Табунщикъ принесъ ей воды и корма, но она ни къ чему не прикоснулась. Насталъ вечеръ, край канала сдѣлался лиловымъ. Эмилія взобралась на вѣтку дерева, все еще продолжая кричать. Крикъ этотъ перешелъ въ отдѣльныя тонкія, острыя ноты, выражавшія высшую степень ужаса. Подобнаго звука я никогда не слыхалъ ни прежде, ни послѣ. Подъ деревомъ стоялъ испуганный шарикъ желтаго пуха, пищалъ и тщетно подпрыгивалъ, стараясь достать до своей матери.

Подойдя къ дереву поздно вечеромъ, я нашелъ Эмилію, распростертую на землѣ безъ признаковъ жизни. Я отнесъ цыпленка въ куриный дворъ, къ его братьямъ и сестрамъ.

Возвращаясь оттуда, я увидалъ, что табунщикъ украдкой копаетъ могилку.

— Приходилось мнѣ не разъ хоронить людей, — сказалъ онъ,—и я меньше ихъ уважалъ, чѣмъ ее.

Послѣднія слова, съ которыми я обратился къ нему, уѣзжая изъ „Глубокой-Рѣки“, были:

— Не забывайте Эмилію.

— Не забуду,—отвѣчалъ онъ:—ея жизнь—настоящая притча.

Онъ уже не говорилъ мнѣ больше: „сэ“, и вообще наши отношенія приняли дружескій характеръ. Онъ даже обѣщалъ отвѣтить мнѣ, если я пришлю ему письмо въ „Глубокую-Рѣку“. Судья провожалъ меня на желѣзную дорогу.

— Боюсь, что буду страдать тоской „по Глубокой-Рѣкѣ“ —сказалъ я ему.

— Такъ что жъ, пріѣзжайте опять,—отвѣчалъ онъ, и мнѣ очень захотѣлось воспользоваться его приглашеніемъ,—до такой степени очаровалъ меня Вайомингъ.

VII.

„Дорогой другъ!—писалъ мнѣ тою же весною виргинецъ.—„Ваше письмо получилъ. Нехорошо, что хвораете. Поправитесь, если бросите городъ и поохотитесь со мною въ августѣ или сентябрѣ. Въ это время олень линяетъ. Дѣла мои здѣсь нехороши, но я не стану приставать къ судьѣ и устроивать скандалы. Онъ самъ захочетъ меня вернуть, когда проглотитъ немного лекарства, называемаго временемъ. Теперь отвѣчу на ваши вопросы. Да, курица Эмилія наѣлась, должно быть, ядовитой травы; это иногда случается съ курами. Нѣтъ, школа еще не выстроена. Стива я не видалъ. Сердитъ на него. Помните человѣка, съ которымъ я игралъ въ покеръ и которому я такъ не понравился? Онъ здѣсь на работѣ неподалеку. У него выгораетъ только, когда онъ имѣетъ дѣло съ слабыми или трусами. У дяди Югея родились близнецы. Многіе его дразнятъ, но я все-таки думаю, что дѣти—его. Вотъ все, что знаю. Очень хочу васъ видѣть и чтобъ вы были здоровы. Не имѣетъ смысла хворать“. Затѣмъ въ письмѣ обсуждалось, какое лучше всего выбрать мѣсто для охоты.

Охота эта состоялась, и въ теченіе недѣль, проведенныхъ съ виргинцемъ, мнѣ удалось узнать, отчего онъ ушелъ отъ судьи. Было все это сказано въ немногихъ словахъ, такъ какъ южанинъ не любилъ многословно говорить о себѣ. Благодаря зависти или ревности главнаго надсмотрщика, ему все время приходилось выполнять чужую работу, при чемъ все было такъ подстроено, что онъ за это ничего не получалъ. Заводить сплетни и препирательства онъ считалъ унизительнымъ, и поэтому просто взялъ да и ушелъ. Онъ былъ увѣренъ, что судья Генри замѣтитъ совпаденіе его ухода съ уменьшеніемъ количества добросовѣстной работы. Относительно ссоры со Стивомъ онъ молчалъ, но было ясно, что дружба ихъ кончилась. Денегъ за свои услуги мнѣ во время охоты онъ рѣшительно отказался взять, говоря, что вполнѣ достаточно, что я его кормлю.

Его предположенія оправдались, и уже къ концу зимы судья Генри узналъ, въ чемъ было дѣло, и вернулъ его къ себѣ на службу.

— Онъ никогда бы и не ушелъ отъ насъ, — сказала м-съ Генри,—еслибъ ты меня тогда послушалъ, Генри!

— Ну, еще бы, сударыня!—отвѣчалъ судья:—вы вѣдь очень цѣните красивую внѣшность.

— Я и не отрицаю, что мнѣ было очень жаль не видѣть больше его черныхъ какъ уголь волосъ и голубого платка съ крапинками, ловко повязаннаго вокругъ шеи, когда онъ подводилъ мнѣ верховую лошадь.

— Благодарю васъ, дорогая, за предупрежденіе. На будущее время распоряжусь такъ, чтобы онъ всегда былъ въ отлучкѣ.

— Нѣтъ, полно,—произнесла м-съ Генри,—я всегда знала, что ты пріобрѣлъ сокровище въ лицѣ этого человѣка.

Судья засмѣялся. — Когда мнѣ все открылось, и я узналъ, какъ ловко онъ поступилъ, заставивъ меня оцѣнить свой трудъ, я не зналъ, вполнѣ ли безопасно для меня взять его опять къ себѣ. Онъ въ ловкости и смѣтливости не уступитъ мнѣ, а это довольно опасно въ подчиненномъ. Я успокоился только, узнавъ, отчего онъ разошелся со Стивомъ. Оказалось, что стали обнаруживаться пропажи скота въ окрестностяхъ, и хотя Стива нельзя было открыто уличить въ сообщничествѣ съ грабителями, но всѣмъ стало извѣстно, что южанинъ рѣшительно разошелся съ нимъ. Слѣдующею новостью было извѣстіе, что школа въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ была наконецъ готова, и что одна лэди изъ Беннингтона въ Вермонтѣ, пріятельница м-съ Балаамъ, вдругъ рѣшилась попробовать заняться образованіемъ юнаго поколѣнія.

VIII.

Я не знаю, съ чьимъ предположеніемъ вы согласились, прочитавъ выше приведенное письмо миссъ Молли Старкъ Вудъ: съ предположеніемъ ли м-ра Тэлора, думавшаго, что ей сорокъ лѣтъ, или съ предположеніемъ виргинца, сказавшаго, что ей должно быть около двадцати? Во всякомъ случаѣ, я долженъ вамъ сообщить, что послѣдній былъ правъ, и ей минуло въ тотъ день, когда она писала письмо, двадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.

Путешествіе въ двѣ тысячи миль и въ страну, гдѣ разгуливаютъ на свободѣ индѣйцы и дикіе звѣри—непривычное дѣло для обыкновенной молодой дѣвушки. Не особенно также могло льстить ея самолюбію и казаться завиднымъ мѣсто учительницы въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“. Но миссъ Молли Старкъ Вудъ не была обыкновенной молодой дѣвушкой по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, по своему происхожденію. Еслибъ она только захотѣла, то могла бы принадлежать ко множеству патріотическихъ обществъ, прожужжавшихъ намъ уши въ Америкѣ. Могла быть членомъ „Общества чаепитій въ Бостонѣ“, „Общества дочерей Зеле-

ныхъ-Горъ", „Саратогскаго Священнаго Союза" и „Общества Союзныхъ колоніальныхъ дамъ". Она носила имя и происходила по прямой линіи отъ извѣстной въ исторіи Молли Старкъ, жены знаменитаго капитана Джона, военная слава котораго гремѣла изъ поколѣній въ поколѣнія среди школьниковъ. И, несмотря на все это, Молли не хотѣла быть членомъ патріотическихъ обществъ. Въ общихъ разговорахъ она присоединялась къ похваламъ и почтительнымъ отзывамъ о нихъ, но, получая приглашеніе сдѣлаться членомъ одного изъ нихъ, по выраженію ея подругъ „задирала носикъ". Изъ всѣхъ своихъ вещей Молли больше всего дорожила портретомъ-миніатюрой, изображавшимъ историческую Молли Старкъ въ возрастѣ двадцати-трехъ лѣтъ. Она никогда не разставалась съ портретомъ. Каждое лѣто она ѣздила въ Дунбартонъ, въ Нью-Гэмпшайрѣ, и никакія похвалы ее такъ не радовали, какъ слова, произнесенныя тамъ одной двоюродной бабушкой: взявъ ее за руку и пристально посмотрѣвъ на нее, старуха говорила:

— Дорогая моя, ты съ каждымъ годомъ становишься все больше похожа на покойную генеральшу. Ну, а теперь бѣги переодѣться къ чаю. Всѣ Старки всегда отличались пунктуальностью.

Молли убѣгала въ свою комнату и, рискуя погрѣшить противъ пунктуальности Старковъ, довольно долго разсматривала два предмета: портретъ генеральши и свое собственное лицо въ зеркалѣ. Вторая причина, дѣлавшая миссъ Молли необыкновенной дѣвушкой,—это былъ ея характеръ. Характеръ этотъ явился результатомъ фамильной гордости и энергіи, боровшейся съ фамильными неудачами и несчастіями.

Ровно за годъ передъ тѣмъ, какъ Молли должна была начать выѣзжать въ свѣтъ, заводъ, принадлежавшій ея семьѣ и составлявшій главный источникъ дохода, обанкрутился. Вмѣсто того, чтобы думать о своемъ первомъ вечернемъ туалетѣ, Молли стала разыскивать учениковъ, которымъ нужно было брать уроки музыки. Потомъ стала варить варенья и дѣлать консервы изъ разныхъ фруктовъ. Въ то время женщины еще не работали на пишущихъ машинахъ, а то, конечно, Молли предпочла бы это занятіе мѣткѣ платковъ и варкѣ варенья. Въ обществѣ иные удивлялись, какъ могла такая лэди, какъ миссъ Вудъ, бѣгать по урокамъ, и находили, что Самъ Баннеттъ—довольно подходящая пара для дѣвушки, которой приходится вышивать платки по пяти центовъ за букву.

— Я полагаю, что у него бабушка была не хуже, чѣмъ у

нея,—замѣтила при этомъ м-съ Флинтъ, жена баптистскаго священника.

— Весьма возможно, — возразилъ приходской священникъ епископальной церкви, большой другъ Молли,—только мы почему-то не знаемъ, кто она была.

Послѣ этого возраженія, м-съ Флинтъ заявила одной пріятельницѣ, что всегда думала, что члены епископальной церкви —весьма кичливый народъ, а теперь не думаетъ, а знаетъ это навѣрное. Была ли знаменитая бабушка причиной отказа Молли Старкъ Саму Баннетту, я не знаю, потому что никогда не былъ молодой дѣвушкой. Быть можетъ, причиной было то, что всякая работа бываетъ часто менѣе унизительна, чѣмъ замужество. Какъ бы то ни было, Молли продолжала вышивать платки, давать уроки и отказывать Саму Баннетту. Къ двадцати годамъ она замѣтно поблѣднѣла и похудѣла, „переутомилась", какъ увѣряли ея друзья, а родные стали болѣе настойчиво совѣтовать ей выйти замужъ. Въ это время она особенно сошлась со старой двоюродной бабушкой, и та очень ободряла и поддерживала ее.

— Никогда!—говорила старуха:—особенно, если ты не можешь его любить.

— Онъ мнѣ нравится, — замѣчала Молли,—и онъ очень добрый.

— Никогда!—повторяла старая лэди:—когда я умру, тебѣ кое-что достанется, а ждать теперь уже не долго.

Молли обняла бабушку и поцѣлуемъ помѣшала ей говорить.

Черезъ два года послѣ этого, какъ-то разъ зимою, м-съ Флинтъ увидала, какъ Самъ Баннеттъ вышелъ очень разстроенный изъ стараго дома Старковъ, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ, не поднимая головы.

— Эта дѣвушка просто сумасшедшая!—съ гнѣвомъ произнесла м-съ Флинтъ, отходя отъ окна, служившаго ей наблюдательнымъ постомъ.

А въ одной изъ комнатъ стараго дома сидѣла Молли и плакала: ей было невыносимо, что она огорчила человѣка, любившаго ее, какъ только онъ умѣлъ любить. Дверь отворилась, и въ комнату вошла пожилая дама.

— Дорогая моя,—начала она,—неужели ты могла...

— Ахъ, мама!—воскликнула молодая дѣвушка:—и ты тоже!..

Съ этого дня Молли сдѣлалась очень мрачной и раздражительной, черезъ три недѣли приняла предложеніе поступить учительницей въ школу въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ", а черезъ два мѣ-

сяца отправилась въ путь съ тяжелымъ сердцемъ, но съ душою, жаждавшею окунуться въ невѣдомую новую жизнь.

IX.

Въ одинъ прекрасный день небольшая кучка объѣздчиковъ ѣхала по дорогѣ изъ „Глубокой-Рѣки", чтобы согнать скотъ, пасшійся на отведенномъ для него пастбищѣ. Молодые люди болтали, смѣялись и пѣли. Виргинецъ вначалѣ былъ мраченъ и молчаливъ, и товарищи не приставали къ нему, зная его характеръ; но, наконецъ, онъ тоже затянулъ своимъ пріятнымъ голосомъ пѣсню собственнаго сочиненія. Въ ней говорилось о какой-то дѣвушкѣ изъ племени лулу, и послѣднія строки, отличавшіяся нецензурностью, возбудили особенный восторгъ объѣздчиковъ. Они подхватывали припѣвъ и на всемъ скаку ударяли въ тактъ палками о землю. Такимъ образомъ подъѣхали они къ вновь выстроенной школѣ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ" и, невольно сдержавъ свое шумное веселье, заявили, что если повсюду разведутся женщины, дѣти и проволочные заборы, то мужчинамъ житья не будетъ въ странѣ. Они заѣхали пообѣдать къ товарищу, жившему неподалеку, и, войдя въ комнату, увидали что-то, ползавшее по полу съ коробкой спичекъ въ рукахъ. Чиркнувъ спичками о коробку, это „что-то" страшно испугалось неожиданнаго результата и громко заплакало, а изъ кухонной двери высунулась голова хозяйки, попросившей мужа не дразнить Христофора. Замѣтивъ спички, она пришла въ ужасъ, но, увидавъ, что ребенокъ затихъ на рукахъ южанина, улыбнулась ему и вернулась въ кухню.

— А сколько у васъ такихъ молодцовъ, Джэмсъ?—спросилъ виргинецъ.

— Только двое.

— Эге! А вы только три года женаты. Не теряете даромъ времени, Джэмсъ.

Въ это время появилась раскраснѣвшаяся, оживленная хозяйка съ кушаньемъ въ рукахъ. За обѣдомъ объѣздчики уткнули носы въ тарелки и односложно отвѣчали хозяйкѣ. Она почти одна поддерживала разговоръ, разсказывая о томъ, какъ увеличилось количество семейныхъ людей въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ", объ ожидаемой новой учительницѣ, о томъ, какъ рано прорѣзались зубы у ея старшаго сына, и о томъ, что всѣ они должны жениться, слѣдуя примѣру Джэмса. Холостяки слушали недовѣр-

чиво, но почтительно молчали. Веселье вернулось къ нимъ только когда они уѣхали и расположились на ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Тамъ виргинецъ на сонъ грядущій спѣлъ имъ, какъ онъ повезъ свою дѣвушку изъ племени лулу въ школу учиться азбукѣ, и непередаваемыя подробности этой пѣсни снова вызвали дружный и продолжительный хохотъ всей компаніи.

Въ одинъ такой же прекрасный день нѣсколько дамъ стояли передъ вагономъ поѣзда, отходившаго изъ Беннингтона въ Вермонтъ. Имъ изъ окна улыбалась молодая дѣвушка и быстро отступила въ глубину вагона, чтобы не дать имъ замѣтить, какъ улыбка исчезла съ ея лица, когда поѣздъ тронулся. На слѣдующей станціи, на встрѣчномъ поѣздѣ, она увидала знакомыя лица инженера и кондуктора, и закрыла глаза изъ боязни заплакать при видѣ лицъ и вещей, напоминавшихъ ей все, что она надолго покидала. Ея рука судорожно сжимала букетикъ данныхъ ей на прощанье цвѣтовъ. Но вдругъ что-то заставило ее открыть глаза. Передъ нею стоялъ Самъ Баннетъ и просилъ у нея позволенія проводить ее и проѣхать нѣсколько станцій.

— Нѣтъ!—отвѣчала она, и отъ усилія сдержать свою печаль голосъ ея звучалъ особенно рѣзко.—Вы не проѣдете со мною ни одной мили. Прощайте.

И Самъ Баннеттъ послушался, не понимая, что въ такихъ случаяхъ слушаться глупо. Онъ колебался, мгновенія летѣли, кондукторъ крикнулъ: „по мѣстамъ!"—поѣздъ тронулся, а на платформѣ стоялъ послушный Самъ, и мгновеніе возможнаго счастья улетѣло отъ него, какъ бабочка.

Въ шесть часовъ утра на четвертыя сутки поѣздъ привезъ Молли къ мѣсту ея назначенія и ушелъ дальше, исчезая среди прэрій. Она пересѣла въ повозку, которая чуть не опрокинулась вмѣстѣ съ нею въ попавшійся на пути оврагъ, но миссъ Молли не потеряла при этомъ присутствія духа. Выѣхавъ на ровную дорогу, возница завелъ съ нею разговоръ и даже уговаривалъ ее, на протяженіи пятнадцати миль, выйти за него замужъ. При этомъ онъ разсказывалъ ей о своей уютной хижинѣ, лошадяхъ и золотомъ рудникѣ. У него было такое открытое, милое лицо, что на прощанье она протянула ему руку и, смѣясь, обѣщала подумать объ его предложеніи. У слѣдующаго возницы лицо было не открытое и не милое и онъ все время потягивалъ виски. Всю ночь Молли не могла заснуть, чувствуя всю свою безпомощность въ то-и-дѣло накренявшейся повозкѣ. Взошедшее солнце озарило солончаки, покачивавшуюся во всѣ стороны повозку съ возницей и бутылкой на козлахъ и блѣдную молодую

дѣвушку. Она выглядывала на равнину и завязывала платкомъ пучокъ уже завядшихъ цвѣтовъ. Они подъѣхали къ рѣкѣ. Возница пошелъ въ бродъ. Два колеса погрузились въ воду, и кузовъ повозки затрещалъ и зашлепалъ, какъ падающій бумажный змѣй. Вода плескалась выше ступицы, сидѣнье накренялось все больше и больше, и молодая дѣвушка выглянула наружу и дрожащимъ голосомъ спросила, не случилось ли чего-нибудь. Но возница только сыпалъ крѣпкія словца своей запряжкѣ, сопровождая ихъ ударами кнута. Вдругъ возлѣ повозки появился высокій всадникъ и такъ быстро подхватилъ молодую дѣвушку къ себѣ на лошадь, что она вскрикнула. Она услышала всплескъ воды, увидала расходившуюся зыбь и почувствовала себя высоко надъ берегомъ. Всадникъ сказалъ ей, чтобъ она держалась крѣпко и не боялась, но она не была въ состояніи даже поблагодарить его. Послѣ четырехъ сутокъ въ вагонѣ и двухъ дней на лошадяхъ, она начинала думать, что съ нея было болѣе чѣмъ довольно этой невѣдомой новой жизни. Она видѣла, какъ повозку окружили какіе-то всадники, съ помощью веревокъ вытащили ее на берегъ и тотчасъ же исчезли, угоняя стадо рогатаго скота, которое громко мычало. Потомъ она увидала, какъ высокій всадникъ говорилъ что-то возницѣ, но такъ тихо, что она не могла разслышать словъ; потомъ въ его рукѣ очутилось что-то въ родѣ бутылки и тотчасъ же полетѣло и нырнуло въ потокѣ, при громкомъ протестующемъ возгласѣ возницы. Потомъ всадникъ взялся за луку, оглянулся, замедливъ движеніе, на сидѣвшую на берегу молодую путешественницу, отвелъ отъ нея свои серьезные глаза, вскочилъ на лошадь и ускакалъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она произнесла, наконецъ, беззвучнымъ голосомъ вслѣдъ его удалявшейся спинѣ:

— О, благодарю васъ!

Къ ней подошелъ и физически, и нравственно преобразившійся возница, помогъ ей влѣзть въ повозку и освѣдомился, меланхолично повѣсивъ голову, о ея самочувствіи. Потомъ, весь мокрый и размякшій, какъ и его лошади, подобралъ возжи и остальную часть пути обращался съ экипажемъ такъ осторожно и нѣжно, какъ будто это была дѣтская колясочка.

Что же касается миссъ Вудъ, то она вполнѣ пришла въ себя и сидѣла, обдумывая и вспоминая всѣ подробности своего приключенія. Что могъ подумать о ней этотъ всадникъ? Она вѣдь даже не имѣла возможности какъ слѣдуетъ поблагодарить его. Кромѣ того, ее смущало, что она не могла вспомнить гдѣ находились ея руки, когда онъ перевозилъ ее черезъ рѣку. Ея

платокъ съ цвѣтами исчезъ,—въ каретѣ нигдѣ его не нашлось. Видѣла она или ей только показалось, что всадникъ пряталъ что-то въ карманъ? И все ея поведеніе съ нимъ было такъ непохоже на нее! Проѣхавъ нѣсколько миль, миссъ Вудъ уже испытывала чувство раздраженія къ своему спасителю и надежду встрѣтиться съ нимъ опять.

Черезъ нѣсколько времени послѣ описаннаго приключенія въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ былъ устроенъ праздникъ по поводу того, что быки, выражаясь на мѣстномъ нарѣчіи, „поднялись до семидесяти-пяти“. Это была очень высокая цѣна, и скотоводы хотѣли повеселиться, истративъ излишекъ прибыли. Были, конечно, приглашены всѣ сосѣди. Нѣкоторымъ пришлось для этого проѣхать сорокъ миль, а нѣкоторымъ, какъ, напримѣръ, виргинцу, болѣе ста. У него совершенно неожиданно явилось непреодолимое желаніе взглянуть, какъ всѣ поживаютъ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“. Для такого случая онъ пріобрѣлъ себѣ пару новыхъ панталонъ и новый шейный платокъ. Товарищи его этого не знали, равно какъ и того, что ему стало на другой же день случайно извѣстно, кто была молодая дѣвушка въ повозкѣ. Никто не обратилъ также вниманія на то, что съ этого дня онъ пересталъ распѣвать свои нецензурные стансы объ обученіи азбукѣ въ школѣ, замѣнивъ ихъ пѣснями другого содержанія. Когда онъ проѣзжалъ мимо знаменитой рѣки, направляясь къ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“, то увидалъ, что она вся пересохла. Осталось только нѣсколько лужъ. Онъ напоилъ свою лошадь, Монте, и подумалъ: — „Вотъ удивится-то, узнавъ, какъ безопасно можно теперь переѣхать черезъ эту рѣку!“ —и прибавилъ уже громко, обращаясь къ лошади: — „А ужъ ты, шельма, вообразилъ себя героемъ, спасшимъ погибавшую!“ —и онъ потрепалъ Монте по шеѣ. Лошадь приложила уши и зафыркала, и они снова пустились въ путь. До мѣста празднества оставалось еще шестьдесятъ миль.

X.

Въ кухнѣ готовили всевозможныя изысканныя кушанья и кромѣ того жарили цѣлаго быка. Нѣсколько человѣкъ расположилось возлѣ костра. Здѣсь былъ и Небраски, и Трампасъ, и Медовый-Виггинъ.

— А! и ты здѣсь!—воскликнулъ послѣдній, увидавъ подходившаго виргинца.—Онъ нумеръ шестой—такъ, что-ли, ребята?

— Это зависитъ отъ того, какъ вы считаете!—сказалъ южанинъ и улегся среди товарищей.

— Разъ, я помню, онъ былъ и первымъ нумеромъ, когда кромѣ него никого не было,—замѣтилъ Трампасъ.

— А на какомъ разстояніи отъ меня вы стояли въ это время?—освѣдомился виргинецъ, зѣвая.

— Сегодня, братцы, школьная учительница должна рѣшить, кто изъ насъ первый нумеръ,—сказалъ Виггинъ.

— А она уже пріѣхала?—освѣдомился южанинъ, небрежнымъ тономъ.

— Какъ же!.. Разскажи, Небраски, какъ ты хотѣлъ подарить ей канарейку, а она не взяла,—попросилъ Виггинъ. Небраски смущенно улыбнулся.

— Она настоящая лэди и по честности не беретъ подарковъ, если не желаетъ взять и того, кто ихъ даетъ. А вотъ тебѣ я бы совѣтовалъ вернуть отъ нея письма, которыя ты ей писалъ, сплетникъ ты этакій!—обратился Виггинъ къ другому товарищу.

— Ну, ужъ ты скажешь, Медовый!—проворчалъ молодой человѣкъ. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не умѣлъ подписать собственнаго имени.

— Ну, а ты, Бокей Бальди!—не унимался Виггинъ, выбравъ себѣ новую жертву.—Какъ насчетъ туфелекъ,—еще не готовы? Пріунылъ нашъ Бальди, братцы, я вамъ скажу. На смирной лошади онъ у насъ умѣетъ держаться молодцомъ, не хуже самой учительницы, но вообразите вы себѣ его съ иголкой! Онъ мастерилъ изъ пестрыхъ лоскутковъ туфельки для миссъ Вудъ!

— Неправда, я ихъ купилъ въ Медисинъ-Боу!—выпалилъ Бальди.

— Ага, значитъ, сознаешься!—крикнулъ Виггинъ.—Ну, купилъ онъ, а по дорогѣ-то и раздумался: вдругъ онѣ окажутся велики. Надо было пойти попросить ее помѣрить, да храбрости не хватило. Онъ и сунулъ туфли подъ заборъ, а самъ запѣлъ серенаду. А учительницы-то дома не было, и онъ долго распѣвалъ: „И гордость я мою, и гнѣвъ, все въ жертву принесу любви“—передъ пустымъ домомъ. Въ это время какъ разъ проходилъ мимо Линъ Макъ-Лэнъ. Бальди далъ тягу черезъ заборъ, и какъ разъ наскочилъ на быка м-ра Тэлора. Нѣкоторыя части Бальдина костюма пострадали, и хорошо еще, что Лину удалось оттащить быка. Ну, а въ это время кто-то и скралъ эти калоши изъ Медисинъ-Боу. Что-жъ, начнешь кроить новыя, Бальди? Впрочемъ, теперь Линъ Макъ-Лэнъ за тебя постарается.

— Значитъ у нея много поклонниковъ?—освѣдомился виргинецъ, лежа на спинѣ и глядя на звѣзды.

— Столько, что и не оберешься,—отвѣчалъ Виггинъ.—Кого-кого здѣсь изъ-за нея не перебывало! И лошадники, и охотники. Одинъ конокрадъ явился, красивый малый; м-ръ Тэлоръ хотѣлъ ее предупредить насчетъ него, такъ м-съ Тэлоръ сказала, что сама за нею приглядитъ и не дастъ въ обиду. Да учительница и не хотѣла ѣздить съ нимъ кататься. Она когда съ кѣмъ ѣздитъ, такъ дѣтей съ собой беретъ.

— Ну, еще бы!—произнесъ Трампасъ.

Виргинецъ отвелъ глаза отъ звѣздъ и сталъ со своего мѣста слѣдить за Трампасомъ.

— Я все-таки думаю, что она чье-нибудь ухаживанье да поощряетъ!—замѣтилъ потерпѣвшій неудачу Небраски.

— Поощряетъ? Это потому, что учится у иныхъ стрѣлять?—сказалъ Виггинъ.—Конечно, я не судья. Я всегда стараюсь держаться подальше отъ добродѣтельныхъ женщинъ. Но все-таки я думаю, что если она кого поощряетъ, такъ только ребятъ. Ихъ она и ласкаетъ, и цѣлуетъ.

— И ѣздитъ верхомъ, и стрѣляетъ, и малыхъ дѣтокъ ласкаетъ.—хихикнулъ Трампасъ.—Дѣло извѣстное: въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Всѣ засмѣялись. Въ прэріяхъ люди бываютъ не прочь отъ циническихъ шутокъ.

— Бальди-то она оставила на заборѣ,—продолжалъ Трампасъ,—а сама въ это время съ Линомъ Макъ-Лэномъ...

Раздался общій громкій хохотъ, но вдругъ оборвался. Виргинецъ стоялъ надъ Трампасомъ.

— Теперь встаньте и скажите имъ, что вы солгали!—произнесъ онъ.

Трампасъ нѣсколько времени молчалъ среди мертвой тишины.

— Изъ вашихъ словъ я понялъ, что вы съ нею не знакомы,—выговорилъ онъ наконецъ.

— Поднимитесь на ноги, хорекъ вы этакій, и признайтесь, что вы лжецъ, а не то я расшибу вамъ голову!

Увидавъ глаза южанина, Трампасъ тихо всталъ.

— Я не хотѣлъ сказать...—началъ онъ съ лицомъ, точно сразу опухшимъ отъ внутренней злобы.

— Хорошо, довольно. Но подождите садиться. Признавъ себя лжецомъ, вы, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ жизни сказали правду. Вы, Медовый-Виггинъ, я и наши товарищи слишкомъ испорчены частыми побывками въ городѣ, часто нарушаемъ правила благопристойности, но чувство порядочности въ насъ еще живо. Теперь вы можете сѣсть, если хотите.

Трампасъ съ усмѣшкой оглядѣлъ представителей общественнаго мнѣнія, но они уже не были больше на его сторонѣ, и онъ услышалъ со всѣхъ сторонъ:

— Это вѣрно,—она настоящая лэди, и т. п.

Когда виргинецъ ушелъ, Трампасъ попробовалъ-было возобновить свои шутки, но его остановилъ Виггинъ.

— Заткни глотку!—сказалъ онъ:—мнѣ все равно, знакомъ онъ съ нею или поступилъ такъ изъ принципа. Онъ тебя отлично отбрилъ, проглоти и роспишись, а мы съ ребятами за-одно съ нимъ.

Итакъ, Трампасъ долженъ былъ проглотить и росписаться, а южанинъ между тѣмъ пошелъ выпить виски и окольными путями завелъ съ хозяиномъ разговоръ о школьной учительницѣ.

— Правда, говорятъ, она очень хороша собою? — спросилъ онъ.

— Да, да, удивительно привлекательна, и при этомъ только и думаетъ, что о ребятахъ. Взрослые ее, повидимому, совсѣмъ не интересуютъ.

— Что вы говорите! Ну, а она не простудилась, послѣ того, какъ чуть не утонула въ рѣкѣ?

— Не понимаю, что вы говорите. Тонула! Когда? Она ничего такого не разсказывала.

— Ну, такъ, значитъ, возница, разсказывавшій мнѣ, что-нибудь спуталъ.

— Да, вѣроятно, онъ потопилъ кого-нибудь другого. А вотъ и они! Видите ее, верхомъ она ѣдетъ, и съ нею Вестфали. Куда же вы побѣжали?

— Мнѣ нужно немножко почиститься. Мыло у васъ есть?

— И мыло, и полотенце въ сѣняхъ!—крикнулъ ему въ догонку хозяинъ.

Совершивъ свой туалетъ и нѣсколько разъ выразивъ про себя изумленіе по поводу того, что учительница скрыла о приключеніи на рѣкѣ, виргинецъ прослѣдовалъ въ пріемную комнату. Чтобы попасть въ нее, ему пришлось пройти черезъ кладовую, находившуюся рядомъ съ кухней, и онъ зашагалъ на цыпочкахъ, изъ боязни разбудить спавшихъ въ этой комнатѣ дѣтей. Десять или двѣнадцать ребятъ лежали на столахъ и подъ столами. Въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ няньки были неизвѣстны, и родители таскали съ собою на балы своихъ дѣтей. Завернутые въ одѣяла и плащи, лежали Альфредъ и Христофоръ, параллельно и вертикально маленькимъ Тэлорамъ, Кармоди и другимъ младенцамъ „Медвѣжьей-Рѣки“ и ея окрестностей.

„А Лина еще и нѣтъ!“—подумалъ южанинъ, заглянувъ въ залъ на собравшуюся компанію. Миссъ Вудъ готовилась начать кадриль.

„Я не замѣтилъ въ тотъ разъ, что у нея такіе красивые волосы,—продолжалъ размышлять виргинецъ,—а сама она еще совсѣмъ маленькая, маленькая дѣвочка“.

— Наше вамъ почтеніе!—крикнулъ первый скрипачъ.

Всѣ начали раскланиваться, и миссъ Вудъ, обернувшись, увидала въ дверяхъ высокаго молодого человѣка. Онъ отвелъ отъ нея глаза, какъ и тогда на рѣкѣ, и она сразу поняла, зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда черезъ полгода, и вспомнила о своемъ платкѣ съ цвѣтами. Она стала танцовать, не обращая вниманія на его присутствіе.

— Сегодня появились новыя лица!—замѣтила она своему кавалеру.

— Вы всегда забываете наши бѣдныя лица!—возразилъ онъ.

— Нисколько! Кто этотъ черный человѣкъ?

— Это—уроженецъ Виргиніи, но онъ совсѣмъ не считаетъ себя чернымъ.

— Онъ глядитъ такимъ букой.

— Что вы! Нисколько!—и кавалеръ разсказалъ миссъ Вудъ все, что зналъ объ южанинѣ.

Послѣ кадрили, замѣтивъ, что высокій человѣкъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней, она быстро сказала:

— Здѣсь невыносимо жарко! Я хочу посмотрѣть, что дѣлаютъ дѣти,—и прошла мимо виргинца, не удостоивъ взглянуть на него.

„Она меня отлично узнала!“—подумалъ молодой человѣкъ. —Эй!—крикнулъ онъ появившемуся изъ кухни Лину Макъ-Лэну. —Ты не танцуешь?

— Не умѣю.

— Попросилъ бы школьную учительницу тебя научить. Я самъ собираюсь брать у нея уроки.

— Ну, вотъ еще, пойдемъ, лучше выпьемъ. А знаешь, учительница сказала, что я представляю собой исключеніе. И всетаки я не пойду съ нею вальсировать.

— Вальсировать!—Виргинецъ поставилъ на столъ свой стаканъ съ виски и бросился въ залу. Немногіе въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ умѣли вальсировать, и танцовать съ этими немногими значило взять на себя трудную и тяжелую обязанность; поэтому южанинъ хотѣлъ блеснуть своимъ умѣньемъ и ловкостью. Онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Не желаете ли сдѣлать туръ вальса, сударыня?

— Простите...—произнесла она, дѣлая видъ, что не разслышала, и хорошо изученнымъ движеніемъ поднимая на него глаза.

— Не хотите ли протанцовать со мною, сударыня?

— Вы, кажется, изъ Виргиніи?—спросила Молли Вудъ вѣжливо, но не вставая.

— Да, изъ Виргиніи.

— Я слышала, что южане отличаются благовоспитанностью.

— Это совершенно вѣрно!—молодой человѣкъ покраснѣлъ, но голосъ его звучалъ все такъ же мягко.

— Въ Новой-Англіи джентльмены просятъ, чтобы ихъ представили дамѣ, прежде, чѣмъ приглашать ее танцовать.—Онъ простоялъ передъ нею одно мгновенье, все больше и больше краснѣя. Ея волненіе все возростало. Она ждала, что онъ заговоритъ о приключеніи на рѣкѣ, и такимъ образомъ дастъ ей возможность поблагодарить его и быть съ нимъ очень милой, но онъ произнесъ только:—Прошу простить меня, сударыня!—поклонился и ушелъ, а она ужасно испугалась, что онъ больше не придетъ. Но онъ тотчасъ же вернулся съ м-ромъ Тэлоромъ, который и представилъ его ей. Въ эту минуту дядя Югей принесъ ей стаканъ воды и попросилъ ее на туръ вальса.

И она пошла танцовать, а виргинецъ остался на мѣстѣ, слѣдя глазами за ея кружившейся и удалявшейся фигурой. Предпочла ему дядю Югея!

Этого недоставало! Онъ вернулся къ Макъ-Лэну и опять взялся за стаканъ.

— Ну что, бралъ уроки танцевъ?—сказалъ, усмѣхаясь, Линъ. —Видишь, какая она гордячка? И съ чего бы, кажется! Родиться въ Вермонтѣ—не Богъ вѣсть какая честь.

— А тебѣ, видно, досталось отъ нея за что-нибудь,—признайся!

— Да, видишь ли, я вздумалъ-было ее поцѣловать. Мнѣ вѣдь все время приходилось съ нею ѣздить то въ школу, то изъ школы; она такъ мило болтала, разспрашивала меня о моей жизни и обо всемъ. Я и подумалъ, что она не разсердится. Вѣдь многія изъ нихъ это очень даже любятъ. Ну, а ужъ она—нѣтъ, за это я тебѣ ручаюсь головою!

Виргинецъ почувствовалъ, какъ сердце его забилось гордостью за свою даму. Въ залѣ раздался звукъ скрипокъ и топотъ ногъ.

— Вотъ она танцуетъ!—сказалъ Линъ.

— И опять съ дядей Югеемъ. Глядя на него, не повѣришь, что у него жена и близнецы.

— А теперь она пошла съ Вестфалемъ.

— Какъ, съ Джэмсомъ!—воскликнулъ виргинецъ.—У него тоже жена и дѣти, а онъ отплясываетъ! А теперь вотъ Кармоди и опять дядя Югей! Пойдемъ, Линъ!—Они вышли въ кладовую. Тамъ ихъ вниманіе было привлечено двумя расплакавшимися ребятами. Когда они подошли, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, дѣти уже успѣли заснуть.

— Это близнецы дяди Югея,—замѣтилъ Макъ-Лэнъ.—Я видѣлъ, какъ его жена клала ихъ сюда.

Виргинецъ остановился и переспросилъ съ живостью:

— Близнецы дяди Югея, ты говоришь?—и онъ началъ пересчитывать дѣтей:—девять, десять, одиннадцать спящихъ незнакомцевъ,—ну хорошо же! — и онъ началъ быстро и ловко стаскивать съ дѣтей одѣяла и завертывать ихъ въ одѣяла, покрывавшія другихъ ребятъ. Макъ-Лэнъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза и ничего не понимая, но вдругъ на него нашло просвѣтленіе, и онъ, вскрикнувъ отъ восторга, сталъ помогать товарищу. А пока они возились съ одѣялами и плащами, легкомысленные родители продолжали отплясывать съ увлеченіемъ, и случайный слабый пискъ ихъ потомства не достигалъ до ихъ слуха.

XI.

Праздникъ кончился, и гости разъѣхались.

М-ръ и м-съ Вестфаль ѣхали во мракѣ ночи, и, уже подъѣзжая къ дому, услыхали, какъ изъ-подъ платковъ и одѣялъ раздался тонкій голосокъ.

— Джимъ! — сказала жена: — я говорила, что Альфредъ простудится.

— Полно, Лизи, не волнуйся, пожалуйста. Вполнѣ естественно, что годовалый ребенокъ пищитъ.

И юный Джэмсъ поцѣловалъ любимую жену.

— Какъ это ты можешь говорить про собственнаго ребенка: „годовалый“, точно онъ теленокъ, Джэмсъ Вестфаль!—возмутилась жена.—Ну, вотъ опять... Поѣзжай скорѣе, Джимъ! Право, у него престранный кашель.

Они быстро проѣхали девять миль, и Джэмсъ сталъ распрягать лошадей въ конюшнѣ, а жена его поспѣшила уложить ребенка. Вдругъ онъ услышалъ, что жена его зоветъ и такимъ

голосомъ, что онъ бросился въ домъ, на бѣгу выхвативъ пистолетъ. Однако, въ комнатѣ не оказалось ни медвѣдя, ни индѣйца; причиной волненія были два невинные младенца, лежавшіе на кровати. Мать стояла надъ ними и пожирала ихъ сверкающими глазами.

— Взгляни!—произнесла она трагическимъ голосомъ.

— Куда же ты нашихъ-то дѣла?—спросилъ мужъ, съ облегченіемъ засовывая пистолетъ за поясъ.

— И ты спрашиваешь объ этомъ у меня?..—голосъ ея прервался отъ волненія: — спроси своего Лина Макъ-Лэна, который воруетъ туфли и перемѣшиваетъ здоровыхъ, прелестныхъ дѣтокъ съ чужими, кашляющими мальчишками... Впрочемъ, этотъ, котораго завернули въ новое одѣяльце Христофора, даже не мальчикъ!..—и она зарыдала.

Джэмсъ не могъ удержаться и разразился громкимъ смѣхомъ, но когда пришлось опять собраться въ путь и ѣхать къ Тэлору, такъ какъ первый ребенокъ былъ несомнѣнно его сынъ Чарли, то веселье м-ра Вестфаля значительно поубавилось. Когда же они не застали Тэлоровъ дома и узнали, что они поѣхали искать своего ребенка, найдя вмѣсто него какое-то живое существо, которое никто не могъ признать, то Джэмсъ неистово хлестнулъ лошадей и возгорѣлся жаждой мести не менѣе, чѣмъ его жена.

На зарѣ Линъ Макъ-Лэнъ разбудилъ виргинца.

— Намъ надо утекать,—сказалъ онъ.

— Ну и утекай,—пробурчалъ южанинъ изъ-подъ одѣяла,— и прячься, пока они не оцѣнятъ вполнѣ нашей шутки!

Макъ-Лэнъ назвалъ его дуракомъ и пошелъ сѣдлать свою лошадь. При этомъ онъ вытащилъ изъ сѣдельной сумки какой-то свертокъ, положилъ его у изголовья Бокея Бальди и ускакалъ. Проснувшись, Бальди нашелъ въ сверткѣ пару туфель.

Не успѣлъ Линъ отскакать и на милю, какъ послышался стукъ колесъ и подъѣхали Тэлоры. Вслѣдъ за ними явились Кармоди и дядя Югей съ женою, а потомъ одинъ м-ръ Давъ, сообщившій, что у жены его отъ волненія сдѣлался одинъ изъ ея обычныхъ припадковъ, во избѣжаніе которыхъ доктора предписывали ей полнѣйшее спокойствіе.

Раздавались громкіе голоса мужчинъ и женщинъ, плачъ и крики дѣтей, и произошло нѣчто невообразимое. Легенды объ этомъ утрѣ и теперь еще живы отъ Техаса до Монтаны.

Конечно, всю вину свалили на исчезнувшаго Лина. Виргинецъ былъ очень услужливъ, держалъ лошадей и помогалъ дамамъ выходить изъ экипажей. Всѣ были глубоко возмущены сатанин-

ской продѣлкой Лина, особенно женщины. Онѣ даже устроили совѣщаніе по этому поводу въ отдѣльной комнатѣ, куда мужчины не допускались, и о подробностяхъ этого совѣщанія я могу только догадываться.

За Макъ-Лэномъ была послана погоня, но его нигдѣ не могли найти. Выждавъ минуту, когда всеобщее возмущеніе поулеглось, виргинецъ выступилъ на середину и произнесъ:

— Я тотъ, кого вы ищете. Убейте меня, если хотите, я не стану защищаться.

Всѣ тупо замолчали, услыхавъ это заявленіе, и хотя потомъ ему и досталось немного отъ матерей, но въ общемъ онъ отдѣлался очень легко. Произошло примиреніе, и всѣ усѣлись за остатки вчерашняго ужина.

Простившись со всею компаніей, виргинецъ осѣдлалъ своего Монте и поѣхалъ къ домику, выстроенному Тэлоромъ для школьной учительницы. Было воскресенье. Занятій въ школѣ не было. Она была дома.

— Я позволилъ себѣ заѣхать,—сказалъ южанинъ.

— Какъ жаль, что м-ра и м-съ Тэлоръ нѣтъ дома!

— Я это зналъ, и потому и заѣхалъ. Не хотите ли поѣхать верхомъ, сударыня, на моей лошади?

— А вы пойдете пѣшкомъ?

— Нѣтъ, сударыня, на этотъ разъ вдвоемъ съ вами на одной лошади мы не поѣдемъ. — Замѣтивъ, что она вся вспыхнула, онъ продолжалъ спокойно: — Я возьму одну изъ лошадей Тэлора, онъ вѣдь меня знаетъ.

— Да, но я все-таки не могу ѣхать. Мнѣ еще надо посмотрѣть, чтобъ огонь въ кухнѣ Тэлоровъ не погасъ.

— Я присмотрю за этимъ. И, право, вамъ бы очень хорошо было проѣхаться. Съ ребятами сегодня вы можете не возиться.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? — спросила она строго.

Ей показалось, что онъ намекаетъ на дѣтей, относительно которыхъ вчера вечеромъ, избѣгая его, она выказала такую необыкновенную заботливость. На ея строгій вопросъ онъ легко могъ отвѣтить рѣзкостью и такимъ образомъ проиграть сраженіе,—но виргинецъ былъ не изъ тѣхъ, которые легко проигрываютъ дѣло.

— Что̀ я хочу этимъ сказать? — повторилъ онъ спокойно, удобно усаживаясь возлѣ двери:—что вы успѣете учить вашихъ ребятъ и завтра, если такова ваша обязанность.—И онъ улыбнулся.

— Моя обязанность! Странно, что являются незнакомые люди...

— Развѣ я незнакомый человѣкъ? — перебилъ онъ ее.—Я былъ вамъ представленъ, сударыня. Впрочемъ, если вамъ угодно, я уйду.

Онъ всталъ и остановился со шляпой въ рукахъ.

Она вовсе не хотѣла, чтобы онъ ушелъ. Ни одинъ изъ ея поклонниковъ не былъ похожъ на этого человѣка, и хотя она уже привыкла къ живописному мѣстному костюму, но никогда не видала, чтобы кто-нибудь его такъ красиво носилъ, какъ этотъ южанинъ. Волнуясь, она краснѣла все больше и больше, и не зная, что сказать, рѣшила быть очень строгой.

— Вы считаете себя взрослымъ и отвѣтственнымъ за свои поступки человѣкомъ,—начала она,—а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяете, чтобъ обвиняли м-ра Макъ-Лена во всей этой кутерьмѣ...

— Я не отрекаюсь, что это сдѣлалъ я.

— Ну, я такъ и знала! Я съ самаго начала это говорила!

— А утверждаете, что я для васъ незнакомый человѣкъ!— пробормоталъ онъ.—А кому же вы говорили, что это я?

Ей показалось, что она одержала побѣду.

— Вы боитесь?—спросила она и весело разсмѣялась.

— Настолько боюсь, что самъ имъ во всемъ признался. Они такъ хорошо разыграли удивленіе, что мнѣ и въ голову не пришло, что вы меня видѣли съ дѣтьми, и что они уже раньше знали все отъ васъ.

— Я совсѣмъ васъ не видала. Я просто знала, потому что... И, конечно, я никому не говорила. Когда я сказала, что говорила это съ самаго начала, то я хотѣла этимъ сказать... Ну, вы отлично понимаете, что я хотѣла этимъ сказать.

— Отлично понимаю, сударыня.

Бѣдная Молли готова была топнуть ногой.

— А зачѣмъ вы разыграли это шутку?—продолжала она:— перепугать безъ всякой причины женщинъ—неужели это достойный поступокъ для мужчины, который носитъ такой огромный пистолетъ и ѣздитъ на такой огромной лошади? Я бы никогда не рѣшилась поѣхать кататься съ такимъ невзрослымъ провожатымъ.

— Да, это было сдѣлано по-дѣтски. Но я вѣдь иногда веду себя и какъ взрослый. Вчера я забылъ попросить, чтобъ меня представили вамъ, прежде чѣмъ начать говорить съ вами, но почему я забылъ,—угадайте!

— Зачѣмъ же я буду сидѣть и догадываться, когда вы, повидимому, легко можетъ мнѣ это сообщить.

— Вѣдь когда мы переправлялись черезъ рѣку, меня никто вамъ не представлялъ? Однако, вы не жаловались на то, что я былъ для васъ незнакомымъ человѣкомъ?

— Конечно нѣтъ!—она покраснѣла и быстро прибавила:— Возница сказалъ мнѣ, что никакой настоящей опасности тамъ не было.

— Дѣло не въ этомъ. Вы, взрослая и отвѣтственная за свои поступки женщина, являетесь одна въ полу-дикую страну, чтобы учить малыхъ ребятъ, любящихъ играть въ прятки, и дѣлаете видъ, что не знаете человѣка, которому позволили оказать вамъ услугу. Развѣ это не игра въ прятки? И поэтому я не увѣренъ, кто въ этой комнатѣ ребенокъ, а кто—взрослый.

Молли Вудъ сердито посмотрѣла на него и сказала:

— Вы мнѣ очень непріятны.

— Это вполнѣ понятно. Вы полюбите меня, въ концѣ концовъ... А теперь поѣдемте пожалуйста кататься, сударыня.

— Ахъ, Боже мой! Что за самомнѣніе! Я васъ полюблю?! Бываютъ люди, которые думаютъ, что имъ стоитъ порисоваться передъ женщиной...

— Боже милосердый! Это я-то рисуюсь передъ вами!

Онъ не могъ удержаться отъ смѣха, и его смѣхъ очень понравился миссъ Вудъ.

— Я возьму назадъ тѣ слова, которыя вамъ сказала: мнѣ кажется, вы мнѣ больше не непріятны, и я не считаю васъ больше невзрослымъ. А кромѣ того,—заключила, она, протягивая ему руку, — мнѣ все время очень хотѣлось поблагодарить васъ за ту услугу, которую вы мнѣ оказали тогда, на рѣкѣ.

Онъ взялъ ея руку, и сердце его сильно забилось.

— Вы настоящій джентльменъ!—воскликнулъ онъ.

Теперь пришелъ ея чередъ смѣяться.

— Я всегда хотѣла быть мужчиной,—сказала она.

— Я очень радъ, что ваше желаніе не исполнено,—произнесъ онъ, глядя на нее; но она нашла, что съ нея довольно сказано на первый разъ, и спросила:

— Гдѣ вы научились такимъ словамъ? Впрочемъ, сейчасъ видно, что вы имѣли слишкомъ большую практику для вашихъ юныхъ лѣтъ.

— Мнѣ уже двадцать-семь,—необдуманно сболтнулъ виргинецъ, и почувствовалъ, что поступилъ какъ дуракъ.

— Кто бы могъ подумать!—произнесла Молли съ тонкой

насмѣшкой, чувствуя, что побѣда на этотъ разъ останется за нею.—А кататься я сегодня все-таки не поѣду.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только проститься. Въ слѣдующій разъ я приведу вамъ смирную лошадь.

— Въ слѣдующій разъ я, можетъ быть, поѣду. А вы далеко живете?

— Въ помѣстьѣ судьи Генри. Довольно-таки далеко, но это ничего не значитъ. Добраго здоровья, сударыня!

— Послушайте! — крикнула она ему вслѣдъ:—я не боюсь лошадей, и вамъ нечего приводить мнѣ очень смирную. Тогда, на рѣкѣ, я была утомлена, и обыкновенно кричать, садясь на лошадь, не въ моихъ правилахъ.

Онъ остановился, любуясь ею.

— Не дадите ли вы мнѣ этотъ цвѣтокъ?..

— Съ удовольствіемъ. Я такъ рада, когда цвѣты кому-нибудь нравятся.

— Онъ напоминаетъ цвѣтъ вашихъ глазъ,—произнесъ онъ серьезно и, засунувъ цвѣтокъ за ремешокъ шляпы, уѣхалъ на своемъ Монте, а миссъ Вудъ долго смотрѣла на его удалявшуюся фигуру.

XII.

Въ Беннингтонѣ всегда съ нетерпѣніемъ ждали писемъ изъ „Медвѣжьей-Рѣки“. Извѣстіе о томъ, какъ родителямъ подмѣнили ихъ дѣтей, вызвало всеобщее волненіе и было сообщено всѣмъ сосѣдямъ.

— Я не могу не сердиться на нее за то, что она поселилась въ такомъ мѣстѣ,—сказала м-съ Вудъ.

— Я бы очень хотѣлъ тамъ быть,—сказалъ ея зять, Андрю Белль.

— Она не пишетъ, кто сыгралъ эту шутку, — замѣтила м-съ Андрю Белль.

— Это не увеличило бы того, что мы уже знаемъ,—возразила м-съ Вудъ и написала дочери, умоляя ее быть осторожнѣе съ окружавшими ее дикарями и негодяями и почаще видаться съ м-съ Балаамъ.

М-съ Флинтъ, узнавъ случайно о содержаніи письма Молли (на чтеніе письма она не была приглашена), заявила, что всегда считала миссъ Вудъ немного вульгарной, особенно когда она стала давать уроки музыки, какъ самая обыкновенная нѣмка.

Слѣдующее письмо успокоило ея мать. Въ немъ не говорилось ни о празднествахъ, ни о подмѣнѣ дѣтей, а главнымъ образомъ о прекрасной погодѣ и о благотворномъ вліяніи мѣстнаго климата на здоровье, и о томъ, какъ пріятно здѣсь ѣздить верхомъ, особенно на горячей лошади. Кромѣ того, Молли просила выслать ей побольше книгъ, и стиховъ, и прозы, и старыхъ, и новыхъ авторовъ.

— А съ кѣмъ она ѣздитъ верхомъ?—спросила м-съ Белль.

— Она не пишетъ. А что̀?

— Странная у нея манера умалчивать о нѣкоторыхъ вещахъ.

— Сара!—съ упрекомъ воскликнула м-съ Вудъ.

— Ну, мама, вы такъ же отлично знаете, какъ и я, что она иногда ведетъ себя слишкомъ самостоятельно и не соблюдая строго приличій.

— Да, но не въ такомъ случаѣ. Она даже не хотѣла ѣздить верхомъ съ Самомъ Баннеттомъ, а ужъ это-то было бы вполнѣ прилично.

Книги въ большомъ количествѣ были высланы и пришли въ „Медвѣжью-Рѣку“ за недѣлю до Рождества. Съ новаго года виргинецъ занялся своимъ образованіемъ.

— Все прочелъ до послѣдней страницы, — объявилъ онъ, входя въ домикъ Молли въ февралѣ мѣсяцѣ и кладя два толстыхъ тома ей на столъ.

— И что̀ же вы скажете?

— Скажу, что заслужилъ длинную поѣздку на сегодня.

— Жоржикъ Тэлоръ вывихнулъ себѣ ногу.

— Я не о такой прогулкѣ говорю, а о томъ, чтобъ вы поѣхали вдвоемъ со мною.

— Хорошо, мы объ этомъ подумаемъ, а теперь скажите ваше мнѣніе о прочитанномъ. Понравились вамъ книги?

— Нѣтъ. Не очень. Этотъ криминальный романъ можетъ быть весьма интересенъ для сыскной полиціи, но вѣдь я не сыщикъ; а въ другомъ—слишкомъ много болтовни.

Молли возмутилась подобнымъ отзывомъ.

— Это такой знаменитый романъ, и неужели вамъ не жаль героиню?

— Да, очень хорошая книга, и мнѣ жаль и героиню, и героя, но все-таки писатель отлично сдѣлалъ, что утопилъ въ концѣ ихъ обоихъ.

— Не писатель, а писательница.

— Женщина! Ну, поэтому-то и болтовни много.

— Я не поѣду съ вами кататься!—воскликнула Молли.

Но однако поѣхала. А онъ вернулся въ „Глубокую-Рѣку" на этотъ разъ съ русскимъ романомъ. Вернулъ онъ его уже въ апрѣлѣ. Снѣжная буря съ дождемъ помѣшала ихъ обычной прогулкѣ, и онъ просидѣлъ у нея въ комнатѣ, не говоря ни слова о своей любви. Уѣзжая, онъ попросилъ ее дать ему еще какую-нибудь книгу того же автора, но у нея ничего больше не было.

— Жаль!—сказалъ онъ:—я никогда не читалъ ни одного романа, гдѣ было бы столько правды.

— Что вамъ такъ понравилось въ немъ?—съ удивленіемъ спросила она. Ей этотъ романъ показался отвратительнымъ.

— Все, — отвѣчалъ онъ. — Этотъ выродокъ-герой и семья, которая его не понимаетъ. — Виргинецъ посмотрѣлъ на Молли почти робко.—Знаете,—произнесъ онъ и покраснѣлъ:—я чуть не заплакалъ, когда читалъ описаніе смерти этого выродка и его слова: „я родился, чтобъ быть гигантомъ". Жизнь создала-то его очень большихъ размѣровъ, да потомъ не дала случая примѣнить свои силы.

Молли подумала, что онъ покраснѣлъ отъ того, что признался ей, что „чуть не заплакалъ". Болѣе глубокая причина, вызвавшая краску на его лицо, состояла въ томъ, что онъ самъ, какъ умирающій герой повѣсти, чувствовалъ себя гигантомъ, лишеннымъ возможности примѣнить свои силы.

Настала весна. Было тепло и ясно. На вершинахъ таялъ снѣгъ; подъ нимъ старыя сосны пѣли свою вѣчную пѣсню, а въ долинахъ цвѣли цвѣты. Молли и виргинецъ сидѣли у родника, куда обыкновенно отправлялись верхомъ. Онъ прощался съ нею, такъ какъ ему предстояла долгая поѣздка по дѣламъ судьи Генри. На дорогу онъ бралъ съ собою „Kenilworth" Вальтеръ-Скотта. Но онъ велъ разговоръ не о книгахъ, а о своей любви.

— Я была бы неподходящей для васъ женою, — отвѣчала она, когда онъ замолчалъ.

— Мнѣ лучше объ этомъ судить,—произнесъ онъ грубо, и эта грубость обрадовала и испугала ее. Когда онъ бывалъ далеко, а она сидѣла въ своемъ домикѣ передъ портретомъ исторической бабушки и читала полученныя изъ дома письма, то ея роль относительно его, роль руководителя и снисходительнаго товарища, казалась ей легкой. Но стоило ему явиться, и вся увѣренность ея исчезала. Никогда еще никто не смотрѣлъ на нее съ такимъ скрытымъ пламенемъ въ глазахъ. — Всѣ люди рождены равными,—произнесъ онъ,—или, можетъ быть, это къ женщинамъ не относится?

— Относится, конечно.

— Вы такъ и дѣтямъ говорите?

— Я говорю имъ то, что̀ думаю.

— А кто вашъ лучшій ученикъ?

— Маленькій Жоржикъ Тэлоръ; за нимъ идетъ Генри Давъ.

— А кто послѣдній?

— Бѣдный Бобъ Кармоди. На него одного я трачу больше времени, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ.

— Странно: Жоржикъ—лучшій, Бобъ — худшій, а Генри—по серединѣ: такъ какъ же вы говорите, что всѣ люди равны?

Молли не нашла, что̀ возразить.

— Гляжу я вокругъ, — продолжалъ табунщикъ, — и вижу: одни выигрываютъ, другіе проигрываютъ; одни работаютъ и богатѣютъ, другіе работаютъ и разоряются; гляжу я на все это, и не вѣрю, когда мнѣ говорятъ о равенствѣ. Я знаю, что̀ вы думаете, говоря, что вы были бы неподходящей для меня женою. Но я—изъ тѣхъ, которые вѣчно двигаются и идутъ впередъ. Я буду со временемъ вашимъ лучшимъ ученикомъ. — Онъ повернулся къ ней, произнося эти слова, и она почувствовала, что теряетъ самообладаніе.

— Пожалуйста,—произнесла она,—пожалуйста!..

— Что̀ пожалуйста?

— Не портите мнѣ этихъ прогулокъ. Я не люблю васъ... я не могу, но... эти прогулки—мое самое большое удовольствіе. Я не хотѣла бы, чтобъ онѣ прекратились.

— Вы сами не знаете, чего требуете. Не можете же вы требовать, чтобы плодъ оставался вѣчно зеленымъ. Васъ наши теперешнія отношенія удовлетворяютъ, а меня—нѣтъ. Для васъ это—удовольствіе, а для меня... я не знаю даже, какъ это назвать. Я пріѣзжаю къ вамъ и злюсь; опять ѣду и опять злюсь... Нѣтъ, мнѣ легче васъ не видѣть.

— Ну, а можете вы сдѣлать мнѣ огромное одолженіе?

— Чѣмъ невозможнѣе, тѣмъ лучше!—воскликнулъ онъ, думая, что она потребуетъ дѣятельнаго подвига.

— Продолжайте пріѣзжать; но не говорите мнѣ о... не говорите такъ со мною, если можете.

Онъ разсмѣялся, удержавъ готовое сорваться у него проклятіе.

— А если вы не можете не говорить, то я обѣщаю иногда выслушивать васъ. Это все, что̀ я могу обѣщать.

— Это какая-то сдѣлка, — проворчалъ онъ и помогъ ей сѣсть на лошадь. На прощанье онъ сказалъ ей:

— Я уѣзжаю далеко и буду очень занятъ. А когда я занятъ, то я меньше тоскую о васъ.

Это замѣчаніе, сверхъ ожиданія, было ей очень непріятно: она, съ истинно женской непослѣдовательностью, ждала совсѣмъ другихъ прощальныхъ словъ.

— Отлично!—сказала она. — Я тоже не соскучусь о васъ. —Она улыбнулась.

— Сомнѣваюсь! — проговорилъ онъ и быстро ускакалъ на своемъ Монте.

За кѣмъ же осталась побѣда на этотъ разъ?

Съ англ. П—а С—ва.

ТУРЦІЯ и МАКЕДОНІЯ

Историческій очеркъ.

I.

Среди причинъ, способствующихъ упадку турецкой имперіи, есть одна—первая и основная—это ея теократически-мусульманскій духъ. Онъ обнаруживается въ ея учрежденіяхъ, онъ проникаетъ міровоззрѣніе самого народа, наконецъ, именно онъ и исключаетъ для Турціи возможность подняться, въ близкомъ времени, до высоты современнаго гражданскаго строя. Слова Шатобріана, что турки расположились въ Европѣ *лагеремъ*, остаются и до сихъ поръ вѣрными. Между ними и христіанскими народами существуетъ не только та естественная пропасть, которая обыкновенно отдѣляетъ завоевателя отъ покоренныхъ, но и болѣе глубокая пропасть, вытекающая изъ различія въ культурахъ. Въ противоположность застывшему теократическому духу турецкой расы, христіане обнаруживаютъ стремленіе къ новымъ экономическимъ, политическимъ и гражданскимъ формамъ. Всякій шагъ, который сдѣлаетъ турецкое государство по пути реформъ, дастъ новую почву для преобладанія христіанскихъ элементовъ въ общественно-экономической жизни Турціи. Вотъ почему, подъ вліяніемъ простого инстинкта самосохраненія, турецкая раса сопротивляется нововведеніямъ. Доказательствомъ служитъ вся исторія Турціи за прошлое столѣтіе: это не что̀ иное, какъ борьба двухъ цивилизацій, олицетворяемыхъ двумя расами. Правда, сама турецкая раса не представляетъ собою однородной массы: въ ней наблюдаются тѣ же общественныя подраздѣленія, какъ и среди христіанъ. Даже больше: то, что̀ можно назвать турец-

кимъ гражданскимъ классомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствуетъ совмѣстно съ христіанами. Такъ, напр., года два тому назадъ, турецкіе купцы и промышленники Ускюба подписались вмѣстѣ съ христіанами подъ петиціей султану противъ ускюбскаго вали Гафиза-паши. Но турецкая „буржуазія“ количественно ничтожна, ибо, какъ увидимъ, промыслы и торговля находятся главнымъ образомъ въ рукахъ христіанъ; она поэтому лишена и политическаго значенія. Не скоро еще въ состояніи будетъ она явиться носителемъ принциповъ новаго гражданскаго строя.

Пока главнымъ факторомъ турецкой политической жизни являются: чиновничество, военные и духовенство. Чиновники и офицеры въ сущности только органы центральной власти или, правильнѣе сказать, органы воли султана,—но духовенство пользовалось всегда, какъ пользуется еще и теперь, большой самостоятельностью. Оно не только политическій, но и экономическій факторъ: въ одной Македоніи шестая часть всѣхъ земель составляетъ „вакуфъ“, т.-е. принадлежитъ турецкому духовенству. Послѣднее черпаетъ свою силу какъ въ учрежденіяхъ Турціи, въ которыхъ еще господствуетъ теократическій принципъ, такъ и въ религіозномъ фанатизмѣ массы. О массѣ мы будемъ говорить ниже, а теперь остановимся на основныхъ принципахъ турецкой государственности.

Теократическій характеръ послѣдней проявляется прежде всего въ томъ, что султанъ одновременно и глава свѣтской власти, и „калифъ“,—наслѣдникъ пророка и повелитель всѣхъ правовѣрныхъ. И это не только пустой звукъ, такъ какъ относительно каждаго важнаго государственнаго акта онъ долженъ сообразоваться съ религіознымъ закономъ. Толкователемъ религіознаго закона является шейхъ-уль-исламъ, представляющій въ духовной власти то, что въ свѣтской представляетъ великій визирь. Когда шейхъ-уль-исламъ находитъ, что данный государственный актъ не противорѣчитъ корану, онъ издаетъ такъ-называемую „фэтву“. Подобнаго согласія должны были добиться Мидхадъ-паша и его друзья для низверженія съ престола султана Абдулъ-Азиса. И теперь однимъ изъ аргументовъ „младо-турокъ“, въ ихъ пропагандѣ среди турецкой молодежи, служитъ то положеніе, что конституціонный режимъ не находится въ противорѣчіи съ догматами ислама. „Исламъ по своимъ основамъ либераленъ,—пишетъ младо-турокъ Мурадъ-бей,—и религіозный фанатизмъ вовсе не вытекаетъ неизбѣжно изъ принциповъ ислама“ [1]).

[1]) Mourad-Bey. La Force et la Faiblesse de la Turquie. Genève, 1897, pp. 6—7.

Тотъ же авторъ находитъ исламъ даже революціоннымъ, ибо, согласно корану, „подданные не должны слушаться такого властителя, дѣйствія котораго не согласны съ божескимъ закономъ". Искренни или нѣтъ „младо-турки" въ своихъ утвержденіяхъ, это въ данномъ случаѣ безразлично,—важно только то, что и они должны платить дань теократическому принципу и признавать первенство духовной власти передъ свѣтской. Но изъ этого-то принципа и вытекаетъ одно важное послѣдствіе, которое красною нитью проходитъ черезъ всю турецкую исторію: систематическое устраненіе христіанъ, какъ неправовѣрныхъ, отъ государственнаго управленія и неустанное сопротивленіе турецкаго духовенства бѣлаго и чернаго,—улемовъ и дервишей,—противъ проведенія реформъ, ставящихъ христіанъ въ одинаковое положеніе съ турками. Въ силу же сословнаго эгоизма сопротивляется реформамъ бюрократія и военное сословіе.

Къ правящимъ сословіямъ Турціи нужно еще отнести и турецкихъ поземельныхъ собственниковъ. Если въ городахъ богатства находятся въ рукахъ христіанъ,—въ деревняхъ, наоборотъ, экономически господствуютъ турки. Дѣйствительно, мы увидимъ, что почти вся земля въ Македоніи составляетъ собственность такъ-называемыхъ турецкихъ „чифликчи". Но послѣдніе не могли бы удержать своей позиціи противъ экономически болѣе сильнаго противника, какимъ являются христіане-владѣльцы движимаго капитала,—еслибы не современные политическіе порядки Турціи. Доказательства этому читатель найдетъ дальше въ нашемъ очеркѣ.

Мы перечислили правящія сословія Турціи. Является вопросъ, какимъ образомъ удается этимъ послѣднимъ удержать на своей сторонѣ турецкую народную массу?—Въ сущности, турецкій народъ такъ же страдаетъ отъ турецкаго политическаго режима, какъ и христіане; онъ такъ же платитъ непосильныя подати, такъ же терпитъ безграничную эксплуатацію турецкихъ „чифликчи". Правда, какъ привилегированная раса, турецкіе крестьяне избавлены отъ произвола административныхъ властей; племенныя и религіозныя связи охраняютъ ихъ и отъ нападенія турецкихъ разбойниковъ. Но зато на плечи турокъ всецѣло падаетъ тяжелое бремя воинской повинности, такъ что слова: „господствующее племя", для большинства турокъ были бы полной иллюзіей, еслибы турецкое правительство не принимало сторону турокъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ христіанами и не предоставляло бы, время отъ времени, имущества послѣднихъ въ добычу первымъ. Тогда наступаетъ царство баши-бузуковъ, т.-е. всякаго турка,

способнаго носить оружіе. Домашняя утварь, деньги, хлѣбъ, скотъ, а часто и земли убитыхъ и прогнанныхъ христіанъ переходятъ въ руки баши-бузуковъ. Какъ въ средніе вѣка, въ періодъ крестовыхъ походовъ, подъ религіозной идеей скрывались аппетиты обѣднѣвшихъ рыцарей и крестьянъ, которые надѣялись найти на Востокѣ богатую добычу, такъ и подъ вспышками турецкаго религіознаго фанатизма можно открыть причины болѣе реальныя. Шесть лѣтъ тому назадъ, когда произошла ужасная константинопольская рѣзня, всѣ отмѣчали тотъ фактъ, что пострадавшіе армяне принадлежали главнымъ образомъ къ армянамъ-носильщикамъ, работающимъ на константинопольской пристани. Это становится понятнымъ, если принять въ соображеніе, что улицы Константинополя переполнены, и теперь, и тогда, многочисленными турецкими босяками, пришельцами изъ Болгаріи и Румыніи, откуда они, продавъ за безцѣнокъ свое имущество, отправлялись ежегодно въ турецкую столицу искать заработка. Но тутъ они наталкивались на армянскую рабочую массу, главнымъ занятіемъ которой въ Константинополѣ является работа на докахъ. Турецкія власти искусственно воспользовались этимъ экономическимъ антагонизмомъ въ своихъ политическихъ видахъ. Несомнѣнно, всѣ эти факты не говорятъ противъ самостоятельной роли религіознаго фанатизма; они только подчеркиваютъ его значеніе, скрѣпляя его, такъ сказать, печатью экономической необходимости.

Какъ у всѣхъ примитивныхъ варварскихъ народовъ съ замкнутой общественно-экономической жизнью, религіозная идея играетъ у турокъ громадную роль. Къ ней, въ сущности, сводится вся идеологія турецкаго народа; въ ней онъ находитъ оправданіе своего особаго семейнаго быта, являющагося также однимъ изъ крупныхъ препятствій для сближенія турокъ съ христіанами. Нужно быть въ Константинополѣ и присутствовать на проповѣди въ мечети, когда, по окончаніи молитвы, имамы, окруженные сидящими на землѣ мусульманами, начинаютъ толкованіе корана, чтобы на восторженныхъ лицахъ слушателей увидѣть религіозный энтузіазмъ, на который еще способны турки. Впрочемъ, исторія ислама во всѣхъ странахъ, событія нашихъ дней въ Аравіи, Суданѣ, Алжирѣ и Марокко—говорятъ о томъ же самомъ сильномъ религіозномъ прозелитизмѣ, господствующемъ среди мусульманъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что „младо-турки“ придаютъ своей проповѣди теократическую окраску и стараются привлечь на свою сторону болѣе культурныя категоріи турецкаго духовенства, такъ-называемыхъ „софтовъ“,—

студентовъ догматическаго права. „Софты могутъ быть очень выгодно использованы, — пишетъ Мурадъ-бей, —потому что масса питаетъ къ нимъ больше довѣрія, чѣмъ къ кому бы то ни было“ [1]).

Не трудно понять, какъ первобытна должна быть общественная психологія народа, у котораго мѣсто положительныхъ знаній занимаютъ догматы и сентенціи корана, а мѣсто критикующаго разсудка—слѣпая вѣра въ слова улемовъ. Это исключительное господство одной идеи вызываетъ и ту баснословную наивность и простоту турокъ, которая нерѣдко восхищала европейскихъ путешественниковъ-скептиковъ, и тѣ вспышки религіознаго фанатизма, которыя испытываютъ на себѣ христіане. Какъ китайскимъ мандаринамъ удается въ глазахъ массы превращать всѣ пораженія китайскихъ войскъ въ рядъ побѣдъ, точно такъ же и турецкое правительство превращаетъ свои пораженія въ матеріалъ для своего собственнаго возвышенія. Не напрасно султанъ Абдулъ-Гамидъ послѣ русско-турецкой войны прибавилъ къ другимъ своимъ титуламъ и титулъ „гаази“ т.-е. „непобѣдимый“.

Съ другой стороны, лишенный того внутренняго содержанія, которое составляетъ человѣческую индивидуальность, турокъ скорѣе кого бы то ни было поддается постороннимъ вліяніямъ. Тотъ же самый турокъ, который въ мирное время живетъ въ дружбѣ со своимъ сосѣдомъ-христіаниномъ и даже заступается за него передъ турецкими разбойниками, какъ мы это увидимъ не разъ,— завтра, очутившись въ толпѣ баши-бузуковъ, дѣлается кровожаднымъ звѣремъ и первый поднимаетъ руку на своего вчерашняго друга.

Религіозный духъ поддерживаетъ воинственность турецкаго народа, и наоборотъ, воинственныя стремленія находятъ въ религіозномъ прозелитизмѣ свое оправданіе и свою цѣль. Въ этой воинственности, какъ извѣстно, заключалась причина могущества турокъ съ первыхъ вѣковъ ихъ господства въ Европѣ. Истощеннымъ внутренней классовой борьбой—Византіи и другимъ балканскимъ государствамъ турки противопоставили силу однородной и дисциплинированной орды. Несомнѣнно, что, соприкоснувшись съ жизнью земледѣльческаго христіанскаго населенія, турки сами пріучились и къ земледѣлію, и къ ремесламъ, но это вліяніе побѣжденныхъ на побѣдителей меньше, чѣмъ можно предполагать. Обработка земли, и раньше, и теперь, составляетъ, главнымъ образомъ, удѣлъ христіанъ. Объясненія этого явленія

---

[1]) Mourad-Bey. Le palais d'Yildis et la Subllime Porte. Paris, 1895, p. 9.

нужно искать не только въ томъ раздѣленіи труда, въ силу котораго на туркахъ исключительно лежала и лежитъ защита государства, а на христіанахъ—уплата податей, но еще и въ самой экономической исторіи Турціи. Очень характеренъ тотъ фактъ, что турецкое правительство заставляло принимать магометанскую вѣру только тѣхъ христіанъ, которые населяли пограничныя мѣста, важные стратегическіе пункты или жили возлѣ большихъ дорогъ. Наоборотъ, христіане внутреннихъ мѣстностей сохранили отцовскую вѣру. Это соотвѣтствовало интересамъ турецкихъ феодаловъ, такъ-называемыхъ „спагіевъ", которымъ гораздо выгоднѣе было имѣть дѣло съ крѣпостными-христіанами, чѣмъ съ турками [1]). Такимъ образомъ, и историческія, и экономическія традиціи сдѣлали изъ турокъ преимущественно солдатъ, а изъ христіанъ—производителей. Нужно принять во вниманіе еще и то, что Турція вообще и теперь еще является самымъ милитаристическимъ государствомъ въ Европѣ. Это отмѣтилъ еще фонъ-деръ-Гольцъ, четырнадцать лѣтъ прожившій въ Константинополѣ, указывая на это обстоятельство, какъ на одну изъ причинъ слабости турецкой имперіи. Милитаризмъ въ Турціи усиливался не только потому, что она должна была защищаться отъ многихъ внѣшнихъ враговъ, но еще и потому, что между территоріей турецкаго государства и его населеніемъ существуетъ громадная непропорціональность. Тогда какъ вся турецкая имперія имѣетъ населеніе, не достигающее и половины населенія Германіи, ея территорія охватываетъ пространство, равное площади Германіи, Франціи и Испаніи вмѣстѣ [2]). На этомъ пространствѣ живутъ племена, которыя, несмотря на всю централизацію турецкаго управленія, не чувствуютъ себя органически-связанными съ центромъ. И рѣчь не идетъ здѣсь только о христіанахъ, составляющихъ большинство населенія турецкой имперіи, но и о самихъ мусульманскихъ племенахъ, напр. албанцахъ въ Европѣ, арабахъ въ Азіи, готовыхъ подняться при первомъ призывѣ какого-нибудь шейха,—не говоримъ уже о тѣхъ возстаніяхъ отдѣльныхъ турецкихъ вассаловъ, борьбой съ которыми полна турецкая исторія за первую половину прошлаго столѣтія.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ основныя причины, способствующія, помимо всякихъ другихъ внѣшнихъ вліяній, упадку турецкой имперіи. Пока эти причины будутъ существовать, всѣ

[1]) В. Кънчевъ. „Македония.—Етнографія и Статистика". София, 1900, стр. 56—57.

[2]) Freiherr von der Goltz. Die Stärke und die Schwäche des Türkischen Reiches (Deutsche Rundschau, Oct. 1897, S. 119).

усилія Турціи улучшить свой внутренній строй останутся тщетными, даже когда они будутъ искренни. Нужны были бы еще долгіе и долгіе годы, чтобы въ воззрѣніяхъ турецкаго народа произошли тѣ перемѣны, которыя сдѣлали бы его культурнымъ факторомъ. Но врядъ-ли исторія поддастся такому эксперименту, ибо тѣмъ, чѣмъ турки могутъ сдѣлаться въ неопредѣленномъ будущемъ, христіане являются теперь, сейчасъ.

Замѣчательно въ исторіи христіанскихъ народовъ въ Турціи, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, они численно увеличивались въ гораздо бо́льшей пропорціи, чѣмъ турки. Напримѣръ, этнографы Македоніи указываютъ на множество деревень и городскихъ кварталовъ, которые были заселены раньше турками, а теперь—христіанами. Непосредственнымъ объясненіемъ этого факта служитъ сравнительно болѣе высокая смертность среди турецкаго населенія, наряду съ болѣе низкой рождаемостью. Такъ, напримѣръ, по болгарскимъ статистическимъ даннымъ—турецкихъ данныхъ не существуетъ — рождаемость среди магометанъ въ Болгаріи не превышаетъ 23,5 на тысячу, тогда какъ среди болгаръ и другихъ христіанъ она достигаетъ 41,7 на тысячу. Смертность, наоборотъ выражается слѣдующими цифрами: для турокъ—12,7, а для христіанъ—20,3 на тысячу. Въ результатѣ естественный приростъ населенія у христіанъ равенъ 21,4, а у турокъ—только 8,8 на тысячу [1]. Такимъ образомъ, смертность среди христіанъ меньше половины рождаемости, а у турокъ, наоборотъ, больше половины. Эти два различныхъ закона народонаселенія также показываютъ, что, несмотря на совмѣстную жизнь, обѣ расы глубоко различаются своимъ общественнымъ бытомъ. Христіане—земледѣльцы, турки—солдаты. Турокъ долженъ покидать свое семейство надолго, а часто и навсегда. Это отражается на различномъ процентѣ рождаемости. Болѣе высокая смертность турокъ также находитъ свое объясненіе въ турецкомъ бытѣ, въ замкнутой жизни турецкаго семейства, въ которое и теперь запрещенъ доступъ врача, и турецкомъ религіозномъ фатализмѣ. Тогда какъ во время эпидемій христіане покидаютъ деревни и ищутъ спасенія въ горахъ, турки-фаталисты преспокойно ожидаютъ смерти возлѣ домашняго очага. Не миновать тому, что̀ предопредѣлено самимъ Аллахомъ!

Такъ или иначе, но раса завоевателей исчезаетъ, тогда какъ раса завоеванныхъ умножается и ростетъ. Но на сторонѣ послѣдней—не только численность, но и экономическая, и культур-

---

[1]) В. Кънчевъ. Македония и пр.

ная сила. Тогда какъ изъ среды турокъ выходятъ чиновники и солдаты, изъ христіанъ выдѣляются купцы и промышленники, а у послѣднихъ является и стремленіе къ политической самостоятельности. Пока христіане оставались чисто земледѣльческимъ народомъ, они были покорной райей. Нужна была континентальная система Наполеона, чтобы дать греческому мореплаванію и торговлѣ сильный толчокъ; нужно было открытіе плаванія по Дунаю и развитіе торговыхъ сношеній Англіи и Австріи съ Турціей, чтобы дать аналогичный толчокъ сербамъ и болгарамъ.

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, борьба христіанскихъ народовъ въ Турціи была и продолжаетъ быть борьбой купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ противъ чиновниковъ и солдатъ. И чѣмъ больше турки чувствуютъ этотъ напоръ изнутри, тѣмъ больше они дѣлаютъ усилій сохранить свое господство всѣми средствами... Они не могутъ считать христіанъ равными себѣ, несмотря на всѣ султанскіе гати-гумаюны, не только потому, что это несовмѣстимо съ военно-теократическимъ духомъ турецкой расы, но еще и потому, что, при новыхъ условіяхъ, они скоро оказались бы почти подчиненными христіанамъ. Ceci tuera cela! Какъ всякая раса съ колеблющимся политическимъ господствомъ, турки, наоборотъ, ищутъ спасенія въ крайнемъ шовинизмѣ. Имъ проникнута и либеральная часть турецкаго общества, написавшая, будто бы, на своемъ знамени: равенство всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ передъ закономъ. Вотъ, напр., какъ выражается Мурадъ-бей, говоря о преслѣдованіяхъ, направленныхъ Турціей противъ изслѣдованій армянскаго археологическаго общества въ Венеціи. „Не было бы ничего вреднаго предоставить армянамъ свободно копаться въ ихъ прошломъ, если ихъ дѣятельность *не переходитъ границъ чисто-научной работы*" [1]). Другими словами, политическое равенство, по понятіямъ младотурокъ, исчерпывается для армянъ свободнымъ печатаніемъ историческихъ словарей. Дальше ихъ дѣятельность становится опасной для цѣлости турецкой имперіи. Мы не хотимъ входить здѣсь въ подробности, но такія же ультра-турецкія идеи исповѣдуютъ и другіе младо-турки, что является новымъ доказательствомъ того нестираемаго слѣда, который оставило на всѣхъ слояхъ турецкаго народа его военно-теократическое прошлое и настоящее.

Имѣя теперь общее представленіе объ историческихъ факторахъ современной Турціи, читатель легче оріентируется въ тѣхъ

[1]) Mourad Bey. La Force et la Faiblesse etc., p. 47.

частностяхъ и подробностяхъ, о которыхъ будетъ говориться ниже.

II.

До „гати-гамаюна“—такъ называется сводъ *реформъ*, предпринятыхъ со стороны Турціи послѣ парижскаго конгресса,—въ аграрныхъ отношеніяхъ Турціи господствовалъ полу-феодальный строй. Земля находилась въ рукахъ „спаги“. Однако и послѣ реформы, уничтожившей крѣпостничество и позволившей крестьянамъ пріобрѣтать земельную собственность, фактическія отношенія между крестьянами и ихъ прежними господами остались тѣ же самыя, если даже не ухудшились. „Уничтоженіе крѣпостничества,—писалъ въ своемъ извѣстномъ циркулярѣ графъ Андраши, 30-го декабря 1875 года,—способствовало только ухудшенію быта крестьянъ. Въ своемъ новомъ положеніи фермера и половника (métayer), крестьянинъ подвергается большей эксплуатаціи, чѣмъ когда-либо. Фирманъ, изданный въ 1858 году съ цѣлью улучшить положеніе дѣлъ, никогда не примѣнялся въ дѣйствительности. Нужно отыскать новую комбинацію, которая позволила бы крестьянамъ сдѣлаться собственниками“ [1]).

Со времени этого циркуляра прошло болѣе четверти вѣка, но аграрныя отношенія въ Турціи находятся и теперь въ той же стадіи, что и раньше. Хорошей иллюстраціей этого положенія можетъ служить статистика поземельной собственности въ Македоніи. И понынѣ, какъ мы уже замѣтили, одна шестая всей обработываемой земли въ Македоніи находится въ рукахъ турецкаго духовенства. Доходы съ этой неотчуждаемой духовной собственности, или „вакуфовъ“, идутъ на содержаніе мечетей, турецкихъ школъ и разныхъ духовныхъ учрежденій. Остальная часть земли находится въ рукахъ крупныхъ и среднихъ собственниковъ-землевладѣльцевъ. Число этихъ такъ называемыхъ „чифликчи“ восходитъ теперь до 15.000, тогда какъ количество независимыхъ мелкихъ собственниковъ достигаетъ всего десяти тысячъ [2]). Всѣ „чифликчи“—мусульмане, исключая живущихъ въ окрестностяхъ южныхъ македонскихъ городовъ—Салоникъ, Касторіа и другихъ,—гдѣ статистика указываетъ на существованіе двухсотъ крупныхъ собственниковъ христіанъ и евреевъ. Точно

[1]) Engelhardt. La Turquie et Le Tanzimat. Paris, 1886, t. II, p. 147.

[2]) Dr. Cleanthès Nicolaïdès. La Macédoine, Berlin, 1899, p. 76. Эта книга греческаго шовиниста написана, въ общемъ, снисходительно къ турецкому правительству. Больше всего свою ненависть авторъ изливаетъ на болгаръ.

также и большинство мелкихъ собственниковъ—всѣ они сосредоточены въ Вардарской равнинѣ—принадлежатъ къ господствующему племени. Лишь въ сѣверной Македоніи, въ Ускюбскомъ вилайетѣ, находится нѣсколько сотенъ христіанъ—мелкихъ собственниковъ [1]). Не разъ христіане дѣлали попытки пріобрѣтать земли, но они наталкивались на открытое противодѣйствіе турецкихъ беговъ—чифликчи, поддерживаемыхъ турецкой администраціей и турецкимъ населеніемъ. Не разъ также случалось, что христіане, покупавшіе землю, должны были ее бросить въ виду враждебнаго отношенія беговъ и властей, не дававшихъ имъ спокойно пользоваться пріобрѣтеннымъ имуществомъ.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, въ Македоніи господствуетъ крупная земельная собственность. Все остальное населеніе составляетъ классъ поденщиковъ, фермеровъ и половниковъ. Послѣдніе владѣютъ на правахъ собственности только жилищемъ въ деревнѣ. Это одинаково вѣрно и для христіанъ, и для магометанъ. Но разница между ними существуетъ въ личныхъ отношеніяхъ къ бегамъ. Тогда какъ турокъ платитъ своему бегу только условленную арендную плату—обыкновенно одну треть продуктовъ,—христіанинъ обязанъ совершать для него еще рядъ барщинныхъ работъ.

Владѣльцы чифликовъ живутъ обыкновенно въ городахъ или замкахъ, какъ, напримѣръ, въ сѣверной части Македоніи. Болѣе богатые изъ нихъ имѣютъ своего рода гвардію, состоящую изъ вооруженныхъ албанцевъ, которые охраняютъ интересы своего хозяина. Эти церберы и являются однимъ изъ бичей македонскихъ земледѣльцевъ. По окончаніи полевыхъ работъ, самъ хозяинъ является въ деревню за полученіемъ причитающейся ему арендной платы. Окруженный своими албанцами, онъ заставляетъ крестьянъ свезти на опредѣленное мѣсто весь собранный хлѣбъ и тамъ забираетъ свою часть, а чаще всего больше, чѣмъ ему слѣдуетъ.

Кромѣ трети всего продукта, уплачиваемой землевладѣльцу, македонскій крестьянинъ платитъ еще $13^1/_2\%$ своего валового дохода государству. Это такъ называемая десятина. Она является для крестьянства самой несносной и самой убійственной податью, не только благодаря ея несовмѣстимости съ правильнымъ сельскимъ хозяйствомъ—крестьянинъ долженъ оставлять свой хлѣбъ гнить на полѣ, пока не явится счетчикъ,—но еще и потому, что она собирается не прямыми правительственными агентами,

---

[1]) Тамъ же, стр. 76.

а откупщиками. Злоупотребленія этихъ откупщиковъ, или „илтизанджи“, давно вызывали и протесты, и даже кровавыя возстанія со стороны земледѣльческаго населенія Турціи. Само правительство, какъ увидимъ, не разъ признавало несостоятельность этой фискальной системы, давая при этомъ торжественныя обѣщанія ее уничтожить. Уже въ Гюльханскомъ актѣ (1839 года) оно декретировало рядъ мѣръ для „правильной постановки распредѣленія и собиранія податей“ [1]). Послѣ этого, нѣкоторое время десятина была собираема непосредственными агентами власти. Но это мало перемѣнило положеніе дѣлъ. Злоупотребленія чиновниковъ при собираніи десятины вызвали въ сороковыхъ годахъ кровавыя крестьянскія возстанія въ Нишскомъ и Виддинскомъ округахъ. „Чиновники заставляли крестьянъ платить два и три раза,—пишетъ путешествовавшій тогда по Болгаріи французскій экономистъ, Адольфъ Бланки.—Такъ какъ большинство крестьянъ не умѣетъ ни читать, ни писать, чиновники ихъ легко обманывали, выдавая имъ квитанціи на меньшую сумму или же съ датой прежнихъ лѣтъ. Чаще всего они не выдавали и квитанцій, а деревянныя палочки (нѣчто подобное деревенскимъ биркамъ) съ нарѣзками, которыя можно было всегда поддѣлать. Вмѣстѣ съ чиновниками являлись отряды солдатъ, которые въ теченіе долгихъ дней ѣли, пили и свирѣпствовали въ деревнѣ. Крестьяне протестовали. Военные отряды были выгнаны изъ деревень. Тогда Сабри-паша позвалъ на помощь албанцевъ, которымъ представился выгодный случай отдаться своему любимому занятію—грабежу“ [2]).

Старая система откуповъ, болѣе выгодная для правительства, такъ какъ она избавляла его отъ хлопотъ собиранія податей, была опять возстановлена. Финансовыя реформаторскія попытки правительства кончились полнымъ фіаско, что̀ констатируется и высшими турецкими чиновниками. Великій визирь Мехмедъ-Кепризли-паша, послѣ поѣздки въ Болгарію и Македонію, пишетъ въ своемъ докладѣ султану въ іюнѣ 1860 года: „Собираніе десятины, устройство сельской полиціи, состояніе дорогъ служатъ поводомъ къ вполнѣ справедливымъ жалобамъ со стороны всѣхъ вашихъ подданныхъ безъ различія“ [3]). Въ 1861 году выходитъ новый фирманъ, опять съ обѣщаніемъ преобразовать податную систему, который не только остался мертвой буквой, но далъ по-

[1]) D'Avril. Négociations relatives au Traité de Berlin (Paris, 1886), p. 23.

[2]) Emile de Laveleye. La peninsule des Balcans. Paris, 1886, t. II, pp. 209—210.

[3]) Engelhardt, I, 65.

водъ турецкому правительству въ замѣнъ предполагаемой услуги населенію поднять легальный процентъ десятины съ 10 до 13 ½. Откупщики продолжали собирать эту возросшую подать, какъ и раньше. Вотъ почему мы видимъ въ проектѣ реформъ, предложенномъ англійскимъ посланникомъ въ 1867 году, требованіе „уничтоженія откупной системы собиранія податей и замѣщенія откупщиковъ чиновниками, тщательно подобранными и строго контролируемыми“ [1]).

Въ 1876 году, послѣ герцеговинскаго возстанія, вызваннаго также, главнымъ образомъ, притѣсненіями беговъ и откупщиковъ, турецкое правительство снова издаетъ фирманъ о реформѣ податной системы. Какъ мало онъ примѣнялся, показываетъ то обстоятельство, что, два года спустя, новый султанъ Абдулъ-Гамидъ издаетъ на имя великаго визиря Махмудъ-Недимъ-паши новый фирманъ съ той же цѣлью: „Независимо отъ уничтоженія прибавочной трети десятины“ (эта треть была установлена султаномъ Абдулъ-Азисомъ), фирманъ признавалъ необходимымъ „принять еще мѣры къ тому, чтобы предупредить произволъ со стороны откупщиковъ при собираніи десятины и обезпечить наше земледѣльческое населеніе отъ разоренія“. Однако эта система десятины съ прибавочной третью продолжаетъ существовать и понынѣ точно такъ же, какъ и институтъ откупщиковъ.

Какъ отражается эта система на интересахъ земледѣлія въ Македоніи и сколько она содержитъ въ себѣ несправедливаго и возмутительнаго, можно видѣть изъ слѣдующаго письма корреспондента французской торговой палаты въ Константинополѣ, посланнаго имъ изъ Монастира (Битоля). Онъ описываетъ собираніе десятины съ винограда, но то же самое, только съ болѣе сгущенными красками, можно было написать о десятинѣ и съ прочихъ продуктовъ. „Къ назначенному откупщикомъ дню начинается уборка винограда... Женщины и дѣти, вооруженныя ножами и корзинами, разсыпаются по виноградникамъ; мужчины собираютъ виноградъ въ сосуды и нагружаютъ ихъ на животныхъ или на повозки. По выходѣ изъ виноградниковъ, они всѣ отправляются по одной и той же дорогѣ для болѣе вѣрнаго контроля. Они останавливаются возлѣ одной ильши. Тамъ, подъ тѣнью дерева, расположился на пестромъ коврѣ откупщикъ и его помощникъ, сопровождаемые неизбѣжными жандармами и варителемъ кофе (кафеджи), безъ котораго турокъ не можетъ обойтись. По мѣрѣ того, какъ навьюченныя животныя подходятъ,

[1]) Тамъ же, I, 190—191.

агенты откупщика, какъ люди, привыкшіе обходиться безъ вѣсовъ и мѣры, поднимаютъ руками посудины и опредѣляютъ вѣсъ, стараясь, конечно, никогда не ошибаться въ невыгодную для себя сторону. И хотя бы несчастный крестьянинъ протестовалъ, въ концѣ концовъ рѣшающее слово—за откупщикомъ, который и отмѣчаетъ своимъ тростниковымъ перомъ какой ему угодно вѣсъ.

Когда у него списокъ законченъ, онъ тутъ же, на мѣстѣ требуетъ уплаты. Тогда-то и начинаются самые сильные протесты. По закону онъ имѣетъ право лишь на десятую часть; но такъ какъ за виноградъ приходится платить не натурой, а деньгами, откупщикъ ловко умѣетъ пользоваться этимъ обстоятельствомъ. Онъ отлично знаетъ, что, вслѣдствіе хорошаго урожая на виноградъ, онъ не стоитъ дороже 20—25 піастровъ за 100 турецкихъ окъ. Это для него ничего не значитъ: онъ оцѣниваетъ виноградъ въ 35—40 піастровъ, что на $^2/_3$ увеличиваетъ его барыши въ убытокъ бѣдному крестьянину... Произволъ можетъ вызвать только недовольство. Поэтому нерѣдко приходится слышать, какъ болгарскіе крестьяне говорятъ между собою: „мы работаемъ только для обогащенія откупщиковъ. Придетъ ли когда-нибудь день нашего избавленія“! [1])

Рѣшительно то же самое говоритъ о десятинѣ французскій вице-консулъ того же города Монастира—Шубльè. „Плохая система собиранія податей часто является причиной гибели продуктовъ. Крестьянинъ не имѣетъ права перевозить свой хлѣбъ на гумно, пока не прошелъ откупщикъ. Очень часто послѣдній опаздываетъ на цѣлые мѣсяцы, наступаютъ осенніе дожди, хлѣбъ начинаетъ проростать въ плохо сдѣланныхъ скирдахъ, и урожай пропалъ [2]).

Чтобы понять, какимъ бичомъ являются для населенія откупщики, нужно замѣтить, что чаще всего они рекрутируются изъ среды турецкихъ беговъ и „чифликчи“. Правда, на торгахъ, которые происходятъ въ административномъ центрѣ, всякій имѣетъ право конкуррировать. Но такъ какъ торгъ производится устно, христіане избѣгаютъ участвовать въ немъ, чтобы не навлечь на себя мщенія беговъ. Послѣдніе заранѣе распредѣляютъ между собою податные участки, и заранѣе извѣстно, кому какой участокъ попадется, тѣмъ болѣе, что власти всегда находятся въ тайномъ соглашеніи съ откупщиками. Отъ этого страдаютъ, конечно, и

[1]) Lettre de Monastir (Bulletin mensuel de la Chambre de commerce française de Constantinople, 30 Nov. 1892, pp. 12–13).

[2]) Rapports commerciaux des agents diplomatiques et consulaires de France. (Moniteur officiel du commerce, 1901, № 66).

интересы фиска: благодаря соучастію властей, назначаются ничтожныя цѣны,—но больше всего страдаютъ интересы населенія, которому одновременно приходится терпѣть отъ эксплоатаціи беговъ, и какъ частныхъ хозяевъ, и какъ представителей власти. Сопровождаемые стражей вооруженныхъ албанцевъ, они переходятъ изъ деревни въ деревню, живя на счетъ крестьянъ, угрожая ихъ жизни и чести ихъ женъ и дочерей. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ, который мы беремъ изъ одной корреспонденціи изъ Тетово, напечатанной въ македонскомъ органѣ „L'Effort". „Кязимъ-бей, откупщикъ десятины въ деревнѣ Савотинцы, отправился собирать десятину съ большой свитой и съ Гали-эфенди, поручикомъ дѣйствующей арміи въ отпуску. Послѣ многочисленныхъ насилій и безобразій, они вырвали изъ рукъ матери молодую дѣвушку Русску Георгіеву, заперли ее въ комнату и, опозоривъ ее сами, отдали несчастную дѣвушку въ руки сопровождавшихъ ихъ солдатъ. Несчастная четырнадцати-лѣтняя дѣвушка умерла отъ стыда и боли. Старѣйшины деревни отправились въ Салоники жаловаться вали" [1]). Но съ этой мрачной стороной турецкаго режима мы обстоятельнѣе познакомимся ниже,—теперь же приведемъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ македонскіе беги дѣлаются собственниками. Мы заимствуемъ эти факты изъ книги молодого французскаго путешественника—д'Эспанья [2]).

„Мусса-Чаушъ заставилъ крестьянъ Габровцы построить себѣ зáмокъ. Послѣдніе, послѣ нѣсколькихъ жалобъ, добились ареста смѣлаго Чауша. Но брату этого послѣдняго, Руанъ-Чаушу, удается насиліемъ и побоями заставить крестьянъ подать прошеніе въ пользу арестованнаго, гдѣ они заявляютъ, что они добровольно согласились на работу и что за нее имъ уплачено. Здѣсь происходитъ маленькій инцидентъ, свидѣтельствующій о личной враждѣ между турками. Каймакамъ не переноситъ Руанъ-Чауша и, получивъ прошеніе, разрываетъ его, какъ выманенное насиліемъ. Но Руанъ не считаетъ себя побѣжденнымъ и еще теперь продолжаетъ свои насилія надъ крестьянами, чтобы добиться при ихъ помощи освобожденія своего брата.

„Другой случай. Исни-бей изъ Коларово хотѣлъ заставить болгарскаго священника Андона Балджіева вымолотить ему хлѣбъ.

---

[1]) L'Effort (Feuille macédonienne. Genève, 15 Avril 1900, p. 3.

[2]) Pierre d'Espagnat. Avant le Massacre. Paris, 1902, pp. 347—349. Въ беллетристическомъ очеркѣ д'Эспанья приводитъ рядъ дѣйствительныхъ фактовъ, собранныхъ имъ въ Македоніи въ 1901 году. Послѣ Македоніи д'Эспанья посѣтилъ Африку, гдѣ и умеръ 1 августа 1902 г.

Послѣ отказа священника, Исни-бей бросается его бить и запарываетъ его. Спрошенный по этому поводу вали отвѣтилъ англійскому консулу сэру Билліоти, что распорядился объ арестѣ виновнаго, но послѣдній и до сихъ поръ разгуливаетъ на свободѣ. Подобные случаи встрѣчаются на каждомъ шагу.

„Нерѣдко турокъ, увѣренный въ своей безнаказанности, благодаря своему положенію и связямъ, объявляетъ себя безъ всякихъ поводовъ хозяиномъ той или иной деревни, превращая ее въ свой „чифликъ". Спокойно усѣвшись на разстояніи выстрѣла, поставивъ свой карабинъ между ногъ и съ длиннымъ чубукомъ во рту, онъ слѣдитъ за работой своихъ рабовъ... Извѣстенъ скандальный захватъ деревни Сарай (Струмицкій округъ) Джеведъ-беемъ. Такъ же поступилъ Галилъ-бей въ деревнѣ Робово, Нусси-бей—въ Луково, Гамди-бей изъ Салоникъ—въ деревняхъ Нарише, Ново-Село, и пр., и пр. Такова исторія 377 чифликовъ Солунскаго санджака".

III.

По оффиціальнымъ источникамъ десятина, или, правильнѣе, *восьмая часть* всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, приноситъ ежегодно турецкому правительству 4.100.000 турецкихъ лиръ, т.-е., приблизительно, 35 милліоновъ рублей, что составляетъ $^{2}/_{9}$ всѣхъ доходовъ турецкой имперіи [1]). Но сумма, забираемая у населенія,—гораздо больше, ибо очень значительная часть остается въ карманѣ чиновниковъ и откупщиковъ.

Одинъ изъ ускюбскихъ вали, бывшій визирь Галилъ-Рифаатъ-паша, хотѣлъ ввести нѣкоторый порядокъ въ собираніе десятины при помощи одной очень простой и въ то же время очень дѣйствительной мѣры. Онъ рѣшилъ допустить въ качествѣ конкуррентовъ на торгахъ по откупу десятины сами деревни въ лицѣ ихъ общинныхъ совѣтовъ, за которыми признавались въ данномъ случаѣ права юридической личности и которымъ давали извѣстное предпочтеніе предъ другими конкуррентами. Мѣста, гдѣ эта мѣра была проведена, освободились отъ ненавистныхъ откупщиковъ. „Деревни вздохнули свободно,—пишетъ „Le Mouvement macédonien", теперешній заграничный органъ македонскихъ организацій. — Для земледѣлія наступилъ періодъ относительнаго благополучія. Съ другой стороны, и доходы казны замѣтно повы-

---

[1]) Бюджетъ 1898 г.: доходы—18$^{1}/_{2}$ милліоновъ турецкихъ лиръ, а десятина (13%) сбора)—4,1 милліона турецкихъ лиръ.

сились. Общинные совѣти регулярно платили назначенныя суммы до послѣдней копѣйки. Все содѣйствовало тому, чтобы это положеніе дѣлъ осталось постояннымъ. Но этого не случилось. Реформа затрогивала интересы откупщиковъ, которые всѣ до одного являются вліятельными бегами. Они работали такъ ловко, что послѣ двухлѣтняго существованія новый режимъ былъ замѣненъ опять старыми вѣковыми злоупотребленіями. У общинныхъ совѣтовъ было снова отнято право принимать участіе въ торгахъ" [1]).

Кромѣ десятины, македонскому крестьянину приходится платить подати на дороги, на государственныя школы, сборъ со скота и, наконецъ, такъ называемый „хараджъ", т.-е. откупной военный сборъ. Эта подать, накладываемая исключительно на мужчинъ-христіанъ, дала въ 1898 году 886.000 турецкихъ лиръ. По закону ее должны были платить лишь взрослые люди отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ, а между тѣмъ ею облагаютъ и дѣтей, а часто и мертвыхъ. Если принять во вниманіе всѣ различныя подати, которыя приходится платить турецкому и, въ частности, македонскому крестьянину, то отъ валового продукта ему останется всего третья часть. И въ самомъ дѣлѣ, 33 1/3% онъ отдаетъ чифликчи, въ качествѣ арендной платы; 13% составляетъ десятина; другіе налоги и сборы доходятъ въ общемъ также до 13% [2]).

Среди послѣднихъ 5% съ валового дохода составляетъ сборъ на проведеніе и содержаніе дорогъ. Однако, эти деньги никогда не идутъ по назначенію. Онѣ попадаютъ въ „данаидину бочку съ солидными обручами, но безъ дна", какъ Маркъ де-Жирарденъ называетъ турецкій бюджетъ. „Суммы, собранныя въ Валлонской каази (округѣ) только на дороги,—писалъ французскій вице-консулъ изъ Валлоны въ 1896 году,—восходятъ до 1.700 тур. лиръ, т.-е. 40.000 фр. въ годъ. Съ момента нашего пріѣзда въ городъ, мы напрасно искали слѣдовъ употребленія хоть одного піастра на эту цѣль. Деньги истрачены на другія потребности, а дороги остаются въ томъ же положеніи, какъ ихъ создала природа и испортили люди". Впрочемъ, достаточно быть въ турецкой столицѣ и ходить по ея узкимъ и грязнымъ улицамъ, гдѣ человѣкъ каждую минуту рискуетъ сломать ногу о торчащіе камни, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что должны представлять собою провинціальные города и въ особенности деревни.

---

[1]) Le Mouvement macédonien, 20 Aout 1902, p. 3.
[2]) Nicolaïdès, p. 86.

Такъ же мало доходятъ по назначенію и другіе сборы. Главнымъ образомъ они идутъ на непроизводительные расходы. Расходный бюджетъ 1898 года, восходящій до общей суммы 412 милліоновъ франковъ, распредѣляется такъ: цивильный листъ султана беретъ 20 милліоновъ фр., армія—101 милл., государственный долгъ—столько же, жандармерія—23 милліона, тогда какъ на министерства народнаго просвѣщенія, земледѣлія, торговли, общественныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ и иностранныхъ дѣлъ тратится *вмѣстѣ* 38 милліоновъ франковъ.

Какъ извѣстно, Турція—одно изъ государствъ, чаще другихъ прибѣгавшихъ къ займамъ, главнымъ образомъ внѣшнимъ, но отчасти и внутреннимъ. Съ глубокой наивностью турецкое правительство вѣрило, что достаточно поставить „туру“ (государственную печать) на бумагѣ, чтобы она принималась за звонкую монету. Когда въ 1840 году турецкое правительство выпустило первыя ассигнаціи „кайме“, оно обратилось къ иностраннымъ правительствамъ съ циркуляромъ, который остается курьёзомъ въ финансовыхъ отношеніяхъ Европы. Турецкое правительство просило европейскія государства пригласить своихъ подданныхъ считать турецкія ассигнаціи „безъ всякаго страха и сомнѣнія за настоящія деньги“ [1]). Несмотря на увѣренія Турціи, финансисты придавали этимъ бумажнымъ знакамъ, за которыми не стояло никакого металлическаго запаса, столько же цѣны, сколько и обыкновенной бумагѣ, и Турція,—до устройства правильнаго европейскаго контроля надъ ея финансами,—трижды объявляла государственное банкротство. Въ настоящее время турецкій государственный долгъ доходитъ до почтенной суммы 2.705 милліоновъ франковъ [2]).

На что идутъ эти займы, можно судить по только-что произведенной конверсіи такъ называемаго таможеннаго займа. Она дала 41.400.000 франковъ остатка, но оказывается, что эта сумма уже распредѣлена заранѣе. Мы нарочно приводимъ всѣ подробности распредѣленія этой суммы, потому что онѣ косвенно бросаютъ свѣтъ на внутреннее состояніе оттоманской имперіи. Изъ 41 милліона 500.000 назначено въ уплату нѣкоторымъ поставщикамъ арміи; 276.000—на уплату жалованья за прошлые мѣсяцы нѣмецкимъ чиновникамъ въ Турціи; 41.400 франковъ—на жалованье чиновнику-французу, который покидаетъ Турцію; 1.449.000—на уплату платежей двухъ сроковъ по долгу Тубини-

---

1) Engelhardt, t. I, p. 72.

2) Et. Thery. Les finances ottomanes. Paris, 1901, p. 83.

Лорандо; *34.500 обѣщаны одному нѣмецкому археологу, „обиженному“ курдами*; 920.000 фр.—извѣстному оружейному заводу Армстронга; 1.840.000—на уплату гарантіи желѣзно-дорожной компаніи Сенъ-Жанъ-д'Акръ—Дамаскъ; 1.840.000 франковъ—старый долгъ „Deutsche Bank“. Такимъ образомъ около 7 милліоновъ франковъ уже истрачено. Затѣмъ идутъ безповоротно обѣщанныя суммы: 8.600.000 франк. по долгу Тубини-Лорандо; 1.840.000—желѣзной дорогѣ Сенъ-Жанъ-д'Акръ—Дамаскъ; 4.830.000—Армстронгу, что составляетъ въ общемъ 15.720.000, или вмѣстѣ съ упомянутыми выше 7 милліонами—22.720.000 франковъ. Остается 19 милліоновъ, изъ которыхъ 14 предназначены на уплату жалованья чиновникамъ передъ байрамомъ; „остальные пять милліоновъ,—прибавляетъ фанансовый хроникёръ „Temps“,—будутъ скоро поглощены усиленной охраной Македоніи“ [1]). Изъ всей суммы 40 милліоновъ на экономическія потребности страны пойдетъ только $3^1/_2$ милл. гарантіи желѣзно-дорожнымъ компаніямъ, а остальное назначается на уплату долговъ и содержаніе арміи. Турція живетъ изо дня въ день: она должна дѣлать займы, чтобы платить отъ времени до времени жалованье своимъ чиновникамъ. И несомнѣнно, что послѣ рамазана для послѣднихъ опять наступятъ голодные мѣсяцы, что у нихъ особенно развиваетъ любовь къ взяткамъ и незаконнымъ поборамъ съ христіанъ.

Съ тѣмъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ иностранцамъ, которыя красной нитью проходятъ чрезъ отношенія Турціи къ Европѣ, турецкое правительство всячески закрываетъ двери иностраннымъ капиталамъ. Полученіе какой-либо концессіи въ Турціи является цѣлымъ событіемъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Константинополѣ, въ Топханійскомъ дворцѣ была организована коммиссія, для разсмотрѣнія просьбъ иностранцевъ о различныхъ промышленныхъ концессіяхъ. Но она систематически отклоняла всѣ предложенія, за что и получила прозвище „коммиссіи похоронныхъ процессій“. „Мы не хотимъ создавать великаго герцогства Геракліи“,—говорилъ Маникъ-паша въ отвѣтъ на предложеніе одной французской компаніи поставить на раціональную почву эксплоатацію гераклійскихъ рудниковъ [2]). Несомнѣнно, европейскіе капиталисты преслѣдуютъ, прежде всего, свои капиталистическіе интересы, но турецкое правительство отказы-

---

[1]) Temps, 31 Nov. 1902. (Semaine Financière).

[2]) Gabriel de Charmes. La situation en Turquie (Revue des Deux Mondes, 15 Oct. 1881, p. 756).

ваетъ, главнымъ образомъ боясь создавать себѣ лишнія хлопоты. Въ 1901 году былъ изданъ новый, болѣе либеральный уставъ о концессіяхъ, но будетъ ли онъ примѣняться,—въ этомъ прецеденты заставляютъ сомнѣваться.

При этой страшной финансовой анархіи и податномъ гнетѣ, при отсутствіи иностранныхъ капиталовъ и при полной необезпеченности жизни и имущества, экономическое развитіе Турціи двигается только въ тѣхъ узко-ограниченныхъ предѣлахъ, которые абсолютно необходимы для самаго ея существованія. Ничтожный шагъ впередъ стоитъ невыразимыхъ усилій, громадной затраты труда и средствъ. Нечего и говорить, что земледѣліе въ Турціи находится на самой первобытной стадіи, что тамъ нѣтъ и тѣхъ зачатковъ индустріи, которые встрѣчаемъ во всѣхъ свободныхъ балканскихъ государствахъ.

Если мы теперь перейдемъ къ частному случаю Македоніи, то увидимъ, что всѣ оффиціальные и неоффиціальные представители Запада въ этомъ краѣ повторяютъ въ одинъ голосъ: „бѣдность и разореніе отличаютъ этотъ благодатный, по своему климату и по своимъ природнымъ богатствамъ, край". „Фискъ убилъ всякую промышленность",—пишетъ Біанкони [1]. „Страна впадаетъ въ бѣдность и, вмѣсто того, чтобы развиваться, больше и больше погружается въ пропасть",—пишетъ французскій консулъ Валлоны [2]. „Повсюду жалуются, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ",—пишетъ тотъ же валлонскій вице-консулъ:—„каждый долженъ обречь себя лишеніямъ и постоянно жертвовать своимъ будущимъ. Такъ, меня увѣряютъ, что многіе крестьяне вынуждены съѣдать хлѣбъ, который назначался у нихъ для посѣвовъ. Къ несчастію земледѣліе—этотъ главный источникъ экономическаго благосостоянія жителей—не находитъ со стороны правительства ни поддержки, ни вниманія. Собираніе податей безжалостно" [3]. „Тяжелое бремя податей, откупщиковъ и ростовщиковъ парализируетъ, отчасти, развитіе земледѣлія въ нашемъ округѣ",—пишетъ корреспондентъ французской торговой палаты въ Константинополѣ [4]).

Экономическая эксплоатація беговъ и откупщиковъ, гнетъ административныхъ властей, произволъ и безчинства разбойниковъ—причиной тому, что каждый годъ десятки тысячъ македонцевъ покидаютъ свою родину, чтобы искать заработка въ Бол-

---

[1]) Carte Commerciale de la Macédoine. Paris, 1888, p. 9.

[2]) Moniteur officiel du commerce, 1897, p.p. 471—478.

[3]) Тамъ же, 1901, № 77.

[4]) Lettre de Monastir (Bulletin etc. 31 Août 1893, p. 23).

гаріи, Румыніи, Сербіи, Греціи, даже Австріи; въ то же время плодородныя поля Македоніи превращаются въ пустыни. „Поле между Салониками и Ускюбомъ,—пишетъ французскій путешественникъ Милье, — производитъ то же впечатлѣніе, что и изношенная, до послѣдней нитки, куртка стоящаго противъ меня жандарма“ [1]. „Желѣзная дорога проходитъ, — пишетъ другой путешественникъ, Georges Gaulis,—черезъ полупустынную мѣстность. Три четверти Кумановской равнины покрыты травой и тростникомъ. Не болѣе отрадное зрѣлище представляетъ и Ускюбская равнина. Культура мака развита въ окрестностяхъ самаго города, немного дальше—желтѣютъ пшеничныя поля, но за полосой въ три километра не видно больше ничего. Между тѣмъ полноводный въ теченіе всего года Вардаръ находится къ услугамъ жителей для орошенія этого исполинскаго поля въ сорокъ километровъ длиною и тридцать—шириною. Окружающія рѣку со всѣхъ сторонъ горныя цѣпи бываютъ покрыты снѣгомъ до іюня, что дѣлаетъ ее полноводной въ теченіе долгихъ недѣль. Полная силъ, эта чудная страна погибаетъ, убитая разбойничествомъ и болѣе всего—анархіей“ [2].

Эта крайняя нищета не могла не отразиться и на физическомъ характерѣ самого населенія. „Раса устья Марицы и Вардара истощена больше, чѣмъ можно себѣ представить“,—пишетъ докторъ de Sandfort. — Среди этихъ потомковъ блестящихъ македонцевъ и могучихъ ѳракійцевъ встрѣчаются всѣ признаки физическаго вырожденія“ [3].

IV.

Знаменитый Гюльханскій актъ 1839 года, намѣтившій рядъ мѣръ для обезпеченія „жизни, чести и имущества подданныхъ, для правильнаго отправленія правосудія и строгаго исполненія законовъ“, кончался слѣдующей угрозой по адресу чиновниковъ: „Да падетъ проклятіе неба на тѣхъ, которые не будутъ исполнять новыхъ законовъ“ [4]. Рутина оказалась сильнѣе платоническихъ угрозъ. Турецкая канцелярія и теперь остается тѣмъ же примитивнымъ учрежденіемъ, гдѣ отсутствуетъ всякій порядокъ,

[1]) Bulgarie et Macédoine (Revue de Paris, 1 Nov. 1902, p. 87).
[2]) De Salonique à Belgrade (R. des Deux Mondes, 1 Janv. 1888, p. 339).
[3]) D-r Barthe de Sandfort. Du service médical dans les travaux de construction de chemin de fer en Macédoine, Paris, 1897, p. 126.
[4]) L'Effort, 1 Avril 1900, p. 5.

гдѣ бумаги, безъ разбору, складываются въ висящіе на гвоздяхъ мѣшки, среди которыхъ чиновникамъ и при добромъ желаніи трудно оріентироваться" [1]). Невѣжество, продажность и насилія, неуваженіе къ человѣческой личности, издѣвательство надъ закономъ остаются и теперь характерными чертами турецкаго чиновничества. „Люди, окружающіе ваше величество,—писалъ, въ январѣ 1900 года, зять султана Дамадъ-Махмудъ-паша,—и составляющіе классъ чиновниковъ, все это—полнѣйшіе невѣжды, немощные старики, интриганы и обманщики. Они всѣ испорчены до мозга костей, привыкли къ лести, взяточничеству, всѣ живутъ грабежомъ. Вотъ почему хорошіе и честные люди не могутъ приблизиться къ вамъ. Въ какой другой странѣ существуетъ правительство, подобное тому, какимъ вы себя окружили? Мыслимо ли, пользуясь такими элементами, обезпечить благоденствіе народа? Ваше упорство слѣдовать и далѣе по этому пути можетъ привести лишь къ окончательному разоренію нашей страны..." [2]). Иногда, въ рѣдкія минуты искренности или же подъ давленіемъ пословъ, Высокая Порта сама должна признать деморализацію турецкаго чиновничества. Въ предпрошломъ году, константинопольская подцензурная газета, „Levant Herald", напечатала (17 октября 1901 г.) слѣдующее извѣстіе: „*Чиновники-преступники*". Предсѣдатель, помощникъ прокурора и судебный слѣдователь синопскаго суда смѣщены съ должности за совершенныя ими злоупотребленія. Подобныя же мѣры строгости приняты противъ всего судебнаго персонала Наплузы, въ Бейрутскомъ вилайетѣ, за допущенные имъ незаконные поступки и злоупотребленія". Мы могли бы привести характерныя свѣдѣнія о чиновничествѣ мало-азіатскихъ вилайетовъ изъ отчетовъ англійскихъ и французскихъ консуловъ; но, желая, главнымъ образомъ, изложить положеніе Македоніи, мы выберемъ факты изъ жизни послѣдней страны. Къ сожалѣнію, о Македоніи еще ни разу не публиковалась какая-либо оффиціальная переписка, и поэтому мы должны довольствоваться свѣдѣніями, собранными случайными путешественниками или корреспондентами иностранныхъ газетъ. Отмѣтимъ сначала нѣкоторыя распоряженія, свидѣтельствующія о дикости турецкаго правительства. Среди товаровъ, ввозъ которыхъ въ Турцію воспрещенъ, находится порохъ для охоты, револьверы, пистолеты и пули всѣхъ видовъ. Запрещеніе этихъ товаровъ еще понятно и даже оправдывается страхомъ передъ возстаніемъ; но

[1]) G. Stregov. L'intervention européenne en Turquie. Genève, 1902.

[2]) Реформи (Органъ Македонскаго Комитета). София, 20 января 1900 г.

становится труднымъ понять побужденія турецкаго правительства, когда оно строго запрещаетъ ввозъ всѣхъ электрическихъ аппаратовъ, до телефоновъ включительно, кромѣ лишь электрическихъ звонковъ [1]). Живущимъ въ Константинополѣ извѣстно, что тамъ нѣтъ городской почты: человѣкъ абсолютно лишенъ возможности послать письмо или телерамму въ городѣ, тѣмъ болѣе, что отсутствуютъ и посыльные. Оказывается, что городская почта уничтожена съ 1897 года, такъ какъ армянскій комитетъ воспользовался тогда ею для разсылки прокламацій.

Такой же характеръ дикости носятъ и дѣйствія отдѣльныхъ чиновниковъ. Болгарскій писатель Заимовъ, въ мемуарѣ о болгарскомъ освободительномъ движеніи, разсказываетъ объ арестѣ одного болгарскаго учителя, на квартирѣ котораго полиція нашла „Капитанскую дочку" Пушкина и географическій глобусъ, на которомъ, къ великому негодованію турецкаго чиновника, желтая краска Россійской имперіи занимала половину Европы. Эти два факта—книга съ военнымъ заглавіемъ и „руссофильскій" глобусъ—были достаточны для ареста учителя. И теперь, нерѣдко, наталкиваемся на такіе же факты, свидѣтельствующіе о низкомъ культурномъ уровнѣ турецкихъ чиновниковъ. „Двѣ болгарскія учительницы, — пишетъ авторъ статьи въ „Revue de Paris",— были брошены въ тюрьму, 15 мая 1901 г., потому что полиція нашла у нихъ экземпляръ болгарской исторіи и экземпляръ берлинскаго трактата" [2]).

Однако, не такими дикими, но наивными соображеніями можно объяснить дѣйствія турецкихъ властей. Другія, болѣе основательныя побужденія, руководятъ ихъ политикой, а именно, жажда мести и еще болѣе могучій стимулъ—желаніе нажиться грабежомъ и вымогательствомъ. Каждый годъ македонская хроника отмѣчаетъ десятки фактовъ, когда турецкія власти создаютъ ложныя обвиненія противъ совершенно невинныхъ людей для того, чтобы ихъ потомъ освободить за большія суммы денегъ. Между прочимъ, одинъ случай, доведенный до свѣдѣнія европейскихъ консуловъ, имѣлъ мѣсто, осенью 1901 года, въココресѣ. Нѣкій Стамбуліевъ, уголовный преступникъ въ сересской тюрьмѣ, сочинялъ ложные документы, исходившіе, будто бы, отъ болгарскаго комитета. Въ его распоряженіи находилась комитетская печать, шифръ и другія средства для поддѣлки. А доставлены они были кѣмъ?—турецкимъ судебнымъ слѣдователемъ и начальникомъ по-

---

[1]) Moniteur officiel du commerce. Paris, 1898, p. 209.

[2]) Gaulis, Revue de Paris, 1 Nov. 1902, p. 95.

лиціи, съ помощью которыхъ потомъ сочиненныя письма подбрасывались на квартиры болгаръ. Только благодаря случайности, эта правительственная фабрика заговоровъ стала извѣстна болгарскому торговому агенту въ Салоникахъ, которому удалось спасти одного врача и двухъ крупныхъ коммерсантовъ отъ смерти, тюрьмы или выкупа. Составленная, по его требованію, коммиссія должна была признать, что съ половины апрѣля до ноября было приговорено турецкимъ судомъ, сознательно или безсознательно, около тридцати человѣкъ на основаніи документовъ, поддѣланныхъ Стамбуліевымъ. Тѣмъ не менѣе, виновные остались безнаказанными [1]).

Для турецкихъ чиновниковъ все является предлогомъ къ вымогательству: разрѣшеніе на постройку церкви, школы, даже жилища. Чтобы пользоваться правами, которыя торжественно гарантированы императорскими фирманами, подданные должны дать „бакшишъ" или „рушветъ" (подкупъ въ Турціи, какъ общераспространенное явленіе, имѣетъ нѣсколько названій), и наоборотъ, давая рушветъ, можно обойти законъ и избѣгнуть исполненія судебнаго приговора. Мы видѣли уже, что откупщики десятины составляютъ одно съ властями; послѣднія входятъ также въ соглашеніе съ многочисленными разбойничьими шайками, покровительствуютъ имъ, чтобы потомъ дѣлить вмѣстѣ добычу. Христіане волею-неволею также постоянно прибѣгаютъ къ рушвету. Во многихъ случаяхъ успѣхъ различныхъ націоналистскихъ пропагандъ въ Македоніи—болгарской, сербской, греческой, румынской, австрійской—зависитъ отъ того, кто въ состояніи дать большій рушветъ мѣстному начальству. Располагая неотразимымъ аргументомъ золота, можно провести въ Турцію и запрещенныя вещи, и бракованные товары, можно одѣвать солдатъ въ старую одежду и обезпечивать успѣхъ сомнительнымъ финансовымъ предпріятіямъ. По отчету городской лоттереи въ Софіи, сдѣланному недавно въ городской думѣ, выходитъ, что концессіонеры этой лоттереи успѣли спустить массу билетовъ въ Константинополѣ,—гдѣ ихъ продажа запрещена,—подкупивъ начальника константинопольской полиціи, какого-то пашу и другихъ чиновниковъ. Всѣмъ этимъ господамъ было обѣщано, кромѣ того, мѣсячное жалованье [2]).

Такимъ стремленіемъ къ незаконной наживѣ отличаются и высшіе, и низшіе чиновники. Вотъ, напримѣръ, какъ, по словамъ

---

[1]) Revue de Paris, p. 161.

[2]) Прѣпорецъ (органъ демократической партіи Каравелова). София, 27 ноября 1902 г., стр. 3, столб. 2.

греческаго публициста Николаидесъ, турецкіе чиновники пользуются для эксплоатаціи крестьянъ тѣмъ, что законъ обязываетъ послѣднихъ работать нѣсколько дней въ году на исправленіе дорогъ. Мы уже замѣтили, что Николаидесъ относится благосклонно къ центральнымъ властямъ. И дѣйствительно, онъ начинаетъ свою замѣтку такъ: „Мы не вѣримъ, чтобы въ Константинополѣ были извѣстны пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ чиновники. Мютесарифъ, т.-е. управитель округа, посылаетъ въ какую-нибудь деревню двѣ дюжины жандармовъ, съ приказаніемъ собрать всѣхъ работоспособныхъ мужчинъ для исправленія дороги, отстоящей на 50 или 60 километровъ отъ деревни. Очевидно, перспектива отправиться въ такія отдаленныя мѣста смущаетъ крестьянъ: они не хотятъ слушаться. Начальникъ жандармскаго отряда принимаетъ возмущенный видъ и угрожаетъ крестьянамъ, что погонитъ ихъ на мѣсто назначенія при помощи штыковъ. Тогда начинаются переговоры, заканчивающіеся тѣмъ, что нѣсколько жандармовъ возвращаются съ 50-ю турецкими лирами для мютесарифа, съ предложеніемъ со стороны крестьянъ, чтобы онъ нанялъ рабочихъ изъ той мѣстности, гдѣ нужно поправить дорогу. На другой день жандармы возвращаются съ отвѣтомъ, что мютесарифъ согласенъ, но если ему дадутъ сумму вдвое больше,—что и дѣлается. На слѣдующій годъ, мютесарифъ не рѣшается повторить ту же игру, боясь, чтобы на него не пожаловались въ Константинополѣ; но онъ прибѣгаетъ къ новому средству. Съ помощью жандармовъ, онъ приводитъ въ деревню около тридцати разбойниковъ-албанцевъ. Начальникъ жандармовъ объясняетъ крестьянамъ, что на этотъ годъ мютесарифъ не будетъ ихъ заставлять работать, и что албанцамъ приказано построить дорогу. Эти предполагаемые рабочіе бродятъ по деревнямъ цѣлый мѣсяцъ, отдыхая днемъ и занимаясь грабежомъ ночью. Свою добычу они дѣлятъ съ жандармами, никогда не получающими жалованья. Крестьяне въ отчаяніи не знаютъ, какъ избавиться отъ этой язвы. Наконецъ, они отправляютъ новую делегацію къ мютесарифу съ новыми пятьюдесятью лирами и съ просьбой избавить ихъ отъ албанцевъ, обѣщая, что они сами построятъ дорогу. Достойный мютесарифъ соглашается и вызываетъ обратно албанцевъ“ [1]).

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти дѣйствія турецкихъ чиновниковъ проходятъ безъ всякой кары. Но если когда-нибудь турецкія власти пользуются полной безнаказанностью, то это въ

[1]) C. Nicolaïdès, La Macédoine, p. 80.

тѣхъ случаяхъ, когда, подъ предлогомъ розысковъ скрытаго оружія или производства слѣдствія по поводу дѣйствительныхъ или же предполагаемыхъ заговоровъ, онѣ набрасываются на беззащитное христіанское населеніе и заставляютъ его платиться за нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Я не говорю здѣсь о тѣхъ кровавыхъ репрессіяхъ, о тѣхъ вспышкахъ турецкаго фанатизма, которыя время отъ времени, въ теченіе прошлаго столѣтія, орошали кровью тысячъ жертвъ развалины Миссолонгъ и Сиріи, поля Малой Азіи и Болгаріи и улицы Константинополя, а о тѣхъ систематическихъ и частичныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ часто подвергаются отдѣльные города и деревни. Что тогда творятъ представители власти—можно судить по слѣдующей телеграфической жалобѣ женщинъ нѣсколькихъ деревень Солунскаго санджака, посланной султану 12-го января 1900 года, и копія съ которой была передана одновременно всѣмъ европейскимъ консуламъ въ Салоникахъ. „Вслѣдствіе ложныхъ доносовъ подстрекателей, съ цѣлью представить нашихъ мужей опасными для государства, въ наши деревни прибылъ, двѣ недѣли тому назадъ, начальникъ солунской жандармеріи, Махмудъ-паша". Затѣмъ слѣдуютъ имена 12 крестьянъ, которые подверглись жестокимъ истязаніямъ со стороны вышеупомянутаго офицера. Между прочимъ, онъ заставлялъ ихъ опускать ноги въ кипящую воду, съ цѣлью заставить ихъ сознаться въ участіи въ заговорѣ противъ государства. Чтобы скрыть слѣды своихъ преступленій, Мехмедъ-паша арестовалъ еще 25 человѣкъ, свидѣтелей его безобразій. Тутъ же въ телеграммѣ указаны имена всѣхъ этихъ арестованныхъ, а также виды истязаній, которымъ они подверглись. Ихъ матери и жены кончаютъ свою длинную жалобу просьбой, чтобы султанъ заступился за ихъ жизнь [1]). Вслѣдствіе этой жалобы и, главнымъ образомъ, по настоянію пословъ, въ Константинополѣ была назначена коммиссія для разслѣдованія дѣйствій Махмуда-паши. Но ея настоящее назначеніе, конечно,—„похоронить дѣло". Во всякомъ случаѣ, несмотря на эти коммиссіи, возмутительные факты повторяются во всѣхъ углахъ Македоніи. Описанный выше случай происходилъ въ Солунскомъ санджакѣ, а вотъ что говорилось, немного спустя, въ Монастирскомъ: „Нѣкій черкесъ-разбойникъ Хаджи-Ноюсъ, изъ деревни Ново-Село, указалъ на 25 крестьянъ изъ ближней деревни Ракитницы, какъ на заговорщиковъ. Мюдиръ (военный комендантъ) изъ Крушево отправляется 23-го прошлаго іюня съ солдатами въ Ракитницы. По дорогѣ

---

[1]) Реформи. Органъ Македонскаго Комитета. София, 27 января 1900 г., стр. 3.

онъ забираетъ съ собой баши-бузуковъ изъ четырехъ мусульманскихъ деревень. Прибывши въ Ракитницы, эта шайка убиваетъ восемь христіанъ и четырехъ забираетъ въ плѣнъ. Потомъ башибузуки сожгли треть деревни, предварительно ее ограбивъ [1]).

Правда, Порта отрицаетъ грабежи и насилія своихъ чиновниковъ, отрицаетъ также и пытки, которымъ подвергаются заключенные въ тюрьмахъ. Но это ея старый пріемъ. Во время армянскихъ ужасовъ она также увѣряла, что въ Малой Азіи все въ порядкѣ, а въ это же время французскій военный атташе, полковникъ Віаларъ, ѣхавшій изслѣдовать дѣло объ убійствѣ отца Сальватора, заявлялъ въ оффиціальномъ докладѣ: „Избіенія, которыя съ такой увѣренностью отрицаются Портой и приближенными султана, являются предметомъ всеобщихъ разговоровъ на базарахъ. Мусульмане разсказываютъ другъ другу различныя перипетіи кровавой драмы и хвастаются награбленной добычей". Также гордятся и хвастаются своими дѣяніями турецкіе чиновники въ Македоніи, какъ видно изъ слѣдующаго факта.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ парижской иллюстрированной газетѣ: „Les Nouvelles Illustrées", появился снимокъ съ фотографіи, свидѣтельствующій о полномъ отсутствіи всякихъ человѣческихъ чувствъ у турецкихъ жандармовъ. Трое молодыхъ и красивыхъ турецкихъ жандармовъ, въ полной формѣ, съ фесками набекрень, стоятъ вокругъ маленькаго стола, а на немъ, на бѣлой скатерти, находятся ихъ кровавыя трофеи—обезображенныя ударами сабель головы четырехъ повстанцевъ. Какъ теперь извѣстно, этотъ снимокъ былъ доставленъ Голисомъ, корреспондентомъ газеты „Temps". „Въ 1902 году, въ Монастирѣ, —пишетъ онъ, — среди мусульманъ находилась въ обращеніи карточка, которая убѣдительнѣе всякихъ разсказовъ и сильнѣе всякихъ оффиціальныхъ опроверженій. Мнѣ удалось получить экземпляръ этого краснорѣчиваго изображенія" [2]). „Мое путешествіе по странѣ вызвало у меня ужасъ и глубокое отвращеніе,—писалъ тогда же въ одной корреспонденціи вышеупомянутый публицистъ.—Я видѣлъ деревни, покинутыя жителями, которые скрылись въ горы отъ преслѣдованій турецкой полиціи и турецкихъ солдатъ. Ужасы, достойные варварскихъ эпохъ, совершались подъ предлогомъ заставить несчастныхъ крестьянъ сознаться, что они входятъ въ составъ комитетовъ. Въ лучшемъ случаѣ, ихъ такъ отчаянно сѣкли розгами, что въ теченіе мѣсяцевъ они

---

[1]) Gaulis. Revue de Paris, p. 98.

[2]) Revue de Paris, p. 99.

не будутъ въ состояніи двинуться съ мѣста. Другимъ вколачивали подъ ногти заостренные куски дерева, третьихъ—обливали кипящимъ деревяннымъ масломъ; наконецъ, насиловали женщинъ на глазахъ ихъ привязанныхъ къ деревьямъ мужей". Голисъ самъ видѣлъ крестьянина съ вырванными ногтями [1]).

„Тиквешскій округъ волею судебъ, — пишетъ другой французскій путешественникъ,—сдѣлался театромъ ужасныхъ сценъ. Самыя ничтожныя подозрѣнія являлись предлогомъ къ постояннымъ истребленіямъ христіанъ. Подозрѣваемому Христо-Хаджи Попову, изъ деревни Крецовъ, сжимали голову винтомъ. Онъ сошелъ съ ума. Также сошли съ ума Коце Кланковъ и его дочь Петра Кланкова, первый—отъ неистовыхъ побоевъ, а вторая—отъ ужасовъ, которые творились надъ ней жандармами. Учитель деревни Изворъ, Гевгемійскаго округа, былъ убитъ полицейскими, когда выходилъ изъ дому. Александръ Стояновъ, учитель деревни Неготино, убитъ также агентами правительства на порогѣ своей квартиры. Сынъ крестьянина, Кристо Клинчаровъ, умеръ въ Резово отъ побоевъ, а болгарскій священникъ въ Разобилѣ былъ буквально посаженъ на колъ. Американскій миссіонеръ Биръ (Beer) видѣлъ, какъ полицейскія власти въ Килкичѣ обливали горячимъ масломъ одного молодого человѣка, который подозрѣвался въ переносѣ почты комитета. Въ деревнѣ Боянчища двадцать-одного крестьянина полицейскіе сѣкли розгами, въ присутствіи онъ-баши (фельдфебеля) Омера и унтеръ-офицеровъ Муса и Селимъ-Чауша. Одна женщина умерла въ Команичево подъ ударами Селимъ-Чауша. Въ Чемерско одна молодая дѣвушка была изнасилована пятнадцатью жандармами и брошена умирающею. Надъ Митре Пано Янковымъ была продѣлана слѣдующая пытка: онъ былъ повѣшенъ головой внизъ, съ руками, связанными за спиной въ теченіе нѣсколькихъ часовъ"... [2]) Мы заканчиваемъ на этомъ фактѣ скорбный списокъ д'Эспанья и заключимъ разсказъ нѣсколькими словами о турецкихъ тюрьмахъ. Замѣтки англійскаго публициста Диллона о состояніи малоазіатскихъ турецкихъ тюремъ привели въ ужасъ общественное мнѣніе Англіи. Не лучше и македонскія тюрьмы—старыя, мрачныя и сырыя зданія, покрытыя грязью и кишащія паразитами, съ удушливой, отвратительной атмосферой, какъ отъ перенаселенія, такъ и отъ отсутствія удобствъ для самыхъ элементарныхъ от-

[1]) Тамъ же, стр. 99. Газета,—какъ видно „Temps",—въ которую была послана вышеупомянутая корреспонденція, отказалась напечатать ее, боясь вызвать „несвоевременную агитацію".

[2]) D'Espagnat. Avant le massacre, p.p. 350, 351.

правленій заключенныхъ. „Тюрьма переполнена арестантами,— пишетъ салоникскій корреспондентъ „Mouvement Macédonien".— Больше трехсотъ человѣкъ ждутъ приговора. Ихъ положеніе отчаянное: они подвергаются ежедневнымъ пыткамъ. Нѣсколько дней тому назадъ, нѣмецкій вице-консулъ г. Падель добился разрѣшенія посѣтить вмѣстѣ съ однимъ пасторомъ тюрьму. Трудно передать весь ужасъ того, что онъ разсказываетъ. Больше всѣхъ пыткамъ подвергались заключенные изъ Россово, Тегница и Тикveша: нѣкоторымъ изъ нихъ жгли ноги. Беременная жена Коне Дарварова, вслѣдствіе побоевъ, родила нѣсколько дней послѣ поступленія въ тюрьму Эди-Куле и умерла въ ужасныхъ мукахъ" [1]. Другимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ ужасныхъ порядкахъ, господствующихъ въ турецкихъ тюрьмахъ, является убійство болгарскаго учителя Михова. Надъ этимъ дѣломъ стоитъ остановиться еще и потому, что въ его разслѣдованіи принялъ участіе и ускюбскій французскій консулъ Шублье.

Миховъ былъ арестованъ въ Кюпрюли въ апрѣлѣ 1901 г., по обвиненію въ томъ, что онъ состоялъ предсѣдателемъ мѣстнаго македонскаго комитета. Привязанный къ хвосту лошади и закованный въ кандалы, онъ долженъ былъ пробѣжать, подъ ударами солдатъ, девять часовъ изъ Кюпрюли до Ускюба. Здѣсь онъ былъ брошенъ въ тюрьму Куршумли-ханъ и въ теченіе трехъ недѣль подвергался постояннымъ допросамъ и пыткамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его сосѣди и одинъ другъ, который былъ допущенъ разъ на свиданіе. Это продолжалось до 5 мая— дня его смерти. 5-го мая, въ пять часовъ утра, когда всѣ еще спали, изъ камеры Михова донесся шумъ, раздался выстрѣлъ револьвера, и опять вся тюрьма погрузилась въ гробовое молчаніе. Въ десять часовъ является судебный слѣдователь съ тремя, имъ же подобранными врачами и составляетъ актъ о самоубійствѣ. Въ этомъ документѣ констатируется, что у Михова нашли рану отъ пули по срединѣ лба, пальцы лѣвой руки были покрыты слѣдами пороха, а правой—высохшей крови. Но когда уже трупъ находился въ церкви, французскій консулъ замѣтилъ, что рана направлена сверху внизъ и что предполагаемые слѣды пороха—не что иное, какъ чернила, которыя тутъ-же на мѣстѣ Шублье снялъ мокрой салфеткой [2].

Вотъ—такъ называемая оффиціальная Турція. Но на ряду съ представителями закона, или, правильнѣе сказать, естествен-

---

[1] Le Mouvement Macédonien. Paris, 20 Juillet 1902, p. 4.

[2] Mouvement Macédonien, 5 Juin 1902, pp. 4—5.

нымъ дополненіемъ и продолженіемъ турецкой администраціи являются разбойничьи шайки, убійства и грабежи которыхъ парализуютъ всякое развитіе турецкой провинціи.

V.

Въ 1884—1885 году покойный бельгійскій экономистъ и филантропъ Эмиль де-Лавелей началъ въ англійской печати кампанію по поводу разбойничества въ Македоніи. Онъ указывалъ, между прочимъ, на жестокости, совершенныя одной разбойничьей шайкой въ деревнѣ Зеленище, недалеко отъ Касторіи. Эти свѣдѣнія были напечатаны въ „Pall-Mall-Gazette". Въ нумерѣ „Times"'а 19-го января 1885 года былъ помѣщенъ отвѣтъ турецкаго правительства. Оно не отрицало, что было „кое-что", но слагало отвѣтственность за эти шайки на грековъ и болгаръ, изъ которыхъ, будто бы, онѣ состояли.

Въ другой статьѣ Лавелей указывалъ на дѣйствія другой шайки, заключавшей около трехсотъ человѣкъ, которые напали на деревню Ореше и подвергли пыткамъ многихъ жителей, и между прочимъ двухъ женщинъ, Вельховску и Видочку, чтобы узнать, кто—самые богатые жители деревни и гдѣ они прячутъ свои богатства. Снова въ „Times", 16-го апрѣля 1885 года, появилось письмо, на этотъ разъ салоникскаго вали Галибъ-паши. Онъ уменьшилъ число разбойниковъ до ста и заявилъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, это были болгаре и албанцы, —другими словами,—турки за эти шайки не отвѣтственны [1]).

Это—обыкновенная система защиты турецкаго правительства: сначала оно отрицаетъ факты, а когда ихъ очевидность становится вопіющею,—старается сложить отвѣтственность на другихъ. Однако этимъ его собственная отвѣтственность ничуть не уменьшается, ибо остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что турецкое правительство не въ состояніи обезпечить жизнь своихъ подданныхъ. Даже больше: попытки немногихъ отдѣльныхъ правителей положить конецъ этой язвѣ разбойничества обречены на неудачу. Общественно-политическія условія въ Турціи такъ сложились, что разбойничество является какъ бы оффиціально признанной привилегіей господствующаго племени, уничтожить которую правительство не рѣшается изъ страха сдѣлаться непопулярнымъ. Хорошимъ доказательствомъ этому является дѣятель-

[1]) Laveleye. La Peninsule des Balcans, t. II, p. 396.

ность Галилъ-Рафаата-паши. Мы уже упомянули выше, что этотъ разумный администраторъ, въ свою бытность губернаторомъ Монастирскаго вилайета, совершилъ удачную реформу собиранія десятины, которая затѣмъ была отмѣнена изъ-за сопротивленія беговъ. Такъ же точно онъ долженъ быть отказаться и отъ другой реформы, которая, при проведеніи до конца, сократила бы разбойничество до минимума. Галилъ-Рафаатъ-паша задумалъ организацію смѣшанной жандармеріи, т.-е. состоящей изъ магометанъ и христіанъ. Власти роздали христіанскимъ деревнямъ оружіе, по штукѣ на каждые пять домовъ. Такимъ образомъ, христіане получали возможность защищаться отъ нападенія шаекъ. Съ своей стороны, губернаторъ Монастира энергично взялся за ихъ преслѣдованіе. Меньше, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, на площади передъ монастирскимъ управленіемъ было казнено около восьмидесяти разбойниковъ [1]). Эти двѣ мѣры—созданіе полиціи изъ христіанъ и преслѣдованіе шаекъ—привели къ тому, что разбойничеству въ Монастирскомъ вилайетѣ былъ положенъ конецъ. Но протесты вліятельныхъ турокъ, интриги чиновниковъ, жившихъ доходами отъ шаекъ, наконецъ, боязнь центральной власти, чтобы болгары не воспользовались выданнымъ оружіемъ для политическихъ цѣлей, заставило Порту смѣстить Галилъ-Рифаата и отнять оружіе у христіанскихъ деревень, а исчезнувшія шайки опять начали появляться по деревнямъ. Въ одномъ 1895 году, по оффиціальнымъ даннымъ, турецкая жандармерія преслѣдовала—безъ успѣха, конечно,—около ста пятидесяти разбойничьихъ шаекъ. Число же дѣйствующихъ по одиночкѣ разбойниковъ превышаетъ эту цифру. Лишь въ 1895 году статистика отмѣчаетъ для всей Македоніи около четырехъ тысячъ вооруженныхъ нападеній съ убійствомъ и грабежомъ [2]), и это въ странѣ, населеніе которой—около двухъ милліоновъ! Разбойничьи шайки какъ бы распредѣлили македонскую территорію на участки; каждая изъ нихъ дѣйствуетъ въ своемъ участкѣ, нападаетъ на деревни, уводитъ ихъ жителей и выпускаетъ ихъ лишь за большой выкупъ. Когда же жители не могутъ уплатить выкупа, разбойники вновь нападаютъ на деревню, грабятъ, жгутъ, позорятъ женщинъ и забираютъ, что̀ попало.

Въ концѣ 1900 года, въ Тетовскомъ округѣ дѣйствовала знаменитая своими подвигами шайка подъ предводительствомъ Газиръ-Качака. Вотъ нѣкоторыя изъ его преступленій. Въ іюлѣ

---

[1]) G. Stregow. L'Intervention etc., p. 178.
[2]) Nicolaïdès, La Macédoine, p. 87.

онъ является въ деревню Долне-Яговице, призываетъ къ себѣ старосту деревни и приказываетъ ему принести 15 турецкихъ лиръ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Староста, не найдя этой суммы, вернулся къ Газиръ-Качаку, сопровождаемый нѣсколькими турецкими крестьянами изъ этой же деревни, которые обѣщали старостѣ заступиться за него передъ разбойниками. Это заступничество не избавило крестьянина отъ пули разсердившагося Газиръ-Качака. Нѣсколько дней послѣ этого тотъ же разбойникъ является въ деревню Дувъ и требуетъ у жителей 60 турецкихъ лиръ. Они принесли ему только 25 и нѣсколько десятковъ паръ мягкихъ кожаныхъ сапоговъ, дѣланныхъ самими крестьянами. Газиръ-Чаушъ не удовольствовался этимъ: онъ заявилъ, что каждый возвращающійся издалека въ деревню македонецъ долженъ заплатить ему по пяти турецкихъ лиръ. Первому возвращавшемуся, нѣкоему купцу Новачову изъ деревни Леуново удалось избавиться отъ этого налога, благодаря заступничеству сопровождавшихъ его турокъ. Менѣе счастливымъ оказался, нѣсколько дней спустя, крестьянинъ изъ той же деревни, Стоянъ Андреевъ. Онъ возвращался изъ Константинополя, гдѣ пробылъ семь лѣтъ ради заработка. Когда ему оставалось всего нѣсколько верстъ до родной деревни, Андреевъ былъ схваченъ разбойниками Газиръ-Качака возлѣ деревни Влахиница, ограбленъ совершенно и уведенъ въ ближайшую деревню Лешница. Отсюда Газиръ-Качакъ далъ знать матери несчастнаго Андреева, что если въ продолженіе трехъ дней она не принесетъ ему 25 лиръ, ея сынъ будетъ разстрѣлянъ. Когда она, послѣ долгихъ усилій, нашла часть этой суммы и явилась къ назначенному мѣсту, ея сынъ былъ уже мертвъ. Въ августѣ того же года Газиръ-Качакъ является въ деревню Никифорово и требуетъ отъ крестьянъ 60 лиръ, а когда они не могли ему дать ихъ, онъ въ гнѣвѣ сжегъ нѣсколько скирдъ крестьянскаго сѣна. Такими же злодѣйствами отличался Газиръ-Качакъ и въ сентябрѣ, и въ октябрѣ. По сосѣдству съ нимъ дѣйствовали въ томъ же Тетовскомъ округѣ шайки подъ предводительствомъ Исламъ-Гаирани, Бале-Качака и др. [1]).

Въ Монастирскомъ вилайетѣ прославился другой предводитель шайки, Бильялъ-Баланца, который уже въ теченіе тридцати лѣтъ наводитъ ужасъ на жителей. Исчезнувъ во время правленія Галилъ-Рифаата-паши, онъ опять явился, послѣ отозванія этого энергичнаго усмирителя разбойниковъ. „Я помню, что онъ тер-

---

[1]) L'Effort, Genève, 1 Janvier 1901, p.p. 12—13.

роризировалъ деревни еще въ моемъ дѣтствѣ, — пишетъ одинъ македонскій дѣятель.—Мѣсяцъ тому назадъ, Бильялъ-Баланца явился вмѣстѣ со своими товарищами въ деревню Смилево и, ограбивъ многіе дома и церковь, забралъ съ собою въ плѣнъ шестнадцать крестьянъ. Для ихъ освобожденія онъ потребовалъ большого выкуна. Оставшіеся въ деревнѣ крестьяне отправили депутата къ монастирскому вали, требуя его заступничества. Тотъ имъ посовѣтовалъ,—зная кровожадность Бильялъ-Баланца,—отнести ему какъ можно скорѣе назначенную для выкупа сумму" [1]. Подвиги Бильялъ-Баланца дошли и до европейскихъ консуловъ; по настоянію послѣднихъ и вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ христіанъ, турецкія власти приняли, наконецъ, мѣры для преслѣдованія его шайки. Въ началѣ августа Бильялъ-Баланца во главѣ 120 разбойниковъ направился къ деревнѣ Пареки, въ Дебрскомъ округѣ. Предупрежденные пастухами, крестьяне покинули деревню, за исключеніемъ нѣсколькихъ стариковъ. Забравъ все, что было въ домахъ, разбойники обратились къ оставшимся жителямъ съ угрозой, что если въ теченіе двухъ дней они не соберутъ опредѣленной суммы денегъ, всѣ дома будутъ сожжены. Но въ это время бѣжавшіе крестьяне успѣли потребовать вмѣшательства начальника полиціи Тагиръ-Бутко изъ ближайшей деревни Пейраница. Вооруживъ крестьянъ и подождавъ прихода военнаго отряда изъ Дебра, Тагиръ-Бутко окружилъ деревню Пареки. Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ. Наконецъ, разбойники успѣли пробиться черезъ рядъ крестьянъ и солдатъ, оставивъ на мѣстѣ убитыми пятьдесятъ человѣкъ, въ томъ числѣ самого Бильялъ-Баланца и еще одного легендарнаго предводителя шаекъ, Тагиръ-Толла [2]. Этотъ-то Тагиръ-Толла и является авторомъ знаменитаго „посланія" къ жителямъ деревни Галичениkъ. Мы его приводимъ цѣликомъ, такъ какъ оно можетъ служить характеристикой пріемовъ турецкихъ разбойниковъ въ Македоніи.

„Къ знатнымъ людямъ Галиченика!"—такъ начинается этотъ интересный документъ.—„Поклонъ вамъ всѣмъ. Вы мнѣ должны по подписанной вами же записи 1.000 лиръ. Теперь я требую эту сумму. Постарайтесь отыскать меня и принести деньги, но безъ шума. Въ противномъ случаѣ, предупреждаю васъ, вамъ придется раскаяться: вамъ извѣстно, кто я такой. Что станется съ вашими 50.000 овецъ и 2.000 головъ крупнаго скота, если

---

[1] S. Vedar. Le mouvement revolutionnaire Macédonien (L'Humanité Nouvelle, Paris, Janvier 1901, p. 6.

[2] Le Mouvement Macédonien, Paris, 20 sept. 1902, p. 7.

вы мнѣ не принесете эти деньги? Какъ вы осмѣлитесь тогда показаться внѣ деревни? Если мнѣ не удастся васъ забрать,—убить-то я всегда могу. Или вы надѣетесь на защиту вашихъ сторожей? Можетъ быть, вы думаете, что аги и беги вамъ будутъ покровительствовать? Наплевать мнѣ на беговъ и на аги! Помните хорошенько: вы должны отыскать меня или въ лѣсу, или въ моемъ замкѣ, чтобы со мной разсчитаться. Не воображайте, что отъ этого долга вы можете избавиться: я васъ всегда отыщу" [1].

Этотъ турецкій Картушъ не подозрѣвалъ, что, спустя нѣсколько недѣль послѣ его гордаго вызова, онъ падетъ отъ пули одного изъ этихъ крестьянъ. Но на смѣну убитыхъ или арестованныхъ разбойниковъ являются новыя силы. Разбойничество, при той страшной нищетѣ, которая господствуетъ въ Македоніи среди христіанскаго, какъ и мусульманскаго земледѣльческаго населенія, является своего рода промысломъ. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, турецкія власти, за рѣдкими исключеніями, покровительствуютъ и даже способствуютъ организаціи этихъ разбойничьихъ шаекъ, какъ противодѣйствующихъ распространенію революціонныхъ македонскихъ дружинъ.

Многія изъ разбойничьихъ шаекъ, дѣйствующихъ въ сѣверной и западной Македоніи, состоятъ изъ албанцевъ. Это дикое горское племя, напоминающее своимъ обычаемъ,—обычаемъ кровавой мести („бесса"),—корсиканскую „вендетту", живетъ почти независимо въ своихъ неприступныхъ деревняхъ и замкахъ. Отсюда, подъ предводительствомъ начальниковъ различныхъ „родовъ"—у албанцевъ сохранилось еще родовое устройство,—они спускаются въ равнины и грабятъ города и деревни Старой Сербіи и Македоніи. Турецкое правительство по отношенію къ нимъ еще безсильнѣе, чѣмъ по отношенію къ самимъ туркамъ. Оно даже заискиваетъ передъ албанскими бегами, разсчитывая на нихъ въ борьбѣ съ христіанскимъ элементомъ. Для него въ Македоніи они играютъ роль курдовъ въ Малой Азіи. Султанъ дѣлаетъ имъ особую честь, держа въ своей дворцовой гвардіи отрядъ албанцевъ; старые разбойники-беги принимаются съ большими почестями въ Константинополѣ и награждаются орденами и чинами. Албанцы—всесильны, въ чемъ можно было убѣдиться недавно, когда консулъ великой державы, несмотря на поддержку турецкаго правительства, не могъ занять своего поста въ Митровицахъ, вслѣдствіе сопротивленія албанцевъ.

---

[1]) Le Mouvement Macédonien. (Un document sur le brigandage en Macédoine). Paris, 20 Août, 1902, p. 1.

При той постоянной враждѣ, которую турки проявляютъ къ христіанамъ, трудно провести границу между мирнымъ турецкимъ населеніемъ и разбойничьими шайками. Турокъ, еще съ юныхъ лѣтъ привыкшій смотрѣть съ презрѣніемъ на христіанскую чернь, упражняетъ свой героизмъ—„бабайшлькъ“, какъ говорятъ турки,—надъ беззащитными христіанами. Молодые турецкіе „кабадаи“ считаютъ признакомъ героизма обижать безъ всякаго повода христіанъ и вызывать ихъ на драку. Когда же у этого обыкновеннаго мусульманина-обывателя по тѣмъ или другимъ поводамъ просыпается фанатизмъ и дикіе инстинкты, онъ дѣлается кровожаднымъ звѣремъ. Д'Эспанья описываетъ одну изъ этихъ мрачныхъ сценъ, заставляющихъ читателя дрожать отъ ужаса, и въ которыхъ жестокость и цинизмъ смѣшиваются съ какими-то утонченными инквизиторскими пріемами. Сцена происходитъ въ сумеркахъ, около одной деревни Лайна, на турецкомъ склонѣ Родопскихъ горъ. Двѣ молодыя дѣвушки являются на свиданіе со своими женихами. Но вмѣсто послѣднихъ имъ на встрѣчу выходятъ два турка изъ сосѣдней деревни, которые давно ухаживали за красивыми болгарками. Послѣднія сообразили, какую ловушку устроили имъ оба переодѣвшіеся турка, только очутившись въ ихъ рукахъ. Начинается отчаянная борьба, въ которой, конечно, побѣда остается на сторонѣ сильнаго. Однако раньше, чѣмъ отпустить дѣвушекъ, одинъ изъ турокъ съ разсчитанной жестокостью потянулъ къ себѣ свой плащъ, брошенный недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ находился, и который лежалъ, казалось, на маленькой кучѣ сухихъ вѣтвей. Тогда, въ страшномъ ужасѣ, обѣ дѣвушки замѣтили два человѣческихъ лица съ глазами, выходящими изъ орбитъ и со ртами, затянутыми большимъ платкомъ. Два тѣла лежали одно возлѣ другого, крѣпко перевязанныя веревками, которыя не позволяли имъ двигаться. „Подходи поближе!—сказалъ, смѣясь, Савфетъ одной изъ дѣвушекъ:—Узнаешь ты своего?“—Это были ихъ женихи, мѣсто которыхъ заняли, при помощи своей цинической и жестокой ловушки, оба турка.

Въ чемъ же заключаются причины того, что, несмотря на реформы, предпринимаемыя, время отъ времени, турецкимъ правительствомъ, анархія въ имперіи не прекращается?

Х. Г. Инсаровъ.

ЗЛОСЧАСТНЫЕ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Василій Петровичъ сидѣлъ около своего домика на бревнышкѣ, сложивъ руки на рукояткѣ собственной палки, и посматривалъ на рѣку, мутныя и быстрыя волны которой несли вешній ледъ.

Смотрѣлъ онъ прищуренными старческими глазами на воду и слѣдилъ за тѣмъ, какъ мужики, парни и дѣвки, разъѣзжая въ лодкахъ, около плывущихъ льдинъ, ловятъ баграми бревна, доски и дрова, которыя въ изобиліи несетъ рѣка во время весенняго разлива. Особенное вниманіе старика было сосредоточено на двухъ ловцахъ, одѣтыхъ въ кумачныя рубахи. Это были Петръ и Власъ, сыновья самого Василія Петровича.

Когда сыновья, гоняясь за добычей, настигали хорошее, по разсчету Василія Петровича, бревно—онъ радовался и издали поощрялъ ловцовъ, тихо нашептывая: „Вотъ... вотъ... молодцы... такъ его, подъ низъ, подъ низъ багромъ-то“. Если дѣйствія Петра и Власа не нравились старику, онъ раздраженно ворчалъ, обзывая сыновей „чертями“ или „рохлями“ и „бабами“...

Изъ-подъ склона холма, на которомъ былъ расположенъ трехъ-оконный домъ Василія Петровича, по узкой, хорошо протоптанной тропинкѣ, поднимался какой-то человѣкъ, съ краснымъ, обрюзгшимъ отъ перепоя лицомъ и съ щекой, перевязанной грязнымъ краснымъ платкомъ. Одѣтъ онъ былъ въ полинялую ситцевую рубаху, поверхъ которой его широкую грудь обхватывала темно-коричневая ветхая жилетка; одна штанина была за-

правлена въ голенище сапога „бутылкой“, другая—болталась на правой ногѣ, обутой въ опорку. Поднимаясь въ гору, человѣкъ этотъ немного прихрамывалъ на ногу въ опоркѣ, и на лицѣ его выражалось страданіе, или отъ боли въ ногѣ, или отъ нытья въ перевязанной щекѣ. Звали человѣка съ перевязанной щекой Артамономъ; Василію Петровичу онъ приходился роднымъ племянникомъ.

— Здравствуй, старый чортъ!—не очень громко привѣтствовалъ старика Артамонъ, ухмыляясь собственной выходкѣ и твердо памятуя, что какъ ни брани старика дядю—все равно, онъ ничего не услышитъ.

Старикъ молча повелъ глазами въ сторону Артамона и потомъ снова сталъ всматриваться на рѣку, на ловцовъ „дарового топлива“.

— Наше вамъ почтеніе, Василій Петровичъ! Съ праздникомъ!—громко произнесъ Артамонъ и снялъ картузъ.

Василій Петровичъ также поклонился и, нахлобучивъ на лобъ громадный картузъ, со злобой въ голосѣ проговорилъ про себя:

— Вотъ рохли-то! вотъ бабы-то!.. За полѣномъ погнались, а какое бревно упустили... Вонъ, вонъ Демьяновы ребята его и захватили!.. Ахъ, ротозѣи! дьяволы проклятые!..

Артамонъ посмотрѣлъ въ ту же сторону, куда были устремлены глаза Василія Петровича, и также принялся бранить дѣтей старика:

— Ничего-то... ничего они не понимаютъ, дѣдушка? Такъ вѣдь?.. Старый ты шутъ! Филинъ ты съ горбатымъ носомъ!—добавилъ онъ потише, косясь на профиль лица Василія Петровича.

— Ась?—спросилъ, наконецъ, старикъ, замѣтивъ по губамъ сосѣда, что тотъ что-то говоритъ.

— Я говорю—черти они!.. Бревно упустили, а за полѣномъ погнались! — слегка склонившись къ уху старика, громко говорилъ Артамонъ.

— Знамо, черти! знамо!—соглашался и старикъ:—Демьяновы-то ребята не въ примѣръ имъ лучше будутъ, поворотливѣе да посмышлёнѣе...

— А какой лѣшій велѣлъ тебѣ этакихъ несмышлёныхъ людей нарожать-то?!..—проговорилъ Артамонъ и снова началъ громко браниться.

Но старикъ не слышалъ брани Артамона, который съ нескрываемымъ наслажденіемъ пользовался возможностью безнака-

занно издѣваться надъ своимъ врагомъ, попутно насмѣхаясь и надъ его сыновьями.

— Пошто это ты рожу-то завязалъ?

— Зубы, дѣдушка, выбили... твои ребята... Вотъ я и пришелъ жаловаться на нихъ!—что̀ было мочи кричалъ Артамонъ, лишь бы только старикъ услышалъ его голосъ.

— Э-эхъ, грѣховодники! Не живется вамъ въ согласіи-то! все бы мутить! Тьфу!.. Такъ тебѣ, косматому лѣшему, и надо! не пьянствуй, не развратничай! Бога-то совсѣмъ забылъ! Люди въ великомъ-то посту говѣютъ, каются, а ты все пьянствовалъ!..

— Пьянствовалъ, дѣдушка, пьянствовалъ, потому—праздники, Святая Пасха...—Артамонъ, съ насмѣшкой въ глазахъ, посмотрѣлъ въ лицо старика и добавилъ.—Ничего-то ты не слышишь, старый филинъ! Ну, на какой чортъ ты живешь! этакій-то, только даромъ небо коптишь!..

Артамонъ долго еще ругалъ старика, однако сильно понизивъ голосъ, потому что замѣтилъ въ одномъ изъ оконъ дома сморщенное лицо тетки, Авдотьи Ивановны, жены Василія Петровича.

— Что̀ ты, грѣховодникъ, старика-то бранишь? Что̀ онъ тебѣ сдѣлалъ?.. Зачѣмъ ты къ намъ ходишь-то! дрался бы тамъ со своей суженой-то!..

Старуха долго еще бранила племянника, и глаза ея налились кровью. Артамонъ сидѣлъ молча, исподлобья посматривая на старуху.

— Нога-то еще не зажила, а ты ужъ и рожу подновилъ! Поколѣть бы тебѣ, а не ему, не Василію Петровичу!—Она немного помолчала, сердито смотря въ сторону Артамона, и потомъ снова продолжала:—Дядю родного бранитъ и Бога не боится! Старикъ-отъ семьдесятъ восемь лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, отца твоего вывелъ въ люди, своихъ ребятъ вонъ на ноги поставилъ, а ты что̀? Что̀ ты такое, охальникъ?.. Съ шлюхой-то своей ребятъ нарожалъ, да на сторону ихъ разбросалъ!.. Накажетъ тебя Богъ: сломятъ они тебѣ шею, когда они выростутъ-то!.. Сломятъ!..

Артамонъ слушалъ старуху внимательно и даже немного повернувъ лицо въ ея сторону; по лицу его все время бродила ехидная усмѣшка. Авдотья Ивановна рѣзко оборвала свою рѣчь и закашлялась; лицо ея при этомъ раскраснѣлось, а глаза налились слезами. Утирая лицо платкомъ, которымъ была повязана ея голова, она продолжала кашлять, всхлипывая и придерживая рукою свою плоскую, сухую грудь.

Артамонъ выждалъ, пока старуха перестала кашлять, под-

нялся съ бревнышка и, подходя къ окну, началъ притворно ласковымъ голосомъ:

— Все-то ты меня, тетушка Авдотья, бранишь да попрекаешь, а за что?..

— За что?..—протянула старуха.—А за что ты мужа-то бранишь? Что онъ тебѣ, старикъ, сдѣлалъ?..

— За дѣло, тетушка Авдотья, за дѣло!.. Потому, старикъ-то меня обидѣлъ...

— Чѣмъ тебя обидѣлъ-то, этакій слабый да немощный?..

— Сама знаешь, тетушка, сама знаешь... Когда дядя Василій Петровичъ шкуру-то съ меня сдиралъ—сила у него была...

— Ну-у, понесъ!—и старуха махнула рукою и снова закашлялась, всхлипывая и трясясь всѣмъ старческимъ тѣломъ.

Артамонъ повернулъ лицо къ рѣкѣ, посмотрѣлъ на дядю и тихо добавилъ:

— То-то вотъ!.. Молчала бы да слушала... Богъ-то видитъ, гдѣ правда! да!.. Старый-то чортъ ограбилъ мово отца, на смертномъ одрѣ ограбилъ, денежки-то всѣ и ухнули... Рухлядь-то разную, негодную, онъ мнѣ при бумажкѣ передалъ и при свидѣтеляхъ, а что тамъ-то, раньше-то, дѣлалось—тому Богъ свидѣтель...

— Ты видѣлъ? видѣлъ ты, какъ онъ грабилъ-то?.. Были деньги-то у твоего отца? были?..—со злобой на глазахъ засыпала старуха вопросами.

— Были, тетушка, были... Былъ бы я тутъ, когда тятенька умиралъ, такъ и денежки были бы цѣлы... А то вѣдь я въ Москвѣ былъ, царю вѣрой и правдой служилъ, а вы тутъ окаянному служили, чужія денежки пересчитывали?.. А былъ бы я тутъ, такъ и не поживился бы твой муженекъ-то!.. Нѣ-ѣтъ, шалишь!.. Я бы ему сѣдую-то бороду выдралъ бы... Старая онъ собака! чтобъ нечистые помучили его на томъ свѣтѣ!...

Артамонъ съ прежней энергіей бранилъ старика, уже не стараясь понижать голосъ. Напротивъ, его поощряли къ брани нѣмые свидѣтели, два подростка, примостившіеся на кровлѣ сосѣдняго сарая.

— Вотъ, погоди: ребята вернутся съ рѣки! Они тебя спустятъ съ горы-то. Не будешь тутъ разгуливать да лаяться! Небось, боишься ихъ и носу не показываешь, а какъ увидишь, что нѣтъ ихъ дома, то и прешь!.. Шелапутъ, шелапутъ!..

Старуха сердито посмотрѣла на Артамона и скрылась въ избѣ. Минуту спустя, она вышла на крылечко, поправила на головѣ платокъ и, медленно шагая, прошла мимо Артамона и

скрылась за угломъ дома. Артамонъ подсѣлъ къ старику на бревнышко и уставился глазами на рѣку, отыскивая лодку съ красными рубахами Петра и Власа. Рослыхъ и здоровыхъ двоюродныхъ братьевъ онъ, дѣйствительно, побаивался и поднимался къ усадьбѣ дяди только въ такомъ случаѣ, если былъ увѣренъ, что не встрѣтится съ ними, такъ какъ уже нѣсколько разъ дѣти Василія Петровича спихивали Артамона съ горы, предварительно намявъ ему бока.

Къ усадьбѣ дяди Артамонъ поднимался съ единственной цѣлью потѣшить себя руганью глухого старика. Это занятіе доставляло ему величайшее удовольствіе.

II.

Вражда между Артамономъ и семьей дяди Василія Петровича—родовая, страшная вражда, начало которой—въ далекомъ прошломъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ началась она между членами двухъ семей, и нельзя было надѣяться, чтобы когда-нибудь срослась эта зіяющая пропасть!

Два брата, Василій Петровичъ и Романъ Петровичъ Сушкины, жили на одной усадьбѣ и вели общее хозяйство. На пригоркѣ, по обѣимъ сторонамъ двора, стояли двѣ обширныхъ избы, гдѣ жили двѣ семьи; сзади къ нимъ примыкали сараи, погреба и завозни, а по улицѣ тянулся тесовый заборъ съ расписными воротами.

Братья жили главнымъ образомъ промысломъ *мартышки* [1]), что давало имъ возможность поддерживать въ порядкѣ свои чахлыя постройки, запасать не одинъ десятокъ саженъ дровъ и даже продавать цѣнныя бревна и слеги. Кромѣ того, Романъ Сушкинъ слылъ въ слободкѣ за хорошаго бондаря, хорошо продавалъ свой товаръ и жилъ богаче брата Василія, что постоянно ѣдкой завистью отзывалось въ душѣ послѣдняго. Иногда прорывалось это чувство наружу, и братьевъ разъединяли мелкія ссоры и недоразумѣнія.

У Василія Сушкина была большая семья: жена, три сына и четыре дочери; рано овдовѣвшій Романъ жилъ съ двумя сыновьями и дочерью. Дочь свою Романъ выдалъ замужъ, когда ей минуло

---

[1]) Мартышками въ нашемъ городѣ называются жители прибрежныхъ слободъ. Во время весенняго ледохода они занимаются ловлей бревенъ, дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, обыкновенно въ изобиліи плывущихъ по рѣкѣ.

семнадцать лѣтъ; тремъ дочерямъ Василія Сушкина пришлось посидѣть въ дѣвкахъ немного дольше, чѣмъ онѣ хотѣли и на что не разсчитывали родители.

Завидуя положенію брата, Василій и самъ принялся-было за бондарство, и началъ обучать этому ремеслу и дѣтей, но изъ этой попытки ничего не вышло — они оказались неспособными. Послѣ этого онъ задумалъ-было дубить кожи, но и это дѣло не пошло, и жилъ Василій Сушкинъ съ сыновьями только промысломъ „мартышки“, а случайные заработки, которые, по временамъ, выпадали на долю ребятъ, большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ быть не могли. Результатомъ всего этого являлось то обстоятельство, что большая семья Василія жила бѣднѣе семьи Романа, да и сыновья-то его, неповоротливые, боязливые и непредпріимчивые, смотрѣли какими-то забитыми, словно Богомъ обиженные, по сравненію съ смѣлыми Артамономъ и Нестеромъ, которые уродились въ дѣятельнаго Романа.

Въ семьѣ Романа Сушкина случилась бѣда, сильно опечалившая его, и съ этого времени начались одно за другимъ нежданныя несчастія. Старшій сынъ его, Нестеръ, увлекся соблазнительными заработками на желѣзной дорогѣ, и когда постройка новаго пути передвинулась отъ родного города къ Сибири, онъ также уѣхалъ вмѣстѣ съ женою, и скоро они оба точно въ воду канули. Въ тотъ же годъ, по осени, Артамона забрали въ солдаты, и два эти обстоятельства нарушили благосостояніе Романовой семьи, и она распалась. Прошло не больше двухъ лѣтъ послѣ этихъ событій; какъ-то осенью Романъ Сушкинъ простудился и, проболѣвъ не болѣе недѣли, померъ. Въ это время братъ его Василій и взялъ грѣхъ на свою душу, похитивъ деньги, оставшіяся послѣ покойнаго, и присвоивъ себѣ почти все имущество, оставшееся послѣ него.

Возвратившись со службы, Артамонъ встрѣтилъ, со стороны дяди и его семейныхъ, холодный и недружелюбный пріемъ. Вначалѣ онъ удивлялся, какъ могло случиться, что послѣ отца не осталось ни денегъ, ни имущества. Въ отвѣтъ на это, со стороны родственниковъ, было одно угрюмое молчаніе, а потомъ вскорѣ выяснилось, что и изба-то, гдѣ прожилъ не одинъ десятокъ лѣтъ Романъ—собственность дяди. Предпріимчивый Василій Сушкинъ, пользуясь отсутствіемъ сыновей Романа, успѣлъ уговорить больного брата продать ему свою избу, что и было быстро сдѣлано. Когда Артамонъ задавалъ дядѣ вопросъ — куда же дѣвались деньги, которыя получилъ покойный отецъ за проданную избу,—старикъ, съ неудовольствіемъ въ голосѣ, коротко отвѣчалъ:

— Поди на Сергіевское кладбище да и спроси отца!..

Удивляться происшедшимъ перемѣнамъ Артамону пришлось не долго, такъ какъ изъ разговоровъ съ сосѣдями скоро выяснилось все поведеніе старика Василія. Артамонъ страшно озлобился на дядю, а послѣ ряда столкновеній и ни къ чему не ведущихъ споровъ—число его враговъ увеличилось въ лицѣ сыновей дяди, здоровыхъ парней, слывшихъ въ слободкѣ за отчаянныхъ и безпутныхъ головушекъ. И съ этихъ поръ война между двумя неравными лагерями была объявлена не на животъ, а на смерть. Доброжелатели Артамона совѣтовали-было ему возбудить противъ дяди судебное дѣло, но переговоры по этому поводу съ лицами свѣдущими ни къ чему не привели: Василій Сушкинъ, очевидно, предвидѣлъ возможность такого дѣйствія со стороны племянника, и на другой же день послѣ возвращенія Артамона изъ полка передалъ ему, при свидѣтеляхъ, кое-какія вещи, и бондарные инструменты, и тридцать-пять рублей денегъ, свидѣтельствуя, что послѣ покойнаго только и остались эти незатѣйливыя вещи и небольшія деньги.

Послѣ возвращенія изъ солдатчины, передъ Артамономъ вставала еще забота—какъ быть съ собственной персоной и что предпринять? Солдатчина не дала ему никакихъ знаній, пригодныхъ къ жизни, и, стало быть, приходилось начинать новую жизнь по старому, и Артамонъ надумалъ-было открыть свою бондарную мастерскую,—но, не имѣя денегъ, необходимыхъ инструментовъ и запасовъ лѣса, пришлось разстаться съ этой мечтой и поступить, въ качествѣ простого рабочаго, къ одному изъ бондарей, живущему въ той же слободкѣ.

Жилъ онъ въ это время на квартирѣ у солдатки Анны Якимовны, ветхая трехъ-оконная изба которой ютилась какъ разъ у подошвы того холма, гдѣ жилъ Василій Сушкинъ.

Анна Якимовна была баба лѣтъ сорока. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она оплакивала участь своего мужа, который, отбывая воинскую повинность, провинился въ чемъ-то настолько серьезно, что угодилъ въ каторжныя работы лѣтъ на пять. Отбывъ каторгу, онъ поселился въ Сибири и выписывалъ-было къ себѣ жену, но Анна Якимовна, давно осушившая по мужѣ слезы, рѣшила дожить вѣкъ съ Павломъ Ефремовымъ, вдовцомъ-каменотесомъ. Незадолго до возвращенія изъ солдатъ Артамона, Павелъ Ефремовъ умеръ, и разоренный солдатикъ примкнулъ къ хозяйственной Аннѣ Якимовнѣ, и скоро они зажили, какъ мужъ и жена.

Анна Якимовна была довольна и своей судьбой, и своимъ новымъ выборомъ, да и Артамонъ не жаловался. Жили они не-

богато, но не голодали, и даже напротивъ—не одна законная семья позавидовала бы ихъ достаткамъ. Она занималась хлѣбопеченіемъ, умѣла выпекать вкусные бублики и баранки, искусно приготовляла печенку и всѣмъ этимъ торговала въ „обжорномъ“ ряду городского рынка; Артамонъ попрежнему служилъ у бондаря и слылъ за хорошаго работника. Между собою они ладили, о чемъ въ особенности заботилась Анна Якимовна, чувствуя, что съ каждымъ годомъ старѣетъ, а Артамона полюбила она больше, нежели когда-то привязана была къ злосчастному мужу и къ Павлу Ефремову.

Первые два-три года совмѣстной жизни съ „соломенной вдовой“ Артамонъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ среди слободскихъ ребятъ, которые все еще продолжали считать его холостякомъ и не чуждались; серьезные и пожилые слобожане уважали въ немъ рабочаго человѣка, а слободскія дѣвушки, находя черноброваго Артамона красивымъ, сердились на Анну Якимовну, называя ее „потаскухой“ и коря ее тѣмъ, что за свою жизнь она успѣла пережить мужа и нѣсколькихъ любовниковъ. Артамонъ любилъ выпить, но пилъ съ толкомъ, во хмелю не буянилъ, и вообще велъ себя не хуже другихъ; напротивъ, сойдясь со многими слобожанами во время праздничныхъ попоекъ, онъ еще больше пріобрѣлъ себѣ друзей.

Болѣе разсудительные люди жалѣли Артамона, проча ему дурной исходъ, такъ какъ Анна Якимовна пила и имѣла склонность спаивать своихъ любовниковъ. Въ общинѣ „соломенную вдову“ никто не любилъ, что не ускользнуло отъ вниманія Артамона; а такъ какъ онъ души не чаялъ въ своей подругѣ жизни, которая умѣла чѣмъ-то привязывать къ себѣ, то и всѣ, кто ненавидѣли Анну Якимовну, дѣлались врагами Артамона. Съ теченіемъ времени, однако, вліяніе Анны Якимовны взяло верхъ надъ характеромъ Артамона, и онъ незамѣтно для себя пристрастился къ водкѣ; оба они начали нетрезвую жизнь, расходуя здоровье и расшатывая свое благосостояніе.

III.

Въ этотъ мрачный періодъ жизни Артамонъ познакомился съ Еремой Глуховымъ, пришлымъ человѣкомъ безъ рода, безъ племени.

Это случилось весною... Весна въ тотъ годъ была ранняя и дружная. Не успѣлъ сойти снѣгъ, какъ двинулась и рѣка, сплошь

заливъ луговой берегъ мутными и быстрыми волнами. По рѣкѣ плыли громадныя бѣляны, нагруженныя лѣсомъ, баржи съ хлѣбомъ и казенныя „желѣзняки“ [1]), а возлѣ нихъ засновали на своихъ проворныхъ лодкахъ хищные „мартышки“.

Въ раннюю весну рѣка, послѣ долгой зимней спячки и затишья, оживаетъ,—веселѣе становится и на душѣ старика Филиппыча, который въ эти счастливые дни бойко торгуетъ въ своемъ трактирномъ заведеніи, пріютившемся на берегу рѣки. Послѣ долгаго и труднаго плаванія по пустыннымъ притокамъ рѣки Бѣлой, судовые приказчики и рабочіе, обыкновенно, на нѣсколько дней останавливаются посреди рѣки, и тогда то-и-дѣло отъ барокъ и бѣлянъ отдѣляются лодки съ веселыми и разбитными рабочими, пожелавшими развлечься на гостепріимномъ городскомъ берегу. Особенно охотно посѣщаютъ судорабочіе трактиръ Филиппыча, какъ потому, что это—единственное заведеніе, пріютившееся на самомъ берегу, такъ и потому, что хозяинъ умѣлъ быть гостепріимнымъ. Артамонъ также дружилъ съ Филиппычемъ и любилъ засиживаться въ его заведеніи, состоявшемъ изъ одной обширной свѣтлой комнаты, вдоль прокопченныхъ стѣнъ которой стояли небольшіе столики съ красными скатертями и красные, расписанные цвѣтами стулья, а за громаднымъ темнымъ буфетомъ свѣтилась лысина добродушнаго трактирщика.

Какъ-то въ воскресенье, послѣ обѣда, Артамонъ засталъ въ трактирѣ не мало народа. Тутъ были судорабочіе, здоровые, загорѣлые мужики, слободскіе ребята, женщины съ хриплыми голосами и раскраснѣвшимися физіономіями и солдаты. Артамонъ присоединился къ своимъ. Въ такихъ случаяхъ Филиппычъ нѣсколько покашивался на своихъ, такъ какъ неоднократно происходили недоразумѣнія между слободскими и судорабочими, и тогда мирному трактирщику приходилось исполнять роль посредника, чего онъ недолюбливалъ. Присутствіе Артамона, который всегда съумѣетъ уговорить своихъ, разсѣяло опасенія Филиппыча: судорабочіе пили своей компаніей, громко разсуждали, пѣли свои веселыя рѣчныя пѣсни, а слободскіе, какъ въ ульѣ пчелы, гудѣли въ своемъ углу.

Мирное веселье нарушили говоръ и шумъ, и всѣ бросились къ окнамъ. Прямо противъ трактира, у дощатаго помоста, причалила лодка съ одной изъ стоящихъ на рѣкѣ бѣлянъ. Сначала трудно было разгадать, благодаря чему на берегу у лодки столпились слободскіе мужики, бабы и парни-подростки. Каждый

---

[1]) Небольшія суда съ казенныхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

изъ толпы старался протискаться ближе къ лодкѣ и всѣ ахали, размахивали руками и говорили. Скоро, однако, для всѣхъ стало ясно, что толпа собралась, благодаря непріятному происшествію. Одинъ изъ рабочихъ съ громадной бѣляны, нагруженной тесомъ и ободьями, неосторожно попалъ подъ тяжелый запасный лотъ, приставленный къ мачтѣ, уснащенной на зыбкой и высоко приподнятой палубѣ судна, и раздробилъ конечности обѣихъ ногъ.

На днѣ лодки лежалъ невысокій, коренастый мужикъ въ кумачной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ и въ темныхъ плисовыхъ шароварахъ, засученныхъ почти до колѣнъ. Оконечности ногъ лежавшаго представляли изъ себя нѣчто страшное: обѣ ступни были раздроблены, хотя ранъ и не было видно подъ слоями бурой запекшейся крови. Большая голова больного, съ темными густыми и вьющимися волосами, лежала на какихъ-то тряпкахъ, замазанныхъ кровью, ноги были скрючены и дрожали, и самъ онъ, точно отъ озноба, перегнулъ спину и стоналъ протяжно и тяжело. Иногда онъ вскидывалъ глаза и смотрѣлъ на толпу, какъ бы моля облегчить его страданія,—и испуганные глаза смыкались съ выраженіемъ отчаянія. Около него толпились перепуганные и растерянные товарищи, видимо затрудняясь, что препринять дальше. Многіе совѣтовали везти пострадавшаго въ больницу; другіе уговаривали пока оставить въ лодкѣ и дать ему возможность отдышаться.

— За извозчикомъ бѣгите!—наконецъ, скомандовалъ кто-то.

Мальчуганы изъ толпы побѣжали въ городскія улицы за извозчикомъ. Кто-то посовѣтовалъ судорабочимъ, до пріѣзда извозчика, внести товарища въ трактиръ, но это предположеніе быстро приняло другое рѣшеніе, и изувѣченнаго человѣка положили около трактира подъ окнами, на травѣ.

Любопытствующіе прибывали, и каждый изъ вновь прибывшихъ считалъ своимъ долгомъ спросить — кто этотъ человѣкъ съ раздробленными ногами? откуда? и какимъ образомъ довелъ себя до такого состоянія?

— Нашъ онъ судорабочій съ бѣляны Ивана Николаича,—разсказывалъ одинъ изъ товарищей пострадавшаго.—Прямо надо сказать—выпили мы всѣ, а вотъ онъ-то и угодилъ подъ лотъ... Стоялъ лотъ вотъ этакимъ манеромъ—(онъ указалъ куда-то рукою)—у мачты, а онъ, Ерема-то, шелъ да, вишь ты, споткнулся, да и угодилъ подъ чугунъ, а его, мотри, пудовъ сорокъ будетъ.. Мачта ли пошатнулась, палуба ли дрогнула, а только, видимъ, лежитъ нашъ Ерема и глаза подъ лобъ закатимшись. Стащили кое-какъ махину-то съ ногъ—онъ и совсѣмъ обмеръ, не дышетъ,

а кровь-то такъ ручьями... То да сё... сюда вотъ и надумали, въ больницу, молъ, что-ли, его, али бы къ доктору...

Толпа, удовольствовавшись разсказомъ, загоготала еще больше прежняго, возгласы усилились.

— Да кто онъ-то? здѣшній, что-ли?.. Чей?..

— Не здѣшній—гдѣ!..—удовлетворилъ судорабочій и этого изъ любопытныхъ.—Мы подъ Хвалынскомъ, на Волгѣ съ нимъ встрѣтились, да вотъ и угодили на Уфимку, а теперь, вишь ты, въ Астрахань плывемъ...

По мѣрѣ того, какъ тянулось время, больной равнодушнѣе и равнодушнѣе относился къ окружающимъ. На лицѣ его по-прежнему лежала печать мучительныхъ страданій, по временамъ слышался тяжелый стонъ; иногда больной закрывалъ глаза, и тогда въ толпѣ наступала тишина, всѣ старались говорить шопотомъ, какъ бы боясь разбудить его. Но, вотъ, онъ откидывалъ голову, раскрывалъ глаза, и снова въ его глазахъ выражалась мольба.

— Ну-ка, пустите-ка!..—расталкивая толпу, говорилъ Артамонъ, приближаясь къ пострадавшему со шкаликомъ водки.—На-ко, братъ, выпей—боли-то и не почуешь...

Онъ поднесъ къ губамъ больного водку, и тотъ съ жадностью осушилъ стаканчикъ.

— Вотъ это хорошо надумалъ! хорошо!

— Она сичасъ заглушитъ боль-то!..

— Еще бы ему... побольше!—слышались со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Подъѣхала извозчичья пролетка, и больного подняли съ земли.

— Садись!—обратился къ одному изъ судорабочихъ Артамонъ:—я довезу до больницы-то...

Онъ сѣлъ въ пролетку и положилъ себѣ на колѣни голову Еремы, а судорабочій примостился на концѣ козелъ спиною къ лошади, придерживая на рукахъ окровавленныя ноги.

Въ больницѣ ихъ приняли скоро. Благодаря страданіямъ Еремы, дежурный врачъ поторопился приказать, чтобы его поскорѣе раздѣли, обмыли и внесли въ палату. Докторъ покачалъ головою при видѣ раздробленныхъ ногъ больного, и по его лицу пробѣжала тѣнь. Судорабочаго пригласили въ сосѣднюю комнату, и какой-то чиновникъ началъ разспрашивать его про Ерему, требуя паспорта. Послѣднее обстоятельство поставило парня въ затруднительное положеніе, такъ какъ, спѣшно собираясь везти Ерему въ городъ, онъ и забылъ о паспортѣ, да еще и далъ ли бы ему его судовый приказчикъ.

Обратный путь отъ больницы до рѣки Артамонъ и судорабочій прошли пѣшкомъ. Попутно они зашли въ портерную, гдѣ за бутылкой пива познакомились ближе. Судорабочій разсказалъ Артамону о своихъ странствіяхъ отъ Хвалынска до глухихъ лѣсныхъ уголковъ и обратно по рѣкѣ. Артамонъ разсказывалъ о городѣ, о городской жизни, и, накопецъ, оба они заговорили о солдатчинѣ. При прощаньи судорабочій сказалъ:

— Ты ужъ того, милый человѣкъ! не покидай тутъ его, Ерему-то, потому никого у него въ городѣ-то нѣтъ—ни родныхъ, ни знакомыхъ... Отписалъ бы мнѣ, да кто знаетъ, куда писать-то; я и самъ не знаю, гдѣ наша бѣляна будетъ разгружаться, а домой-то, мотри-ка, къ Рождеству угожу... Ну, прощай! спасибо тебѣ... Можетъ, завтра въ трактирѣ встрѣтимся?..

На другой день они, дѣйствительно, повстрѣчались.

— Плохо Еремино дѣло! — со вздохомъ говорилъ судорабочій: — доктора сказывали, что ноги-то ему отрѣзать придется, потому—антоновъ огонь приключился...

Окончательно прощаясь съ Артамономъ, судорабочій снова просилъ его не покидать Ерему и, наконецъ, добавилъ:

— Деньжонокъ я ему оставилъ, два съ полтиной: приказчикъ рублевку далъ, да промежъ себя собрали...

Они распрощались, и въ тотъ же день бѣляна, съ которой ссадили Ерему, уплыла дальше.

IV.

Дней черезъ пять Артамонъ побывалъ въ больницѣ, сдержавъ свое обѣщаніе навѣщать больного. По природѣ Артамонъ былъ отзывчивый и впечатлительный человѣкъ; цѣнить чужое страданіе и муки одиночества научился онъ, еще будучи на военной службѣ, тѣмъ болѣе, что ему и самому пришлось нѣкогда вылежать въ лазаретѣ больше двухъ мѣсяцевъ. Попытка увидѣться съ Еремой, однако, не удалась, потому что Артамонъ пришелъ въ больницу не въ пріемный день, и его къ больному не допустили. Артамонъ узналъ все-же, что ноги у Еремы уже отняты. Въ слѣдующій пріемный день его также не допустили, такъ какъ доктора воспретили свиданіе съ больнымъ, пока онъ не оправится отъ операціи, и Артамону удалось увидѣться съ Еремой только черезъ двѣ недѣли.

Ерема лежалъ на койкѣ подъ тиковымъ одѣяломъ, когда Артамона провели въ хирургическую палату. Онъ даже не сразу

и узналъ Ерему, отыскивая его большую курчавую голову, но тотъ былъ коротко остриженъ, и глаза Артамона разсѣянно перебѣгали съ одного больного на другого, и онъ затруднялся опредѣлить, который изъ нихъ Ерема.

— Вонъ онъ, Еремѣй Глуховъ!—указала Артамону сидѣлка, наблюдавшая затрудненіе страннаго посѣтителя.

Артамонъ подошелъ къ человѣку, лежавшему на крайней отъ окна койкѣ, и неловко произнесъ:

— Здравствуй, Ерема...

Тотъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ лицо подошедшаго къ нему человѣка и промолчалъ.

— Вишь ты, какъ ты захворалъ-то, мы съ Иваномъ Вечеровымъ—съ вашей бѣляны—тебя сюда и привезли... Я—Артамонъ Сушкинъ, изъ здѣшнихъ, бондарствомъ занимаюсь...

Артамонъ немного помолчалъ, разсматривая блѣдное и худое лицо больного, и потомъ добавилъ:

— Иванъ-то говорилъ: навѣдайся, молъ, когда къ нашему человѣку... Вотъ я тебѣ и гостинцевъ принесъ...

Артамонъ сунулъ въ руку больного связку баранокъ и краюху крупичатаго хлѣба, завернутыя въ платокъ.

— Спасибо тебѣ! спасибо!—тихо проговорилъ больной, и съ его лица исчезло мрачное и сосредоточенное выраженіе, а запекшіяся губы сложились въ улыбку.—Садись вотъ тутъ!—указалъ онъ на табуретъ.

Артамонъ сѣлъ, помялъ въ рукахъ картузъ, повелъ глазами по койкамъ съ больными и пристально уставился на Ерему. Тотъ смотрѣлъ куда-то въ даль комнаты и, казалось, что-то обдумывалъ, но потомъ его глаза вспыхнули какой-то недоброй искоркой, и онъ глухо проговорилъ:

— Вотъ, отрѣзали... вишь—какія культяпки!..

И онъ быстрымъ движеніемъ руки сбросилъ съ себя одѣяло и показалъ Артамону ноги. Гостя испугалъ ихъ видъ. Онѣ походили на два толстыхъ обрубка, обтянутыя бѣлыми холщевыми панталонами; на концахъ виднѣлись два утолщенія, и Артамонъ никакъ не могъ опредѣлить—гдѣ должны быть колѣна и гдѣ были раньше ступни. Лицо его поблѣднѣло и вытянулось, и весь онъ словно съёжился...

— Вѣрно, бѣляна-то наша уплыла?—спросилъ Ерема, выводя гостя изъ оцѣпенѣнія.

— Уплыла...

По лицу Еремы промелькнула тѣнь, и онъ отвернулся и посмотрѣлъ на окна.

— Вотъ, выпишусь и буду на колѣнкахъ ползать, потому доктора говорятъ, что по другому-то никакъ невозможно,—заговорилъ покойнымъ тономъ Ерема.

Артамонъ слушалъ его и все больше и больше проникался къ нему состраданіемъ. Ему вдругъ пришла въ голову мысль: а что если бы и съ нимъ такая бѣда приключилась? и его заставили бы на колѣняхъ ползать?.. Не найдя въ себѣ отвѣта на заданный вопросъ, онъ проговорилъ:

— Не надо бы въ больницу-то... Можетъ, и такъ отошло бы... Въ больницахъ все такъ, чуть что—сейчасъ рѣзать...

Больной ни звука не произнесъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Артамона и снова уставился куда-то въ уголъ и задумался...

— Здѣсь-то лежать—ништо, а вотъ когда выпишутъ-то и пойдешь на всѣ четыре стороны... а этакимъ-то манеромъ, на колѣняхъ-то, далеко ли уползешь?.. Вѣрно, по̀-міру придется!..

Послѣдняя фраза сорвалась съ его запекшихся губъ съ какимъ-то глухимъ, еле слышнымъ стономъ, и глаза его затуманились. Артамонъ молчалъ, а въ его головѣ шла нелегкая работа разрѣшить вопросъ: что, въ самомъ дѣлѣ, будетъ дѣлать этотъ человѣкъ, когда выпишется изъ больницы. И онъ спросилъ Ерему:

— Дома-то у тебя кто есть?..

— Дома-то?.. А ты спроси, гдѣ у меня домъ-то?.. Приписанъ я къ Петровской волости, хвалынскаго уѣзда, мальчишкой жилъ въ селѣ Петровскомъ, а какъ подросъ-то—и пошелъ ходить по свѣту, все больше на баркахъ, да на бѣлянахъ плавалъ, да, вотъ, рыбы ноги-то и объѣли...

Оба помолчали.

— И родныхъ никого нѣтъ у тебя тамъ?...

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ Ерема.

Черезъ часъ Артамонъ шелъ къ себѣ въ слободу, унеся изъ больницы тяжелое впечатлѣніе. Всю дорогу онъ не переставалъ думать про Ерему, и рѣшеніе послѣдняго идти по̀-міру казалось ему единственно возможнымъ исходомъ для его новаго знакомаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ его составилось и другое рѣшеніе: какъ только Ерема выйдетъ изъ больницы, онъ позоветъ его къ себѣ. Онъ былъ увѣренъ, что его сожительница согласится на то, такъ какъ Анна Якимовна, дѣйствительно, была баба добрая, а много ли ему надо—уголъ найдется...

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, пока Ерема лежалъ въ больницѣ, Артамонъ посѣщалъ его еженедѣльно по воскресеньямъ. Такое постоянство со стороны Артамона остановило вниманіе и

Анны Якимовны, и всякій разъ, когда онъ отправлялся въ больницу, она приготовляла для больного гостинцы: баранки или бублики, или свѣжій крупичатый хлѣбъ; носили ему также чаю и сахару, и Анна Якимовна совершенно искренно сожалѣла, что нельзя отправить въ больницу ни водки, ни пива.

— Разгулялся бы онъ тамъ немного: во хмелю-то и болѣзнь скорѣе пройдетъ,—вслухъ соображала она.

На четвертомъ мѣсяцѣ Ерему выписали изъ больницы, и Артамонъ довезъ его до слободки. Это первое путешествіе Еремы сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями. Слободскія улицы расположены по оврагамъ, холмамъ и пригоркамъ, да, собственно, того, что называется улицей, въ слободкѣ и не было; на громадной площади тянутся плетни и заборы, замыкая дворы; иногда плетни встрѣчаются и образуютъ тупики; иногда они упираются въ овраги или въ крутые холмы, гдѣ едва можно пройти пѣшеходу. Слободскіе обыватели сообщались между собою узкими и хорошо протоптанными тропинками; такія же тропинки, змѣясь и переползая черезъ ямы и холмы, упирались въ городскія улицы.

Ерема слѣзъ съ извозчичьей пролетки при помощи Артамона и, вставъ на свои культеныя ноги, съ тоской въ глазахъ осмотрѣлъ незнакомую улицу. Одноэтажные домики съ мезонинами показались ему громадными домами, какіе онъ видѣлъ въ Саратовѣ; заборы также показались высокими, а главное, ему представилось, что и люди-то стали выше, и лошадь извозчика показалась большой; рослыми смотрѣли и мальчуганы, игравшіе на улицѣ и обступившіе пролетку съ диковиннымъ человѣчкомъ на короткихъ какихъ-то ногахъ. Артамонъ двинулся впередъ, а за нимъ слѣдовалъ Ерема, медленно и неловко подвигаясь на своихъ обрубкахъ. Встрѣчные съ изумленіемъ смотрѣли на Артамона и его спутника, но скоро всѣ слободскіе привыкли къ странной фигурѣ Еремы, точно онъ среди нихъ и родился такимъ...

V.

Поселившись вмѣстѣ съ Артамономъ и Анной Якимовной, Ерема началъ новую жизнь. „Ходить на новыхъ ногахъ“, какъ онъ выражался, онъ научился скоро, хотя въ путешествіяхъ ему приходилось пользоваться палкой съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которою онъ упирался въ землю; особенно трудно ему было взбираться изъ слободки въ гору, когда онъ отправлялся собирать милостыню по городу. Недѣли черезъ двѣ-три онъ уже

зналъ расположеніе городской площади, на которой въ базарные дни кишѣлъ торговый людъ, стояли крестьянскія телѣги и спѣшно сновали горожане; зналъ онъ двѣ-три улицы, гдѣ жили чиновники и купцы, и нѣсколько лавокъ и магазиновъ, хозяева или приказчики которыхъ съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ нему и никогда не отказывали въ копѣечкахъ. Посѣщалъ онъ и церковныя паперти многихъ церквей, и сдѣлалъ заключеніе, что люди въ этихъ святыхъ мѣстахъ какъ будто добрѣе: никогда не разспрашивали они его, какъ и отчего онъ лишился ногъ, а всегда спѣшно совали въ руку монету или грошовую булочку и набожно крестились. На первыхъ порахъ не обошлось и безъ непріятностей. Однажды медленно двигался онъ по каменной галереѣ гостинаго двора, переходя отъ одного магазина къ другому и прося милостыню. Это было жаркимъ іюльскимъ полуднемъ, когда всѣ горожане попрятались отъ жары въ домахъ съ припертыми ставнями и опущенными занавѣсками и торговля въ гостиномъ ряду затихала. Праздные приказчики, предаваясь невольному отдыху, толпились у дверей магазиновъ, скалили зубы, шутили и смѣялись и злословили на счетъ случайныхъ прохожихъ. Бакалейщики изъ одной лавки зазвали Ерему къ себѣ и начали надъ нимъ издѣваться. Начали они съ того, что угостили его пряниками, въ которыхъ были натыканы головки шведскихъ спичекъ. Когда эта выходка была замѣчена Еремой, краснорожіе молодцы дружно захохотали и принялись просить калѣку тряхнуть „казачка“.

— Вѣрно, у тебя занятно это выйдетъ!—говорилъ молодой купчикъ въ чесунчевой парѣ.

Смущенный и разобиженный стоялъ Ерема у двери и не зналъ, что̀ съ собой дѣлать и чѣмъ наказать обидчика.

— А что̀ ты, купецъ, за это мнѣ дашь?—спросилъ, наконецъ, Ерема:—такъ и быть, спляшу...

Купецъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и положилъ его на одну изъ полокъ.

— Вотъ, достанешь безъ стула—твое все!—проговорилъ онъ, и новый приступъ обиднаго хохота прогремѣлъ надъ каменнымъ сводомъ галереи. Около лавки веселаго купчика собрались праздные приказчики сосѣднихъ магазиновъ, и даровому веселью не предвидѣлось конца. Обиженный Ерема тихо двинулся отъ обидчиковъ, но за нимъ бѣжали лавочные мальчишки въ свѣтлыхъ передникахъ, тормошили его за рукава, за плечи и просили тряхнуть „казачка“. Разсердившись, Ерема размахнулся палкой и очень удачно ранилъ желѣзнымъ наконечникомъ руку одного

изъ обидчиковъ. Приказчики набросились на Ерему и смяли его на землю, и только вмѣшательство кого-то изъ прохожихъ положило конецъ этой сценѣ. Послѣ этого случая, Ерема не боялся ходить мимо ненавистнаго ему магазина,—напротивъ, онъ почти каждый день проходилъ этимъ мѣстомъ, милостыни не просилъ и всегда вызывающе посматривалъ на молодого купчика и на его приказчиковъ.

Жилъ Ерема въ избѣ Анны Якимовны въ углу за печкой, гдѣ у самаго потолка свѣтилось небольшое четырехугольное оконце. Ни Анна Якимовна, ни Артамонъ, ничѣмъ не стѣсняли своего жильца, считая его за своего человѣка въ домѣ. Нерѣдко хозяйка приглашала безплатнаго жильца обѣдать или ужинать, и почти всегда по утрамъ онъ вмѣстѣ съ ними пилъ чай.

Такъ прошло лѣтъ пять, послѣ чего и самъ Ерема пересталъ считать себя чужимъ въ домѣ Анны Якимовны. Но за это время въ немъ самомъ произошли большія перемѣны. Началось это еще съ тѣхъ поръ, когда онъ лежалъ въ больницѣ, выздоравливая. Онъ ничѣмъ не былъ занятъ, ни о чемъ не заботился и только думалъ о себѣ, о своемъ прошломъ; занимало его думы и будущее, для котораго онъ теперь готовился.

Съ юныхъ лѣтъ онъ вступилъ въ жизнь работникомъ, и съ тѣхъ поръ за нѣсколько лѣтъ пережилъ не мало тяжелаго и непріятнаго въ своей скитальческой жизни. Но все-же онъ прекрасно понималъ, что худо ли, хорошо ли живется, а все это зависитъ отъ него самого, и онъ самъ себѣ хозяинъ. Столкновенія съ хозяевами и приказчиками, которые всегда старались поприжать работника, колебали въ немъ такую вѣру въ себя, но все-же онъ не унывалъ, не забывая, что и на ихъ долю выпадала побѣда, когда они всѣ, цѣлой артелью, поднимались, какъ одинъ человѣкъ, и одолѣвали настойчивость судовладѣльцевъ или ихъ вѣрныхъ помощниковъ. Работая въ глухихъ лѣсныхъ уголкахъ, гдѣ, казалось, отсутствуетъ правда и законъ для ихъ хозяевъ,—и сами судорабочіе воспринимали такую же мораль и такой же законъ, и тогда все сводилось къ тому, на чьей сторонѣ сила. Ерема, какъ и многіе его товарищи, умѣли отстоять свои права, стало быть—за ними была и сила.

Когда Ерема, лежа на больничной койкѣ въ долгія ночи, вспоминалъ свое прошлое, онъ приходилъ къ заключенію, что этой жизни теперь уже не повториться. Онъ не будетъ въ зимнюю пору тащиться по снѣжнымъ дорогамъ къ верховью рѣкъ, не придется ему и плыть на судахъ, цѣлые мѣсяца живя подъ открытымъ небомъ и встрѣчая каждую утреннюю зорьку на но-

вомъ мѣстѣ. Не будетъ онъ больше пѣть этихъ хорошихъ рѣчныхъ пѣсенъ, или слушать, какъ поютъ свои пѣсни новые товарищи. И каждую весну такъ: новыя мѣста, новые люди и новыя пѣсни!..

А теперь все это придется забыть, начавъ жизнь по новому. Въ первые же дни хожденія по міру онъ понялъ, что этотъ самый міръ не даромъ кормитъ его; онъ ждетъ, когда Ерема попроситъ у него то, что ему надо для жизни, и эту просьбу свою онъ долженъ выражать какъ можно жалостливѣе, чтобы растрогать сердце благодѣтеля. Ерема, однако, видѣлъ, что среди такихъ же, какъ и онъ, злосчастныхъ, его положеніе лучше многихъ: благодаря его искалѣченнымъ ногамъ, ему охотнѣе давали, чѣмъ другимъ, а иногда даже и больше... Но это не радовало его.

Быстрый переходъ изъ положенія работника въ положеніе раба-попрошайки отозвался на всемъ душевномъ складѣ Еремы: новое положеніе озлобило его, сдѣлало мрачнымъ и замкнутымъ, и къ людямъ онъ теперь относился уже не такъ, какъ раньше. Раньше люди пользовались его силой, выжимали эту силу, сколько могли; теперь они оставили его въ покоѣ, но зато его существованіе—въ зависимости отъ ихъ желаній дать или не дать... Раньше у него были столкновенія съ работодателями, и онъ противился ихъ насилію и проклиналъ ихъ, но злоба не надолго вселялась въ его душу,—теперь онъ не можетъ вслухъ бранить тѣхъ, съ кѣмъ приходится сталкиваться каждый день, напротивъ—онъ долженъ благодарить ихъ, молиться за нихъ, или поминать души ихъ „сродственниковъ"... И онъ затаилъ въ душѣ глухую, непонятную злобу. Съ годами эта ненависть окрѣпла и по временамъ прорывалась наружу.

Съ теченіемъ лѣтъ, впрочемъ, перемѣнилась жизнь и у его ближайшихъ друзей: и Артамонъ, и Анна Якимовна, чѣмъ дольше жили, тѣмъ больше озлоблялись на людей, такъ какъ съ каждымъ годомъ жизнь среди нихъ становилась тяжелѣе и тяжелѣе. Ихъ настроенія совпали съ озлобленіемъ Еремы, и всѣ они, прожигая жизнь, пили горькую, становясь въ пьяномъ состояніи смѣлѣе...

Артамонъ сознавалъ, что его жизнь, какъ предсказывали когда-то старые люди, испорчена постепенно рядомъ неудачъ, а эти неудачи были орудіемъ въ рукахъ людей-враговъ. Дядя Василій Сушкинъ больше другихъ сдѣлалъ ему зла, и въ лицѣ этого глухого старика для Артамона олицетворялось все злое и преступное. Ерема больше другихъ проклиналъ того купца, вла-

дѣльца бѣляны, на которой онъ сдѣлался такимъ несчастнымъ, и оба они не знали, какъ и съ кого начать, чтобы и Василій Сушкинъ, и купецъ Иванъ Николаичъ почувствовали ихъ злобу.

Отъ прошлой жизни у Артамона не осталось никакихъ отрадныхъ воспоминаній, какъ будто ихъ и не было совсѣмъ; Ерему, напротивъ, часто и въ особенности весною тревожили воспоминанія прошлаго. Плывутъ по рѣкѣ громадныя бѣляны и барки и словно манятъ къ себѣ своего бывшаго удалого работника, а онъ посматриваетъ на свои „новыя" ноги и сквозь слезы провожаетъ суда, уплывающія въ туманную даль, разостлавшуюся надъ рѣкою.

— Плывутъ!.. плывутъ!..—лирически восклицаетъ въ такихъ случаяхъ Ерема и потупляетъ глаза. А потомъ, чтобы стряхнуть черныя думы, онъ принимается, обыкновенно, разсказывать Артамону эпизоды изъ своего плаванія... Потомъ онъ съ жадностью пьетъ водку и пиво и засыпаетъ.

На другой день послѣ изрядной выпивки Ерема встаетъ сумрачнымъ и предается своей мрачной философіи, проклиная людей и призывая своего друга къ мести. И какъ только онъ садился на этого конька,—прежде всего начиналъ съ Василія Сушкина, усадьба котораго была видна изъ оконъ ихъ избы. Онъ старался напомнить Артамону ту исторію, какъ этотъ человѣкъ обездолилъ его,—и всегда кончалъ однимъ и тѣмъ же:

— Взялъ бы я, на твоемъ мѣстѣ, да и придушилъ бы его гдѣ-нибудь, стараго чорта; а не поднимется рука—взялъ бы ты да того... краснаго пѣтуха ему подъ крышу... Все равно, изба-то вѣдь твоя, а ты въ чужой хатѣ живешь...

— Чортъ съ нимъ!—мрачно отвѣчаетъ Артамонъ, будучи не въ силахъ привести въ исполненіе плановъ Еремы.

— „Чортъ съ нимъ"!—передразниваетъ Ерема пріятеля.—Это онъ про тебя такъ-то говоритъ—„чортъ, молъ, съ нимъ, съ Артамошкой, пускай живетъ, какъ хочетъ, а я въ его хатѣ овецъ да телятъ держу, а на его денежки этихъ телятъ да овецъ кормлю"... Эхъ, ты!.. Наплевать онъ на тебя хочетъ!.. Пойдешь ты къ нему на гору, полаешь его, а что въ томъ толку-то?—глухъ онъ, хорошо и не слышитъ твоей брани-то!.. Давно тебѣ говорю—пойди ночью, подожги его... Слышь, Артамонъ... подожги...

Артамонъ уходилъ отъ Еремы, не слушая его подстрекательствъ, а Ерема провожалъ его нехорошей, презрительной усмѣшкой. Послѣ такихъ разговоровъ, въ душѣ Артамона еще сильнѣе вспыхивала безсильная, глухая злоба на дядю и, посло-

нявшись по слободкѣ и убѣдившись, что сыновей Василія Петровича нѣтъ дома, онъ поднимался на гору, садился на бревнышко около глухого дяди и начиналъ его бранить и проклинать, безцѣльно сжимая въ кулаки свои заскорузлые пальцы.

VI.

Сидя на бревнѣ рядомъ, оба, племянникъ и дядя, долго молчали. Старикъ попрежнему посматривалъ на рѣку, и въ его глазахъ выражалась безпокойная дума; Артамонъ, съ усмѣшкой на губахъ, косился на дядю, съ трудомъ скрывая охватившую его злобу. Въ такихъ случаяхъ ему припоминались насмѣшки Еремы, и онъ воочію убѣждался въ безплодности своей брани, и чѣмъ яснѣе становилось это сознаніе, тѣмъ властнѣе овладѣвала имъ злоба.

Бормоча что-то про себя, вернулась жена Василія Петровича и подошла къ нимъ. Она сердито посмотрѣла на племянника и промолвила:

— Лицо-то опять перевязалъ? вѣрно, подрался съ своей-то суженой?—Въ ея тонѣ слышалась насмѣшка. Артамонъ промолчалъ.

— Идемъ, отецъ, ужинать!—близко припадая къ уху Василія Петровича, проговорила старуха, и они ушли.

Артамонъ остался одинокимъ, посмотрѣлъ на темное небо, по которому лишь кое-гдѣ скользили одинокія облака съ позолоченными зарею краями, и скучающими глазами окинулъ рѣку.

Сегодня Артамонъ поссорился съ Анной Якимовной, а такія ссоры всегда отзывались въ немъ глухой душевной болью и раздраженіемъ. Онъ по опыту зналъ, что начавшаяся ссора затянется на нѣсколько дней, пока Анна Якимовна не отрезвится окончательно и не захочетъ примиренія. Начать примиреніе самому Артамону также не хотѣлось, потому что сдѣлать это—значитъ подвергнуться насмѣшкамъ со стороны Еремы. Насмѣшекъ послѣдняго Артамонъ не могъ ни хладнокровно выносить, ни отражать ихъ: какимъ-то безсильнымъ становился онъ, когда калѣка давалъ волю языку.

Поссорившись съ сожителемъ, Анна Якимовна дѣлалась мрачной и начинала пить. Къ ней подсаживался Ерема, разсуждалъ на разнообразныя темы о жизни и въ концѣ концовъ принимался трунить надъ охмелѣвшей бабой.

— Живи, Анна Якимовна, живи въ свое удовольствіе!—на-

чиналъ онъ обыкновенно и хитро улыбался.—Наплюй на всѣхъ насъ да и на Артамошку-то—и живи въ свое удовольствіе... Что для тебя—мы?.. Ты хозяйка, набольшая въ домѣ, а мы—твои жильцы...

— Жи-и-льцы!.. Проклятые вы пьяницы, а не жильцы!—злобно сорветъ Анна Якимовна и нальетъ рюмку водки.

— Жи-и-льцы!..—въ тонъ хозяйкѣ протянетъ Ерема:—живемъ на бѣломъ свѣтѣ и хлѣбъ жуемъ, а ты, Анна Якимовна, хлѣбецъ-то этотъ печешь... да, печешь...

— Пе-ечешь!.. Подожди вотъ, завтра-то что будете жрать?.. Убирайтесь вы отъ меня съ Артамошкой-то къ чорту и на глаза не показывайтесь!..

Эта угроза повторялась нерѣдко, почему и утратила свою силу, давая поводъ Еремѣ къ дальнѣйшимъ насмѣшкамъ и издѣвательству.

Когда Анна Якимовна начинала пить одиноко, это служило признакомъ, что она кѣмъ-то глубоко разобижена. Въ такихъ случаяхъ ни Артамонъ, ни Ерема не пытались раздѣлить съ нею компанію, такъ какъ знали, что изъ этого ничего не выйдетъ. Напротивъ, Артамонъ даже старался уходить изъ дома и возвращался только убѣдившись, что окончательно опьянѣвшая сожительница заснула.

Охмелѣвъ, Анна Якимовна, обыкновенно, засыпала тамъ, гдѣ сидѣла, и оба друга спокойно допивали водку, если что оставалось, и скоро также засыпали, или уходили въ трактиръ. Обыкновенно, Анна Якимовна спала долгимъ и тяжелымъ сномъ, а когда просыпалась на другой день, ея мрачное настроеніе смѣнялось жизнерадостнымъ, и она, какъ ни въ чемъ не бывало, принималась за печенье хлѣбовъ и баранокъ.

Угрожая Еремѣ и Артамону прогнать ихъ или оставить „безъ жратвы“, Анна Якимовна прекрасно знала, что никогда не исполнитъ своихъ угрозъ. Безъ нихъ она не могла жить, потому что не выносила одиночества, и оба „пропащихъ человѣка“ такъ подходили къ ея настроеніямъ и ко всему обиходу ея безпорядочной жизни. Кромѣ того, Артамонъ выполнялъ по дому всѣ тяжелыя работы—кололъ дрова, носилъ съ рѣки воду, зимою разгребалъ снѣжные сугробы и вывозилъ на городскую гору тележку съ корзинами, когда Анна Якимовна отправлялась на базаръ. И тянулась жизнь этихъ людей съ бранью, съ проклятіемъ, съ постояннымъ опьянѣніемъ и тяжелымъ похмельемъ, и, казалось, еслибы не было вина, онѣ не знали бы, чѣмъ заполнить свою жизнь и какъ заглушить ея невзгоды.

Спустившись съ пригорка, Артамонъ подкрался къ окнамъ и прислушался. Въ комнатѣ слышался надтреснутый голосъ Анны Якимовны и злобный смѣхъ Еремы. Артамонъ не рѣшался войти въ домъ и, прокравшись къ сѣнной двери, негромко звякнулъ щеколдою. Его сигналъ услышалъ Ерема и двинулся къ выходу.

— Куда тебя черти понесли?—сердито спросила Анна Якимовна.

— Подожди, не кричи!—остановилъ ее Ерема, медленно передвигаясь къ сѣнямъ на своихъ культяпкахъ. Онъ пріотворилъ дверь и тихо проговорилъ:

— Иди къ Филиппычу, мигомъ и я буду... потому она скоро совсѣмъ того... въ безпамятство...

Артамонъ пошелъ въ трактиръ.

Кривыя и узкія улицы и переулки слободки кишѣли народомъ. На завалинкахъ у домовъ сидѣли старики и степенные слобожане; около нихъ носились ватаги крикливыхъ ребятъ; на лужайкѣ у самой ограды архіерейскаго сада дѣвушки водили хороводы, и надъ рѣкой неслись ихъ монотонныя пѣсни съ тягучими припѣвами. На набережной, поросшей зеленой муравою, виднѣлись блуждающія фигуры захмелѣвшихъ обывателей: одни пробирались изъ трактира, съ трудомъ узнавая свою улицу; другіе направлялись въ трактиръ коротать праздничный вечеръ. Попадались и цѣлыя компаніи пьяныхъ, орущихъ пѣсни. Рѣка съ вешней водой катилась мимо шумнаго берега, и тихія сумерки опускались надъ темными волнами, даль заволакивалась дымкою, и въ далекомъ небѣ загорались звѣздочки, яркія и безмолвныя...

Въ трактирѣ Филиппыча въ этотъ часъ вечера, обыкновенно, бывало особенно многолюдно и шумно. Группами и въ одиночку заходили слобожане, часто въ сопровожденіи друзей изъ другихъ окраинъ города; заходили къ Филиппычу солдаты и рабочіе съ колокольнаго завода, непремѣнными посѣтителями являлись и судорабочіе съ барокъ и бѣлянъ, остановившихся около города на три-четыре дня Пасхи. Около столовъ сидѣли компаніи пьющихъ, гости толпились около буфетной стойки и на крыльцѣ.

Появившись въ трактирѣ, Артамонъ подсѣлъ къ компаніи во главѣ съ сапожникомъ Сергѣевымъ.

— Что же это ты безъ Еремы?—спросилъ Артамона Сергѣевъ.

— Придетъ,—сумрачно отвѣтилъ тотъ и залпомъ выпилъ поднесенную ему рюмку водки.—Мало у васъ водки-то!—замѣтилъ Артамонъ и попросилъ подать новую посудину.

Новая полубутылка, появившись на столѣ, оживила компанію,

и разговоръ сдѣлался веселымъ и шумнымъ. Говорили о праздникахъ, о томъ, кто и когда былъ пьянъ и кому повезло въ игрѣ въ „орлянку“. Потомъ долго смѣялись надъ однимъ изъ членовъ компаніи, надъ паренькомъ Прошкой, который только съ этой весны началъ водить компанію съ слободскими завсегдатаями трактира. Смѣялись, главнымъ образомъ, надъ тѣмъ, что въ первый же день праздника онъ угодилъ въ участокъ, наружнымъ доказательствомъ пребыванія въ которомъ былъ рубецъ около уха Прошки.

— Кто же это тебѣ замѣтку-то сдѣлалъ? вѣрно, Федуловъ? Онъ, братъ, здоровый чортъ и съ нашимъ братомъ расправляется посвойски!—спрашивалъ Прошку темнорусый человѣкъ въ ситцевой рубахѣ и въ пиджакѣ нараспашку.

— Кто знаетъ,—можетъ, и онъ, а може и такъ, само содралось,—отвѣчалъ парень, немного конфузясь и вспоминая, что постовой городовой, стоявшій у церкви при спускѣ въ слободку, дѣйствительно, какъ-то особенно быстро упряталъ его въ участокъ.

— „Само содралось“!.. Само-то, братъ, не сдирается!—замѣтилъ вскользь Сергѣевъ, и компанія начала угощаться.

За сосѣднимъ круглымъ столомъ размѣщалась компанія судорабочихъ. Ихъ было человѣкъ семь. Пили они, замкнувшись въ тѣсный и обособленный кружокъ. На столѣ стояла батарея бутылокъ съ пивомъ и водкой. Тимошка, трактирный мальчуганъ, то-и-дѣло подавалъ новыя бутылки или закуску, и Филиппычъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ этой компаніи, потому что вмѣстѣ съ судорабочими гулялъ высокій, плечистый человѣкъ въ пиджакѣ, брюкахъ навыпускъ и въ вышитой полотняной рубахѣ. Это былъ приказчикъ одного изъ судовыхъ каравановъ, а собутыльники его—лоцмана съ барокъ. За слѣдующимъ столомъ рядомъ сидѣли также судорабочіе, но это были уже люди рангомъ пониже—намѣтчики, водоливы и просто рабочіе. Между обѣими компаніями сохранялась нѣкоторая связь: выпивая, рабочіе называли приказчика по имени и отчеству и сообщали, что пьютъ за его здоровье, поздравляя приказчика съ минувшимъ днемъ ангела.

VII.

Скоро въ трактирѣ появился и Ерема. Его появленіе всегда почти производило нѣкоторую сенсацію. Люди, видѣвшіе Ерему впервые, съ большимъ любопытствомъ разсматривали его окоро-

ченныя ноги и всю его тучную фигуру съ большой темноволосой и кудрявой головою; тѣ, кто зналъ его, а особенно тѣ, кому было извѣстно его печальное прошлое,—тѣ относились къ калѣкѣ съ особенной пріязнью и радушіемъ.

Остановившись у двери, Ерема окинулъ комнату внимательными глазами и, улыбнувшись, кивнулъ головою въ сторону трактирщика; тотъ также улыбнулся.

— Эй, Ерема! сюда!—крикнулъ Сергѣевъ, первымъ изъ компаніи увидѣвъ калѣку.

Визгливый и высокій теноръ сапожника выдѣлился изъ хора шумнаго говора, и многіе обернулись. Ерема примкнулъ къ компаніи Артамона, съ трудомъ взобравшись на стулъ, придвинутый Прошкой.

— Водки-то у васъ, кажись, мало?—началъ онъ, прищурившись и окинувъ глазами столъ.

— Хватитъ!.. пей! еще возьмемъ!—разомъ выкрикнули Сергѣевъ и Прошка.

Ерема покосился въ сторону судорабочихъ, широко улыбнулся и, махнувъ рукою, выкрикнулъ:

— Вонъ оно!.. нашихъ-то сколько!..

Многіе изъ судорабочихъ, гулявшіе въ трактирѣ не первый день, были знакомы съ Еремой, сочувствовали положенію злосчастнаго собрата, и на его окрикъ отвѣтили дружнымъ хохотомъ.

— Гуляй, Ерема! заливай горе!..—крикнулъ одинъ изъ нихъ, рябой, гнусавый и красный отъ выпитаго вина человѣкъ. Потомъ онъ принялся разсказывать что-то приказчику, кивая въ сторону Еремы.

Ерема пилъ съ какой-то жадностью, какъ будто стараясь въ короткій срокъ догнать всѣхъ раньше его охмелѣвшихъ. Опоражнивая рюмку за рюмкой и закусывая, онъ молчалъ, тяжело дышалъ и изрѣдка посматривалъ въ сторону судорабочихъ, сосредоточивъ особое вниманіе на тучной фигурѣ приказчика, лицо котораго все больше и больше краснѣло.

Съ памятной весны, когда Ерема лишился ногъ, его отношенія къ судорабочимъ измѣнились. Зная по личному опыту, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ и съ рискомъ за собственную жизнь приходится работать мелкимъ служащимъ на баркахъ и бѣлянахъ, онъ не забылъ и того, съ какимъ стараніемъ судовладѣльцы и ихъ приказчики выжимаютъ соки рабочихъ, часто бросая на произволъ судьбы злосчастныхъ, а то и высаживая на безпріютный берегъ цѣлыя артели. Ерема, кажется, никогда

не забудетъ одного непріятнаго случая на глухой Уфимкѣ. Бѣляна ихъ, нагруженная лѣсомъ, во время бури, сорвалась съ якорей, ударилась о берегъ и затонула. Приказчикъ, испугавшійся преслѣдованій со стороны хозяина, сбѣжалъ неизвѣстно куда, бросивъ ихъ на глухомъ берегу безъ денегъ и безъ харчей. Не забыть Еремѣ и второго случая, такъ круто измѣнившаго его жизнь, когда его, больного, бросили въ незнакомомъ городѣ съ двумя рублями въ карманѣ. И съ тѣхъ поръ Ерема питалъ непоборимую ненависть къ судорабочимъ и приказчикамъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ срывалъ на нихъ свою злобу.

Разсматривая широкое пьяное лицо приказчика, около котораго сгруппировались судорабочіе, Ерема все больше и больше озлоблялся и, наконецъ, слегка склонившись къ столу, негромко произнесъ:

— Какой красный сидитъ!.. Словно клещъ какой напился кровью-то!..

— Ну, ужъ будетъ тебѣ! — остановилъ его Артамонъ, припоминая, что, года два тому назадъ, въ этой же комнатѣ произошло столкновеніе Еремы съ судорабочими. Тогда въ трактирѣ гуляла цѣлая компанія приказчиковъ съ барокъ. Вначалѣ Ерема пилъ вмѣстѣ съ ними и мирно бесѣдовалъ, но потомъ не вытерпѣлъ, и дѣло кончилось участкомъ, гдѣ за буйство Ерему продержали трое сутокъ.

— Пей, Ерема, пей!—угощалъ пріятеля Артамонъ, видя, что глаза его разгораются, а лицо заливается красными пятнами.—Еще полубутылку поставлю, пей только, а не шуми...

— Поставь! это дѣло хорошее,—отвѣчалъ ему Ерема.

Артамонъ распорядился подать новую посудину съ водкой, а Сергѣевъ, съ осоловѣвшими глазами и съ растрепавшимися волосами, подсѣлъ рядомъ съ Еремой и, обнимая его, говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Ерема, хошь пива!.. А?.. Пивомъ тебя угощу!..

На столѣ появилось пиво, и компанія начала угощаться, все больше и больше оживляясь.

Съ каждой минутой шумъ въ трактирѣ усиливался, слышались несдержанный говоръ, смѣхъ и выкрики. Надъ головами носились клубы табачнаго дыма и испареній, и по мѣрѣ того, какъ заражались всѣ общимъ разгуломъ, до того обособленныя компаніи разстроивались, соединяясь съ сосѣдними, заводились новыя знакомства, и шумъ и говоръ становились безпорядочнѣе.

Ерема сидѣлъ уже въ компаніи судорабочихъ и мирно бесѣдовалъ съ приказчикомъ.

Незамѣтно для Артамона и Еремы въ трактирѣ появились Петръ и Власъ Сушкинъ, дѣти Василія Петровича. Подойдя къ прилавку, за которымъ суетился довольный вечеромъ Филиппычъ, они выпили, закусили и, негромко разсуждая между собою, покосились на своихъ враговъ. Особенно злобно посмотрѣлъ на Артамона Власъ, и на лицѣ его было ясно написано, что онъ не спроста зашелъ въ трактиръ въ этотъ веселый часъ.

Скоро, однако, они примкнули къ компаніи слободскихъ, сидѣвшихъ въ другомъ углу комнаты. Вернувшись съ рѣки, братья узнали, что Артамонъ приходилъ и бранилъ старика Василія Петровича. Въ тотъ день утромъ у Власа и Петра уже было столкновеніе съ Артамономъ, вещественнымъ доказательствомъ чего была перевязанная платкомъ щека послѣдняго; сегодня же братья рѣшили проучить ругателя, какъ слѣдуетъ. Оба они носили въ головахъ угаръ минувшаго праздничнаго дня, и это, вмѣстѣ съ науськиваньемъ со стороны Василія Петровича и его жены, укрѣпляло ихъ рѣшеніе. Попутно они рѣшили свести счеты и съ Еремой, который нерѣдко, мстя за пріятеля, досаждалъ имъ своими насмѣшками и издѣвательствомъ.

Артамонъ и Прошка, обнявшись и горланя пѣсни, направились къ двери, чтобы немного освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Артамонъ замѣтилъ Сушкиныхъ и выпалилъ по ихъ адресу ругательство. Власъ только мотнулъ головою въ отвѣтъ на эту брань, а Петръ сверкнулъ злобными глазами и потушилъ свою злобу стаканомъ пива.

Когда Артамонъ и Прошка вернулись съ улицы, ихъ компанія окончательно соединилась съ судорабочими. По обѣ стороны Сергѣева сидѣли пьяные лоцмана, пили водку и размахивали руками. Пьяный Ерема лѣзъ къ приказчику и злобно хохоталъ. Сквозь смѣхъ онъ выкрикивалъ:

— Выпьемъ, добрый человѣкъ! выпьемъ!.. Мотри-ка, еслибы не мои больныя ноги, и я былъ бы теперь въ приказчикахъ!..

— Выпьемъ, выпьемъ! — снисходительно улыбаясь, вторилъ приказчикъ.

— Мы тоже и на бѣлянахъ-то страсть какъ выпивали! Бывало, приказчикъ нашъ, Савелій Иванычъ, поставитъ четвертуху и—пей, ребята! потому безъ водки мы никакъ не могли жить!.. Нашъ приказчикъ-то плутъ былъ страшный и воръ не послѣдній. Боялся онъ насъ и все водкой поилъ... Мотри-ка, и ты боишься своихъ лоцмановъ, потому вонъ какъ ты ихъ наугощалъ!..

— Чего мнѣ ихъ бояться-то? Вотъ тоже! А ты ужъ пей,

пока даютъ, а зря-то не мели!—огрызнулся приказчикъ, заподозривъ въ рѣчи калѣки нѣчто насмѣшливое и обидное.

— А что! развѣ не боишься?.. А?.. Ребята!—выкрикнулъ Ерема громко:—правда ль, что онъ васъ не боится?..

Услышавшіе возгласъ калѣки судорабочіе молчали, съ недоумѣніемъ посматривая на приказчика.

— Это плохое дѣло, коли онъ васъ не боится! — понизивъ тонъ, продолжалъ Ерема.—У насъ были другіе порядки! Чуть что неладное устроитъ нашъ Савелій Иванычъ—работой ли заметъ, али отъ харчей много украдетъ,—сейчасъ это бѣляну-то носомъ на мель и направишь. Забьется онъ, какъ голубка въ сѣтяхъ, и давай молить да просить, молъ, ребята не погубите, приплывемъ въ городъ—полведра поставлю... Народъ у насъ былъ аховый!..

— То-то вотъ ты и „доахался"! — совсѣмъ не сдерживая негодованія, язвительно замѣтилъ приказчикъ.

— Ты это про ноги-то?.. Такъ это, братъ, и съ тобой можетъ случиться, потому всё подъ Богомъ!..

Ерема смолкъ, отпилъ изъ стакана пива и, обернувшись въ сторону судорабочихъ, продолжалъ:

— Эхъ, вы!.. Кровь-то онъ вашу пьетъ, а вы около него на цыпочкахъ, да на цыпочкахъ... Тьфу!..

Ерема грубо выругался, спустился со стула и перешелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ раньше. Къ нему подошелъ Артамонъ и началъ его уговаривать.

— Уйди, ты!.. баба!.. Ступай ужъ домой да и спи, пока Анна Якимовна спитъ; а то проснется, такъ и заставитъ тебя воду возить!..

Онъ презрительно оттолкнулъ отъ себя Артамона, осушилъ кому-то другому предназначенный стаканъ съ пивомъ и, посматривая въ сторону судорабочихъ, продолжалъ:

— Сосутъ они, дьяволы, вашу кровь, а вы, какъ мухи на медъ, лѣзете!.. Выжметъ вотъ онъ изъ васъ соки-то, а потомъ и пуститъ по бѣлу-свѣту безъ ногъ, али безъ рукъ, а то и еще съ какой болѣстью!.. Черти, дураки, работаете... плюнулъ бы я на вашемъ мѣстѣ!...

Ерема обвелъ присутствующихъ мутными глазами, и, встрѣтившись съ пылающимъ взоромъ приказчика, дерзко ему замѣтилъ:

— Ну, что выкатилъ свои буркулы-то и смотришь?.. Думаешь, я боюсь тебя?.. Я, братъ, не эти, вонъ, сухожильные-то!.. Плюю я на тебя, на кровопійца... Да, плюю!..

— Поплюйся ты еще, поплюйся!.. Смотри!..—грубо отвѣтилъ ему приказчикъ.

Филиппычъ, давно замѣтившій, что Ерема начинаетъ буянить, подошелъ и сталъ его уговаривать.

— Подожди, Филиппычъ! подожди... худа не будетъ!.. Я, вотъ, только душеньку-то свою потѣшу, скажу ему, а то вѣдь эти-то—сухожильные!..

— Убери ты его! Слышь, сидѣлецъ!..—громко выкрикнулъ приказчикъ, поднимаясь:—а то я ему рожу разобью бутылкой!..

Голосъ его, громкій и зычный, остановилъ вниманіе посѣтителей, и у стола, гдѣ сидѣлъ Ерема, образовалась толпа.

— Убе-ери!..—въ свою очередь выкрикнулъ и Ерема.—Ты ступай на бѣляну, да и командуй! Кровопійца! Жиганъ!..

Приказчикъ захрипѣлъ и бросился на Ерему, но его удержали товарищи. Поднялся крикъ, зазвенѣла посуда. Судорабочіе настаивали, чтобы Ерему вывели, но, услышавши это, калѣка воскликнулъ:

— Эхъ, вы, сухожильные!.. Туда же! Черти, черти!..

Филиппычъ и Артамонъ подхватили Ерему подъ мышки и потащили къ двери.

— Прочь!.. Не цѣпляйся!..—крикнулъ онъ во все горло и рванулся, но не удержался на своихъ короткихъ ногахъ и упалъ на грязный полъ.

Мгновенно изъ толпы выдѣлился Власъ Сушкинъ и съ хрипотой въ голосѣ бросился на Ерему.

— Выкинуть его! вонъ его!—вопилъ онъ.

— Вонъ!.. за̀ дверь!—кричалъ еще кто-то.

Ерема бился въ сильныхъ рукахъ Власа и бранился.

— Стой, ребята! стой!—выкрикнулъ сапожникъ Сергѣевъ:—я уведу его, пустите... Пусти-ка ты, медвѣдь!—ухвативъ за рукавъ Власа, оралъ онъ.

— На лежачаго напалъ, на лежачаго!—укоризненно выкрикивалъ Ерема, обращаясь къ Сушкину и при помощи Сергѣева и Артамона приподнимаясь съ пола.

Сергѣевъ уговорилъ Ерему выйти изъ трактира, и они медленно вышли за дверь; за ними слѣдомъ шелъ и Артамонъ, съ фуражкой Еремы въ рукахъ.

— Домой пойдемъ! Слышь, Ерема! — упрашивалъ калѣку Сергѣевъ.

— Домой?.. Ну, что жъ, домой, такъ домой!.. А въ красную-то рожу все-таки плюнулъ... плюнулъ...—бормоталъ Ерема.

Артамонъ и Сергѣевъ шли рядомъ съ нимъ, покачиваясь и разсуждая о происшедшемъ.

Ночь была темная. Дулъ холодный вѣтеръ, по небу неслись темныя тучи. Рѣка плескалась въ набережную, и кое-гдѣ въ ея темныхъ волнахъ свѣтились и дрожали блики огней, засвѣтившихся на судахъ.

Они добрели до бѣлой хаты, гдѣ жилъ Сергѣевъ; распростившись съ нимъ, Артамонъ и Ерема пошли дальше и скоро поровнялись съ рѣшетчатой изгородью архіерейскаго сада. Ерема сумрачно молчалъ, съ ожесточеніемъ ударяя въ землю желѣзнымъ наконечникомъ своей палки, а Артамонъ шелъ, покачиваясь и спотыкаясь на каждомъ шагу. Дойдя до угла сада, они повернули въ узкую улицу, расположенную по склонамъ отлогаго холма, вдоль котораго, поднимаясь въ гору, змѣилась узкая дорога. Вдругъ Артамонъ услышалъ сзади себя шаги и обернулся; остановился и Ерема.

Въ сумракѣ ночи къ нимъ придвигались двѣ темныя фигуры. Незнакомцы шли быстро, и когда поровнялись—Артамонъ узналъ въ нихъ Власа и Петра. Не говоря ни слова, Власъ набросился на Ерему и смялъ его подъ себя. Петръ ринулся на Артамона, и между ними завязалась борьба. Ерема, прижатый къ землѣ Власомъ, бился руками и остатками ногъ, силясь ударить нападавшаго наконечникомъ своей палки; но Власъ ловилъ эту палку и тяжело дышалъ. Между Артамономъ и Петромъ борьба происходила съ равнымъ успѣхомъ. Ударяя другъ друга кулаками, они старались свалить одинъ другого на землю. Наконецъ, это удалось Петру, и, набросившись на побѣжденнаго противника, онъ уперся колѣномъ ему въ грудь, нанося по лицу удары. Кровь теплой струей оросила лицо Артамона, и онъ въ отчаяніи закричалъ:

— Караулъ!.. рѣжутъ!.. кар-раулъ!..

— Кричи!.. кричи!..—хрипѣлъ Петръ, продолжая наносить удары.

Въ этотъ моментъ на Артамона навалился и Власъ, и оба брата топтали ногами распластаннаго на землѣ человѣка, пинали въ лицо и въ грудь...

Оправившійся Ерема поднялся съ земли и поспѣшилъ-было на выручку товарища, но пока онъ медленно подвигался, оба брата быстро скрылись въ темнотѣ ночи.

— Караулъ!.. Человѣка убили!.. Караулъ!..—кричалъ Ерема, утирая рукавомъ рубахи свое окровавленное лицо.

Въ окнѣ ближайшей избы на обрывѣ померкъ огонекъ, до

того мерцавшій яркой звѣздочкой. На зовъ Еремы никто не отзывался, и онъ принимался кричать еще сильнѣе.

За оградой сада гудѣли оголенныя вѣтви деревьевъ; внизу плескалась рѣка, темная и пустынная...

VIII.

Прошли іюнь и іюль, съ длинными жаркими днями; протянулся августъ, съ перепадавшими дождями и съ холодными утренниками; за нимъ быстро пронеслись ясные дни „бабьяго лѣта", —сады съ золотистой листвой облетѣли, день становился короче, ночи—длиннѣе...

Наступило ненастье; и дни, и ночи, по небу неслись тяжелыя дождевыя тучи; суровый вѣтеръ взбаламучивалъ рѣку, покачивалъ верхушки старыхъ дубовъ въ архіерейскомъ саду, а по ночамъ гудѣлъ и вылъ, не смолкая.

Вмѣстѣ съ перемѣнами года измѣнялась и жизнь слободского населенія. Въ долгіе жаркіе дни люди томились—одни отъ продолжительнаго труда, другіе—въ праздности. Наступившею осенью холодный вѣтеръ вмѣстѣ съ тучами, казалось, принесъ новыя заботы и хлопоты, и въ тонъ воющему вѣтру завыла и слободская голь и бѣднота отъ угрозы наступавшей зимы.

Въ домѣ Анны Якимовны все лѣто царило какое-то уныніе. Началось это съ того памятнаго утра, когда сердобольные слобожане принесли въ домъ поднятаго на улицѣ избитаго Артамона. Двоюродные братья такъ сильно помяли его, что всѣ попытки Еремы поднять пострадавшаго не увѣнчались успѣхомъ: Артамонъ стоналъ и метался отъ боли. Не разъ Ерема подползалъ къ окнамъ обывательскихъ лачужекъ, стуча въ ставни и въ стекла и моля о помощи, но суровый вѣтеръ уносилъ его мольбу за рѣку, и только поутру, когда вешнее солнышко обогрѣло холодную землю, нашлись и люди, не отказавшіеся помочь Еремѣ.

Въ тотъ же день Артамонъ былъ отправленъ въ больницу, а Ерема подвергся допросу въ части; но его показанія не убѣдили пристава, что братья Сушкины виновны въ болѣзни Артамона.

Въ больницѣ Артамонъ пробылъ четыре мѣсяца. Въ первые дни его пребыванія въ больницѣ никто не думалъ, что онъ выживетъ, такъ какъ доктора пришли къ заключенію, что у больного повреждены три ребра, отбито легкое, да и со спиннымъ хребтомъ сдѣлалось что-то неладное.

Болѣзнь Артамона повергла Анну Якимовну въ мрачное настроеніе, и она еще сильнѣе запила. Ерема также скучалъ безъ друга, и единственной заботой его было—навѣстить Артамона въ больницѣ, въ томъ самомъ темно-коричневомъ домѣ, гдѣ и онъ когда-то боролся со смертью.

Анна Якимовна проявила по отношенію больного самыя нѣжныя чувства. Она и сама не разъ навѣщала его въ больницѣ, а сопровождая къ другу Ерему, снабжала его яствами и деньгами.

На пятомъ мѣсяцѣ Артамона выписали изъ больницы, и въ слободкѣ появился онъ неузнаваемымъ. За четыре мѣсяца болѣзни онъ, казалось, постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ: ходилъ, сгорбливая спину, тяжело дыша и сильно кашляя... Въ лицѣ его, худомъ и блѣдномъ, также застыло какое-то новое выраженіе,—выраженіе скрытой боли, съ каждымъ днемъ подтачивавшей его здоровье. Впавшіе глаза его смотрѣли робко, рѣчь стала нетвердой и упавшей.

Теперь онъ уже не могъ ни колоть дрова, ни носить воду, да и телѣжку съ хлѣбами и баранками Аннѣ Якимовнѣ приходилось самой ввозить на бугоръ. О работѣ у бондаря, конечно, нельзя было и думать, да никто его къ этому и не побуждалъ. Анна Якимовна ни однимъ звукомъ не выразила неудовольствія по адресу праздно живущаго больного человѣка.

Съ каждымъ днемъ Артамону становилось хуже и хуже: злѣйшая чахотка подтачивала его силы безпрерывно. Болѣзнь и безвыходное положеніе ни на одну минуту не сдѣлали Артамона малодушнымъ. Онъ не сожалѣлъ о своей такъ злосчастно прожитой жизни; вспоминая обиду со стороны двоюродныхъ братьевъ, не собирался имъ мстить; забылъ и про обиду, нанесенную ему нѣкогда Василіемъ Петровичемъ.

Въ немъ проснулась странная жажда забвенія, и онъ Христомъ-Богомъ молилъ и Анну Якимовну, и Ерему, исполнять единственное его желаніе. Проснувшись послѣ тяжелаго похмелья, Артамонъ, обыкновенно, съ назойливой настойчивостью принимался просить водки, сердился и бранился, если Анна Якимовна отказывала ему въ этомъ, и блаженно улыбался, когда его сожительница удовлетворяла его просьбу.

— Дай, Анна Якимовна, ему водки, дай! все равно—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ... Пусть поживетъ въ свое удовольствіе, какъ дитя малое...—говорилъ въ такихъ случаяхъ Ерема, и Анна Якимовна склонялась на эти доводы, видя, однако, съ какой быстротой догораетъ жизнь ея „сожителя“.

Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, какъ лекарство, Артамонъ

благодарилъ Анну Якимовну счастливой улыбкой и, дѣйствительно, какъ дитя, засыпалъ.

Иногда Анна Якимовна, не дожидаясь просьбы со стороны больного, являлась съ базара съ водкой, и тогда они уже втроемъ предавались чарамъ опьянѣнія. Это были дни ужасной жизни! Угрюмые, озлобленные люди пили съ какой-то нечеловѣческой жадностью, идя на встрѣчу забвенію. Опьянѣвъ, они озлоблялись еще больше: Анна Якимовна проклинала свою прошлую жизнь. Ерема бранилъ судовладѣльцевъ и приказчиковъ, и часто, въ чаду похмелья, грозилъ своимъ врагамъ местью. Слушая проклятія и брань, и Артамонъ вспоминалъ о Василіѣ Петровичѣ, сжималъ кулаки, протягивая ихъ куда-то въ сторону, и тоже начиналъ браниться. Его брань оканчивалась, обыкновенно, бредомъ, и онъ засыпалъ.

На другой день послѣ Покрова, Артамонъ умеръ, но Ерема и Анна Якимовна сначала не вѣрили этому. Сидѣли они передъ тѣмъ около постели, съ которой Артамонъ не слѣзалъ больше двухъ недѣль, и благодушно пили. Въ этотъ день Анна Якимовна вернулась съ базара послѣ обѣда оживленная и ликующая, говорила, что въ продолженіе двухъ часовъ съ барышомъ распродала свои хлѣбы и баранки, въ доказательство чего и принесла двѣ бутылки водки. Не успѣли друзья закончить и первой бутылки, какъ Артамонъ сталъ необыкновенно веселымъ и разговорчивымъ. Спустивъ ноги съ постели, онъ долго хохоталъ надъ какимъ-то каламбуромъ Еремы, но этотъ нервный, истерическій хохотъ не былъ заразительнымъ, и Анна Якимовна и Ерема смотрѣли на больного съ недоумѣніемъ. Вскорѣ Артамонъ какъ-то разомъ оборвалъ свой хохотъ, выпилъ стаканчикъ водки и заявилъ, что ему хочется спать. Молча онъ подобралъ ноги и, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, улегся на бокъ.

Анна Якимовна и Ерема продолжали пить и закусывать; говорили они шопотомъ, какъ бы боясь разбудить больного, а когда была выпита водка и наступили сумерки, они принялись будить Артамона, но тотъ не отзывался.

— Крѣпко заснулъ!.. Ну, Господь съ нимъ! — проговорила Анна Якимовна и засвѣтила лампочку. Ерема затянулъ какую-то пѣсню.

Немного спустя, они еще нѣсколько разъ принимались будить больного, но Артамонъ попрежнему не отзывался. Лежалъ онъ на боку, съ плотно сомкнутыми губами и съ блѣдностью въ лицѣ; ввалившіеся глаза были прикрыты вѣками до половины.

Ни Анна Якимовна, ни Ерема, не вѣрили акту смерти даже

и послѣ увѣреній слободского фельдшера Никифорова, который осмотрѣлъ Артамона и, перекрестившись, коротко замѣтилъ:

— Обмыть надо...

И только когда Артамона, обряженнаго въ новые штаны и рубаху, положили на столы, Анна Якимовна зарыдала и бросилась ему на грудь.

На другой день утромъ изъ церкви были принесены подсвѣчники; въ домѣ калачницы запахло ладаномъ и почти весь день слышалось монотонное чтеніе щупленькой, низенькой старушки съ бѣльмомъ на глазу и съ мѣдными большими очками на морщинистомъ носу.

Анна Якимовна рѣшила схоронить своего друга по всѣмъ правиламъ и не скупясь на деньги. Сама купила она темнокоричневый гробъ и пригласила священника отслужить панихиду.

Кромѣ Анны Якимовны и Еремы, на панихидѣ присутствовала какая-то старушка, которая все время стояла рядомъ съ чтицей и горячо молилась. Къ концу службы пришли Василій Петровичъ Сушкинъ и его жена. Они усердно молились, низко кланяясь на образа, и вздыхали, а когда ушелъ батюшка, прошли къ покойнику и приложились къ образку, приставленному къ скрещеннымъ на груди похолодѣвшимъ рукамъ.

Ерема покосился на стариковъ и молча отодвинулся къ двери. Жена Василія Петровича о чемъ-то въ полголоса бесѣдовала съ Анной Якимовной, какъ будто между этими женщинами никогда не было вражды и жили онѣ въ мирѣ и согласіи. Василій Петровичъ, моргая глазами, посматривалъ на пламя тоненькихъ восковыхъ свѣчъ и, прислушиваясь къ чтенію старухи, ловилъ обрывки какихъ-то непонятныхъ мыслей; въ душѣ его проснулось робкое жалостливое чувство, и, всматриваясь въ черты лица покойника, онъ словно старался что-то припомнить. Голосъ чтицы оборвался на минуту, и вдругъ всѣ напрягли слухъ, какъ будто прислушиваясь къ какимъ-то голосамъ... Свѣчи слабо потрескивали, а за окномъ въ кустахъ палисадника шуршалъ вѣтеръ.

Ночь была темная и холодная. Рѣзкій вѣтеръ гналъ надъ городомъ, надъ рѣкою и надъ лугами клочья черныхъ тучъ, и онѣ проносились, не роняя дождя и обдавая землю холодомъ. Въ окнахъ слободскихъ домиковъ свѣтились огни.

Въ домѣ Анны Якимовны попрежнему горѣли свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, у образовъ теплилась лампада, слышалось чтеніе—монотонное и навѣвающее тоску и страхъ. Анна

Якимовна сидѣла въ углу на сундучкѣ и молчала. Она прислушивалась къ чтенію старухи, и плохо понятныя слова казались ей словами безконечно длинной молитвы. Въ продолженіе всего дня и цѣлый вечеръ, прислушиваясь къ чтенію, она старалась уловить смыслъ этой молитвы, чтобы успокоиться, но въ груди попрежнему ныла боль и тоска, и она принималась молиться по своему, крестясь и шепча изсохшими губами.

Ерема сидѣлъ въ своемъ углу за печкой. Онъ также не понималъ, о чемъ молитъ Бога старуха въ мѣдныхъ очкахъ, упоминая „раба божія Артамона", и угрюмо смотрѣлъ въ сумракъ комнаты, вспоминая Артамона и послѣдніе дни его жизни. Молиться онъ не могъ, потому что голова его была занята страшными, преступными мыслями.

Послѣ полуночи, когда утомившаяся за день старуха-чтица усѣлась на лавку и, прислонивъ голову къ стѣнѣ, задремала, Ерема, испуганный тишиною комнаты, вышелъ изъ своего убѣжища и остановился около порога. Анна Якимовна тоже спала, перегнувъ спину и подперевъ голову собственными руками.

Ерема окинулъ догорающія свѣчи и, медленно придвинувшись къ чтицѣ, разбудилъ ее.

— Свѣчи бы новыя поставить, а то догорѣли!—вымолвилъ онъ, испугавшись въ тишинѣ комнаты собственнаго голоса.

— Одну развѣ поставлю, а то Анна Якимовна говорила, чтобы ночью-то не жечь,—тихо прошептала старуха и принялась зажигать свѣчку. Потомъ она опять усѣлась на прежнее мѣсто и безпомощно прислонила къ стѣнѣ утомленную голову.

Ерема отошелъ къ порогу, пристально посмотрѣлъ въ лицо покойника и тихо вышелъ въ сѣни. Здѣсь онъ долго отыскивалъ что-то въ углу, за кадками съ мукою, и, наконецъ, вышелъ на улицу. Дверь изъ сѣней выходила прямо къ подножію холма, на которомъ была расположена усадьба Василія Петровича. На фонѣ темнаго неба обрисовывались силуэты кровель избы, амбары и сараевъ.

Ерема поднялъ голову и осмотрѣлся, притаивъ дыханіе и какъ будто прислушиваясь къ отдаленнымъ неяснымъ звукамъ. Онъ скоро понялъ, что это бьется его сердце, отдаваясь въ вискахъ тяжелыми ударами. Онъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ и снова прислушался. Вѣтеръ постукивалъ обломкомъ болта у окна, шумя листвою полисадника и покачивая крапиву и бурьянъ, разросшіеся по холму.

Крадучись, Ерема поползъ къ холму, цѣпляясь за неровности грядокъ давно заброшеннаго огорода, и скоро очутился около

стѣны сарая Василія Петровича. Амбаръ и сараи были окружены неглубокой канавой, поросшей бурьяномъ, а за канавою возвышалась ветхая бревенчатая стѣна. Ерема проползъ вдоль стѣны саженъ пять и рукою ощупалъ плетневую стѣну, подъ которой свѣшивался край соломенной кровли. Затаивъ дыханіе и озираясь кругомъ, онъ заложилъ въ плетень громадный пукъ пакли, которую все время старался припрятать отъ кого-то за полу пиджака, вздулъ спичку, другую, но налетѣвшій вѣтеръ гасилъ пламя. Онъ скрючилъ спину, заслоняя вѣтеръ собственнымъ туловищемъ, и снова принялся зажигать спички. Узенькій язычокъ пламени лизнулъ паклю и, какъ змѣя, приподнялъ красноватую головку, но налетѣвшій вѣтеръ словно придавилъ пламя, и оно, обогнувъ паклю, устремилось къ плетню. Ерема впихнулъ разгорѣвшуюся паклю въ щель плетня, и красноватый язычокъ выглянулъ уже изъ-за хвороста и поднялся выше, зажигая солому и сѣно...

Ерема почти кубаремъ скатился съ холма и, поднявшись на свои коротенькія ноги у двери въ сѣни, осмотрѣлся и прислушался. По плетню двигались красные отблески пламени, вѣтеръ шумѣлъ листвою полисадника...

Въ комнатѣ попрежнему горѣли свѣча и лампада, а старуха и Анна Якимовна спали. Ерема придвинулся къ окну и съ какой-то безумной радостью посмотрѣлъ въ сторону сарая Василія Петровича. Онъ вѣрилъ глубоко, что его замыселъ удался, и не пройдетъ и пяти минутъ, какъ сараи Василія Петровича охватитъ бѣшеное пламя, раздуваемое вѣтромъ, и скоро отъ этихъ построекъ останутся однѣ головни. Онъ радовался, что именно въ эту ночь привелъ въ исполненіе давно имъ задуманное, и Ерема оглянулся и посмотрѣлъ въ лицо покойника, какъ бы задаваясь вопросомъ—чувствуетъ ли, сознаетъ ли Артамонъ, что онъ, его другъ Ерема, отмстилъ ненавистнымъ Сушкинымъ и за себя, и за обиженнаго друга.

Ерема быстро спрятался за печь, закрылъ лицо руками, словно стараясь укрыть его отъ чьихъ-то взоровъ, и улыбнулся. Ему вдругъ захотѣлось хохотать громко и неудержимо!.. Послышались отдаленные голоса, и Ерема вздрогнулъ и насторожилъ слухъ. Голоса становились явственнѣе. Вотъ онъ слышитъ, какъ мимо стѣны дома пробѣжалъ кто-то; минуту спустя послышался новый топотъ и громкій окрикъ...

— Пожаръ!.. пожаръ!..—кричали гдѣ-то.

Анна Якимовна проснулась и съ дикимъ крикомъ бросилась

къ старухѣ. Та растерянно соскочила съ лавки и бросилась къ окну.

— Ахъ, ты... матушка, Пресвятая Богородица!.. горитъ!..— взвизгнула она.

Въ окно вливался красный отблескъ пожарища, заливая зловѣщимъ свѣтомъ подоконникъ, лавку, полъ и неподвижныя черты лица покойника.

Анна Якимовна и старуха бросились на улицу; за ними двинулся и Ерема.

Кровли сарая, амбара и крайней избы Василія Петровича были охвачены пламенемъ. Около горящихъ построекъ суетились люди, кричали, размахивали руками и метались. Высоко поднявшись къ небу стоялъ столбъ свѣта, дыма и искръ. Искры крутились вверху, ревущій вѣтеръ разносилъ ихъ широкимъ вѣеромъ, обсыпая яркими блестками сосѣднія постройки, овраги и гору, на которой виднѣлись городскіе дома. Стѣны домовъ заливала ярко кровяная краска, окна казались горящими четырехъугольниками. Гдѣ-то далеко гудѣлъ тревожный набатный колоколъ. Съ горы, блестя касками, бѣжали пожарные. На кровлѣ сосѣднихъ домовъ появились фигуры людей, залитыя отблескомъ пламени. По холмамъ и по оврагамъ, какъ обезумѣвшія, сновали люди, спасая жалкіе пожитки... Слышался трескъ горящаго дерева, шумъ пламени, безпорядочный говоръ и безумные крики...

Рыдающая Анна Якимовна стояла около угла своего домика съ иконой въ рукахъ; рядомъ съ нею, какъ въ лихорадкѣ, тряслась старуха-чтица, а за ними, на завалинкѣ сидѣлъ Ерема, съ тупымъ равнодушіемъ посматривая на происходившее.

Изъ-за рѣки, изъ темной дали на пожарище рванулся вѣтеръ, метнулъ громадный клубъ яркихъ искръ, и онѣ засыпали кровлю домика Анны Якимовны. Поднялся страшный переполохъ.

— На крышу лѣзь!.. эй!..—кричалъ кто-то.

— Воды!.. Воды!..

Въ избу вбѣжали люди и остановились у порога, какъ вкопанные. На нихъ напирали сзади. Анна Якимовна металась отъ сундука къ постели и дико кричала.

— Покойникъ тутъ!.. Выносите покойника!.. — кричалъ кто-то...

— Гдѣ покойникъ!..

— Человѣкъ сгорѣлъ!.. эй!..

— Го-о-споди!..

Крики усиливались. Люди метались...

Къ дому Анны Якимовны двинулись пожарные и солдаты...

Впереди нихъ бѣжалъ околоточный. Анна Якимовна бросилась къ пожарнымъ, моля о чемъ-то, но ее не послушали. Она выбѣжала изъ сѣней и, взвизгнувъ, припала къ землѣ: кровля ея дома пылала...

Между тѣмъ, изъ сѣней успѣли вынести бездыханное тѣло Артамона, и толпа дрогнула: что-то необычное было въ этой ношѣ; ее несли бережно и безмолвно, передъ нею разступалась толпа, а яркое красное пламя заливало дешевую парчу, ситцевую рубаху, въ которую одѣтъ былъ покойникъ, и лицо, спокойное и со строгими, неподвижными чертами. За покойникомъ вели обезумѣвшую отъ страха Анну Якимовну.

Минуту спустя, изъ тѣхъ же сѣней вырвался клубъ чернаго дыма, за нимъ выскользнули широкіе языки пламени, и толпа съ крикомъ отступила отъ вспыхнувшаго дома.

Толпа смяла на землю безногаго Ерему, и онъ крикнулъ о помощи. Кто-то помогъ ему подняться, и онъ, быстро карабкаясь и цѣпляясь за землю, поползъ въ гору. Здѣсь, еле дыша, онъ остановился около какого-то плетня и посмотрѣлъ внизъ. Онъ слѣдилъ глазами за кучкой людей, которая, медленно двигаясь, все еще несла куда-то бездыханнаго Артамона, и яркія искры носились надъ толпой и надъ покойникомъ.

Обуглившаяся кровля на крайней избѣ Василія Петровича съ грохотомъ обвалилась; къ небу мгновенно бросился громадный клубъ яркихъ искръ и пламени. Ерема сощурилъ глаза, ослѣпленные пламенемъ, и глубоко вздохнулъ. Онъ чувствовалъ, что въ груди его что-то сперлось, вырываясь наружу, руки и ноги дрожали. Онъ опустилъ глаза, отыскивая, гдѣ остановились люди съ покойникомъ...

Вѣтеръ рванулся съ новой силою,—въ то же мгновеніе съ трескомъ обвалилась кровля дома Анны Якимовны, и громадный клубъ искръ разсыпался въ раскаленномъ воздухѣ, засыпая оврагъ и пригорокъ, по которому бѣжали люди съ дикимъ воплемъ и крикомъ...

Вас. Брусянинъ.

ВЕСЕННІЯ МЕЛОДІИ

I.

Весна пришла: на солнцѣ жарко,
Оно такъ весело и ярко
    На землю смотритъ съ высоты.
Пора настала пробужденья,
Но, мигъ желанный возрожденья,
    Еще для насъ не полонъ ты!

Чего-то ждетъ еще природа;
Нужна ей, видно, непогода,
    Чтобъ встать отъ тягостнаго сна.
Вотъ буря ливнемъ разразилась,—
И вмѣстѣ съ нею къ намъ явилась
    И настоящая весна.

Прохладной нѣгой воздухъ дышетъ,
И кажется, что ухо слышитъ,
    Какъ жизнь, вливаяся, кипитъ
Въ былинкѣ каждой, въ сочной почкѣ
И въ развернувшемся листочкѣ
    Росой алмазною дрожитъ.

Разлуки тягостной страданья
Не исчезаютъ въ часъ свиданья,
    Еще мы чувствуемъ ихъ гнетъ,
И только съ первыми слезами
Сознанье счастья передъ нами
    Въ значеньи полномъ возстаетъ.

II.

Полно сидѣть тебѣ дома!..
Въ комнатахъ душно и жарко;
Послѣ весенняго грома
Солнце привѣтливо-ярко
Смотритъ съ лазурныхъ небесъ.

Озеро, роща и поле
Тонутъ въ лучахъ золотистыхъ;
Дышется легче на волѣ;
Запахъ черемухъ душистыхъ
Манитъ подъ бѣлый навѣсъ.

Къ влагѣ живительной жадно
Корни сухіе припали;
Словно на праздникъ,—нарядно,
Чудно головки убрали
Яркою тканью цвѣты.

Иглы украшены ели
Свѣжей росой изумрудной;
Слышатся звонкія трели
Пѣсни томительно-чудной,
Полной неясной мечты.

Пѣсни той страстные звуки
Душу томятъ и ласкаютъ,
Нѣгу и вмѣстѣ съ тѣмъ муки
Какъ-то за разъ вызываютъ
Въ сердцѣ усталомъ твоемъ.

Солнце все ниже и ниже,
Спрячется скоро за лѣсомъ...
О! поскорѣй приходи же!
Намъ подъ душистымъ навѣсомъ
Будетъ отраднѣй вдвоемъ.

Владиміръ Марковъ.

НУЖДЫ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Письмо въ Редакцію.

Программа Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, сообщенная на заключеніе мѣстныхъ комитетовъ, была составлена широко. Дѣйствительно, она касалась веденія и улучшенія сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ, а также и производствъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ. Несомнѣнно полное осуществленіе такой программы должно повысить общій уровень нашего сельскаго хозяйства, но, къ сожалѣнію, только тамъ, гдѣ для того окажется подходящая почва. Насколько въ настоящее время, изъ свѣдѣній, попадающихъ въ печать, выяснилась дѣятельность мѣстныхъ комитетовъ, они нашли необходимымъ еще нѣсколько расширить программу Особаго Совѣщанія. Въ виду важности того или другого явленія, выразившаго обострившееся обѣднѣніе русскаго сельскаго населенія,—въ общемъ, комитеты, повидимому, пришли къ убѣжденію, что не въ одномъ улучшеніи сельскаго хозяйства заключается прочное основаніе улучшенія быта этого населенія. При разнообразіи условій жизни въ нашемъ обширномъ отечествѣ, разнообразіе явленій, на которыхъ преимущественно останавливается вниманіе мѣстныхъ жителей вполнѣ естественно. Существуетъ, однако, одинъ безспорный фактъ, что все русское землевладѣніе, и крупное и мелкое, и общинное и частное, живущее отъ земли, за ничтожными исключеніями, болѣе или менѣе чуть не двадцать лѣтъ страдало и страдаетъ нынѣ. Такое чисто эко-

номическое положеніе должно зависѣть также отъ чисто экономическихъ причинъ. Многіе комитеты касались экономическаго положенія деревни, но, увлекаясь другими, крайне симпатичными мѣрами, фактически выдвигали ихъ на первый планъ. Только въ запискѣ Н. А. Хомякова, представленной въ сычевскій уѣздный комитетъ, и въ докладѣ экономической коммиссіи—въ елецкій, съ полной ясностью разработаны экономическія причины настоящаго оскудѣнія деревни и тѣмъ самымъ выяснено, какъ бороться съ этимъ оскудѣніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не встрѣчалъ въ печати и нисколько не намѣренъ дополнять или измѣнять сказанное въ запискѣ Н. А. Хомякова и въ докладѣ елецкой коммиссіи. Мнѣ хотѣлось бы только выяснить, что во многомъ, что̀ предпринималось и предпринимается, или даже предполагается для деревни, мы наталкиваемся, прежде всего, на экономическое ея положеніе, и потому на немъ прежде всего и болѣе всего надо остановить всеобщее вниманіе. Это—своего рода обязанность всякаго деревенскаго жителя и дѣятеля, какимъ я состою вотъ уже двадцать-два года.

До сихъ поръ въ общественномъ мнѣніи у насъ твердо установился взглядъ, что для каждаго изъ отдѣловъ русскаго землевладѣнія, крестьянскаго и частнаго, требуются спеціальныя сельско-хозяйственныя мѣропріятія. Въ нашемъ черноземномъ центрѣ мы видимъ однако, за ничтожными исключеніями, одну и ту же форму полеводства,—трехполье. Насъ, живущихъ на черноземѣ, укоряютъ, что мы не умѣемъ имъ пользоваться, страдаемъ отъ неурожаевъ на плодородной почвѣ, и намъ ставятъ въ примѣръ для слѣдованія нашъ западъ, гдѣ неурожаевъ не бываетъ, и особенно балтійскія провинціи, гдѣ, дѣйствительно, сельское хозяйство имѣетъ интенсивную форму. Сравнимъ теперь, во что̀ обходится доставка сельско-хозяйственныхъ произведеній въ балтійскихъ провинціяхъ по желѣзнымъ дорогамъ къ балтійскимъ же портамъ и въ нашей пензенской губерніи. Станція Пенза одно время много доставляла зерна въ Либаву, и потому для сравненія возьмемъ этотъ портъ; для балтійскаго землевладѣнія совершенно безразлично, выбранъ ли Ревель, Рига или Либава. Само собою разумѣется, что оно пользуется тѣмъ портомъ, который для него наиболѣе удобенъ. Отъ Пензы до Либавы доставка, скажемъ, пуда ржи съ мѣшкомъ и накладными расходами обходится въ *тридцать копѣекъ*; а въ балтійскихъ провинціяхъ—отъ *трехъ* до *пяти* копѣекъ. Слѣдовательно, балтійское землевладѣніе имѣетъ, сравнительно съ пензенскимъ, лишнихъ не менѣе *двадцати-пяти* копѣекъ на каждомъ пудѣ производимаго имъ зерна, какова бы ни была общая средняя его цѣна. Очевидно,

оно и имѣетъ полную возможность тратить болѣе на свое полеводство и вообще на свое хозяйство,—пензенское же вынуждено быть крайне осторожнымъ въ вводимыхъ имъ улучшеніяхъ своего хозяйства. Сельско-хозяйственная промышленность, какъ и всякая другая, можетъ существовать и развиваться только тогда, когда она выгодна, и развитіе ея прямо пропорціонально ея выгодности. Ея отличие отъ другихъ заключается только въ томъ, что, при нѣкоторыхъ условіяхъ, она имѣетъ обязательный характеръ. Живущій отъ земли и не имѣющій возможности, при ея бездоходности или недостаточной доходности, отъ нея отдѣлаться, по неволѣ занимается сельско-хозяйственной промышленностью, т.-е. обработкой этой земли. Какъ бы значительна или незначительна ни была тягость такого невольнаго занятія, нельзя не сказать, что эта тягость имѣетъ чисто экономическія основанія, и логически только экономическими мѣрами можно съ нею бороться. Паденіе цѣнъ на произведенія земли существуетъ во всей Европѣ вслѣдствіе наплыва на ея рынки всякаго не-европейскаго зерна, благодаря удобству и дешевизнѣ сообщеній съ дальними странами. Тамъ, при высокомъ уровнѣ промышленной и всякой культуры, издавна опытныя учрежденія выработали вѣрныя, научныя указанія для полеводства, и вполнѣ понятно, что, при такихъ условіяхъ, сельско-хозяйственная промышленность можетъ тамъ бороться съ конкурренціей дешеваго, привознаго зерна. Однако и въ западной Европѣ, въ странахъ, гдѣ полеводство еще не замѣнилось огородничествомъ и земля еще не вполнѣ служитъ разведенію высокоцѣннаго скотоводства, цѣна произведеній сельско-хозяйственной промышленности охраняется таможенными пошлинами весьма приличной высоты. У насъ опытныя учрежденія, вслѣдствіе скудости средствъ, коими располагаетъ наше министерство земледѣлія, до сихъ поръ—рѣдкость, не достигшая еще практическаго значенія. При нашемъ разнообразіи климатическихъ, тэллурическихъ, экономическихъ и всякихъ другихъ условій, требуется масса опытныхъ учрежденій и долговременное ихъ занятіе, чтобы получились тѣ точныя указанія для полеводства, коими съ полной увѣренностью пользуется земледѣлецъ западной Европы. Землевладѣніе центра Россіи не знаетъ, да и не можетъ знать ничего точнаго о вліяніи минеральнаго удобренія на нашъ черноземъ, о той пашнѣ, которая наилучшимъ образомъ охраняетъ въ немъ необходимую влажность; о дѣйствительно успѣшной борьбѣ съ разными вредителями нашихъ полей, уничтожающихъ въ нѣсколько дней посѣвы; о причинахъ прекращенія урожайности гречихи [1]) и способахъ борьбы съ

---

[1]) Въ имѣніи кн. Долгоруковой, Земетчино, моршанскаго уѣзда, тамбовской губерніи, уже нѣсколько лѣтъ производятся научные опыты съ посѣвомъ гречихи; но

ними и т. д.,—всего не перечтешь. На нашемъ западѣ сами собою выработались вполнѣ удовлетворительные хозяйственные пріемы, и путь ихъ улучшенія вполнѣ ясенъ; не то съ черноземомъ нашихъ хлѣбородныхъ губерній. Урожайность его, повидимому, ослабла, и требуется болѣе тщательная его обработка,—но какая?—неизвѣстно. Въ спеціальныхъ газетахъ то-и-дѣло оглашаются совѣты хозяевъ-практиковъ, получившихъ удовлетворительные результаты отъ произведеннаго ими опыта; но развѣ такія оглашенія могутъ замѣнить результаты дѣятельности опытныхъ учрежденій, надлежащимъ образомъ оборудованныхъ для научной постановки опытовъ? Смѣло можно сказать, что для вѣрнаго техническаго улучшенія полеводства въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ почва совершенно неподготовлена—съ научной стороны; что же касается до теоретической подготовки молодыхъ хозяевъ,—то, право, вполнѣ достаточенъ „Розенбергъ-Липинскій“, въ переводѣ П. А. Костычева, изданный тридцать лѣтъ тому назадъ.

И у насъ таможенныя пошлины вліяютъ на сельское хозяйство и на землевладѣніе, но совершенно иначе, чѣмъ въ западной Европѣ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ, для поддержанія высокой доходности быстро насажденной отечественной промышленности, столь же высоко обложено пошлинами все нужное для жизни сельскаго населенія. Желѣзо, весьма необходимое для дѣятельности земледѣльца, представляетъ собою у насъ матеріалъ, мало доступный или почти недоступный для землевладѣнія. Не однѣ желѣзныя оси—рѣдкость во всѣхъ рабочихъ телѣгахъ деревенскихъ, а многое столько же и еще болѣе необходимое.

Въ послѣднее десятилѣтіе нашъ государственный бюджетъ, несмотря на свой постоянный значительный ростъ, также постоянно, ежегодно давалъ блестящіе результаты, т.-е. значительное превышеніе прихода надъ расходомъ. Въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ сельское населеніе составляетъ девять-десятыхъ всего населенія, вполнѣ естественно тяжесть государственнаго бюджета падаетъ преимущественно на него. Эта тяжесть уже давно обратила на себя вниманіе печати, и неоднократно встрѣчались въ ней очень дѣльныя статьи о преимуществѣ прямого обложенія надъ косвеннымъ, и предлагалось, вслѣдствіе того, введеніе у насъ подоходнаго налога, какъ наиболѣе справедливаго. Несомнѣнно, теоретическіе взгляды всюду имѣютъ вліяніе при обложеніи населенія, но еще болѣе вліяетъ возможность успѣшнаго обложенія. Въ бѣдныхъ странахъ прямые налоги не могутъ быть ни значительны, ни вѣрны; поступленіе же косвенныхъ вполнѣ обезпечено, если ими обложены предметы наиболѣе производительные въ фискаль-

---

до сихъ поръ вопросъ, почему, какъ говорятъ крестьяне, она „отбилась отъ рукъ“, еще не выясненъ.

номъ отношеніи. Дѣйствительно, косвенное обложеніе, нечувствительное или мало чувствительное для состоятельныхъ классовъ, обременительно для бѣднѣйшихъ,—но государственныя нужды должны быть удовлетворены. Французское выраженіе: „heureux le pays qui n'a pas d'histoire"—счастлива страна, не имѣющая исторіи,—не примѣнимо къ Россіи, имѣющей свое историческое призваніе, отъ котораго она не можетъ отказаться, еслибы даже и пожелала. Нашъ государственный бюджетъ основанъ почти исключительно на косвенныхъ налогахъ; прямые же, коими обложено сельское населеніе, ни чрезмѣрными, ни обременительными никоимъ образомъ не могутъ быть названы,—однако, только по нимъ числится весьма крупная недоимка. Говорить по существу о нашемъ государственномъ бюджетѣ въ настоящей статьѣ неумѣстно. Какъ ни важенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но, говоря о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, нуждахъ, признанныхъ правительствомъ, достаточно выяснить вліяніе этого факта на жизнь и дѣятельность сельскаго населенія. Нельзя, однако, не замѣтить, что ежегодно остающаяся отъ блестящаго выполненія государственной росписи такъ-называемая свободная наличность государственнаго казначейства даетъ въ руки правительства, если оно признаетъ нужнымъ, могучее средство—или помочь сельскому населенію, или облегчить лежащія на немъ тяготы. До сихъ поръ эта наличность употреблялась преимущественно на постройку желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнно, такіе улучшенные пути сообщенія необходимы именно въ экономическомъ отношеніи. Они не только оживляютъ существующую экономическую жизнь,—они, если такъ можно выразиться, создаютъ ее. Тѣмъ не менѣе, желѣзныя дороги, представляя собою капитальный, производительный расходъ, призваны служить не одному только настоящему поколѣнію, а гораздо болѣе и гораздо выгоднѣе—грядущимъ, и потому всюду онѣ строились и строятся на капиталы, тѣмъ или инымъ путемъ получаемые, отъ займовъ, безъ отягощенія текущихъ средствъ государства.

Долголѣтнее обложеніе сельскаго населенія для высокой доходности отечественной промышленности и государственнаго казначейства не могло имѣть другого послѣдствія, кромѣ полученнаго, т.-е. задолженность и обѣднѣніе сего населенія. Оба явленія вполнѣ естественно въ разныхъ мѣстахъ вылились въ различныя формы, подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій,—но при малѣйшемъ недородѣ получалось грустное единство. Благодатный югъ, тучное Поволжье, болѣе культурный центръ—при недородѣ одинаково голодали и одинаково нуждались въ крупной помощи. Всюду крестьянство, благодаря своей феноменальной выносливости, только справлялось съ тяжелыми нормальными условіями своей жизни, но, разумѣется, было

лишено возможности дѣлать сбереженія, въ чемъ заключается единственно прочное обезпеченіе продовольственныхъ нуждъ сельскаго населенія. Такая невозможность сбереженій имѣла весьма нежелательное, но вполнѣ естественное нравственное послѣдствіе. Человѣкъ, живущій впроголодь, не думаетъ, да и не можетъ думать о завтрашнемъ днѣ, разъ всѣ его заботы сосредоточены на удовлетвореніи настоящаго дня. Земство было только посредникомъ между голодающими и правительствомъ, оказывающимъ помощь. Земство не имѣетъ средствъ для успѣшной борьбы съ голодовками; устранить же общія причины этихъ явленій—это выходитъ изъ предѣловъ предоставленныхъ ему по закону правъ и обязанностей. Нынѣ земство устранено отъ прежняго своего посредничества по удовлетворенію продовольственныхъ нуждъ сельскаго населенія; администрація взяла на себя заботу объ этомъ продовольствіи и отвѣтственность въ его обезпеченіи. Новаго только—порученіе земству составить планы общественныхъ работъ, въ случаѣ неурожая; но главное—все тѣ же мѣстные запасы, наблюденіе за которыми организовано нынѣ путемъ обычныхъ административныхъ формальностей. Нельзя не признать полезность и практичность принятыхъ мѣръ для борьбы съ оффиціальными голодовками; но врядъ ли ими онѣ сколько-нибудь предупреждаются.

Многіе думаютъ, что крестьянство обѣднѣло потому, что, съ теченіемъ времени, то количество земли, которымъ оно владѣло, стало недостаточнымъ для его прокормленія, вслѣдствіе естественнаго роста народонаселенія. Повидимому, правительство уже давно пришло къ этому убѣжденію и основало спеціальный крестьянскій банкъ для содѣйствія крестьянству въ покупкѣ нужной ему земли. Банкъ дѣйствуетъ уже давно. Дѣятельность его расширялась постепенно, что вполнѣ естественно. Выдача ссудъ въ размѣрѣ девяноста процентовъ оцѣнки покупаемой земли не могла не возбудить желанія пріобрѣсти ее со стороны земледѣльцевъ, лично обработывающихъ землю и всюду имѣющихъ къ ней какую-то инстинктивную, прирожденную любовь. Усиленный спросъ на землю, разумѣется, поднялъ ея цѣну и привлекъ къ сдѣлкамъ съ нею спекуляцію, всегда нарождающуюся при оживленной куплѣ и продажѣ какого бы то ни было предмета. Вслѣдствіе повышенія цѣнъ на землю, крестьянскій банкъ,—какъ всякое кредитное учрежденіе, выдающее ссуды, средства на которыя оно получаетъ посредствомъ выпуска извѣстной формы обязательствъ, по коимъ оно уплачиваетъ опредѣленные проценты и погашеніе,—сталъ осторожнѣе въ своей дѣятельности. Эта вынужденная осторожность заключается въ возможно наибольшемъ обезпеченіи вѣрности уплаты покупателемъ срочныхъ платежей. При все увеличивающейся цѣнѣ земли не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что крестьянскій банкъ

будетъ все болѣе выдавать ссуды товариществамъ, а не сельскимъ обществамъ. Сельское общество — это существующая юридическая группа, въ которую входятъ и богатые, и бѣдные; по взаимному же соглашенію состоявшееся товарищество, навѣрное, не имѣетъ бѣдняковъ въ своей средѣ и дѣйствительно является гораздо болѣе кредитоспособнымъ, чѣмъ сельское общество.

Количество безлошадныхъ во всей Россіи, по даннымъ, встрѣчающимся въ печати, все болѣе увеличивается. Съ окончательно обѣднѣвшаго безлошаднаго крестьянина общество, навѣрное, сняло за недоимки надѣлъ и сдало его другому. Большею частью такіе надѣлы сдаются за уплату текущихъ платежей, лежащихъ на землѣ, и нѣкоторой части недоимки. Несомнѣнно, снявшій надѣлъ имѣетъ кое-какую выгоду отъ такого найма, сверхъ уплачиваемаго за него обществу. Большею частью, эта выгода незначительна и во всякомъ случаѣ прокормить собою нанимателя не можетъ. Предположимъ, что безлошадный добылъ себѣ лошадь и обратился къ обществу съ просьбою о возвратѣ ему его надѣла. Ни одно сельское общество никогда не откажетъ въ такой просьбѣ единственно потому, что всегда надѣется взыскать въ счетъ недоимки гораздо болѣе съ владѣльца надѣла, чѣмъ съ наемщика его, разъ владѣлецъ возвратилъ себѣ свою работоспособность. Передъ вступившимъ снова во владѣніе своимъ надѣломъ открываются два пути: или уплатить все то, что, въ настоящемъ и прошломъ, лежитъ на его надѣлѣ, и голодать, или быть сыту и сдѣлаться еще болѣе недоимщикомъ, за что, разумѣется, онъ будетъ лишенъ этого надѣла. На этихъ двухъ прямолинейныхъ путяхъ существуютъ обходы: благодаря постороннему заработку, можно замѣнить голодъ жизнью впроголодь и кое-что внести изъ взыскиваемыхъ платежей. Такой обходъ, изнуряя человѣка, только увеличиваетъ его задолженность. Не количество земли—причина всеобщаго обѣднѣнія русскаго сельскаго населенія, а чисто экономическія условія пользованія этой землей. Приведенные нами примѣры, разумѣется, не исчерпываютъ всѣхъ оттѣнковъ и сторонъ этого пользованія, но въ общемъ даютъ о немъ вѣрное понятіе.

Всемірный опытъ указалъ и доказалъ, что успѣшность борьбы со всякой эпидеміей зависитъ не только отъ леченія заболѣвшихъ ею, но отъ гигіеническихъ мѣръ, ограждающихъ отъ заболѣванія. Точно также и въ борьбѣ съ эпидеміей обѣднѣнія русскаго сельскаго населенія успѣхъ всего болѣе обезпеченъ отъ возвращенія экономическаго здоровья этому населенію. Дѣйствительность указываетъ, что здоровье это прежде всего нуждается въ облегченіи экономическаго двойственнаго гнета, препятствующаго русскому сельскому населенію про-

являть свою дѣятельность, несмотря на феноменальную его выносливость.

Послѣ записки князя А. Г. Щербатова: „Упорядоченіе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія", представленной имъ въ Особое Совѣщаніе, врядъ ли надлежитъ защищать общину, въ полномъ уничтоженіи которой многіе видятъ необходимое условіе улучшенія сельско-хозяйственной крестьянской техники. Дѣло выяснено обстоятельно и подробно. Между прочимъ, авторъ указываетъ, что очень часто урожай надѣльныхъ земель выше, чѣмъ на частновладѣльческихъ. Это безусловно вѣрно. Съ своей стороны прибавлю, что коровы-ведѣрницы чаще встрѣчаются въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ частновладѣльческихъ. Это совершенно естественно и понятно. Единичный любовный уходъ гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ артельное кормленіе скотины, въ которомъ, при своего рода борьбѣ за существованіе, много корма, даже цѣннаго, пропадаетъ даромъ подъ ногами и идетъ въ навозъ; держать же всю скотину на привязи—слишкомъ дорого. Какъ старый, постоянный деревенскій житель, находящійся въ весьма частомъ общеніи съ крестьянствомъ и по службѣ, и по своимъ дѣламъ, я положительно представить себѣ не могу, какъ могла бы русская деревня существовать безъ общиннаго самоуправленія. Надобность удовлетворенія дѣйствительныхъ, всякаго рода общихъ хозяйственныхъ потребностей, вытекающихъ изъ сожительства въ данной группировкѣ, вызвала издревле къ жизни сельское самоуправленіе и охраняла его до сихъ поръ. Если въ послѣдне время выборныя деревенскія власти получили рѣзкую полицейски-административную окраску, затемняющую ихъ прежнюю чисто хозяйственную дѣятельность, такъ всего болѣе вслѣдствіе все возростающей трудности взиманія податей. Эта трудность, происходящая отъ настоящихъ экономическихъ условій деревни, сдѣлала изъ выборныхъ крестьянства государственныхъ чиновниковъ, исполняющихъ вполнѣ непосильную имъ работу. Поясню это только однимъ примѣромъ.

На административномъ засѣданіи мокшанскаго съѣзда земскихъ начальниковъ, 29 октября 1902 года, податной инспекторъ просилъ съѣздъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи въ канцеляріяхъ волостныхъ правленій мокшанскаго уѣзда должности чиновника для завѣдыванія податнымъ счетоводствомъ, согласно новымъ правиламъ, утвержденнымъ пензенскимъ губернскимъ присутствіемъ на основаніи инструкціи министра финансовъ, 4 декабря 1899 г., такъ какъ сельскіе, большею частью малограмотные писаря не въ состояніи должнымъ образомъ вести лицевые счеты плательщиковъ-домохозяевъ, требуемые этими правилами, и потому надлежитъ сосредочить это дѣло

въ волостныхъ правленіяхъ. По подробномъ обсужденіи такого предложенія, съѣздъ единогласно постановилъ ходатайствовать передъ губернскимъ присутствіемъ о принятіи на счетъ государственнаго казначейства расхода по веденію податного счетоводства окладныхъ сборовъ съ крестьянъ мокшанскаго уѣзда. Государственное казначейство не очень-то благосклонно относится къ такого рода ходатайствамъ, и настоящее, вѣроятно, будетъ отклонено, хотя оно вызывается дѣйствительной необходимостью: съѣздъ не могъ иначе поступить, какъ представить его. Избѣгая по возможности всякихъ подробностей, достаточно сказать, что по новымъ правиламъ на обязанности волостного правленія лежитъ веденіе окладной книги сборовъ и представленіе податному инспектору ежемѣсячныхъ вѣдомостей по всѣмъ селеніямъ волости о недоимкахъ, окладахъ и поступленіяхъ за истекшій мѣсяцъ, а также краткихъ свѣдѣній по каждому селенію объ оставшемся недоборѣ по истеченіи каждаго частнаго срока. Такія же вѣдомости и свѣдѣнія волостное правленіе обязано представить и земскому начальнику. Лицевые счеты каждаго домохозяина, согласно новымъ правиламъ, долженъ вести сборщикъ податей или староста, съ помощью сельскаго писаря. Дѣйствительно, при малограмотности этихъ лицъ такая работа имъ непосильна и сосредоточеніе ея въ волостномъ правленіи необходимо. Въ общемъ, новыя правила составлены толково, и примѣненіе ихъ въ любой чиновничьей средѣ не встрѣтило бы ни малѣйшаго затрудненія. Да и волостной писарь съ ними, несомнѣнно, справится, но онъ заваленъ работой. Что волостныя правленія изнемогаютъ подъ тяжестью письменной дѣятельности — это всѣмъ извѣстно; но она именно въ послѣднее время значительно усилилась и безъ новаго податного счетоводства. Сошлюсь только на срочныя также вѣдомости о состояніи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и требуемыя формальности для полученія изъ нихъ запасеннаго зерна, съ тѣхъ поръ какъ администрація взяла въ свои руки заботу о продовольствіи сельскаго населенія. Письменная работа по продовольствію значительно усилилась и осложнилась, и если къ этому усиленію прибавить еще такое же по взиманію податей, то предъявляемыя къ волостнымъ правленіямъ требованія окажутся для нихъ рѣшительно непосильными при существующемъ ихъ положеніи. При настоящей бдительности сельскихъ властей за всякой копѣйкой, получаемой подвѣдомственными имъ крестьянами, веденіе лицевыхъ счетовъ требуетъ ежедневной мелкой усидчивой работы; а въ средней волости—не менѣе, пожалуй, пятисотъ домохозяевъ. Улучшеніе техники по взиманію податей и по обезпеченію продовольствія крестьянства вызвано его обѣднѣніемъ, и, полагаю, нисколько не будетъ натяжкой сказать, что

усиленная работа волостныхъ правленій является чисто экономическимъ явленіемъ.

При введеніи института земскихъ начальниковъ можно было опасаться, что ихъ дѣятельность коснется внутренняго быта сельской общины и до нѣкоторой степени измѣнитъ его. Дѣйствительность не оправдала такихъ опасеній. Можетъ быть, именно вслѣдствіе все возростающей трудности деревенской жизни, земскіе начальники, какъ мѣстные представители центральной власти, предъявляли къ сельской общинѣ требованія, которыя касались, такъ сказать, внѣшней ея дѣятельности. Складъ внутренней жизни общины не только остался нетронутымъ, но, скорѣе, окрѣпъ, и это вполнѣ естественно. Въ трудное время, какъ для администраціи, такъ и для администрируемыхъ большое облегченіе жизни и дѣятельности—группировка отдѣльныхъ личностей, обладающая окрѣпшей отъ времени устойчивостью.

Нельзя не отнестись иначе какъ съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ къ постановленіямъ многихъ комитетовъ объ облегченіи опеки надъ крестьянствомъ и объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Только съ формальной стороны связь обоихъ ходатайствъ съ нуждами сельскохозяйственной промышленности трудно установить, но, съ другой стороны, для всякой промышленности и для всякой дѣятельности огражденіе личности отъ произвола и униженія имѣетъ серьезное значеніе. Притомъ, фактически тѣлесное наказаніе не примѣняется въ Европейской Россіи,—лучшіе изъ земскихъ начальниковъ не прибѣгаютъ къ 61-й ст. Полож. о земск. нач., и надо замѣтить, что участки ихъ при ревизіи всегда оказываются образцовыми. Уничтоженіе унизительнаго наказанія за маловажные проступки, которое низшій судъ можетъ назначить, но не назначаетъ,—и произвола, къ которому не прибѣгаютъ могущіе имъ пользоваться, напрашивается, такъ сказать, само собою. Въ деревнѣ все рѣже слышишь сужденія о необходимости, чтобы народъ боялся начальства. Въ деревнѣ все болѣе и глубже проникаетъ убѣжденіе, что трепетъ передъ начальствомъ—не обезпечиваетъ правильнаго теченія народной жизни. Дѣйствительно, воръ, забравшійся въ амбаръ, сундукъ или карманъ, боится наказанія, хотя бы тѣлеснаго, которое онъ получитъ въ случаѣ поимки, но эта боязнь не останавливаетъ его въ совершеніи задуманнаго имъ, а только изощряетъ его умъ для сокрытія совершоннаго. Если общая боязнь передъ непосредственно вліяющей на населеніе властью не останавливаетъ дѣятельности задумавшихъ какое-либо правонарушеніе,—тѣмъ болѣе излишне внушеніе боязни относительно лицъ, ведущихъ правильную и безупречную жизнь. Теорія устрашенія все болѣе теряетъ свой авторитетъ, и административные, даже полицейскіе пріемы все болѣе облагороживаются. Это безусловно замѣтно, и при такомъ те-

ченіи нельзя не надѣяться, что отмѣна тѣлеснаго наказанія и отмѣна или измѣненіе 61-й ст. Полож. о земск. нач.—вопросъ только времени.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетахъ высказывалось, что для поощренія личной самодѣятельности и предпріимчивости въ крестьянствѣ необходимо облегчить выходъ крестьянина изъ общества, къ которому онъ приписанъ. На практикѣ, по закону, такой выходъ ничѣмъ не стѣсненъ, и если бываютъ затрудненія, то чисто экономическаго характера. Согласно 130 ст. Пол. о сельск. сост., т. IX Св. Зак. изд. 1876 г., увольняемый изъ общества съ семьей долженъ уплатить всѣ недоимки, лежащія на семействѣ, и подати текущаго года до 1 января слѣдующаго; уходящій же безъ семьи и оставляющій ее въ обществѣ долженъ еще обезпечить стариковъ и малолѣтокъ этой семьи. Вотъ главныя основанія увольненія каждаго крестьянина изъ общества, и рѣшительно трудно требовать ихъ уничтоженія. Никакого нѣтъ основанія принуждать общество взять на себя уплату долговъ одного изъ его общественниковъ. Хотя общество скорѣе заинтересовано въ уменьшеніи своего личнаго состава, такъ какъ въ его распоряженіе поступаетъ надѣлъ уходящаго, но при увольненіи могутъ возникать недоразумѣнія, которыя нынѣ разбираются въ административномъ порядкѣ. Мнѣ кажется, что правильность рѣшенія такого рода дѣлъ будетъ гораздо болѣе обезпечена, если они будутъ подлежать вѣдѣнію волостныхъ судовъ. При обжалованіи заинтересованными сторонами рѣшеній этихъ судовъ, дѣла будутъ поступать въ съѣздъ земскихъ начальниковъ, гдѣ разбираются, при обязательномъ участіи товарища прокурора, какъ всѣ гражданскія дѣла обществъ между собою, такъ и обществъ съ частными лицами. Публичный судебный разборъ съ выслушаніемъ сторонъ, свидѣтелей и повѣркой документовъ несомнѣнно предпочтителенъ административному, имѣющему чисто бумажный характеръ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетахъ было высказано, что волостные суды должны быть замѣнены коронными. Въ запискѣ, представленной однимъ крестьяниномъ въ суджанскій комитетъ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 207), въ подтвержденіе необходимости упраздненія волостныхъ судовъ указано, что съѣзды, въ продолженіе отъ шести до восьми часовъ занятій, разбираютъ *отъ ста до двухсотъ дѣлъ судебныхъ и отъ двадцати до сорока—административныхъ*. Съ одной стороны, авторъ правъ, выставляя дѣятельность второй апелляціонной инстанціи въ подтвержденіе непригодности суда первой. Дѣйствительно, качество дѣятельности волостного суда зависитъ не отъ просмотра его рѣшеній земскимъ начальникомъ, а гораздо болѣе—отъ апелляціонной инстанціи, имѣющей право и обязанность разобрать поступившее дѣло

по существу и отмѣнить или утвердить рѣшеніе волостного суда, или, также, измѣнить его. При надлежащемъ исполненіи съѣздомъ своихъ обязанностей—злоупотребленій въ волостномъ судѣ не можетъ быть. Ни одна изъ сторонъ не станетъ задабривать ни судей, ни волостного писаря, зная, что рѣшеніе можетъ быть обжаловано, и тогда снова будетъ разобрано на съѣздѣ съ вызовомъ сторонъ, свидѣтелей, пожалуй при осмотрѣ мѣстности или плана и пр. Такой разборъ дѣлъ на съѣздѣ, на который указываетъ суджанская записка, физически даже невозможенъ при самомъ безцеремонномъ обращеніи съ обязательными судебными обрядностями. Злоупотребленія всюду возможны, но судебныя засѣданія съѣзда до нѣкоторой степени отъ нихъ обезпечены. Уѣздный предводитель имѣетъ право предсѣдательствовать въ судебномъ засѣданіи съѣзда земскихъ начальниковъ, но это для него необязательно, и, въ случаѣ злоупотребленій въ этомъ учрежденіи, онъ можетъ быть отвѣтственъ только съ нравственной стороны за допущеніе явленій, которыя онъ могъ бы устранить. Участіе уѣзднаго члена окружного суда въ съѣздѣ и, за отсутствіемъ предводителя, предсѣдательство въ немъ настолько обязательны, что безъ него съѣздъ не можетъ дѣйствовать. Всѣ уголовныя дѣла и гражданскія, касающіяся обществъ и малолѣтнихъ, не могутъ разбираться иначе, какъ съ участіемъ товарища прокурора. Оба лица—коронныя, или они принадлежатъ къ коронному судопроизводству, и весьма сомнительно, чтобы такой вопіющій отказъ въ правосудіи (déni de justice), на который указываетъ помянутая записка, могъ ускользнуть отъ вниманія судебнаго вѣдомства, и чтобы не были приняты мѣры къ его прекращенію. Это, такъ сказать, общее замѣчаніе, но и при обжалованіи рѣшеній такого съѣзда, какъ указанный запиской, губернскому присутствію отмѣна его рѣшеній вполнѣ обязательна за явное несоблюденіе установленныхъ формъ судопроизводства.

Какъ бывшій предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, всегда горевавшій и доселѣ горюющій объ упраздненіи мировыхъ учрежденій, въ началѣ моего предсѣдательства въ судебномъ засѣданіи съѣзда земскихъ начальниковъ, сознаюсь, я относился недовѣрчиво къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, доходившимъ до съѣзда. Разбирая ихъ съ предвзятой мыслью о ихъ невѣрности, я долженъ былъ убѣждаться очень часто въ ихъ безусловной правильности по существу. Волостной судъ положительно незамѣнимъ въ мелочныхъ разсчетахъ при дѣлежѣ движимаго имущества, при полевыхъ и семейныхъ недоразумѣніяхъ. Одиннадцатилѣтняя практика меня еще убѣдила, что юридическія формы и пріемы легко прививаются волостному суду при сколько-нибудь подробномъ и ясномъ изложеніи основаній рѣшеній суда второй инстанціи. Будетъ очень жаль, если волостные суды, имѣющіе логиче-

скую связь съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, будутъ упразднены. Врядъ ли тогда можно будетъ успѣшно ихъ замѣнить.

Очень часто въ постановленіяхъ уѣздныхъ комитетовъ встрѣчается указаніе, что деревня бѣдна и бѣднѣетъ вслѣдствіе ея духовной темноты, а потому для борьбы съ этимъ обѣднѣніемъ слѣдуетъ ввести обязательное первоначальное образованіе. Въ высшей степени симпатично стремленіе уѣздныхъ комитетовъ воспользоваться возможностью, чтобы высказать всѣ свои заботы о благосостояніи сельскаго населенія; тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, выставлять первоначальное образованіе, грамотность, какъ средство леченія отъ обѣднѣнія деревни,—пожалуй, можетъ послужить во вредъ и грамотѣ, и деревнѣ. Несмотря на неоднократно доказанное и всѣми признанное общее оскудѣніе русскаго сельскаго населенія, въ коренной, наиболѣе страдающей Россіи существуютъ селенія, которыя, вслѣдствіе благопріятныхъ экономическихъ условій, благоденствуютъ и богатѣютъ. Что-жъ, въ такихъ селеніяхъ грамотность уже не нужна? Наконецъ, у грамотныхъ и даже получившихъ высшее образованіе сельское хозяйство всегда ли выгодно? Нельзя придавать первоначальному образованію узко-утилитарное значеніе. Общая грамотность необходима на основаніи закона высшей справедливости. Она представляетъ собою единое, неизбѣжное основаніе всякаго дальнѣйшаго развитія, которое, напротивъ, въ высшей степени разнообразно, согласно разнообразнымъ условіямъ положенія и способностей всякаго человѣка. Это дальнѣйшее развитіе врядъ-ли когда-либо государство или общество вполнѣ обезпечатъ, какъ бы ни старались они сдѣлать его для всѣхъ одинаково доступнымъ. Всякій подданный всякаго государства тѣмъ или другимъ путемъ доставляетъ средства для расходовъ этого государства, и потому имѣетъ нѣкоторое право на полученіе его дѣтьми одинаково для всѣхъ необходимаго основанія всякаго дальнѣйшаго развитія, т.-е. грамотности. Кстати, въ восемнадцатомъ призывѣ по мокшанскому уѣзду, въ коемъ я участвовалъ, въ 1902 г. было принято новобранцевъ въ войска 323 человѣка; изъ нихъ грамотныхъ оказалось 147. Цифра весьма незначительная, а меня она утѣшила. Прежде грамотныхъ было еще меньше. Грустное утѣшеніе!

Согласно одному изъ пунктовъ программы Особаго Совѣщанія, заключенію мѣстныхъ комитетовъ подлежатъ: „желѣзно-дорожные тарифы на перевозку сельско-хозяйственныхъ произведеній". Тарифныя ставки на перевозку зерна у насъ выше, чѣмъ у главнаго нашего конкуррента по хлѣбной торговлѣ—Сѣверной Америкѣ,—и, разумѣется, мы находимся въ

худшемъ, чѣмъ онъ, положенiи на европейскихъ рынкахъ. Въ общемъ, вполнѣ понятно, что производителю зерна тѣмъ болѣе остается изъ цѣны проданнаго имъ зерна, чѣмъ дешевле доставка этого зерна до пункта назначенія. Несомнѣнно, всѣ мѣстные комитеты не могутъ иначе поступить, какъ при обсужденіи этого пункта—ходатайствовать о пониженіи желѣзно-дорожнаго тарифа на перевозку зерна и другихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, этотъ тарифъ относительно зерна имѣетъ весьма второстепенное значеніе, вслѣдствіе хлѣбныхъ залежей, издавна ежегодно образующихся на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Несомнѣнно, владѣлецъ зерна, испытывающаго на такой-то станціи всѣ прелести нашей суровой и капризной осени и еще болѣе суровой и также часто капризной зимы, съ удовольствіемъ заплатитъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по существующему тарифу, лишь бы увезли и довезли къ мѣсту назначенія его грузъ. Постоянныя жалобы, вызываемыя такими залежами, не помогали и не помогаютъ дѣлу. Очевидно, желѣзныя дороги не могутъ исполнять своего назначенія, т.-е. своевременно возить сдаваемый имъ грузъ, и при такомъ ихъ положеніи, разумѣется, размѣръ платы за перевозку зерна могъ бы быть двоякій: при обезпеченной перевозкѣ и при необезпеченной; о коренномъ же пониженіи сей платы врядъ-ли можетъ быть и рѣчь. Гораздо болѣе пользы принесетъ сельско-хозяйственной промышленности такое улучшеніе провозоспособности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, при которыхъ хлѣбныхъ залежей на нихъ болѣе не будетъ.

Много было писано объ убыткахъ хлѣбной торговли, а слѣдовательно и объ убыткахъ производителя предмета этой торговли отъ хлѣбныхъ залежей, но объ одной ихъ формѣ мнѣ не доводилось читать. Постараюсь вкратцѣ выяснить эту форму. Вывозъ зерна за границу черезъ наши порты обыкновенно дѣлается крупными партіями; во внутренніе же рынки, какъ столицы, промышленные города,—большею частью мелкими партіями въ опредѣленные сроки. При залежахъ этихъ партій, прибывающее на желѣзно-дорожную станцію и принадлежащее одному и тому же владѣльцу зерно складывается въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ охрана его—отъ владѣльца. Когда наступаетъ ликвидація залежей, предусмотрѣть которую невозможно,—все зерно, принадлежащее одному владѣльцу, разомъ отправляется по назначенію. Извѣщенный о томъ владѣлецъ уже разсчитался за неисполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ, и долженъ нынѣ хлопотать о продажѣ крупной партіи своего зерна на рынкѣ, имъ для сего неподготовленномъ. Онъ долженъ выбирать одинъ изъ двухъ способовъ продажи: или нанять амбаръ, поставить вѣрнаго человѣка и продавать свою партію исподоволь, или разомъ ее продать на биржѣ черезъ маклера. Послѣдняя операція представляетъ собою вѣрный убытокъ, вслѣд-

ствіе той же затяжки дѣла. Первая операція хотя и сулитъ нѣкоторый барышъ, но отдаленный и невѣрный, соединенный, при томъ, съ значительными накладными расходами. Большею частью, партіи хлѣба, освободившіяся отъ залежей, продаются на биржахъ разныхъ крупныхъ рынковъ и, разумѣется, роняютъ его цѣну. Что люди, попавшіе съ своимъ грузомъ въ залежи, терпятъ значительные убытки безъ пользы для кого-либо, это какъ будто личное ихъ дѣло. Однако, отъ этихъ личныхъ потерь искусственно понижаются общія цѣны зерна не на однихъ только мѣстахъ, гдѣ окончательно ликвидируются послѣдствія залежей; вотъ что важно для производителей зерна. Цѣны—вѣдь это своего рода жидкость, которая, повинуясь общимъ законамъ природы, стремится принять одинаковый уровень по всей поверхности, по которой она разливается, при постепенномъ пониженіи этого уровня, пропорціонально пройденному по теченію пути.

Говоря о невыгодной для сельскаго хозяйства сторонѣ желѣзнодорожнаго у насъ грузового движенія, справедливость требуетъ выяснить и хорошую его сторону. Не въ одномъ только размѣрѣ желѣзно-дорожнаго тарифа на зерно лежитъ основаніе выгодной его цѣны для его производства. Встрѣчаются неоднократныя ходатайства передъ правительствомъ многихъ представителей сельскаго хозяйства о пониженіи желѣзно-дорожныхъ тарифныхъ ставокъ на перевозку зерна, въ видѣ вознагражденія за такую возможную убыточность. Къ счастью, ходатайства эти не были удовлетворены. Говорю—къ счастью, потому что эти ходатайства только видимо кажутся полезными для производителей зерна. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, положительно вѣрно, что сырой матеріалъ и продуктъ изъ него не представляютъ собой равноцѣнный предметъ, и потому не должны перевозиться по одинаковой цѣнѣ. Наконецъ, продуктъ стоитъ дороже того матеріала, изъ котораго онъ выработанъ, и потому можетъ легче выдержать болѣе высокую плату за свою перевозку. Это — безспорно логично, но при такой логичности зерно не удерживается на мѣстахъ его производства для его переработки, и эта переработка дѣлается болѣе выгодной въ самыхъ центрахъ сбыта зерна, т.-е. въ столицахъ, крупныхъ промышленныхъ городахъ и портахъ. Высшее тарифное учрежденіе отклонило вышеупомянутыя ходатайства, и, создавъ значительные мѣстные рынки зерна, тѣмъ самымъ повысило его цѣну на мѣстахъ его производства. Мукомольное и солодовенное производства издавна существовали въ Пензѣ, но, благодаря желѣзно-дорожному тарифу, задерживающему зерно на мѣстахъ, они оба увеличились и качественно, и количественно въ самомъ городѣ и стали, особенно мукомольное, появляться все дальше отъ желѣзно-дорожныхъ станцій. Приближеніе покупателя къ зерну

создавало выгодныя условія какъ для сбыта его, такъ и для его переработки. Сошлюсь на одинъ только примѣръ. Въ пяти верстахъ отъ села, гдѣ живу, находится небольшая мельница на рѣкѣ Мокшѣ,—здѣсь она рѣчонка. Эту мельницу купилъ одинъ предпріимчивый купецъ, установилъ на ней турбинъ, вальцовые станки и сталъ заниматься производствомъ муки тонкаго размола. Для него было выгодно платить за зерно ту же цѣну, которая существовала съ доставкой на ближайшую станцію желѣзной дороги, отстоящей на 23 версты; а для производителя было еще выгоднѣе продавать ему, выгадывая на каждомъ пудѣ около трехъ копѣекъ—стоимость доставки. Не въ одной Пензѣ установилась переработка зерна, и уже около пяти лѣтъ, какъ мѣстная цѣна ржи превышала ту, которую купецъ-экспортеръ могъ бы дать за нее. По мѣрѣ увеличенія мѣстнаго спроса на зерно, превышеніе его цѣны на экспортъ также увеличивалось. Я уже говорилъ, что доставка зерна отъ Пензы до Либавы стоитъ 30 копѣекъ. Въ прошедшую осень, до ноября включительно, цѣна ржи въ Либавѣ колебалась между 74 и 76 коп. пудъ. Для экспорта въ Пензѣ (вычтя изъ этой цѣны 30 коп.) нельзя было за рожь заплатить даже 44—46 коп.; между тѣмъ, цѣна ея во всю осень не была дешевле 54 коп. пудъ, а во время осенняго бездорожья—доходила до 63 копѣекъ пудъ. Существовавшая и существующая въ Пензѣ значительная разница мѣстной цѣны ржи, сравнительно съ экспортной, въ концѣ 1902 г. рѣшительно замѣчательна, если принять въ соображеніе конкурренцію Ельца, имѣющаго до пяти копѣекъ въ пудѣ выгоды по доставкѣ своей муки передъ пензенской, а также и то, что главные покупатели этой послѣдней, Варшава и Лодзь, благодаря обильному урожаю въ привислянскихъ губерніяхъ, стали меньше требовать эту муку. Такая разница можетъ быть объяснена только тѣмъ, что установившееся производство, чтобы не прекращать дѣла, довольствуется меньшей его выгодностью.

У насъ много говорятъ и пишутъ о необходимости возбудить мѣстную предпріимчивость и мѣстную самодѣятельность; примѣръ нашей мѣстности указываетъ, что при малѣйшихъ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ русскій человѣкъ безъ всякаго посторонняго возбужденія и пособія умѣетъ, преслѣдуя свою личную выгоду, приносить и общую пользу. Полагаю, никакой нѣтъ надобности доказывать, какую пользу приноситъ сельскому хозяйству мѣстная переработка мѣстныхъ же произведеній. Имѣю также основаніе полагать, что не въ одной только пензенской губерніи встрѣчается такое умѣнье пользоваться малѣйшей возможностью развитія экономической дѣятельности. Положительно самъ собою, самой дѣйствительностью ставится слѣдующій вопросъ: если русскіе люди, при общихъ неблаго-

пріятныхъ экономическихъ условіяхъ, умѣютъ достигать довольно значительныхъ общеполезныхъ результатовъ, то что бы они сдѣлали при малѣйшемъ улучшеніи этихъ условій? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, нельзя принципіально отвергать, что экономическое развитіе зависитъ отъ экономическихъ условій положенія лицъ и странъ, призванныхъ къ дѣятельности.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

Мокшаны, Пенз. губ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1903.

Высочайшій манифестъ 26-го февраля. — Различные взгляды на вѣротерпимость. — Вопросъ о реформѣ губернскаго и уѣзднаго управленія. — „Высшая мѣстная власть“. — Приходъ и мелкая земская единица. — Губернскіе сельско-хозяйственные комитеты. — Предполагаемый образовательный цензъ для гласныхъ г. Петербурга.

26-го февраля распубликованъ подписанный въ тотъ же день Высочайшій манифестъ, слѣдующаго содержанія:

„Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на прародительскій престолъ, Мы пріяли священный обѣтъ предъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои державы россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному отечеству.

„Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ державныхъ Нашихъ предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго родителя Нашего.

„Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною державные труды возлюбленнаго родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ русской землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

„Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

„Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

„Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ имперіи россійской, которые, благоговѣйно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

„Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

„Въ соотвѣтствіи съ предлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вящшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

„Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

„Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

„Преобразовать губернское и уѣздное управленія для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственною.

„Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

„Призывая всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью самодержавной власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

„Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, исполнить наши помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти“.

Пока не осуществлены преобразованія, намѣченныя въ Высочайшемъ манифестѣ, подробности ихъ содержанія могутъ служить только предметомъ догадокъ, неизбѣжно разнорѣчивыхъ. Въ догадкахъ всегда отражаются, въ большей или меньшей мѣрѣ, настроенія догадывающихся—а такъ какъ настроенія далеко не одинаковы, то не могутъ не быть различны и порождаемыя ими ожиданія. Такъ напримѣръ, въ словахъ манифеста, касающихся вѣротерпимости, „Московскія Вѣдомости" видятъ *только* осужденіе стремленій, направленныхъ къ болѣе широкому пониманію свободы совѣсти, и напоминаніе о правахъ и преимуществахъ, присвоенныхъ одной лишь православной церкви. Иначе толкуетъ эти слова даже петербургскій союзникъ московской реакціонной газеты. По мнѣнію „Гражданина" (№ 20), они возстановляютъ въ полной силѣ принципъ, примѣненіе котораго съуживалось—не столько въ центральномъ управленіи, сколько на мѣстахъ—административною практикою. Въ западныхъ губерніяхъ католики до сихъ поръ испытываютъ на себѣ дѣйствіе стѣснительныхъ мѣръ, вызванныхъ давно миновавшими условіями. „Въ городѣ С." — читаемъ мы въ „Дневникѣ" кн. Мещерскаго,—„гдѣ все населеніе кругомъ римско-католическое и имѣлась только одна церковь, которая стала за ветхостью угрожать разрушеніемъ, семь лѣтъ ходатайства о возобновленіи церкви оставались безъ удовлетворенія, и тысячи людей лишены были возможности ходить въ церковь; затѣмъ получилось разрѣшеніе, но подъ условіемъ выстроить ее такихъ размѣровъ, чтобы десятая часть прихожанъ могла въ ней помѣщаться". Въ городѣ N прихожане (католики) просили разрѣшенія въ праздникъ Пасхи устроивать крестный ходъ кругомъ церкви; имъ было отказано, съ объявленіемъ, что если они желаютъ имѣть крестный ходъ, то должны выстроить вокругъ церкви ограду выше человѣческаго роста и за ней дѣлать крестный ходъ; прихожане выстроили ограду, но когда она была готова, новый генералъ-губернаторъ все-таки воспретилъ крестный ходъ, основываясь на распоряженіи, состоявшемся вскорѣ послѣ мятежа... „Въ области религіозныхъ дѣлъ калмыцкаго народа" — продолжаетъ кн. Мещерскій, — „я тоже познакомился съ несомнѣннымъ нарушеніемъ основного закона о свободѣ вѣроисповѣданій, тѣмъ болѣе неизвинительнымъ, что калмыки никогда не бунтовали. Мѣстное начальство систематически отказываетъ калмыкамъ въ правѣ строить новые храмы". Къ фактамъ, приведеннымъ въ „Гражданинѣ", нетрудно было бы прибавить немало другихъ. Съ принципомъ вѣротерпимости не всегда согласуется примѣненіе закона 3-го мая 1883-го года, имѣвшаго въ виду даровать раскольникамъ и сектантамъ свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія, но на самомъ дѣлѣ далеко не вполнѣ обезпечивающаго за ними пользованіе этими благами.

Неустраненнымъ остается противорѣчіе между закономъ 1883-го г. и положеніемъ комитета министровъ 1894-го года, воспретившимъ молитвенныя собранія штундистовъ. Ничѣмъ не облегчено положеніе тѣхъ, кто, числясь православнымъ, на самомъ дѣлѣ никогда къ православной церкви не принадлежалъ. Съ одной ихъ группой насъ знакомитъ интересная статья г. Цаголова, напечатанная въ № 68 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Между осетинами сѣвернаго Кавказа есть, рядомъ съ православными, и магометане, такъ-называемые ренегаты. Это — потомки осетинъ, окрещенныхъ, лѣтъ 60—80 тому назадъ, въ эпоху особенно усердной миссіонерской дѣятельности священниковъ-грузинъ. Каждый соглашавшійся креститься получалъ 50 коп. деньгами, серебряный крестикъ и кусокъ матеріи на рубаху —и охотниковъ являлось немало, особенно между дѣтьми. Иные крестились по нѣскольку разъ, называя себя именами своихъ родныхъ или сосѣдей. Случалось также, что въ списокъ окрещенныхъ миссіонеръ сознательно вносилъ людей, вовсе не думавшихъ креститься. Всѣ такимъ образомъ окрещенные или показанные окрещенными, а затѣмъ и ихъ дѣти, считались и считаются православными, будучи, въ сущности, магометанами. Если кто-нибудь изъ нихъ вступитъ въ бракъ, похоронитъ умершаго не по православному обряду или оставитъ дѣтей неокрещенными, онъ подвергается разнымъ мытарствамъ, доходящимъ до лишенія свободы. Мужа разлучаютъ съ женою, хотя бы у нихъ уже были дѣти. Распадаются семьи, разоряются хозяйства —и ко всему этому присоединяются душевныя муки. „Для простого горца“, говоритъ г. Цаголовъ, „религія—все. Она скрашиваетъ его жизнь, полную труда и лишеній, позволяетъ ему безъ ропота поливать своимъ потомъ безплодныя скалы его родины, голодать и мерзнуть въ темной и дымной саклѣ. И вотъ, силою вторгаются въ его святая святыхъ, заставляютъ идти другой дорогой, отказаться отъ того, что, по его разумѣнію, есть непреложная истина“. Замѣтимъ, что свѣдѣнія о способѣ обращенія осетинъ г. Цаголовъ заимствуетъ изъ работы священника Гатуева: „Христіанство въ Осетіи“, напечатанной въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ и недавно вышедшей отдѣльною книгой... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что осетинскіе „ренегаты“—явленіе далеко не исключительное. Аналогичные факты встрѣчаются въ Поволжьѣ—между татарами, въ Восточной Сибири—между бурятами, въ остзейскомъ краѣ—между эстами и латышами, въ царствѣ польскомъ — между бывшими уніатами. Сколько добра могло бы принести здѣсь даже простое смягченіе административной практики!... Само собою разумѣется, однако, что для прочнаго обезпеченія вѣротерпимости необходимъ пересмотръ дѣйствующихъ законовъ. Этому вопросу посвящена прекрасная статья Ю. Н. Милютина

(„С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 57), вызванная именно Высочайшимъ манифестомъ 26-го февраля. Автора не смущаетъ предвидимое имъ указаніе на возможность отпаденія отъ православной церкви множества людей, числящихся православными. „Развѣ они“—восклицаетъ онъ, — „развѣ они теперь православные, а не облыжно именуются таковыми? Развѣ, когда войско готовится къ бою и въ рядахъ его есть тайные измѣнники, не лучше дать имъ открыто перебѣжать во вражескій станъ, чѣмъ, насильно удерживая ихъ въ своемъ, обманываться насчетъ своихъ истинныхъ силъ? Развѣ православная церковь не пріобрѣла бы въ качествѣ своихъ сыновъ то, что она потеряла бы въ ихъ видимомъ количествѣ? Нѣтъ, число православныхъ не измѣнилось бы отъ этого, но только узналась бы правда о немъ. Наконецъ, со снятіемъ запрета на самоопредѣленіе въ области вѣры, неизбѣжно станетъ ослабляться столь распространенный нынѣ индифферентизмъ, церковная жизнь забьется съ новой силой. Церковь окрѣпнетъ, засіяетъ новымъ свѣтомъ и вновь будетъ привлекать къ себѣ заблудшихся по недоразумѣнію, не стѣсняемая болѣе „гнилою тягостью латъ земныхъ“ въ своемъ божественномъ призваніи“.

Далеко не одинаково толкуется въ печати и тотъ отдѣлъ Высочайшаго манифеста, который касается реформы мѣстнаго управленія. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, манифестъ 26-го февраля „снова возстановляетъ во всей его силѣ тотъ основной, но пошатнувшійся у насъ принципъ, что мѣстная административная власть должна предъ государемъ строго отвѣчать за все благосостояніе ввѣреннаго ей края,— а эту отвѣтственность она можетъ нести лишь въ томъ случаѣ, если въ краѣ рядомъ съ нею не будетъ другой, парализующей ея дѣйствія земской власти, то-есть если она, говоря словами манифеста, будетъ сильна и закономѣрна и сама, по своему усмотрѣнію, будетъ руководить трудами мѣстныхъ людей“. Въ другой статьѣ („Трудъ мѣстныхъ людей въ областномъ управленіи“, № 68) та же газета идетъ еще дальше, утверждая, что лучшимъ способомъ „удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ трудами мѣстныхъ людей была бы отмѣна всякихъ выборовъ и привлеченіе мѣстныхъ людей какъ въ совѣщательные, такъ и въ исполнительные мѣстные правительственные органы, путемъ назначенія чрезъ высшую областную администрацію“. И по этому вопросу „Гражданинъ“ оказывается не вполнѣ солидарнымъ съ своимъ московскимъ собратомъ. Отвергая „отдѣльность“ земскихъ, городскихъ, дворянскихъ учрежденій, кн. Мещерскій („Дневникъ“, № 19) говоритъ, однако, о „свободной самодѣятельности мѣстной народной жизни“, „группирующейся“ около представителя царской власти, но „непо-

средственно подвластной самодержавному Царю". Одинъ изъ его сотрудниковъ („Маленькія мысли", № 20), усматривая въ манифестѣ „призывъ къ индивидуализаціи, къ проявленію личности", высказываетъ увѣренность, что „усиленіе мѣстной самодѣятельности знаменуетъ смерть бюрократизма". „Новое Время" (№ 9693), исходя изъ той мысли, что мѣстною дѣятельностью можетъ руководить только мѣстная же власть, привѣтствуетъ торжество децентрализаціи и пораженіе канцеляризма. Усиленіе мѣстной власти „Новое Время" понимаетъ не въ смыслѣ увеличенія полномочій, которыми и теперь въ достаточной мѣрѣ обладаетъ губернаторъ, а въ смыслѣ расширенія его компетенціи на счетъ компетенціи центральныхъ учрежденій.—Обѣ петербургскія газеты впадаютъ въ одну и ту же ошибку, считая децентрализацію чѣмъ-то безусловно противоположнымъ бюрократизму и канцеляризму. Бюрократизмъ возможенъ и тогда, когда значительная часть дѣлъ рѣшается на мѣстахъ, но рѣшается по усмотрѣнію начальства, безъ соображенія съ желаніями населенія, на основаніи правилъ, выработанныхъ рутиной и поддерживаемыхъ привычкой. Канцеляризмъ возможенъ на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи; ошибочно было бы думать, что его отличительная черта—преобладаніе бумажнаго производства—свойственна однимъ только центральнымъ учрежденіямъ. Сама по себѣ взятая, децентрализація гарантируетъ, и то не не всегда, только одно: нѣсколько болѣе скорое движеніе дѣлъ. Все остальное зависитъ отъ того, между кѣмъ распредѣляются функціи, переносимыя отъ центра на окружность, какъ регулируется ихъ отправленіе, въ какой мѣрѣ новый порядокъ благопріятствуетъ—или не благопріятствуетъ—общественной самодѣятельности. Когда при Наполеонѣ III-мъ часть дѣлъ, прежде доходившихъ до министерствъ, была предоставлена окончательному рѣшенію префектовъ, это несомнѣнно можно было назвать децентрализаціей—но едва ли отъ того хоть сколько-нибудь ослабѣлъ традиціонный французскій бюрократизмъ. Ликованіе „Гражданина" и „Новаго Времени" кажется намъ, поэтому, преждевременнымъ—какъ преждевременна и увѣренность „Московскихъ Вѣдомостей", что мѣстная административная власть будетъ руководить *по своему усмотрѣнію* работой мѣстныхъ людей.

Присмотримся поближе къ мотивамъ смертнаго приговора, который газета г. Грингмута спѣшитъ произнести надъ „всякими выборами" и всякимъ самоуправленіемъ. „Выборная система"—говорятъ намъ—„чаще всего ввѣряетъ общественное дѣло профессіональнымъ дѣльцамъ, т.-е. лицамъ кормящимся около самоуправленія". Если считать „профессіональными дѣльцами" всѣхъ предсѣдателей и членовъ земскихъ и городскихъ управъ, то отчего же не причислить къ той же категоріи всѣхъ состоящихъ на коронной службѣ? Вѣдь если одни, по

элегантному выраженію московской газеты, кормятся около самоуправленія, то другіе точно такъ же кормятся около управленія. Характеръ вознагражденія за служебный трудъ не зависитъ отъ источника, изъ котораго оно выплачивается. Профессіональнымъ дѣльцомъ, въ широкомъ значеніи слова, можетъ быть названъ каждый, кто видитъ въ избранной имъ карьерѣ не только постоянное, главное занятіе, но и средство къ жизни—а въ специфическомъ, нелестномъ смыслѣ, это выраженіе примѣнимо только къ нѣкоторымъ земскимъ и городскимъ дѣятелямъ, на томъ же основаніи, на какомъ оно примѣнимо и къ нѣкоторымъ чиновникамъ. Позволительно ли, затѣмъ, упускать изъ виду, что „выборная система" призываетъ къ дѣятельности цѣлую массу лицъ, не только не „кормящихся" около самоуправленія, но жертвующихъ ему своимъ трудомъ, своимъ временемъ, ничего лично для себя отъ него не ожидая? Аналогичныхъ явленій сфера управленія представляетъ весьма мало—и это не можетъ быть иначе, потому что она не благопріятствуетъ тѣмъ стимуламъ, которыми вызывается безвозмездная работа земскихъ и городскихъ гласныхъ... При господствѣ выборной системы,—читаемъ мы дальше,—„право на участіе въ управленіи получаютъ не всѣ способные и достойные мѣстные люди, а лишь часть ихъ, такъ какъ, вслѣдствіе избирательной борьбы, другая часть, побѣжденная, не допускается къ общественной дѣятельности". Въ сферѣ земскаго и городского самоуправленія избирательная борьба происходитъ далеко не всегда. Весьма часто люди, заслужившіе общественное довѣріе, избираются и переизбираются въ гласные почти единогласно; неизмѣннымъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, остается нерѣдко и составъ управы. Гдѣ есть борьба, тамъ есть, зато, и шансы перемѣны: за пораженіемъ легко можетъ слѣдовать побѣда. *Возможность* борьбы противодѣйствуетъ застою, поднимаетъ уровень усилій, посвящаемыхъ общественному дѣлу. „Побѣжденными"—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости" — „чаще всего оказываются достойнѣйшіе, такъ какъ не прибѣгаютъ къ такимъ неразборчивымъ средствамъ выборной агитаціи, какъ большинство, обыкновенно сплочиваемое профессіональными дѣльцами". На самомъ дѣлѣ выборной агитаціи сплошь и рядомъ не бываетъ вовсе, а если она и возникаетъ, то въ ея распоряженіи, съ тѣхъ поръ какъ ограничена выдача довѣренностей, очень мало средствъ, употребленіе которыхъ оправдывало бы упрекъ въ неразборчивости. Профессіональные дѣльцы, „сплочивающіе" большинство—это, за самыми рѣдкими исключеніями, не что иное, какъ тенденціозный миѳъ. Конечно, избраніе не всегда падаетъ на достойнѣйшихъ"; но еслибы „достойнѣйшихъ" между земскими избранниками было мало, исторія земства была бы менѣе богата блестящими страницами, въ общемъ его активѣ было бы меньше цѣнныхъ пріобрѣте-

ній. На чемъ, съ другой стороны, основано предположеніе, что выдвигать „достойнѣйшихъ" назначеніе будетъ чаще, чѣмъ выборъ? Развѣ административныя сферы свободны отъ недостатковъ, иногда замѣчаемыхъ въ сферѣ земскаго и городского самоуправленія? Развѣ въ нихъ никогда не происходитъ своего рода борьба—борьба за вліяніе и власть? Развѣ ищущіе служебнаго положенія никогда не прибѣгаютъ къ мало похвальнымъ средствамъ, чтобы одержать верхъ надъ соперникомъ или соперниками?... *Абсолютнаго* превосходства нельзя признать ни за выборомъ, ни за назначеніемъ; въ одной области, при однихъ условіяхъ болѣе цѣлесообразна одна система, въ другой области, при другихъ условіяхъ—другая. Если, напримѣръ, въ полицейской службѣ, съ ея строгой іерархической подчиненностью, съ безусловной обязательностью начальническаго приказа, наиболѣе умѣстно назначеніе, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было цѣлесообразно и въ области мѣстнаго хозяйства. Многолѣтній опытъ показалъ, что внести жизнь въ эту область, отвѣтить на ея разнообразные запросы можетъ только „выборная система".

Преимущество назначенія передъ выборомъ московская газета пытается доказать примѣромъ почетныхъ мировыхъ судей. „Мировой институтъ, будучи выборнымъ, зачахъ и захирѣлъ настолько, что этого не могли отрицать даже сами принципіальные его защитники. Но вотъ онъ вводится на окраинахъ. И что же? Труды коммиссіи по преобразованію судебной части свидѣтельствуютъ, что назначаемые отъ правительства почетные мировые судьи оказались въ высшей степени полезными дѣятелями на поприщѣ мѣстнаго правосудія. А этого далеко нельзя сказать относительно выборныхъ почетныхъ мировыхъ судей семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ". Въ этихъ немногихъ словахъ умѣстился цѣлый рядъ невѣрныхъ утвержденій. Изъ числа „принципіальныхъ защитниковъ" мирового суда только одинъ приписывалъ его недостатки выборному его характеру—и этотъ одинъ отказался отъ своего мнѣнія, когда ознакомился съ дѣятельностью института, ставшаго на мѣсто мировыхъ судей. Всѣ остальные приверженцы мирового суда, не замалчивая слабыхъ сторонъ его дѣятельности, объясняли ихъ легко устранимыми условіями (слишкомъ высокимъ имущественнымъ и недостаточно высокимъ образовательнымъ цензомъ, несостоятельностью земской избирательной системы, пробѣлами и отсталостью гражданскаго законодательства, слишкомъ большимъ, по нѣкоторымъ вопросамъ, формализмомъ кассаціонной практики). „Зачахшимъ", „захирѣвшимъ" выборный мировой судъ имъ вовсе не казался, да и въ дѣйствительности не былъ. Гораздо менѣе удовлетворителенъ, по общему признанію, былъ мировой судъ на окраинахъ имперіи, гдѣ назначались не только почетные, но и участ-

ковые мировые судьи. Что нѣкоторые изъ назначенныхъ почетныхъ судей трудились и трудятся не безъ пользы—этого мы, конечно, не отрицаемъ: но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что до 1889-го года еще гораздо болѣе широкой и плодотворной была дѣятельность выборныхъ почетныхъ судей (конечно не всѣхъ, но многихъ). Изъ ихъ среды часто выбирались предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ; они замѣняли отсутствующихъ участковыхъ судей, разбирали по 30-ой статьѣ устава гражд. судопр., противодѣйствовали, участіемъ своимъ въ засѣданіяхъ мировыхъ съѣздовъ, взаимной снисходительности участковыхъ судей къ ошибкамъ, допущеннымъ при первоначальномъ рѣшеніи дѣла. До извѣстной степени выборные почетные судьи сохраняютъ это значеніе и въ нынѣшнихъ уѣздныхъ съѣздахъ, несмотря на то, что составъ послѣднихъ мало благопріятствуетъ дружной работѣ.

Въ одной изъ газетъ, празднующихъ торжество децентрализаціи, появился рядъ статей, намѣчающихъ возможную организацію преобразованныхъ мѣстныхъ учрежденій. Сначала („Новое Время“ № 9695) проектируется въ общихъ чертахъ губернскій совѣтъ, въ которомъ, рядомъ съ представителями вѣдомствъ, засѣдали бы представители выборныхъ учрежденій; нѣсколько дней спустя появляются статьи г. К. Головина (№№ 9701 и 9703), предлагающія цѣлый планъ реформы; за ними слѣдуетъ статья (№ 9707), рекомендующая учрежденіе высшей мѣстной (областной) власти. Остановимся, прежде всего, на статьяхъ г. Головина, не касаясь пока той ихъ части, гдѣ идетъ рѣчь о мелкой земской единицѣ. Преобразованіе уѣзднаго управленія г. Головинъ считаетъ сравнительно легкимъ: стоитъ только соединить всѣ уѣздныя коллегіи въ одну, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, и признать послѣдняго начальникомъ уѣзда, изъявъ изъ его вѣдѣнія только дѣла полицейскія въ тѣсномъ смыслѣ, но предоставивъ ему надзоръ за дѣйствіями полиціи. Въ губерніи г. Головинъ предлагаетъ учредить собраніе уѣздныхъ предводителей и губернскій совѣтъ; первому предоставляется все касающееся благоустройства отдѣльныхъ уѣздовъ (пути сообщенія, мѣстныя школы и больницы, общественныя учрежденія, борьба съ эпизоотіями и т. п.), второму — разрѣшеніе возникающихъ въ губерніи прореканій какъ между отдѣльными вѣдомствами, такъ и между администраціей и земствами. Въ составъ губернскаго совѣта должны входить въ равномъ числѣ выборныя и правительственныя должностныя лица. Онъ разсматриваетъ по существу и утверждаетъ губернскую смѣту, притомъ не только по тѣмъ статьямъ расхода, которыя въ настоящее время относятся къ вѣдѣнію земства, но и по всѣмъ статьямъ казен-

наго хозяйства (по казеннымъ дорогамъ, школамъ, тюрьмамъ, больницамъ и т. п.). Несогласія разрѣшаются путемъ преній и заканчиваются голосованіемъ. Вмѣсто теперешнихъ губернаторскихъ протестовъ имѣлись бы, такимъ образомъ, постановленія большинства, прошедшія черезъ двойную критику въ двухъ разныхъ инстанціяхъ. Смѣты земскія и городскія окончательно утверждались бы послѣ спокойнаго всесторонняго обсужденія, что̀, правда, нѣсколько замедляло бы земскія начинанія, но зато и очищало бы ихъ отъ всего страстнаго, скороспѣлаго, необдуманнаго. При такихъ условіяхъ можно было бы расширить, даже въ значительной степени, сферу дѣятельности губернскаго земства, распространивъ ее на всѣ отрасли губернской жизни. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть ненужнѣе двойного штата инженеровъ, врачей, техниковъ и т. п.—словомъ, этой разъединенности задачъ администраціи и земства, точно они не о̀рганы одной и той же власти, не слуги одного и того же государства?

Такова, въ главныхъ чертахъ, воздушная постройка, возведенная г. Головинымъ. Одно въ ней не совсѣмъ ясно: оставляетъ ли она мѣсто для земскихъ управъ, уѣздной и губернской? Повидимому, нѣтъ: въ уѣздѣ проектируется только одна коллегія, уѣздный предводитель провозглашается *начальникомъ* уѣзда, забота о благоустройствѣ отдѣльныхъ уѣздовъ переносится въ собраніе уѣздныхъ предводителей. Еще меньше сомнѣній возбуждаетъ участь губернской земской управы: поставленная между собраніемъ уѣздныхъ предводителей и губернскимъ совѣтомъ, она оказалась бы совершенно излишней. Вполнѣ понятно, затѣмъ, сочувствіе, встрѣченное проектомъ г. Головина со стороны „Гражданина“ (№ 21): послѣдній идетъ только еще дальше, высказываясь за полное упраздненіе губернскаго земства, т.-е. какъ губернской земской управы, такъ и губернскаго земскаго собранія. И, пожалуй, приходится признать, что здѣсь кн. Мещерскій послѣдовательнѣе г. Головина. Во что̀ обратилось бы, въ самомъ дѣлѣ, губернское земское собраніе, раздѣляющее заботу о мѣстномъ благоустройствѣ съ собраніемъ уѣздныхъ предводителей, вполнѣ зависимое отъ губернскаго совѣта (утверждающаго—или не утверждающаго—смѣтныя назначенія, т.-е. имѣющаго возможность парализовать любое земское начинаніе), лишенное исполнительныхъ о̀рганов (не только губернской земской управы, но и *земскихъ* врачей, техниковъ и т. п.)? Не очевидно ли, что существованіе его было бы болѣе призрачнымъ (Scheinexistenz), чѣмъ реальнымъ?... Непослѣдователенъ, зато, кн. Мещерскій тогда, когда находитъ систему г. Головина совмѣстимой съ „свободною самодѣятельностью“ уѣзднаго земства: о такой самодѣятельности, при полновластіи предводителя въ уѣздѣ и при широкихъ полномочіяхъ собранія уѣздныхъ предводителей, не мо-

жетъ быть и рѣчи. Коренную ошибку г. Головина мы видимъ въ томъ, что администрація и земство соединяются имъ въ одно искусственное цѣлое. Рѣшающую роль, при такой постановкѣ дѣла, несомнѣнно будетъ играть администрація, властная сама по себѣ и поддерживаемая сверху. По истинѣ, „данайскимъ даромъ“ оказалось бы и расширеніе земскихъ функцій, купленное увеличеніемъ зависимости. Если земству, при условіяхъ бо́льшею частью неблагопріятныхъ, удалось, въ сравнительно короткое время, многое сдѣлать для народнаго блага, если оно внесло въ мѣстную жизнь небывалую до тѣхъ поръ иниціативу и разбудило массу дремавшихъ силъ, то это объясняется именно обособленностью его круга дѣйствій, позволявшею ему быть чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели исполнителемъ чужихъ велѣній. Даже послѣ изданія Положенія 1890-го года, даже послѣ новеллъ, внушенныхъ недовѣріемъ къ самоуправленію, земство оставалось хозяиномъ у себя дома. Домъ былъ значительно меньше прежняго, права хозяина ограничены весьма существенно — но все-же кое-что могло быть имъ предпринято по собственному почину и доведено до конца безъ посторонняго вмѣшательства. Ни о чемъ подобномъ нельзя было бы и думать при водвореніи порядка, о которомъ мечтаетъ г. Головинъ. Съ отдѣльностью земства исчезла бы и его самостоятельность. Каждое постановленіе его нуждалось бы въ утвержденіи и, что̀ еще важнѣе, исполнялось бы учрежденіями и должностными лицами, земскими только отчасти. Двойственность, порицаемая г. Головинымъ, несравненно лучше рекомендуемаго имъ единства. Въ настоящее время земскіе врачи дѣйствуютъ подъ контролемъ губернскаго врачебнаго инспектора, земскіе техники—подъ контролемъ губернскаго инженера. Уполномоченные земства отвѣчаютъ передъ нимъ за существо своихъ дѣйствій, передъ администраціей—за ихъ законность. Излишними, такимъ образомъ, нельзя признать ни земскихъ агентовъ, ни административныхъ; одновременное существованіе тѣхъ и другихъ становится неудобнымъ только тогда, когда послѣдніе выходятъ за предѣлы своей задачи... Противъ губернскаго совѣта, какъ коллегіи, замѣняющей собою многочисленныя губернскія присутствія, мы не возражаемъ, лишь бы только этимъ не упразднялась губернская земская управа и вообще ничего не измѣнялось къ худшему въ положеніи губернскаго земства. Чѣмъ больше въ губернскомъ совѣтѣ будетъ выборныхъ представителей земства, тѣмъ лучше—но еслибы даже ихъ число равнялось числу представителей администраціи, это не могло бы служить противовѣсомъ умаленію правъ земства; вѣдь предсѣдательство въ губернскомъ совѣтѣ—а слѣдовательно и рѣшающее слово при равенствѣ голосовъ—принадлежало бы губернатору. Болѣе чѣмъ вѣроятно, притомъ, что по отношенію къ губернскому совѣту губер-

наторъ былъ бы облеченъ тѣмъ же правомъ, какое принадлежитъ ему по отношенію къ губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію—правомъ переносить дѣло, при несогласіи съ большинствомъ, на разсмотрѣніе высшей инстанціи.

Подробный разборъ проекта, съ которымъ выступилъ г. Головинъ, освобождаетъ насъ отъ необходимости останавливаться на измышленіяхъ „Московскихъ Вѣдомостей". Если настоящимъ бѣдствіемъ была бы перемѣна сравнительно умѣренная, рекомендуемая писателемъ, не принадлежащимъ къ числу принципіальныхъ враговъ самоуправленія, то нетрудно понять, къ чему привело бы полное разрушеніе земскаго строя. Если нежелательно полновластіе коллегіи, въ которой рядомъ съ должностными лицами засѣдали бы выборные представители выборныхъ учрежденій, то что̀ же сказать объ „отмѣнѣ всякихъ выборовъ" и включеніи въ составъ мѣстныхъ правительственныхъ о̀рга-новъ, какъ исполнительныхъ, такъ и совѣщательныхъ, нѣсколькихъ мѣстныхъ людей, по назначенію администраціи? Не ясно ли, что въ исполнительныхъ о̀рганахъ они скоро стали бы играть роль засѣдателей до-реформеннаго земскаго суда, а въ совѣщательныхъ о̀рганахъ—роль дворянскихъ и городскихъ депутатовъ въ до-реформенныхъ комитетахъ о земскихъ повинностяхъ?...

Не болѣе удачной, чѣмъ проектъ г. Головина, кажется намъ какъ бы завершающая его мысль о высшей мѣстной власти. Исходя изъ предположенія, что компетенція коллективной губернской власти, даже при самой совершенной организаціи этой власти, не можетъ быть сразу слишкомъ раздвинута, „Новое Время" признаетъ желательнымъ образованіе такихъ о̀рогановъ, которые, стоя выше губернскихъ, являлись бы посредниками между центральными и мѣстными учрежденіями. Главное назначеніе этихъ о̀ргановъ—провѣрка рѣшеній губернскихъ совѣтовъ; отсюда слѣдуетъ, что ихъ составъ также долженъ быть коллегіальный и смѣшанный, т.-е. обнимать собою, рядомъ съ старшими представителями разныхъ вѣдомствъ, достойнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей всѣхъ губерній даннаго областного района. Во главѣ областной коллегіи можетъ стоять только лицо, облеченное довѣріемъ Государя. Ему должно принадлежать право „въ неотложныхъ случаяхъ, за своею отвѣтственностью, принимать извѣстныя мѣры, отнюдь не умаляя, однако, власти губернскихъ о̀рагановъ и не вторгаясь въ сферу тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ вліянію губернской власти". Газета считаетъ долгомъ оговориться, что рѣчь идетъ вовсе не о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторской власти—но на самомъ дѣлѣ проектируемый ею сановникъ, какъ бы онъ ни былъ названъ,

не могъ бы быть ни чѣмъ инымъ, какъ именно генералъ-губернаторомъ. Между тѣмъ, не случайно же эта должность сохранилась, кромѣ Москвы, только на окраинахъ имперіи. Неоднократно повторенный опытъ показалъ съ полною ясностью, что, при нормальномъ теченіи дѣлъ, она является совершенно излишнимъ звеномъ между губерніями и центромъ. Если въ губернскомъ совѣтѣ неизбѣжно преобладалъ бы губернаторъ, передъ которымъ слишкомъ легко можетъ стушеваться все остальное, то что же сказать о совѣтѣ областномъ, разъ что во главѣ его было бы поставлено лицо съ чрезвычайными полномочіями и выдающимся положеніемъ? Много ли, затѣмъ, такихъ интересовъ, которые оправдывали бы объединеніе нѣсколькихъ губерній въ одно крупное административное цѣлое? Могутъ, конечно, возникать вопросы, одинаково касающіеся нѣсколькихъ сосѣднихъ губерній и требующіе совмѣстнаго обсужденія—но наилучшая форма для такого обсужденія давно уже найдена въ видѣ областныхъ съѣздовъ. Разрѣшеніе областнымъ совѣтомъ той или другой группы дѣлъ, которыя иначе должны были бы идти изъ губерніи въ Петербургъ, привело бы, можетъ быть, къ нѣкоторому ускоренію дѣлопроизводства; но зато немало, по всей вѣроятности, было бы и такихъ случаевъ, когда окончательное рѣшеніе дѣла, перешедшаго изъ губернскаго совѣта въ областной, все-таки пришлось бы предоставить одному изъ центральныхъ управленій—и въ результатѣ получилась бы напрасная задержка. Нѣтъ, не созданіемъ новой инстанціи можно достигнуть лучшихъ результатовъ правительственной работы... Правильнымъ кажется намъ только указаніе „Новаго Времени" на необходимость поднять значеніе сената, какъ единственнаго учрежденія, могущаго способствовать „закономѣрности" управленія.

Намѣчаемое въ манифестѣ сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ едва ли можетъ быть понимаемо какъ разрѣшеніе вопроса о мелкой земской единицѣ. На это указываетъ какъ оговорка, сдѣланная въ манифестѣ („тамъ, гдѣ это представится возможнымъ"), такъ и въ особенности самый характеръ приходскихъ попечительствъ. Принадлежность къ земской единицѣ обязательна для всѣхъ живущихъ въ данной мѣстности или владѣющихъ въ ней недвижимымъ имуществомъ; въ составъ приходскаго попечительства входятъ только желающіе. Размѣръ сбора на общія нужды въ мелкой единицѣ опредѣляется (въ установленныхъ закономъ предѣлахъ) ею самою; въ приходскомъ попечительствѣ онъ зависитъ, обыкновенно, отъ доброй воли прихожанъ. Задачи мелкой единицы обнимаютъ собою всю мѣстную хозяйственную жизнь; задачи приходскаго попечительства не выходятъ

изъ области церковнаго благоустроенія и благотворительности. Въ мелкой единицѣ не имѣетъ никакого значенія различіе вѣроисповѣданій; приходское попечительство неразрывно связано съ православною церковью. Понятно, что между приходскими попечительствами и общественнымъ управленіемъ, больше придвинутымъ къ населенію, возможно только *сближеніе*, выражающееся, напримѣръ, въ общей заботѣ о бѣдныхъ, сирыхъ и безпріютныхъ. Нельзя, поэтому, согласиться и съ той частью проекта г. Головина, которая предлагаетъ „связать земскую ячейку съ церковной: не съ приходомъ въ тѣсномъ смыслѣ— на то онъ слишкомъ мелокъ, — а съ цѣлой группой приходовъ, отъ пяти до десяти, и собрать все, что тамъ найдется—приходскихъ настоятелей, выборныхъ отъ сельскихъ обществъ, личныхъ землевладѣльцевъ (съ цензомъ, положимъ, въ 100 десятинъ), учительскій персоналъ земскихъ и приходскихъ школъ". Все это вмѣстѣ взятое дастъ „довольно почтенный составъ для участковаго совѣта, предсѣдателемъ котораго всего проще быть земскому начальнику". Никакихъ новыхъ налоговъ эта организація, по мысли г. Головина, за собою повлечь не должна и принадлежность къ ней ни для кого не должна быть обязательна. Функціи ея авторъ проекта ограничиваетъ надзоромъ за школами, больницами, путями сообщенія и представленіемъ земству о нуждахъ населенія. Въ нашихъ глазахъ такой участковый совѣтъ является не чѣмъ инымъ, какъ приходскимъ попечительствомъ, распространеннымъ на нѣсколько приходовъ и именно потому гораздо менѣе цѣлесообразнымъ. Хорошей стороны приходскаго попечительства—близкаго знакомства участниковъ между собою и съ мѣстными жителями — здѣсь не будетъ, а средства и кругъ дѣйствій, за отсутствіемъ обязательнаго сбора, останутся крайне ограниченными; не будутъ устранены и неудобства, связанныя съ пріуроченіемъ чисто свѣтскаго дѣла къ церковному строю. Предсѣдательство земскаго начальника лишитъ участковый совѣтъ самостоятельности, составляющей, въ подобныхъ случаяхъ, первое условіе успѣха. Правда, г. Головинъ стоитъ за коренную перемѣну въ положеніи земскихъ начальниковъ, предлагая сдѣлать эту должность выборною и срочною [1]); но онъ не объясняетъ, *кѣмъ*, по его мнѣнію, должны быть выбираемы земскіе начальники? Если дворянствомъ, то выигрышъ отъ перемѣны былъ бы крайне сомнительный. Не особенно большой гарантіей былъ бы даже выборъ ихъ земствомъ, пока въ немъ до такой степени, какъ теперь, преобладаетъ элементъ

[1]) Для обезпеченія самостоятельности земскихъ начальниковъ г. Головинъ считаетъ достаточнымъ поставить досрочное удаленіе ихъ отъ должности въ зависимости отъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ забываетъ, что дѣла о принудительномъ увольненіи земскихъ начальниковъ и теперь проходятъ черезъ совѣтъ, но особенной гарантіи въ этомъ никто не видитъ.

дворянскій... Въ проектѣ г. Головина намъ симпатична только одна черта: включеніе въ составъ участковаго совѣта учителей земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Авторъ проекта не раздѣляетъ, очевидно, того взгляда, крайнимъ выраженіемъ котораго служитъ статья г. Spectator'a: „Третій элементъ и мелкая земская единица" („Московскія Вѣдомости", № 60). Если вѣрить озлобленному алармисту, мелкая земская единица—только маска, подъ которою злоумышленно хотятъ ввести въ составъ земства „людей, не имѣющихъ ни кола, ни двора": земскихъ врачей, ветеринаровъ, фельдшеровъ, учителей и т. п. За открытое провозглашеніе того, что до сихъ поръ бережно хранилось въ тайнѣ, г. Spectator приноситъ ироническую благодарность ораторамъ недавняго московскаго учительскаго съѣзда. На самомъ дѣлѣ „тайна" раскрыта уже очень давно: образовательный цензъ, какъ одно изъ основаній избирательнаго права, игралъ видную роль уже въ самыхъ первыхъ проектахъ всесословной волости, относящихся къ началу восьмидесятыхъ годовъ [1]).

27-го февраля происходило, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, первое засѣданіе коммиссіи по преобразованію губернскаго управленія. Въ трудахъ коммиссіи принимаютъ участіе три товарища министра, три директора департаментовъ и пять губернаторовъ (с.-петербургскій—графъ Толь, самарскій—Брянчаниновъ, харьковскій—кн. Оболенскій, могилевскій—Клингенбергъ и псковской—кн. Васильчиковъ). Всѣ члены коммиссіи принадлежатъ, такимъ образомъ, къ чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ виду извѣстной рѣчи, произнесенной В. К. фонъ-Плеве при празднованіи столѣтія министерства внутреннихъ дѣлъ, слѣдуетъ ожидать, что въ составъ коммиссіи войдутъ, послѣ установленія ея программы и плана дѣйствій, представители тѣхъ „мѣстныхъ людей", на которыхъ Высочайшій манифестъ возлагаетъ „непосредственное удовлетвореніе многообразныхъ нуждъ земской жизни".

Почти одновременно съ коммиссіей по преобразованію губернскаго управленія начало свою работу особое совѣщаніе для предварительнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію при изданіи устава объ обезпеченіи народнаго просвѣщенія. Въ совѣщаніи этомъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, участвуютъ одинъ изъ товарищей его, одинъ изъ товарищей министра земледѣлія и госуд. имуществъ, директоръ департамента окладныхъ

---

[1]) См., напр., Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1881 г., стр. 366.

сборовъ, управляющій земскимъ отдѣломъ, еще два представителя министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, четыре губернатора (тульскій, самарскій, харьковскій и воронежскій), два губернскихъ предводителя дворянства (тульскій и херсонскій), три уѣздныхъ предводителя, семь предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ (с.-петербургской, екатеринославской, рязанской, курской, харьковской, нижегородской и новгородской) и одинъ членъ губернской земской управы (саратовской).

Работа губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ приходитъ къ концу. Пониманіе ихъ задачъ по прежнему остается различнымъ какъ со стороны предсѣдателей, такъ, иногда, и со стороны большинства комитета. Очень широко раздвинули кругъ своихъ соображеній комитеты орловскій и новгородскій. Орловскій комитетъ высказался, между прочимъ, за уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и уничтоженіе всѣхъ спеціальныхъ ограниченій для крестьянъ въ сферѣ права публичнаго и гражданскаго. Волостной судъ можетъ быть сохраненъ, но во главѣ его долженъ стоять выборный предсѣдатель съ образовательнымъ цензомъ; точно должны быть опредѣлены случаи примѣненія обычнаго права; строго должно быть проведено отдѣленіе власти судебной отъ административной и вновь возстановленъ институтъ выборныхъ мѣстныхъ судей. По вопросу о реорганизаціи земства, комитетъ призналъ необходимымъ вернуться къ безсословному принципу, приблизить земство къ народу созданіемъ мелкой единицы съ правомъ самообложенія, измѣнить систему представительства для расширенія круга избирателей, увеличить число гласныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ. Кромѣ того, комитетъ высказалъ пожеланіе, чтобы нѣкоторые предметы вѣдомства губернскихъ правленій (межевого, врачебнаго и строительнаго отдѣленій) были переданы земству, чтобы земству было возвращено продовольственное дѣло и чтобы былъ отмѣненъ законъ о фиксаціи земскихъ смѣтъ. Останавливаясь на вопросахъ о средствахъ поднятія самодѣятельности населенія, комитетъ призналъ необходимымъ ослабить бюрократическую централизацію, задерживающую общественную иниціативу; это можетъ быть достигнуто проведеніемъ въ административномъ строѣ принципа, что всякое частное или общественное начинаніе, если оно не противорѣчитъ законамъ и не задѣваетъ общегосударственныхъ интересовъ, не нуждается въ особомъ разрѣшеніи и не должно восходить до высшаго правительства. Очень близки къ этимъ пожеланіямъ и постановленія новгородскаго губернскаго комитета. Въ одной изъ неземскихъ губерній, тобольской, сельско-хозяйственное губернское совѣщаніе признало необходимость организаціи уѣзднаго самоуправленія,

съ мелкой земской всесословной единицей, и предоставленія большаго простора сельско-хозяйственной дѣятельности сельскихъ обществъ, съ устраненіемъ всякаго вліянія на нее крестьянскихъ начальниковъ.

Въ печати продолжаются сообщенія о тѣхъ или другихъ подробностяхъ проекта Положенія (городового) для Петербурга, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ; но всѣ эти сообщенія основаны, къ сожалѣнію, на слухахъ, проникшихъ въ общество, вѣроятно, изъ служебныхъ сферъ, такъ какъ самый проектъ не былъ публикованъ. Между прочимъ, выражались, по поводу такихъ слуховъ, и различныя мнѣнія о проектируемомъ образовательномъ цензѣ лицъ, избираемыхъ въ гласные, сверхъ ценза имущественнаго. Теперь выяснилось, какъ оказывается—окончательно, что подъ „городскими" училищами слѣдуетъ разумѣть не начальныя, которыя называются городскими не по своей программѣ, а только потому, что они содержатся на городской счетъ,—и для того, чтобы быть избраннымъ въ гласные, необходимо будетъ имѣть свидѣтельство объ окончаніи курса въ училищѣ по „Положенію о *городскихъ* училищахъ 31 мая 1872 года", или выдержать въ нихъ выпускной экзаменъ. По поводу такого сообщенія, повидимому правдоподобнаго, такъ какъ, дѣйствительно, подъ „городскими" училищами слѣдуетъ правильно разумѣть только такъ-называемыя „четырехклассныя" (начальныя называются одноклассными),—появились въ газетахъ и анекдоты, впрочемъ болѣе похожіе на шутку; говорятъ, будто одинъ слухъ о такомъ образовательномъ цензѣ произвелъ „переполохъ" въ здѣшней городской Думѣ, и даже нашелся такой энергичный гласный, который, не теряя времени, приготовился „въ теченіе десяти (!) дней къ выпускному экзамену изъ „городского училища", по „Положенію о городскихъ училищахъ 1872 г.—и выдержалъ экзаменъ! Конечно, это или шутка, или незнаніе, въ чемъ состоитъ полный курсъ „городскихъ училищъ": онъ равенъ курсу прогимназіи (кромѣ древнихъ языковъ), а по нѣкоторымъ предметамъ—и выше его, такъ что приготовиться къ нему лицамъ, получившимъ извѣстнаго рода „домашнее образованіе", иногда ограничивающееся однимъ умѣньемъ болтать на иностранныхъ языкахъ, —въ десять дней нѣтъ никакой возможности. Безъ сомнѣнія, было бы весьма желательно, чтобы и у насъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, масса обывателей, особенно въ столицѣ, прошла полный курсъ народнаго образованія, какъ начальнаго, такъ и городского, чтобы кончившіе курсъ „городского училища" составляли большинство, а не рѣдкость; но справедливость требовала бы, прежде того, пожелать, чтобы такое *полное* народное образованіе было общедоступно. Между тѣмъ,

когда училось то поколѣніе, которое нынѣ достигло возраста 25 лѣтъ, дающаго право быть избраннымъ въ гласные,—въ ту пору, т.-е. 12 лѣтъ тому назадъ, къ началу 90-хъ годовъ, на весь Петербургъ, имѣвшій уже тогда свыше 300 начальныхъ училищъ, было содержимо министерствомъ народнаго просвѣщенія всего 6 „городскихъ" училищъ по Положенію 1872 года. Самый ничтожный процентъ изъ окончившихъ въ то время ученіе въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ—и нынѣ достигшихъ 25-лѣтняго возраста,—могъ попасть въ „городскія училища". Правда, съ того времени число ихъ начинаетъ увеличиваться: число министерскихъ „городскихъ" училищъ удвоилось, но зато теперь и число выпускаемыхъ изъ начальныхъ училищъ учетверилось: ихъ уже не 1.200—1.300, какъ было въ началѣ 90-хъ годовъ, а 5.000. Городъ получилъ, наконецъ, право открывать настоящія „городскія" училища, но сколько бы ихъ ни было, они не могутъ сообщить своимъ питомцамъ никакихъ особыхъ правъ, такъ какъ они пока существуютъ на правахъ училищъ, содержимыхъ частными лицами. Гораздо болѣе, впрочемъ, долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе не образовательный цензъ, проектируемый для лицъ, избираемыхъ въ гласные; такого ценза (помимо грамотности) вовсе не требуютъ, напримѣръ, даже отъ поступающихъ въ присяжные засѣдатели, обязанности которыхъ также не маловажны, если подумать о томъ, что въ ихъ рукахъ находятся честь и судьба многихъ. Гораздо болѣе можетъ быть важенъ вопросъ объ образовательномъ цензѣ тѣхъ гласныхъ, которые избираются въ городскія должности; нѣкоторыя изъ этихъ должностей, какъ, напр., должности городского головы и членовъ управы, пользуются правами государственной службы, а потому было бы вполнѣ правильно, чтобы такія лица имѣли и требуемый государственною службой образовательный цензъ; но въ такомъ случаѣ курсъ „городского" училища по Положенію 1872 г. пришлось бы признать уже недостаточнымъ: курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, а для извѣстныхъ должностей городской службы—и высшихъ заведеній, долженъ бы быть признанъ обязательнымъ для такихъ лицъ.

СОЦІАЛЬНЫЙ РОМАНЪ г. СЕРГѢЯ ШАРАПОВА.

Черезъ полвѣка. Фантастическій политико-соціальный романъ. Часть первая. (Томъ VIII сочиненій г. С. Шарапова). Москва, 1902 г.

Г-нъ Шараповъ давно уже извѣстенъ какъ необыкновенно предпріимчивый и дѣятельный публицистъ, рѣшающій съ плеча самые трудные вопросы внѣшней и внутренней политики, народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ. Одно время онъ серьезно выдавалъ себя за преемника Аксакова и пытался проводить подъ его знаменемъ какія-то смутныя мнимо-національныя идеи; потомъ онъ выступилъ изобрѣтателемъ въ финансовой области, придумывалъ удивительные способы народнаго обогащенія посредствомъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, горячо и рѣзко нападалъ на министерство финансовъ за введеніе золотой валюты, получилъ отъ того же министерства крупную матеріальную поддержку для своего несомнѣнно полезнаго стараго предпріятія—производства крестьянскихъ плуговъ, подъ новой фирмою акціонернаго общества „Пахарь", и, по собственному своему свидѣтельству, достигъ этого результата безъ всякаго искательства съ своей стороны, просто какъ „добрый знакомый". Между прочимъ, г. С. Шараповъ издаетъ собраніе своихъ сочиненій, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ подъ разными фантастическими названіями („Сугробы", „Ухабы", „Метели" и т. п.), и по всей вѣроятности находитъ не только читателей, но и почитателей, насколько можно судить по количеству добровольныхъ взносовъ разныхъ лицъ, откликнувшихся на его призывъ участвовать въ „подкрѣпленіи кассы" автора, независимо отъ подписки на его изданія (по послѣднему печатному отчету, такихъ „подкрѣпительныхъ" взносовъ только за три мѣсяца, съ 1 іюня по 1 октября 1902 г., поступило 1.378 р. 50 к., сверхъ подписныхъ денегъ, и въ томъ числѣ былъ одинъ „взносъ" въ тысячу рублей). При такомъ успѣхѣ литературной и общественной дѣятельности г. Шарапова нельзя не заинтересоваться вопросомъ: что же собственно излагаетъ и проповѣдуетъ г. Шараповъ въ своихъ сочиненіяхъ?

Въ появившемся недавно „фантастическомъ политико-соціальномъ романѣ", подъ заглавіемъ; „Черезъ полвѣка", г. Шараповъ постарался „въ невинной формѣ изложить завѣтную политическую, церковную и общественную программу", принадлежащую, будто бы, не ему одному, а цѣлому олицетворяемому имъ направленію. „Я хотѣлъ,—говоритъ онъ,—въ фантастической и слѣдовательно довольно безотвѣтственной

формѣ дать читателю практическій сводъ славянофильскихъ мечтаній и идеаловъ, изобразить нашу политическую и общественную программу какъ бы осуществленною. Если программа вѣрна, то въ романѣ чепухи не получится...“ Авторъ предупреждаетъ, что у него вышло „лишь очень плохое исполненіе нѣкоего хорошаго замысла“; что намѣреніе его исполнено „только на половину и притомъ изъ рукъ вонъ плохо“, и что при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ ему удалось бы, конечно, написать нѣчто „совершенно иное, цѣльное и даже художественное“; но внѣшніе недостатки романа не касаются его сущности и не умаляютъ значенія предложенной въ немъ „profession de foi“. Мы не знаемъ, существуетъ ли то славянофильство, съ которымъ отождествляетъ себя г. Шараповъ; намъ кажется, что такого славянофильства нѣтъ и быть не можетъ,—но мы не сомнѣваемся, что завѣтные взгляды и идеалы г. Шарапова раздѣляются очень многими искренними людьми, привыкшими заимствовать свои убѣжденія изъ патріотическихъ газетъ. Г. Шараповъ желалъ намъ „показать, что̀ могло бы быть, еслибы славянофильскія воззрѣнія стали руководящими въ обществѣ и правящихъ сферахъ“;—и изображаемыя имъ картины, хотя и нарисованныя въ грубомъ лубочномъ стилѣ, заслуживаютъ вниманія, какъ наглядные образчики того недомыслія, которое претендуетъ на руководящую роль „въ обществѣ и правящихъ сферахъ“.

Разумѣется само собою, что „патріоты“ должны прежде всего ожидать грандіознаго расширенія русской территоріи: черезъ пятьдесятъ лѣтъ Россія, по г. Шарапову, включаетъ уже всю восточную Пруссію и Познань, почти всѣ нынѣшнія австрійскія и венгерскія земли вмѣстѣ съ Вѣной и Будапештомъ, весь Балканскій полуостровъ съ частью Адріатическаго побережья, и съ самостоятельными нынѣ государствами—Сербіею, Болгаріею, Румыніею и Греціею. Въ Азіи нами прочно заняты, на особыхъ правахъ, Манчжурія, Бухара, Афганистанъ и Персія. Словомъ, не только славянскіе, но и всякіе другіе ручьи „слились въ великомъ русскомъ морѣ“, и это море разлилось „отъ Сѣвернаго до Индійскаго океана, и отъ Великаго океана до Архипелага и Адріи“.

Какъ же произошли эти поразительныя чудеса? Какимъ образомъ удалось намъ побѣдить соединенныя силы Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, и довести эти могущественныя державы до полнаго ничтожества? Съ точки зрѣнія г. Шарапова, счастливые для насъ результаты могли быть достигнуты очень просто, подъ условіемъ преднамѣренной глупости западно-европейскихъ правительствъ и народовъ. Исторія пятидесятилѣтія, которое проспалъ герой романа, разсказана авторомъ довольно обстоятельно съ весьма характерными подробностями.

Въ Китаѣ, черезъ два года послѣ удаленія европейцевъ изъ Тянъ-тзиня, вновь разразилось возстаніе противъ иностранцевъ, но уже съ надлежащею военною подготовкою; противъ китайцевъ опять выступила почему-то прежде всего Германія, хотя сами нѣмцы наиболѣе способствовали преобразованію и улучшенію китайской арміи. Россія на этотъ разъ воздержалась отъ участія въ усмиреніи Китая и вступила съ нимъ въ соглашеніе, по которому „Манчжурскую свою дорогу и все, что къ сѣверу, оставила за собою, южную же вѣтвь вмѣстѣ съ новыми городами Дальнимъ и Портъ-Артуромъ передала обратно Китаю“ (?!). Уступивъ китайцамъ, по неизвѣстной причинѣ, южную вѣтвь нашей Манчжурской дороги и сооруженные нами два города, Дальній и Портъ-Артуръ, Россія дѣйствуетъ уже отчасти за-одно съ Китаемъ противъ европейцевъ. Экспедиціонные отряды нѣмцевъ и англичанъ терпѣли пораженія отъ хорошо вооруженныхъ и дисциплинированныхъ нѣмецкими инструкторами китайскихъ войскъ; нѣмцы мстили непріятелю ужасными звѣрствами. Въ Россіи возникло сильное движеніе въ пользу Китая (вѣроятно, по иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи наиболѣе популярныхъ членовъ „Русскаго собранія“), и хотя правительство оставалось нейтральнымъ, но „по секрету было разрѣшено нашимъ офицерамъ, не выходя въ отставку, поступать въ китайскія войска“; этимъ разрѣшеніемъ воспользовалось множество нашихъ офицеровъ, которые, конечно, не могли упустить случай воевать, въ рядахъ китайцевъ, подъ начальствомъ китайскихъ мандариновъ, противъ ненавистныхъ г. Шарапову европейцевъ. „Въ Германіи, понятно, злобствовали и шипѣли, но оффиціально держали себя тише воды, ниже травы“; но на четвертый годъ войны нѣмцы, несмотря на свое оффиціальное смиреніе, постарались „переполнить чашу терпѣнія Россіи и вызвать разрывъ между нею и Германіею“. Правда, по разсказу автора, терпѣли больше нѣмцы, чѣмъ русскіе, и слѣдовательно чаша терпѣнія могла переполниться скорѣе у нѣмцевъ, чѣмъ у насъ,—такъ какъ замаскированное участіе Россіи въ военныхъ дѣйствіяхъ Китая было прямымъ нарушеніемъ нейтралитета по отношенію къ западнымъ державамъ; однако нѣмцы и англичане молчали, тогда какъ русское общество возмущалось и негодовало. Между тѣмъ нѣмцы, будучи оффиціально „тише воды, ниже травы“, нарочно разстрѣляли попавшаго къ нимъ въ плѣнъ русско-китайскаго полковника, чтобы окончательно возстановить противъ себя Россію; и „какъ-то само собою, даже безъ оффиціальнаго объявленія“, началась у насъ война съ Германіею и ея союзницею, Австро-Венгріею. Австрійцы тотчасъ же поспѣшили устроить для себя катастрофу: ихъ 800-тысячная армія собралась спеціально для того, чтобы торжественно засвидѣтельствовать свое почтеніе предъ Россіею и сдаться ей безъ боя,—

ибо большинство солдатъ и офицеровъ чувствовало къ намъ неодолимую симпатію, въ силу единства славянской расы, особенно послѣ нашихъ китайскихъ увлеченій; даже поляки, благодаря „мудрой и примирительной политикѣ“ русскаго правительства, отказались поднимать противъ насъ оружіе и не хотѣли повиноваться своимъ начальникамъ, „тѣмъ болѣе, что всѣ земли старой Польши были необыкновенно возбуждены фактами страшныхъ нѣмецкихъ (прусскихъ?) насилій въ Познани“. Раздраженные противъ пруссаковъ, австрійскіе поляки отреклись отъ австрійскаго знамени, присоединились къ остальнымъ славянамъ и положили предъ нами оружіе; только одни мадьяры желали сражаться, но остались въ меньшинствѣ и должны были отступить.

Очевидно, по понятіямъ г. Шарапова, большія европейскія арміи дѣйствуютъ на войнѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого захотятъ отдѣльные солдаты и офицеры, и каждая часть войска обсуждаетъ и рѣшаетъ для себя вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли воевать съ непріятелемъ или нѣтъ,—не опасаясь ни военнаго суда, ни смертной казни за измѣну. По этой системѣ пришлось бы допустить, что и русскіе поляки, служащіе въ русской арміи, могли бы отказаться отъ участія въ войнѣ противъ Австріи и положить предъ нею оружіе, въ виду дружелюбной и уступчивой политики австрійскаго правительства относительно польской народности. Но затѣмъ происходитъ еще нѣчто болѣе странное: 800-тысячная австрійская армія, сдавшаяся намъ безъ боя, включается въ наши дѣйствующія войска и посылается нами противъ нѣмцевъ,—такъ что, по мнѣнію г. Шарапова, плѣнные могутъ быть принуждаемы къ военной службѣ противъ своего отечества и его союзниковъ. Тѣ же самые австрійскіе солдаты и офицеры, которые не желали воевать противъ Россіи, послушно идутъ на войну подъ русской командой, въ рядахъ русскихъ войскъ,—вопреки всѣмъ старымъ и новымъ обычаямъ и правиламъ относительно военноплѣнныхъ,—только ради того, чтобы угодить г. Шарапову. При помощи плѣнной австрійской арміи мы легко одолѣваемъ Германію, и наши войска вступаютъ въ Берлинъ. Франція не успѣла намъ оказать поддержку; „случилась катастрофа съ русскими цѣнностями, и въ Парижѣ начались смуты и безпорядки“. Только позднѣе французы заняли Эльзасъ и Лотарингію. „Нѣмцы стали просить мира. Въ это же время—повѣствуетъ авторъ — выручили насъ парижскій и лондонскій Ротшильды, произведя конверсію нашего долга и снабдивъ насъ необходимымъ золотомъ“. Пришлось почему-то выручать побѣдителей, а не побѣжденныхъ: кредитъ нашъ не только не поднялся послѣ разгрома двухъ сосѣднихъ имперій, но доведенъ былъ до состоянія, близкаго къ банкротству; мы затѣяли тогда какую-то конверсію и сильно нуж-

дались въ деньгахъ, которыя, по представленію г. Шарапова, имѣются только у Ротшильдовъ и могутъ быть добыты только у нихъ. Авторъ романа какъ будто не слыхалъ объ обычныхъ нынѣ способахъ реализаціи внѣшнихъ займовъ путемъ публичной подписки въ главныхъ денежныхъ центрахъ Европы, съ устраненіемъ прежняго исключительнаго или преобладающаго участія отдѣльныхъ банкирскихъ фирмъ; для г. Шарапова западно-европейскій денежный рынокъ все еще воплощается въ Ротшильдахъ, и онъ наивно вѣритъ не только въ современное, но и въ будущее ихъ господство.

Дальнѣйшія событія развиваются послѣдовательно въ томъ же родѣ: совершается именно то, чего совсѣмъ нельзя ожидать по здравому смыслу. Союзница Германіи, Англія, разошлась съ нею въ самомъ началѣ войны, „объявила себя нейтральною и прежде всего (!) постаралась захватить нѣмецкія колоніи и флотъ". Быть нейтральнымъ, по мнѣнію автора, значитъ „прежде всего" захватывать чужія владѣнія! Если бы англичане вздумали отнимать у нѣмцевъ ихъ колоніи и флотъ, то едва ли вступали бы для этого въ союзъ съ Германіею противъ Россіи и потомъ не заявляли бы о своемъ нейтралитетѣ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій противъ бывшихъ союзниковъ. Впрочемъ, Англія вѣроятно не безъ цѣли поссорилась съ нѣмцами и бросилась на ихъ колоніи и флотъ;—она поступала такъ потому, что имѣла въ виду облегчить намъ занятіе Константинополя, Персіи и Афганистана. Но съ особеннымъ самоотверженіемъ старалась для насъ Австро-Венгрія: всѣ народы побѣжденной (или, вѣрнѣе, побѣдившей себя) монархіи возстановили „историческія права своихъ земель" только для того, чтобы отдаться на волю Россіи. Радостная перспектива водворенія русской власти заглушила всякія національныя чувства и различія; галиційскіе поляки вполнѣ помирились съ русинами, хорваты побратались съ сербами, венгерцы и нѣмцы—съ чехами и всѣми вообще славянами, которые по волѣ автора очутились въ положеніи побѣдителей, не одержавъ никакой побѣды. Собрался общій сеймъ изъ делегатовъ австрійскихъ областей; „тамъ сдѣлано было два предложенія: образовать независимую западно-славянскую или дунайскую федерацію, или присоединиться къ Россіи", которая охотно гарантировала австрійскимъ народамъ „полное національное самоуправленіе при крѣпкомъ государственномъ единствѣ". Разумѣется само собою, что послѣдняя мысль восторжествовала. „И что страннѣе всего—продолжаетъ г. Шараповъ, — за присоединеніе къ Россіи ратовали преимущественно венгры, поляки и хорваты. Они боялись, что въ независимой австрійской федераціи противъ нихъ будетъ всегда слишкомъ преобладающее большинство православныхъ народностей"; поэтому они предпочли имѣть надъ собою православныхъ русскихъ начальни-

ковъ. Кромѣ того, тутъ дѣйствовали и соображенія экономическія. „При государственномъ единствѣ съ Россіею упразднялись всякія таможенныя преграды и мѣстная промышленность получала огромные рынки"; а извѣстно, что мадьяры, поляки и прочіе австрійскіе народы состоятъ исключительно изъ купцовъ, готовыхъ жертвовать своею національностью ради пріобрѣтенія торговыхъ выгодъ. Притомъ австрійцы „знали слишкомъ хорошо, что русскіе государи свято держатъ свои обѣщанія и выполняютъ договоры", — хотя въ данномъ случаѣ дѣло шло о „присоединеніи къ Россіи", а не о вступленіи съ нею въ договорныя отношенія. Вотъ почему значительнымъ большинствомъ голосовъ общеавстрійскій сеймъ постановилъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о „принятіи всѣхъ австрійскихъ земель на правахъ автономныхъ земскихъ областей въ составъ Россійской имперіи"; что же касается меньшинства, то о немъ ничего не сказано, и неизвѣстно еще, примирилось ли оно съ своей судьбой.

Автономія присоединившихся славянъ не можетъ, однако, доходить до равенства съ русскимъ народомъ. „Вы посмотрите,—говорится въ романѣ,—какая необъятная величина—Россія, и какой маленькій къ ней привѣсокъ—западное славянство. Неужели было бы справедливо намъ, побѣдителямъ, и первому въ славянствѣ, а теперь и въ мірѣ, народу садиться на корточки ради какого-то равенства со славянами? Да они и сами этого не просятъ. Они имѣютъ свою національную обстановку, свои земли, языкъ, управленіе, и очень довольны, что состоятъ членами великой русской державы". Если сами они не просятъ равенства съ русскими и очень довольны своимъ положеніемъ, то нечего и говорить,—славянскій вопросъ разрѣшенъ благополучно; но ловко ли было бы намъ выставлять себя „побѣдителями" передъ славянствомъ, когда господство досталось намъ только по доброй волѣ самихъ австрійцевъ? Можно себѣ представить, каковы будутъ отношенія къ намъ присоединившихся западныхъ славянъ, если мы станемъ подавлять ихъ необъятнымъ величіемъ или величиною Россіи и приписывать имъ значеніе лишь маленькаго къ ней „привѣска". Какъ бы то ни было, всѣ австро-венгерскія земли вошли въ составъ русскаго государства, вмѣстѣ съ населяющими ихъ различными народностями—славянами и мадьярами, нѣмцами и евреями. Той же участи подверглась Турція, имѣвшая неосторожность примкнуть къ австро-германскому союзу для войны съ Россіею. „Соединенныя русскія, болгарскія, сербскія и греческія силы вступили въ Константинополь, откуда султанъ предусмотрительно убѣжалъ въ Азію; съ тѣхъ поръ мы изъ Царьграда не выходили", а болгаре, сербы и греки ушли, добровольно уступивъ намъ свою долю въ добычѣ, или сами отдались въ наше распоряженіе, изъ чувства неодолимой сим-

патіи къ русской державѣ. Константинополь теперь—нашъ; это четвертая столица Россійской имперіи: первыя три — Кіевъ, Москва и Петербургъ.

И все это могло бы осуществиться, по увѣренію г. Шарапова, еслибы славянофильскія воззрѣнія стали руководящими въ обществѣ и правящихъ сферахъ! Тогда потянулись бы къ намъ западные и южные, славянскіе и не-славянскіе народы, отреклись бы отъ своихъ самостоятельныхъ національныхъ традицій и стремленій, пожертвовали бы своими правами и интересами для пользы и величія Россіи. Наши враги и соперники смиренно умолкнутъ, пораженные внезапнымъ наступленіемъ русскаго или „Шараповскаго" періода европейской исторіи; австро-венгерцы и германцы предупредительно сложатъ оружіе, англичане откажутся отъ своихъ заботъ о ближнемъ и дальнемъ Востокѣ, и повсюду воцарится благоговѣйное уваженіе къ новымъ славянскимъ идеямъ и порядкамъ, которыми осчастливилась Россія. Эти новыя русскія идеи и учрежденія обладаютъ такою притягательною силою, что передъ ними покорно склонится Европа. И г. Шараповъ подробно объясняетъ намъ сущность этой благодѣтельной перемѣны, привлекшей къ намъ сердца и умы всѣхъ славянскихъ и прочихъ племенъ.

Во-первыхъ, мы возбудили къ себѣ общее довѣріе и сочувствіе не только союзомъ съ Китаемъ противъ европейцевъ, но и „чрезвычайно сильными и частыми еврейскими погромами во всей Европейской Россіи и даже въ Сибири, усмиренными повсюду военною силою". Началось съ того, что „въ трудную финансовую минуту, подъ давленіемъ парижскаго Ротшильда, въ рукахъ котораго фактически находился регуляторъ государственнаго кредита Россіи", наше правительство допустило въ пользу евреевъ важныя льготы, и за эти льготы „Ротшильдъ далъ намъ возможность заключить два большихъ металлическихъ займа"; другими словами, у насъ нашлись государственные дѣятели, готовые руководствоваться во внутренней политикѣ не интересами отечества, не началами справедливости и общественной пользы, а требованіями отдѣльныхъ иностранныхъ банкировъ, притомъ спеціально-еврейскихъ. Нашъ государственный кредитъ, по свѣдѣніямъ г. Шарапова, такъ своеобразно устроенъ, что можетъ держаться только на благосклонности Ротшильда, и нѣтъ для насъ въ мірѣ иныхъ капиталистовъ и биржевиковъ; Ротшильды же, вдобавокъ, настолько проникнуты безкорыстнымъ идеализмомъ, что устроиваютъ свои финансовыя операціи не для полученія прибыли, а для доставленія льготъ отдаленнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ. Такимъ образомъ, евреямъ дозволено было у насъ существовать почти на равныхъ правахъ съ христіанами; имъ были открыты всѣ отрасли полезнаго труда

и предпріимчивости, что крайне взволновало, будто бы, остальное населеніе. Евреи позволяли себѣ даже основывать „фабрики, заводы, газеты, агентства и конторы“, и понятно, что такое расширеніе производительной дѣятельности или „эксплуатаціи“ должно было, по теоріи г. Шарапова, привести къ кровавымъ репрессіямъ. Какъ только западные славяне, мадьяры и австрійскіе евреи узнали о нашихъ анти-еврейскихъ волненіяхъ, они тотчасъ же почувствовали въ этомъ оригинальную мощь Россіи и еще болѣе укрѣпились въ своемъ стремленіи доживать свой вѣкъ въ составѣ русскихъ владѣній; такъ, по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить по изложенію автора.

Во-вторыхъ, мы увлекли и покорили славянство и Европу необыкновенно удачнымъ освобожденіемъ отъ иностранныхъ кредиторовъ, которые, будучи евреями, ничего другого и не заслуживали; но объ этомъ эпизодѣ говорится въ романѣ довольно глухо, въ связи съ предполагаемымъ развитіемъ еврейскаго вопроса. Евреи, достигнувъ равноправности, попали и въ офицерскую среду, и въ главный штабъ; между евреями-офицерами появились измѣнники, шпіоны иностранныхъ державъ, тогда какъ подобнаго шпіонства не бывало прежде, до допущенія евреевъ на должности по главному штабу. Дошло до того, что военное вѣдомство назначило профессоромъ военной академіи генерала, котораго пришлось потомъ повѣсить за продажу нѣмцамъ секретныхъ плановъ нашихъ крѣпостей; генералъ былъ вѣроятно поддѣльный, но самое назначеніе такого субъекта на видный военный постъ не было признакомъ благополучія въ порядкахъ военной администраціи. Во всемъ виноваты были офицеры-евреи, которыхъ почему-то оказалось очень много въ арміи; отношенія къ нимъ русскихъ офицеровъ до крайности обострились: дуэли происходили чуть ли не ежедневно и дисциплина видимо падала. „Новый рядъ страшныхъ еврейскихъ погромовъ довершилъ дѣло (?). Кроткій и незлобивый русскій народъ былъ раздраженъ до такой степени еврейской эксплоатаціею, что доходилъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до неслыханныхъ звѣрствъ“. Вскорѣ совершилась „великая финансовая катастрофа“, которая „развязала намъ руки, и съ этого момента началось какъ постепенное наше освобожденіе отъ давленія иностраннаго биржевого еврейства, такъ и наше національное возрожденіе“. Государственное банкротство, по мысли г. Шарапова, оправдывается именно тѣмъ, что западно-европейскіе финансисты принадлежатъ большею частью къ еврейскому племени, и что заключенныя съ ними финансовыя сдѣлки имѣютъ, слѣдовательно, какую-то связь съ нашимъ внутреннимъ еврейскимъ вопросомъ; этимъ объясняется, быть можетъ, и настойчивое желаніе автора, чтобы мы брали деньги только у Ротшильдовъ. Развязавъ себѣ руки при помощи выгодной для насъ катастрофы, мы, конечно, подняли этимъ

репутацію и обаяніе Россіи на небывалую еще высоту; съ тѣхъ поръ всѣ народы признали наше превосходство и перестали соперничать съ нами.

Кромѣ этихъ двухъ капитальныхъ подвиговъ—борьбы съ еврействомъ и освобожденія отъ внѣшнихъ долговъ,—мы осуществили еще крупныя внутреннія реформы, которыми также завоевали себѣ великую славу въ культурномъ мірѣ. Мы занялись настоятельными задачами нашего національнаго возрожденія, боролись противъ всего иностраннаго и инородческаго, твердо провозглашали принципъ: „Россія для русскихъ", и усиленно хлопотали о томъ, чтобы коренные русскіе люди наконецъ „почувствовали себя хозяевами земли своей". Этотъ поворотъ къ націонализму овладѣлъ умами русскаго общества какъ разъ тогда, когда Россія присоединила къ себѣ огромное количество новаго инородческаго населенія вмѣстѣ съ австро-венгерскими, балканскими, греческими и прочими землями. Этимъ присоединившимся и завоеваннымъ народамъ даютъ понять, что они остаются чужими и лишними для Россіи, что хозяевами въ ней могутъ быть только коренные русскіе люди, ничѣмъ не связанные относительно пришлыхъ элементовъ, и что травля инородцевъ будетъ попрежнему любимымъ занятіемъ националистовъ-патріотовъ. Съ одной стороны, распространять русское владычество на чужія племена и земли, и этимъ увеличивать въ Россіи число иностранцевъ и инородцевъ, а съ другой стороны—вытѣснять иноплеменниковъ, ограничивать ихъ права, отравлять ихъ существованіе,—такова двойственная программа г. Шарапова въ области національнаго вопроса. Подчинившіеся Россіи австрійскіе и прочіе иновѣрцы не должны обижаться предлагаемыми противъ нихъ мѣрами; напротивъ, они могутъ быть рады этому оживленію племенной борьбы, которое разсѣетъ для нихъ скуку жизни и помѣшаетъ имъ предаваться чрезмѣрному благополучію подъ могущественнымъ покровительствомъ русскихъ законовъ.

Борьба находится еще въ самомъ разгарѣ въ моментъ пробужденія героя, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и формы этой борьбы, какъ и мотивы ея, ничѣмъ не отличаются отъ хорошо извѣстныхъ пріемовъ нѣкоторой части современной намъ патріотической печати. Москва, напримѣръ, получила значеніе одного изъ крупныхъ міровыхъ центровъ, и въ ней числится болѣе четырехъ милліоновъ жителей разныхъ національностей, что̀ и естественно при предполагаемомъ ростѣ Россіи, включающей уже и Вѣну, и Константинополь; тѣмъ не менѣе и тогда патріоты въ духѣ г. Шарапова будутъ горячо обсуждать чрезвычайно важный вопросъ „о непомѣрномъ размноженіи въ Москвѣ еврейскаго и иностраннаго элемента, сдѣлавшаго старую русскую Москву совершенно международнымъ и еврейскимъ городомъ". По

почину городской думы предпринимается „борьба съ чужероднымъ населеніемъ, совершенно было-покорившимъ и обезличившимъ Москву“, —какъ будто это чужеродное населеніе не входитъ въ составъ Россіи и не принадлежитъ къ общей массѣ законныхъ обывателей страны. Чтобы придать дѣлу нѣкоторое правдоподобіе, авторъ незамѣтно оставляетъ въ сторонѣ всякихъ иноземцевъ и инородцевъ, переполнившихъ Москву, и выдвигаетъ на ихъ мѣсто однихъ только евреевъ. Въ Москвѣ издается „спеціально для борьбы съ еврейской и *иностранной* эксплуатаціей Россіи“, газета „Святая Русь“, самое названіе которой служитъ краснорѣчивымъ протестомъ противъ расширенія русскаго государства за предѣлы православной русской народности; эта газета поддерживаетъ „неустанную патріотическую агитацію въ томъ смыслѣ, что христіане должны ничего не покупать у евреевъ (и иностранцевъ?), ничего имъ не продавать, не входить ни въ какія сдѣлки и отношенія, изолировать ихъ въ общественномъ смыслѣ и заставлять ликвидировать дѣла и уходить“. Проповѣдь эта, говорится далѣе, „имѣла полный успѣхъ, и начавшееся по всей Россіи движеніе, совершенно мирное и чуждое всякаго оттѣнка насилія, оказалось для евреевъ страшнѣе самыхъ кровавыхъ погромовъ“. А такъ какъ евреямъ некуда уходить, ибо „Европа вся переполнена“, то они стали массами принимать православіе, чѣмъ опять-таки взволновали патріотовъ; предлагалось даже ограничить доступъ къ принятію христіанства, и ревностные охранители брались рѣшать по большинству голосовъ вопросы объ искренности обращающихся въ православіе и о допущеніи или недопущеніи ихъ ко святому крещенію. Это отрицаніе всякой религіи дополняется прямымъ издѣвательствомъ въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа: „Избави Богъ отъ угнетенія и насилія надъ кѣмъ бы то ни было. Евреи теперь полноправны. Имъ открыты всѣ роды дѣятельности. Русскій народъ не гонитъ ихъ изъ земли своей. Онъ желаетъ лишь, чтобы они измѣнили, насколько можно, свою природу, а не только свои вѣрованія. А измѣнится эта природа только тогда, когда не будетъ для нихъ никакихъ иныхъ способовъ жизни, кромѣ такого же труда, какой несетъ и весь русскій народъ. Пусть идутъ на землю, пусть передѣлываются духовно, и тогда христіанство не будетъ для нихъ однимъ лишь внѣшнимъ оружіемъ для удержанія ихъ нынѣшнихъ способовъ жизни. А не захотятъ этого, да будетъ имъ вѣдомо отнынѣ и навсегда, что уступокъ имъ никакихъ не будетъ, и вся православная Русь, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтитъ: вы намъ не нужны“! Между тѣмъ, по смыслу всѣхъ рѣчей, приводимыхъ г. Шараповымъ, дѣло идетъ именно о томъ, чтобы фактически не допускать евреевъ ни до какого труда, ни земледѣльческаго, ни ремесленнаго, ни промышленнаго, ни про-

фессіональнаго; имъ совѣтуютъ „уходить“ или немедленно передѣлать свою природу по рецепту гонителей, которые произвольно приписываютъ себѣ роль компетентныхъ судей въ вопросахъ духовнаго совершенствованія.

Гоненіе, столь пространно почему-то изображаемое авторомъ, направлено противъ цѣлой расы, не различая правыхъ отъ виновныхъ, честныхъ и полезныхъ—отъ дурныхъ и вредныхъ дѣятелей. Хищные и безнравственные люди встрѣчаются въ каждомъ племени, между послѣдователями каждой религіи, и нѣтъ разумнаго основанія прилагать къ евреямъ болѣе суровую мѣрку, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Кромѣ Шейлока, существуетъ и Спиноза; изъ массы мелкихъ и невѣжественныхъ торгашей выростаютъ великіе поэты, писатели, художники и ученые,—и нелѣпо было бы закрывать дорогу талантамъ подъ предлогомъ принадлежности ихъ къ непріятному племени. Нѣмцы одинаково гордятся своими Гейне и Берне, Мейерберомъ и Мендельсономъ, Марксомъ и Лассалемъ, какъ и дѣятелями чисто-нѣмецкаго происхожденія; мы не отказываемся признавать Рубинштейна, Антокольскаго, Левитана представителями русскаго искусства, хотя они родились евреями. Предположеніе г. Шарапова и многихъ его единомышленниковъ—что зловредная эксплоатація и хищничество составляютъ спеціальность еврейства и смягчаются или слабѣютъ съ устраненіемъ послѣдняго,—опровергается фактами на каждомъ шагу: почти ни въ одномъ изъ громкихъ банковскихъ процессовъ и крупныхъ мошенничествъ послѣднихъ десятилѣтій не встрѣчается еврейскихъ именъ, —ни въ дѣлахъ Юханцева и Рыкова, ни въ недавнемъ грандіозномъ харьковскомъ крахѣ. Французское дѣло Эмберъ, хитроумнѣйшее изъ мошенническихъ предпріятій, обошлось безъ участія евреевъ. Новѣйшіе исполинскіе хищники—американскіе міровые трёсты—выдвинулись независимо отъ еврейскихъ дѣльцовъ. Репутація евреевъ, какъ изобрѣтательныхъ „гешефтмахеровъ“, сильно преувеличена: у нихъ нѣтъ той смѣлости и широты размаха, какъ у американскихъ монополистовъ, и нѣтъ той самоувѣренности и беззастѣнчивости, какъ у нашихъ Рыковыхъ и Алчевскихъ. Что же касается различныхъ формъ надувательства, столь обычныхъ между мелкими торговцами всякихъ вообще національностей, то трудно сказать, какому племени принадлежитъ въ этомъ отношеніи пальма первенства, и едва ли еврей перехитритъ армянина или нашего ярославскаго мужичка. Но еслибы дѣйствительно еврейскіе промышленники были большею частью зловредными мошенниками и эксплоататорами, то это давало бы только право преслѣдовать и ограничивать ихъ по мѣрѣ личной отвѣтственности каждаго; заранѣе же объявлять ихъ всѣхъ огульно безчестными было бы явною несправедливостью по отношенію къ тѣмъ немногимъ добро-

совѣстнымъ труженикамъ, которые могутъ оказаться въ ихъ числѣ. Еще болѣе несправедливо и нелогично стѣснять евреевъ въ полезномъ примѣненіи ихъ способностей къ разнымъ отраслямъ производительнаго труда на томъ основаніи, что другіе евреи занимаются сомнительными дѣлами и эксплоатаціею. Самая точка зрѣнія націоналистовъ въ родѣ г. Шарапова относительно еврейскаго вопроса должна быть признана фактически невѣрною: еврейство не явилось въ Россію откуда-то изъ дальнихъ странъ, по собственной волѣ, а досталось русскому государству вмѣстѣ съ бывшими польскими землями, гдѣ оно издавна составляло значительную часть туземнаго населенія; поэтому, въ качествѣ туземцевъ западнаго края и привислянскихъ губерній, евреи никакъ не могутъ быть выживаемы изъ Россіи тѣми первобытными способами, какіе предлагаются нашими доморощенными подражателями французскихъ антисемитовъ. Какъ исконные обитатели своихъ мѣстечекъ и городовъ, какъ плательщики податей, привлекаемые и къ отбыванію воинской повинности, наши евреи входятъ несомнѣнно въ общую массу русскихъ подданныхъ, и никто не имѣетъ права говорить имъ устами г. Шарапова, чтобы они уходили. Задача государственной политики—постепенно поднять темную массу еврейства и сблизить съ русскимъ населеніемъ при помощи обязательнаго обученія въ общедоступныхъ смѣшанныхъ школахъ, чтобы со временемъ подготовить путь къ дѣйствительному слiянію, которое, между прочимъ, способствовало бы и усовершенствованію расы. Безцѣльная и жестокая травля, какую предвидитъ г. Шараповъ и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, есть именно травля, а не борьба; поэтому она и черезъ сотни лѣтъ не могла бы имѣть опредѣленной развязки и поддерживала бы только систематическое обоюдное ожесточеніе, которое отъ времени до времени прорывалось бы наружу безплодными кровавыми вспышками. Такая долговѣчность еврейскаго вопроса въ его острыхъ мучительныхъ формахъ не можетъ быть желательна даже самымъ откровеннымъ антисемитамъ, для которыхъ мнимая борьба съ еврействомъ есть нѣчто въ родѣ постоянно практикуемаго спорта. Въ романѣ г. Шарапова удѣлено слишкомъ много мѣста этому предмету, и почти ничего не высказано такого, что не повторялось бы уже много разъ всѣми любителями этого своеобразнаго антисемитскаго спорта.

Узкій націонализмъ, не согласованный съ измѣнившимся составомъ населенія расширенной имперіи, представляется автору чѣмъ-то свѣтлымъ и радостнымъ, знаменующимъ освобожденіе коренной русской народности отъ наносныхъ примѣсей и иноземныхъ вліяній. Г. Шараповъ, какъ и большинство подобныхъ ему патріотовъ, упускаетъ изъ виду, что забота о національной обособленности и чистотѣ крови свойственна только небольшимъ народамъ, не имѣющимъ

предъ собою великаго будущаго. Міровая держава не можетъ пользоваться мелкимъ масштабомъ, пригоднымъ для замкнутыхъ племенныхъ государствъ; напротивъ, она должна свободно поглощать инородные элементы, растворяя ихъ въ массѣ своего коренного населенія. Великія и могучія націи, какъ британская, нѣмецкая и сѣверо-американскан, создавались и создаются только путемъ свободнаго смѣшенія и перекрещиванія расъ; высшее, господствующее племя не портится, а улучшается, вбирая въ себя кровь низшей расы: вспомнимъ татарское происхожденіе Карамзиныхъ, Тургеневыхъ, Аксаковыхъ, негритянскую примѣсь въ Пушкинѣ, турецкую—въ Жуковскомъ. На почвѣ мелочного націонализма возникаютъ лишь чувства нетерпимости и вражды, порывы къ мракобѣсію и традиціонной косности, симпатіи къ китайщинѣ и ненависть къ высоко-культурнымъ соперникамъ; тутъ нѣтъ простора для широкихъ славянофильскихъ мечтаній, которыя въ сущности совершенно отсутствуютъ въ романѣ г. Шарапова,—если не считать чисто внѣшнихъ и слабо мотивированныхъ свѣдѣній о будущемъ необыкновенномъ торжествѣ Россіи надъ Европою. Нѣтъ славянофильской программы и въ бѣгломъ очеркѣ внутреннихъ преобразованій, придуманныхъ и исполненныхъ двойникомъ г. Шарапова, „геніальнымъ Ѳедотомъ Пантелеевымъ“.

Мы узнаемъ отъ автора, что черезъ полвѣка все будетъ обстоять у насъ великолѣпно, и намъ приходится вѣрить ему на слово. „Россія выбилась на свою историческую дорогу, процвѣтаетъ, благоденствуетъ и преуспѣваетъ“. Чего же больше? Первымъ шагомъ къ возрожденію было возстановленіе нашего древняго церковно-общиннаго строя; начало этому положено устройствомъ прихода, какъ низшей земской и городской единицы, и принятіемъ выборнаго начала для назначенія приходскаго духовенства. „Ожившій приходъ далъ новую жизнь земству; а разъ земство ожило, обновилась и жизнь Россіи“; обновленіе произошло не совсѣмъ понятнымъ способомъ, какъ бы по приказу свыше, на основаніи нѣкоторыхъ оффиціальныхъ мѣръ и регламентовъ. Толчокъ былъ данъ частнымъ лицомъ, скромнымъ землевладѣльцемъ, явившимся изъ провинціи и прочитавшимъ интересный докладъ въ одномъ обществѣ въ Петербургѣ; докладъ былъ замѣченъ, „автора призвали, и съ этого дня его звѣзда начала подниматься“: Ѳедотъ Пантелеевъ сразу выдвинулся изъ ничтожества и сдѣлался министромъ, такъ какъ вѣроятно, вопреки природѣ вещей, не встрѣтилъ вліятельныхъ противниковъ и недоброжелателей. Геніальный Ѳедотъ устроилъ самоуправленіе на новыхъ началахъ, отмѣнилъ господство бюрократіи, раздѣлилъ имперію на области съ намѣстниками во главѣ, переименовалъ министерства въ управленія, назвалъ министерство финансовъ „Державной казной“, а государственный банкъ—

Большою казною, упразднилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, замѣнивъ его для полиціи особымъ „управленіемъ государственной безопасности", и этими перемѣнами спасъ Россію отъ великихъ бѣдъ. Авторъ старается объяснить, въ чемъ заключается спасительность произведенныхъ реформъ, но вмѣсто точныхъ указаній получается нѣчто весьма неопредѣленное и расплывчатое. Съ возстановленіемъ прихода упрочилась земская организація; „уѣздное земство было организовано изъ выборныхъ отъ приходовъ, и ему были переданы всѣ органы управленія". Въ то же время возстановилось „древнее каноническое избраніе епископовъ, и въ каждомъ уѣздѣ учреждена епископская каѳедра; церковное управленіе само собою слилось съ земскимъ; уѣздъ былъ епархіею, земское собраніе—епархіальнымъ совѣтомъ". Каждою областью управляетъ начальникъ ея или намѣстникъ; рядомъ съ нимъ, въ полной отъ него независимости,—областной предводитель дворянства, избранный уѣздными предводителями области; оба они имѣютъ право совмѣстнаго доклада по всѣмъ дѣламъ области. Областное земское собраніе имѣетъ обширныя полномочія въ предѣлахъ своего устава; исполнительная власть въ области принадлежитъ членамъ областной думы, отвѣтственной передъ собраніемъ и намѣстникомъ. „Разумѣется, дѣла области отъ дѣлъ государственныхъ, съ одной стороны, и отъ дѣлъ уѣздныхъ, съ другой, строго разграничены". Существуютъ и областные митрополиты, завѣдывающіе мѣстными дѣлами церкви. Начальникъ области имѣетъ право, при несогласіи съ земскимъ собраніемъ, пріостановить исполненіе любого постановленія; но въ этомъ случаѣ немедленно созывается чрезвычайное собраніе въ усиленномъ составѣ для пересмотра дѣла. Дальнѣйшее разногласіе между собраніемъ и намѣстникомъ передается на усмотрѣніе сената или государственнаго совѣта, смотря по тому, касается ли споръ вопросовъ формальныхъ или политическихъ. Засѣданія государственнаго совѣта публичны, за исключеніемъ секретныхъ государственныхъ дѣлъ, и пренія печатаются въ стенографическихъ отчетахъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Въ составъ государственнаго совѣта входятъ также члены отъ областей; совѣтъ выработываетъ законопроекты, которые подъ именемъ „мнѣній" подносятся на Высочайшее утвержденіе. Сенатъ сосредоточиваетъ въ себѣ высшій надзоръ за администраціею и самоуправленіемъ; для высшихъ судебныхъ функцій учрежденъ верховный кассаціонный судъ. При такой системѣ управленія, какъ утверждаетъ г. Шараповъ, сложный механизмъ бюрократіи, руководимый изъ центра, уступаетъ мѣсто ряду живыхъ организмовъ—самоуправляющихся областей. Странно только, что въ этомъ областномъ самоуправленіи играютъ главную и почти исключительную роль оффиціальные представители одного только высшаго сословія, безъ соотвѣтственнаго участія вы-

борныхъ отъ другихъ, болѣе многочисленныхъ и пожалуй болѣе вліятельныхъ на мѣстѣ классовъ населенія—купечества, чиновничества, представителей свободныхъ профессій, мѣщанъ и крестьянъ. Какіе же это живые, самоуправляющіеся организмы, когда въ нихъ распоряжаются отъ имени обывателей только немногія оффиціальныя лица? Мѣстная жизнь будетъ поддерживаться еще поѣздками сенаторовъ, особо уполномоченныхъ „для разбора чрезвычайныхъ дѣлъ"; эти сановники могутъ, по своему усмотрѣнію, „пріостанавливать уѣздное и даже областное самоуправленіе, смѣщать выборныхъ лицъ, производить при себѣ новые выборы" и т. д., чѣмъ и поднимется, будто бы, самоуправленіе до невѣдомаго намъ уровня. Присутствующіе въ государственномъ совѣтѣ члены отъ областей, составляющіе около половины его состава, должны оживить дѣятельность законодательства; а такъ какъ въ числѣ автономныхъ земскихъ областей будутъ бывшія австрійскія и балканскія земли, то намѣченная авторомъ степень участія выборныхъ въ общихъ законодательныхъ дѣлахъ имперіи доставитъ, конечно, удовольствіе благонамѣреннымъ русскимъ людямъ. Всякій спорный вопросъ, дойдя до центральной власти, будетъ разрѣшаться безошибочно, потому что явится уже въ полномъ и всестороннемъ освѣщеніи, а могущественные побочные или закулисные интересы и мотивы, требующіе того или иного рѣшенія и способствующіе окончательному освѣщенію дѣла въ ту или другую сторону, умолкнутъ или исчезнутъ; жизнь пойдетъ по новому пути, слѣдуя лишь высокимъ нравственнымъ началамъ, — хотя сущность и причины этого нравственнаго перерожденія вліятельныхъ людей не затронуты въ романѣ. Учрежденія, введенныя геніальнымъ двойникомъ г. Шарапова, спасли Россію и возбудили зависть въ Европѣ. Германія пробовала устроиться по нашему образцу, но потерпѣла неудачу: нѣмецкому народу не пришлось избавиться отъ надоѣвшаго ему права непосредственно вліять на общій ходъ своихъ государственныхъ дѣлъ, и нѣмцы осуждены попрежнему участвовать въ политической жизни отечества черезъ посредство имперскаго сейма и мѣстныхъ парламентовъ. И у насъ существуетъ полнѣйшая гласность во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ она признается удобною,—есть контроль и отвѣтственность въ тѣхъ предѣлахъ, какіе для нихъ установлены; и оттого повсюду водворился идеальный порядокъ, безъ мертвящаго бюрократизма, ибо „старый бюрократическій принципъ упраздненъ", а извѣстно, что съ упраздненіемъ принципа сходятъ со сцены самыя явленія, обозначаемыя имъ.

Не всѣ части зданія, воздвигнутаго г. Ѳедотомъ Пантелеевымъ, одинаково удовлетворительны; напримѣръ, печать свободна отъ цензуры и подлежитъ отвѣтственности только предъ судомъ, но писатели

оказались въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде, вслѣдствіе чрезмѣрной строгости судей. „Недавно—разсказываетъ одинъ изъ собесѣдниковъ автора—одного почтеннаго человѣка и стараго журналиста посадили на мѣсяцъ въ рабочій домъ за предумышленный обманъ читателя въ формѣ недобросовѣстной полемики"; одну газету закрыли „за злостное и постоянное вторженіе въ частную жизнь и общественный соблазнъ", а весь соблазнъ заключался въ напечатаніи романа съ нѣсколькими эффектными убійствами. Журналисты „вздыхаютъ о цензурѣ", такъ какъ „суды положительно съ ума сходятъ"; но это странное явленіе, противорѣчащее обычной природѣ судебныхъ мѣстъ, ничѣмъ не объяснено въ романѣ. Изданіе газеты доступно не всякому желающему, а только лицамъ, могущимъ представить въ академію наукъ „доказательства вполнѣ нравственнаго прошлаго" и публично защитить свою подробную программу; необходимость такого экзамена вызывается тѣмъ соображеніемъ, что „газета есть общественная каѳедра, есть формальная власть" и нельзя пускать на эту каѳедру „перваго встрѣчнаго",—хотя, разумѣется, можно было бы полагаться немножко и на публику, которая тоже съумѣетъ отличить, кого стоитъ слушать и читать, и кого не стоитъ. Упоминая объ академіи, разсказчикъ сообщаетъ кстати, что она переименована въ „славянскую", „лѣтъ двадцать назадъ, когда брали Царьградъ",—и слѣдовательно не только наши гг. Ярмонкины и Крушеваны, но и газетные предприниматели всего славянскаго міра обязаны были бы утруждать академію изложеніемъ и защитою своихъ идей и программъ, такъ что академики не могли бы уже имѣть никакого другого дѣла, и имъ предстояла бы самая печальная судьба; незавидно было бы и положеніе лицъ, пріѣзжающихъ съ разныхъ концовъ имперіи для полученія права издавать газету, которая, быть можетъ, вовсе не найдетъ читателей. Забавнѣе всего, что, по свидѣтельству самого г. Шарапова, этотъ трудный предварительный экзаменъ въ „славянской академіи" совершенно не достигаетъ цѣли, и судамъ приходится сурово преслѣдовать газеты за нарушеніе правилъ нравственности и добросовѣстности. Зачѣмъ же изобрѣтать то, что заранѣе признается непригоднымъ и ненужнымъ?—Недостатокъ продуманности въ комбинаціяхъ г. Шарапова, отсутствіе единства и послѣдовательности въ основныхъ его взглядахъ, противорѣчивость и сбивчивость его представленій о будущемъ—рѣшительно не позволяютъ намъ видѣть въ его романѣ слѣды какой-нибудь сознательной цѣльной программы, въ духѣ завѣтныхъ „славянофильскихъ мечтаній и идеаловъ".

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1903.

Нѣмецкіе парламенты и ихъ особенности.—Политическія рѣчи графа Бюлова.—Польскій вопросъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Австрійскія дѣла и чешскій кризисъ.—Смерть Ригера: его жизнь и дѣятельность.

Германскій имперскій сеймъ и прусская палата депутатовъ значительно отличаются, по своему общему характеру, отъ другихъ парламентовъ континентальной Европы: не имѣя прямого вліянія на личный составъ правительства и не обладая возможностью вызывать министерскіе кризисы, нѣмецкіе народные представители свободны отъ крайностей партійной борьбы и исполняютъ свои функціи съ спокойной дѣловитостью, безъ страстныхъ увлеченій и порывовъ, безъ шумныхъ сценъ и рѣзкихъ столкновеній; тутъ нѣтъ обычныхъ недостатковъ парламентаризма,—нѣтъ простора честолюбивымъ разсчетамъ и стремленіямъ, нѣтъ наклонности злоупотреблять краснорѣчіемъ и фразерствомъ, нѣтъ той жажды перемѣнъ, которая характеризуетъ французскія политическія партіи и вноситъ неустойчивость въ дѣйствіе государственныхъ учрежденій. Нѣмецкіе сеймы — имперскій и прусскій—не господствуютъ надъ правительствомъ, а контролируютъ управленіе; они не обнаруживаютъ такой кипучей дѣятельности, какъ французскій парламентъ, но дѣлаютъ очень много для всесторонняго освѣщенія общественныхъ нуждъ и для правильнаго и своевременнаго разрѣшенія текущихъ вопросовъ государственной жизни. Пренія имперскаго сейма представляютъ богатѣйшій матеріалъ и по внѣшней политикѣ Германіи; достаточно вспомнить, что всѣ знаменитыя рѣчи Бисмарка произносились въ парламентскихъ засѣданіяхъ, и что многія изъ этихъ рѣчей служили лишь отвѣтомъ на запросы и сомнѣнія оппозиціи. Нынѣшній канцлеръ, графъ Бюловъ, слѣдуетъ примѣру своего великаго предмѣстника и часто даетъ имперскому сейму обстоятельныя свѣдѣнія и объясненія по дѣламъ международной дипломатіи.

Между прочимъ, въ засѣданіи 19 марта (нов. ст.), графъ Бюловъ говорилъ очень пространно о практическихъ задачахъ и принципахъ современной германской политики. Относительно Венецуэлы, по его словамъ, Германія съ самаго начала не имѣла въ виду никакихъ завоевательныхъ или честолюбивыхъ цѣлей, а желала только добиться разсчета съ неисправнымъ должникомъ, чего нельзя было устроить безъ примѣненія чрезвычайныхъ средствъ. „Въ этомъ слу-

чаѣ дѣло шло не только о защитѣ нѣмецкаго достоинства, но и о предостереженіи на будущее время. Еслибы мы въ подобныхъ обстоятельствахъ усматривали только денежные споры,—продолжалъ графъ Бюловъ,—то намъ пришлось бы мириться съ самыми вопіющими нарушеніями права. Тогда намъ не нужны были бы ни броненосцы, ни пушки. Но надо въ то же время твердо установить тотъ фактъ, что предъ нами былъ рѣдкій, исключительный случай. Никакъ не слѣдуетъ допускать мысль, что всегда, гдѣ только нарушены денежные интересы нѣмцевъ за границею, Германія будетъ брать на себя принудительное взысканіе. Доказательствомъ исключительности венецуэльскаго дѣла является поведеніе Англіи, которая вообще держится того правила, что англичане, помѣщающіе свои капиталы за границею, дѣйствуютъ на собственный страхъ и не могутъ претендовать на особую охрану своихъ интересовъ; если же въ данномъ случаѣ лондонскій кабинетъ рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ, то это значитъ, что невозможно было поступить иначе. Съ разныхъ сторонъ дѣлались попытки воспользоваться венецуэльскимъ конфликтомъ, чтобы возбудить недовѣріе между Берлиномъ и Лондономъ, и, особенно, чтобы поссорить Германію съ Соединенными штатами. Газеты настойчиво распространяли нелѣпые слухи о нѣмецкихъ завоевательныхъ планахъ, о желаніи нѣмцевъ наложить руку на независимость той или другой изъ южно-американскихъ республикъ. Нью-іоркскій „Herald“ сообщилъ даже отчетъ о бесѣдѣ съ однимъ несуществующимъ германскимъ чиновникомъ-дипломатомъ, который, будто бы, откровенно признался, что мы стремимся сначала занять Венецуэлу, затѣмъ Колумбію и наконецъ Бразилію. Правительства въ Римѣ, Лондонѣ и Вашингтонѣ не обращали, конечно, вниманія на эти маневры печати, такъ какъ честность германской политики была слишкомъ очевидна, и потому отношенія Германіи съ другими державами нисколько не пострадали изъ-за Венецуэлы“. Дальнѣйшія замѣчанія канцлера касались тройственнаго союза и восточнаго вопроса. Разумѣется само собою, что, по мнѣнію графа Бюлова, тройственный союзъ есть незыблемая дипломатическая святыня, одинаково важная и цѣнная для каждой изъ участвующихъ державъ. „Возобновленіе этого союза на прежнихъ основаніяхъ показываетъ,—говоритъ канцлеръ,—что союзъ покоится не на случайныхъ, преходящихъ или искусственныхъ комбинаціяхъ, а на прочныхъ, коренящихся въ природѣ вещей и равномѣрно существующихъ интересахъ и потребностяхъ трехъ связанныхъ имъ имперій. Союзъ не ставитъ внутреннему и внѣшнему развитію участниковъ никакой другой преграды, кромѣ обязательства поддерживать status quo и общій миръ. Этимъ своимъ характеромъ, разсчитаннымъ на долговѣчность, тройственный союзъ отличается отъ длиннаго ряда подобныхъ коалицій,

создававшихся въ прежнія времена. Старые союзы восемнадцатаго или девятнадцатаго вѣка заключались для временныхъ завоевательныхъ цѣлей, или проистекали изъ необходимости защиты отъ нападеній и, слѣдовательно, имѣли прямую связь съ данными обстоятельствами. Священный союзъ, съ которымъ часто сравнивали тройственную лигу, считалъ своей задачею повсемѣстное поддержаніе мира; но, къ сожалѣнію, онъ увлекся вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла народовъ, а это порождало взрывы, которые приводили къ революціямъ, вслѣдствіе чего священный союзъ потерпѣлъ крушеніе. Тройственная лига заимствовала отъ священнаго союза тенденцію, клонящуюся къ сохраненію мира, но совершенно далека отъ мысли стѣснять внутреннее развитіе союзныхъ государствъ и направлять ихъ народы по тѣсному пути, несогласному съ желаніями этихъ народовъ. Изъ всѣхъ коалицій и союзовъ двухъ послѣднихъ столѣтій тройственный союзъ есть самый миролюбивый и сильный, самый прочный и эластичный. Если французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ въ палатѣ, что по условіямъ тройственнаго союза Италія не обязана и не будетъ участвовать въ нападеніи на Францію, то этимъ онъ очевидно хотѣлъ только сказать, что союзъ имѣетъ лишь оборонительное значеніе, что это—лига мира, никому не угрожающая несправедливымъ нападеніемъ. Это всѣмъ извѣстно въ Германіи, и мы можемъ только радоваться, что и среди нашихъ сосѣдей, особенно во Франціи, распространяется убѣжденіе въ мирномъ характерѣ тройственнаго союза". Вліяніе этого союза сказывается и въ сдержанной политикѣ Германіи на европейскомъ юго-востокѣ, по поводу македонскаго кризиса. Берлинскій кабинетъ попрежнему придерживается того основного принципа, высказаннаго еще княземъ Бисмаркомъ, что нѣмцы не могутъ принимать самостоятельное активное участіе въ устройствѣ восточныхъ дѣлъ и „не должны на Балканскомъ полуостровѣ вытаскивать каштаны изъ огня для кого бы то ни было". Германская дипломатія „сочувственно относится ко всякой мѣрѣ, способной улучшить фактическое положеніе дѣлъ въ Македоніи, безъ посягательства на неприкосновенность европейскихъ владѣній Турціи и безъ угрозы для мира". Русско-австрійская программа реформъ кажется графу Бюлову очень удачною. „Германія безусловно солидарна съ Россіею и Австріею въ ихъ искреннемъ стремленіи обезпечить на Востокѣ порядокъ, спокойствіе и безопасность, на почвѣ существующихъ политическихъ и территоріальныхъ отношеній".

Рѣчи графа Бюлова нравятся нѣмецкой публикѣ своимъ мягкимъ, добродушнымъ тономъ, но не всегда удовлетворяютъ любознательныхъ скептиковъ, интересующихся фактическимъ ходомъ дѣлъ въ европейской политикѣ. Успокоительный оптимизмъ германскаго канцлера, вы-

раженный нерѣдко въ красивыхъ, закругленныхъ, отчасти сентиментальныхъ фразахъ, соотвѣтствуетъ вообще старымъ дипломатическимъ традиціямъ и представляется, конечно, вполнѣ естественнымъ со стороны оффиціальнаго руководители германской дипломатіи. Графъ Бюловъ говоритъ вообще много и хорошо, стараясь закутать свою мысль обиліемъ сравненій и аллегорій, и въ результатѣ довольно трудно извлечь изъ его словъ что-нибудь положительное. Въ своемъ оправданіи венецуэльскаго предпріятія онъ обошелъ именно тѣ пункты, которые требовали бы разъясненія; онъ не упомянулъ о причинахъ уклоненія отъ международнаго третейскаго суда передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій противъ Венецуэлы, не коснулся дѣйствительныхъ симптомовъ раздраженія, вызваннаго этимъ дѣломъ въ Соединенныхъ штатахъ, и сослался на примѣръ Англіи, какъ на доказательство серьезности притязаній, побудившихъ предпринять экспедицію, между тѣмъ какъ въ Англіи, наоборотъ, общественное мнѣніе усматривало въ этомъ предпріятіи только послѣдствіе чрезмѣрной угодливости или податливости министерства Бальфура по отношенію къ Германіи. Англичане объясняли блокаду Венецуэлы исключительно лишь настойчивымъ желаніемъ Германіи и открыто осуждали свое правительство за присоединеніе къ нѣмецкой затѣѣ; изъ-за этого неудачнаго союза съ нѣмцами консервативный кабинетъ почти совершенно лишился популярности въ странѣ, и его единственнымъ спасителемъ считается вернувшійся кстати изъ южной Африки министръ колоній Чемберлэнъ, исполнившій съ блестящимъ успѣхомъ свою новѣйшую „имперіалистскую" миссію. При такомъ общеизвѣстномъ настроеніи громаднаго большинства англичанъ относительно венецуэльскаго конфликта было не совсѣмъ осторожно со стороны графа Бюлова указывать въ данномъ случаѣ на Англію, тѣмъ болѣе, что подобная ссылка могла бы вызвать соотвѣтственные комментаріи и протесты въ англійской печати. Правда, англичане не любятъ признаваться въ своихъ ошибкахъ передъ иностранцами, и имъ неловко приписывать чужой державѣ слишкомъ сильное вліяніе на отечественную политику хотя бы въ отдѣльномъ незначительномъ вопросѣ; но несомнѣнно, что участіе Англіи не объясняло и не оправдывало поведенія Германіи, склонившей лондонскій кабинетъ къ союзу противъ Венецуэлы.

Графъ Бюловъ пренебрежительно отзывается о „маневрахъ печати", оказавшихся безсильными поколебать довѣріе къ честной германской политикѣ; но неудовольствіе среди американцевъ и англичанъ порождалось и усиливалось такими фактами, какъ потопленіе венецуэльскихъ кораблей и бомбардировка побережья германскими крейсерами, въ чемъ были уже совсѣмъ невиноваты газеты. Волненіе

въ Соединенныхъ штатахъ далеко выходило за предѣлы газетныхъ выдумокъ и отчасти захватывало и оффиціальный міръ въ Вашингтонѣ, гдѣ всегда привыкли относиться съ тревожнымъ чувствомъ къ присутствію иностранныхъ броненосцевъ въ американскихъ водахъ; самые переговоры о мирномъ разрѣшеніи спора велись при дѣятельномъ посредничествѣ американской дипломатіи, и нѣкоторые непріятные для нѣмцемъ „маневры" исходили отъ кружковъ и лицъ, близкихъ къ президенту Рузевельту. Быть можетъ, экспедиція окончилась не такъ, какъ разсчитывали ея устроители, и развязка получилась бы другая, еслибы не было давленія со стороны американскихъ и британскихъ друзей; нѣмцы какъ будто не ожидали этихъ глухихъ и громкихъ протестовъ, и въ этомъ заключалась ихъ ошибка. Неяснымъ или недостаточно мотивированнымъ остается и отрицательное отношеніе Германіи къ Гаагскому третейскому суду, которому проще всего было бы предоставить разборъ денежныхъ пререканій съ Венецуэлою. Но такъ какъ въ концѣ концовъ достигнутъ былъ благополучный результатъ, то ничто не мѣшаетъ теперь германскому канцлеру провозглашать свой образъ дѣйствій безупречнымъ и обвинять непріязненную заграничную прессу въ клеветѣ на Германію. Столь же односторонни и дипломатичны разсужденія графа Бюлова о тройственномъ союзѣ. Если этотъ союзъ такъ миролюбивъ, что не можетъ имѣть никакихъ положительныхъ цѣлей, то существованіе его оправдывалось бы только возможностью воинственныхъ покушеній или нападеній другихъ могущественныхъ державъ; но ни одна изъ европейскихъ націй не уклонялась и не уклоняется отъ общаго стремленія сохранить европейскій миръ, который едва ли поколебался бы и при отсутствіи союзовъ, раздѣляющихъ нынѣ Европу на два лагеря. Тройственный союзъ можетъ оказаться необыкновенно долговѣчнымъ именно потому, что онъ безсодержателенъ, не имѣетъ точнаго примѣненія и не влечетъ за собою чувствительныхъ послѣдствій для участниковъ, представляя въ то же время нѣкоторыя практическія удобства, облегчающія роль дипломатіи въ разныхъ спорныхъ и щекотливыхъ вопросахъ. Находясь въ союзѣ съ Австро-Венгріею, Германія, напримѣръ, считаетъ себя свободною отъ активныхъ заботъ о балканскихъ дѣлахъ, такъ какъ въ этой области нѣмцы вполнѣ солидарны съ австрійцами и неизмѣнно стоятъ на почвѣ излюбленнаго принципа вѣнской дипломатіи — турецкаго status quo; оттого берлинскій кабинетъ можетъ спокойно ограничиться поощреніемъ и поддержаніемъ восточной политики Австро-Венгріи, прикрывая свою кажущуюся пассивность мнимымъ отсутствіемъ у нѣмцевъ самостоятельныхъ политическихъ интересовъ на Востокѣ. Это отсутствіе самостоятельной политики получаетъ оригинальное освѣщеніе въ постоянномъ подчеркиваніи того обстоятель-

ства, что турецкая власть надъ Македоніею не должна потерпѣть никакого ущерба и что реформы не могутъ ни въ чемъ отступать отъ установленнаго въ Турціи государственнаго порядка; эта преувеличенная заботливость о сохраненіи правъ и интересовъ турецкаго султана именно и выражаетъ собою ту самостоятельную восточную политику, которую проводитъ Германія черезъ посредство вѣнскаго кабинета. Германія имѣетъ въ Турціи свои крупные экономическіе интересы, которые со временемъ могутъ пріобрѣсть и политическое значеніе, и она отлично устроиваетъ свои дѣла въ Малой Азіи и въ другихъ мѣстахъ, подъ видомъ частныхъ желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій, такъ что сохраненіе турецкаго господства и режима входитъ въ сознательную положительную программу нѣмецкой внѣшней политики, а не есть только отвлеченный принципъ, вытекающій изъ общаго германскаго миролюбія.

Нѣмецкіе патріоты критикуютъ политику правительства не потому, что она непослѣдовательна или противорѣчива, а потому, что находятъ ее слишкомъ уступчивою и вялою. Представители консервативныхъ партій часто вспоминаютъ Бисмарка и ставятъ его въ примѣръ графу Бюлову. Въ томъ же засѣданіи имперскаго сейма, 19 марта, національно-либеральный депутатъ Гассе высказалъ мнѣніе, что германская дипломатія плохо исполняетъ свои обязанности, что она должна была бы оказать энергическій отпоръ Соединеннымъ штатамъ въ венецуэльскомъ вопросѣ, не обращая вниманія на зависть и недоброжелательство англичанъ. „Благодаря обращенію къ американскому посредничеству,—говорилъ Гассе—авторитетъ Германіи падаетъ, тогда какъ обаяніе Америки ростетъ. Нѣмецкій посланникъ въ Вашингтонѣ, баронъ Шпекъ-фонъ-Штернбургъ, ведетъ себя такъ, что содержаніе его могло бы быть отнесено на счетъ американскаго правительства. Его льстивыя фразы по отношенію къ президенту Рузевельту не поддаются никакой характеристикѣ; онъ осмѣлился даже поставить президента на одну доску съ германскимъ императоромъ. Это свидѣтельствуетъ о глубокомъ упадкѣ національнаго самосознанія". Депутатъ Гассе требуетъ болѣе строгаго обращенія не только съ отдаленными американцами, но и съ ближайшими союзниками, австровенгерцами. „При заключеніи тройственнаго союза,—по его словамъ,—не слѣдовало придавать большую важность Венгріи. Мадьяры составляютъ только 45% населенія и хотятъ, однако, господствовать въ странѣ; они не желаютъ сообразоваться съ принципами правового государства; это нужно имѣть въ виду при вступленіи съ ними въ союзъ или въ торговые договоры. Въ венгерской палатѣ депутатовъ раздаются невѣроятныя ругательства противъ Германіи, и президентъ не препятствуетъ этому. Манія величія доходитъ у мадьяръ до того,

что они претендуютъ на половину Балканскаго полуострова и придунайскихъ государствъ; надо было бы ихъ немножко проучить". Казалось бы, что американцы имѣютъ полное право у себя дома считать себя не ниже нѣмецкаго народа и что ихъ выборный президентъ есть законный глава государства, съ которымъ германскій императоръ долженъ по неволѣ сноситься на равныхъ правахъ; трудно понять, какъ можетъ Германія обуздывать или ограничивать въ чемъ-либо Соединенные штаты и ихъ правителей, при желаніи поддерживать съ ними мирныя отношенія. Нѣмцы легко могли бы, конечно, оттолкнуть отъ себя и американцевъ, и мадьяръ, но не должны были бы уже въ такомъ случаѣ разсчитывать на ихъ дружбу и на выгодное заключеніе съ ними союзныхъ или иныхъ договоровъ. Прямолинейный узкій патріотизмъ повсюду имѣетъ однородныя черты; ему всегда сопутствуетъ какая-то странная слѣпота, заставляющая людей вообще здравыхъ и разумныхъ проповѣдывать явныя безсмыслицы. Консерваторъ Эртель тоже нападалъ на чрезмѣрное добродушіе и снисходительность германскаго посланника въ Вашингтонѣ; „политика мѣняется, —замѣтилъ онъ ядовито по адресу графа Бюлова,—и гусарскія ботфорты отличаются отъ кирасирскихъ", — хотя, разумѣется, званіе гусара столь же мало характерно для воззрѣній нынѣшняго канцлера, какъ кирасирскій мундиръ—для политики Бисмарка. Нападки патріотовъ дали Бюлову матеріалъ для длинной рѣчи, въ которой онъ старался документально доказать, что идеи Бисмарка не имѣли ничего общаго съ легковѣснымъ шовинизмомъ его новѣйшихъ поклонниковъ; въ подтвержденіе своей мысли ораторъ прочиталъ нѣсколько поучительныхъ документовъ изъ переписки покойнаго канцлера съ германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Пештѣ въ 1883 году. Бисмаркъ рѣшительно отвергалъ тогда всякія нѣмецкія поползновенія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Венгріи для заступничества за семиградскихъ нѣмцевъ, которымъ угрожала мадьяризація, и тогдашнія рѣзкія указанія на неумѣстность сентиментальности въ политикѣ были приведены графомъ Бюловомъ какъ аргументъ, наиболѣе убѣдительный въ глазахъ нѣмецкихъ патріотовъ. Впрочемъ, не надо забывать, что тѣ же близорукіе патріоты разсуждаютъ весьма дѣльно въ области обычныхъ парламентскихъ дѣлъ, финансовыхъ и законодательныхъ, и что общіе политическіе вопросы, особенно международные, не часто служатъ предметомъ преній въ имперскомъ сеймѣ.

Не столь невинны патріотическія увлеченія въ сферѣ внутренней политики, — напримѣръ, по польскому вопросу. Въ прусской палатѣ депутатовъ, при обсужденіи предположенныхъ дополнительныхъ расходовъ на нѣмецкую администрацію въ Познани, возникли горячіе споры о сущности и послѣдствіяхъ германизаторскихъ тенденцій пра-

вительства въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Пренія заняли нѣсколько засѣданій, начиная съ 19 марта, и нѣмецкое большинство должно было выслушивать отъ противниковъ разныя горькія истины, что доставляло все-таки нѣкоторое утѣшеніе полякамъ. Одинъ изъ депутатовъ „свободной народной партіи" утверждалъ, что антипольская политика правительства причиняетъ вредъ нѣмецкой части населенія, вызывая антагонизмъ и вражду національностей тамъ, гдѣ нѣмцы находятся въ меньшинствѣ и гдѣ они прежде фактически были хозяевами; такъ, въ Данцигѣ до конца восьмидесятыхъ годовъ не было никакихъ польскихъ организацій, и при выборахъ въ имперскій сеймъ не подавалось ни одного голоса въ пользу поляковъ; теперь же существуютъ тамъ польскіе союзы, имѣющіе свое особое зданіе, и голоса нѣсколькихъ сотъ избирателей принадлежатъ уже спеціально польскимъ дѣятелямъ. Министръ финансовъ, баронъ Рейнбабенъ, доказывалъ, что повышенные оклады нѣмецкимъ чиновникамъ въ восточной Пруссіи должны привлечь туда лучшія силы и что требованіе кредита на постройку королевскаго дворца въ Познани подниметъ нѣмецкое національное чувство въ краѣ. Въ томъ же духѣ высказывались ораторы изъ національ-либераловъ и консерваторовъ; представители центра возражали съ точки зрѣнія цѣлесообразности; другіе напоминали, что нельзя и думать о превращеніи Познани въ нѣмецкій городъ и что „Познань всегда останется центромъ польскаго населенія въ Пруссіи". Полякъ Глембоцкій проводилъ ту мысль, что несправедливыя стремленія и усилія правительства по существу своему безплодны. „Польское національное движеніе—говорилъ онъ—никогда еще не было такъ сильно, какъ въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ оффиціальныхъ мѣръ. Ни одинъ народъ не проникнутъ въ такой степени монархическими чувствами, какъ поляки; этотъ монархизмъ коренится въ вѣрѣ, что монархъ есть воплощеніе справедливости. Если эта вѣра будетъ поколеблена фактами, то дворецъ въ Познани уже не поможетъ... Въ теченіе одного года было запрещено сорокъ польскихъ собраній, и въ концѣ концовъ эти запрещенія признаны были высшею инстанціею незаконными. Къ чему приводятъ эти напрасныя придирки? Вся эта политика стремится къ тому, чтобы низвести поляковъ до положенія полу-гражданъ, или обывателей второго разряда. Нелѣпость соединяется тутъ съ беззаконіемъ, и это соединеніе называется теперь политикою прусскаго правительства". Прусскій министръ финансовъ съ негодованіемъ оспаривалъ доводы депутата Глембоцкаго, ссылался на благодѣянія нѣмецкой культуры въ бывшихъ польскихъ областяхъ и въ заключеніе пустился въ оцѣнку историческихъ заслугъ тевтонскаго ордена и династіи Гогенцоллерновъ. Въ засѣданіи 21 марта, представитель партіи центра возставалъ противъ системы нѣ-

мецкой колонизаціи польскихъ земель, такъ какъ спеціальныя льготы, даваемыя лицамъ нѣмецкаго происхожденія, и притомъ въ большинствѣ лютеранамъ, противорѣчатъ прусской конституціи, четвертый параграфъ которой гласитъ: „всѣ пруссаки равны передъ закономъ". „Это—явная несправедливость,—закончилъ нѣмецкій ораторъ,—и нужно пожелать, чтобы она какъ можно скорѣе исчезла изъ законодательства". Другой депутатъ, тоже нѣмецъ, сообщалъ интересныя свѣдѣнія о практическихъ результатахъ національнаго соперничества, поощряемаго и отчасти создаваемаго правительствомъ; такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ польское населеніе перестало покупать у нѣмецкихъ купцовъ, которые вслѣдствіе этого лишились прежняго источника доходовъ. Министръ земледѣлія, фонъ-Подбѣльскій, оправдывалъ колонизацію разными сельскохозяйственными соображеніями, но, въ отвѣтъ на вопросъ депутата Глембоцкаго, долженъ былъ признать, что для пріобрѣтенія имѣній у польскихъ владѣльцевъ употребляются посредники и агенты, скрывающіе отъ продавцовъ цѣль и характеръ покупки; а подобные пріемы, какъ выразился Глембоцкій, составляютъ сознательный обманъ, которымъ не должны бы пользоваться органы прусскаго правительства. Министръ пояснилъ, что непосредственно изъ польскихъ рукъ нельзя пріобрѣсть ни одного имѣнія для колонизаціонной коммиссіи въ Познани, и что поэтому приходится по неволѣ имѣть агентовъ, устроивающихъ покупныя сдѣлки; оффиціальное признаніе подобнаго рода не могло произвести благопріятное впечатлѣніе на нѣмецкое большинство въ палатѣ, хотя и не повліяло, конечно, на исходъ преній: нравственные мотивы вообще безсильны, когда въ дѣло замѣшаны побужденія и инстинкты національной борьбы.

Въ Австро-Венгріи національный вопросъ туго подвигается впередъ, и до сихъ поръ остается еще неразрѣшеннымъ старый споръ о языкахъ въ Чехіи, несмотря на всѣ усилія министерства фонъ-Кербера достигнуть какого-нибудь компромисса. Даже соглашеніе между обѣими половинами имперіи, Австріею и Венгріею, могло состояться только вслѣдствіе личнаго вмѣшательства престарѣлаго императора Франца-Іосифа, авторитету котораго подчинились предводители парламентскихъ партій въ Вѣнѣ и Пештѣ; но это соглашеніе касалось лишь торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, относительно которыхъ всегда возможна сдѣлка путемъ обоюдной уступчивости,—тогда какъ обострившіяся національныя пререканія обыкновенно исключаютъ самую мысль объ уступкахъ.

О многолѣтней чешско-нѣмецкой распрѣ и объ ея перемѣнчивыхъ судьбахъ вновь напомнила недавняя смерть старѣйшаго парламентскаго

борца за историческія права Чехіи, Ригера. Францъ-Ладиславъ Ригеръ, родившійся въ 1818 году, былъ съ молодыхъ лѣтъ дѣятельнымъ сторонникомъ освобожденія и объединенія чешской народности; въ годы революціоннаго періода онъ возставалъ противъ нѣмецкихъ притязаній, отстаивалъ идею государственной самостоятельности Чехіи и требовалъ созванія славянскаго конгресса въ Прагѣ. Послѣ распущенія австрійскаго учредительнаго собранія въ мартѣ 1849 года, Ригеръ удалился въ Парижъ, занимался экономическими изслѣдованіями и готовился къ профессурѣ, но не получилъ разрѣшенія читать лекціи въ своемъ отечествѣ; онъ сдѣлался журналистомъ, въ 1850 году сблизился съ знаменитымъ чешскимъ историкомъ Палацкимъ, на дочери котораго женился, и съ тѣхъ поръ сталъ постепенно однимъ изъ самыхъ видныхъ и энергическихъ предводителей чешской національной партіи. Какъ талантливый ораторъ, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе въ австрійскомъ парламентѣ и старался сплотить разрозненные классы чешскаго общества на почвѣ цѣльной политической программы, чтобы имѣть возможность предъявлять извѣстныя требованія правительству; но такъ какъ эти требованія оставались безъ вниманія, то партія Ригера покинула австрійскій рейхсратъ и чешскій сеймъ, и эта система воздержанія была долго главнымъ орудіемъ борьбы противъ нѣмецкихъ централистовъ. Послѣ пораженія Австріи пруссаками въ 1866 году, чешскіе патріоты имѣли основаніе надѣяться на успѣхъ и нѣсколько лѣтъ спустя, подъ настойчивымъ руководствомъ Ригера, уже почти достигли завѣтной цѣли при министерствѣ графа Гогенварта; новымъ конституціоннымъ актомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ сентябрьскимъ рескриптомъ 1870 года было провозглашено существованіе особаго чешскаго королевства, и коронація императора Франца-Іосифа въ Прагѣ, въ качествѣ чешскаго короля, была только вопросомъ времени. Мадьярскимъ политическимъ дѣятелямъ, въ союзѣ съ канцлеромъ графомъ Бейстомъ, удалось, однако, свергнуть министерство Гогенварта и уничтожить его проекты новаго федеральнаго строя Австріи, и съ октября 1871 года Чехія вновь очутилась въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ была и раньше. Ригеръ опять вышелъ изъ состава парламента вмѣстѣ съ своею партіею, въ ожиданіи лучшихъ временъ, и только въ 1879 году, съ наступленіемъ примирительной эры графа Таафе, вернулся къ парламентской дѣятельности; онъ былъ тогда признаннымъ вождемъ чешскаго народа и пользовался огромною популярностью въ странѣ, но долженъ былъ уже считаться съ значительною группою болѣе молодыхъ и нетерпѣливыхъ патріотовъ, недовольныхъ его осторожною и медлительною тактикою. Послѣдовательно, шагъ за шагомъ, подготовлялось фактическое возста-

новленіе чешской государственности, при помощи отдѣльныхъ уступокъ и компромиссовъ; Ригеръ съумѣлъ привлечь на свою сторону и чешскую аристократію, которая вообще дѣйствовала съ нимъ за-одно. Для австрійскаго министерства имѣло большое значеніе то обстоятельство, будутъ ли чешскіе депутаты на сторонѣ правительства или въ рядахъ оппозиціи, и Ригеръ весьма искусно лавировалъ среди различныхъ правительственныхъ и партійныхъ теченій, извлекая изъ нихъ возможную пользу для національнаго дѣла чеховъ. По мѣрѣ усиленія чешскаго политическаго вліянія, все болѣе увеличивался и внутренній разладъ между старыми и новыми дѣятелями, между приверженцами разсчетливаго, обдуманнаго движенія впередъ и проповѣдниками смѣлой, откровенной борьбы. Въ 1890 году, когда старочехи, съ Ригеромъ во главѣ, устроили соглашеніе съ нѣмцами относительно разграниченія чешскихъ, нѣмецкихъ и смѣшанныхъ округовъ въ Богеміи, младочешская группа уже прямо возстала противъ бывшаго руководителя и организатора національнаго движенія, обвиняя его чуть ли не въ измѣнѣ высшимъ интересамъ родины. Младочехи съ шумомъ выступили на первый планъ, оттѣснили Ригера съ его партіею и приняли на себя задачу болѣе рѣшительнаго и быстраго осуществленія широкихъ народныхъ идеаловъ. Это былъ полный разгромъ старочеховъ: ни одинъ изъ нихъ не былъ вновь избранъ на выборахъ въ австрійскій парламентъ, въ 1891 году, и даже самъ Ригеръ не попалъ въ депутаты. Съ тѣхъ поръ онъ фактически сошелъ со сцены и не принималъ уже больше участія въ текущей политикѣ; въ 1896 году правительство назначило его пожизненнымъ членомъ австрійской палаты господъ и затѣмъ дало ему баронскій титулъ. Когда онъ умеръ въ первыхъ числахъ марта (нов. ст.), то многимъ казалось, что это извѣстіе опоздало на нѣсколько лѣтъ,—до того основательно былъ забытъ знаменитый нѣкогда вождь чешскаго народа.

Въ судьбѣ Ригера сказались обычныя черты славянскихъ движеній—склонность къ раздорамъ и внутреннимъ пререканіямъ, отсутствіе единства и выдержки въ преслѣдованіи общественныхъ и національныхъ цѣлей. Младочехи поступили съ своими старшими собратьями или соперниками какъ истинные славяне; они сразу разрушили плоды долголѣтней работы, рѣзко оттолкнули отъ общаго дѣла значительную группу заслуженныхъ и даровитыхъ дѣятелей, порвали съ своими учителями и предшественниками, и взялись дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, по новому плану, или вѣрнѣе безъ всякаго плана. Болѣе двѣнадцати лѣтъ прошло со времени торжества младочеховъ надъ старочешскою партіею Ригера, и Чехія не только не приблизилась къ осуществленію своей національной мечты,

но и отдалилась отъ нея: влiятельный нѣмецкiй элементъ въ чешскихъ округахъ сильнѣе чѣмъ когда-либо сохраняетъ и защищаетъ свои боевыя позицiи; чешскiе нѣмцы, въ свою очередь, организуются и грозятъ междоусобiемъ въ случаѣ удовлетворенiя требованiй чеховъ, а среди самой чешской народности замѣчается разладъ, утомленiе отъ прошлой борьбы, недовольство настоящимъ и недостатокъ вѣры въ будущее. Еслибы исторiя новѣйшаго нацiональнаго движенiя Чехiи не была искусственно прервана по волѣ младочеховъ, то, безъ сомнѣнiя, чешско-нѣмецкiй кризисъ распутался бы уже давно, и нацiональная борьба, подъ влiянiемъ мирной тактики Ригера, превратилась бы, быть можетъ, въ спокойное культурное сожительство равноправныхъ сосѣдей.

ПЕТКО КАРАВЕЛОВЪ И ЕГО МѢСТО ВЪ ИСТОРІИ БОЛГАРІИ.

Письмо изъ Софіи.

Знаменитый нѣкогда болгарскій писатель, патріотъ и революціонеръ, Любенъ Каравеловъ, стоявшій во главѣ народнаго освободительнаго движенія послѣ смерти С. Раковскаго, умеръ бездѣтнымъ. Но онъ не остался совсѣмъ безъ наслѣдниковъ. Преемникомъ его имени и его славы былъ его младшій братъ, Петко. Ему, какъ и Любену, выпала завидная доля быть вождемъ своего народа, и онъ выполнилъ эту нелегкую миссію съ такою же честью для себя и съ такимъ же, можетъ быть, успѣхомъ. Какъ и Любенъ, онъ пользовался самою широкою популярностью при жизни. Какъ и Любенъ, онъ унесъ съ собою въ могилу не только безграничную преданность единомышленниковъ, возводившихъ его на пьедесталъ генія, но и общее уваженіе современниковъ, въ глазахъ которыхъ онъ пользовался репутацією честности, ума и талантовъ, не превзойденныхъ еще никѣмъ изъ государственныхъ дѣятелей современной молодой Болгаріи. Онъ не обладалъ ни блестящимъ литературнымъ талантомъ своего брата, ни его горячимъ революціоннымъ темпераментомъ, ни, можетъ быть, искреннею простотою его демократическаго міросозерцанія, но у него были качества не менѣе драгоцѣнныя—особенно для политическаго дѣятеля, призваннаго работать на широкой сравнительно аренѣ государственнаго строительства, при сравнительно нормальныхъ условіяхъ конституціоннаго политическаго режима: ясный умъ, легко и скоро оріентировавшійся въ самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ; практическая смётка, безошибочно находившая выходъ изъ затрудненій; твердая воля, настойчивость и энергія, не покидавшія его и при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ; обширная эрудиція, которая импонировала, и не менѣе обширная память, которая поражала, и—главное—безграничная самоувѣренность, которая заставляла все окружающее смотрѣть на него снизу вверхъ, признавать во всемъ его непререкаемый авторитетъ и подчиняться ему, какъ естественному, самимъ Провидѣніемъ назначенному вождю и учителю.

Каравеловъ родился въ 1843 г., въ одномъ изъ горныхъ поселковъ средней Болгаріи, въ мѣстности, гдѣ сохранился въ своей чистотѣ

исконный болгарскій типъ, гдѣ старыя болгарскія традиціи умѣренной трезвости, упорнаго труда и неукротимаго свободолюбія свято хранятся еще и въ наши дни. Въ этихъ традиціяхъ росъ онъ ребенкомъ и мальчикомъ. Онѣ и опредѣлили съ дѣтства основныя черты его будущаго характера. Другимъ рѣшающимъ моментомъ въ развитіи его личности было его пребываніе въ московской гимназіи, въ которую помѣстилъ его Любенъ, и потомъ въ московскомъ университетѣ. Ему пришлось учиться здѣсь какъ разъ въ тѣ годы, когда въ передовыхъ университетскихъ и литературныхъ кружкахъ Россіи безраздѣльно царилъ либерализмъ 60-ыхъ годовъ, когда среди русской учащейся молодежи начиналось нѣкоторое броженіе, происходившее еще на почвѣ и подъ знаменемъ нигилизма. Молодой Каравеловъ не могъ, конечно, остаться въ сторонѣ отъ этихъ вліяній. Онъ легко поддался имъ, войдя и умомъ и сердцемъ въ кипѣвшую вокругъ него жизнь. Но, какъ болгаринъ, въ душѣ котораго всегда жилъ страдальческій образъ порабощенной и несчастной родины, онъ не слился съ этою жизнью цѣликомъ, не отдался ей всецѣло и безповоротно, какъ отдавались ей его русскіе товарищи и сверстники. Онъ старательно учился, много читалъ и готовился къ будущей дѣятельности у себя на родинѣ. Параллельно съ увлекавшимися студенческими кружками, онъ усердно поддерживалъ близкія отношенія и съ совсѣмъ другою средою, съ которою его связывали, кромѣ національнаго чувства, и чисто практическія соображенія тѣхъ выгодъ, какія она обѣщала ему, какъ славянину вообще и болгарину въ частности. Мы имѣемъ въ виду тогдашнихъ московскихъ славянофиловъ съ И. С. Аксаковымъ во главѣ. Они его знали и цѣнили, какъ подававшаго большія надежды юношу. Онъ дорожилъ ихъ покровительствомъ, какъ людей вліятельныхъ и сильныхъ. И тогда, въ годы юношества, его увлеченія никогда не доходили до самозабвенія и всегда подчинялись холодному разсудку. Поэтому-то онъ и не обжигался, хотя иногда и игралъ съ огнемъ...

Образцовымъ студентомъ Каравеловъ не былъ и „надеждъ" не подавалъ, такъ какъ не сосредоточивался на чемъ-нибудь одномъ и посѣщалъ не тѣ лекціи, которыя ему полагались по курсу, а тѣ, которыя ему нравились. Къ тому же много времени тратилъ онъ и на сторонѣ, внѣ стѣнъ университета. Тѣмъ не менѣе, онъ покинулъ университетъ съ большимъ запасомъ знаній, особенно въ области общественныхъ наукъ, которыя всегда занимали его по преимуществу. По тогдашнимъ же болгарскимъ мѣркамъ этотъ запасъ долженъ былъ производить впечатлѣніе чего-то громаднаго, подавляющаго. Своимъ соплеменникамъ—особенно наивной молодежи, передъ которой только-что распахнулись ворота европейской культуры,—онъ долженъ былъ

казаться кладеземъ премудрости, геніемъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго. Прибавьте къ этому обаяніе славнаго имени его брата, окруженнаго въ глазахъ всѣхъ болгаръ того времени яркимъ ореоломъ патріотическаго апостольства, и вы легко себѣ представите, въ какомъ отличномъ вооруженіи выходилъ Петко Каравеловъ на общественную арену, какъ благопріятно складывались для него обстоятельства въ освобожденномъ къ этому времени отечествѣ. Все обѣщало ему успѣхъ, блестящую и быструю карьеру. И онъ, дѣйствительно, „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ"!

Въ самомъ народно-освободительномъ болгарскомъ движеніи, въ возстаніяхъ и революціонныхъ предпріятіяхъ „Центральнаго Комитета", во главѣ котораго стоялъ его братъ, П. Каравеловъ участія не принималъ, несмотря на то, что въ 1876 году ему было уже 23 года. Въ эти годы многіе изъ его сверстниковъ кончали свою революціонную карьеру на висѣлицахъ или въ малоазійскихъ казематахъ. Но Каравеловъ и по взглядамъ, и по темпераменту принадлежалъ къ другому типу. Онъ менѣе всего былъ „Инсаровымъ". Ни энтузіазмъ, ни фанатизмъ никогда не имѣли надъ нимъ власти. Онъ и въ молодости былъ прежде всего практическимъ счетчикомъ, избѣгавшимъ опаснаго риска, реальнымъ политикомъ, возлагавшимъ свои надежды не на безсильныя революціонныя затѣи эмигрантовъ, а на планомѣрное дѣйствіе европейской дипломатіи. Къ тому же на его плечахъ лежали заботы о семьѣ. Однимъ словомъ, онъ не рвался изъ Россіи и не спѣшилъ на родину, гдѣ все еще было хаосомъ и неизвѣстностью. Но какъ только положеніе дѣлъ приняло серьезный оборотъ, и онъ почувствовалъ, что можетъ быть полезенъ, что для его дѣятельности открывается подходящая арена,—онъ не колебался ни минуты.

Снабженный самыми лестными рекомендаціями со стороны своихъ славянофильскихъ покровителей въ Москвѣ, онъ по слѣдамъ русскихъ войскъ пріѣхалъ въ Болгарію. Здѣсь онъ скоро обратилъ на себя вниманіе князя Черкасскаго, который назначилъ его вице-губернаторомъ въ Виддинъ. Въ этой административной должности и началъ онъ свое общественное служеніе.

Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ его депутатомъ „великаго народнаго собранія", созваннаго россійскимъ императорскимъ коммиссаромъ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, въ древней болгарской столицѣ Тырново, для разсмотрѣнія проекта болгарской конституціи. Онъ принадлежалъ къ группѣ депутатовъ ex officio—и личной извѣстностью еще не пользовался ни въ массѣ населенія, ни между своими товарищами-депутатами, но это не помѣшало ему въ первые же дни выдѣлиться изъ ихъ среды въ качествѣ одного изъ естественныхъ вожаковъ собранія. Къ открытію собранія онъ уже пользовался боль-

шимъ вліяніемъ на товарищей, и его репутація, какъ глубокаго знатока парламентарной практики и конституціоннаго права, была сдѣлана. Это сказалось въ первомъ же засѣданіи, при выборѣ членовъ коммиссіи, которая должна была подвергнуть предварительному разсмотрѣнію предложенный собранію проектъ „Органическаго устава". Въ этой коммиссіи нашли себѣ мѣсто всѣ будущія политическія знаменитости Болгаріи: Стоиловъ, Грековъ, Начевичъ, Цанковъ, Икономовъ, Балабановъ. И рядомъ съ ними красуется имя П. Каравелова. А черезъ нѣсколько дней, при назначеніи бюро собранія, онъ былъ выбранъ и однимъ изъ подпредсѣдателей, причемъ за него было подано 114 голосовъ.

Съ первыхъ же засѣданій великаго тырновскаго собранія въ немъ начали намѣчаться два враждебныхъ теченія—либеральное и консервативное, изъ которыхъ впослѣдствіи должны были возникнуть и развиться главныя болгарскія партіи. Эти теченія не успѣли еще выставить опредѣленныхъ политическихъ формулъ,—тѣмъ менѣе программъ,—но они уже сознавали свою противоположность и вступили между собой въ рѣшительную борьбу. Каравеловъ принадлежалъ, конечно, къ первому теченію, къ которому примкнулъ съ перваго же момента его возникновенія, и въ которомъ не замедлилъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ не парадировалъ передъ публикою, не произносилъ длинныхъ рѣчей, не блисталъ краснорѣчіемъ, которымъ и вообще никогда не отличался, но онъ былъ его душою, его руководителемъ, вдохновителемъ и главнымъ организаторомъ. Его преобладающее вліяніе въ лагерѣ „либераловъ" впервые сказалось открыто и явно на 12-мъ засѣданіи, когда дошла очередь до обсужденія доклада, представленнаго коммиссіею, выбранною собраніемъ для разсмотрѣнія проекта конституціи. Самъ—членъ этой коммиссіи, Каравеловъ высказался противъ ея „ретрограднаго" доклада самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ образомъ. Онъ вышелъ на трибуну и произнесъ противъ него безпощадную филиппику. Онъ не нашелъ въ немъ „ни политики, ни логики, ни грамматики". Вмѣсто „принциповъ" въ этомъ злополучномъ докладѣ оказались „какія-то четыре начала, подбитыя консервативнымъ вѣтромъ; вмѣсто тезисовъ—каша; вмѣсто мотивовъ... но о мотивахъ лучше и не упоминать..." Въ концѣ-концовъ ораторъ предложилъ собранію бросить докладъ коммиссіи въ сорную корзину, какъ совершенно ненужную бумажонку, и приступить прямо къ обсужденію самаго проекта. Коммиссія считала болгарскій народъ „несозрѣвшимъ для свободы" и предлагала поэтому уснастить „органическій уставъ" всевозможными „гарантіями порядка и устойчивости"; народные представители должны были отвѣтить на это оскорб-

леніе принятіемъ для Болгаріи возможно болѣе демократической прогрессивной и свободолюбивой конституціи...

Предложеніе Каравелова было поддержано со всѣхъ сторонъ и принято громаднымъ большинствомъ вотировавшихъ. Самъ же Каравеловъ сталъ съ этихъ поръ признаннымъ лидеромъ либеральнаго большинства въ собраніи. Подъ его вліяніемъ и—нерѣдко—при его прямомъ участіи проектъ князя Дондукова-Корсакова былъ подвергнутъ самому придирчивому пересмотру, изъ котораго онъ вышелъ исправленнымъ и дополненнымъ въ самомъ рѣшительномъ радикально-демократическомъ духѣ. Было уменьшено содержаніе князя съ 1.000.000 до 600.000 фр.; были отброшены всѣ ограниченія свободы печати, и предварительная духовная цензура была сохранена исключительно для церковныхъ богослужебныхъ книгъ и учебниковъ; было объявлено всеобщее обязательное и безплатное первоначальное обученіе; былъ провозглашенъ принципъ широкаго мѣстнаго самоуправленія; было принято всеобщее избирательное право, и всякія назначенія депутатовъ княземъ или ex-officio были отвергнуты въ примѣненіи не только къ народнымъ собраніямъ, но и къ какимъ бы то ни было избирательнымъ учрежденіямъ. И чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ смѣлѣе становилось либеральное большинство, тѣмъ радикальнѣе дѣлались вносимыя имъ измѣненія и поправки. Въ кардинальныхъ вопросахъ о сенатѣ и о государственномъ совѣтѣ, въ которыхъ проектъ видѣлъ тѣмъ болѣе необходимые элементы будущаго конституціоннаго режима Болгаріи, чѣмъ болѣе молода, неопытна и несвѣдуща была она въ дѣлѣ самоуправленія,—консервативное меньшинство собранія попыталось дать „радикаламъ“ послѣднее сраженіе. Но и это сраженіе было ими проиграно. Руководимые Каравеловымъ, Славейковымъ, Цанковымъ и другими своими вожаками, радикалы разбили ихъ въ пухъ и прахъ, и безъ труда заняли всѣ ихъ послѣднія позиціи. „Не оскорбляйте народа своими подозрѣніями и сомнѣніями,—говорили они устами Славейкова, Стоянова и другихъ корифеевъ либеральнаго направленія;—не ищите противъ него ненужнаго оружія, не принимайте мѣръ противъ несуществующихъ опасностей, противъ которыхъ, къ тому же, вы и такъ вооружены болѣе, чѣмъ достаточно. Вѣрьте народу, его благоразумію, его патріотизму. Не забывайте, что онъ самъ своими собственными силами завоевалъ свои училищныя и церковныя права, воспиталъ въ себѣ національное самосознаніе, подготовилъ себя къ свободѣ и независимости. Не подрывайте его единства, не разбивайте его на сословія, не пытайтесь создавать въ немъ элементы будущей аристократіи. Отбросьте эти безполезные пережитки тяжелаго прошлаго—сенатъ и государственный совѣтъ—и не создавайте искусственныхъ преградъ между народомъ и короною“...

И собраніе отбросило ихъ громаднымъ большинствомъ, почти безъ преній, какъ оно отбросило раньше всѣ другія „охранительныя запруды", которыя были введены въ проектъ конституцій его осторожными составителями. Въ концѣ-концовъ этотъ проектъ вышелъ изъ рукъ перваго собранія представителей болгарскаго народа совершенно неузнаваемымъ въ своемъ послѣдовательномъ и смѣломъ демократизмѣ. И не подлежитъ сомнѣнію, что такой — для многихъ неожиданный — результатъ былъ въ значительной степени обязанъ вліянію, организаторскому таланту и настойчивой энергіи П. Каравелова.

Уже къ концу тырновскаго собранія намѣченныя тамъ теченія успѣли вылиться въ настоящія политическія партіи, съ программами, съ зачатками организаціи, съ опредѣлившимися вожаками. Либералы, во главѣ которыхъ стояли умѣренный Д. Цанковъ и болѣе крайній П. Каравеловъ, были гораздо болѣе многочисленны и сильны въ массѣ населенія, но въ глазахъ всесильныхъ тогда въ Болгаріи русскихъ совѣтниковъ они казались опасными разрушителями и нигилистами, съ которыми нельзя было сближаться, не роняя престижа власти и не нанося ущерба „русскимъ интересамъ" въ Болгаріи. Консерваторы были малочисленны и непопулярны, но они пользовались довѣріемъ князя и покровительствомъ русской дипломатіи. Они, поэтому, и были призваны къ власти, поскольку можно было говорить тогда о „власти" болгарскихъ политикановъ въ присутствіи всемогущихъ русскихъ коммиссаровъ. Первое и второе министерства князя Александра были министерства консервативныя.

Скоро, однако, оказалось, что управлять съ помощью консерваторовъ и противъ подавляющаго большинства либераловъ было нелегко. Къ тому же между болгарскими министрами, при всемъ своемъ консерватизмѣ бывшими все-таки прежде всего патріотами-болгарами, и ихъ русскими совѣтниками, остававшимися прежде всего защитниками того, въ чемъ они видѣли интересы русской политики, скоро начались нелады и недоразумѣнія, не замедлившіе обостриться и привести къ разрыву. Русскіе коммиссары начали сближаться съ либералами, и не прошло со времени тырновскаго собранія и года, какъ послѣдніе замѣнили у кормила правленія опальныхъ консерваторовъ. Сначала былъ призванъ къ власти умѣренный Цанковъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его замѣнилъ радикальный Каравеловъ.

Положеніе Каравелова было очень нелегко. Убѣжденный конституціоналистъ, онъ долженъ былъ мириться съ деспотическими порывами молодого князя и съ убѣжденнымъ, возведеннымъ въ систему, своевластіемъ своихъ русскихъ покровителей и коллегъ; горячій патріотъ, онъ на каждомъ шагу сталкивался съ ихъ спеціально-русскою точкою зрѣнія на всѣ вопросы даже чисто внутренней болгарской

политики. Самъ человѣкъ властный и сильный, онъ не покорялся необходимости, но, насколько могъ, боролся противъ нея. Въ результатѣ его управленіе обратилось въ безконечную серію конфликтовъ между нимъ и русскими представителями, аккредитованными при князѣ Александрѣ. Эти послѣдніе скоро увидѣли, что они „ошиблись" и въ Каравеловѣ, какъ они ошиблись раньше въ Цанковѣ, а еще раньше —въ Бурмовѣ, въ Грековѣ, въ Стоиловѣ и въ другихъ болгарскихъ консерваторахъ. Эти постоянныя „ошибки" ясно говорили, что дѣло тутъ было не столько въ личностяхъ, сколько въ ложности самаго положенія. И Хитрово, и генералъ Эрнротъ, начинали все рѣшительнѣе приходить къ убѣжденію, что вина тутъ была въ самой „тырновской конституціи". Она была въ ихъ глазахъ „grande coupable", и ее надо было обуздать. Это убѣжденіе было легко усвоено княземъ Александромъ и нашло себѣ сильную поддержку въ болгарскихъ консерваторахъ. Въ средѣ, окружавшей молодого князя и вліявшей на него, росла и зрѣла мысль о спасительности, о своевременности и необходимости государственнаго переворота. Каравеловъ ясно видѣлъ надвигавшуюся бѣду, но былъ безсиленъ предотвратить ее. Вся тяжесть русскаго вліянія была противъ него. Развязка была такою, какою только она и могла быть при данныхъ обстоятельствахъ. Государственный переворотъ былъ произведенъ. Каравеловское министерство было удалено, конституція пріостановлена, и въ Болгаріи началась эра „чрезвычайныхъ полномочій".

Какъ водится, новый режимъ сопровождался жестокою реакціею, которая главною своею тяжестью обрушилась на либераловъ. Цанковъ былъ интернированъ; Каравеловъ и Славейковъ принуждены были бѣжать въ Восточную Румелію. Но они и тамъ не сложили оружія. Ихъ газета, „Независимость", читалась нарасхватъ и поддерживала боевой духъ въ рядахъ ихъ приверженцевъ, которые продолжали подъ ихъ руководствомъ вести непримиримую борьбу противъ „узурпаторовъ". Но борьба эта ни на минуту не покидала легальной почвы. И этотъ результатъ былъ обязанъ главнымъ образомъ Каравелову, который и при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не терялъ головы и не поддавался совѣтамъ своихъ горячихъ и революціонно настроенныхъ помощниковъ. Рѣзкая критика въ печати, суровое осужденіе на публичныхъ митингахъ; отказъ отъ участія въ выборахъ; самое большое—массовый отказъ отъ уплаты податей—вотъ пріемы борьбы, которые онъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ въ сѣверной Болгаріи, какъ наименѣе опасные и наиболѣе дѣйствительные и цѣлесообразные.

И ихъ оказалось достаточно. Режимъ „чрезвычайныхъ полномочій" не продержался и двухъ съ половиной лѣтъ. Онъ рухнулъ подъ тя-

жестью своей непопулярности, отвергнутый въ концѣ-концовъ самими его инціаторами, русскими генералами. Князь Александръ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться самъ отъ своихъ прерогативъ. Тырновская конституція была возстановлена во всей своей силѣ, и составленіе кабинета было поручено вчерашнему изгнаннику, Цанкову. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Цанкова замѣнилъ естественный и признанный вождь болгарской радикально-демократической партіи, Каравеловъ.

Второе министерство Каравелова продолжалось два слишкомъ года (отъ 29-го іюня 1884 г. до 9-го августа 1886 г.) и ознаменовалось цѣлымъ рядомъ событій первостепенной важности въ исторіи молодой Болгаріи. 7-го сентября 1885 г. было провозглашено „соединеніе"; потомъ разразилась сербско-болгарская война, а 9-го августа 1886 г. было произведено низверженіе князя Александра. Какова была роль Каравелова во всѣхъ этихъ событіяхъ?

Что касается „соединенія", то отношеніе къ нему со стороны Каравелова ясно. Какъ всякій болгаринъ, онъ лелѣялъ въ душѣ національный идеалъ „цѣлокупной Болгаріи", и первымъ шагомъ къ осуществленію этого идеала считалъ возсоединеніе сѣверной и южной Болгаріи. Но, какъ практическій государственный дѣятель, онъ думалъ, что такое возсоединеніе—само по себѣ неизбѣжное—должно быть назрѣвшимъ плодомъ естественной эволюціи; что ускореніе его искусственными, революціонными пріемами—крайне нежелательно и опасно. Тѣмъ болѣе нежелательнымъ и опаснымъ казалось оно ему въ тогдашній историческій моментъ, когда оно могло бы произойти лишь противъ явно выраженной воли Россіи. Поэтому, какъ министръ и политическій дѣятель, онъ былъ рѣшительно противъ той революціонной агитаціи, которую вели въ это время—съ вѣдома и одобренія князя Александра—его молодые друзья въ южной Болгаріи. Когда соединеніе все-таки произошло, онъ былъ въ отчаяніи. Онъ ясно видѣлъ всѣ опасности, которыя оно укрывало въ себѣ. Но столь же ясно видѣлъ онъ, что отступать было поздно; что начатое дѣло надо было докончить; что иначе турецкое вмѣшательство сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, и катастрофа стала бы еще болѣе ужасною. А разъ рѣшившись, онъ пошелъ по выбранному имъ пути безъ поворотовъ и колебаній. Онъ призналъ совершившійся фактъ, добился, съ помощью европейской дипломатіи, его санкціи со стороны султана и началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Сербіей. Война разразилась и окончилась полною побѣдою Болгаріи. Этою побѣдою болгарскій народъ былъ обязанъ прежде всего самому себѣ и своему патріотическому энтузіазму. Но немалою долею своего успѣха онъ былъ обязанъ и своему прави-

тельству, во главѣ котораго стоялъ энергичный и рѣшительный Каравеловъ.

Гораздо труднѣе разобраться въ роли, которую игралъ Каравеловъ въ военномъ пронунціаменто 9-го августа. Общая молва всегда и настойчиво обвиняла его въ участіи въ заговорѣ и даже приписывала ему въ немъ роль главнаго организатора и подстрекателя. Въ пользу этого обвиненія говорили не только предположенія и косвенныя улики, но и прямые факты, провѣренные показаніями самихъ участниковъ. Но Каравеловъ до послѣдняго дня своей жизни самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ свое участіе въ низверженіи князя Александра. Въ томъ же смыслѣ всегда высказывались и его ближайшіе друзья, какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и оффиціально, въ ихъ партійныхъ органахъ. Спрашивается, гдѣ истина? Мы думаемъ, что ее надо искать по срединѣ, но ближе къ той версіи, которую поддерживаетъ общая молва. Каравеловъ не принималъ прямого и непосредственнаго участія въ заговорѣ, но онъ зналъ о немъ, одобрялъ его и желалъ ему успѣха. Такое сочувственное отношеніе къ заговору объяснялось, конечно, не личною ненавистью его къ князю Александру, не завистливымъ отношеніемъ къ его популярности послѣ войны, не честолюбивыми планами—такъ хотятъ объяснять дѣло его противники,—а, опять таки, патріотически-государственными соображеніями. Онъ считалъ князя Александра неспособнымъ, а его дальнѣйшее пребываніе въ Болгаріи—чреватымъ самыми величайшими опасностями для страны. Оно означало бы окончательный разрывъ съ Россіею и, какъ послѣдствіе, неизбѣжную гражданскую войну. Предотвратить эту ужасную опасность могло бы только удаленіе князя, въ крайнемъ случаѣ—даже насильственное удаленіе.

Исходя изъ такихъ соображеній, Каравеловъ сочувствовалъ заговору, въ которомъ принимали участіе ближайшіе его друзья, и готовъ былъ, пожалуй, даже поддержать его, но лишь при условіи, чтобы онъ былъ удаченъ. Поэтому онъ занялъ по отношенію къ нему выжидательное положеніе, и въ первые дни не высказывался ни за него, ни противъ него. Онъ просто сидѣлъ дома; когда же начало выясняться, что задуманный и на половину выполненный переворотъ рискуетъ лопнуть, что противъ него началось движеніе, которое обѣщало принять массовой характеръ,—Каравеловъ, не колеблясь, отрекся отъ него и, какъ Пилатъ, умылъ руки и предоставилъ своимъ друзьямъ-заговорщикамъ самимъ „расхлебывать кашу, которую они заварили". Такъ, буквально, онъ и сказалъ имъ, когда они предложили ему признать фактъ отреченія князя Александра и взять въ свои руки диктатуру. Этотъ отвѣтъ, говорятъ, поразилъ, какъ громомъ, заговорщиковъ, которые ожидали чего угодно, но не такого „предательства".

Но это не было „предательство" Это было только благоразуміе! Каравеловъ готовъ бы былъ признать переворотъ, который предотвратилъ бы гражданскую войну, но не переворотъ, который велъ къ ней!..

Какъ бы то ни было, контръ-переворотъ Стамбулова, Моткурова и К⁰ засталъ Каравелова возстановленнымъ въ положеніи, изъ котораго выбросило его на нѣсколько дней пронунціаменто 9-го августа. Онъ снова занялъ свое мѣсто министра-президента, въ качествѣ котораго и привѣтствовалъ въ Софіи возвратившагося князя Александра. Извнѣ, его положеніе не казалось скомпрометированнымъ. Болѣе того, когда князь Александръ вторично—и на этотъ разъ добровольно—отрекся отъ престола, онъ назначилъ Каравелова однимъ изъ трехъ регентовъ, которые должны были стоять во главѣ управленія до избранія новаго князя. Двумя другими регентами были, какъ извѣстно, Стамбуловъ и Моткуровъ.

Несмотря на все это, положеніе Каравелова въ этой новой обстановкѣ, среди этихъ новыхъ людей и теченій, было ложнымъ въ самомъ своемъ основаніи. Надъ нимъ тяготѣло подозрѣніе. На него смотрѣли косо, какъ на чужого, чуть не какъ на измѣнника. Онъ, съ своей стороны, чувствовалъ себя окруженнымъ врагами, ждавшими только удобнаго случая, чтобы отвязаться отъ него. Вокругъ него все рѣшительнѣе торжествовала реакція; все смѣлѣе поднимала голову тираннія, смѣявшаяся надъ закономъ и конституціею; все ожесточеннѣе разыгрывалась гражданская смута; все откровеннѣе и послѣдовательнѣе вырисовывалась антирусская политика Стамбулова. Это было что-то стихійное, противъ чего бороться легальными средствами было и безполезно, и невозможно. Бороться же такъ, какъ боролись эмигранты,—бунтами и покушеніями,—Каравеловъ не могъ по самой своей природѣ. Но еще менѣе могъ онъ санкціонировать новый режимъ своимъ молчаливымъ присутствіемъ. Въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ уйти. Онъ подалъ въ отставку и занялъ по отношенію къ новому правительству рѣзко оппозиціонное положеніе.

Главнымъ орудіемъ его оппозиціи была основанная имъ газета, „Тырновская Конституція", въ которой онъ безпощадно бичевалъ всѣ проявленія „стамбуловщины". Но время было тогда не такое, чтобы можно было заниматься такимъ бичеваніемъ безнаказанно. Дикая энергія Стамбулова, находившаго себѣ высшее оправданіе въ опасностяхъ, угрожавшихъ независимости отечества, не останавливалась ни передъ чѣмъ. Она ломала все на своемъ пути, не стѣсняясь ни закономъ, ни требованіями человѣчности. Сломила она и „легальную оппозицію" Каравелова, сначала уничтоживъ его газету, а потомъ бросивъ въ тюрьму и его самого.

Его привлекли къ суду по обвиненію въ участіи въ убійствѣ ми-

нистра Бѣлчева, убитаго по ошибкѣ, вмѣсто самого Стамбулова. Теперь уже можно сказать съ увѣренностью, что по скольку это обвиненіе направлялось противъ Каравелова—оно было лишено всякаго основанія. Но это не помѣшало судьямъ осудить его на основаніи лживыхъ показаній, вырванныхъ у разныхъ свидѣтелей пыткою въ полицейскихъ участкахъ.

Тюрьма подорвала физическія силы Каравелова, но не укротила его духа. Онъ остался непримиримымъ и тогда, когда въ 1894 г. Стамбуловъ палъ, и въ Болгаріи началась новая эра „законности и свободы“ подъ эгидою Стоиловско-Радославистскаго кабинета. Новое правительство было бы очень довольно избавиться отъ такого неудобнаго заложника, какъ Каравеловъ, и предлагало ему помилованіе, но онъ не хотѣлъ такой свободы и гордо отклонялъ всѣ предложенія правительства, настаивая на полной и безусловной амнистіи. Такая амнистія была, въ концѣ-концовъ, объявлена, и Каравеловъ вышелъ изъ тюрьмы, окруженный ореоломъ мученичества и съ репутаціею героя.

Но время его еще не пришло. Стамбуловъ палъ, но взрощенныя имъ традиціи и методы управленія еще держались. Эра истинной законности и истинной свободы еще была далеко впереди. Торжество русской политики, руссофильства еще только намѣчалось, и до окончательнаго ихъ торжества надо было ждать еще годы и годы. Все это время Каравеловъ оставался въ оппозиціи и занимался реконструированіемъ „демократической партіи“ изъ старыхъ и новыхъ радикальныхъ болгарскихъ элементовъ. Медленно, но послѣдовательно, росла его популярность въ массѣ населенія и крѣпъ его авторитетъ. Онъ снова начиналъ становиться какъ бы провиденціальнымъ человѣкомъ, который долженъ былъ „выправить“ Болгарію и вывести ее на путь здраваго политическаго и экономическаго развитія. Въ немъ начинали видѣть все болѣе и болѣе серьезнаго кандидата на министерскій постъ.

Наконецъ, въ началѣ 1901 года, его часъ насталъ. Послѣ ряда министерскихъ кризисовъ, скомпрометировавшихъ послѣдовательно всѣ болгарскія партіи одну за другою, единственными возможными претендентами на власть остались цанковисты и демократы. И какъ прежде, при восходящемъ движеніи либерализма, надо было проходить къ крайнему Каравелову черезъ умѣреннаго Цанкова, такъ теперь, при восходящемъ движеніи болгарскаго руссофильства, надо было пройти къ Цанкову черезъ Каравелова. Послѣднему было предложено княземъ Фердинандомъ составить коалиціонный демократически-либерально-прогрессивный кабинетъ подъ его предсѣдательствомъ.

Это третье—и послѣднее—министерство Каравелова оказалось самымъ несчастнымъ и незадачливымъ періодомъ въ его политической карьерѣ. Оно, увы, не принесло ему и его партіи ничего, кромѣ огорченій, его поклонникамъ—ничего, кромѣ разочарованій. Отчасти причиною этому былъ его союзъ съ цанковистами, съ которыми онъ разошелся политически 16 лѣтъ тому назадъ, и съ которыми съ тѣхъ поръ былъ всегда на ножахъ. Многолѣтняя вражда не могла, конечно, исчезнуть сразу и давала себя знать на всякомъ шагу, обезсиливая кабинетъ и дѣлая безплодною его дѣятельность. Отчасти же виною были слишкомъ сложныя и трудныя обстоятельства—особенно финансово-экономическія,—при которыхъ пришлось Каравелову стоять у кормила правленія. Его репутація государственнаго дѣятеля, обладавшаго всѣми мыслимыми талантами, не выдержала провѣрки. Онъ оказался не по плечу новому времени и новымъ задачамъ. И это не потому, что онъ отсталъ — нѣтъ, онъ былъ во всемъ прежнимъ Каравеловымъ,—а потому, что за протекшія, съ 1885 года, 15 лѣтъ выросло и измѣнилось все вокругъ него. На сценѣ появилось цѣлое поколѣніе образованныхъ людей, которыхъ уже не ослѣпляла болѣе начитанность Каравелова и не подавляла его самоувѣренность. Въ странѣ накопился громадный запасъ государственнаго и политическаго опыта. Жизнь усложнилась до неузнаваемости, и старые пріемы и шаблоны радикальнаго якобинства Каравелова оказывались непригодными. Самый его демократизмъ, шедшій рука объ руку съ такими мѣропріятіями, какъ сокращеніе всеобщаго избирательнаго права или ограниченіе доступа массы къ среднему и высшему образованію, рѣзалъ глаза своими противорѣчіями и вызывалъ протесты среди его собственныхъ приверженцевъ. Но особенно чувствовалось это въ области финансово-экономическихъ отношеній, т.-е. именно тамъ, гдѣ онъ, а за нимъ и другіе, считалъ себя вполнѣ дома. Его финансовая система, сводившаяся почти цѣликомъ къ экономіямъ въ бюджетѣ, къ сокращеніямъ штатовъ и чиновничьихъ окладовъ, да къ страху передъ займами, оказывалась слишкомъ простою и устарѣлою. Она мало гармонировала съ усложнившеюся жизнью, которая требовала не столько скряжнической бережливости, сколько цѣлесообразныхъ расходовъ, направленныхъ на повышеніе производительности національнаго труда, не столько финансовой, сколько *экономической* политики, т.-е. того, чего въ багажѣ Каравелова и въ поминѣ не было.

Но если его финансовая система не годилась для новаго времени вообще, то еще менѣе годилась она для тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, которыя переживала тогда Болгарія, задыхавшаяся подъ непосильною тяжестью жестокаго финансово-экономическаго кризиса. Странѣ угрожало банкротство и разореніе, и, конечно, не грошовыя экономіи

могли спасти ее. И—такова была иронія судьбы—Каравелову пришлось, въ концѣ-концовъ, самому выступить передъ собраніемъ въ качествѣ защитника знаменитаго „монопольнаго займа“, худшаго изъ всѣхъ займовъ, какіе когда-либо заключало болгарское правительство. Эта защита и нанесла ему послѣдній coup de grace. Его правительство оказалось въ меньшинствѣ и подало въ отставку. Освободившееся мѣсто Каравелова заняли его вчерашніе союзники, цанковисты. Монопольный заемъ, въ которомъ Каравеловъ видѣлъ единственное спасеніе для Болгаріи, былъ снятъ съ очереди, и Болгарія—не погибла. Это было новымъ ударомъ для финансовой репутаціи Каравелова.

Съ тѣхъ поръ прошло немногимъ болѣе года. Этого слишкомъ мало для реабилитаціи политическаго дѣятеля, даже когда такая реабилитація по существу возможна. Однако, для Каравелова она едва ли была бы возможна. Онъ не былъ очень старъ; въ немъ былъ еще достаточный запасъ энергіи и работоспособности, но мы думаемъ, что пѣсня его была уже спѣта, и что его естественный конецъ—смерть—почти совпалъ съ завершеніемъ его общественной карьеры. Будущее едва ли внесло бы въ эту карьеру что-нибудь новое и существенное.

И тѣмъ не менѣе, нельзя не признать того, что въ его лицѣ сошелъ со сцены одинъ изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ государственныхъ людей современной Болгаріи, одинъ изъ ея созидателей и устроителей, человѣкъ, безъ котораго она не могла бы быть и тѣмъ, что̀ она есть теперь...

И. К.

Софія, 1903.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1903.

I.

— Д. Н. Овсянико-Куликовскій, профессоръ Харьковскаго университета. Вопросы психологіи творчества Спб. 1902.

Книга Д. Н. Овсянико-Куликовскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Она представляетъ собою удачную попытку внести отчетливость научно-объективнаго изслѣдованія въ область психологіи творчества, не легко поддающуюся точности логическихъ опредѣленій и безпристрастію анализа, который имѣетъ иногда исключительное основаніе въ непосредственномъ художественномъ чувствѣ изслѣдователя. Авторъ не смотритъ на методъ, которымъ онъ пользуется, какъ на единственный или наиболѣе исчерпывающій вопросы, связанные съ ученіемъ художественной дѣятельности писателя. Онъ справедливо указываетъ, что произведенія великихъ художниковъ слова могутъ и должны быть изучаемы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, прежде всего, къ сужденію о нихъ приложима точка зрѣнія историко-литературная. Она отводитъ художнику мѣсто, какъ явленію прежде всего историческому, изслѣдуетъ условія, подготовившія дѣятельность художника, воздѣйствія, которымъ онъ подвергался въ выработкѣ своего міросозерцанія и характера своего творчества, опредѣляетъ его вліяніе на умственную жизнь общества своей эпохи. Научно-проведенное рѣшеніе подобнаго ряда вопросовъ обезпечиваетъ соблюденіе исторической перспективы и само по себѣ образуетъ необходимый матеріалъ для дальнѣйшаго изученія выходящаго изъ границъ историко-литературнаго метода.

Послѣдній оказывается недостаточнымъ въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда изучаемый писатель представляетъ собою явленіе исключительное, геніальное, дѣятельность котораго переживаетъ на

много вѣковъ эпоху его личной жизни и выходитъ за предѣлы своей націи. Возникаетъ необходимость опредѣлить, въ какой степени поэтъ былъ типиченъ для своей національности, насколько въ его творчествѣ отразились тѣ или другія стороны такъ называемаго національнаго генія. Для рѣшенія этого вопроса къ изученію поэта примѣняется національная точка зрѣнія.

Но, будучи національнымъ по характеру своего творчества, великій художникъ остается всегда общечеловѣчнымъ по содержанію и художественному значенію своихъ произведеній. Образы такого художника, оставляя далеко за собой предѣлы націи, пріобрѣтаютъ всеобщій интересъ и значеніе для всего человѣчества всѣхъ временъ и національностей. Таково безсмертное произведеніе Сервантеса. Изученіе этой—общечеловѣческой — стороны творческой дѣятельности поэта, безъ отношенія къ націи и эпохѣ, основывается существеннѣйшимъ образомъ на опредѣленіи художественнаго достоинства, широты созданныхъ имъ типовъ, глубины и силы его поэтическихъ созерцаній. Изученіе вопросовъ, связанныхъ съ этой общечеловѣческой стороной творчества великихъ художниковъ, приводитъ къ задачамъ высшей эстетической критики.

Авторъ устанавливаетъ еще одну точку зрѣнія,—ту, съ которой онъ самъ подходитъ къ изслѣдованію творческой дѣятельности, и которая чрезвычайно характерна для него, какъ для послѣдователя покойнаго филолога-мыслителя Потебни, именно—изученіе *задачъ психологіи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли.*

Изученіе творчества писателей, съ этой точки зрѣнія, приводитъ автора къ примѣненію къ ихъ произведеніямъ особыхъ научныхъ принциповъ и методовъ изслѣдованія. Въ чрезвычайно интересномъ этюдѣ о Пушкинѣ авторъ опредѣляетъ вопросъ о геніальности поэта при помощи одной идеи, которая въ приложеніи къ изслѣдованіямъ о физикѣ была развита извѣстнымъ ученымъ Махомъ въ статьѣ: „Die ökonomische Natur der physikalischen Forschung". Новый методъ состоитъ въ приложеніи принципа экономіи умственнаго труда къ искусству вообще и поэзіи въ частности.

Авторъ такъ характеризуетъ приложеніе своего метода: „Художественное творчество есть *теоретическая* (т.-е. не прикладная) *умственная дѣятельность* и естественно классифицируется вмѣстѣ съ другими видами такой же умственной дѣятельности—съ научной и философской. Главнѣйшій признакъ работы мысли этого типа (т.-е. теоретической), какъ высшей, философской, научной и художественной, такъ и низшей, напр. образованія элементарныхъ понятій, состоитъ въ томъ, что она преимущественно направляется отъ частнаго къ общему, отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго

къ типичному. Вотъ именно это движеніе и подводится подъ понятіе экономіи мысли, *сбереженія умственной энергіи*. Все общее и обобщающее, все отвлеченное, начиная отъ элементарныхъ понятій и кончая высшими обобщеніями науки (законы) и философіи (принципы и идеи философскихъ системъ) *экономизируютъ* умственную силу, не позволяя ей растрачиваться по частямъ въ безплодной погонѣ за конкретнымъ, за индивидуальнымъ; всякій обобщающій процессъ мысли и его результатъ, *понятіе, законъ, принципъ*, упорядочиваютъ разнообразіе впечатлѣній, группируя, классифицируя ихъ и подводя подъ общія нормы. Владѣя этими общими нормами, мысль человѣческая развиваетъ огромную познавательную силу. Поэтому обобщающіе процессы мысли могутъ быть по праву названы *аккумуляторами умственной энергіи*, центральными источниками силы умственнаго свѣта, откуда лучи мысли свѣтятъ въ разныя стороны. Геній мысли отличается отъ не-генія прежде всего тѣмъ, что онъ—отличный аккумуляторъ умственной энергіи, сберегающій и накопляющій огромную силу мысли, между тѣмъ какъ умъ обыкновенный сберегаетъ и накопляетъ ея сравнительно немного. Во всемірной исторіи, на различныхъ пунктахъ пространства и времени, размѣщены эти колоссальные аккумуляторы умственной силы, извѣстные подъ разными именами: Гераклитъ, Демокритъ, Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Коперникъ, Галилей, Леонардо да Винчи, Ньютонъ, Лейбницъ, Кантъ, Гегель, Контъ, Дарвинъ, Гельмгольцъ, Пастёръ, и т. д., и т. д.—Великіе художники вообще и поэты въ частности суть такіе же аккумуляторы: они создаютъ художественныя обобщенія, типичные образы, — своего рода очаги умственнаго свѣта, откуда лучи мысли распространяются на огромные районы фактовъ дѣйствительности".

„Геніальные художники — это тѣ, которые создали наиболѣе широкіе *художественные типы, имѣющіе или могущіе имѣть значеніе общечеловѣческое*"; иными словами, задача автора сводится, въ концѣ концовъ, къ анализу и ближайшему опредѣленію ума и дарованія въ той степени ихъ глубины и силы, которая обезпечиваетъ за поэтомъ право на признаніе геніальности.

Въ этюдѣ о поэзіи Генриха Гейне авторъ дѣлаетъ попытку освѣтить нѣкоторыя стороны поэтическаго генія Гейне, изслѣдованіе которыхъ представляется ему важнымъ для правильной постановки общихъ вопросовъ о психологической природѣ искусства вообще и лирической поэзіи въ частности. Эти стороны изслѣдователь сводитъ къ двумъ основнымъ пунктамъ: 1) къ тому, что въ дарованіи Гейне можно назвать его исторической интуиціей, и 2) къ тому, что въ душевномъ складѣ Гейне нельзя иначе опредѣлить, какъ понятіемъ глубокой, хотя и въ высокой степени своеобразной религіозности.

Тайная, полусознаваемая связь существуетъ у великихъ, истинно геніальныхъ поэтовъ съ тѣмъ народомъ, къ которому они принадлежатъ по языку и выразителями котораго являются національныя особенности ихъ генія. Но есть и другія, еще болѣе таинственныя связи, соединяющія ихъ съ народомъ, родственнымъ по крови, который выражается и концентрируется въ геніальномъ поэтѣ всѣми особенностями высшихъ инстинктовъ расы и многовѣковой духовной культуры. Подобно тому, какъ Гёте, поэтъ нѣмецкій по языку, національности и крови, воплотилъ въ своемъ творчествѣ итоги общеевропейской цивилизаціи, Гейне, нѣмецкій же поэтъ по языку и національности, — „былъ, по крови и основнымъ чертамъ своего духовнаго склада, наслѣдникомъ еврейскаго народа, и въ его геніальной головѣ, и въ его „разорванной“ душѣ были подведены итоги многовѣковому религіозному достоянію и міровой скорби, накоплявшимся въ сознаніи лучшихъ представителей этого народа еще со временъ библейскихъ“.

За этюдами о Гёте, который, по опредѣленію автора, „великъ не столько какъ поэтъ, сколько какъ одинъ изъ начинателей будущаго“, и объ А. П. Чеховѣ, въ характеристикѣ котораго критикъ обнаружилъ—замѣтимъ вскользь—способность нѣкотораго увлеченія предметомъ изслѣдованія,—слѣдуетъ теоретическій этюдъ: „къ психологіи мысли, творчества“, представляющій высокую поучительность и интересъ. Онъ не вноситъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что авторъ высказывалъ въ своихъ прежнихъ этюдахъ, напримѣръ о творчествѣ Тургенева, но этотъ этюдъ чрезвычайно умѣстенъ въ книгѣ, гдѣ научный методъ автора уже получилъ въ предъидущихъ очеркахъ практическое примѣненіе. Нѣкоторая условность терминовъ и неясность опредѣленій, безъ непосредственнаго подтвержденія ихъ конкретными примѣрами, въ связи съ философскимъ характеромъ и оригинальностью освѣщенія затронутой темы,— все это вызываетъ въ умѣ читателя цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ вправѣ ожидать отъ дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи, но уже самая постановка вопроса и возбуждаемый ею интересъ къ предмету работы составляютъ немаловажную заслугу Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и обезпечиваютъ за нимъ право на успѣхъ его книги.

II.

— Памяти Леонида Николаевича Майкова. Подъ редакціей В. Саитова. Спб. 1902.

„Мысль объ изданіи сборника, посвященнаго дорогой памяти Леонида Николаевича,—читаемъ въ предисловіи редактора,—прежде всего

явилась, какъ и слѣдовало ожидать, среди тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые считали себя такъ или иначе обязанными покойному. Къ нимъ вскорѣ примкнули и другіе сверстники ихъ, хотя и не знавшіе лично Леонида Николаевича, но относившіеся къ нему и къ его гуманно-просвѣтительной дѣятельности съ чувствомъ глубокаго уваженія".

Содержаніе сборника весьма разнообразно. Оно открывается хронологическимъ спискомъ учено-литературныхъ трудовъ и изданій покойнаго Л. Н. Майкова, обстоятельно составленнымъ П. К. Симони. Этотъ списокъ, начинающійся съ 1857 г., даетъ наглядное представленіе о разнообразіи и широтѣ научныхъ интересовъ Майкова, среди которыхъ влеченія къ народной словесности и Пушкину едва ли не были преобладающими. Въ числѣ статей сборника находимъ „безпритязательное описаніе" Архивскаго лѣтописнаго списка—А. Е. Прѣснякова; любопытныя извлеченія изъ голландскихъ библіотекъ и архивовъ, сдѣланныя А. М. Ловягинымъ; „Проектъ союза Россіи съ Сардинскимъ королевствомъ въ царствованіе Императора Павла I — М. А. Поліевктова; лингвистическая и историко-литературная стороны научнаго интереса Л. Н. Майкова представлены работами: Г. А. Ильинскаго, Хр. Лопарева, В. Чернышева, В. Срезневскаго, А. Малеина, Ив. Кубасова и др. Г-нъ Н. Козьминъ далъ не лишенную интереса попытку разобраться въ вопросѣ о шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ пріемахъ. Б. Л. Модзалевскій посвятилъ весьма обстоятельный историко-біографическій очеркъ И. Е. Великопольскому, писателю малоизвѣстному, но заслуживающему вниманія по своимъ отношеніямъ къ Пушкину. Геніальному поэту посвящены статьи: Н. Кульмана („Отношеніе Пушкина къ романтизму", — вопросъ далеко не исчерпанъ); В. В. Сиповскаго („А. С. Пушкинъ по его письмамъ"); Вл. Боцяновскаго („Новый списокъ поэмы А. С. Пушкина Кавказскій Плѣнникъ", одна изъ наиболѣе раннихъ редакцій поэмы); П. Н. Шеффера („Русланъ и Людмила Пушкина"). А. I. Лященко, въ статьѣ: „Ревизоръ Гоголя и комедія Квитки: Пріѣзжій изъ столицы", подвергаетъ пересмотру вопросъ о взаимоотношеніи между комедіями Гоголя и Квитки. Работа г. Лященка пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ литературѣ, какъ извѣстно, существуетъ опредѣленно заявленное мнѣніе, лишающее комедію Гоголя значенія самостоятельнаго произведенія и ставящее ее въ непосредственную зависимость отъ комедіи Квитки. „Сходство между обѣими комедіями, по заключенію автора, оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; поразительное и важное совпаденіе только въ завязкѣ и отчасти развязкѣ". Авторъ объясняетъ это сходство случайными совпаденіями. Къ сборнику приложенъ указатель именъ и авторовъ.

Средства на изданіе сборника представлены были президентомъ Академіи Наукъ, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, съ тѣмъ, чтобы сумма, вырученная отъ продажи, была обращена на образованіе при Академіи преміи имени покойнаго за изслѣдованія по исторіи русской литературы.

III.

—Е. Воронецъ. Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о Г. Петрова и историческая справка. (Изъ журнала „Миссіонерское Обозрѣніе"). Спб. 1903.
—Отвѣтъ на анонимную брошюру: „Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)". Спб. 1903.

Горячій споръ о проповѣднической дѣятельности о. Г. Петрова перешелъ въ послѣднее время изъ области чисто богословскаго обсужденія на почву общественную и создалъ уже своеобразную полемическую литературу. „Въ полемикѣ,—какъ свидѣтельствуетъ авторъ „Итоговъ",—приняли участіе нѣсколько священниковъ, нѣсколько богослововъ-мірянъ, нѣсколько даже (?) женщинъ и еще нѣсколько мірянъ". Отъ личности свящ. Петрова, подавшаго поводъ къ борьбѣ взглядовъ и мнѣній о характерѣ его проповѣдей, споръ „перешелъ уже на *общее существенное* понятіе о священническомъ проповѣдничествѣ въ православной Церкви",—что и побуждаетъ г. Воронца, какъ „искренняго члена Церкви Христовой", высказаться и внести съ своей стороны „болѣе основательное и спокойное его разъясненіе".

Что вопросъ, самъ по себѣ глубоко интересный и, очевидно, давно назрѣвшій, долженъ былъ перейти, для правильности своего разрѣшенія, на теоретическую, идейную почву,—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, и, вмѣстѣ съ авторомъ „Итоговъ", мы придаемъ этому переходу подобающее ему большое значеніе. Свящ. Петровъ далъ только первый *конкретный* толчокъ къ его постановкѣ, и когда послѣдняя стала совершившимся и при томъ общественнымъ фактомъ, личность его, со всѣми присущими ей, по человѣчеству, достоинствами и недостатками, должна отступить на второй планъ передъ принципіальной важностью вопроса въ его существѣ. Но мы никакъ не можемъ допустить, по прочтеніи брошюрки г. Воронца, даже въ видѣ предположенія, той мысли, что авторомъ руководило исключительное стремленіе *разъяснить*, съ принципіальной— и единственно возможной въ данномъ случаѣ—точки зрѣнія, вопросъ о „законномъ" характерѣ священническаго проповѣдничества. Принципіальное обсужденіе чуждо какой бы то ни было предвзятости и опирается прежде всего на полное безпристрастіе и объективность—свойства, которыхъ мы не на-

ходимъ въ брошюрѣ г. Воронца. Отсутствіе этихъ свойствъ подрываетъ довѣріе къ побужденіямъ, вызвавшимъ автора на подведеніе итоговъ полемической литературы о свящ. Петровѣ, и ставитъ вопросъ о средствахъ, которыми пользуется онъ при своемъ изслѣдованіи, на весьма скользкую почву...

Исходной точкой разсужденія автора служитъ брошюрка, отмѣченная нами въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы",—„Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)". Г. Воронецъ сообщаетъ намъ, что авторомъ этой брошюрки состоитъ магистръ богословія И. В. Преображенскій. Послѣднему г. Воронецъ выражаетъ явное сочувствіе и пространно цитируетъ его въ той части, гдѣ говорится объ антицерковныхъ пріемахъ о. Петрова, какъ духовнаго оратора. Магистра Преображенскаго г. Воронецъ аттестуетъ „почтеннымъ", какъ и его единомышленника, профессора духовной академіи А. А. Бронзова, печатно заявившаго о своей солидарности съ г. магистромъ. Но совершенно иной тонъ является у г. Воронца, когда рѣчь заходитъ о сторонникахъ противнаго мнѣнія. „...Къ сожалѣнію, однимъ изъ первыхъ публичныхъ въ печати защитниковъ антицерковнаго ораторства священника Г. Петрова объявился нѣкій священникъ В. К., который, *скрывъ свою личность подъ общую церковную рясу* (курсивъ автора), перенесъ сужденіе о характеристическихъ чертахъ религіозныхъ бесѣдъ священника Петрова изъ области духовной литературы на любимую такими (?) лицами общественную арену гражданской ежедневной печати. И тутъ онъ вполнѣ развязно, *безъ сдержки цензурной*, въ духѣ ежедневной неразборчивой мірской болтовни старается колоть магистра-издателя брошюры"... Далѣе, оказывается, этотъ не безопасный для общественнаго спокойствія нѣкій священникъ В. К. „титулуетъ" книжку г. Преображенскаго „опытомъ инсинуаціи" и укоряетъ послѣдняго въ „прокурорскомъ вскрываніи души" свящ. Петрова... „А почтеннаго профессора Бронзова этотъ В. К. (или иксъ, игрекъ) упрекаетъ *въ пристрастіи* къ магистру - издателю брошюры и еще даже въ *непониманіи дѣла*" (курсивы автора).

Въ томъ же духѣ ведется и дальнѣйшее изложеніе г. Воронца: почтенное, доброе, истинное высказываютъ только противники дѣятельности свящ. Петрова, какъ проповѣдника; его же защита опредѣляется авторомъ какъ нѣчто „страшное, зловѣщее, антихристіанское"... Въ итогѣ такого сопоставленія получается естественный, съ точки зрѣнія г. Воронца, выводъ, что о. Г. Петровъ и ему подобные, увлекающіеся „безцерковнымъ приспособленіемъ проповѣди къ модному духу времени", представляютъ собой знаменіе времени—лжеапостоловъ, лукавыхъ дѣлателей, принимающихъ видъ апостоловъ Христовыхъ...

Намъ кажется, было бы дѣломъ напраснымъ спорить съ г. Воронцомъ и доказывать ему, что его „итоги" лишены всякаго фактическаго основанія, а способъ изложенія далекъ отъ принципіальнаго, основательнаго и спокойнаго разъясненія, какъ это было обѣщано авторомъ въ началѣ брошюры. Едва ли слѣдуетъ возражать ему и въ томъ отношеніи, что въ гражданской печати не все неразборчивая мірская болтовня, что и къ ней предъявляются требованія нравственной опрятности, уваженія къ личности и чести ближняго, и даже не въ меньшей степени, чѣмъ это имѣло бы мѣсто въ печати духовной... Итоги „Итоговъ" г. Воронца отчетливо рисуются и безъ дальнѣйшихъ подсчетовъ; они менѣе всего способны пролить свѣтъ на вопросъ о проповѣдничествѣ вообще и поставить его на надлежащую высоту.

Наконецъ, эти „Итоги" подведены авторомъ слишкомъ рано: споръ только еще разгорается, и когда окончится—никто не скажетъ. Такъ, автору осталась, повидимому, неизвѣстной брошюра М. В. Зданевича, написанная въ отвѣтъ на брошюру г. Преображенскаго, ci-devant анонима (раскрытаго г. Воронцомъ по нелюбви къ анонимамъ вообще). А между тѣмъ голосъ г. Зданевича имѣетъ немаловажное значеніе въ спорѣ, гдѣ „итоги" подводятся только изъ силъ нападающихъ, и гдѣ защитѣ не дается мѣста. Altera pars, устами г. Зданевича, изображаетъ характеръ проповѣдничества о. Петрова совершенно иными красками, такъ что является возможность непредубѣжденнымъ ни въ ту, ни въ другую сторону взглядомъ охватить вопросъ и придти къ заключенію, что дѣло положительно не обстоитъ такъ безнадежно, какъ это изображаютъ г.г. противники проповѣдничества о. Петрова. Послѣдніе говорятъ: о. Петровъ игнорируетъ христіанскую церковь, ея исторію, авторитеты, не употребляетъ въ своихъ бесѣдахъ словъ: угодникъ Божій, Пресвятая Богородица, рай, адъ, спасеніе и т. д. Г. Зданевичъ заявляетъ: „Мнѣ, напротивъ, неоднократно приходилось слышать въ его бесѣдахъ подобныя упоминанія". Противники относятъ характеръ поученій оратора, въ которыхъ онъ приспособляется къ аудиторіи, къ его личной „безцерковности", къ чему-то въ родѣ сектантства. Г. Зданевичъ поясняетъ: „Произнося свои бесѣды, о. Петровъ никогда не забываетъ, къ кому онъ обращается съ рѣчью и въ какое время онъ говоритъ. Онъ хорошо понимаетъ, что, какъ говорилъ Іоаннъ Златоустъ много лѣтъ тому назадъ, такъ нельзя говорить теперь". Таковы же возраженія г. Зданевича и по остальнымъ пунктамъ направленныхъ противъ о. Петрова обвиненій.

За что же собственно нападаютъ на проповѣдника его обличители? Такой вопросъ ставитъ г. Зданевичъ въ концѣ своей брошюры. „За то, что онъ, борясь съ религіознымъ равнодушіемъ столичной интеллигенціи, хочетъ привести къ вратамъ св. церкви отторгшихся

отъ нея свѣтскихъ индифферентовъ?.. За то, что онъ не по традиціи съ ними бесѣдуетъ? Но что сказали бы этимъ людямъ слова: угодникъ Божій, рай, адъ, таинство, благодать, Церковь, когда они не только во все это не вѣруютъ, но не признаютъ и Божества Самого Христа Спасителя!“

Вопросъ этотъ—глубокой важности, и всестороннее рѣшеніе его должно происходить на столбцахъ спеціальной печати; время же покажетъ и истинный смыслъ дѣятельности о. Петрова. Насъ интересуетъ другая сторона: когда какой-либо вопросъ привлекаетъ къ себѣ широкое общественное вниманіе и становится предметомъ ожесточенной борьбы взглядовъ, общество имѣетъ право требовать, чтобы средства этой борьбы были свободны отъ какихъ-либо подозрѣній. Задача литературы въ этомъ случаѣ — стоять на стражѣ личныхъ и общественныхъ идеаловъ добра и правды, разума и свободы. Писатели, заставляющіе литературу служить инымъ цѣлямъ и дѣлающіе ее орудіемъ выраженія своихъ мнѣній, недостаточно обоснованныхъ на фактахъ дѣйствительности, вносятъ печальную смуту въ умы и сердца читателей и подрываютъ въ нихъ вѣру въ самую возможность выясненія литературнымъ путемъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни и духа.—Евг. Л.

IV.

— Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Современные экономическіе трактаты отличаются часто большой основательностью и знаніемъ дѣла, но имъ не чужда вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторая узкость взгляда. Творцы этихъ трактатовъ считаютъ какъ бы непреложными основные принципы существующей промышленной организаціи, и если говорятъ объ исправленіи ея недостатковъ, то лишь о такомъ, которое не колеблетъ базиса, на которомъ покоится ея зданіе. Книжка, составляющая предметъ настоящей рецензіи, проникнута иными тенденціями. Она посвящена кореннымъ недостаткамъ дѣйствующей системы и призываетъ къ широкой реформаціонной работѣ, развивая мысль о томъ, что достигнутыми завоеваніями техники, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ поставленныхъ ей на очередь задачъ, открывается уже возможность созданія болѣе совершенныхъ формъ промышленности—возможность такой постановки труда, при которой работающей человѣкъ находился бы „въ свободномъ общеніи съ природой, сдѣлался сознательной частью великаго цѣлаго и участникомъ въ наслажденіи наукой, независимымъ трудомъ и творчествомъ“. Такую

точку зрѣнія можно считать утопіей; но эта утопія имѣетъ корни въ дѣйствительности, а напоминаніе о великихъ неразрѣшенныхъ вопросахъ всеобщаго благополучія и гармоничности развитія человѣка поднимаетъ нашъ духъ и нашу энергію.

Касаясь современнаго состоянія промышленности, экономисты обыкновенно разсматриваютъ ее со стороны ея концентраціи и раздѣленія труда (внутри мастерской и въ цѣломъ обществѣ), и развитіемъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ измѣряютъ ея успѣхи и полезное для общества значеніе. Авторъ „Земледѣлія" вовсе не раздѣляетъ такой точки зрѣнія и полагаетъ, что она получила господство потому, что о выгодахъ промышленности судятъ прежде всего по величинѣ доставляемой ею прибыли. Если же посмотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ человѣка, какъ физическаго, умственнаго и нравственнаго существа, то господствующая тенденція къ возможному раздѣленію и спеціализаціи труда внутри мастерской, общества и, наконецъ, человѣчества, получитъ въ нашихъ глазахъ другое освѣщеніе. Авторъ, конечно, не думаетъ отрицать „высокой степени производительности, достигаемой спеціализаціей", но онъ предлагаетъ не упускать изъ вниманія отрицательныхъ вліяній послѣдней и имѣть въ виду, что „съ тѣхъ поръ, какъ работа стала проще и усвоивается легче, дѣлаясь болѣе и болѣе монотонной и скучной, у работниковъ является настоятельная потребность разнообразить свою дѣятельность и примѣнять всѣ свои способности" (стр. 5). Если признать эту потребность за законную, то нельзя не усомниться въ цѣлесообразности системы, обращающей живого человѣка въ процессѣ труда въ спеціальный придатокъ мертваго механизма и въ такое же средство извлеченія наибольшихъ барышей, и не выставить вмѣстѣ съ тѣмъ положенія, что всякія завоеванія техники должны быть используемы такимъ образомъ, чтобы облегченіе производства матеріальныхъ предметовъ не достигалось въ ущербъ цѣльности человѣка, какъ трудоспособнаго существа.

Разносторонность физической дѣятельности есть лишь одно изъ условій возможно полнаго человѣческаго благополучія. Не менѣе важное значеніе имѣетъ, по мнѣнію автора, соединеніе физической и умственной работы. Важность этого соединенія заключается не только въ томъ, что физическому рабочему оно доставитъ возможность умственныхъ наслажденій, а представителю умственнаго труда—здоровое упражненіе мускуловъ. Соединеніе умственнаго труда съ физическимъ не остается безъ вліянія на достоинство умственной работы, и во всякомъ случаѣ оно сильно двинуло бы впередъ техническое образованіе и техническую изобрѣтательность. „Развѣ не поразительно то, что въ первоначальномъ своемъ видѣ паровая машина, пароходъ, теле-

фонъ, фонографъ, машины ткацкая и кружевная, освѣщеніе и замощеніе улицъ, хромолитографія и тысячи другихъ менѣе важныхъ вещей были изобрѣтены не людьми науки, а лицами, не получившими почти никакого образованія, подбиравшими крохи знанія и производившими опыты самыми примитивными способами. Тогда какъ профессіональные ученые, имѣвшіе подъ руками всевозможные способы для производства опытовъ и пріобрѣтенія знаній, изобрѣли очень мало изъ того громаднаго количества орудій, машинъ и двигателей, которые показали человѣчеству, какъ пользоваться силами природы. Фактъ самъ по себѣ поразителенъ, но онъ объясняется просто: люди, подобные Уатту и Стефенсону, знали то, чего не знаютъ ученые. Они умѣли работать руками, и ихъ изобрѣтательная способность находила стимулъ во всемъ окружающемъ; они были знакомы съ машинами, ихъ устройствомъ и работой на нихъ; они дышали атмосферой мастерскихъ и фабрикъ" (стр. 180). „Въ старыя времена люди науки не пренебрегали ни ручнымъ трудомъ, ни ремесломъ". Галилей дѣлалъ телескопы; Ньютонъ самъ отшлифовывалъ линзы для своихъ инструментовъ; Лейбницъ любилъ изобрѣтать машины; Линней сдѣлался ботаникомъ, помогая въ работѣ садовнику-отцу. „Занятіе ремесломъ не только не помѣшало геніальнымъ людямъ при отвлеченныхъ изысканіяхъ, но скорѣе помогало имъ. Съ другой стороны, хотя рабочіе прежняго времени почти не имѣли времени заниматься наукой, но способности нѣкоторыхъ изъ нихъ развивались, благодаря разнообразію работъ, которыя производились въ мастерскихъ; другіе же изъ нихъ имѣли возможность входить въ общеніе съ учеными... Мы измѣнили все это. Подъ предлогомъ раздѣленія труда мы провели рѣзкую границу между умственнымъ и ручнымъ трудомъ". Зато, ранѣе, „три поколѣнія рабочихъ дѣлали изобрѣтенія,—теперь же они ихъ вовсе не дѣлаютъ" (стр. 162—164). Физическій трудъ особенно полезенъ въ воспитаніи и образованіи. Работая въ саду, въ полѣ, въ мастерскихъ, ребенокъ познаетъ многое, научится наблюдать и крайне легко и скоро усвоитъ разные естественные законы и математическія теоремы. „Въ интересахъ и науки, и промышленности, и всего общества, каждый человѣкъ долженъ получить научное образованіе на ряду съ изученіемъ ремеслъ. Современному раздѣленію на интеллигентный и физическій трудъ мы противопоставляемъ соединеніе того и другого. Школа должна давать такое образованіе мальчикамъ и дѣвочкамъ, чтобы, оставляя ее въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, она имѣла настолько основательное представленіе о наукѣ, чтобы продолжать научныя занятія и одновременно такія свѣдѣнія, которыя составляютъ основаніе техническихъ знаній, и такой навыкъ въ какой-либо отрасли

производства, который бы далъ имъ возможность занять извѣстное мѣсто въ общемъ производствѣ богатствъ" (стр. 166).

Итакъ, „освободивъ наше мышленіе отъ схоластики учебниковъ и разсматривая человѣческую жизнь съ общей точки зрѣнія, мы скоро придемъ къ выводу, что хотя выгода отъ временнаго раздѣленія труда и несомнѣнна, но что настало время обратиться къ той выгодѣ, которая проистекаетъ отъ интеграціи труда". „Идеалъ общества, къ которому оно само стремится—такое общество, въ которомъ каждый человѣкъ трудится физически и умственно, работаетъ въ полѣ и въ мастерской" (стр. 6). Многочисленными примѣрами авторъ иллюстрируетъ мысль о возможности достигнуть очень большой экономіи труда даже въ земледѣліи, гдѣ человѣкъ уже въ настоящее время почти освобождается отъ естественныхъ условій этого дѣла, устроивая искусственно почву, климатъ и т. п. Вполнѣ теперь доказано, говоритъ онъ, „что еслибы только небольшая часть времени, затрачиваемаго на обработку полей, была посвящена капитальному улучшенію почвы, то, чтобы выростить годовую пищу семьѣ, ей пришлось бы работать не болѣе 15 дней въ году, и эта работа удовлетворила бы всякаго здороваго человѣка". Точно также доказано „что—при комбинаціи труда—20—24-хъ-мѣсячной работы одного мужчины вполнѣ достаточно для обезпеченія навсегда семьи изъ пяти человѣкъ помѣщеніемъ въ домѣ, снабженномъ всѣми приспособленіями современной гигіены и вкуса" (стр. 186—187).

Обезпечить человѣку полное удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей—при затратѣ незначительнаго количества труда и съ соблюденіемъ возможности разнообразить занятія—представляется поэтому, при современномъ состояніи техники, дѣломъ очень легкимъ и большая часть времени трудящихся могла бы быть такимъ образомъ освобождена для наслажденія наукой и искусствомъ. „Устройте же фабрики и заводы возлѣ вашихъ садовъ и работайте на нихъ! Пусть это будутъ не гигантскія зданія, переработывающія громадныя массы металловъ,—которыя лучше располагать въ мѣстностяхъ, указанныхъ имъ самою природою,—но самыя разнообразныя мастерскія, гдѣ будетъ разработываться все, что нужно прихотливому вкусу цивилизованныхъ людей. Это будутъ фабрики просторныя, гигіеничныя, гдѣ человѣческая жизнь будетъ цѣниться болѣе, чѣмъ машины или пріобрѣтеніе громадныхъ барышей. На такія фабрики мужчины, женщины и дѣти не будутъ сгоняться голодомъ, а привлечены желаніемъ найти себѣ дѣятельность по вкусу и, при помощи машинъ и двигателей, избирать соотвѣтствующія наклонностямъ занятія... Вы будете также поражены, какъ легко и скоро вы удовлетворите всѣ ваши потребности въ одеждѣ и роскоши—разъ производство будетъ служить

для того, въ чемъ всѣ нуждаются, а не ради доставленія громадныхъ барышей нѣсколькимъ акціонерамъ... Вы сами быстро заинтересуетесь этимъ дѣломъ и будете наслаждаться стремленіемъ вашихъ дѣтей ознакомиться съ силами природы, машиннымъ производствомъ и быстрымъ развитіемъ ихъ геніальной изобрѣтательности" (стр. 190). „Примѣняя къ воспитанію дѣтей уже введенные тамъ и сямъ методы, можно легко достичь, что дѣти моложе 14—15 лѣтъ получатъ обширныя свѣдѣнія о природѣ и человѣчествѣ, усвоятъ способы примѣненія технической работы и ученыхъ изысканій, и сердца ихъ глубоко проникнутся чувствомъ справедливости и всеобщей солидарности. Юноши усвоятъ въ послѣдующія 4—5 лѣтъ законы природы и принципы техники, на которыхъ основано удовлетвореніе всѣхъ матеріальныхъ потребностей" (стр. 187).

Мы замѣтили выше, что изложенная здѣсь „утопія" имѣетъ корни въ дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что въ теоріи общественное раздѣленіе труда считается такимъ благодѣтельнымъ принципомъ, что „экономисты и государственные люди готовы бы распредѣлить все человѣчество въ національныя мастерскія, изъ которыхъ каждая должна имѣть свою особую спеціальность",—человѣчество не хочетъ подчиниться этому требованію, и всякая начинающая свое промышленное развитіе страна стремится къ водворенію у себя по возможности всѣхъ тѣхъ отраслей труда, къ которымъ, по естественнымъ условіямъ, она способна. Соединеніе промысла съ земледѣліемъ есть уже фактъ и довольно распространенный, и не только такъ-называемые кустари, но и многіе фабричные рабочіе стремятся провести нѣсколько лѣтнихъ недѣль на земледѣльческихъ работахъ, и только положительное сопротивленіе этому со стороны фабрикантовъ и продолжительное вліяніе фабричнаго режима вытравляютъ такое стремленіе. Стремленіе соединить умственное образованіе съ физическимъ трудомъ проявляется довольно часто, и авторъ указываетъ на примѣръ этого соединенія въ московскомъ техническомъ училищѣ въ первыя двадцать лѣтъ его существованія. Программа этого заведенія, выработанная основателемъ училища г. Делавозомъ, примѣняется въ настоящее время въ Чикаго, Бостонѣ и въ Эбердинѣ, въ Шотландіи (стр. 166—167).

Идеи, съ которыми мы только-что познакомили читателя, наименѣе утопичными могутъ показаться въ Россіи. По естественнымъ условіямъ страны нашъ земледѣлецъ можетъ отдаваться своему главному занятію не болѣе 5—8 мѣсяцевъ въ году; соединеніе въ однѣхъ рукахъ промысла и земледѣлія представляетъ, поэтому, существенное условіе обезпеченія благосостоянія массы населенія. Сравнительная молодость нашего школьнаго образованія и недовольство общества

господствующею системою средней школы служатъ причиной того, что у насъ создалось меньше стойкихъ традицій, служащихъ препятствіемъ радикальнымъ въ этой области преобразованіямъ. Мы можемъ, поэтому, предполагать, что идеи автора „Земледѣлія“ будутъ у насъ встрѣчены сочувственно, и его трудъ оживитъ самостоятельную работу общества по оздоровленіи нашего общественнаго быта.

V.

— Вятское земство среди другихъ земствъ. П. А. Голубевъ. Изд. Вятскаго губ. земства. Ц. 50 к.

— Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству по даннымъ на 1899, 1900 и 1901 годы. Подъ редакціей В. В. Бирюковича. Изд. М. З. и Г. Им.

Двѣ эти книги, относящіяся къ одному и тому же предмету, имѣютъ совершенно различный характеръ. Одна изъ нихъ предназначена для публики и на примѣрѣ отдѣльной губерніи въ популярной формѣ знакомитъ читателя съ дѣятельностью земства въ прошломъ и настоящемъ; другая имѣетъ въ виду изслѣдователей и практиковъ и заключаетъ сводъ матеріаловъ для характеристики дѣятельности земскихъ учрежденій въ одной только области, и притомъ лишь за послѣдніе годы. Книжка П. А. Голубева, составленная для парижской выставки и дополненная въ русскомъ изданіи болѣе новыми свѣдѣніями, не ограничивается, однако, только вятской губерніей. Въ ней имѣются также данныя о бюджетахъ всѣхъ остальныхъ земствъ съ 1868 по 1900 г. и данныя о грамотности новобранцевъ въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ съ 1874 по 1898 г.

П. А. Голубевъ, какъ извѣстно, поставилъ себѣ задачей извлечь изъ доступныхъ ему источниковъ цифровыя свѣдѣнія за возможно длинный періодъ времени о разнообразнѣйшихъ сторонахъ быта нашей страны. Ему приходится для этого рыться во всевозможныхъ изданіяхъ, отчетахъ, вѣдомостяхъ, доставать рукописные документы, проникать въ архивы и т. п. Такъ, напримѣръ, опубликованныя въ разсматриваемомъ изданіи свѣдѣнія о грамотности новобранцевъ за десятилѣтіе 1888—1897 гг. извлечены имъ изъ подлинныхъ вѣдомостей, хранящихся въ главномъ штабѣ. По этому предмету вообще любопытно отмѣтить, что, проникая въ такіе, казалось бы, недоступные источники статистики, какъ архивы мѣстныхъ или центральныхъ учрежденій, г. Голубевъ не могъ получить въ свое распоряженіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ печатныхъ оффиціальныхъ источниковъ, въ родѣ „Матеріаловъ по статистикѣ движеній землевладѣнія въ Россіи“, издаваемыхъ ми-

нистерствомъ финансовъ и „Сельско-хозяйственныхъ и статистическихъ свѣдѣній по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ“ (продажныя цѣны земли), изданія министерства земледѣлія. Многія наши оффиціальныя изданія вообще очень мало заботятся о своемъ распространеніи. Какъ непохожа на такое отношеніе къ печатному слову политика, напр., сѣверо-американскаго правительства, періодическія публикаціи котораго распространяются безплатно сотнями тысячъ экземпляровъ. Не находитъ г. Голубевъ поддержки своему начинанію и въ другомъ отношеніи. Несмотря на то, что сборникъ цифровыхъ свѣдѣній по разнообразнымъ сторонамъ жизни страны, сгруппированныхъ по губерніямъ и уѣздамъ за цѣлый рядъ лѣтъ, представлялся бы неоцѣнимымъ источникомъ справокъ для всякаго изслѣдователя, практическаго дѣятеля, и для правительственныхъ и общественныхъ учрежденій,—собранный г. Голубевымъ матеріалъ лежитъ недвижимымъ въ его портфелѣ, и только благодаря земствамъ были опубликованы свѣдѣнія о нѣкоторыхъ губерніяхъ. Авторъ пользовался представлявшимся ему случаемъ, чтобы, на ряду съ матеріалами о данной губерніи, предать тисненію и нѣкоторыя сводки по всей имперіи. Такія сводки, какъ сказано выше, имѣются и въ разсматриваемомъ нами изданіи. Эти свѣдѣнія даютъ возможность составить нѣкоторое общее понятіе о колебаніяхъ энергіи дѣятельности земства въ теченіе тридцати лѣтъ его существованія.

Если судить объ энергіи земской работы по цифрамъ расходовъ земства вообще и его затратъ на важнѣйшія отрасли хозяйства въ частности, то истекшее тридцатилѣтіе земской жизни можно подраздѣлить на три періода. Въ первый періодъ, заканчивающійся 1883-ьимъ годомъ, земскіе расходы увеличивались, въ среднемъ, на 1,8 милл. р. въ годъ, въ теченіе 1883—1892 г. они возростали лишь на 950 т. р., а въ 1893—1900 г.—на 4,7 милл. р. въ годъ. Во второй изъ указанныхъ періодовъ, слѣдовательно, земства проявляли вдвое меньше энергіи, нежели въ первый; но зато въ періодъ времени, начинающійся 1893 годомъ, они какъ бы стараются наверстать потерянное и настолько развиваютъ свою дѣятельность, что смѣта ихъ расходовъ, въ среднемъ, ростетъ въ $2^1/_2$ раза быстрѣе, нежели она росла до 1883 года. Если, однако, принять во вниманіе, что смѣты земскихъ расходовъ за послѣдніе три года составляются со включеніемъ въ нихъ всѣхъ предположеній о расходахъ, тогда какъ до этого момента въ смѣты не входили, напр., ассигнованія изъ спеціальныхъ капиталовъ, то рисуемое приведенными цифрами оживленіе земской дѣятельности послѣдняго періода покажется, пожалуй, преувеличеннымъ. Но преувеличеніе это очень незначительно, и если ограничиться годомъ, предшествующимъ указанному нововведенію, то воз-

ростаніе земскихъ расходовъ въ послѣдній періодъ съ 4,7 мил. р. уменьшится лишь до 4,3 милл. р. въ годъ.

Отмѣченные періоды оживленія и застоя земской дѣятельности вообще отразились, конечно, и на отдѣльныхъ сторонахъ его хозяйства. Расходы на народное здравіе, напр., въ первый періодъ увеличивались на 625 т. р. въ годъ, во второй—на 408 т. р., въ третій—почти на 1,5 милл. р. въ годъ. Расходы на народное образованіе въ первый періодъ увеличивались на 380 т. р., во второй—на 125 т. р., въ третій—почти на цѣлый милліонъ рублей въ годъ. Такой быстрый ростъ земскихъ расходовъ испугалъ часть земцевъ, уплачивающихъ налоги, и обезпокоилъ финансовое вѣдомство, извлекающее доходы изъ того же источника, что̀ и земство. И хотя большая часть земскихъ расходовъ, обращаясь на такіе предметы, какъ народное здравіе, народное образованіе, страхованіе, народная хозяйственно-экономическая дѣятельность,—затрачивается безусловно производительно, чего далеко нельзя сказать о государственномъ бюджетѣ, взирающемъ на земское обложеніе какъ на своего конкуррента,—хотя налоги, покрывающіе земскіе расходы, устанавливаются не внѣшней силой, а самими плательщиками, и рѣшающая роль въ земствѣ принадлежитъ не тому классу (крестьянамъ), въ пользу котораго расходуется большая часть земскаго бюджета, а классу крупныхъ землевладѣльцевъ, сознательно, конечно, соглашающихся нести бремя, связанное съ развитіемъ земской дѣятельности,—тѣмъ не менѣе правительство сочло нужнымъ положить предѣлъ росту земскихъ тратъ и ограничило ихъ извѣстнымъ закономъ о предѣльности земскаго обложенія.

Быстрый ростъ земскихъ расходовъ въ послѣднія восемь лѣтъ нельзя разсматривать внѣ связи съ предшествующимъ временемъ, игнорируя то обстоятельство, что̀ рисуемое имъ оживленіе земской дѣятельности отчасти есть компенсація предшествующаго застоя. Но если даже предположить, что въ теченіе 1884—1892 гг. земскіе расходы должны бы увеличиваться съ быстротой предшествующаго періода и покрыть соотвѣтствующій недочетъ суммами, затраченными въ послѣдующее время, то и при такихъ условіяхъ новѣйшій періодъ земской жизни представится моментомъ значительнаго оживленія. Покрывая суммами этого періода недочетъ въ расходахъ 1884—1892 гг. до нормы роста земскихъ расходовъ въ 1868—82 гг., мы все-таки получимъ на долю 1893—1900 гг. возростаніе земской смѣты, въ среднемъ, на 2,8 мил. р. въ годъ, т.-е. на одинъ милліонъ рублей болѣе, сравнительно со всѣмъ предшествующимъ временемъ. Возростаніе это велико; но не слѣдуетъ забывать, что истекшее десятилѣтіе характеризуется оживленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ народно-государственнаго быта, и возростаніе земскихъ расходовъ лишь отражаетъ

это общее оживленіе. Земскій бюджетъ за десятилѣтіе 1890—1900 гг. увеличился на 40 милл., р. или на 75%, а государственный бюджетъ поднялся въ это время на 750 милл. р., т.-е. слишкомъ на 80%; желѣзнодорожная сѣть увеличилась на 25 тыс. верстъ, или почти вдвое; количество перевезенныхъ по желѣзнымъ дорогамъ товаровъ и обороты фабрикъ и заводовъ увеличились слишкомъ вдвое, и т. д.

Въ этотъ періодъ оживленія земской дѣятельности, сфера послѣдней фактически расширилась, благодаря тому вниманію, какое обращено было на поднятіе хозяйственной дѣятельности населенія. Вопросъ этотъ составлялъ, правда, предметъ земскихъ обсужденій и въ прежнія времена; но, по трудности положительнаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство, практическія мѣропріятія въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ стали осуществляться лишь въ теченіе истекшаго десятилѣтія, къ концу котораго земства ассигновывали на этотъ предметъ 2,5 милл. р., тогда какъ десятью годами ранѣе расходъ этотъ не достигалъ и полумилліона рублей. Но кромѣ безвозвратныхъ затратъ, денежное участіе земства въ данномъ дѣлѣ выражается ассигнованіемъ суммъ на оборотныя средства для устройства складовъ, мастерскихъ, выдачу меліоративныхъ ссудъ и т. п. Такія ассигнованія достигли уже 4,5 милл. р., увеличившись въ теченіе десятилѣтія почти въ десять разъ. Подробныя свѣдѣнія относительно этой стороны земской дѣятельности заключаются во второмъ изданіи, названномъ въ заголовкѣ нашей замѣтки. Свѣдѣнія сгруппированы здѣсь по губерніямъ и уѣздамъ, а этому сырому матеріалу предпосланъ общій очеркъ дѣятельности земствъ по воспособленію сельскому-хозяйству, составленный на основаніи собранныхъ въ изданіи данныхъ. Подобныя сводки относительно экономической дѣятельности земствъ составляются министерствомъ земледѣлія, начиная съ 1895 г. Свѣдѣнія же о дѣятельности земствъ за предшествующее время, въ видѣ выдержекъ изъ докладовъ управъ и журналовъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній въ хронологическомъ ихъ порядкѣ, заключены въ трехтомномъ изданіи министерства земледѣлія, подъ редакціей Г. П. Сазонова: „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству 1865—1895 гг.“. Какъ бы дополненіемъ къ этому изданію, болѣе обработаннымъ, служитъ составленный В. А. Крандіевскимъ, по порученію московскаго общества сельскаго хозяйства, „Обзоръ земскихъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства за 1892—93 гг.“, матеріалами для котораго служили, между прочимъ, свѣдѣнія, доставленныя земскими управами на спеціальный запросъ московскаго общества сельскаго хозяйства. Если къ этому присоединить „Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій 23-хъ земствъ Россіи за 1865—92 гг.“, изданный полтавской губернской земской управой, и издаваемые министерствомъ земледѣлія „Обзоры

дѣятельности земства по воспособленію кустарной промышленности", то мы будемъ имѣть обширный, болѣе или менѣе сведенный матеріалъ относительно экономическихъ мѣропріятій земства, ожидающій еще своего изслѣдователя.—В. В.

VI.

— Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902. Составилъ С. В. Рождественскій. Изданіе Минист. Нар. Просвѣщенія. Спб. 1902.

Эта книга,—одно изъ юбилейныхъ изданій по исторіи нашихъ министерствъ,—можетъ возбудить особенный интересъ по тѣсной связи даннаго министерства съ историческими судьбами русскаго просвѣщенія—высшей школы, школы средней и народной, и судьбами цѣлой литературы, такъ какъ долгое время министерству принадлежала и высшая цензурная власть.

Юбилейная исторія учрежденія,—какъ бы ни былъ широкъ объемъ сочиненія (настоящая книга занимаетъ томъ почти въ 800 стр.),—не можетъ, конечно, обнять всѣхъ сторонъ сложнаго содержанія самаго предмета. Всего чаще,—и довольно естественно,—это бываетъ внѣшняя исторія самаго учрежденія: его перваго основанія, организаціи его дѣятельности, съ различными перемѣнами, которыя происходили и въ законодательствѣ и объемѣ вѣдомства, и въ пріемахъ управленія, наконецъ—въ личномъ составѣ.

Мысль о составленіи исторіи вѣдомства возникла,—какъ читаемъ въ предисловіи,—въ 1899 г., въ министерство Н. П. Боголѣпова: для исполненія дѣла назначено было совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, Н. А. Звѣрева. „Въ виду краткости времени, остававшагося до юбилея, совѣщаніе не нашло возможнымъ приступить къ составленію подробной исторіи министерства и остановилось на предположеніи издать краткій историческій очеркъ, содержащій біографическія свѣдѣнія о лицахъ, стоявшихъ во главѣ министерства, обзоръ законодательства и перечень важнѣйшихъ административныхъ распоряженій по вѣдомству народнаго просвѣщенія.

„Составленный на этомъ основаніи сжатый историческій обзоръ организаціи министерства и учрежденій, ему подвѣдомственныхъ, не даетъ полной и всесторонней картины ихъ дѣятельности, оцѣнки этой дѣятельности и нагляднаго изображенія ея результатовъ, то-есть, статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи за послѣднее столѣтіе. Такая работа должна была бы опираться на рядъ предварительныхъ

спеціальныхъ изслѣдованій и требовала бы продолжительнаго изученія обширнаго историческаго и статистическаго матеріала, отчасти сосредоточеннаго въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отчасти разсѣяннаго по архивамъ другихъ учрежденій".

Необходимость болѣе обстоятельнаго изученія исторіи министерства не ускользнула отъ вниманія членовъ совѣщанія, и мы читаемъ, что оно „составило предположеніе о научномъ изданіи описанія дѣлъ Архива Минист. Нар. Просвѣщенія. Но это предположеніе пока не осуществилось по неимѣнію необходимыхъ денежныхъ средствъ".

Нельзя не пожелать, чтобы нашлись эти средства, чтобы появилась подробная исторія министерства, которая безъ сомнѣнія принесла бы множество цѣнныхъ указаній о развитіи нашего *національнаго* просвѣщенія и, вмѣстѣ съ нимъ, нашего національнаго самосознанія. Какъ обширна въ вопросѣ этого самосознанія роль министерства, это очевидно: въ его рукахъ школа—отъ высшей до низшей, а та или другая организація школы приноситъ съ собою или дѣйствительные успѣхи просвѣщенія, или его застой, даже упадокъ;—школа можетъ быть и живительная, созидательная, или бездушная и мертвящая. На пространствѣ ста лѣтъ, описываемыхъ въ „Историческомъ Обзорѣ", нашей школѣ привелось видѣть и то, и другое.

Въ своемъ настоящемъ объемѣ, „Историческій Обзоръ" не могъ дать обстоятельной исторіи просвѣщенія въ его внутреннемъ значеніи: въ самомъ дѣлѣ, на первый разъ нужно было разъяснить самыя условія, въ которыхъ вѣдомство создалось и должно было дѣйствовать. Въ этомъ отношеніи „Обзоръ" прекрасно исполняетъ свою задачу: во „введеніи", исторія вѣдомства начата съ конца XVII-го вѣка, съ того времени, когда при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ явилась мысль о высшей школѣ и общей организаціи школьнаго дѣла; затѣмъ вкратцѣ разсматриваются попытки этой организаціи во времена Петра Великаго, его преемниковъ, и особенно имп. Екатерины II, когда вопросъ школы въ первый разъ поставленъ болѣе широкимъ образомъ: главное правленіе училищъ стремилось поставить дѣло раціонально и выработать систему, что̀ и было преддверіемъ къ образованію министерства. Далѣе, въ „Обзорѣ" весьма обстоятельно изложена исторія министерства отъ гр. Завадовскаго до Г. Э. Зенгера.

Какъ мы сказали, эта внѣшняя исторія, законодательная, административная и личная, должна быть первой основой для изслѣдованія. Множество любопытнаго надо ожидать отъ подробнаго изученія архивныхъ матеріаловъ, если оно осуществится: оно, безъ сомнѣнія, приблизитъ внѣшнюю исторію къ фактамъ дѣйствительной жизни. Полная исторія „просвѣщенія" (и его министерства) возможна только при сопоставленіи оффиціальныхъ теорій и мѣропріятій съ ихъ отраже-

ніями въ живой дѣйствительности, а также при сопоставленіи ихъ съ насущными потребностями общества и народа, которыя давно сознаются общественнымъ мнѣніемъ.

VII.

— Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, Университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I: первый и второй періоды (1802—1865). Историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова, орд. проф. Имп. Юрьевскаго университета. Съ фототипическими приложеніями. Юрьевъ, 1902.

— Статистическія таблицы и личные списки по Имп. Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802—1902). Приложеніе къ историческому очерку Е. В. Пѣтухова... Юрьевъ, 1902.

— Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Подъ редакціей Г. В. Левицкаго, орд. проф. Имп. Юрьевскаго университета. Юрьевъ, 1902.

Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ имѣетъ, собственно говоря, болѣе давнюю исторію, чѣмъ то столѣтіе, которое отпраздновано было въ прошломъ году. Первое начало его относится къ 1632 году, и основанный тогда и существовавшій до начала XVIII вѣка университетъ былъ латино-шведскій. Университетъ естественно долженъ былъ испытывать вліяніе политическаго положенія края. Первое основаніе университета было слѣдствіемъ шведскаго завоеванія; старый университетъ въ Дерптѣ-Юрьевѣ прекратилъ свое существованіе со взятіемъ этого города русскими при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Университетъ возобновился, когда Дерптъ-Юрьевъ по окончаніи войны возвращенъ былъ Швеціи по Кардисскому миру. Онъ снова заглохъ во время войнъ Петра въ Остзейскомъ краѣ. Въ теченіе XVIII-го вѣка, подъ русской властью въ краѣ, университетъ не возстановлялся; но преданія высшей школы сохранились, и въ теченіе этого вѣка постоянно поднимался вопросъ и возникали ходатайства о возстановленіи университета,—и наконецъ онѣ увѣнчались успѣхомъ со вступленіемъ на престолъ имп. Александра I. Было естественно, что основанъ былъ тогда университетъ нѣмецкій: въ теченіе вѣковъ въ краѣ господствовала нѣмецкая культура; потребность высшаго образованія чувствовалась именно въ культурномъ кругѣ нѣмецкаго общества; еще съ шведскихъ временъ для поступленія на гражданскую службу и для лицъ духовныхъ требовалось прохожденіе университетскаго курса,—въ Остзейскомъ краѣ отзывалось близкое вліяніе могущественнаго просвѣщенія въ Германіи. Къ концу столѣтія существованія нѣмецкаго университета въ Дерптѣ опять есте-

ственно стали сказываться новыя общественно-политическія условія: съ одной стороны, государство возъимѣло объединительные планы; съ другой стороны, число русскихъ университетовъ было слишкомъ невелико для обширной имперіи, и этой прискорбной скудости могло помочь преобразованіе университета мѣстнаго въ обще-имперскій. Въ первомъ періодѣ своей исторіи Дерптскій университетъ, между прочимъ, достойно послужилъ и русскому просвѣщенію: онъ имѣлъ ученыхъ, которые примѣняли нѣмецкую науку къ изслѣдованію русской исторіи, и напр., имя Эверса стоитъ въ ряду замѣчательнѣйшихъ истолкователей русской древности; въ силу общенія Дерптскаго университета съ германской наукой, здѣсь, въ тридцатыхъ годахъ, найдено было возможнымъ устроить спеціальный „профессорскій институтъ" для питомцевъ университетовъ русскихъ, которымъ онъ служилъ бы высшей научной школой. Надо надѣяться, что въ новой стадіи своей исторіи университетъ не забудетъ этихъ своихъ преданій: одна ихъ привлекательная сторона—что университетъ послужилъ уже нѣкогда руководителемъ для молодыхъ русскихъ ученыхъ (изъ которыхъ образовались потомъ замѣчательные дѣятели науки); другая привлекательная сторона этихъ преданій—въ томъ, что старое общеніе съ германскими университетами (въ Дерптъ приходили профессора, между прочимъ, изъ Германіи и германской школы; изъ Дерпта профессора переходили на профессуру въ Германію) насаждало въ Дерптѣ духъ и пріемы нѣмецкой науки; и въ глазахъ самого правительства, когда явилась забота о приготовленіи русскихъ профессоровъ для нашихъ университетовъ, Дерптъ былъ первой, уже высшей, ступенью, преддверіемъ къ ученой школѣ Германіи. Старая заслуга нѣмецкаго Дерпта всегда цѣнилась у насъ людьми просвѣщенными, и надо надѣяться, что новый Юрьевскій университетъ будетъ стремиться къ упроченію этой заслуги и въ будущемъ—заботой о сохраненіи того же высокаго уровня „ученой школы".

Юбилейная исторія Дерптскаго-Юрьевскаго университета представлена двумя названными трудами. Исторія университета и „Словарь" являются пока первыми томами. Составители обоихъ трудовъ отнеслись къ своей задачѣ весьма добросовѣстно: г. Пѣтуховъ обстоятельно разсказываетъ исторію университета съ первыхъ его начатковъ въ XVII столѣтіи, когда край принадлежалъ шведамъ; кромѣ ученой исторіи, авторъ даетъ и картину университетскихъ нравовъ, въ которыхъ Дерптъ слѣдовалъ примѣру нравовъ германскихъ, и, какъ извѣстно, это были нравы порядочно дикіе,—надо припомнить только, что и цѣлый бытъ XVII-го вѣка, ихъ здѣсь утверждавшій, вовсе не отличался мягкостью и утонченностью; впослѣдствіи это была установившаяся, какъ бы обязательная, традиція.

„Біографическій словарь“ расположенъ не по тому алфавитному порядку, какой бывалъ принятъ у насъ для такихъ трудовъ,—напримѣръ, въ словаряхъ университетовъ Московскаго и Кіевскаго,—а раздѣленъ по факультетамъ. Это имѣетъ свои удобства для обзора трудовъ въ извѣстной области,—а словарный порядокъ для справокъ можетъ быть доставленъ общимъ указателемъ. Относительно профессоровъ, еще дѣйствующихъ и здравствующихъ, доставлены ихъ автобіографическія записки; о профессорахъ стараго времени біографіи и списки трудовъ составлены ихъ преемниками въ факультетѣ.—А. П.

VIII.

— Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII. Спб. 1903.

Интересующіеся исторіей развитія нашего общества въ XIX вѣкѣ встрѣчаютъ съ извѣстнаго рода ожиданіемъ всякій новый томъ грандіознаго по объему изслѣдованія г. Барсукова. Центръ тяжести этого труда опредѣлился уже давно: онъ въ значительной степени лежитъ внѣ непосредственой темы самаго изслѣдованія, внѣ личности героя, котораго поетъ („пою дондеже есмь“—избираетъ motto своей книги г. Барсуковъ) авторъ, внѣ тѣхъ выводовъ и общественныхъ взглядовъ, которые пытается г. Барсуковъ иногда проводить. Ожиданіе относится къ фактическому матеріалу, богатѣйшая коллекція котораго собрана щедро г. Барсуковымъ. Самая же біографія Погодина часто служитъ только поводомъ къ сообщенію цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній; иногда единственную связь, какую можно установить между жизнью Погодина и приводимыми фактами, составляетъ то, что сообщаемое событіе совершалось въ то время, когда жилъ Погодинъ. Быть можетъ, вслѣдствіе того на ряду съ любопытнѣйшими документами, характеризующими эпоху, мы находимъ тутъ же массу излишнихъ подробностей, деталей; описывая разныя торжества, обѣды, авторъ не упускаетъ случая тутъ же обстоятельно передать потомству подлинныя „menu“ этихъ обѣдовъ и многое другое въ томъ же родѣ. Далеко не всегда и сообщаемыя свѣдѣнія отличаются новизною: иногда повторяется и весьма извѣстное. Авторъ по существу—усерднѣйшій собиратель, съ необычайнымъ трудолюбіемъ берущій отовсюду, что ему кажется любопытнымъ. Но и дѣствительно интереснаго не мало найдется въ этихъ семнадцати объемистыхъ книгахъ. При всемъ стремленіи почтеннаго автора поставить своего героя на нѣкоторый пьедесталъ крупной исторической фигуры, Погодину и при свѣтѣ всѣхъ деталей, извлеченныхъ авторомъ, приходится удѣлить болѣе скромное мѣсто среди дѣятелей русской культуры XIX вѣка.

Какъ ученый, Погодинъ былъ опредѣленъ уже Кавелинымъ, который, при весьма снисходительной въ общемъ оцѣнкѣ, указываетъ на отсутствіе у Погодина какого бы ни было опредѣленнаго взгляда на задачи историческаго изслѣдованія и знанія. Тотъ методъ, который Погодинъ обозначалъ именемъ математическаго, есть по существу отсутствіе всякаго метода. Что же касается задачъ русской исторіи, какъ науки, то въ числѣ ихъ Погодинъ между прочимъ ставилъ и такую: „сдѣлать русскую исторію охранительницей и блюстительницей общественнаго спокойствія". Какъ указываетъ П. Н. Милюковъ [1]), семь томовъ изслѣдованій, лекцій и замѣтокъ Погодина имѣютъ научное значеніе только какъ справочное пособіе при занятіяхъ древнимъ періодомъ русской исторіи и лишь постольку, поскольку въ нихъ авторъ не является теоретикомъ. „По складу ума и по характеру разъ усвоенныхъ воззрѣній на задачи науки,—пишетъ Милюковъ,— Погодину предстояло сдѣлаться очень полезнымъ чернорабочимъ и сосредоточить всѣ свои силы на предварительной разработкѣ сырого матеріала"... Какъ общественный дѣятель, профессоръ и публицистъ, Погодинъ неизмѣнно тянулся къ идеямъ оффиціальной народности и сильнымъ властью представителямъ ея. Каѳедра исторіи въ московскомъ университетѣ была ему поручена Уваровымъ, чтобы начать „новую эру" въ духѣ, соотвѣтствующемъ административнымъ идеаламъ того времени. Статьи на „случай" занимали не послѣднее мѣсто въ публицистической дѣятельности Погодина, и характеристика у Чернышевскаго этой стороны его дѣятельности („онъ описывалъ разныя московскія торжества, изображалъ добродѣтели разныхъ важныхъ московскихъ и другихъ россійскихъ сановниковъ и г. Кокорева") не такъ уже далека отъ дѣйствительности. Для представленія записокъ со своими соображеніями по государственнымъ вопросамъ, Погодинъ выбиралъ по преимуществу III-ье Отдѣленіе; послѣ представленія первой изъ такихъ записокъ, объ отношеніяхъ Польши къ Россіи, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ поручилъ спросить Погодина, чего онъ хочетъ въ награду за свое произведеніе. Какъ человѣкъ, Погодинъ представлялъ довольно непривлекательное сплетеніе необычайной практичности, доходившей до искательства, сентиментальной мечтательности, взвинченнаго энтузіазма съ примѣсью значительной доли елейности и ханжества.

Примыкая одной стороной къ славянофильству, Погодинъ не могъ быть причисленъ къ тѣмъ первымъ представителямъ этой доктрины, которые и своей благородной личностью, и высокимъ, истинно идеальнымъ и гуманнымъ пониманіемъ проповѣдываемыхъ ими воззрѣній

---

[1]) Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, изд. 2-е, 1898 г.

внушали глубокое уваженіе и всѣмъ своимъ противникамъ. По типу своей психической организаціи Погодинъ не принадлежалъ къ нимъ, —не принадлежалъ къ нимъ и по своимъ практическимъ общественнымъ воззрѣніямъ и идеаламъ.

Поэтому-то личность Погодина, при всей добросовѣстности г. Барсукова, собирающаго всѣ мелочи жизни своего героя, отступаетъ на второй планъ, и читатель обращаетъ свое вниманіе на тѣ обширные отдѣлы изслѣдованія, которые имѣютъ самое отдаленное отношеніе къ темѣ книги.

Семнадцатая книга обнимаетъ періодъ отъ января 1859 г. до конца 1860 г. Интересное это было время. Готовился великій актъ, который долженъ былъ положить начало новой Россіи. Общество, встрепенувшееся послѣ кошмара предшествующей эпохи, ждало съ нетерпѣніемъ давно желанныхъ реформъ. Правительство шло, хотя и колеблясь, на встрѣчу обществу. Учреждены были редакціонныя коммиссіи, работавшія лихорадочно подъ предсѣдательствомъ Ростовцева надъ завершеніемъ дѣла эмансипаціи. Крѣпостническое дворянство, со своими вождями во главѣ, дѣлало послѣднія отчаянныя усилія, чтобы затормазить освобожденіе. Смерть Ростовцева и назначеніе на мѣсто его графа Панина, передача всей работы въ главный комитетъ—все это въ высокой степени интересные моменты нашей новѣйшей исторіи. Чѣмъ дальше мы отходимъ отъ 19 февраля 1861 г., тѣмъ яснѣе выступаютъ *общія* причины великой реформы, общія условія, при которыхъ она могла осуществиться и осуществилась. Но общія причины всегда преломляются черезъ призму историческихъ личностей, дѣятельность которыхъ накладываетъ ту или иную окраску на совершающіяся событія. Учесть этотъ личный элементъ для пониманія крупнаго историческаго явленія необходимо, чтобы уяснить, почему получилась та или иная комбинація дѣйствующихъ общихъ факторовъ, тотъ или иной темпъ движенія. Въ этомъ отношеніи трудъ Барсукова даетъ историку общественнаго движенія въ Россіи много матеріала. Въ разсматриваемомъ выпускѣ тридцать главъ посвящены изложенію событій крестьянской реформы и главнымъ образомъ съ той стороны, которая чрезвычайно важна для уясненія личнаго элемента, для характеристики дѣятелей и противниковъ великаго дѣла освобожденія. Многіе факты, правда, уже извѣстны, такъ какъ г. Барсуковъ заимствуетъ ихъ изъ напечатанныхъ уже источниковъ (главнымъ образомъ, изъ сочиненія Н. П. Семенова), но есть кое-что новое, а большое количество свѣдѣній собрано изъ разныхъ статей и замѣтокъ, разбросанныхъ по историческимъ и общимъ журналамъ, часто и недоступнымъ большой публикѣ. Приведемъ кое-что изъ богатой коллекціи г. Барсукова.

Извѣстно направленіе работъ редакціонныхъ коммиссій; оно со злобой было встрѣчено крѣпостниками. Были противники и среди самихъ членовъ, среди депутатовъ, но гораздо болѣе опасными для дѣла были тѣ крѣпостники, которые пользовались своей близостью ко двору, чтобы пускать въ ходъ всѣ средства для пріостановки работъ коммиссій. Во главѣ послѣдней категоріи враговъ стоялъ М. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ и усмиритель Литвы. Когда въ редакціонныя коммиссіи назначенъ былъ нѣкій Позенъ, завѣдомый врагъ реформы, Муравьевъ, по словамъ П. А. Валуева, очень обрадовался этому назначенію и воскликнулъ: „Il donnera un coup de poignard à Ростовцовъ". Для того, чтобы нанести этотъ ударъ, рѣшено было дѣйствовать на императора. Какими средствами—объ этомъ мы имѣемъ необыкновенно характерное мѣсто въ дневникѣ Валуева. Послѣдній передаетъ свою бесѣду съ М. Н. Муравьевымъ слѣдующаго содержанія: „М. Н. Муравьевъ распространялся въ конфиденціальномъ разговорѣ со мною о будущемъ ходѣ крестьянскаго вопроса. Онъ явно боится Ростовцова. Il faut agir sur l'Empereur par la peur du danger. Il ne faut pas dire que ce danger vient de la démocratie. Il faut simplement parler du danger". Вообще система запугиванія правительства взрывомъ народныхъ волненій практиковалась въ широкихъ размѣрахъ, какъ и система придворныхъ сплетенъ, слуховъ, разсчитанныхъ на то, чтобы дискредитировать дѣятелей реформы. Уже послѣ закрытія редакціонныхъ коммиссій, князь Вас. А. Долгоруковъ (тогдашній шефъ жандармовъ) заявлялъ, что онъ не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія редакціонныхъ коммиссій будутъ утверждены. Единственно, что служило противовѣсомъ этихъ попытокъ, была убѣжденность императора, что дѣло освобожденія должно въ той или иной формѣ быть проведено. Въ октябрѣ 1859 г., императоръ писалъ Ростовцеву: „Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они ошибаются. Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святого дѣла, чтобы кто-либо могъ меня остановить въ совершеніи онаго". На запискѣ Безобразова, гдѣ говорилось, что дворянство горячо сочувствуетъ государю и доказало свою готовность исполнить волю его,—императоръ сдѣлалъ надпись: „*Хорошо доказало!*"

Сфера доносовъ, придворныхъ интригъ, среди которой пришлось нести свою тяжелую работу членамъ редакціонныхъ коммиссій и предсѣдателю ея, въ значительной степени ускорила смерть Ростовцева. Въ печати уже приводились подробности этой смерти, приводились послѣднія слова Ростовцева: „Государь, не бойтесь"! Но, кажется, новостью является сообщеніе г. Барсукова, будто о Ростовцевѣ, послѣ его смерти, цензура запретила распространяться журналамъ. Краев-

скому даже грозили непріятности за сочувственную статью „Отечественныхъ Записокъ“ по поводу смерти предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій, гробъ котораго несъ государь.

Назначеніе графа Панина на мѣсто Ростовцева какъ громомъ поразило всѣхъ друзей свободы и реформъ. Оно было принято какъ торжество крѣпостниковъ. Фигура графа Панина извѣстна. Это было воплощеніе типа аристократическаго бюрократа, совершенно неспособнаго къ пониманію задачъ великаго историческаго момента. Если онъ и не произвелъ того страшнаго вреда, котораго отъ него ожидали,—это въ значительной степени объясняется тѣмъ отсутствіемъ убѣжденій, которое онъ, какъ истый бюрократъ, водворилъ въ принципѣ.

Валуевъ приводитъ въ дневникѣ, цитируемомъ часто г. Барсуковымъ, любопытный разговоръ графа Панина съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. „У меня есть убѣжденія,—сказалъ графъ Панинъ,—сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но, по долгу вѣрноподданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ, съ тою и даже съ бóльшею энергіею, какъ еслибы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“. Когда графъ Бобринскій, одинъ изъ членовъ редакціонной коммиссіи, отказывался отъ своего званія, въ виду того, что было признано недопустимымъ подавать особыя мнѣнія (всѣ члены должны были подписывать заключенія большинства редакціонной коммиссіи), то графъ Панинъ выразилъ свое удивленіе Бобринскому въ весьма наивной формѣ: „mais ce que vous dites est la condamnation de toute ma carrière; j'ai passé ma vie à signer des choses que je n'approuvais pas“. При такомъ предсѣдателѣ, въ глубинѣ своей души ненавидѣвшемъ то дѣло, которымъ онъ долженъ былъ руководить, настроеніе активныхъ членовъ коммиссіи, клавшихъ душу свою въ это дѣло, не могло быть особенно радужнымъ.

„Думаю, — писалъ Ѳ. П. Еленевъ (близкій Ростовцеву человѣкъ) Погодину,—что мы всуе труждаемся: одно не допустятъ законодатели, другое исказятъ или же и вовсе парализируютъ исполнители; но все-таки коммиссія должна сдѣлать свое дѣло“.

Можетъ быть, общимъ пессимизмомъ заражались и люди, стоявшіе нѣсколько въ сторонѣ отъ работъ коммиссіи. А. В. Головнинъ, будущій министръ народнаго просвѣщенія, въ письмѣ своемъ къ князю А. И. Барятинскому рисовалъ будущее Россіи въ самыхъ мрачныхъ

краскахъ: „Признаюсь, — писалъ онъ, — что будущее кажется мнѣ крайне безпокойнымъ!.. Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣднія сорокъ лѣтъ правительство много брало у народа, а дало ему очень мало... что же дѣлало правительство взамѣнъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями; ничего для народнаго просвѣщенія; ничего для дорогъ, такъ какъ онѣ находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ находились во времена нашего предка Рюрика. Правительство содержало, съ незначительными издержками, суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу, и полицію, которая грабитъ народъ... Государственный доходъ, половина котораго основана на безнравственности народа, или, вѣрнѣе, на его развращенности (винный откупъ), тратилась на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ очень мало полезенъ для настоящей Россіи. Итакъ, деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, все это было большою несправедливостью; а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще только грудные младенцы, выростутъ и поймутъ все то, о чемъ я только-что говорилъ... Императоръ прекратилъ одну изъ наибольшихъ несправедливостей, которая длилась цѣлые вѣка—крѣпостную зависимость, и этой прекрасной мѣрою онъ стяжаетъ себѣ безсмертіе во всемірной исторіи и величайшее имя въ исторіи народной цивилизаціи. Благодаря этой мѣрѣ и покоренію Кавказа, слава уже пріобрѣтена; онъ приготовляетъ мирное царствованіе для своего сына. Онъ могъ бы удвоить славу и завѣщать внутренній миръ своему внуку, если бы захотѣлъ уничтожить другую несправедливость, о которой я только-что говорилъ“...

Относительно работъ главнаго комитета и роли въ немъ великаго князя Константина Николаевича и противниковъ его (М. Н. Муравьева. князя В. А. Долгорукова, графа Панина и др.), г. Барсуковъ передаетъ главнымъ образомъ факты, уже извѣстные изъ сочиненія П. П. Семенова. Подробно разсказываетъ онъ исторію составленія манифеста 19 февраля 1861 г., которое было по мысли графа Панина обставлено страшною тайной. Къ митрополиту Филарету былъ посланъ спеціальный уполномоченный (директоръ департамента министерства юстиціи Топильскій,—правая рука Панина) со спеціальной миссіей убѣдить владыку составить манифестъ. Проектъ манифеста, разработанный Самаринымъ, былъ признанъ неудобнымъ. Между прочимъ, въ этомъ проектѣ день освобожденія былъ названъ радостнымъ днемъ. Митрополитъ считалъ это выраженіе неумѣстнымъ.

„Не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы многіе изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому обширному преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса; но многіе благонамѣренные люди опыта ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія“...

Характерно также для отношенія составителя манифеста къ совершающемуся событію письмо, отправленное митрополитомъ всего за три дня до подписанія манифеста. Митрополитъ писалъ: „Господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ. Замѣчаютъ, что ожиданіе народа сильно направлено на 19 день: а онъ едва ли принесетъ ожидаемое. Года за два передъ симъ, въ газетѣ „Нордъ“, писано было, что для выкупа отъ помѣщиковъ крестьянъ употреблены будутъ сокровища церквей и монастырей. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ, и между прочимъ, что „первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри и церкви“. И это пишетъ не какой-нибудь легкій распространитель вѣстей. Согрѣшихомъ, да впадемъ въ руцѣ Господни: но пощади, Господи, церковь Твою“!

Личность Погодина весьма мало была связана съ великой реформой. Какъ сынъ двороваго человѣка, онъ, конечно, не могъ не сочувствовать дѣлу освобожденія. Въ статьѣ, писанной имъ для возбужденія мирныхъ чувствованій, единственной статьѣ Погодина по крестьянскому вопросу, онъ, по своему обыкновенію, витіеватымъ и поддѣльнымъ народнымъ языкомъ привѣтствуя реформу, старается убѣдить всѣхъ, что между крестьянами и дворянами существуетъ полная гармонія, и посему, по его мнѣнію, „дворяне очень скоро, поразмысливъ, попривыкнувъ къ новому положенію, примутъ искреннее участіе въ общей радости и обнимутся братски съ любезными соотечественниками, какъ будто обновленные и просвѣтленные. Сердце у всѣхъ русскихъ людей, безъ различія званій, легкое и доброе“.

Гораздо бо̀льшую извѣстность получилъ Погодинъ въ это время похожденіемъ, очень характернымъ для уясненія физіономіи петербургскаго общества въ это время. Мы говоримъ о памятномъ словесномъ турнирѣ его съ профессоромъ Н. Костомаровымъ о происхожденіи Руси, происходившемъ публично въ с.-петербургскомъ университетѣ 19 марта 1860 года. Г-нъ Барсуковъ чрезвычайно подробно излагаетъ всѣ детали и подробности этого диспута, въ свое время воспѣтаго Добролюбовымъ въ „Свисткѣ“. Эти детали хорошо рисуютъ приподнятое настроеніе тогдашняго общества, получившаго возможность проявлять публично свою умственную жизнь. Диспутъ Погодина на ряду съ лекціями въ Пассажѣ былъ только поводомъ проявить это настроеніе, и профессоръ Буличъ, очевидецъ этого турнира, правъ, когда онъ, описывая картину его, необычную по условіямъ до-рефор-

менной эпохи, говоритъ: „въ сердцѣ невольно зарождалось ожиданіе чего-то небывалаго, невиданнаго, неслыханнаго".

Почти вся остальная часть въ XVII книгѣ г. Барсукова посвящена путешествію Погодина по Россіи и представляетъ мало интереса для читателей.

Въ заключеніе нашей замѣтки, приведемъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Барсуковымъ объ одномъ изъ типичнѣйшихъ представителей до-реформенной Руси, — московскомъ генералъ-губернаторѣ А. А. Закревскомъ. Незадолго до своего увольненія, графъ Закревскій представилъ слѣдующее донесеніе о московской литературѣ:

„По разнымъ слухамъ,—писалъ онъ, — и секретнымъ, негласнымъ дознаніямъ, можно предположить, что такъ называемые славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество. Славянофилы появились послѣ польской революціи, въ видѣ литературнаго общества любителей русской старины. Центръ этого общества—Москва. Литературные органы его: 1) „Русская Бесѣда", редакторъ Кошелевъ; главные сотрудники: Хомяковъ, Аксаковъ и Самаринъ; 2) „Сельское Благоустройство", отдѣлъ „Русской Бесѣды"; редакторъ и сотрудники тѣ же. Денежный двигатель общества — Кокоревъ, поддерживаемый множествомъ купцовъ новаго поколѣнія, которыхъ славянофилы всячески къ себѣ привлекаютъ.

„Общество славянофиловъ развиваетъ общинныя или демократическія начала. Оно составлено отъ лицъ разныхъ сословій, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, людей духовнаго званія и ученыхъ.

„Вредное по своему составу и началамъ, общество это надѣется на какое-то покровительство и смѣло распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Прежде оно имѣло своимъ органомъ одно періодическое изданіе,—„Московскій Сборникъ", выходившій непостоянно и остановленный изданіемъ въ 1853 году. Кромѣ помянутыхъ двухъ журналовъ, необходимо обратить строгое вниманіе высшей цензуры и на слѣдующіе, издаваемые также въ Москвѣ:

„1) „Русскій Вѣстникъ". Редакторы: Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ фонъ-Крузе. 2) „Атеней". Редакторъ Коршъ, сотрудники: Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же. 3) „Московскія Вѣдомости". Редакторъ Коршъ. Всѣ эти изданія расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе: 1) Крестьянскій вопросъ—орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, а послѣднихъ противъ правительства. 2) Безсрочно-отпускные нижніе чины. 3) Раскольники. Имъ стараются

внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе царя, а должны ожидать всего отъ перемѣны образа правленія. 4) Фабричный народъ. Этотъ классъ людей давно подготовляется уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ. 5) Театральныя представленія. Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подалъ мысль, чтобы авторы писали пьесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена, и дарили эти пьесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы. 6) Распространеніе сочиненій Герцена. Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги—Толкованіе Евангелія".

Въ самый годъ своего увольненія, графъ Закревскій представилъ начальнику третьяго отдѣленія списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ, куда попали: Аксаковъ, Хомяковъ, Катковъ (какъ „западникъ и издатель" „Русскаго Вѣстника") Солдатенковъ (какъ „раскольникъ, западникъ, желающій безпорядковъ и возмущеній"), цензоръ Крузе (какъ „другъ Каткова, корреспондентъ Герцена, какъ человѣкъ, готовый на все и желающій переворотовъ"), откупщикъ Кокоревъ (какъ „западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ"), самъ Погодинъ (какъ „корреспондентъ Герцена и литераторъ, стремящійся къ возмущенію"), актеръ Щепкинъ (какъ человѣкъ, желающій переворотовъ и на все готовый) и многія еще лица съ подобными характеристиками. Любопытно то, что, приведя всѣ эти документы, авторъ тѣмъ не менѣе беретъ на себя задачу реабилитировать образъ „достопочтеннаго" графа (эпитетъ автора) отъ тѣхъ литературныхъ отзывовъ, которые прочно установили его обликъ.

Приведемъ еще одинъ документъ изъ коллекціи г. Барсукова. Излагая отзывы печати о смерти Конст. Аксакова, г. Барсуковъ приводитъ некрологъ, посвященный ему Герценомъ.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—сдѣлали свое дѣло; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидитъ Биронъ и колотитъ ямщика, чтобы тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей,—то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

„Съ нихъ начинается переломъ русской мысли. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

„Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинакая.

„У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то же время какъ сердце билось одно.

„Они всю любовь, всю нѣжность, перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно; все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причтомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастіи раздиралъ наше сердце: мы знали, что у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство“...

IX.

— В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права, т. III, Спб., 1903.

Направленіе русской исторической мысли за послѣднее время характеризуется тѣмъ особымъ вниманіемъ, которое изслѣдователи нашей старины удѣляютъ исторіи культуры и главнымъ образомъ развитію матеріальныхъ моментовъ ея. Изученіе политическихъ формъ, учрежденій и сословій ведется въ тѣсной связи съ изслѣдованіемъ явленій экономическихъ, финансовыхъ, частноправовыхъ. Работаютъ на этомъ благодарномъ поприщѣ и представители „чистой“ исторической науки, и историки права, а результаты этой работы мы уже имѣемъ въ видѣ выводовъ и обобщеній. Достаточно указать на труды Милюкова, Дьяконова, Платонова, Рожкова, Павлова-Сильванскаго и др. Все болѣе и болѣе освѣщаются вопросы о прикрѣпленіи крестьянъ, о происхожденіи общины, о развитіи сословій и учрежденій въ связи съ поземельной и финансовой политикой Московскаго государства. Можетъ быть, въ преобладаніи, у наиболѣе выдающихся историковъ, интереса къ явленіямъ этой категоріи, сказывается вліяніе идеи эко-

номическаго матеріализма, властно и сильно, хотя и на весьма краткое время, захватившей умы и давшей опредѣленную окраску не только нашему соціальному, но и идейному движенію. Если это такъ, то господство этого теченія не прошло безслѣдно, а оказалось, напротивъ того, весьма производительнымъ и для русской исторической науки.

Новое изслѣдованіе проф. Сергѣевича затрогиваетъ два наиболѣе сложныхъ и спорныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ вопроса исторіи московскаго періода: вопросъ о землевладѣніи и вопросъ объ обложеніи, о тяглѣ. Всѣ тѣ пріемы и свойства научной работы, которыми отличаются труды автора: „Князь и вѣче“, ярко выражены и въ новомъ томѣ его „Древностей“. Приступая къ освѣщенію какого-нибудь вопроса, авторъ прежде всего приводитъ соотвѣтствующія мѣста источниковъ (онъ никогда на нихъ не ссылается, они всегда тутъ на лицо передъ читателемъ), подвергаетъ ихъ остроумному историческому и юридическому анализу, иногда путемъ блестящей полемики, и, такъ сказать, вскрывъ необходимое мѣсто, получаетъ частный выводъ для подтвержденія общей идеи, проникающей все изслѣдованіе. Эти общія идеи у проф. Сергѣевича всегда рѣзко опредѣлены; при первомъ ознакомленіи, онѣ кажутся даже нѣскорько парадоксальными, но, вдумавшись, вы найдете ихъ всегда обоснованными, а часто носящими печать настоящей оригинальности. Индивидуальность ученаго сказывается и въ его языкѣ: онъ кратокъ, точенъ, часто колоритенъ, нѣсколько отрывоченъ, что̀ придаетъ ему силу простоты.

Третій томъ „Древностей“ распадается на три книги, изъ которыхъ первая занимается вопросами о происхожденіи формъ землевладѣнія и о хозяйственномъ пользованіи землями, вторая—разсмотрѣніемъ тягла и порядка обложенія, а третья даетъ критическій анализъ литературы, занимавшейся разобранными авторомъ вопросами. Выводы автора основываются главнымъ образомъ на изученіи писцовыхъ книгъ новгородскихъ, содержащихъ въ себѣ богатый матеріалъ для выясненія *возникновенія* формъ московскаго землевладѣнія, и московскихъ книгъ, откуда можно черпать свѣдѣнія о дальнѣйшемъ развитіи этихъ формъ. Мы, конечно, здѣсь не имѣемъ никакой возможности ознакомить читателей со всѣми вопросами, поднимаемыми г. Сергѣевичемъ, съ аргументировкой и доказательствами, имъ приводимыми; мы ограничимся передачей нѣкоторыхъ основныхъ его положеній.

Типической формой древняго, *до-московскаго* землевладѣнія является, по мнѣнію автора, форма *частной* индивидуальной собственности. Землею владѣли „своеземцы“, наслѣдующіе землю свою, дарящіе ее, дающіе ее въ приданое, однимъ словомъ—распоряжающіеся, какъ своей полной собственностью. Кто своеземцы? Это—крупные землевладѣльцы

бояре, болѣе мелкіе—бояришки, купцы, посадскіе, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри, церкви. Нѣтъ нигдѣ упоминанія о томъ, чтобы тогда существовали владѣнія крестьянскихъ общинъ. Были только отдѣльные крестьяне, которые или „своеземцы", или же занимали господскія земли по особому договору за то или иное вознагражденіе натурой, въ видѣ предоставленія землевладѣльцу извѣстной части урожая. Эта фермерская форма была преобладающею, потому что собственное хозяйство крупныхъ своеземцевъ, при маломъ распространеніи холопскаго, рабьяго труда, не могло быть значительнымъ. Сообразно этому типу владѣнія и обозначенія населенныхъ мѣстъ, мѣста имѣютъ иное значеніе, чѣмъ то, которое они пріобрѣли впослѣдствіи: подъ „деревней" въ до-московскій періодъ разумѣлось отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ. Деревня могла распасться на части, напр. при дѣлежѣ наслѣдниковъ, и тогда мы имѣемъ деревню изъ совокупности нѣсколькихъ дворовъ. Владѣльцы такихъ „вопчихъ" деревень—это тѣ сябры, которые возбудили столько споровъ въ наукѣ. Деревни принадлежатъ „своеземцамъ", но могутъ быть сдаваемы крестьянамъ въ аренду. Вся земля „своеземцевъ" сама по себѣ не носитъ службы, т.-е. съ фактомъ владѣнія не связывается обязательной службы владѣльцевъ, нѣтъ того зависимаго владѣнія, которое представляется типичнымъ для московскаго періода.

Такова картина землевладѣнія въ Новгородской области по писцовымъ книгамъ, и эта картина, по мнѣнію Сергѣевича, не представляетъ особенности только Новгорода. Она была господствующею вездѣ.

Исходнымъ пунктомъ измѣненія описанныхъ выше порядковъ проф. Сергѣевичъ считаетъ конфискацію частныхъ земель, которая была произведена московскими государями. Въ Москвѣ между частнымъ княжескимъ имуществомъ и государственнымъ различіе не было установлено. Всякое завоеваніе, присоединеніе удѣла, а часто просто недовольство князя тѣмъ или инымъ лицомъ вело къ конфискаціи, и конфискованныя земли—государевы земли—раздавались *въ помѣстье* служилымъ людямъ; послѣдніе заступаютъ мѣсто „своеземцевъ", но уже на совершенно иныхъ условіяхъ владѣнія; часто государь, конфискуя земли у своеземцевъ, предоставлялъ ихъ въ непосредственное пользованіе крестьянъ за извѣстный оброкъ. Бывшіе арендаторы своеземцевъ сдѣлались царскими оброчниками. Отсюда и „крестьяне царя и великаго князя", отсюда и выраженіе крестьянъ въ памятникахъ XV и XVI вѣковъ: „то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія". Таковъ источникъ образованія черныхъ оброчныхъ земель, которыхъ особенно много оказалось въ мѣстахъ подальше отъ Москвы, гдѣ и служилыхъ людей помѣстить было трудно. Документальныя данныя о грандіозной

конфискаціи, произведенной въ Новгородской землѣ, на Вяткѣ и Двинѣ, сохранились въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ, и по нимъ можно прослѣдить и весь процессъ, представляющій, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, соціальную реформу великой важности: „поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ (прежнихъ своеземцевъ) перешла въ руки рабочаго населенія".

Какъ сложились права и обязанности крестьянъ при новыхъ порядкахъ?

На земляхъ помѣщиковъ, назначенныхъ вмѣсто изгнанныхъ своеземцевъ, крестьяне сидятъ по договору, заключаемому между ними и помѣщикомъ; не нравились имъ условія договора—они могли уйти. На земляхъ, непосредственно предоставленныхъ государемъ, крестьяне не „своеземцы", не собственники. Предоставленныя имъ земли и угодія государь можетъ поверстать, по своему желанію, и служилымъ людямъ. Крестьяне и притомъ *отдѣльные* крестьяне получаютъ отдѣльные участки, за платежъ оброка, въ пользованіе. Пользованіе частное, индивидуальное, а не общинное; по новгородскимъ писцовымъ книгамъ видно, что общины крестьянской къ моменту конфискаціи и не было никакой. Но при записи угодій старыхъ владѣльцевъ за ихъ крестьянами накладывается оброкъ „огуломъ" на все имѣніе. Раскладка этого оброка становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ такомъ имѣніи, и отсюда первый моментъ образованія общины, которая, и притомъ въ зародышѣ только въ Новгородской землѣ, является въ самомъ концѣ XV вѣка. Такимъ образомъ, благодаря этому правительственному распоряженію (объ оброкѣ „огуломъ"), въ крестьянскихъ общинахъ возникаютъ общія дѣла по управленію оказавшимися въ ихъ владѣніи землями и угодьями. Онѣ распредѣляютъ между собою пустые дворы и свободныя земли и угодья, сдаютъ ихъ въ то же тягло новымъ поселенцамъ, а если тяглецовъ не появляется— сдаютъ ихъ въ аренду изъ оброка. Общины являются на судѣ истцами и отвѣтчиками въ спорахъ объ общинныхъ земляхъ и могутъ даже отчуждать ихъ. Наконецъ, общій оброкъ, налагаемый отдѣльно на цѣлый рядъ селъ и деревень, долженъ былъ повести къ распредѣленію угодій между разными селами и деревнями, положенными на одинъ оброкъ, но не одинаково надѣленными благами земли". Вотъ это-то, упоминаемое въ писцовыхъ книгахъ, верстаніе и лугами, и лѣсомъ, и всякими угодьями поровну, въ интересахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія податного бремени между крупными окладными единицами (между вытями), и есть дальнѣйшій шагъ къ общинному владѣнію. Но эторъ уравнительный предѣлъ, происшедшій въ концѣ XVI вѣка, былъ передѣлъ единовременный для уравненія вытей; онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми періодическими передѣлами, которые состав-

ляютъ характерную особенность нынѣ господствующей общинной формы землевладѣнія. Уравненіе между надѣлами тяглецовъ одной общины и періодическіе передѣлы, какъ стремленіе уравнить податное бремя между членами одной общины, земель по ихъ числу—составляютъ послѣдствіе введенія подушной подати. Слѣдовательно, по мнѣнію проф. Сергѣевича, современная поземельная община формируется окончательно не раньше начала XVIII вѣка. Параллельно съ этимъ шелъ процессъ прикрѣпленія крестьянъ. Хозяйственные порядки домосковскаго періода, приспособленные для „своеземцевъ", оказались непригодными для помѣщиковъ, обязанныхъ службой. Собственные люди помѣщиковъ оказывались нужными для сопровожденія въ походахъ, они не могли работать въ хозяйствѣ, а изъ земли приходилось извлекать все больше доходовъ. Отсюда стремленіе помѣщиковъ перейти отъ менѣе выгодной фермерской системы пользованія землями къ барщинѣ. Происшедшее въ Псковѣ въ 1485 г. столкновеніе землевладѣльцевъ, стремившихся установить урочныя работы для своихъ крестьянъ, т.-е. барщину, съ крестьянами, очень характерно тѣмъ, что великій князь рѣшилъ споръ еще въ пользу крестьянъ, признавъ, что требованіе землевладѣльцевъ есть новшество. Время для барщины еще не приспѣло. Это „новшество", дѣйствительно, и было несовмѣстимо съ тогда еще свободнымъ крестьянствомъ. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ барщинному хозяйству—два момента, тѣсно между собою связанные. Если свобода перехода крестьянъ была вообще невыгодна и для крупныхъ помѣщиковъ, то особенно тяжела она оказывалась для хозяйства мелкихъ. И все болѣе и болѣе стѣсняя свободу перехода, правительство дѣйствовало главнымъ образомъ въ интересахъ мелкихъ служилыхъ людей, составлявшихъ ядро войска.

Въ связь съ развитіемъ барщины и крѣпостного права проф. Сергѣевичъ приводитъ образованіе большихъ деревень, которыя уже не имѣютъ ничего общаго съ первоначальной деревней—дворомъ.

Такова схема общихъ положеній автора, развиваемыхъ имъ въ первой части своего изслѣдованія.

Вторая часть посвящена анализу понятія тягла, видовъ его и отношенія ихъ къ землевладѣнію. Авторъ, разсматривая тягло и какъ обязанность нести государственныя повинности, и какъ способность къ этимъ повинностямъ, подвергаетъ разбору вопросъ объ окладныхъ единицахъ Московскаго государства въ связи съ разными формами землевладѣнія.

Дополнительная книга представляетъ изложеніе литературныхъ мнѣній по вопросамъ о происхожденіи общины и крѣпостного права. Авторъ останавливается на теоріяхъ Маурера, Фюстель де-Куланжа,

Бѣляева, Чичерина, Соловьева, Соколовскаго, Ефименко, Никитскаго, Лаппо-Данилевскаго, Дьяконова, Павлова-Сильванскаго, Рожкова и др.; подвергаетъ ихъ критическому разсмотрѣнію, а съ нѣкоторыми вступаетъ въ жестокую полемику, въ которой авторъ даетъ полный просторъ своему полемическому таланту. Особенно немилостивъ проф. Сергѣевичъ къ гг. Лаппо-Данилевскому и Рожкову.

X.

— Д. Н. Жбанковъ, О врачахъ. М., 1903 г.

„Записки врача" В. Вересаева вызвали цѣлую бурю во врачебномъ мірѣ, врачебной и общей прессѣ. Профессіональные интересы заговорили среди врачебной корпораціи громко; посыпались всевозможные упреки на коллегу, такъ искренно и горячо повѣдавшаго міру о томъ, что предполагалось неизвѣстнымъ. Но на ряду съ этими раздались и другіе голоса изъ среды той же корпораціи,—голоса, горячо привѣтствовавшіе исповѣдь врача-писателя. Къ откликамъ послѣдняго рода принадлежитъ и книжка извѣстнаго земскаго врача Д. Н. Жбанкова. Его статьи, первоначально печатавшіяся въ „Мірѣ Божьемъ", въ значительной степени дополняютъ фактическій матеріалъ, сообщаемый Вересаевымъ. Особенно поучителенъ рядъ данныхъ, собранный авторомъ, объ участіи врачей въ практическомъ осуществленіи теоріи неомальтузіанства, въ „научной постановкѣ смертныхъ казней въ Америкѣ" и т. п.

Съ точки зрѣнія врачебной этики, авторъ осуждаетъ даже одно присутствіе врача при всякомъ тѣлесномъ наказаніи: не только по велѣнію совѣсти, но и по научнымъ основаніямъ, врачъ никогда не долженъ давать разрѣшенія на тѣлесное наказаніе, такъ какъ онъ не можетъ поручиться за послѣдствія этого наказанія. Такъ и поступили, какъ сообщаетъ авторъ, два состоявшіе на службѣ врача, Либовъ и Хлѣбниковъ; они категорически отказались давать заключенія о состояніи здоровья крестьянъ самарской губерніи, которыхъ въ 1899 году администрація подвергала экзекуціи. Нашелся, впрочемъ, третій врачъ, иначе понимавшій свои задачи.

Несовмѣстимо съ этикой, по мнѣнію Д. Н. Жбанкова, и участіе врачей въ проституціонномъ надзорѣ, ничего не предотвращающемъ и глубоко принижающемъ достоинство человѣческой личности. Со всѣми этими явленіями корпорація должна бороться путемъ организованнаго протеста, путемъ нравственнаго осужденія подобныхъ явленій, не дожидаясь улучшенія общихъ условій, на которыя сваливается слишкомъ много.

Другимъ и уже радикальнымъ средствомъ отъ недуговъ врачебнаго сословія авторъ считаетъ организацію института общественныхъ врачей: „всѣ врачи должны быть общественными — земскими, сельскими, городскими, групповыми, у которыхъ не должно быть никакихъ разсчетовъ съ отдѣльными больными. Только общественный врачъ можетъ быть истиннымъ блюстителемъ здоровья своего участка, такъ какъ его интересы будутъ всецѣло совпадать, а не противорѣчить интересамъ населенія. Вотъ только этотъ путь и дастъ тотъ выходъ, о которомъ мечтаетъ В. Вересаевъ".

Но какъ осуществить этотъ проектъ? При какихъ формахъ общественной жизни онъ возможенъ? А можетъ быть, при осуществленіи этихъ формъ, и самые вопросы, волнующіе автора, потеряютъ свою остроту?

Эти вопросы, на которые у автора не находится отвѣта, мы ставимъ не для того, чтобы критиковать предложенія автора. Такая критика столь же легка, какъ трудно выполнимы многіе проекты, предлагаемые въ книгѣ „О врачахъ". Но важно появленіе такихъ книгъ, важны факты и отношеніе къ нимъ, важна та нравственная высота требованій, которою она проникнута. И то, что книга вышла изъ-подъ пера одного изъ земскихъ работниковъ, въ рядахъ которыхъ такъ много уже теперь живыхъ воплощеній будущаго типа общественнаго врача, дѣлаетъ для насъ ее еще болѣе цѣнной. И въ этой спеціальной сферѣ, какъ и въ другихъ болѣе общихъ, зародыши будущаго зрѣютъ въ земской средѣ, въ земскомъ началѣ.—М. Г—анъ.

Въ теченіе марта мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александровъ, Н. Н.—Описанія имѣнія „Андреевскій хуторъ" Т-ва Большой Ярославской мануфактуры. Ташк. 902. Ц. 1 р.

Амфитеатровъ, А.—Викторія Павловна (Именины). Спб. 903. Ц. 1 р.

Аничковъ, М. В.—Итоги и уроки трансваальской войны. Послѣсловіе къ сочиненію „Война и Трудъ". Спб. 903. Ц. 30 к.

Армашевскій, П.—О происхожденіи лёсса. Спб. 903.

Бандалинъ, Я. Г.—Борьба науки со старостью. Къ новѣйшимъ работамъ Мечникова. М. 903. Ц. 30 к.

——— Роль опыта въ медицинѣ. М. 903. Ц. 40 к.

Бантышъ-Каменскій, Д.—Исторія Малой Россіи, отъ водворенія Славянъ въ сей странѣ до уничтоженія Гетманства, въ 3-хъ частяхъ. Изд. 4-ое. Кіевъ, 903. Ц. 2 р. 50 к.

Беренсъ, В.—Основанія теоріи лучистой энергіи и біологіи. Отдѣлы I: Лучистая энергія. II. Жизненная энергія. Кіевъ, 903.

Бертенсонъ, Л.—Консервированіе икры борною и салициловою кислотами съ промышленною цѣлью. Спб. 903.

——— По поводу частнаго страхованія рабочихъ. Къ вопросу о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. Спб. 903.

Бихнеръ, Е. А.—Лошадь Пржевальскаго, въ обработкѣ Акад. В. В. Заленскаго. Спб. 903.

Богдановичъ, Л. А.—Борьба съ торговлей женщинами и „Россійское Общество защиты женщинъ". М. 903. Ц. 50 к.

Болконскій, А.—Ученіе гр. Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Критическій этюдъ, съ очеркомъ развитія дѣла всеобщаго мира съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Ворон. 902. Ц. 50 к.

Брейтманъ, Г. Н.—Митька Корявый. Елка для мертвыхъ и др. разсказы. Кіевъ, 903. Ц. 1 р.

Будкевичъ, К. К., миров. судья.—Присяга на судѣ. Од. 903. Ц. 35 к.

Бузескулъ, В., проф.—Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьк. 903. Ц. 3 р.

Бѣлиловскій, В., и *Гамалѣя*, Н.—Чума въ Одессѣ. Историческое и эпидеміологическое изслѣдованіе. Од. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Вейдлицъ, К. А.—О нуждахъ земледѣльческаго класса. Винница, 903. Ц. 1 р.

Венгрижиновскій, Я.—О мѣрахъ къ устраненію полученія денегъ по подложнымъ ассигновкамъ. Ровно, 903. Ц. 15 к.

Воронецъ, Е.—Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о. Г. Петрова и историческая справка. Спб. 903. Ц. 10 к.

Вороновъ, И.—Городъ Воронежъ. Населеніе и недвижимыя имущества. Съ планами и діаграммами. Изд. Ворон. губ. земства. Ворон. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Гадмеръ, Елиз.—Спартакъ, вождь гладіаторовъ. Драма въ 5 д. и 14 картин. Спб. 903. Ц. 1 р.

Гензель, П.—Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Обложеніе „незаслуженнаго" прироста цѣнности при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Гикманъ и *Марксъ*.—Всеобщій географическій и статистическій Карманный Атласъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. въ перепл. 2 руб.

Глезмеръ, С. П.—Удаленіе и примѣненіе домашнихъ отбросовъ. Спб. 903.

Гофманъ, К.—Радій и его лучи. Съ нѣм. Ф. Индриксонъ, п. р. проф. И. Боргмана. Спб. 903. Ц. 70 к.

Гурьевъ, А.—Основныя понятія политической экономіи. Популярный очеркъ. Спб. 902.

——— Природа, Населеніе, Капиталъ—три фактора народной производительности. Популярный очеркъ. Спб. 903.

——— Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX столѣтіи. Спб. 903.

Даль, Влад.—Толковый Словарь живого великорусскаго языка. 3-ье исправл. и значительно дополненное изданіе, п. р. проф. И. Бодуэна-дэ-Куртенэ. Спб. 903. Т. I, вып. 1. Подп. ц. 20 р., отд. вып.—50 коп.

Дебидуръ, А., проф.—Политическая исторія XIX-го вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1873 г. Перев. п. р. Ал. Пиленко. Т. I: Священный союзъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Э.—Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 903. Ц. 3 р.

Дружининъ, П. П.—Какая нужна намъ средняя школа? Ярославль. 903. Ц. 35 к.

Духовецкій, Э.—Приключенія Сергѣя Сергѣевича. Повѣсть первая: Заграницей. Екатериносл., 902. Ц. 1 р.

Жбанковъ, Д. Н.—О врачахъ. М. 903. Ц. 75 к.

Зданевичъ, М. В.—Отвѣтъ на анонимную брошюру: „Новый и традиціонный духовные ораторы, от. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій). Спб. 903. Ц. 10 к.

——— Священникъ Г. С. Петровъ, какъ проповѣдникъ и писатель. Критич. очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 903.

Ибсенъ, Генрикъ.—Столпы общества (Консулъ Берникъ). Ком. въ 4 д. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. М. 903. Ц. 40 к.

Ивановъ, П.—Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. М. 903. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Государство—городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ 2 историческими картами. Спб. 903.

Киплингъ, Р.—Разсказы-Сказки. Съ рис. автора. Съ англ. О. Н. Поповой. Спб. 903. Ц. 1 р.

Ковополинъ, Г.—Глѣбъ Успенскій. Опытъ литературной характеристики. Харьк. 903. Ц. 35 к.

Козинцовъ, М. П.—Князь Н. Д. Долгоруковъ. Матеріалъ для біографіи. Стародубъ, 903.

Лависсъ, Э.—Основные моменты политической исторіи Европы. Перев. Н. Д. Первовъ. Изд. 2-е. М. 903.

Лапинъ, В.—Библіографическая замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ артистки А. М. Сѣверской-Сигулиной. Благовѣщ. 902.

Лашкова, Н. И.—Мой мірокъ. Повѣсти и разсказы. Вып. 1. Кіевъ, 902. Ц. 80 к.

Лейкинъ, Н. А.—Голь перекатная. Разсказы. Бездомники—Писарь—Угловые—Папертные—Кладбищенскіе—Въ родильномъ пріютѣ—Ученица городск. школы—Переполохъ—По чердакамъ и подваламъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Лемке, Мих.—Думы журналиста. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Лернеръ, Н.—А. С. Пушкинъ. Труды и Дни. Хронологическія данныя. М. 903. Ц. 1 р.

Летурно, д-ръ Шарль.—Біологія. Съ 4-го франц. изд. В. Ранцовъ. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Личковъ, Л.—Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края. Кіевъ, 903.

Лосскій, Н.—Основныя ученія психологіи, съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Лотаръ, Руд.—Генрикъ Ибсенъ. Съ 2-го нѣм. изд. О. А. Волькенштейнъ. Съ портретомъ и автографомъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Луговой, А.—Сочиненія. Грани жизни, ром. въ 5 ч. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 2 р.

Лѣткова, Ек.—Рабы—Оборванная переписка—На мельницѣ—Облачко—Безъ фамиліи: I—Софья Петровна. II—Таня. Спб. 903. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. С.—Л. Толстой и Достоевскій. Т. I и II. Спб. 903. Ц. 5 р.

Мигулинъ, П. П.—Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы. Харьк. 903. Ц. 2 р.

——— Русскій государственный кредитъ, со времени Екатерины II до

нашихъ дней. Т. III: Министерство С. Ю. Витте и задача будущаго. Вып. 3: 1893—1902 гг. Харьк. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Молоствовъ, Н. Г.—Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій). 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Мороховецъ, Левъ, проф.—Труды и Музей каѳедры исторіи и энциклопедіи Медицины Имп. Москов. университета. М. 903.

——— „Записки врача" В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики. М. 903. Ц. 80 к.

Москвичъ, Григорій.—Практическій Путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ, съ приложеніемъ большого плана С.-Петербурга. Ц. 1 р. въ перепл. Од. 903.

Невѣжинъ, П. М.—Озлобленные. Романъ. Москва, 902. Стр. 759. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Новь и Старь. Разсказы: Разошлись—Краденое счастье—Аспазія—По дѣломъ—Страшные люди. Изд. 3-ье. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь.—Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ первый. Спб., 1903. Съ портретами. Печатано въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Озеровъ, проф. Ив.—Почта въ Россіи и за границей. Спб. 903. Ц. 20 к.

Павловъ, С.—Вулканъ и землетрясенія. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Пантелѣевъ, Л. Ф.—Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 903. Ц. 80 к.

Потаповъ, Ив.—Стихотворенія. Тамб. 903. Ц. 2 р.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Т. XI: Историческія статьи. Съ франц. п. р. В. Н. Михайлова. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Риккертъ, Г.—Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Съ нѣм. М. Фитерманъ. М. 903. Ц. 25 к.

Руффини, Дж.—Записки Лоренцо Бенони. Перев. А. Серебряковой. М. 903. Ц. 1 р.

Святскій, И.—Драгоцѣнные камни. Съ 38 рис. Спб. 903. Ц. 50 к.

Сергѣевичъ, В.—Древности русскаго права. Т. III: Землевладѣніе.—Тягло.—Порядокъ обложенія. Спб. 903. Ц. 2 р.

Скальковскій, К.—Очерки и фантазіи. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, А.—Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Изд. 4-е, исправл. и дополненное. Съ 2 таблиц. чертежей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Соловьевъ, С. М.—Публичныя чтенія о Петрѣ В. Спб. 903. Ц. 60 к.

Сѣверская-Сигулина, А. М.—Драматическія сочиненія. Т. I. М. 902. Ц. 2 р.

Тайна, П. Ѳ.—Души моей невольныя признанья. Спб. 903. Ц. 1 р.

Тищенко, Ѳ.—Разсказы. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 1 р.

Тотоміанцъ, В.—Мощь коопераціи. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 15 к.

Тумаковъ, Г. И.—Усадебныя и полевыя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 50 к.

Тюрканъ, І.—Генеральша Бонапартъ. Съ франц. Л. Т. Спб. 903. Ц. 1 р.

Уальдъ, О.—Баллада Ридингской тюрьмы. Перев. Н. Кернъ. Спб. 903. Цѣна 30 коп.

Чернышевъ, В.—Верхне-каменноугольные брахіоподы Урала и Тимана. Вып. 1.—Текстъ. Вып. 2.—Атласъ. Спб. 902.

Шницлеръ, Арт.—Фрау Берта Гарланъ. Ром. Съ нѣм. Л. Г. Спб. 903. Цѣна 80 коп.

Шохоръ-Троцкій, С. И.—Методика, ариѳметика. Ч. I. Для учителей одно-

классныхъ начальныхъ школъ. Изд. 7-е, исправл. и значительно дополн. Спб. 903. Ц. 1 р.

——— Методика ариѳметики для учителей приготовительныхъ классовъ, для родителей и воспитателей. Спб. 903. Ц. 60 к.

——— Ариѳметическій задачникъ для учениковъ приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для первоначальнаго домашняго обученія. Спб. 903. Ц. 20 к.

——— Ариѳметическій задачникъ для учителей приготовительныхъ классовъ и для первоначальнаго домашняго обученія. Спб. 903. Ц. 30 к.

Щуцкій, М. М.—Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Юреневы, Г. Н. и Н. А.—Родъ Юреневыхъ. Генеалогическая роспись съ XIV по XX столѣтіе. Историко-біографическія свѣдѣнія по архивнымъ документамъ. Спб. 903. Ц. 4 р.

Янжулъ, акад., И. И.—Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни. М. 903.

Эйсбейнъ, д-ръ С. І.—Руководство къ кормленію и уходу за рогатымъ скотомъ. Съ нѣм. Доппельмайръ, п. р. Аѳ. Колонтара. Съ рис. и табл. Спб. 903. Ц. 40 к.

Ѳедоровъ. А. И.—Обыкновенная женщина.—Стихія.—Старый домъ.—Буреломъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

Taft, Bernard (Raphael-Baury).—Le Pressoir, rom. Par. 903. Ц. 3 франка 50 сантимовъ.

— Библіотека „Всходовъ": 1) Е. Новиковой, „Въ плѣну у черкесовъ", быль, ц. 35 к. 2) М. Пеньковой, „Въ гору", исторія одной глухонѣмой дѣвочки, ц. 35 к. 3) М. Твэна, „Приключенія Тома", съ англ. З. Журавской, съ 94 рис., ц. 75 к.; „Приключенія Финна", съ англ. А. Анненской, съ 65 рис., ц. 75 к.; „Принцъ и Нищій", съ англ. З. Журавской, ц. 75 к. 4) В. Сѣрошевскаго, „Въ степяхъ Монголіи", пов., съ польск., ц. 60 к. 5) В. Буснахъ, „Своими силами", пов., съ франц., ц. 30 к. Спб. 902.

— Библіотека для самообразованія. Т. XXVIII: А. Роджерсъ, Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. С. Зелинскаго, п. р. Ю. Айхенвальда. М. 903. Ц. 1 р.

— Библіотека-Читальня Харьковск. губерніи въ 1900—1902 г. Харьк. 902.

— Ванда. Драма въ 4 д., въ стихахъ. М. 902. Ц. 50 к.

— Вѣстникъ Знанія. Ежемѣсячный иллюстр., литерат. и популярно-научный журналъ, съ приложеніями для самообразованія. Ред.-Изд. В. В. Битнеръ. Спб. 903. № 1, 1903 г., январь. Подп. ц. 7 р. и 8 р. съ дост. и перес.

— Журналы Симбирскаго Губернск. Земск. Собранія, очередной сессіи 1902 г. Симб. 903.

— Изданія Товарищества „Знаніе": 1) Бьернсонъ, Перчатка, перев. А. и П. Ганзенъ, ц. 40 к. 2) Штёррингъ, Психопатологія, въ примѣненіи ея къ психологіи, перев. А. Крагіуса, съ предисл. В. Бехтерева. ц. 1 р. 50 к. 3) С. Юшкевичъ, Разсказы, ц. 1 р. 4) Скиталецъ, Разсказы и Пѣсни, ц. 1 р. 5) Ив. Бунинъ, Разсказы, т. I и II, ц. 2 р. 6) Купринъ, А., Разсказы, т. 1, ц. 1 р. 7) Серафимовичъ, Разсказы, т. I, ц. 1 р. 8) К. Телешовъ, Разсказы, т. I, ц. 1 руб. 9) Шелли, Полное собраніе сочиненій, въ перев. К. Д. Бальмонта, т. I, ц. 2 р. 10) Евг. Чириковъ, Пьесы, ц. 60 к. 11) Его же, Разсказы, т. I, II и III, ц. 3 р.

12) М. Горькій, На днѣ, въ 4 акт., ц. 60 к. 13) Его же, Мѣщане, сцена, въ 4 акт., ц. 60 к. Спб. 902—903.

— Изслѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губерніи, съ проектомъ школьной сѣти для введенія всеобщаго обученія. Вып. II. Вятка. 902.

— Историческій очеркъ развитія учрежденій и работъ вѣдомства путей сообщенія по статистикѣ и карты путей сообщенія, въ 1798—1898 г.г. Спб. 98.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орловской губерніи. Кромскій уѣздъ. Орелъ. Спб. 903.

— Международный конгрессъ по рыболовству и рыбоводству, 1902 г., въ С.-Петербургѣ. Ч. II. Спб. 902.

— Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса: 1) Гроцій, О правѣ войны и мира. Ц. 40 к. 2) Гоббсъ, Левіаѳанъ. О человѣкѣ. О государствѣ. Спб. 903. Ц. 40 к.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1901 годъ. Спб. 902.

— Свѣдѣнія по народному образованію въ Вятской губерніи за 1900, 1901 и 1902 г.г. Вятка. 902.

— Старина и Новизна. Историческій Сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, въ память имп. Александра III. Кн. VI. Спб. 903. Ц. 2 р.

— Статистическій Сборникъ Новгородскаго Губернскаго Земства за 1901 г. Новг. 902.

— Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1902—1903 г. Ежем. ж., изд. п. р. д-ра М. М. Чельцова. Годъ LXX. Спб. Подп. ц. 3 р. въ годъ.

— Труды подсекціи статистики XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Декабрь 1901 г. Спб. 902.

— Труды Юридическаго Общества при Имп. Казанскомъ Университетѣ за 1901—1902 г. Каз. 903.

ЗАМѢТКА.

По поводу пьесы М. Горькаго: „На днѣ“, въ 4 акт., 8-е изд., Спб. 903.

Новая пьеса М. Горькаго, обратившая въ послѣднее время на себя вниманіе, можетъ оправдывать свой успѣхъ въ гораздо большей степени, чѣмъ многія изъ его предшествовавшихъ сочиненій. Если въ ней не было мѣста развернуться сильнѣйшей—описательной—сторонѣ творчества, то типичность изображенія, колоритность языка, а главное—вѣрность тона, заставляютъ считать ее однимъ изъ лучшихъ произведеній писателя. Вводя читателя, по обыкновенію, въ среду, еще очень мало освѣщенную, М. Горькій съ наглядностью раскрываетъ передъ нами пеструю картину человѣческой жизни, какъ она творится „на днѣ“ моря житейскаго, со всею мутью, отлагаемой теченіями сверху, и жемчужинами, гибнущими въ пескѣ и илѣ.

Пересказать содержаніе пьесы трудно, такъ какъ въ ней нѣтъ того, что называется сюжетомъ, нѣтъ основной интриги, съ которой связаны дѣйствующія лица, и которая опредѣляла бы послѣдовательность внутренняго развитія пьесы. Но, съ другой стороны, любое изъ дѣйствующихъ лицъ, по особенностямъ своего характера, происхожденія и профессіи, является само по себѣ сюжетомъ, исполненнымъ драматизма и интереса. Обитатели ночлежки, бывшіе люди, воры, пропойцы, проститутки, опустившіеся до послѣдней степени, встаютъ передъ глазами читателя со всѣмъ ужасающимъ реализмомъ бытовой обстановки, извращеннаго міросозерцанія, неподражаемыхъ по выразительности рѣчей и ни съ чѣмъ несоизмѣримаго презрѣнія къ себѣ, людямъ и жизни. Интересы этого мірка, ютящагося по угламъ и нарамъ, въ каморкахъ хозяина Костылева, этого Іудушки въ миніатюрѣ, грязнаго и подлаго, какъ нельзя быть подлѣе, довольно сложны. Они далеко не исчерпываются заботами о матеріальномъ существованіи; у каждаго изъ его представителей есть свои симпатіи и антипатіи, своя слабая струна, свои стремленія и порывы. Но основной тонъ—безнадежность и тоска, всячески заглушаемыя безтолковой суетой разнузданной и пьяной жизни. „Подвалъ, похожій на пещеру. Потолокъ—тяжелые каменные своды, закопченные, съ обвалившейся штукатуркой...“ Все кругомъ грязно и скверно, а на душѣ у людей, объединенныхъ этими облѣзлыми сводами, еще темнѣе, еще мутнѣй отъ накопившейся въ ней житейской грязи и копоти. Одинаково тяжкая доля не сдѣлала ихъ всѣхъ одинаково скверными и злыми, она не стерла съ нихъ индиви-

дуальныхъ чертъ личности, и, попавъ въ разрядъ „бывшихъ людей“, они продолжали оставаться добрыми и злыми, грубыми и своеобразно нѣжными, бездушными лицемѣрами и откровенными до забвенія человѣческаго образа циниками и наглецами. Они не были рабами, и пріобрѣтаемая, цѣною отверженной жизни, свобода открывала выходъ проявленіямъ индивидуальныхъ чертъ, присущихъ каждому.

Читатель знакомится здѣсь съ представителями разнообразныхъ бывшихъ и настоящихъ профессій. Буржуазное начало нашло себѣ воплощеніе въ фигурѣ содержателя ночлежки—уже названнаго выше Костылева. Образъ его вызываетъ гадливое чувство и удачно ассоціируется съ видомъ грязнаго и смраднаго клопа. Съ другой стороны, Костылевъ чрезвычайно типиченъ и въ увеличенномъ масштабѣ можетъ явиться выразителемъ общаго направленія дѣятельности нѣкоторой части нашего купеческаго мѣщанства. Такъ, онъ безпринципенъ, жаденъ къ деньгамъ, мелочно придирчивъ, не чуждъ мелкихъ страстишекъ, но при этомъ елейно-благочестивъ, цинически-лицемѣренъ, напускаетъ на себя видъ благонамѣренности и порядка. „Сколько ты у меня за два рубля въ мѣсяцъ мѣста занимаешь, — говоритъ онъ Клещу.—Кровать... самъ видишь...—Н-да! На пять цѣлковыхъ мѣста, ей-Богу! Надо будетъ накинуть на тебя полтинникъ“...—„Ты петлю на меня накинь, да задави...—съ тупымъ отчаяніемъ возражаетъ ему тотъ.—Издохнешь скоро, а все о полтинникахъ думаешь“...—„Зачѣмъ тебя давить,—благодушно говоритъ Костылевъ.—Кому отъ этого польза? Господь съ тобой, живи, знай, въ свое удовольствіе... А я на тебя полтинку накину, — маслица въ лампадку куплю... и будетъ передъ святой иконой жертва моя горѣть... И за меня жертва пойдетъ, въ воздаяніе грѣховъ моихъ, и за тебя тоже. Вѣдь самъ ты о грѣхахъ своихъ не думаешь“... Онъ гнететъ не только обитателей ночлежки. Его жена, Василиса Карповна, вдвое моложе его, любитъ вора Ваську не только по влеченію своей развратной натуры къ молодому, здоровому парню, но какъ человѣка, который даетъ ей возможность отдохнуть и забыться отъ невыносимаго и животнаго отвращенія къ мужу. „Когда я съ тобой жила,—говоритъ она своему охладѣвшему любовнику,—я все дожидалась, что ты мнѣ поможешь изъ омута этого выбраться... Освободишь меня отъ мужа, отъ дяди... отъ всей этой жизни... и, можетъ, я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила въ тебѣ... понимаешь?.. ждала я, что вытащишь ты меня...“ И она подговариваетъ парня извести мужа.

Этотъ Васька Пепелъ—натура не дюжинная. Много хорошаго завалено въ его душѣ хламомъ и соромъ темнаго бродяжническаго бытованья. Порою оно пробивается наружу и говоритъ о возможности обновленія. Но самъ онъ смотритъ на себя какъ на конченнаго чело-

вѣка, и знаетъ почему. „Мой путь обозначенъ мнѣ, — говоритъ онъ Лукѣ.—Родитель всю жизнь въ тюрьмахъ сидѣлъ и мнѣ тоже заказалъ... Я когда маленькій былъ, такъ ужъ въ ту пору меня звали: воровъ сынъ"... Несмотря на свое ремесло, онъ далеко не пропащій человѣкъ, и личныя симпатіи его—на сторонѣ добраго и честнаго; онъ не особенно вѣритъ въ правду, потому что не видитъ ея вокругъ, но инстинктивно тянется къ ней, безсознательно, самъ того не подозрѣвая. Любовь можетъ творить чудеса съ подобными натурами, и подъ ея могучимъ вліяніемъ душа Васьки, на глазахъ у зрителя, согрѣвается и свѣтлѣетъ. Онъ полюбилъ Наташу не спроста, не безотчетно: въ ней онъ увидѣлъ воплощеніе своего идеала, именно идеала, какъ ни странно звучитъ это слово въ примѣненіи къ профессіональному ворубосяку. „Полюбишь — не бойся! Я тебя пріучу къ себѣ... Ты только согласись!—убѣждаетъ онъ Наташу выйти за него замужъ. — Больше года я смотрѣлъ на тебя... вижу, ты дѣвица строгая... хорошая... надежный человѣкъ... очень полюбилъ тебя!.." Но мечтамъ Васьки о хорошей жизни не суждено было сбыться: судьба привела-таки его на скамью подсудимыхъ...

У босяковъ изъ народа легко замѣтить одну отличительную особенность: каждый изъ нихъ является, худо ли, хорошо ли, человѣкомъ рабочимъ, знающимъ то или другое ремесло, опредѣленно относящимъ себя къ той или иной профессіи. Клещъ, напримѣръ, Андрей Митричъ — слесарь; — при поднятіи занавѣса зрители видятъ его передъ наковальней, прилаживающимъ ключи къ старымъ замкамъ; бойкая и разбитная, податливая на сердце Квашня торгуетъ пельменями; Бубновъ—картузникъ, а прежде—скорнякъ былъ: „свое заведеніе имѣлъ,— съ гордостью разсказываетъ онъ, — руки у меня были такія желтыя, отъ краски: мѣха подкрашивалъ я..."; Алешка—сапожникъ; „Кривой Зобъ" и татаринъ—крючники. Одни только интеллигенты—люди безъ опредѣленныхъ профессій, если не считать сценическаго прошлаго актера, оставившаго для своей настоящей жизни одну только грусть воспоминаній да вспышки профессіонально-актерскаго самолюбія. Въ прошломъ его была своя драма. Въ душѣ, можетъ быть, былъ огонекъ, съ которымъ онъ карабкался на вершину жизненной пирамиды, да не добрался, оборвался и упалъ въ трущобу Костылевской ночлежки, и здѣсь, по его выраженію, пропилъ душу и погибъ. „А почему погибъ? вѣры у меня не было",—объясняетъ онъ Лукѣ. Вѣры во что: въ искусство, въ себя и свой талантъ? — вѣроятно, и въ то, и въ другое... Жертва платонической любви къ театру въ прошломъ, теперь онъ съ двумя остальными интеллигентами ночлежки, Сатинымъ и „барономъ", составлялъ одну группу, объединенную одинаковымъ

умственнымъ развитіемъ, извращеннымъ общими условіями босяцкой жизни и органической ненавистью къ черной работѣ. Прошлое Сатина покрыто неизвѣстностью, но можно догадываться—онъ былъ честный и порядочный человѣкъ. И въ его жизни была страшная драма. Изъ-за сестры онъ убилъ въ раздраженіи какого-то, по его словамъ, „подлеца", и попалъ въ тюрьму. Тюрьма сдѣлала надъ нимъ свое обычное дѣло—выпустила отъявленнымъ негодяемъ и наглецомъ. И въ его душѣ далеко не умерла отзывчивость на участіе и доброе слово; только Сатинъ не хочетъ—и боится, и стыдится въ одно и то же время—пошевелить тлѣющіе угольки добрыхъ чувствъ, навѣваемыхъ воспоминаніемъ о сестрѣ и далекой прежней жизни. „Однако ты отвяжись, я не люблю, когда меня разспрашиваютъ", — отмахивается онъ отъ старика, но тутъ же, охваченный приливомъ воспоминаній, не можетъ самъ удержаться и бросаетъ нѣсколько многозначительныхъ въ его положеніи словъ: „И... все это было давно... сестра—умерла... уже девять лѣтъ... прошло... Славная, братъ, была человѣчинка сестра у меня"!..

Баронъ многими ступенями ниже и Сатина, и актера. И въ лучшіе годы своей жизни онъ не былъ, можно думать, одаренъ благими силами ума и сердца. Вздорно-воспитанный, по обычному аристократическому шаблону, онъ былъ прежде бездушнымъ фатомъ, тупымъ и глухимъ къ малѣйшимъ запросамъ интеллектуальной жизни, типичнымъ представителемъ золотой молодежи, фамильная гордость которыхъ сводится къ воспоминаніямъ о каретахъ съ гербами, о лакеяхъ, поварахъ... Да, въ этомъ смыслѣ, баронъ былъ очень типиченъ и прежде, и теперь; теперь даже еще болѣе, теперь его обрисовка въ сопоставленіи съ окружающими лицами придаетъ его личности особое значеніе, быть можетъ, не безъ символическаго намека. Бѣлоручка и потомокъ древней фамиліи, онъ чувствуетъ себя счастливымъ въ томъ положеніи, на какое не пойдетъ человѣкъ того или другого ремесла, не исключая и воровского, и даже въ босяцкой средѣ: онъ живетъ на содержаніи у проститутки Насти, что не мѣшаетъ ему нагло издѣваться надъ нею и колоть ей глаза своей дворянской породой...

Тою же типичностью изображенія отличаются и женскіе образы: злая и грубая, но страждущая и борющаяся за право личной жизни Василиса, убогая торговка Квашня, доброе и мягкое существо проститутка Настя. Женскій вопросъ, какъ и всѣ прочіе вопросы, съ которыми имъ приходится сталкиваться, рѣшаются ими различно, но съ однимъ твердымъ убѣжденіемъ, что ихъ доля—тяжкая, „крѣпостная", и что страданія, исходящія отъ мужчинъ, имѣютъ фатальное значеніе чего-то непреложнаго и даже естественнаго. Всѣ онѣ проходятъ эту

школу подневольности, оскорбленій, терзаній моральныхъ и физическихъ, но не всѣ благополучно выходятъ изъ нея. Вдовая Квашня „за сто печеныхъ раковъ“, по ея словамъ, не пойдетъ вторично замужъ; она слишкомъ хорошо помнитъ прелести своей замужней жизни, и теперь ее не сманить „вписаться кому-нибудь въ паспортъ“, „отдать себя въ крѣпость мужчинѣ,—„будь онъ хоть принцъ американскій“, она за него замужъ не пойдетъ. По ея твердому убѣжденію, „замужъ бабѣ выйти — все равно, какъ зимой въ прорубь прыгнуть: одинъ разъ сдѣлала,—на всю жизнь памятно...“ Умирающая отъ побоевъ мужа Анна—живая иллюстрація ея словъ, и на этой почвѣ между обѣими женщинами чувствуется глубокое взаимное пониманіе, сказавшееся, напримѣръ, въ простой, но трогательной сценкѣ съ пельменями. Квашня подѣлилась ими съ бѣдной умирающей Анной: „ты поѣшь, горячее—мягчитъ“, участливо говоритъ ей торговка, и тутъ же, съ выраженіемъ злобной ненависти, обращается къ мужу Анны, Клещу, обзывая его „нечистымъ духомъ“. „Зачѣмъ мнѣ ѣсть?“—спрашиваетъ Анна и уступаетъ пельмени мужу, потому что онъ—работникъ, ей же все равно умирать. „Не помню, когда я сыта была... Надъ каждымъ кускомъ хлѣба тряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... какъ бы больше... другого не съѣсть... Всю жизнь въ отрепьяхъ ходила... всю мою несчастную жизнь... За что?“ Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, ей приходится довольствоваться утѣшеніемъ, что терпѣть остается не долго, и что тамъ, за гранью этой жизни, ее ждетъ вѣчный покой и желанный отдыхъ.

Настя въ этомъ мірке—нѣсколько особое существо. Дѣйствительность для нея все та же—грязь, нищета, холодъ одиночества, омутъ разврата, оставившаго, однако, душу нетронутою, ночлежка, баронъ и ему подобные... Но она не вся отдается этой дѣйствительности, у нея есть исходъ: это — міръ воображенія и мечты. Она полувѣритъ въ этотъ міръ и, живя въ немъ въ часы досуга и отдыха, низводитъ его въ свою жалкую обстановку, старается найти примирительное звено между нею и вымысломъ и самой мечтѣ придать реалистическую окраску. Ея приподнятое настроеніе ищетъ возвышеннаго и чувствительнаго, въ чемъ она могла бы найти отраженіе душевной теплоты и цвѣтами фантазіи пріодѣть неприглядную прозу жизни. И вотъ мы застаемъ ее за чтеніемъ все одного и того же романа: „Роковая любовь“; она съ умилительнымъ наслажденіемъ перелистываетъ пожелтѣвшія страницы истрепанной книги и плачетъ надъ ними изъ души льющимися, чистыми слезами. Тамъ, въ этомъ дивномъ мірѣ, все свѣтло и ясно, волшебная книга и быль слились въ немъ до того нераздѣльно, что грань между ними стала совершенно незамѣтна для Насти. Главное—тамъ много нѣжной и чистой любви. „И вотъ—от-

вѣчаю я ему: радость жизни моей! мѣсяцъ ты мой ясный! и мнѣ безъ тебя тоже вовсе невозможно жить на свѣтѣ... потому какъ люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, —говорю,—не лишай себя молодой твоей жизни... какъ нужна она дорогимъ твоимъ родителямъ, для которыхъ ты—вся ихъ радость... брось меня! Пусть лучше я пропаду... отъ тоски по тебѣ, жизнь моя. Я—одна... я таковская! Пускай ужъ я... погибаю,—все равно! Я— никуда не гожусь... и нѣтъ мнѣ ничего... нѣтъ ничего...“ Такъ разсказываетъ Настя исторію несчастной любви, которой обитатели ночлежки не хотятъ и не могутъ повѣрить: вчера въ разсказѣ Насти фигурировалъ Рауль, сегодня—Гастонъ, студентъ Гастоша... Но старикъ Лука вѣрилъ Настѣ; онъ не только утѣшалъ ее своимъ сочувствіемъ, но, быть можетъ, прозорливо угадывалъ реальную основу подъ сентиментальной оболочкой разсказа. Рауль или Гастонъ, студентъ или французъ,—не все ли равно?—кто-то былъ въ ея жизни, который прельстилъ ее черной бородкой и лаковыми сапогами и былъ первой и главной причиной ея навѣкъ загубленной жизни...

Василиса любитъ Ваську Пепла, Васька любитъ Наташу, Настя любитъ мечту; вокругъ нихъ разыгрывается ненависть, ревность, злоба.. Романтическій элементъ входитъ, какъ часть цѣлаго, въ пьесу, не выдвигаясь на первый планъ и не заслоняя собою прочихъ жизненныхъ интересовъ. Въ этомъ можно увидѣть отсутствіе такъ называемаго драматизма, который въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ почему-то сводятъ почти исключительно къ любовной интригѣ. Мы въ этомъ готовы видѣть, наоборотъ, побѣду реализма надъ требованіями давно отжившей драматической схоластики. Пора покончить съ устарѣлыми понятіями объ исключительности такихъ драматическихъ произведеній, авторы которыхъ должны стремиться, какъ къ главной цѣли, къ *драматизму дѣйствія*, къ интригѣ, завязывающейся, какъ по заказу, въ началѣ и развязывающейся въ концѣ,—пора предоставить свободу творческой самодѣятельности драматурга изображать и, такъ сказать, *драматизмъ состоянія*, черты быта, душевныя движенія, типическія особенности въ сферѣ повседневной жизни, въ обычной колеѣ, по которой тянется изо дня въ день ихъ существованіе. Отъ степени проникновенности художника въ глубь явленій и качества его таланта зависитъ интересъ его пьесы какъ со стороны содержанія, такъ и съ точки зрѣнія художнической техники; но было бы странно думать, что этотъ интересъ можетъ быть обусловленъ исключительно борьбой или любовной интригой. Чтобы привлечь наше вниманіе и сердце къ дѣлу жизни, творяще-

муся на сценѣ, люди, созданные воображеніемъ автора, могутъ не всегда *дѣйствовать*, но они должны всегда *жить*. Это требованіе можетъ и должно быть предъявляемо къ драматургу въ большей степени, чѣмъ къ романисту или поэту и независимо отъ принадлежности его къ той или другой національности и эпохѣ. Это требованіе категорически необходимо и вѣчно; оно вытекаетъ изъ того простого соображенія, что если сцена призвана отражать и раскрывать жизнь во всей ея широтѣ и глубинѣ,—мертвецамъ въ ней не мѣсто...

Съ этой точки зрѣнія пьеса „На днѣ"—полна драматизма. Публика, имѣвшая случай видѣть произведеніе М. Горькаго на сценѣ, могла наглядно рѣшить вопросъ о сценичности пьесы. Но и въ чтеніи, безъ импонирующей наглядности сценическаго представленія, безъ тѣхъ описательныхъ пріемовъ и поясненій въ частности, которыя придаютъ полноту и законченность эпическому изложенію, пьеса М. Горькаго читается съ неизмѣримо бо̀льшимъ интересомъ, чѣмъ, напримѣръ, его же пьеса „Мѣщане", и мы объясняемъ этотъ интересъ не иначе, какъ жизненностью изображеній типовъ и правдой ихъ психологическаго истолкованія...

Если искать сюжета, какъ объединяющаго начала во взаимныхъ отношеніяхъ героевъ пьесы, то сюжетъ можно усматривать въ поведеніи старичка Луки и его своеобразномъ вліяніи на обитателей ночлежки. Тщательная обрисовка этого типа показываетъ, что авторъ сосредоточилъ на немъ главное вниманіе и отвелъ ему особое положеніе среди прочихъ персонажей пьесы. Съ появленіемъ Луки, въ обычную жизнь ночлежки, полную стоновъ, брани, взаимныхъ попрековъ и проклятій, входитъ новый элементъ кротости, примиренія и особо понятнаго народной душѣ состраданія и сочувствія. Это человѣкъ съ темнымъ прошлымъ, давшимъ ему извѣдать жизнь вдоль и поперекъ, отъ страшныхъ глубинъ паденія до высочайшихъ подъемовъ духа въ порывахъ раскаянія и обновленія, съ яснымъ умомъ, острой рѣчью и органическимъ исканіемъ правды. „Мяли много, оттого и мягокъ"—говоритъ онъ въ отвѣтъ на слова Анны о томъ, что онъ напомнилъ ей отца—такой же былъ ласковый и мягкій. Ласковость, привѣтливость является основной чертой, отличающей его въ обхожденіи съ людьми. Всѣ люди для него равны: „Я и жуликовъ уважаю,—говоритъ онъ,—по моему ни одна блоха не плоха: всѣ черненькія, всѣ прыгаютъ"... Онъ сокрушается, что въ жизни нѣтъ порядка и чистоты, тогда какъ масса народа то и дѣлаетъ, что распоряжается и стращаетъ другъ дружку всякими страхами во имя того же порядка. Понятія Луки о порядкѣ жизни не сходятся съ мнѣніями по этому предмету законнаго блюстителя его, Медвѣдева, и діалогъ между ними на эту тему

исполненъ неподдѣльнаго комизма. По мнѣнію Медвѣдева, для порядка онъ долженъ знать всѣхъ, и потому у него всегда на языкѣ подозрительный и знаменующій исполнительную готовность окрикъ, какъ только онъ увидитъ незнакомаго человѣка. „Въ своемъ участкѣ я долженъ всѣхъ знать, строго замѣчаетъ онъ Лукѣ,—а тебя вотъ—не знаю...“—„Это оттого, дядя,—кротко объясняетъ ему Лука,—что земля-то не вся въ твоемъ участкѣ помѣстилась... осталось маленько и опричь его“... По мнѣнію Луки, порядокъ жизни состоитъ прежде всего въ доброжелательности и взаимномъ сердечномъ отношеніи людей. Онъ умѣетъ утѣшить Анну тѣмъ, что—„вотъ, значитъ, помрешь, и будетъ тебѣ спокойно... ничего больше не надо будетъ и бояться —нечего! Тишина, спокой... лежи себѣ! Смерть—она все успокаиваетъ, она для насъ ласковая... Помрешь — отдохнешь, говорится... вѣрно это, милая! Потому—гдѣ здѣсь отдохнуть человѣку?“—„А какъ тамъ —тоже мука?“ тревожно спрашиваетъ Анна.—„Ничего не будетъ,— увѣренно отвѣчаетъ Лука,—ничего! Ты—вѣрь! Спокой и—больше ничего! Призовутъ тебя къ Господу и скажутъ: Господи, погляди-ка, вотъ пришла раба твоя, Анна... А Господь—взглянетъ на тебя кротко, ласково и скажетъ:—знаю я Анну эту! Ну, скажетъ, отведите ее, Анну, въ рай! Пусть успокоится; знаю я, жила она очень трудно... очень устала... Дайте покой Аннѣ...“ Пепла Лука соблазняетъ перспективой возможности для него честной трудовой жизни—въ Сибири, гдѣ сильному да умному живется, по его выраженію, какъ огурцу въ парникѣ. Въ душѣ у Пепла загорается надежда, но онъ недовѣрчиво относится къ словамъ старика: онъ, воръ-Васька, ищетъ правды, а старикъ предлагаетъ ему, вмѣсто нея, мечту, обольстительную ложь. „И чего тебѣ правда больно нужна... Подумай-ка!—говоритъ онъ Васькѣ.—Она, правда-то, можетъ, обухъ для тебя“...—Но Васька не унимается и рубитъ съ плеча: „Богъ есть?“—спрашиваетъ онъ у Луки. Отвѣтъ старика замѣчателенъ: „Коли вѣришь—есть; не вѣришь, нѣтъ... во что вѣришь, то и есть...“ На этой вѣрѣ удивительный старикъ строитъ соблазнительную утопію о праведной землѣ, которая глубоко захватываетъ его слушателей за самыя больныя струны души. Ученый человѣкъ съ планами и картами не могъ открыть, гдѣ находится эта праведная земля, населенная хорошими людьми, которые уважаютъ и помогаютъ другъ другу, но Лука не огорчается этой неудачей: главное, чтобы у людей вѣра была, и чтобы они безостановочно искали: —„кто ищетъ, найдетъ... кто крѣпко хочетъ, найдетъ“. И старикъ самъ собирается идти „въ Хохлы“, потому что слышалъ, что люди тамъ новую вѣру открыли...

Немудреныя слова говоритъ Лука, но онъ умѣетъ высказать ихъ такъ кстати, къ мѣсту, сердечно, и въ то же время загадочно, что ихъ вліяніе неотразимо дѣйствуетъ на ту часть обитателей ночлежки, которая не утратила способности чувствовать и мыслить. Эти слова поднимаютъ въ бывшихъ людяхъ вѣру въ себя и въ возможность иной жизни, вселяютъ надежду на обновленіе помутнѣвшей души и вмѣстѣ съ тѣмъ лечатъ ее тепломъ любви, ласки, состраданія и жалости. „Надо, дѣвушка, кому-нибудь и добрымъ быть: жалѣть людей надо! Христосъ-отъ всѣхъ жалѣлъ и намъ такъ велѣлъ“... Слова его поднимаютъ въ душѣ слушателей много такого, что безъ нихъ не поднялось бы никогда. Анна, Настя и Наташа раскрываютъ имъ всю свою душу и готовы принять ихъ какъ откровеніе свыше; активныя натуры, въ родѣ Бубнова и Пепла, инстинктивно боятся ихъ, какъ сладкой отравы, которую впустишь въ душу и потомъ не отдѣлаешься отъ нея никогда; босяки изъ интеллигентовъ начинаютъ томиться тоской о прежней жизни, о своихъ загубленныхъ надеждахъ и мечтахъ. Чарующимъ бальзамомъ льются слова старика въ души тѣхъ, кто принимаетъ ихъ чувствомъ на вѣру, кто ищетъ въ нихъ цѣлительной для души мягкости и ласки. Но они оставляютъ неудовлетворенными тѣхъ, кто провѣряетъ ихъ критической мыслью, кому нужна не мечта и „насъ возвышающій обманъ“, а здравыя практическія указанія на осуществимость рѣшенія житейской задачи. И потому, когда Лука исчезъ неизвѣстно куда, какъ и явился неизвѣстно откуда, впечатлѣніе отъ его личности выразилось чрезвычайно разнообразно: въ сознаніи однихъ онъ остался вралемъ, вздорнымъ болтуномъ, не любившимъ правды; въ сознаніи другихъ—дивнымъ человѣкомъ съ даромъ проникновенія въ сокровеннѣйшія тайны человѣческаго бытія. „Что такое правда? человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понималъ...“, — защищаетъ Сатинъ старика отъ осужденій Клеща и барона.

Образъ старика, дѣйствительно, производитъ неясное впечатлѣніе, и трудно рѣшить, въ какую категорію типовъ онъ можетъ быть зачисленъ. Эта неясность нисколько не мѣшаетъ жизненности его фигуры: такія личности, точная характеристика которыхъ затруднила бы не только близко знающихъ ихъ лицъ, но и ихъ самихъ, встрѣчаются на каждомъ шагу; ихъ категорія могла бы быть опредѣлена терминомъ смѣшаннаго психологическаго типа. Едва ли кто, кромѣ автора, могъ бы разрѣшить опредѣленно: имѣемъ ли мы дѣло съ инстинктивно вѣрнымъ изображеніемъ распространеннаго, конкретнаго образа, или же съ сознательнымъ намѣреніемъ воплотить въ послѣднемъ черты положительнаго типа, родственныя натурѣ Каратаева. Въ послѣднемъ случаѣ, задача автора осталась неразрѣшенной, потому что, какъ можно предполагать, образъ Луки не вполнѣ отчетливо рисо-

вался и самому автору, допустившему въ его изображеніи нѣсколько мелкихъ штриховъ осязательно чувствуемой неувѣренности и невольной фальши. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ представляетъ собою этотъ Лука, независимо отъ той обстановки, въ которую поставилъ его авторъ? Была ли его ласковость и мягкость слѣдствіемъ природной обходительности, однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ его успѣха среди женщинъ въ молодости,—на что̀ есть намекъ въ пьесѣ,—являлась ли результатомъ пережитыхъ испытаній и горестей послѣ того, какъ его „мяли много", или же источникомъ ея была глубокая, задушевная натура, согрѣтая и самосвѣтящаяся искренней и дѣятельной любовью къ людямъ? Въ первомъ случаѣ, привѣтливость старика, его готовность услужить всѣмъ и каждому, встрѣчающаяся столь часто въ крестьянскомъ быту, легко объясняются разумно и возвышенно понятыми условіями общежитія, соблюденіе которыхъ обезпечиваетъ взаимную привѣтливость и помощь. Эти качества особенно примѣчательны въ старикѣ, не сами по себѣ, но оттого, что онѣ проявляются среди обитателей ночлежки, составляющихъ рѣзкій контрастъ съ Лукой по ходу мысли и манерѣ ихъ выраженія. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, нужно было отзывчивости и ласки, чтобы согрѣть душу Аннѣ или Настѣ, никогда не видѣвшихъ къ себѣ участливаго отношенія. Простыя и сердечныя слова, обращенныя къ нимъ Лукою, можетъ быть, были первою дѣйствительною лаской, испытанною ими въ жизни, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ отвѣтили ей облегчающими душу слезами умиленія...

Иное дѣло, если авторъ сдѣлалъ попытку вложить въ это лицо душу, исполненную органической и дѣятельной любви къ людямъ. Тогда не можетъ быть и рѣчи о возможности со стороны Луки извѣстнаго примѣненія, приспособленія къ обстоятельствамъ и людямъ. Наоборотъ, мотивъ отреченія долженъ былъ бы играть преобладающую роль въ нравственномъ строѣ его личности. Между тѣмъ, этого-то мы и не видимъ въ пьесѣ. Онъ нигдѣ не сливается съ интересами прочихъ дѣйствующихъ лицъ, и все время остается простымъ, хотя и участливымъ, наблюдателемъ, стороннимъ человѣкомъ, благожелательнымъ, разсудительнымъ—но и только. Облегчая однихъ, нагоняя смутную тоску на душу другимъ своими „хорошими" словами, онъ не дѣлаетъ ни одного шага къ тому, чтобы взять на себя активную роль помощи людямъ, которымъ онъ сочувствуетъ и сострадаетъ отъ души. Быть можетъ, онъ убѣжденъ въ своей неспособности помочь имъ, въ безплодности попытокъ, однако его совѣты то одному, то другому, о томъ, что нужно уйти изъ ночлежки, начать трудиться и жить новою жизнью, показываютъ, если только они искренни, что у него есть вѣра въ человѣка и его духовныя силы. Какова бы ни была цѣль, съ какою

онъ расточаетъ свои обаятельныя рѣчи, несомнѣнно одно, что онъ понималъ ихъ безотносительную лживость и сознательно не хотѣлъ обнажать, изъ-подъ сказочной дымки, неприглядныя и жесткія стороны жизни, какъ она есть. Въ этомъ отношеніи можно сильно заподозрить интересъ, который влечетъ его ко всякому новому слову и ко всякой попыткѣ создать новую вѣру, что является для него показателемъ исканія правды и смысла жизни въ глубинахъ народныхъ,—и не проще-ли объяснить этотъ интересъ любознательностью, или—отъ нечего дѣлать—любопытствомъ, какъ и чѣмъ люди живутъ, особой пытливостью, которая характеризуетъ у насъ на Руси многочисленный классъ богомольцевъ, каликъ перехожихъ, странниковъ и всѣхъ, кто оторвался отъ родины, родного дѣла и помирился съ незатѣйливой долей христославца-авантюриста.

Да, личность Луки неясна во многихъ отношеніяхъ, но она знаменательна, какъ признакъ начавшагося, по нашему мнѣнію, поворота въ творческомъ міросозерцаніи М. Горькаго. Явныя симпатіи автора, лежащія на сторонѣ Луки, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что поэтизаціи босяцкихъ идеаловъ предстоитъ уступить мѣсто новому направленію, основанному на искренности творческаго влеченія и независимости отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Объ этомъ поворотѣ говоритъ не одна личность Луки. Татаринъ держится того же образа мыслей, что и Лука, онъ весь—на сторонѣ честной и трудовой жизни. Глубокое различіе между нимъ и Лукой состоитъ въ томъ, что послѣдній гораздо богаче духовными силами, надѣленъ мѣткой и поэтически-образной рѣчью и проникновеннѣе смотритъ въ глубь вещей; второй—прямолинеенъ, честенъ и узокъ; онъ не пользуется никакимъ вліяніемъ среди своихъ сотоварищей, но оттѣняетъ ихъ своей неизмѣнной сдержанностью, нравственной твердостью и скромностью. „Надо жить честно"—такова незыблемая основа его убѣжденій, и мы едва ли ошибемся, предположивъ, что въ созданіи его мы видимъ сознательное стремленіе автора противопоставить изъянамъ человѣческой воли и разума—воплощеніе совѣсти и здраваго смысла съ народной точки зрѣнія.

Не вполнѣ разстался М. Горькій и здѣсь съ наклонностью къ резонерству. Ѳома Гордѣевъ такъ и встаетъ въ воспоминаніи, съ его патетическими рѣчами подъ пьяную руку, когда читатель встрѣчается съ полукнижными разсужденіями Сатина о человѣкѣ, жизни, правдѣ, судьбѣ. Четвертый актъ весь построенъ на резонерствѣ, и въ печати уже кое-гдѣ промелькнуло мнѣніе, что онъ слабъ и не особенно вяжется съ предъидущими актами пьесы. Болѣе другихъ резонерствуетъ Сатинъ, и зрители съ первой минуты до послѣдней чувствуютъ, что это резонерство не вытекаетъ изъ внутренняго хода пьесы, а обращено

всецѣло къ нему—зрителю, къ публикѣ, и потому впечатлѣніе отъ типа получается двоящееся и неясное. „Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему,—проповѣдуетъ Сатинъ:—я знаю! я—читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ!.. Есть ложь утѣшительная, ложь примиряющая... ложь оправдываетъ ту тяжесть, которая раздавила руку рабочаго... и обвиняетъ умирающихъ съ голода... Я—знаю ложь! Кто слабъ душой... и кто живетъ чужими соками,—тѣмъ ложь нужна... однихъ она поддерживаетъ, другіе прикрываются ею... А кто—самъ себѣ хозяинъ... кто независимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь—религія рабовъ и хозяевъ... Правда—Богъ свободнаго человѣка"!

Восторженно настроенный Сатинъ точно хочетъ сказать, что и онъ, и его сосѣди по ночлежкѣ, и его товарищи по несчастью, разбросанные въ цѣломъ мірѣ, еще не доросли до этой правды,—но она мерещится ему гдѣ-то вдали яркой звѣздочкой, онъ въ нее вѣритъ и напрягаетъ всѣ силы своего ума и души, чтобы сказать какое-то великое слово, слово жизни, радости и свободы. Такимъ же какимъ-то великимъ словомъ, откровеніемъ чего-то не сказаннаго, свѣтлаго и радостнаго для людей, какъ бы томится и самъ М. Горькій въ стихійной борьбѣ творческихъ думъ и порывовъ,—но слово это пока еще не дается ему... Не будемъ же несправедливы къ автору и не станемъ требовать отъ него, чтобы онъ сказалъ намъ то, что̀ томитъ и волнуетъ его, но для чего въ его творческомъ развитіи еще, быть можетъ, не наступило время...

Евг. Ляцкій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Rudyard Kipling. Just so stories. Стр. 254. Leipzig, Bernh. Tauchnitz, 1903.

Новая книга Рёдіарда Киплинга, подъ заглавіемъ: „Непритязательные разсказы“ (Just so stories), предназначена для дѣтей—также какъ сказки Андерсена; но и Киплингъ, подобно датскому писателю, умѣетъ заинтересовать и взрослыхъ читателей поэтичностью вымысла, юморомъ и внутренней содержательностью своихъ разсказовъ. Въ художественномъ отношеніи его сказки многимъ интереснѣе тѣхъ повѣстей и очерковъ, въ которыхъ этотъ англо-индійскій писатель слишкомъ проникается политическими интересами своей родины и утрачиваетъ безпристрастіе, необходимое для художника. Во время послѣдней англо-бурской войны, Киплингъ сталъ однимъ изъ столповъ узко-національной партіи въ Англіи, сочинилъ прославленную патріотическую пѣсню о страданіяхъ и доблестяхъ англійскаго солдата (The absent minded Beggar) и писалъ шовинистскіе разсказы и повѣсти. До того, въ своихъ разсказахъ изъ индійской жизни, Киплингъ былъ менѣе всего защитникомъ англійской политики. Напротивъ того, онъ безпощадно обличалъ темныя стороны англійскаго владычества въ Индіи, изображалъ страданія и непоколебимую гордость туземцевъ, презирающихъ своихъ завоевателей. Жертвами англійской жажды завоеваній являются въ индійскихъ разсказахъ Киплинга и сами англичане: солдаты, погибающіе отъ тяжелыхъ климатическихъ условій, отъ тропической жары и эпидемій, врачи, вѣчно подверженные опаснымъ заболѣваніямъ, чиновники, сталкивающіеся съ непримиримостью туземцевъ, готовыхъ имъ всячески мстить, и члены высшаго военнаго общества: они тоскуютъ въ своихъ разбросанныхъ горныхъ поселкахъ и затѣваютъ отъ скуки всякаго рода романтическія интриги — очень часто съ трагическимъ исходомъ. Въ этихъ разсказахъ Киплингъ наиболѣе ярко проявилъ свое умѣнье крайне сжато, пластично и красочно передавать трагизмъ жизни, сплетая во-едино жизнь людей и жизнь природы, изображая преимущественно сосредоточенные моменты душевныхъ переживаній, когда сразу освѣщается вся судьба человѣка и всѣ свойства его натуры. Киплингъ художественно передаетъ контрасты, изъ которыхъ соткана

жизнь въ странѣ чудесъ, каковой Индія слыла и слыветъ у всѣхъ народовъ. Контрасты двухъ цивилизацій, азіатской и европейской, въ отношеніяхъ между завоевателями и завоеванными, контрасты въ самомъ характерѣ туземцевъ, соединяющихъ аскетическую святость съ лукавствомъ, выработаннымъ условіями жизни, трудностью борьбы за существованіе, контрасты между величественной, полной чудесъ природою Индіи и мелочностью жизни, на которую обречены тамъ члены англійскаго общества, драмы, порождаемыя бѣдностью внутренней жизни въ соединеніи съ опьяняющимъ воздѣйствіемъ пышной экзотической природы—все это создаетъ пряную, возбуждающую атмосферу жизни, мастерски возсозданную въ разсказахъ Киплинга. Въ его большихъ романахъ меньше драматизма и напряженности, въ особенности когда онъ,—какъ, напримѣръ, въ „Свѣтъ угасъ“ (Light that failed)—переноситъ дѣйствіе въ Англію. Въ этой повѣсти онъ сентименталенъ и мало чѣмъ отличается отъ среднихъ англійскихъ романистовъ. То, что онъ писалъ подъ вліяніемъ недавнихъ южно-африканскихъ событій, гораздо ниже его индійскихъ разсказовъ. Киплингъ—уроженецъ Индіи: онъ какъ никто знаетъ и понимаетъ характеръ страны и ея обитателей, одинаково чутокъ и къ трагизму ихъ жизни, и къ ихъ природному наивному легкомыслію, помогающему имъ справляться съ самыми сложными обстоятельствами жизни—и только въ изображеніи этой жизни проявляется вся сила его таланта, его умѣнье пластично описывать людей и природу, увлекая колоритностью описаній, неистощимостью юмора, величественнымъ изображеніемъ трагическихъ сторонъ жизни.

Въ разсказахъ Киплинга особенно хороши описанія индійской природы. Животный и растительный міръ Индіи изображенъ Киплингомъ не декоративно, не какъ красивыя рамки, среди которыхъ движутся и живутъ люди, занятые своими интересами; напротивъ того, жизнь природы сливается въ его разсказахъ съ жизнью людей. Киплингъ любитъ природу Индіи особой живой любовью и одухотворяетъ ее въ своихъ поэтическихъ описаніяхъ. Въ описаніи тропической ночи (City of dreadful night) чувствуется величіе природы, ея власть надъ людьми. Люди спятъ, побѣжденные грознымъ зноемъ, и ночь царитъ, живетъ, дышетъ—свѣтлая и безпощадная въ своей красотѣ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ природа представлена внѣ связи съ людьми, и въ нихъ особенно сказывается углубленное пониманіе самобытной жизни природы. Такъ, напр., въ фантастическихъ разсказахъ, составляющихъ содержаніе двухъ сборниковъ подъ заглавіемъ „Jungle Book“, изображено царство дикихъ звѣрей въ необитаемыхъ лѣсахъ, внутреннее устройство звѣринаго царства, драмы, разыгрывающіяся въ далекихъ отъ человѣческаго глаза джунгляхъ. Киплингъ умѣетъ такъ правдиво

и убѣдительно, и притомъ съ такою любовью, разсказывать о звѣряхъ, что всякій характеръ выдуманности какъ бы исчезаетъ изъ его повѣствованія, и читатель начинаетъ вѣрить въ его героевъ и героинь изъ звѣринаго царства. Каплингъ очень идеализируетъ хищныхъ обитателей лѣсовъ; въ его описаніяхъ они лучше, справедливѣе, правдивѣе, чѣмъ культурные люди, и только борьба съ людьми портитъ ихъ нравы. При всей парадоксальности такой постановки вопроса, разсказы о жизни въ джунгляхъ все-же проникнуты высокимъ смысломъ и въ высшей степени художественны. Въ нихъ чувствуется превосходство стихійныхъ силъ природы надъ измышленіями культуры. Въ „Jungle-Book“ говорится о томъ, какъ въ царство звѣрей попадаетъ человѣческое дитя; среди своихъ воспитателей, звѣрей, языкъ которыхъ онъ ясно понимаетъ, въ мальчикѣ развиваются чувства, уничтожаемыя обыкновенно культурой; поэтому, вернувшись къ людямъ, онъ тяготится ихъ несвободной и требующей всякаго рода компромиссовъ жизнью. Киплингъ показываетъ въ этихъ разсказахъ, насколько жизнь природы шире жизни людей, и какъ она способствуетъ развитію благородныхъ инстинктовъ, заглушаемыхъ потребностями и привычками культурной жизни.

Новая книга Киплинга, „Just so stories“, примыкаетъ къ разсказамъ о джунгляхъ, такъ какъ героями сказокъ являются звѣри тропическихъ странъ. Главное достоинство этихъ сказокъ—художественное возсозданіе психологическихъ свойствъ разныхъ животныхъ типовъ, поэтичность изложенія, сочетаніе юмора съ наивностью тона. Киплингъ такъ сжился съ непосредственной жизнью природы, что умѣетъ особенно правдиво и убѣдительно передавать чисто фантастическія происшествія, и въ каждой сказкѣ проявляется тонкое психологическое чутье, любовь къ природѣ, здоровый юморъ и жизнерадостность.

Сказки предназначены для дѣтей, и авторъ ихъ задается цѣлью не только забавлять своихъ читателей, но и поучать ихъ. Вводя дѣтское воображеніе въ міръ животныхъ, Киплингъ вкладываетъ въ свои разсказы философію, приспособленную къ пониманію не мудрствующаго, но любознательнаго разума, и подъ покровомъ сказочнаго вымысла старается доказать цѣлесообразность всего существующаго. Оптимизмъ, лежащій въ основѣ его сказокъ, придаетъ имъ свѣтлый, жизнерадостный колоритъ. Киплингъ отчасти руководствуется научными данными, теоріей приспособляемости органическихъ существъ къ условіямъ ихъ существованія; но главнымъ образомъ онъ объясняетъ и внѣшній видъ животныхъ, и положеніе ихъ въ животномъ царствѣ психологическими свойствами ихъ натуры. Въ общемъ получается отрадная примиренность съ дѣйствительностью. Всѣ звѣри,

которыхъ описываетъ Киплингъ,—и пятнистый леопардъ, и тяжеловѣсный носорогъ, и верблюдъ, и прыгающій кенгуру, кажутся въ его разсказахъ одинаково прекрасными, потому что ихъ внѣшній видъ соотвѣтствуетъ ихъ психологіи. Подъ видомъ фантастическаго разсказа объ ихъ происхожденіи, Киплингъ выясняетъ законъ причинности, управляющій міромъ. Нравоученій въ его сказкахъ нѣтъ, т.-е. онъ вовсе не говоритъ о наградѣ за хорошіе поступки и о наказаніи за дурные;—напротивъ того, въ его разсказахъ смышлёность и практичность часто торжествуетъ надъ добросовѣстной покорностью долгу;—но, не будучи моралистомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, Киплингъ все-же вноситъ въ свои разсказы поучительный смыслъ: онъ доказываетъ, что все прекрасно, потому что все объединено общей цѣлью и находитъ объясненіе и оправданіе въ себѣ самомъ.

Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и наиболѣе художественныхъ разсказовъ въ книгѣ Киплинга—исторія кошки, которая хотѣла „быть сама по себѣ“ (The Cat that walked by itself). Съ точки зрѣнія прописной морали, разсказъ этотъ не отличается нравственностью. Въ немъ говорится о томъ, какъ кошка добилась того, что, работая менѣе всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ, она пользуется большими благами и удобствами, чѣмъ они. Достигла она этого своей смѣтливостью и практичностью, и эти качества оказываются такимъ образомъ болѣе драгоцѣнными, чѣмъ тяжеловѣсныя добродѣтели лошади и собаки, сдѣлавшія ихъ безропотными рабами человѣка. Въ своемъ стремленіи оправдать существующій порядокъ Киплингъ не останавливается на вопросѣ о справедливости. Онъ только показываетъ, что, съ одной стороны, жизнь хороша тѣмъ, что въ ней есть разнообразіе, есть безропотно трудящіяся лошади и собаки, и есть красящія жизнь своей ласковостью и игривостью кошки,—а съ другой стороны, хорошо и то, что умъ и воля создаютъ каждому то положеніе, которое онъ заслуживаетъ, такъ что даже кажущаяся несправедливость объясняется внутренними причинами, индивидуальными свойствами и стремленіями каждаго существа. Разсказъ о кошкѣ написанъ въ граціозномъ, наивномъ юмористическомъ тонѣ. Какъ и другіе разсказы, онъ относится къ до-историческому времени, т.-е. къ воображаемой Киплингомъ фантастической порѣ, когда всякая живая тварь могла сама создать судьбу своего рода, и когда соотвѣтственно съ поступками каждаго животнаго опредѣлялось его положеніе на будущія времена. Въ то время—говоритъ Киплингъ—не только всѣ теперешніе ручные звѣри были дикими, но и самъ человѣкъ былъ „страшно дикъ“ и жилъ въ пещерѣ. Съ появленіемъ женщины дикость начинаетъ исчезать; женщина прежде всего вѣшаетъ у входа въ пещеру высушенную лошадиную шкуру и требуетъ отъ мужа, чтобы онъ вытиралъ ноги объ

нее, когда возвращается домой съ охоты;—въ предназначенномъ для англійскихъ дѣтей разсказѣ о началѣ культурной жизни забота объ опрятности должна очевидно занимать первое мѣсто. Когда въ пещерѣ въ первый разъ зажигаютъ огонь въ очагѣ—что обозначаетъ переходъ отъ дикаго состоянія къ упорядоченному семейному быту—дикія животныя въ лѣсахъ пугаются, чувствуя, что это грозитъ имъ бѣдой. Собаку привлекаетъ, однако, доносящійся изъ пещеры запахъ жареной баранины; ей хочется подойти поближе и узнать, въ чемъ дѣло; она зоветъ съ собой кошку. Но предусмотрительная и свободолюбивая по природѣ кошка отказывается идти: „я, кошка“, говоритъ она, „люблю быть сама по себѣ и всѣ мѣста для меня равны; я не пойду“. Собака объявляетъ вѣчную вражду кошкѣ и отправляется одна въ пещеру. Но кошка рѣшаетъ, что такъ какъ для нея „всѣ мѣста равны“, то ничто ей не мѣшаетъ по собственному усмотрѣнію пойти посмотрѣть, что̀ дѣлается въ пещерѣ, и затѣмъ уйти, когда ей захочется. Она неслышными шагами крадется вслѣдъ за собакой и прячется по близости отъ пещеры. Изъ своей засады она видитъ, какъ женщина заманиваетъ собаку къ себѣ въ пещеру, и, накормивъ ее обглоданной костью, обѣщаетъ и впредь кормить ее костями, если собака будетъ помогать ея мужу охотиться днемъ, а ночью будетъ стеречь пещеру; собака смирно кладетъ голову на колѣни женщинѣ и обѣщаетъ всегда вѣрно служить ей. Видя все это, кошка рѣшаетъ, что собака очень глупа, что женщина умна и что она, кошка, умнѣе всѣхъ. Потомъ та же исторія происходитъ съ дикой лошадью, которая идетъ узнать о судьбѣ собаки и, соблазненная сочной и вкусной травой, которую въ изобиліи предлагаетъ ей женщина, тоже соглашается носить ярмо и служить человѣку ради вкусной пищи. Кошка слѣдитъ за лошадью и видитъ, что и она, какъ собака, поддалась хитрости людей и закрѣпостила себя на вѣки; то же самое происходитъ потомъ и съ коровой. Послѣ того уже никто изъ лѣсныхъ звѣрей не идетъ въ пещеру; тогда кошка отправляется туда сама. Привлеченная теплотой очага и запахомъ молока, она хочетъ тоже „пристроиться“ около человѣка, но на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ другія домашнія животныя. Она подходитъ къ женщинѣ и спрашиваетъ о судьбѣ коровы. Женщина, которой лошадь и собака сообщили о томъ, что кошка не желаетъ служить, а хочетъ быть „сама по себѣ“, гонитъ кошку прочь, говоря, что у нея достаточно слугъ и друзей, и потому она ни въ комъ болѣе не нуждается. Но кошка ведетъ свою политику и сразу располагаетъ въ свою пользу женщину, возбуждая въ ней жалость и льстя ея тщеславію. „Какъ, — говоритъ она, — неужели же я никогда не буду имѣть доступа въ пещеру, не буду сидѣть у очага, не буду пить теплое бѣлое молоко? Ты—такая мудрая

и такая красивая женщина,—неужели же ты можешь быть жестокой къ кошкѣ"? Женщина, впервые услышавъ комплиментъ, сразу идетъ на уступки и говоритъ, что если кошка добьется отъ нея похвалы, то будетъ имѣть право входить въ пещеру. „А если ты дважды похвалишь меня, что тогда?"—спрашиваетъ кошка.—„Никогда этого не будетъ,—отвѣчаетъ женщина,—но если бы это случилось, то ты можешь грѣться у огня въ пещерѣ".—„Ну, а если ты трижды похвалишь?"—„Этого никогда не будетъ,—говоритъ женщина,—но если бы это случилось, ты навсегда будешь имѣть право получать три раза въ день бѣлое теплое молоко". Заключивъ этотъ договоръ, кошка уходитъ въ лѣсъ и нѣкоторое время не даетъ ничѣмъ о себѣ знать. Только летучая мышь, живущая въ пещерѣ, знаетъ, гдѣ спряталась кошка, и доноситъ ей о томъ, что̀ происходитъ въ пещерѣ. Однажды она сообщаетъ кошкѣ, что въ пещерѣ появился ребенокъ—очень маленькій, толстенькій и розовенькій, и что женщина его очень любитъ. Кошка справляется о характерѣ и вкусахъ ребенка и узнаетъ, что онъ любитъ держать въ рукахъ теплыя и мягкія вещи, и любитъ также, чтобы съ нимъ играли.—Значитъ, мое время пришло,—говоритъ кошка и отправляется въ пещеру. Она приходитъ туда утромъ, когда мужъ ушелъ на охоту съ собакой и лошадью, а женщина занята приготовленіемъ пищи. Ребенокъ кричитъ и мѣшаетъ матери; та его выноситъ на воздухъ, даетъ ему камешки для игры, но ребенокъ продолжаетъ кричать. Тогда кошка подходитъ къ ребенку, ласкаетъ его своими бархатными лапками, и ребенокъ начинаетъ смѣяться. Летучая мышь сообщаетъ женщинѣ, что какое-то лѣсное существо успокоило младенца. „Благословляю его, кто бы это ни былъ", говоритъ женщина, и въ эту минуту кошка быстро вскакиваетъ въ пещеру. „Ты похвалила меня,—говоритъ она женщинѣ,—и я теперь имѣю право входить въ пещеру, когда мнѣ угодно. Но я все-таки сама по себѣ, и для меня всѣ мѣста равны". Женщинѣ досадно, что кошка ее обошла, но она должна по-неволѣ примириться съ ея присутствіемъ. Затѣмъ кошка добивается вторичной похвалы тѣмъ, что, играя съ ребенкомъ, заставляетъ его весело смѣяться и убаюкиваетъ его своимъ мурлыканьемъ. „Очень ты это умно продѣлала, кошка", говоритъ женщина, послѣ чего кошка быстро садится грѣться у огня. Въ третій разъ она добивается похвалы женщины тѣмъ, что ловитъ мышей. Эта третья похвала даетъ кошкѣ право на молоко. Такимъ образомъ она водворяется въ семьѣ, оказывая легкія услуги женщинѣ и ребенку, т.-е. просто играя и мурлыча, когда это ей пріятно, и сохраняя при этомъ свою независимость. Хозяинъ дома, а также собака и лошадь, недовольны ея вторженіемъ. Хозяинъ говоритъ, что всегда будетъ швырять въ нее разные предметы, когда

она будетъ ему надоѣдать; собака говоритъ, что всегда будетъ огрызаться на нее, а кошка говоритъ, что всегда будетъ ласкова съ ребенкомъ, если онъ не будетъ дразнить ее, но что все-таки, при этомъ, она останется самой по себѣ, и всѣ мѣста для нея равны. Она ловитъ мышей и играетъ съ дѣтьми, но когда наступаетъ ночь и появляется мѣсяцъ, кошка гуляетъ „сама по себѣ“, уходитъ въ лѣсъ, взбирается на деревья и забываетъ о людяхъ.

По этому разсказу видно, какъ искусно Киплингъ сочетаетъ сказочность замысла съ психологической правдой. Та же черта проявляется и въ другихъ разсказахъ о томъ, почему у леопарда пятнистая шкура, у носорога толстая, облегающая его широкими складками шкура, почему у верблюда горбъ, а у слона длинный хоботъ. Всѣ эти внѣшніе признаки приводятся въ связь съ характеромъ и потребностями животныхъ, причемъ происхожденіе ихъ типичныхъ особенностей связывается съ происшествіями первыхъ дней ихъ существованія на землѣ, когда они, проявляя свойства своей натуры, тѣмъ самымъ создавали свою судьбу. Сказки написаны чрезвычайно граціозно и весело; въ нихъ появляются доброжелательные и властные духи, которые устроиваютъ судьбы животныхъ, являясь воплощеніемъ внутреннихъ, психологическихъ причинъ тѣхъ или другихъ явленій.

II.

Henry Bordeaux. Les Ecrivains et les Moeurs. Стр. 332. Paris, 1902. (Librairie Plon).

Книга Анри Бордо, посвященная, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, самымъ знаменательнымъ и характернымъ литературнымъ явленіямъ послѣднихъ лѣтъ, представляетъ собой особый родъ критики. Авторъ книги занятъ не художественной оцѣнкой разбираемыхъ имъ авторовъ, а вопросомъ о вліяніи ихъ произведеній на общественные нравы. Соотвѣтственно этому, книга его и носитъ заглавіе: „Писатели и нравы“. Во Франціи въ послѣднее время развилось очень много моралистовъ—въ узкомъ смыслѣ слова. Они не занимаются вопросомъ о нравственности по существу, не устанавливаютъ новыхъ, болѣе сложныхъ и возвышенныхъ критеріевъ морали, соотвѣтствующей современнымъ философскимъ идеямъ, а зовутъ назадъ, къ соблюденію хотя бы элементарныхъ требованій—такъ сказать—дѣдовской морали, накладывающей узду на чрезмѣрное потворство низменнымъ инстинктамъ и на эгоистическое стяжаніе личныхъ житейскихъ благъ. Въ уклоненіи отъ традиціонной морали они видятъ не стремленіе под-

няться выше, къ добру, требующему для своего осуществленія разрушенія прежнихъ устоевъ, а напротивъ того—паденіе нравственнаго чувства, заглушеннаго грубымъ матеріализмомъ. Нужно отдать справедливость этимъ защитникамъ старой морали: они правы въ своемъ осужденіи литературы, разсчитанной исключительно на возбужденіе любопытства читателей въ области болѣе или менѣе грубыхъ, болѣе или менѣе сложныхъ чувственныхъ ощущеній. Къ числу такихъ моралистовъ принадлежитъ и Анри Бордо. Въ первомъ очеркѣ своей книги, носящемъ названіе: „Кризисъ романа“ (La crise du roman), онъ отмѣчаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, книгопродавческій кризисъ, ослабленіе въ публикѣ интереса къ чтенію беллетристики, и затѣмъ объясняетъ причину этого явленія. Виновата, по его мнѣнію, не читающая публика, а литература. Дѣло вовсе не въ томъ, что увлеченіе политикой, развитіе во Франціи спорта и все болѣе осложняющаяся жизненная борьба уменьшаютъ число читателей, а въ томъ, что литература не отвѣчаетъ потребностямъ интеллигенціи. Самымъ бо̀льшимъ зломъ Бордо считаетъ перепроизводство въ литературѣ. „Книгъ теперь не читаютъ, потому что ихъ появляется слишкомъ много, и публика не знаетъ, что̀ читать“. По статистическимъ даннымъ, во Франціи выходитъ болѣе сорока тысячъ книгъ въ годъ; въ области романа—статистика еще болѣе удручающая; въ то время какъ въ 1850 году среднимъ числомъ выходило по одному роману въ день, въ 1880 году число новыхъ романовъ доходило до десяти въ день, а въ настоящее время ихъ выходитъ до ста. Очевидно, что въ этой массѣ подавляющее большинство составляютъ дилеттантскія произведенія, не имѣющія литературнаго значенія. „Мы подавлены количествомъ печатной бумаги. Всѣ пальцы запачканы въ чернилахъ, даже,—прибавляетъ Бордо съ чисто французскимъ галантнымъ презрѣніемъ къ женскому творчеству,—и большинство маленькихъ розовыхъ пальчиковъ, которые скоро страшно будетъ поднести къ губамъ“. Среди этого океана книгъ теряется то, что̀ заслуживаетъ вниманія, и публика перестаетъ читать, не зная, на чемъ остановиться. Критика не можетъ руководить выборомъ публики—она безсильна передъ книгопродавческой рекламой, которая своей беззастѣнчивостью подрываетъ довѣріе къ отзывамъ печати. Читая хвалебный отзывъ о какой-нибудь книгѣ, нельзя знать, имѣешь ли дѣло съ рекламой, или съ добросовѣстной оцѣнкой; попавшійся на удочку рекламы читатель уже перестаетъ довѣрять критикѣ. На ряду съ перепроизводствомъ и рекламой, Бордо считаетъ несчастіемъ французской беллетристики все бо̀льшее и бо̀льшее развитіе порнографіи, которая создаетъ внѣшній успѣхъ романамъ, не имѣющимъ литературной цѣнности.

Но помимо этихъ причинъ, пагубно вліяющихъ на сбытъ книгъ, Бордо указываетъ на болѣе серьезную внутреннюю причину охлажденія большой публики къ чтенію романовъ. Образовалась глубокая рознь между литературой и обществомъ, и въ розни этой виновата, по мнѣнію Бордо, только литература. Въ лицѣ даже своихъ лучшихъ представителей она слишкомъ удалилась отъ жизни. Писатели живутъ въ какой-то особой, возбужденной атмосферѣ, ищутъ искусственныхъ ощущеній, извращающихъ ихъ сердце и умъ. Одинъ писатель XVIII-го вѣка, ненавидѣвшій городскую жизнь, сравнивалъ людей съ яблоками, гніющими, если ихъ сложить въ кучу. „Парижанинъ,—по словамъ другого писателя,—не ходитъ, а бѣжитъ, не пьетъ, а отравляется, не дышетъ, а задыхается, не бережетъ своихъ силъ, а расточаетъ ихъ, не веселится, а ищетъ нервныхъ возбужденій, не восхищается, а теряетъ голову, не живетъ, а убиваетъ себя". Эту характеристику Бордо примѣняетъ полностью къ французскимъ романистамъ; всѣ они непремѣнно хотятъ быть вполнѣ парижанами, и пишутъ только для людей, живущихъ такой же лихорадочной жизнью, какъ они сами,—изображаютъ интересы меньшинства, оторваннаго отъ обще-человѣческой жизни чрезмѣрной остротой ненормальныхъ, исключительно порочныхъ или исключительно сложныхъ переживаній. Какъ бы реально ни описывать эту лихорадочную жизнь, все равно—осуждая ли ея порочность, или находя въ ней красоту,—она слишкомъ обособлена отъ насущныхъ интересовъ большинства, слишкомъ мало касается идейныхъ задачъ современности, чтобы представлять обще-человѣческій интересъ. Такимъ образомъ, самый выборъ сюжетовъ отчуждаетъ современный французскій романъ отъ читающей массы. Романисты, въ огромномъ большинствѣ, не заглядываютъ въ глубь жизни, а увлекаются любопытными для психологическаго анализа, „исключительными случаями", стараясь отмѣтить на лету самое новое, самое оригинальное явленіе эмоціональной жизни. Но въ этой погонѣ за новизной исчезаетъ вѣчная психологическая правда; романы старѣютъ съ такой же быстротой, какъ модныя прически или платья, потому что ихъ авторы гонятся за модой въ области чувствъ на подобіе портнымъ, создающимъ модный покрой платья. Отдаляетъ литературу отъ жизни, по мнѣнію Бордо, и тонъ, въ которомъ пишется большинство романовъ. Слишкомъ большое право гражданства пріобрѣла въ современной французской беллетристикѣ скептическая иронія, высокомѣрно-презрительное отношеніе къ дѣйствительности. Романисты—большіе скептики, и не принимаютъ въ серьёзъ описываемыхъ ими чувствъ и страданій; они боятся морализировать, не хотятъ поучать, такъ какъ не вѣрятъ въ плодотворность какой бы то ни было проповѣди, а потому относятся съ улыбкой къ порокамъ, которые склонны

считать только слабостями. Такое отношеніе къ жизни способствуетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ художественности литературныхъ произведеній,—оно составляетъ, напримѣръ, силу умныхъ и тонкихъ философскихъ романовъ и повѣстей Анатоля Франса,—но въ общемъ, въ особенности когда эту манеру усвоиваютъ себѣ менѣе даровитые писатели, она только отталкиваетъ читателей. Иронія явилась въ современномъ романѣ какъ реакція противъ чрезмѣрной восторженности и экспансивности романтиковъ, противъ ихъ декламаціи и громкихъ словъ, маскирующихъ отсутствіе искренняго чувства. Но одна крайность замѣнена другою. Писатели не симулируютъ болѣе горячихъ чувствъ, но слишкомъ подчеркиваютъ свое равнодушіе къ человѣческимъ страданіямъ, свое безразличіе къ описываемой ими жизненной грязи. А между тѣмъ духовныя и нравственныя потребности общества ростутъ, и это холодное отношеніе литературы къ жизни тягостно дѣйствуетъ на читателей. Бордо доказываетъ, что французское общество нуждается въ литературѣ, понимающей его запросы и стремленія, что оно требуетъ сочувствія къ своимъ страданіямъ, требуетъ поученій. Литература не понимаетъ задачъ времени, и, замыкаясь въ своихъ интересахъ, не видитъ, что жизнь идетъ впередъ, что создались духовныя потребности, не находящія отклика у писателей,—по крайней мѣрѣ, у подавляющей массы среднихъ романистовъ, входящихъ въ моду и выходящихъ изъ моды по какимъ-нибудь совершенно внѣшнимъ причинамъ.

Въ дальнѣйшихъ очеркахъ Анри Бордо говоритъ о тѣхъ романистахъ, которые, по его мнѣнію, выдѣляются изъ общей массы индифферентныхъ къ вопросамъ нравственности писателей и вносятъ въ свои произведенія серьезное отношеніе къ жизни и проповѣдь добра. Къ числу такихъ писателей Анри относитъ Поля Бурже. Въ оцѣнкѣ Бурже сказывается наивность критика. Онъ настолько удрученъ откровеннымъ цинизмомъ большинства новѣйшихъ французскихъ романистовъ, что принимаетъ за чистую монету фразы Бурже о религіи и нравственности. Новѣйшій поворотъ Бурже къ католицизму ему кажется признакомъ наступающаго оздоровленія литературы. По его мнѣнію, это писатель, который проповѣдуетъ нравственные идеалы, указываетъ на пагубность чувственныхъ увлеченій и говоритъ о важности религіи для жизни. Въ дѣйствительности Бурже далекъ отъ нравственной высоты, которую хочетъ усмотрѣть въ его романахъ Анри Бордо. Бурже болѣе чѣмъ кто-либо повиненъ въ недостаткахъ, обличаемыхъ Бордо въ его общей характеристикѣ современнаго французскаго романа. Онъ ввелъ въ моду такъ называемый психологическій романъ, который сводится къ анализу сложнаго эротизма праздныхъ парижскихъ дамъ и кавалеровъ высшаго свѣта; онъ довелъ

можно сказать, до абсурда увлеченіе адюльтерными сюжетами. Если судить о французской жизни по его романамъ, то можетъ казаться, что внѣ чувственныхъ переживаній во французскомъ обществѣ нѣтъ захватывающихъ интересовъ; мало того, самое чувство любви, составляющее центръ его романовъ, лишено у Бурже всякаго величія и трагизма, всякой связи съ духовной сущностью человѣка и сведено большей частью къ сентиментальной казуистикѣ, къ игрѣ чувствами людей, томящихся скукой своего существованія. Психологія свѣтскихъ героинь Бурже опредѣляется числомъ ихъ возлюбленныхъ; пока онѣ измѣняютъ мужу съ однимъ только другомъ сердца, онѣ спокойно продолжаютъ свое свѣтское существованіе, набожно занимаются своими туалетами (это называется „культомъ красоты") и не чувствуютъ угрызеній совѣсти. Трагедія начинается тогда, когда чувственный капризъ влечетъ ихъ ко второму, къ третьему избраннику, и когда приходится обманывать не только мужа, но и болѣе прозорливаго, лучше знающаго ихъ легкомысліе прежняго друга. У героевъ Бурже психологія тоже опредѣляется смѣной увлеченій, а вовсе не самымъ характеромъ чувства. Если они и страдаютъ отъ своихъ чувственныхъ капризовъ, то страданія эти большей частью заключаются въ искусственномъ самоанализѣ, въ томъ, что, не умѣя отдаться чувству, они все время занимаются разглядываніемъ своихъ ощущеній,—или же въ чисто-житейскихъ осложненіяхъ, въ трудности сочетать удовлетвореніе капризамъ чувствъ съ требованіями условной свѣтской морали; ни у кого изъ нихъ нѣтъ достаточно силы, чтобы порвать съ удобствами своего свѣтскаго положенія подъ вліяніемъ глубокой страсти,—да и никакихъ глубокихъ страстей у этихъ праздныхъ и поверхностныхъ людей нѣтъ. Бордо напрасно видитъ въ этихъ описаніяхъ свѣтскихъ похожденій проповѣдь нравственныхъ идеаловъ. Бурже, дѣйствительно, много говоритъ о „религіи человѣческихъ страданій", но это объясняется вліяніемъ распространившейся во Франціи „моды на Толстого". Въ своихъ послѣднихъ романахъ, какъ, напр., въ „Etape", Бурже много толкуетъ о религіи, разсказывая трагическую исторію любви молодого католика къ дочери убѣжденнаго протестанта, причемъ, въ концѣ концовъ, дѣвица все-таки переходитъ въ католичество и бракъ можетъ состояться. Но эти разговоры о религіи—слѣдованіе модѣ, созданной главнымъ образомъ Брюнетьеромъ; она въ сущности не имѣетъ ничего общаго, кромѣ внѣшней связи, съ мистическимъ настроеніемъ, охватившимъ французскую поэзію послѣднихъ лѣтъ. Бурже и былъ, и остался поклонникомъ моды во всѣхъ ея проявленіяхъ. Его героини носятъ туалеты, „созданные" лучшими парижскими faiseurs'ами, и вся внѣшняя обстановка ихъ жизни, экипажи, мебель и бездѣлушки, загромождающіе салоны и будуары, доставляются лучшими парижскими по-

ставщиками; Бурже посвящаетъ много страницъ въ своихъ романахъ подробному описанію всѣхъ частностей парижской элегантной жизни. Точно также онъ слѣдитъ за умственными и идейными модами. Бурже былъ однимъ изъ первыхъ сторонниковъ эстетизма и увлеченія раннимъ итальянскимъ возрожденіемъ. Точно также онъ воспринялъ „религію страданія и состраданія", введенную во Франціи Толстымъ. Теперь въ модѣ католицизмъ—и Бурже пишетъ католическіе романы, продолжая, конечно, заниматься „драмами совѣсти", т.-е., другими словами, адюльтерными интригами свѣтскихъ женщинъ. Приклеенная къ этому проповѣдь религіи понимаемой чисто-внѣшнимъ образомъ, и умиленныя фразы о жалости далеко не искупаютъ суетности сюжетовъ и поверхностности идейнаго содержанія. Бурже никакъ нельзя назвать идейнымъ писателемъ, какъ это дѣлаетъ Бордо въ своемъ стремленіи найти противовѣсъ безпринципности большинства романистовъ. Бурже талантливѣе другихъ; въ его романахъ, въ особенности въ прежнихъ, есть много художественно написанныхъ страницъ, но по существу онъ столь же мало затрогиваетъ болѣе глубокія стороны жизни, какъ и та масса романистовъ, которыхъ Бордо упрекаетъ въ пошлости и излишнемъ „паризіанизмѣ". Столь же неосновательны похвалы, расточаемыя Бордо по адресу Жюля Леметра за его переходъ отъ эстетическаго импрессіонизма къ проповѣди націонализма. Критикъ чувствуетъ такую настоятельную необходимость въ поднятіи нравственнаго уровня французскаго общества, что благодаренъ Леметру за его обращеніе къ національному самосознанію; ему кажется, что, обличая растлѣніе нравовъ, нападая на буржуазность, на легкомысліе и другія „нравственныя болѣзни" современныхъ французовъ, Леметръ заставитъ одуматься современное общество и вселитъ болѣе серьезное отношеніе къ обязанностямъ передъ отечествомъ, передъ будущими поколѣніями. Но онъ забываетъ, что націонализмъ Леметра вовсе не исходитъ изъ высокихъ нравственныхъ побужденій, что вопросъ объ истинно нравственныхъ началахъ, о правдѣ и справедливости, вовсе не составлялъ исключительной заботы французскихъ націоналистовъ во время процесса, создавшаго эту партію; они, напротивъ того, ставили узкія патріотическія цѣли выше обще-человѣческихъ нравственныхъ требованій. Примкнувъ къ этой партіи, Леметръ не возвысился какъ писатель, а напротивъ того, утратилъ свое прежнее значеніе, пересталъ быть тонкимъ и безпристрастнымъ знатокомъ и цѣнителемъ искусства, сталъ подчинять свой художественный вкусъ политическимъ соображеніямъ и впалъ въ крайнюю шаблонность. Восхваленіе такихъ писателей, какъ Бурже и Леметръ, въ книгѣ Бордо интересно только симптоматически. Оно доказываетъ, какъ велика жажда нравственнаго оздоровленія французской литературы и жизни,

если даже суррогаты идейности и нравственной проповѣди возбуждаютъ искреннее сочувствіе и ожиданіе благотворныхъ результатовъ.

Въ книгѣ Бордо есть интересные и болѣе основательные очерки—объ Эдуардѣ Родѣ, о критикѣ Фагэ и нѣсколько другихъ. Рода Бордо справедливо называетъ „романистомъ внутренней жизни" и указываетъ на его близость къ Толстому. Художественный талантъ Рода авторъ преувеличиваетъ, такъ какъ въ дѣйствительности этотъ романистъ нѣсколько тяжеловѣсенъ. Въ его произведеніяхъ слишкомъ чувствуется теоретикъ, профессоръ, и столь драгоцѣнная для художника непосредственность творчества часто замѣняется у него разсужденіями о вопросахъ нравственности. Но, во всякомъ случаѣ, Эдуардъ Родъ по замысламъ своихъ романовъ болѣе серьезенъ и глубокъ, чѣмъ большинство новѣйшихъ французскихъ романистовъ, съ ихъ исключительнымъ интересомъ къ любовнымъ похожденіямъ свѣтскихъ дамъ. Родъ выдвигаетъ на первый планъ внутреннюю жизнь человѣка, изображаетъ борьбу мысли и чувства, причемъ даетъ очень современное освѣщеніе поднимаемымъ имъ вопросамъ. Въ одномъ изъ лучшихъ его романовъ, „Course à la Mort", герой гибнетъ отъ преобладанія разсудочности надъ непосредственностью чувства. Какъ моралистъ, Родъ вѣритъ въ спасительность стихійнаго чувства любви, болѣе справедливо разрѣшающаго вопросы совѣсти, чѣмъ умствованія холоднаго разума. Въ двухъ романахъ Рода, которые разбираетъ Бордо въ своемъ очеркѣ, выдвинуты очень существенныя проблемы современной жизни. Въ одномъ изъ нихъ, „Au milieu de la vie", говорится объ отвѣтственности писателя за тѣ идеи, которыя онъ пускаетъ въ оборотъ, т.-е., другими словами, о томъ, что каждый человѣкъ долженъ помнить о своей связи со всѣми, долженъ помнить о томъ, что его слова и поступки могутъ отразиться на другихъ, и что онъ не имѣетъ права жить среди общества какъ въ пустынѣ, замыкаясь въ своемъ индивидуализмѣ. Каждое рѣшеніе, которое онъ принимаетъ для себя, становится жизненнымъ фактомъ и можетъ повліять на множество другихъ существованій. Эту мысль Родъ иллюстрируетъ на примѣрѣ писателя, потому что примѣръ этотъ наиболѣе яркій, и вліяніе книги на воспріимчивыя души можно прослѣдить съ большей осязательностью, чѣмъ воздѣйствіе другъ на друга людей, находящихся въ непосредственномъ жизненномъ общеніи. Герой романа Рода—писатель, который полъжизни не задумывался надъ результатами своего творчества, жилъ легкомысленно, вполнѣ отдѣляя идеалы, которые проповѣдовалъ въ книгахъ, отъ принциповъ, которыми руководствовался въ жизни; онъ проповѣдовалъ возвышенную мораль въ своихъ романахъ, а самъ жилъ „какъ всѣ", т.-е. далеко не по правдѣ. Но „по срединѣ жизненнаго пути" съ нимъ случилось происшествіе, раскрывшее ему ложь его

собственной жизни. Онъ узналъ, что одинъ изъ его романовъ, въ которомъ говорится о трагической любви со смертельнымъ исходомъ, роковымъ образомъ повліялъ на какую-то незнакомую ему молодую дѣвушку; она почувствовала невозможность мириться съ компромиссами своей собственной жизни и отравилась. Ея смерть пробуждаетъ въ писателѣ спавшій до того голосъ совѣсти. Онъ прежде не видѣлъ связи между литературой и жизнью: въ романахъ, по его мнѣнію, можно все разрѣшать идеальнымъ образомъ, показывать, какъ должны были бы разыгрываться событія, если бы люди жили цѣльными чувствами и предпочитали трагическій исходъ тусклымъ компромиссамъ; въ жизни же стремленіе къ совершенству, къ полнотѣ чувства, къ правдѣ, обходится слишкомъ дорого, и потому люди соглашаются жить кое-какъ, стараясь по возможности насладиться минутой, если она хороша, и забывая о слишкомъ трудномъ нравственномъ долгѣ. Такъ жилъ самъ авторъ романовъ, преисполненныхъ высокой морали, и не сомнѣвался, что и другіе живутъ какъ онъ. Случай съ отравившейся дѣвушкой нарушилъ его душевное равновѣсіе,—онъ испугался отвѣтственности за свою нравственную проповѣдь, и вдругъ понялъ, что нельзя проповѣдовать, не исполняя самъ того, чего требуешь отъ другихъ. Задача поставлена очень рѣзко и интересно, но разрѣшеніе ея въ романѣ—нѣсколько наивное и расхолаживающее. Герой Рода „исправляется", мѣняетъ свою жизнь, т.-е. перестаетъ легкомысленно относиться къ любовнымъ увлеченіямъ, женится на женщинѣ, съ которой у него была случайная связь, и начинаетъ жить упорядоченной—въ сущности довольно буржуазной жизнью. Но дѣло не въ этой придуманной развязкѣ, не въ судьбѣ героя романа, а въ важности выдвинутаго Родомъ вопроса о нравственной отвѣтственности за слова и поступки. Въ другомъ романѣ, „Mademoiselle Annette", основная идея тоже очень серьезная. Родъ изображаетъ два жизненныхъ идеала: одинъ—заключающійся въ стремленіи къ личнымъ житейскимъ благамъ, другой—въ самоотреченіи, въ любви къ ближнимъ, и показываетъ на жизненномъ, правдиво и вдумчиво описанномъ примѣрѣ торжество послѣдняго. Mademoiselle Аннетъ, старая дѣва, всей душой поглощена любовью къ бѣднымъ и страдающимъ людямъ. Ея дядя, умный практичный человѣкъ, который пріобрѣлъ огромное состояніе въ Америкѣ, считаетъ ея любовь къ бѣднякамъ сентиментальными бреднями. Вернувшись на родину съ огромнымъ состояніемъ, онъ хочетъ жить въ свое удовольствіе, и окружаетъ свою племянницу и ея старика-отца всевозможной роскошью. Но Аннета настолько не сочувствуетъ ему, что, въ виду его несогласія превратить купленную для нея виллу въ госпиталь для бѣдныхъ, уходитъ отъ него и живетъ въ деревнѣ въ нуждѣ, къ которой привыкла съ молодости, продолжаетъ ухажи-

вать за больными и облегчать жизнь бѣднякамъ. Одинокій богачъ начинаетъ тяготиться своими „благами", и мало-по-малу идеи его племянницы одерживаютъ верхъ надъ его „американизмомъ"; онъ призываетъ ее къ себѣ и отдаетъ свое состояніе въ ея распоряженіе. Повѣсть написана очень просто, и столкновеніе двухъ міросозерцаній представлено съ большой силой.

Въ книгѣ Бордо есть еще нѣсколько очерковъ, заслуживающихъ вниманіе тѣмъ, что въ каждомъ разбираемомъ авторѣ критикъ видитъ отраженіе какой-либо особенности французскаго ума, и старается извлечь изъ литературныхъ явленій поученіе для жизни, указать на путь къ нравственному оздоровленію французскаго общества, страдающаго отъ чрезмѣрной интеллектуальной утонченности и отъ равнодушія къ нравственному долгу. Очень обстоятельна и интересна статья объ Эмилѣ Фагэ, который особенно дорогъ Бордо своимъ пониманіемъ нравственныхъ задачъ современности.—З. В.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА.

Основы мѣстнаго самоуправленія заключаются: въ компетенціи общественнаго управленія и въ выборномъ началѣ; оба эти основанія и составляютъ сущность самоуправленія. Недостаточно полное проведеніе ихъ въ жизнь, неправильная постановка ихъ—одинаково отражаются самымъ неблагопріятнымъ образомъ на дѣятельности общественныхъ учрежденій.

Городовое положеніе 1892 года, по сравненію съ закономъ 1870 года, внесло весьма значительныя ограниченія какъ компетенціи—усиленіемъ административной опеки,—такъ и избирательнаго права—повышеніемъ имущественнаго ценза.

Эти, введенныя положеніемъ 1892 года, отличія поставили какъ провинціальныя, такъ и столичныя городскія общественныя управленія въ условія, помѣшавшія интенсивной дѣятельности ихъ, какой въ правѣ было ожидать общество отъ городскихъ дѣятелей, благодаря ихъ высокой административной опытности, накопившейся отъ свободнаго приложенія независимыхъ общественныхъ силъ въ городскомъ дѣлѣ и пріобрѣтенной при двадцатилѣтнемъ примѣненіи началъ самоуправленія къ городскому благоустройству и благосостоянію—въ пореформенное время.

Проектъ общественнаго управленія города С.-Петербурга, значительно съуживая компетенцію городской думы, ограничивая ея распорядительную власть, дѣлаетъ также попытку къ исправленію несовершенствъ принятой постановки избирательнаго права и тѣмъ самымъ вноситъ существенныя измѣненія въ дѣйствующую избирательную систему.

Рядомъ съ почти исключительно допущеннымъ въ городовомъ положеніи 1892 года домовладѣльческимъ цензомъ—по даннымъ 1898 года избирателей по владѣнію недвижимыми имуществами было 93%, а по свидѣтельству первой гильдіи 7%—проектъ вводитъ квартирный цензъ. Квартира, какъ жилье, конечно, является болѣе доступнымъ основаніемъ избирательнаго права,—въ ней сосредоточивается большинство городскихъ профессій. Установленіе домовладѣнія, какъ почти единственнаго признака для правоспособныхъ горожанъ,—особенно неправильно въ столицахъ и въ большихъ населенныхъ городахъ, гдѣ большая часть самостоятельнаго элемента населенія проживаетъ въ нанятыхъ квартирахъ. Но если занятіе всякой квартиры—

въ своемъ ли домѣ, по найму или безвозмездно — имѣетъ характеръ общедоступности, то опредѣленіе квартирной платы, какъ имущественнаго избирательнаго ценза, уже теряетъ такое свойство въ большей или меньшей степени, смотря по размѣру ея. Чѣмъ выше этотъ размѣръ, тѣмъ малодоступнѣе становится квартирный цензъ и тѣмъ болѣе приближается онъ къ домовладѣльческому цензу, получая ту же окраску, выражающуюся преимущественно въ представительствѣ крупнаго промышленнаго и торговаго класса.

Весьма важно введеніе квартирнаго ценза, какъ принципа, но не менѣе того имѣетъ значеніе выборъ размѣра его; отъ этого выбора зависитъ весь результатъ предпринимаемой избирательной реформы.

Тотъ размѣръ квартирнаго ценза, на которомъ остановились составители проекта новаго петербургскаго городового положенія, именно уплата 33 рублей государственнаго квартирнаго налога, не отразится глубокими измѣненіями въ составѣ городскихъ избирательныхъ собраній и не дастъ тѣхъ результатовъ, какіе могли бы получиться отъ болѣе полнаго проведенія въ жизнь вводимаго принципа — дарованія избирательнаго права представителямъ не владѣльческаго, а трудового класса. Новыхъ городскихъ избирателей окажется весьма немного.

По даннымъ о взиманіи государственнаго квартирнаго налога за 1901 годъ, число плательщиковъ, уплачивающихъ 33 рубля и болѣе, только 7.275; но это количество должно быть уменьшено, такъ какъ сюда включены лица, уже пользующіяся избирательнымъ правомъ по домовладѣльческому и торговому цензамъ, иностранцы, лица, не удовлетворяющія другимъ условіямъ, постановленнымъ въ законопроектѣ для пользованія избирательнымъ правомъ, и т. п. По даннымъ 1900 года, на долю всѣхъ такихъ лицъ падаетъ 34,2%. Такимъ образомъ, новыхъ избирателей при проектируемомъ цензѣ будетъ только—4.787. Они составляютъ немного больше половины теперешнихъ петербургскихъ городскихъ избирателей; это, съ одной стороны, указываетъ на незначительность возможнаго вліянія новыхъ избирателей на выборы гласныхъ, особенно при своей неподготовленности къ выборной агитаціи и при разрозненности, а съ другой — на полное несоотвѣтствіе съ населенностью города Петербурга.

Принятымъ въ проектѣ цензомъ не будетъ уничтоженъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ существующей постановки избирательнаго права,—а именно, отсутствіе представительства у трудовой интеллигенціи, не пріобрѣвшей домовладѣльческаго ценза.

Насколько извѣстно, при составленіи предположеній о предоставленіи плательщикамъ 33-хъ руб. квартирнаго налога, не производилась весьма важная и безусловно необходимая подготовительная ра-

бота, требующая много-много двѣ-три недѣли,—о профессіональномъ составѣ всѣхъ плательщиковъ квартирнаго налога,—хотя соотвѣтствующій матеріалъ и имѣется въ податныхъ книгахъ. Но что призываемые къ участію въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ квартиранты составляютъ ничтожный процентъ общаго числа лицъ, принадлежащихъ къ интеллигентнымъ профессіямъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По даннымъ однодневной переписи города С.-Петербурга еще 1900 года, всѣхъ самостоятельныхъ лицъ изъ четырехъ группъ: хозяевъ торгово-промышленнаго класса, владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, представителей частнаго служебнаго труда и лицъ интеллигентныхъ профессій, оказывается до 110.000 человѣкъ; изъ нихъ 48% падаетъ на долю послѣдней группы (52.000) [1]. Если такое же соотношеніе принять и для дѣйствительно призываемыхъ по проекту къ участію на выборахъ плательщиковъ квартирнаго налога, то получимъ 2.297 лицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ. Но и это приходится уменьшить. Въ группѣ интеллигентныхъ профессій показаны и лица, живущія пенсіей, въ громадномъ числѣ 15.000. При высокомъ квартирномъ цензѣ не будетъ большой ошибки исключить ихъ цѣликомъ, и тогда группа интеллигентныхъ профессій займетъ не 48%, а только 34%,—и число новыхъ избирателей изъ этой группы понизится до 1.627. Такой разсчетъ довольно близокъ къ истинѣ; это видно изъ того, что, по даннымъ за 1898 годъ, среди плательщиковъ налога—предполагаемыхъ избирателей было 1.487 лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Любопытно, конечно, прослѣдить, насколько возможно, вліяніе класса свободныхъ интеллигентныхъ профессій. Для этого исключимъ, кромѣ лицъ, живущихъ пенсіей, еще и служащихъ въ администраціи, офицеровъ арміи и флота, и т. п. (всего еще болѣе 15.550); тогда на долю лицъ, принадлежащихъ къ профессіямъ: учебно-воспитательной, научной, врачебной, технической, адвокатской, судебной, публицистической и т. п., приходится только 20%, что въ кругу новыхъ избирателей дастъ ничтожное число — 957 человѣкъ. О какомъ-либо вліяніи группы свободной интеллигентной профессіи едва ли тутъ можно и говорить.

Это одно уже доказываетъ, что цѣль законодателя—привлечь къ большому и замѣтному участію въ городскомъ управленіи представителей интеллигентныхъ трудовыхъ профессій—вовсе не будетъ достигнута.

Такой неожиданный результатъ произошелъ не только потому, что

---

[1]) См. мою книгу: „Городское самоуправленіе", оч. IV: Городскія избирательныя собранія при квартирномъ цензѣ. Глава III-я. Групповой составъ.

не было произведено подготовительной работы, но и вслѣдствіе невѣрнаго основанія, положеннаго при выборѣ размѣра квартирнаго ценза.

Составители проекта въ этомъ отношеніи взяли за основаніе уплату оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ. Это неправильно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ городовомъ положеніи 1892 года вовсе не размѣръ городского сбора или налога даетъ избирательное право, а имущественный цензъ, гораздо притомъ меньшій, чѣмъ это проектируется для квартиронанимателей; во-вторыхъ, въ томъ же городовомъ положеніи принято различное основаніе для собственниковъ недвижимыхъ имуществъ и для владѣльцевъ торгово-промышленными предпріятіями, что и признается составителями проекта; въ-третьихъ, даже минимальный размѣръ оцѣночнаго сбора, дающій въ С.-Петербургѣ избирательное право, опять-таки значительно меньше, чѣмъ взятый для квартирнаго ценза; съ имуществъ, оцѣниваемыхъ въ 3.000 рублей, взимается 8% въ Петербургѣ оцѣночнаго сбора, т.-е. 24 рубля. Это соотвѣтствуетъ уже не восьмому разряду плательщиковъ квартирнаго налога (33 р.), а шестому (23 р.).

На цѣлесообразность предоставленія избирательнаго права плательщикамъ квартирнаго налога, начиная именно съ этого шестого разряда, указывалъ государственный контролеръ. ген. - отъ - инфант. П. Л. Лобко [1]). Если же не брать въ основаніе равную сумму оцѣночнаго сбора, фактически теперь домовладѣльцами уплачиваемую, то почему же такимъ основаніемъ избранъ максимальный процентъ сбора (10), а не минимальный (1); при послѣднемъ условіи всѣ плательщики государственнаго квартирнаго налога должны получить избирательное право, такъ какъ первый разрядъ ихъ уплачиваетъ 5 руб., а минимальный теоретически возможный оцѣночный сборъ—3 руб. Все равно, въ проектѣ пришлось отказаться отъ намѣренія опредѣлить избирательное право для квартиронанимателя по платежу оцѣночнаго сбора. Министерство финансовъ не нашло возможнымъ уступить городу государственный квартирный налогъ полностью, какъ это оно предполагало раньше, обусловливая передачу налога дарованіемъ избирательнаго права всѣмъ плательщикамъ. Теперь по соглашенію вѣдомствъ уже испрашивается уступка только половины суммы налога, уплачиваемой тѣми разрядами плательщиковъ, которые призываются по проекту къ участію въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ; такимъ путемъ всего отчисляется въ городскую кассу 299.000 рублей, и избирательное право дается тому квартиранту, который вноситъ въ городскую кассу 16 руб. 50 коп.

---

[1]) Число плательщиковъ при такомъ цензѣ—11.728, избирателей по указанному исчисленію—7.717.

Основанія права участія въ городскомъ общественномъ управленіи квартиранта и домовладѣльца должны быть отличныя, независимыя одно отъ другого.

Цѣль избирательной реформы — привлечь интеллигентные классы къ участію въ общественныхъ городскихъ дѣлахъ. Средній годовой заработокъ самостоятельнаго и состоятельнаго представителя столичныхъ трудовыхъ интеллигентныхъ классовъ можетъ быть опредѣленъ въ 3.000 рублей. Такому заработку, такому окладу соотвѣтствуетъ годовая квартирная плата въ одну пятую его, т.-е. 600 рублей; квартирный налогъ съ такой квартиры уплачивается въ размѣрѣ 11 рублей. При такомъ цензѣ вступаютъ въ число полноправныхъ горожанъ плательщики квартирнаго налога, начиная съ третьяго разряда.

На такой квартирной платѣ въ 600 рублей, какъ цензѣ, остановилось петербургское совѣщаніе изъ представителей мѣстной администраціи и городского общественнаго управленія въ 1890 году [1]).

Плательщиковъ квартирнаго налога, начиная съ третьяго разряда, —по даннымъ за 1901 годъ—28.982, что составляетъ только 47% всѣхъ плательщиковъ. По примѣрному, приведенному выше разсчету дѣйствительныхъ избирателей-квартирантовъ будетъ 19.070 человѣкъ. Прибавляя къ нимъ теперешнихъ избирателей, получимъ лишь то число, какое было при дѣйствіи городового положенія 1870 года. Отличіе отъ того времени заключается въ болѣе равномѣрномъ представительствѣ группъ городского населенія и въ дѣйствительномъ привлеченіи къ выборамъ лицъ, принадлежащихъ къ трудовымъ интеллигентнымъ классамъ. Этими преимуществами, имѣющими еще большее значеніе по сравненію съ нынѣшними порядками, не исчерпываются положительныя стороны поддерживаемаго нами квартирнаго ценза въ 11 рублей государственнаго квартирнаго налога.

Прежде всего увеличивается поступленіе въ городскую кассу до 469.455 руб., по даннымъ за 1901 годъ. А такъ какъ съ первыхъ двухъ разрядовъ подлежало бы передачѣ городу 101.437 р., то легко можно было пойти на удовлетвореніе ходатайства петербургской думы объ уступкѣ городу 50% государственнаго квартирнаго налога. Тогда, можетъ быть, и получило бы начало осуществленія предположеніе министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ прописочнаго и другихъ подобныхъ сборовъ. Во всякомъ случаѣ, для города было бы весьма полезно прибавить къ своему бюджету ½ милліона рублей въ виду все

[1]) Совѣщаніе состояло изъ предсѣдателя с.-петербургскаго градоначальника П. А. Грессера, изъ помощника его И. Н. Турчанинова, управляющаго казенною палатою П. А. Корсакова, с.-петербургскаго городского головы В. И. Лихачева, товарища его Н. Н. Медвѣдева и гласныхъ: П. П. Дурново, П. В. Жуковскаго, М. М. Стасюлевича и Ф. К. Санъ-Галли.

возростающихъ нуждъ и потребностей населенія, требующихъ громадныхъ средствъ.

Но если почему-либо министерство финансовъ находитъ несвоевременнымъ такую уступку 50% всего квартирнаго налога, то отчисленіемъ одной трети суммы квартирнаго налога, уплачиваемой плательщиками третьяго и высшихъ разрядовъ, государственная казна отдавала бы городу почти ту же сумму, какую уже предположено отпустить, 312.937 р.

Установленіемъ квартирнаго налогового ценза, пониженнаго по сравненію съ проектируемымъ, но далекаго до общедоступности, избѣгаются въ значительной мѣрѣ послѣдствія колебанія цѣнъ на квартиры. Чѣмъ большее число плательщиковъ налога включается въ составъ избирательныхъ собраній, чѣмъ шире предѣлы разрядовъ ихъ, тѣмъ менѣе ощутительно будетъ отражаться на этомъ составѣ повышеніе или пониженіе квартирныхъ платъ.

Нерѣдко со стороны домовладѣльцевъ высказываются опасенія отъ привлеченія новыхъ избирателей въ большемъ по сравненію съ домовладѣльцами числѣ. Настаивая на неосновательности такихъ опасеній, позволяемъ привести здѣсь уже сказанное нами въ другомъ мѣстѣ. „Въ выборѣ чрезмѣрныхъ квартирныхъ цензовъ не играетъ ли первенствующую роль мотивъ о противоположныхъ интересахъ домовладѣльцевъ и квартирантовъ. Должно отмѣтить крайнюю преувеличенность распространеннаго мнѣнія о классовой борьбѣ между этими двумя разрядами горожанъ. Такой борьбы на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, или она по большей части незначительна, и во всякомъ случаѣ ограничена тѣсными предѣлами, заключаясь въ вопросѣ объ удешевленіи жилья. Но даже и въ этомъ послѣднемъ отношеніи можетъ быть солидарность между владѣльцами домовъ на окраинахъ города и вообще квартирантами для достиженія желательнаго для тѣхъ и другихъ проведенія улучшенныхъ путей сообщенія, которые связали бы эти окраины съ центромъ города. Съ другой стороны, встрѣчаются и среди домовладѣльцевъ-гласныхъ люди съ сильно развитымъ общественнымъ чувствомъ, побуждающимъ ихъ направить дѣятельность городскихъ общественныхъ органовъ на борьбу съ жилищною нуждою рабочаго класса посредствомъ устройства ночлежныхъ домовъ, рабочихъ колоній и т. п., а такая дѣятельность въ той или иной степени можетъ повліять и на уменьшеніе дороговизны квартиръ. Принадлежность домовладѣльца и квартиранта къ одной профессіональной группѣ усиливаетъ ихъ взаимную солидарность. Докторъ-домовладѣлецъ и докторъ-квартирантъ, купецъ-домовладѣлецъ и купецъ-квартирантъ, учитель-домовладѣлецъ и учитель-квартирантъ и т. п. (до безконечности) имѣютъ, очевидно, много общихъ интересовъ. Неправильно распро-

страняютъ борьбу между домовладѣльцами и квартирантами на отношеніе тѣхъ и другихъ къ городскимъ налогамъ. Мнѣнія, что квартиранты будутъ все увеличивать налоги, весьма ошибочное, такъ какъ имъ не только понятно, но и очень чувствительно переложеніе всѣхъ городскихъ налоговъ на потребителя, т.-е. на того же квартиранта. Высказывается иногда соображеніе, что квартиранты предъявятъ требованія о такихъ мѣропріятіяхъ къ благоустройству города, которыя важны для настоящей минуты, а домовладѣльцы, напротивъ, проявятъ склонность къ болѣе существеннымъ мѣрамъ, которыя оправдаются только въ будущемъ. Но среда квартирантовъ культурна не менѣе домовладѣльцевъ, и потому они въ состояніи отвлечься отъ требованій минуты и вникнуть въ глубь и ширь вопросовъ" [1]).

Вотъ почему и при цензѣ въ 11 рублей квартирнаго налога нѣтъ безусловной необходимости въ установленіи какихъ-либо привилегій для современныхъ избирателей. Такія преимущества всегда имѣютъ неблагопріятныя стороны, выражающіяся въ томъ, что тѣ группы избирателей, которыя надѣлены меньшими правами, проявляютъ сильный абсентеизмъ; неравенство общественныхъ правъ всегда ведетъ къ уменьшенію желанія принимать активное участіе въ дѣлахъ.

Въ проектѣ общественнаго управленія города С.-Петербурга предполагается создать особую привилегированную группу избирателей. Для производства выборовъ гласныхъ избиратели раздѣляются на два разряда: крупные плательщики оцѣночнаго, промысловаго и квартирнаго налога, внесшіе одну треть общей суммы сборовъ, выбираютъ изъ избирателей по всему городу треть гласныхъ—54, составляя одно избирательное собраніе; а остальные избиратели, раздѣляясь на участковыя избирательныя собранія, выбираютъ двѣ-трети гласныхъ, съ обязательностью выбирать только избирателей, живущихъ въ участкѣ. Такимъ образомъ, примѣняется смѣшанная система. Въ первомъ разрядѣ ожидается только 200 человѣкъ, а во второмъ—до 12.000. Права разныя: гласные изъ перваго разряда выбираются четырьмя избирателями, а изъ второго—120-ю. Эти двѣсти человѣкъ перваго разряда составятъ сильно сплоченную группу; вліяніе ихъ отразится на результатахъ выборовъ и второго разряда при посредствѣ выборной агитаціи, присущей выборнымъ общественнымъ порядкамъ, дающей имъ жизнь и помогающей сознательности выборовъ.

Возстановленіе существовавшей при городовомъ положеніи 1870 года трехразрядной системы по величинѣ платежей въ измѣненномъ видѣ могло бы быть въ извѣстной мѣрѣ оправдываемо только при условіи сильнаго пониженія квартирнаго ценза.

---

[1]) „Бакинскія Извѣстія" 1902 г., № 143: „Избиратели квартиранты и домовладѣльцы".

Подобная избирательная система принята въ Берлинѣ, Вѣнѣ; но тамъ непремѣннымъ условіемъ поразрядныхъ группъ по величинѣ платежей или по суммѣ налога, уплачиваемаго каждымъ избирателемъ, является представительство не только среднихъ классовъ, но и массы горожанъ. Въ Берлинѣ городскихъ избирателей—свыше 300.000. Въ первомъ избирательномъ разрядѣ тамъ почти столько избирателей, сколько ихъ въ Петербургѣ въ настоящее время, а во второмъ берлинскомъ разрядѣ—болѣе, чѣмъ было бы въ Петербургѣ, если бы квартирный налоговой цензъ не превышалъ 11 рублей.

Чѣмъ больше лицъ включалось бы въ первый избирательный разрядъ, тѣмъ скорѣе можно расчитывать на болѣе разнообразный составъ этого избирательнаго собранія; и цѣль законопроекта—создать представительство большинства группъ городского населенія и всѣхъ частей города—тѣмъ полнѣе будетъ достигнута, чѣмъ послѣдовательнѣе эта система будетъ проведена; поэтому и первое избирательное собраніе необходимо организовать такимъ образомъ, чтобы и въ немъ число избирателей увеличилось и чтобы къ нему было примѣнено территоріальное начало. Это достигается включеніемъ въ этотъ разрядъ избирателей, при дѣйствіи городового положенія 1870 года, входившихъ въ кругъ перваго и второго разрядовъ, съ присоединеніемъ крупныхъ плательщиковъ квартирнаго налога. Минимальный размѣръ городскихъ сборовъ, уплачиваемый избирателемъ этого второго разряда былъ въ 1877 году—380 руб., а въ 1877 году—500 руб.; въ первомъ случаѣ избирателей первыхъ двухъ разрядовъ было 1.177 при общемъ числѣ избирателей 20.522; во второмъ случаѣ—923 при 17.854. Но уплата сборовъ и въ 380 рублей должна быть признана значительною, совершенно преграждающею вступленіе въ первый разрядъ нанимателямъ дорогихъ квартиръ. Высшій размѣръ квартирнаго налога составляетъ 10% съ цѣны квартиры въ 6.000 р. Въ городскую кассу причитается половина, т.-е. 300 рублей. Всѣхъ же плательщиковъ высшаго налога по 35-му разряду, по даннымъ за 1901 годъ, было только 120, считая въ томъ числѣ и домовладѣльцевъ. По основаніямъ же, принятымъ въ проектѣ общественнаго управленія гор. Петербурга, ни одинъ квартирантъ не попадетъ въ проектируемый первый разрядъ, такъ какъ минимальная уплата налога въ бывшемъ до 1892 года первомъ разрядѣ, тоже уплачивающемъ одну треть, была 1.631 рубль; значитъ, квартиранту, чтобы попасть въ такой разрядъ, надо внести государственнаго квартирнаго налога 3.262 рубля.

Образованіе перваго избирательнаго разряда изъ всѣхъ плательщиковъ оцѣночнаго, промысловаго и квартирнаго налога, вносящихъ въ городскую кассу минимумъ 300 рублей,—было бы болѣе со-

отвѣтствующимъ цѣли законопроекта; тогда такимъ образомъ организуемый первый разрядъ избирателей имѣлъ бы окраску значительно болѣе разнообразнаго представительства, а увеличеніе числа избирателей этого разряда до 1000—1.200 человѣкъ дало бы возможность раздѣлить его на два территоріальныхъ избирательныхъ собранія: примѣрно, материковаго и островного. Этимъ путемъ территоріальное начало было бы проведено послѣдовательнѣе, причемъ въ обоихъ разрядахъ избирателей одинаково долженъ примѣняться и весьма цѣлесообразвый, вносимый проектомъ только для перваго разряда, выборъ гласныхъ по всему городу, а не изъ тѣхъ только избирателей, которые живутъ въ избирательномъ участкѣ.

Но, предлагая такую организацію перваго разряда избирателей, мы имѣемъ въ виду только квартирный цензъ въ 11 рублей государственнаго квартирнаго налога, не надѣясь по современнымъ условіямъ на проведеніе въ жизнь болѣе раціональной постановки избирательнаго права. При всякомъ же большемъ цензѣ, особенно при проектируемомъ чрезмѣрномъ цензѣ (33 р.) нѣтъ положительно никакого основанія къ установленію избирательныхъ разрядовъ, такъ какъ теперешніе избиратели сохранятъ свое преобладающее и господствующее положеніе. При такихъ условіяхъ остается въ силѣ то, что отмѣчалось министромъ финансовъ С. Ю Витте, указывающимъ на необходимость дарованія избирательнаго права всѣмъ плательщикамъ квартирнаго налога. Въ составѣ городского населенія лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточено городское хозяйство, являются крайне незначительнымъ меньшинствомъ, которое отнюдь не можетъ считаться ни наиболѣе образованнымъ, ни ближе всего заинтересованнымъ въ удовлетвореніи городскихъ нуждъ. Неумѣлымъ или одностороннимъ — исключительно въ интересахъ домовладѣльцевъ, особенно крупныхъ—веденіемъ городского хозяйства объясняются весьма часто и денежныя затрудненія. Плательщики квартирнаго налога являются именно той группою городскихъ обывателей, которые, какъ по достатку, такъ и по образованію и роду занятій, представляются наиболѣе способными стать выше узкихъ интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія и оказать своими познаніями и опытомъ содѣйствіе къ направленію городского хозяйства на тотъ путь, который обезпечивалъ бы плодотворное его развитіе. Привлеченіе квартиронанимателей къ участію въ городскомъ управленіи должно оказать на состояніе городского хозяйства гораздо болѣе рѣшительное вліяніе, чѣмъ мѣры исключительно финансовыя. Но это привлеченіе, чтобы оно отразилось благотворнымъ образомъ на результатахъ городской общественной дѣятельности, должно быть предпринято въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ.

То количество городскихъ избирателей, какое будетъ при рекомендуемомъ нами весьма умѣренномъ цензѣ въ 11 рублей государственнаго квартирнаго налога (до 25.000 человѣкъ), нисколько не воспрепятствуетъ правильному производству выборовъ; для этого придется увеличить число избирательныхъ участковъ и производить выборы одновременно по всѣмъ участкамъ. Тѣмъ менѣе количество избирателей можетъ нарушить выборные порядки, что проектируется ввести частичные выборы черезъ три года на шесть лѣтъ, а это значитъ, что участвуетъ въ выборахъ только половина избирателей. О самомъ частичномъ обновленіи состава думы должно сказать, что едва ли такое измѣненіе вызывается неотразимыми причинами. И теперь на самомъ дѣлѣ составъ думы цѣликомъ не обновляется: избирается обыкновенно новыхъ лицъ до $^3/_5$, т.-е. весьма близко къ указанной нормѣ. Поэтому то обстоятельство, какое кладется въ основу частичныхъ выборовъ — болѣе долголѣтняя практика части выборныхъ — имѣется на лицо и при полныхъ выборахъ. Между тѣмъ, частичная система выборовъ имѣетъ и свою невыгодную сторону, заключающуюся въ томъ, что на весьма продолжительный срокъ (шестилѣтній) могутъ оставаться гласными лица, оказавшіяся безполезными и неспособными. Частичные выборы уменьшаютъ къ тому же вліяніе избирателей-горожанъ на дѣятельность думы посредствомъ перевыбора гласныхъ, празнаваемыхъ населеніемъ полезными, или забаллотированіемъ такихъ, которымъ оно не желаетъ оказать довѣріе. Для производства выборовъ образуется, по проекту, въ собраніи и въ каждомъ изъ участковъ—избирательная комиссія, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ городскимъ головою изъ числа гласнымъ думы или вообще лицъ, имѣющихъ право участія въ городскихъ выборахъ. Въ видахъ предотвращенія возможнаго давленія городского головы на выборы, правильнѣе было бы предоставить избраніе предсѣдателей и членовъ этихъ коммиссій думѣ.

Вообще должно отмѣтить стремленіе составителей проекта отстранить думу отъ всякаго участія въ избирательныхъ порядкахъ и перенести центръ тяжести въ особое по городскимъ дѣламъ присутствіе, чѣмъ уменьшается и независимость выборной коллегіи, и распорядительная власть думы. Такъ, предположеніе о раздѣленіи города на избирательные участки и о числѣ гласныхъ, подлежащихъ выбору въ каждомъ участкѣ, составляется не думою, какъ теперь, а городскою управою, и ближайшія указанія о порядкѣ веденія избирательныхъ списковъ и производствѣ выборовъ опредѣляются инструкціею особаго по дѣламъ гор. С.-Петербурга присутствія, утверждаемою министромъ внутреннихъ дѣлъ. При этомъ не говорится о томъ, что инструкція предварительно разсматривается и обсуждается думою.

Измѣненіе вводится проектомъ и по отношенію большинства голосовъ, необходимаго для того, чтобы быть избраннымъ въ гласные. Вмѣсто абсолютнаго большинства устанавливается относительное. Это —весьма несовершенный переходъ къ пропорціональному представительству; легко можетъ случиться, что большая часть гласныхъ окажется избранною меньшинствомъ; поэтому правильнѣе было бы установить въ законѣ какъ число гласныхъ, непремѣнно избираемыхъ абсолютнымъ большинствомъ, такъ и тотъ минимумъ голосовъ, который необходимъ для гласныхъ, избираемыхъ меньшинствомъ.

Такова предполагаемая постановка активнаго избирательнаго права; слѣдуетъ, впрочемъ, еще отмѣтить слѣдующее ограниченіе: избирательнымъ правомъ не пользуются евреи. Въ настоящее время ограниченія въ выборномъ правѣ для нихъ введены до изданія общаго закона. Даже тѣмъ соображеніемъ, что евреевъ большинство, нельзя объяснить это ограниченіе, такъ какъ въ Петербургѣ они не только не составляютъ большинства, но и въ меньшинствѣ слабо представлены. Проектируемое ограниченіе еще значительнѣе, чѣмъ въ Западномъ краѣ, такъ какъ тамъ евреи, хотя и по назначенію, но попадаютъ въ гласные; въ Петербургѣ же и такого права имъ не предоставляется по проекту.

Проектъ впервые вводитъ и особыя условія для пассивнаго избирательнаго права. Для того, чтобы быть выбраннымъ въ гласные, надо имѣть аттестатъ объ окончаніи курса въ учебномъ заведеніи не ниже городского училища, по положенію 31 мая 1872 года, или въ равномъ ему заведеніи, или же выдержать соотвѣтственное этому курсу испытаніе. Такой образовательный цензъ для гласныхъ еще болѣе усиливаетъ преобладаніе крупныхъ плательщиковъ, такъ какъ введеніе всякаго образовательнаго ценза отнимаетъ представительство у менѣе зажиточныхъ классовъ, гдѣ образовательный уровень ниже. Даже установленіе болѣе доступнаго ценза—свидѣтельство объ окончаніи городского начальнаго училища по положенію 1874—года лишило бы права быть гласными тѣхъ, которые состояли уже въ этомъ званіи и принесли пользу своею дѣятельностью, не допускаетъ въ думу лицъ, вышедшихъ изъ крестьянской среды и вступившихъ въ кругъ городскихъ обывателей послѣ многолѣтняго и упорнаго труда; существованіе же у крестьянъ извѣстной формы самоуправленія развиваетъ среди нихъ способность къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Образовательный цензъ для гласныхъ вноситъ неравенство въ среду избирателей, порождаетъ равнодушіе къ своему избирательному праву и вызываетъ уклоненіе отъ участія въ городскихъ выборахъ. Вводимое проектомъ ограниченіе въ постановкѣ пассивнаго избирательнаго права вовсе не вызывается и практической надобностью,

такъ какъ въ петербургской думѣ нѣтъ никакихъ признаковъ господства непросвѣщенной массы, а при дарованіи избирательнаго права квартирантамъ образовательный уровень гласныхъ еще болѣе повысится. Такъ зачѣмъ же, ради какихъ-нибудь, въ Петербургѣ почти невозможныхъ, случаевъ ставить препятствія для вступленія въ ряды городскихъ дѣятелей, можетъ быть, очень полезнымъ и энергичнымъ лицамъ, но не пріобрѣвшимъ, часто по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, образовательнаго ценза, столь еще высокаго, какъ окончаніе четырехкласснаго училища съ шестигодичнымъ курсомъ, равнымъ такимъ среднеучебнымъ заведеніямъ, какъ прогимназія. Пусть сами избиратели рѣшатъ, кого слѣдуетъ надѣлить правомъ быть ихъ представителемъ.

Вообще, въ проектѣ проглядываетъ нѣкоторое недовѣріе къ выборному началу. Такъ, въ число гласныхъ думы включаются безъ выбора бывшіе городскіе головы и почетные граждане Петербурга; послѣднее обстоятельство, правда, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ въ настоящее время *одно* только лицо имѣетъ это званіе; вступленіе же бывшихъ городскихъ головъ въ думу противорѣчитъ выборному праву горожанъ, которые могутъ быть иногда недовольны дѣйствіями городскихъ головъ,—въ извѣстныхъ случаяхъ, къ тому же, могущихъ быть назначенными на эту должность помимо выбора думою. Какъ это нововведеніе, такъ и право министерствъ назначать представителей въ думу съ правомъ голоса, усиливаетъ до-нельзя бюрократическій элементъ въ думѣ, въ которой этотъ элементъ, образуемый чиновничествомъ, достаточно значителенъ, а при большомъ квартирномъ цензѣ еще болѣе увеличится, такъ какъ избирательное право получатъ чиновники пятаго и высшихъ классовъ. Тѣмъ непонятнѣе такое право назначенія представителей вѣдомства въ думу, что, по проекту, новое „Присутствіе по городскимъ дѣламъ" получаетъ гораздо бо̀льшія полномочія, сравнительно съ нынѣшнимъ, и въ составѣ его пріобрѣтаетъ почти полное преобладаніе надъ думою коронный элементъ, такъ какъ городской голова будетъ, по проекту, предсѣдателемъ управы; представителемъ же думы останется единственный гласный, избранный ею.

Разъ выборное начало признается законодателемъ, то оно должно быть проведено безъ ограниченій, уничтожающихъ всякое значеніе выборовъ, послѣдовательно, и въ основѣ его должно быть положено довѣріе къ населенію.

Дм. Семеновъ.

18 марта 1903 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1903.

„Агонія либерализма“.—Сельско-хозяйственные комитеты.—Внутренняя рознь въ средѣ „націоналистовъ“.—Намеки, возведенные въ систему.—„Самоуправленіе“ и „управленіе“. — Студенческія научныя общества въ Москвѣ.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ. — А. В. Сухово-Кобылинъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Манасеина †.— Именной Высочайшій указъ 12-го марта.

Перифразируя на свой ладъ извѣстное восклицаніе Боссюэ: „Madame se meurt, madame est morte“,—одна изъ провинціальныхъ газетъ прочла недавно отходную русскому либерализму. Онъ „корчится въ предсмертныхъ судорогахъ, уступая мѣсто истинно-русскимъ національнымъ теченіямъ“; самое понятіе о немъ „въ конецъ опошлено и извращено“; его идеи—„горячечный бредъ либеральствующихъ кликушъ, насажденныхъ на Руси либеральствующими космополитами“. Къ этому надгробному слову, „правдивому и трезвому“, спѣшитъ присоединиться московская реакціонная газета, узнавшая въ немъ отголосокъ ея обычныхъ предсказаній. Пророческимъ даромъ наши газетные Кальхасы никогда, однако, не отличались; не страшитъ никого, поэтому, и тризна, чуть ли не въ сто-первый разъ совершаемая ими надъ либерализмомъ. Либерализмъ — не въ смыслѣ партійной доктрины, измѣняющейся вмѣстѣ съ составомъ и положеніемъ партіи, а въ смыслѣ совокупности пожеланій, неизбѣжно возникающихъ и столь же неизбѣжно растущихъ въ прогрессирующемъ обществѣ,—безсмертенъ; онъ можетъ заявлять о себѣ съ бо̀льшей или меньшей ясностью и силой, но не можетъ исчезнуть, пока высоко цѣнимыя имъ блага не сдѣлались общимъ достояніемъ. Совершенно немыслимо, чтобы люди, достигшіе извѣстной степени развитія, стали равнодушны къ свободѣ совѣсти, свободѣ слова, свободѣ личности; совершенно немыслимо, чтобы они застыли на первобытныхъ формахъ націонализма, игнорирующихъ чужія особенности, чужое право. Благопріятствуютъ ли условія настоящей минуты *укрѣпленію* идей, составляющихъ сущность либерализма—объ этомъ возможны различныя мнѣнія; одного только отрицать нельзя—*распространенія* ихъ въ ширину, увеличенія числа лицъ, понимающихъ ихъ значеніе и цѣнность. Границы того, что̀ принято называть обществомъ, раздвигаются у насъ съ каждымъ днемъ. Это уже не микроскопическая ячейка, исчезающая среди безформенной массы, а крупное цѣлое, обнимающее собою разнородные эле-

менты. Интересы недавно еще ничтожнаго меньшинства становятся, мало-по-малу, интересами многихъ, усвоиваемыми не механически, а сознательно и разумно. Напрасно извѣстные органы печати усиливаются остановить это движеніе „гнилою пробкой" своихъ измышленій; оно стало совершившимся фактомъ, съ которымъ необходимо считаться.

Никогда еще, можетъ быть, новое настроеніе русскаго общества не выражалось такъ ярко, какъ въ постановленіяхъ уѣздныхъ и, отчасти, губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Это очень хорошо понимаютъ газетные обскуранты, не отступающіе ни передъ какими софизмами, чтобы умалить значеніе комитетовъ. На сцену выступаетъ самъ главный рыцарь этой печальной рати, г. Spectator. „Трагикомедія" комитетовъ, по его словамъ („Московскія Вѣдомости" № 53), „не дала ровно ничего новаго". „Пусть намъ укажутъ,—восклицаетъ обвинитель комитетовъ,—хоть одну идею, все равно, полезную или безполезную, которая раньше чѣмъ въ комитетахъ не была бы высказана въ нашей повременной печати... Всѣ тѣ нелѣпыя теоріи, которыя высказывались въ либеральныхъ изданіяхъ небольшимъ сравнительно числомъ спеціально къ сему приставленныхъ публицистовъ [1]), получили внезапно возможность съ громомъ и трескомъ изливаться изъ устъ мѣстныхъ людей и фигурировать въ сочиненныхъ ими комитетскихъ докладахъ, пріобрѣтая вслѣдствіе этого ореолъ какъ бы общественнаго мнѣнія". Что высказанныя въ комитетахъ идеи уже раньше обращались въ обществѣ и изъ него проникали въ печать — это совершенно вѣрно; но пока онѣ не шли дальше, нельзя было судить о степени ихъ распространенія, нельзя было опредѣлить, принадлежатъ ли онѣ только отдѣльнымъ лицамъ, или успѣли сдѣлаться достояніемъ многихъ. Это должны были обнаружить комитеты — и мы вполнѣ убѣждены, что еслибы господствующими тамъ взглядами оказались тѣ, которые пропагандируются реакціонною печатью, то послѣдняя праздновала бы побѣду столь же усердно, какъ теперь старается скрыть свое пораженіе. Не даромъ же „Московскія Вѣдомости" придавали такое важное значеніе не только постановленіямъ чернскаго уѣзднаго комитета, продиктованнымъ однимъ изъ сотрудниковъ этой газеты, но и запискамъ, представленнымъ двумя другими въ комитеты аткарскій и мценскій. Мы очень хорошо знаемъ, что сельско-хозяйственные комитеты, въ значительной степени случайные по своему составу и дѣйствовавшіе при условіяхъ до крайности разнообраз-

[1]) Г-нъ Spectator упускаетъ изъ виду, что о „спеціально приставленныхъ публицистахъ" можетъ идти рѣчь только въ изданіяхъ оффиціальныхъ, оффиціозныхъ, или арендуемыхъ отъ „казны"—а такія изданія нужно искать не въ „либеральномъ" лагерѣ.

ныхъ, не могутъ считаться чѣмъ-то въ родѣ представительства населенія; но все-таки далеко не безразлично единодушіе, съ которымъ многіе изъ нихъ, въ разныхъ концахъ Россіи, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, намѣтили насущныя потребности народной массы и лучшіе способы ихъ удовлетворенія. Гораздо спокойнѣе и удобнѣе было бы замкнуться въ рамки преподанной программы или выйти изъ нихъ въ направленіи традиціонномъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. Если, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, мы видимъ другое, если—то здѣсь, то тамъ—комитеты, на собственный рискъ и страхъ, предпочитали избитому пути новыя, едва проложенныя дороги,—это нельзя объяснить иначе, какъ силою вещей, наталкивавшею на жгучіе вопросы и подсказывавшею ихъ разрѣшеніе. Сколько бы ни кивалъ г. Spectator на „земцевъ" и „думцевъ", какъ на главныхъ виновниковъ „трагикомедіи", онъ не заставитъ забыть, что въ не-земскихъ губерніяхъ комитеты сплошь и рядомъ высказывались въ томъ же смыслѣ, какъ и въ земскихъ, и что инициативу наименѣе рутинныхъ предложеній часто брали на себя предводители дворянства. Въ какой мѣрѣ будетъ услышанъ голосъ комитетовъ—это покажетъ время; теперь съ достовѣрностью можно сказать только одно — что въ ихъ постановленіяхъ отразилась русская жизнь. Конечно, зеркало оказывалось иногда кривымъ, иногда — тусклымъ, иногда — на половину закрытымъ; но въ общемъ и цѣломъ между дѣйствительностью и ея воспроизведеніемъ все-таки есть несомнѣнное сходство.

Посмотримъ теперь, что означаютъ, на языкѣ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ, тѣ „истинно-русскія національныя теченія", которыя противопоставляются ими „либерализму". „Присутствіе польскаго элемента въ центральномъ управленіи России" — говоритъ все тотъ же г. Spectator въ статьѣ: „Поляки въ Петербургѣ" („Московскія Вѣдомости" № 40),—„не можетъ не имѣть весьма вредныхъ послѣдствій для всего нашего государственнаго организма... Служащіе въ Петербургѣ поляки не ограничиваются убаюкиваньемъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и систематическою парализацiей ихъ энергіи [1]): они принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы наполнить эти вѣдомства своими единоплеменниками". Итакъ, теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ мятежа, поляки все еще не должны быть признаваемы такими же гражданами имперіи, какъ и всѣ остальные? Неся обязанности, они все еще не должны пользоваться правами? Рѣдко прини-

[1]) Желательно было бы знать, какое изъ нашихъ центральныхъ вѣдомствъ имѣетъ здѣсь въ виду г. Spectator?

маемые на службу въ губерніяхъ привислянскихъ и западныхъ, они не должны быть допускаемы и въ министерства, хотя бы въ пропорціи, соотвѣтствующей отношенію ихъ ко всей массѣ населенія? Что это за министерства, которыя могутъ быть „убаюканы" или „парализованы" нѣсколькими лицами польскаго происхожденія? Какого мнѣнія нужно быть о цѣломъ государственномъ организмѣ, чтобы ожидать для него вредныхъ послѣдствій отъ столь маловажной причины? Еслибы присутствіе поляковъ-мастеровъ и рабочихъ на Невскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ грозило опасностью государственнымъ интересамъ, неужели правительство стало бы ожидать, для ихъ удаленія, напоминаній со стороны г. Spectator'a?.. Еще возмутительнѣе другая статья того же автора: „Какъ быть съ нашими окраинами" („Московскія Вѣдомости" № 67), гдѣ онъ, приписавъ „переживаемый нынѣ въ Финляндіи острый кризисъ *примирительнымъ ошибкамъ* шестидесятыхъ годовъ", восклицаетъ: „финляндцы еще не испытали послѣдствій своего бунта, а потому и продолжаютъ проявлять свою наглость. *Они успокоятся лишь тогда, когда получатъ такой же урокъ, какой въ свое время поляки*". Комментаріи излишни...

Неудивительно, что національізмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, начинаетъ возбуждать отвращеніе даже въ сферахъ ему родственныхъ и близкихъ. Весьма характерна, съ этой точки зрѣнія, недавняя рознь между участниками „Русскаго Собранія", шедшими до сихъ поръ рука объ руку именно въ вопросахъ окраинныхъ и инородческихъ. „Новое Время", въ лицѣ г. Сигмы, ополчилось противъ г. Величко, о дѣятельности котораго, по собственнымъ его словамъ, эта газета давала прежде „добрые отзывы". „Русскія рѣчи" [1]) признаются „полными неправды на русскій народъ и на всѣ другіе народы, живущіе въ имперіи"; осмѣиваются предсказанія гибели, которою грозятъ Россіи инородцы въ случаѣ непринятія противъ нихъ мѣръ, рекомендуемыхъ г. Величко; подчеркивается солидарность г. Величко съ г. Грингмутомъ и кн. Мещерскимъ—солидарность, на которую мы указали вслѣдъ за переходомъ „Русскаго Вѣстника" подъ редакцію гг. Величко и Комарова. „Неужели г. Величко"—спрашиваетъ г. Сигма — „не понимаетъ, что бездоказательное обвиненіе цѣлыхъ группъ русскихъ гражданъ въ политической неблагонадежности не есть публицистика, а есть что-то другое"? Исходя отъ бывшаго союзника, эти укоры пріобрѣтаютъ особенную силу... Чтобы дорисовать картину, набросанную г. Сигмой, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ послѣднихъ (мартовскихъ) „Русскихъ рѣчей" г. Величко. „Если тѣ

[1]) Такъ озаглавлены статьи, помѣщаемыя г. Величко въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Первая изъ нихъ разобрана у насъ въ іюньской „Общественной Хроникѣ" прошлаго года.

или иныя функціи государственной жизни неудачно выполняются плохими или равнодушными чиновниками, то случайными избранниками *земли* онѣ выполнялись бы еще хуже, менѣе аккуратно и умѣло. Всякое дѣло требуетъ спеціализаціи, подготовки, школы, традиціи. Наша бюрократія весьма несовершенна, но у нея все это есть въ бо̀льшей степени, чѣмъ у земства... Естественное призваніе общества—помогать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, правительственной работѣ въ роли помѣстнаго эксперта и критика... Управляемая Варшава благоустроеннѣе (?), чѣмъ самоуправляющаяся Москва... Сельско-хозяйственнымъ обществамъ предстоитъ, быть можетъ, значительное развитіе въ ущербъ земствамъ". Сто̀итъ только сравнить всѣ эти фразы хотя бы съ тѣми статьями „Московскихъ Вѣдомостей", о которыхъ идетъ рѣчь выше, въ нашемъ „Внутреннемъ Обозрѣніи", чтобы убѣдиться въ духовномъ родствѣ г. Величко съ публицистами Страстного бульвара. Различна у нихъ только степень откровенности: г. Грингмутъ съ товарищами прямо возстаетъ противъ самоуправленія—г. Величко признаетъ его въ принципѣ, но сводитъ его къ „толковой самодѣятельности", о характерѣ которой можно судить по тому, что отъ нея ожидается, между прочимъ, поднятіе вопроса *объ установленіи болѣе строгой отвѣтственности за несоблюденіе рабочими обязательствъ и условій...*

Когда говоришь о „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ", невольно вспоминаешь о „третьемъ въ союзѣ"—о „Гражданинѣ". Особенностью его являются, въ послѣднее время, „намеки тонкіе (а иногда и не тонкіе) на то, чего не вѣдаетъ никто"—или о чемъ не говорится въ другихъ о̀рганахъ печати. Въ № 14—15 идетъ рѣчь о какомъ-то проектѣ г. Демчинскаго, перешедшаго, будто бы, отъ „погоды физической къ политической"—и приравниваемаго, по этому поводу, къ гоголевскому Бобчинскому. Въ № 17 бо̀льшая часть „Дневника" посвящена Д. Н. Шипову" (предсѣдателю московской губернской земской управы), на котораго кн. Мещерскій изливаетъ цѣлый потокъ насмѣшекъ, тщетно претендующихъ на остроуміе и очень мало отличающихся иногда отъ неприличной брани. Безупречное имя земскаго дѣятеля обращается въ какое-то прозвище: „господа Шиповы" оказываются то одною изъ головъ „гидры", то „смѣшными болтунами". „Петръ Великій" —восклицаетъ писатель, переставшій понимать разницу между памфлетомъ и пасквилемъ, — „Петръ Великій, увидѣвъ Шиповыхъ, сказалъ бы: блохи могутъ свободно прыгать и кусать Россію, но править ею не могутъ"! И что̀ всего хуже—кн. Мещерскій очень хорошо знаетъ, что возразить ему по существу, разоблачить недостойную его игру никто не можетъ. Такъ низко рѣдко па-

дала даже наша реакціонная пресса, давно уже потерявшая сознаніе нравственнаго долга, обусловливаемаго независящими отъ печати обстоятельствами. Въ „Гражданинѣ“ пользованіе фактической монополіею рѣчи возведено въ своего рода систему: не дальше, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, предметомъ его нападеній служилъ М. А. Стаховичъ, при тѣхъ же, приблизительно, условіяхъ, при которыхъ теперь ведется кампанія противъ Д. Н. Шипова... Такъ далеко, какъ кн. Мещерскій, не идетъ даже и г. Spectator. Въ статьѣ, озаглавленной: „Четвертый элементъ“ („Московскія Вѣдомости“ № 26), онъ касается не менѣе щекотливой темы, но по крайней мѣрѣ никого не называетъ по имени и ни надъ кѣмъ прямо не глумится. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы разсужденія о „четвертомъ элементѣ“ [1]) были нравственно безупречны; эпиграфомъ къ нимъ, какъ и ко многимъ другимъ статьямъ московской газеты, могла бы служить извѣстная формула: caveant consules... „Представители четвертаго элемента“—гласитъ газетный обвинительный актъ—„носятъ громкія имена, занимаютъ видныя общественныя должности, мечтаютъ о высокомъ руководительствѣ въ государствѣ, когда они его превратятъ въ ту форму, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ корыстному, эгоистическому честолюбію... Свою агитацію они ведутъ не потому, чтобы имъ, какъ третьему элементу, нечего было терять; они надѣются своею популярною дѣятельностью выдвинуться на такія мѣста, которыя еще болѣе упрочатъ ихъ матеріальное благосостояніе“. Какъ ни „благонамѣренно“, въ специфическомъ смыслѣ слова, такое „чтеніе въ мысляхъ“, такое угадыванье побужденій,—оно сопряжено съ опасностью особаго рода: можетъ возникнуть предположеніе, что отгадчикъ судитъ о другихъ по себѣ, приписываетъ другимъ обычные свои мотивы...

Рядомъ съ инородцами и „четвертымъ элемнтомъ“, обычнымъ предметомъ извѣтовъ нашей реакціонной печати служитъ самоуправленіе, въ особенности городское. Съ нескрываемымъ злорадствомъ ожидается ударъ, который долженъ пасть сначала на петербургскую городскую думу, а затѣмъ неизбѣжно отразиться и на всѣхъ остальныхъ. Именно теперь, поэтому, чрезвычайно цѣнны факты, бросающіе свѣтъ на достоинство и недостатки двухъ противоположныхъ порядковъ завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. Такими фактами очень богата статья Г. И. Шрейдера: „О городской реформѣ“, первая часть которой напечатана въ № 12 „Права“.

[1]) Выраженіе: „четвертый элементъ“ является подражаніемъ „крылатому“ слову: „третій элементъ“, пущенному въ оборотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ оффиціальной рѣчи, при открытіи одного изъ губернскихъ земскихъ собраній, и означающему служащихъ въ земствѣ по найму (врачей, статистиковъ и т. п.).

Мы узнаемъ изъ нея, напримѣръ, что хозяйственная часть с.-петербургской пожарной команды находилась съ 1880 по 1900 г. въ вѣдѣніи брандъ-маіора, на основаніи соглашенія съ городскимъ общественнымъ управленіемъ. На содержаніе команды отпускалось городомъ въ распоряженіе градоначальства сначала 442 тыс., а потомъ 480 тыс. рублей. Передержки, въ послѣднее пятилѣтіе, колебавшіяся между 60 и 73 тыс. руб., покрывались изъ доходовъ пожарной команды (отъ кузницъ, депо, оркестра и т. п.). Въ 1900 г. переговоры о возобновленіи соглашенія не привели къ цѣли (требовалась приплата въ 11 тыс. руб., отъ которой городъ отказался), и съ 1-го января 1901 г. хозяйство пожарной команды перешло въ непосредственное вѣдѣніе города, при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ въ кузницѣ (для ковки пожарныхъ лошадей прекращенъ былъ практиковавшійся до тѣхъ поръ пріемъ частныхъ заказовъ, пожарнымъ служителямъ запрещено было работать въ кузницѣ, швальнѣ и депо). Это повлекло за собою для города экстраординарный расходъ въ 22 тыс.—и несмотря на то, первый же годъ городского завѣдыванія пожарной командой далъ экономіи около 23 тыс. рублей! При этомъ достигнуто было значительное улучшеніе положенія пожарныхъ служителей: прежде они получали горячую пищу только одинъ разъ въ день, теперь стали получать ее два раза, да сверхъ того чай и хлѣбъ по возвращеніи съ пожаровъ. По справедливому замѣчанію г. Шрейдера, „едва ли нужно болѣе яркое наглядное доказательство того, что бюрократическое веденіе дѣла, обставленное (какъ въ данномъ случаѣ нужно полагать) всѣми обычными формальными гарантіями безкорыстія, несравненно убыточнѣе для населенія, чѣмъ веденіе его самымъ плохимъ изъ городскихъ общественныхъ управленій". Не менѣе интересна разсказанная въ той же статьѣ исторія постройки новыхъ фильтровъ, оказавшейся, вслѣдствіе вмѣшательства администраціи, и менѣе удачною, и болѣе дорогою. Нужно надѣяться, что всѣ эти—и многія другія—указанія на слабыя стороны *управленія* обратятъ на себя столь же серьезное вниманіе, какъ и указанія на дефекты *самоуправленія*. Столь же желательна была бы общая тщательная повѣрка этихъ послѣднихъ указаній, матеріалы для которой собираются теперь, правда, нѣсколько поздно, исполнительными органами с.-петербургской городской думы [1]. Авторъ статьи „О городской реформѣ", на основаніи

[1]) Впрочемъ, двѣ городскія исполнительныя коммиссіи, а именно, по водоснабженію города и санитарная коммиссія, успѣли помѣстить свои объясненія въ газетахъ. По поводу же обвиненій, обращенныхъ ревизіею къ больничной коммиссіи, мы уже отозвались въ послѣдней „Общественной Хроникѣ" (мартъ, 430—432 стр.); точно также у насъ было указано и на несправедливость упрековъ, сдѣланныхъ ревизіею по адресу городской училищной коммиссіи (мартъ, стр. 369 и слѣд.). Но,

приведенныхъ имъ фактовъ изъ исторіи города за послѣднее время, пришелъ послѣдовательно къ заключенію, „что съ точки зрѣнія интересовъ *городского хозяйства* раціональная организація городского общественнаго управленія совершенно несовмѣстима съ системой административной опеки, которую можно считать вполнѣ обанкротившейся"...

Къ числу отрадныхъ явленій университетской жизни принадлежитъ открытіе студенческихъ обществъ, предназначенныхъ для совмѣстной научной работы профессоровъ и студентовъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 12), особенно полезны тѣ изъ нихъ, которыя, приближаясь къ типу научно-литературнаго общества, существовавшаго, въ восьмидесятыхъ годахъ, при с.-петербургскомъ университетѣ, не пріурочены къ одной отрасли знаній и доступны для студентовъ всѣхъ университетовъ. Таково, напримѣръ, историко-филологическое общество при московскомъ университетѣ, открытое въ октябрѣ 1902-го года [1]) и къ январю мѣсяцу имѣвшее уже 728 членовъ, въ томъ числѣ 640 студентовъ (280 юристовъ, 170 филологовъ, 108 естественниковъ, 41 математикъ, 41 медикъ), почти поровну распредѣленныхъ между курсами. Общество раздѣляется на девять секцій; во главѣ каждой изъ нихъ стоитъ профессоръ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ общество имѣло тридцать засѣданій, на которыхъ выслушано тридцать восемь сообщеній. Присутствовать въ засѣданіяхъ могутъ, по общему правилу, и студенты, не состоящіе членами общества. Число слушателей колеблется между 20 и 1000, въ зависимости отъ предмета сообщенія; но даже и въ немногочисленныхъ собраніяхъ происходили иногда живыя и продолжительныя пренія. Въ недалекомъ будущемъ общество намѣрено приступить къ изданію своихъ „Трудовъ", а также журнала (на первое время—въ видѣ сборниковъ, выпускаемыхъ по мѣрѣ накопленія матеріала). Въ первыя книжки „Трудовъ" войдутъ переводы „Метафизики" Аристотеля и нѣкоторыхъ сочиненій Канта (подъ ред. проф. Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого), а также „Писемъ темныхъ людей (подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова). Въ августѣ нынѣшняго года обществомъ, по иниціативѣ его предсѣдателя (кн. С. Н. Трубецкого) и при участіи проф. Д. Н. Анучина, Н. В. Давыдова, А. И. Кирпичникова, В. О. Ключевскаго, Л. М. Лопатина, А. А. Мануилова, А. В. Никитскаго и

конечно, всего болѣе было бы важно имѣть объясненія отъ городской управы, а ихъ-то именно и недостаетъ.

[1]) Первоначальнымъ его зерномъ послужилъ частный студенческій кружокъ, сложившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ руководствомъ П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова и кн. С. Н. Трубецкого.

В. М. Хвостова, будетъ организована, для 150 его членовъ, поѣздка въ Аѳины. Какъ велика цѣнность вклада, вносимаго такимъ обществомъ въ университетскую жизнь—это не требуетъ поясненій. Хорошо было бы, еслибы другіе университеты—и прежде всего петербургскій—поскорѣе послѣдовали примѣру, данному ихъ старшимъ собратомъ. Пока можно только отмѣтить симпатичную попытку нѣсколькихъ лицъ создать для нуждающихся петербургскихъ студентовъ трудовую помощь, на первый разъ—въ видѣ гонорара за переводныя и корректорскія работы. Съ этою цѣлью предпринято, подъ редакціей приватъ-доцента А. А. Пиленко, изданіе „Библіотеки общественныхъ знаній", первый выпускъ которой содержитъ въ себѣ переводъ перваго тома сочиненія Дебидура: „Политическая исторія XIX-го вѣка" [1]).

Изъ числа беллетристическихъ произведеній послѣдняго времени не многія возбуждали и въ обществѣ, и въ печати, столько горячихъ споровъ, какъ разсказъ г. Андреева: „Въ туманѣ" [2]). Предметомъ разногласія служило и служитъ не столько художественное достоинство, сколько моральная цѣнность разсказа. Рѣшительное осужденіе, высказанное автору, съ этой точки зрѣнія, графиней С. А. Толстой, вызвало столь же рѣшительный отпоръ со стороны его защитниковъ. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" напечатана масса писемъ pro и contra, представляющая собою цѣлую гамму звуковъ, отъ самыхъ рѣзкихъ до самыхъ мягкихъ, отъ негодующихъ до восторженныхъ. Сюжетъ разсказа, вѣроятно, извѣстенъ читателямъ. Основная его тема взята прямо изъ жизни. Для нашей мужской молодежи, при той обстановкѣ, въ которой она растетъ и приближается къ зрѣлости, наступленіе критическаго возраста знаменуетъ собою, сплошь и рядомъ, начало тяжелаго кризиса, обращающагося иногда въ настоящую драму, омрачающаго будущность юноши, разбивающаго счастье его семьи, имѣющаго не только личное, но и общественное значеніе. Изображеніе этого кризиса—задача заманчивая и для художника, и для моралиста. Чѣмъ оно правдивѣе, тѣмъ лучше; зло слишкомъ жестоко, опасность слишкомъ велика, чтобы можно было ограничиться робкимъ заглядываньемъ за прикрывающую ихъ занавѣску. Обязательно только одно: соблюденіе сдержанности, требуемой характеромъ темы. Если нарушеніе ея и не будетъ грѣхомъ противъ нравственности, оно во всякомъ случаѣ уменьшитъ художественную цѣн-

---

[1]) Выписывать эту книгу, съ уплатой при полученіи, можно отъ А. А. Пиленко (Васил. остр., 14 л., д. 33). Она напечатана въ двухъ видахъ: на веленевой бумагѣ (цѣна—5 руб.) и на простой (1 руб. 50 коп.). Чистая прибыль отъ продажи книги предназначается для трудовой помощи нуждающимся студентамъ спб. университета.

[2]) „Журн. для всѣхъ", 1902 г., № 12.

ность картины... Еще одно предварительное замѣчаніе. Художникъ, безъ сомнѣнія, волёнъ переступать границу, отдѣляющую психологію отъ психіатріи, и брать своихъ героевъ изъ среды кандидатовъ въ домъ умалишенныхъ; но чѣмъ ближе они подходятъ къ фатальному порогу, тѣмъ слабѣе становится ихъ типичность, тѣмъ меньше воплощается въ ихъ лицѣ цѣлая сторона жизни. Мы не знаемъ, что̀ имѣлъ въ виду авторъ разсказа — простое ли описаніе болѣзни, или протестъ противъ условій, усложняющихъ ея теченіе и увеличивающихъ ея интенсивность; но каково бы ни было его намѣреніе, въ результатѣ получилось нѣчто бо̀льшее, чѣмъ объективное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ трагической судьбѣ Павла Рыбакова, по волѣ или помимо воли автора, слышится предостереженіе, не высказанное прямо, не навязываемое читателямъ, но неотразимо напрашивающееся на мысль. Далеко не безразлично, поэтому, что̀ такое Павелъ — одинъ изъ многихъ, въ чьей душѣ порокъ является только случайнымъ наростомъ, или вырождающійся субъектъ, безнадежно обреченный на гибель. Ходъ разсказа разрѣшаетъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ—и это кажется намъ существенно важной ошибкой.

Превосходно обрисованы г. Андреевымъ сердечныя муки Павла, скорбящаго по утраченной чистотѣ, чувствующаго себя загрязненнымъ и физически, и морально, запутавшимся въ тенета, изъ которыхъ нѣтъ исхода. Жгучимъ страданіемъ являются для него память о лучшихъ минутахъ его жизни, о неугасшемъ, но попранномъ и поруганномъ чувствѣ любви къ Катѣ Реймеръ. Онъ безсиленъ противъ навязчивыхъ представленій, въ борьбѣ съ которыми изнемогаетъ его воля. „Чистые о̀бразы прошлаго заколыхались, посѣрѣли и провалились куда-то въ черную яму... Смутные, но уже знакомые и страшные о̀бразы поднимались изъ этой ямы, какъ гнилой туманъ надъ ржавымъ болотомъ“. Невыносима Павлу ласка любимой сестры; онъ отталкиваетъ ее съ напускнымъ цинизмомъ. Тотъ же цинизмъ отравляетъ для него представленіе о Катѣ. Съ замѣчательнымъ искусствомъ веденъ разговоръ Павла съ отцомъ, одинаково мучительный для нихъ обоихъ. Декораціей, какъ нельзя болѣе подходящей къ настроенію дѣйствующихъ лицъ, служитъ петербургскій туманъ, желтый, неподвижный и жуткій. Во всей первой части разсказа нѣтъ ни одной подробности, которою могъ бы возмутиться самый строгій, самый щепетильный судья: ни одной соблазнительной картины, ни одного лишняго штриха, никакого размазыванья и раскапыванья грязи, отъ котораго не всегда умѣлъ оберечься, напримѣръ, Зола̀. Паденіе Павла намѣчено легкими, тонкими штрихами; едва затронуто все, что̀ слишкомъ реально связано съ его болѣзнью. Нарушаетъ гармонію цѣлаго, какъ намъ кажется, только та страница,

которая показываетъ намъ въ Павлѣ зачатки страшнаго душевнаго недуга. Ощущенія, вызываемыя въ немъ однимъ видомъ женщины, —однимъ словомъ: „женщина“—идутъ гораздо дальше обычной формы болѣзненнаго процесса. Быть можетъ, это было нужно автору какъ приготовленіе къ развязкѣ—но безъ психопатологической подкладки Павелъ былъ бы для насъ понятнѣе и ближе. Возможенъ, конечно, и тотъ видъ заболѣванія, который изображенъ г. Андреевымъ—но возможенъ только въ сравнительно-рѣдкихъ случаяхъ и, слѣдовательно, несравненно менѣе важенъ и какъ психологическое, и какъ соціальное явленіе.

На сколько въ первой части разсказа (до выхода Павла изъ дома) все, за немногими исключеніями, просто, гармонично и значительно, на столько случайно и анти-художественно его окончаніе. Случайно—потому что попадись Павлу другая женщина, не завяжись между ними безпричинная, дикая драка, не было бы и финальной катастрофы, меньше всего вызванной раньше знакомымъ намъ настроеніемъ Павла; анти-художественно, потому что описаніе драки, превратившейся въ убійство, все проникнуто ложнымъ реализмомъ, ненужными и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительными деталями. Погоня за эффектомъ не приводитъ къ цѣли: никакого ужаса не внушаетъ эта дверь, которая „безмолвно надувалась, какъ только-что проколотый животъ, дрожала въ безмолвной агоніи, опадала, снова надувалась и опадала съ замирающею дрожью“. Самоубійство Павла произвело бы на насъ несравненно большее впечатлѣніе, еслибы несчастнаго мальчика привело къ этому концу не преступленіе, котораго онъ не хотѣлъ, которое совершилъ почти безсознательно,—а то настроеніе, подъ гнетомъ котораго онъ у себя въ комнатѣ хватался за револьверъ. И въ послѣдней сценѣ, однако, мы не видимъ ничего соблазнительнаго, безстыднаго, безнравственнаго; она оскорбляетъ только эстетическое чувство, возбуждаетъ не негодованіе, а сожалѣніе—сожалѣніе о томъ, что ею испорчено глубоко задуманное и на половину прекрасно исполненное произведеніе. Не въ первый разъ уже мы встрѣчаемъ у г. Андреева нѣчто подобное: анти-художественно, напримѣръ, въ нашихъ глазахъ, окончаніе „Бездны“—анти-художественно еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ окончаніе „Въ туманѣ“. Высоко цѣня дарованіе г. Андреева, мы желали бы, чтобы онъ какъ можно рѣже черпалъ свои сюжеты изъ области психіатріи. Отъ нея далеки всѣ лучшіе его разсказы („Жили-были“, „Большой шлемъ“, „Ангелочекъ“, „Въ подвалѣ“, „Иностранецъ“).

Скончавшійся на дняхъ въ Больё (близъ Ниццы) А. В. Сухово-Кобылинъ давно уже пересталъ принадлежать къ дѣятелямъ русской

литературы: послѣдняя, по времени, изъ трехъ пьесъ его („Смерть Тарелкина") написана въ 1868 г. И тѣмъ не менѣе онъ не забытъ, и вѣроятно будетъ забытъ еще нескоро. Его „Свадьба Кречинскаго", представленная въ первый разъ почти полвѣка тому назадъ, до сихъ поръ держится въ репертуарѣ и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашего театра. Не потеряло своего литературнаго значенія и „Дѣло", успѣху котораго на сценѣ повредила слишкомъ поздняя (по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ) его постановка. Вся трилогія, разсматриваемая какъ одно цѣлое, еще ожидаетъ подробной оцѣнки. Съ общественной точки зрѣнія она любопытна какъ историческій документъ, не менѣе важный, быть можетъ, для характеристики цѣлой эпохи, чѣмъ „Ревизоръ" Гоголя, „Губернскіе Очерки" Салтыкова, „Доходное мѣсто" Островскаго; съ эстетической точки зрѣнія интересенъ быстрый расцвѣтъ и быстрый упадокъ таланта. Мы постараемся возвратиться къ обѣимъ сторонамъ задачи.

Отъ Е. Л. Маркова можно было ожидать еще долгой и плодотворной дѣятельности. Его „Царица Адріатики", напечатанная въ январьской книжкѣ нашего журнала [1]), отличается тѣмъ же интересомъ содержанія, тѣмъ же блескомъ формы, какъ и прежнія его путевыя записки [2]). Покойный писатель пробовалъ свои силы и какъ беллетристъ, и какъ критикъ, и какъ публицистъ, и какъ педагогъ— и всегда съ выдающимся успѣхомъ. Въ молодости, какъ учитель тульской и директоръ симферопольской гимназій, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые старались вдохнуть новую жизнь въ среднюю школу—и не могли примириться съ мертвящей системой гр. Д. А. Толстого; позже онъ занялъ видное мѣсто между земскими дѣятелями и былъ однимъ изъ „свѣдущихъ людей", приглашенныхъ, въ 1881 г., для обсужденія вопросовъ питейнаго и переселенческаго. Въ послѣдніе годы, управляя въ Воронежѣ отдѣленіями крестьянскаго и дворянскаго банковъ, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на мѣстную жизнь, предсѣдательствовалъ въ ученой архивной коммиссіи, устроилъ безплатную рисовальную школу и былъ ея секретаремъ, принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, читалъ

---

[1]) Раньше, начиная съ 1872 г. и до 1903 г., въ „Вѣстникѣ Европы" былъ помѣщенъ цѣлый рядъ путевыхъ впечатлѣній Е. Л. Маркова („Пещерные города Крыма", 1872, іюнь и іюль; „Европейскій Востокъ", 1886, мартъ и апрѣль; „Очерки современнаго Пелопоннеса", 1897, февраль—іюнь; „Славянская Спарта", 1898, іюль—октябрь; „По Швеціи", 1900, мартъ—май), а также беллетристическій очеркъ: „Барчуки" (1874, сентябрь) и двѣ статьи по педагогическимъ вопросамъ: „Послѣдніе могикане русской педагогіи" 1875, май) и „Живая душа въ школѣ" (1900, январь).

[2]) Наиболѣе извѣстны изъ нихъ „Очерки Крыма", вышедшіе недавно третьимъ изданіемъ (см. „Библіографическій Листокъ" въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы").

въ ихъ пользу публичныя лекціи (см. воспоминанія о немъ въ № 9713 „Новаго Времени“). Память о немъ надолго останется живою и въ тѣсныхъ, и въ широкихъ кругахъ русскаго общества.

М. М. Манасеина, одна изъ первыхъ по времени женщинъ-врачей, неутомимо трудилась надъ популяризаціей медицинскихъ и естественно-научныхъ свѣдѣній, а въ послѣднее время особенно интересовалась педагогическими вопросами. Въ нашемъ журналѣ она помѣстила статьи: „Мозговое утомленіе и способы опредѣленія его“ (1884, февраль) и „Сонъ, какъ треть жизни человѣка“ (1888, сентябрь—декабрь).

Наше „Внутреннее Обозрѣніе“ было уже отпечатано и хроника сдана въ печать, когда въ газетахъ появился Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отъ 12 марта, слѣдующаго содержанія:

„Въ непрестанныхъ попеченіяхъ о благоденствіи народа Нашего, идя по стопамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, не оставляли Мы заботы объ упроченіи быта крестьянства посредствомъ облегченія лежащаго на немъ податного бремени. Въ сихъ видахъ, согласно преподаннымъ Нами указаніямъ, въ 1896 и 1899 гг. былъ разработанъ и утвержденъ рядъ мѣръ къ облегченію сельскимъ обывателямъ уплаты наиболѣе отяготительныхъ для нихъ сборовъ по выкупному долгу, разрѣшеніемъ отсрочки и пересрочки непогашенной части сего долга.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ предпринято было и преобразованіе въ порядкѣ взиманія съ населенія окладныхъ сборовъ.

„Порядокъ этотъ съ давняго времени основанъ былъ на началѣ круговой отвѣтственности крестьянъ въ уплатѣ повинностей. Но уже Державный Дѣдъ Нашъ, Императоръ Александръ II, приступилъ къ ограниченію этого начала, изъявъ отъ дѣйствія круговой поруки малолюдныя селенія. Исполняя завѣтъ Царя-Освободителя, Мы, въ положеніи 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, вновь значительно сократили дѣйствіе круговой поруки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы тогда же повелѣли министру финансовъ войти въ соображеніе вопроса о совершенной отмѣнѣ круговой отвѣтственности по уплатѣ окладныхъ сборовъ.

„Нынѣ, по представленіи министромъ финансовъ предположеній его по сему предмету и разсмотрѣніи оныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Мы признали за благо, согласно выраженной въ манифестѣ, въ 26 день февраля настоящаго года данномъ, волѣ Нашей, отмѣнить законы, коими установляется отвѣтственность исправныхъ крестьянъ за неисправныхъ, и утвердить къ исполненію новыя правила о порядкѣ уплаты каждымъ причитающихся съ него окладныхъ сборовъ.

„Вслѣдствіе сего и въ твердой увѣренности, что даруемыя крестьянамъ новымъ закономъ облегченія послужатъ къ вящшему укрѣпленію ихъ благосостоянія, повелѣваемъ:

„Въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе Высочайше утвер-

жденное 23 іюня 1899 года положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, отмѣнить круговую поруку крестьянъ въ уплатѣ окладныхъ государственныхъ и земскихъ, а также и мірскихъ сборовъ, на основаніяхъ, въ сей день Нами утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленныхъ.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе".

Содержаніе Высочайше утвержденнаго 12-го марта мнѣнія Государственнаго Совѣта будетъ изложено нами въ слѣдующемъ „Внутреннемъ Обозрѣніи".

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ геліогравюрахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Импаратора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я и 4-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлереи по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, и 3-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества".

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступныхъ для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлереи, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Фонтанка 134; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются безплатно.

ОПЕЧАТКА:

Въ февральской книгѣ, на стр. 773, строка 14 св., напечатано: *лучи*—слѣдуетъ: *луга*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

Мартъ. — Апрѣль. 1903.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Великій князь Николай Михаиловичъ. — Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774-1817 г.г.). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Т. I. Спб. 903.

Настоящимъ томомъ открывается предпринимаемое новое изслѣдованіе эпохи императора Александра I; за первымъ томомъ должны послѣдовать, въ текущемъ году, еще такихъ же два тома. Имя гр. П. А. Строганова связано тѣсно съ такъ называемою „эпохою реформъ", которою открылось царствованіе имп. Александра I (1801—1806 гг.), когда молодой (26 лѣтъ) Строгановъ, вмѣстѣ съ Новосильцевымъ, Чарторыжскимъ и Кочубеемъ, былъ ближайшимъ совѣтникомъ императора. Въ жизни самого Строганова эта эпоха составляетъ, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ; ей и посвящена особая, третья глава. Въ двухъ первыхъ предшествующихъ главахъ описывается жизнь его родителей, воспитаніе молодого графа и любопытная исторія его воспитателя Жильбера Ромма —впослѣдствіи игравшаго замѣтную роль при началѣ революціи 1789 года, ревностнаго монтаньяра. Послѣднія двѣ главы посвящены дипломатической дѣятельности Строганова, при лондонскомъ дворѣ, и его военной карьерѣ, во время войнъ съ Наполеономъ. Въ настоящемъ трудѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе, между прочимъ, то обстоятельство, что всѣ записки, бумаги и письма, относящіяся къ „эпохѣ реформъ", —„освѣтившей, по счастливому выраженію изслѣдованія, на короткое время Россію, въ формѣ спустившагося съ небесъ метеора",—издаются нынѣ впервые полностью и помѣщены въ приложеніяхъ. Отчетъ о засѣданіяхъ „секретнаго Комитета", членомъ котораго состоялъ и гр. П. А. Строгановъ,—изданный, въ исторіи царствованія Александра I, составленной Богдановичемъ, въ русскомъ переводѣ, съ большими пропусками,—здѣсь помѣщается на французскомъ, согласно подлиннику. Ограничиваясь пока однимъ указаніемъ на появленіе въ печати этого въ высокой степени интереснаго труда, мы еще будемъ имѣть случай познакомить читателей болѣе подробно съ его богатымъ содержаніемъ.

Бузескулъ, В., проф. — Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ, 903. Ц. 3 р.

Университетскія лекціи послужили автору только основою для настоящаго изданія, гдѣ онѣ являются значительно дополненными и тщательно переработанными. Содержаніе введенія въ исторію древней Греціи составляетъ весьма подробный обзоръ громаднаго матеріала, которымъ располагаетъ современная наука для своихъ изслѣдованій, а съ другой стороны, подводитъ итогъ тому, что сдѣлалъ минувшій вѣкъ для разработки исторіи греческой цивилизаціи. Въ своемъ заключеніи, авторъ весьма справедливо замѣчаетъ, что „въ обществѣ весьма распространено мнѣніе, будто въ древней исторіи Греціи все уже изучено до послѣднихъ подробностей; все здѣсь давно уже извѣстно, и изслѣдователю, работающему въ этой области, ничего не остается, какъ повторять зады, старое, избитое. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Наоборотъ, ни въ одной, быть можетъ, сферѣ историческаго знанія не встрѣчается въ настоящее время такого оживленія, не совершается такого быстраго движенія, не дѣлается такихъ открытій, какъ въ греческой исторіи"... Но это движеніе—совершенно новое: оно началось только въ 70-хъ годахъ прошедшаго XIX-го вѣка; отличительный характеръ его состоитъ въ томъ, что до тѣхъ поръ исторія древней Греціи изучалась почти единственно на основаніи древнихъ авторовъ, а теперь они уступили первое мѣсто открываемымъ надписямъ и папирусамъ, такъ что исторія древней Греціи, какъ замѣчаетъ авторъ, является впервые „документальною". Все это заставляетъ пожелать, чтобы авторъ не ограничился введеніемъ въ исторію Греціи, и приступилъ бы къ изложенію самой исторіи, внеся въ нее результаты ея изслѣдованія по новѣйшимъ матеріаламъ.

Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи Григ. Де-Воллана. Спб. 903.

Авторъ предупреждаетъ читателя о томъ, что въ его настоящій трудъ вошли многіе изъ очерковъ, помѣщенныхъ имъ въ періодическихъ изданіяхъ около десяти лѣтъ тому назадъ, въ началѣ девятидесятыхъ годовъ предъидущаго вѣка, когда онъ былъ въ Японіи и прожилъ тамъ около шести лѣтъ. Авторъ признаетъ, что и въ это короткое время многое очень измѣнилось въ Японіи, „выступившей, по его словамъ, на міровое поприще въ роли великой державы"— и тѣмъ не менѣе онъ почти ничего не измѣнилъ въ своихъ очеркахъ. Этимъ только можно объяснить то заключеніе, къ которому авторъ приходитъ въ своей характеристикѣ японской національности, и ту оцѣнку громаднаго переворота, который совершился въ историческихъ судьбахъ Японіи, можно сказать, на нашихъ глазахъ, на глазахъ одного поколѣнія. Повидимому, авторъ никакъ не могъ вполнѣ освободиться отъ тѣхъ взглядовъ на Японію и японцевъ, какіе, господствовали у насъ еще какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ, а потому объясняетъ легкость переворота для японцевъ тѣмъ, что они были „способны воспринять съ *внѣшней* стороны начала европейской цивилизаціи". Правда, авторъ дѣлаетъ оговорку, а именно, что заимствованія японцами у иностранцевъ хотя и дѣлаются съ внѣшней стороны, но не остаются только наружными, „потому что они не затрогиваютъ самой духовной сути японскаго народа". Но въ этомъ-то и вся сила японцевъ, что у нихъ была „духовная суть".

Родъ Юреневыхъ. Генеалогическая роспись съ XIV по XX столѣтіе. Составили Г. Н. и Н. А. Юреневы. Спб. 903. Стр. 454. Ц. 4 р.

Такой систематическій сборникъ біографическихъ свѣдѣній изъ исторіи одной семьи на протяженіи пяти вѣковъ имѣетъ прежде всего значеніе для современнаго потомства этой семьи, но, независимо отъ того, онъ представляетъ и общій интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ массу бытовыхъ подробностей, весьма характерныхъ для различныхъ эпохъ, къ которымъ онѣ относятся, и знакомящихъ съ матеріальной обстановкой и условіями жизни высшихъ сословій въ различные періоды нашей исторіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1903 г.
(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія** годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА
принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

